

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт археологии

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Магнитогорский государственный технический
университет им. Г. И. Носова

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of Archaeology

THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION
Nosov Magnitogorsk State Technical University

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ

JOURNAL OF HISTORICAL, PHILOLOGICAL
AND CULTURAL STUDIES

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ
ИЗДАЕТСЯ ПОД РУКОВОДСТВОМ
ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК РАН

4 (46)

Октябрь–Ноябрь–Декабрь

Журнал выходит четыре раза в год

ОСНОВАН в 1994 г.

МОСКВА–МАГНИТОГОРСК–НОВОСИБИРСК
2014

Научная подготовка журнала осуществляется в сотрудничестве
с Институтом археологии и этнографии СО РАН

Редакционный совет

член-корр. РАН *Р. М. Мунчаев* (председатель)
член-корр. РАН *Х. А. Амирханов*, член-корр. РАН *П. Г. Гайдуков*,
академик РАН *С. П. Карпов*, член-корр. РАН *Г. А. Кошеленко*,
член-корр. НАН Украины *С. Д. Крыжицкий*, академик РАН *Н. А. Макаров*,
д.и.н. *А. А. Масленников*, д.и.н. *Ю. М. Могаричев*,
д.и.н. *Э. Д. Фролов*

Редакционная коллегия

д.и.н. *М. Г. Абрамзон* (главный редактор)

к.и.н. *В. А. Гаибов*,
к.и.н. *Л. И. Киреева* (ответственный секретарь),
д.и.н. *В. Д. Кузнецов* (зам. главного редактора),
к.и.н. *С. В. Мокроусов* (зам. главного редактора),
д.и.н. *И. В. Октябрьская* (зам. главного редактора),
д.и.н. *И. Е. Суриков*, д.филол.н. *С. Г. Шулежкова*

Заведующая редакцией *Ю. А. Федина*

Editorial Board

M. G. Abramzon (Editor-in-Chief),

V. A. Gaibov, L. I. Kireyeva, V. D. Kuznetsov, S. V. Mokrousov, I. V. Oktyabrskaya,
S. G. Shulezhkova, I. E. Surikov

Head of the Editorial Office *Yu. A. Fedina*

-
- © Российская академия наук, 2014
 - © Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, 2014
 - © Редколлегия журнала
«Проблемы истории, филологии, культуры»
(составитель), 2014

ИСТОРИЯ

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА, СРЕДНИХ ВЕКОВ И АРХЕОЛОГИЯ

Древняя Греция и Рим

© 2014

М. В. Поникаровская

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА АФИН В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ V в. до н. э. В ОТРАЖЕНИИ ТРАГЕДИЙ ЭСХИЛА*

В статье рассматривается, как в трагедиях Эсхила, и главным образом в драме «Эвмениды», нашли отражение характерные особенности внешней политики Афинского государства первой половины V в. до н. э. — притязания Афин на гегемонию в эллинском мире и расширение своего влияния в других регионах.

Ключевые слова: Эсхил, «Эвмениды», внешняя политика Афин, V в. до н. э.

Драматургия Эсхила затрагивает огромное количество вопросов самого разного характера. В центре его трагедий всегда находятся «вечные» нравственные проблемы, такие как выбор между долгом и родственным чувством, право на месть и ее возможные границы, ответственность человека за принятое решение. Но при этом поэзия Эсхила наполнена аллюзиями на актуальные события современной автору эпохи. Помимо проблем внутривосточного характера, к которым относится широко обсуждаемый в научной литературе вопрос о реформе ареопага и об отношении к ней «отца трагедии», в драмах Эсхила присутствуют и многочисленные намеки на внешнюю политику Афинского государства.

Сыграв ключевую роль в успешном противостоянии огромной армии Ксеркса в ходе персидского нашествия на Грецию, Афины приобрели огромный авторитет среди эллинских городов. Морская программа Фемистокла блестяще оправдала себя в сражении у Саламина, в котором персы были разгромлены силами, в основном, афинского флота. Но, несмотря на крупные победы эллинов, под контролем Персии оставалось еще множество греческих земель. В 478 г. до н. э. Афинами был организован новый союз для борьбы с персами, за создание которого выступили многие греки, в особенности хиосцы, самосцы и лесбосцы (Thuc. I. 95. 1–2; Plut. Arist. 23).

Поникаровская Марина Владимировна — младший научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала ФГБУН «Архив РАН». E-mail: poni-marina@yandex.ru

* Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 13-31-01013-a1 «Маска в античном театре: происхождение, семантика, основные контексты функционирования».

В это объединение, получившее название Делосской симмахии, вошли, кроме большинства островов Эгеиды, ионийские и некоторые эолийские города¹. В дальнейшем, по мере освобождения новых земель, симмахия расширялась. Афины же, имея преимущество во флоте, заняли в сложившемся союзе греческих полисов руководящее положение и с самого начала стали использовать симмахию в своих интересах, постепенно приобретая власть над государствами Эгейского региона².

Громкие успехи афинского флота и образование Делосского союза, таким образом, сыграли важную роль в превращении Афин из полиса в сильнейшую морскую державу и стали причиной зарождения и быстрого развития имперских амбиций у главного города Аттики. Афиняне, давно стремившиеся выйти на лидирующие позиции, с основанием нового союза получили такую возможность.

Все эти события происходили на глазах Эсхила и его зрителей — граждан Афин, и потому не вызывает удивления факт, что в трагедиях великого драматурга, как в зеркале, отразились притязания Афинского государства на гегемонию в эллинском мире и расширение влияния и в других регионах.

Самой насыщенной аллюзиями на современную поэту действительность можно считать трагедию «Эвмениды» (458 г. до н. э.). Наиболее дискутируемой в исследовательской литературе проблемой, связанной с этой драмой, является вопрос о том, как отразилась в «Эвменидах» реформа 462 г. до н. э., проведенная Эфиальтом с целью ограничить функции ареопага (Arist. Ath. pol. 25; Diod. XI. 77. 6; Plut. Cim. 15)³, и отношении самого Эсхила к этой реформе. Однако «Эвмениды» также содержат множество намеков на события, связанные с внешней политикой Афин.

По мнению Р. Мейгтса, резкое изменение внешнеполитического курса Афин было более важным, чем реформы во внутренней политике, поскольку союзный договор с Аргосом и Фессалией явился открытым вызовом Лакедемону⁴. Разорвав созданный для борьбы с персами в 481 г. до н. э. Эллинский союз со Спартой (Hdt. VII. 132), Афины заключили соглашение с ее главным конкурентом за влияние на Пелопоннесе Аргосом, а также с Фессалией (Thuc. I. 102. 4; II. 22. 3; Paus. I. 9; IV. 24, 7). Союз этот, в сущности, означал создание антиспартанской коалиции (Thuc. I. 102. 4). Поэтому Фукидид, указывая, что Аргос был злейшим врагом Спарты, рассматривал заключение с ним союза как агрессивную акцию афинян в отношении лакедемонян.

В трагедии «Эвмениды» вполне очевидны намеки на союз Афин с Аргосом. Хотя главные герои трилогии, Агамемнон и его сын Орест, как известно из эпической традиции, царствовали в Микенах, этот город ни разу не упоминается в тексте «Орестей». По мнению С. И. Радцига, Эсхил выбирает местом действия Аргос по причине того, что во время написания трагедии Микены были разрушены, а эта территория уже принадлежала Аргосу, достигшему значительной силы в ту пору⁵. Как известно из источников, в 468 г. до н. э. Аргос разгромил союзника Спарты —

¹ Подробнее см.: Паршиков 1971; Sealey 1966; Rawlings 2008.

² См.: Кондратюк 1983; Строецкий 1991; Amit 1965; Ste. Croix de 2008.

³ См.: Коршунков 1988; Sealey 1964; Rhill 1995; Lewi 1997.

⁴ Meiggs 2008, 59–60.

⁵ Радциг 1968, 29–30.

Микены, а у себя установил демократический строй (Strab. VIII. 6. 10. 372; Diod. XI. 65; Paus. II. 16; VII. 25. 5–6).

С. Я. Лурье видит другие мотивы в выборе Аргоса, а не Микен местом действия в трилогии⁶. Известно, что Гомер резиденцией Агамемнона называл Микены (II. II. 569; IV. 52. 376; Od. III. 305). Но при этом, как в «Илиаде», так и в «Одиссее», есть строки, которые сообщают, что Агамемнон царствовал в Аргосе. В первых строках «Илиады» Агамемнон, не желая принимать выкуп за дочь от старца Хриза, отсылает его прочь со словами:

Деве свободы не дам я; она обветшает в неволе,
В Аргосе, в нашем доме...
(I. 29–30. Пер. Н. Гнедича).

В «Одиссее» Нестор, обращаясь к Телемаху, говорит, что «он [Эгисф] же, спокойно внутри многоконного Аргоса сидя, речью опутывал сладкой жены Агамемнона сердце» (III, 263, пер. В. Вересаева). Из этого С. Я. Лурье делает вывод, что Микены были лишь одной из царских резиденций. При этом исследователь также отмечает, что в действительности словом «Аргос» Гомер обозначал весь Пелопоннес или даже, возможно, всю материковую Грецию⁷. Если же Аргос был столицей Агамемнона, а Микены только одной из его резиденций, то это давало Аргосу «историческое право» видеть в независимых Микенах отложившийся от своего законного господина город и пытаться присоединить его к своей территории.

Аргос был постоянным соперником Спарты в борьбе за влияние на Пелопоннесском полуострове. Около 460 г. до н. э. в битве при Эное, расположенной между Аргосом и Мантинеей, войско Аргоса встретилось с лакедемонским. В этом сражении Аргосу удалось одержать победу над Спартой благодаря Афинам, которые выступили союзником аргивян и прислали им вооруженную помощь (Paus. I. 15. 1; X. 10. 4).

Эта победа дала Аргосу возможность начать осаду Микен, которые вскоре были взяты и разрушены. Таким образом, с помощью Афин, с которыми, как уже говорилось выше, аргивяне заключили соглашение в 461 г. до н. э. (Thuc. I. 102. 4; II. 22. 3; Paus. I. 9; IV. 24. 7), Аргос стал единственным наследником царства Агамемнона. Вероятно, поэтому Эсхил, из благосклонности к союзному полису, называет Агамемнона и Ореста в духе официальной аргосской версии царями Аргоса, а не Микен (Agam. 45; Eum. 458). Чтобы придать больше веса союзу между Аргосом и Афинами, Эсхил стремится показать, что это объединение является продолжением исконной внешней политики Афин. Как считает С. Я. Лурье, Эсхил демонстрирует в трагедии, что Аргос с древних времен обращался за помощью к Афинам, а последние всегда оказывали ему поддержку, и в этом заключается суть старинной связи между Афинами и Аргосом⁸.

По представлению Эсхила в драме, благополучие Аргоса и все героические подвиги аргивян явились лишь результатом афинской помощи. И такую роль по отношению к Аргосу афиняне стали играть еще во времена Троянской войны, когда Агамемнон одержал победу над Троей благодаря помощи афинских героев — сыновей Тесея (Eum. 398–402). То же самое происходит якобы и во время собы-

⁶ Лурье 1958, 43–44.

⁷ Лурье 1958, 43.

⁸ Лурье 1958, 44.

тий, описываемых в «Эвменидах». Испытывая страдания, Орест взывает к Афине и обещает ей, что всегда будет благодарен афинянам:

И вот сейчас устами благочестными
Тебя, Афина, этих мест владычицу,
Зову на помощь. Без войны афиняне
Во мне, в моей стране, в народе Аргоса
Союзников и вправду навсегда найдут.
(Eum. 287–291. Пер. С. Апта).

После того как богиня приходит на помощь Оресту, он в длинной речи выражает ей, а в ее лице и всем афинянам, свою благодарность:

Паллада, дома моего спасение,
Ты вновь меня, изгнанника земли родной,
В отцовский дом вернула.
(Eum. 755–757. Пер. С. Апта).

Как отмечает С. Я. Лурье, эта благодарность имеет особый политический смысл, ведь в битве при Эное, которая, как уже упоминалось выше, произошла около 460 г. до н. э., то есть за два года до премьеры «Орестей», афиняне спасли Аргос, и именно эту признательность аргивян подразумевает Эсхил, вкладывая ее в уста мифического героя⁹. В трагедии трижды звучат слова о вечности и нерушимости союза между Афинами и Аргосом (Eum. 289–291, 671–673, 762–764): два раза об этом говорит Орест, и один раз — Аполлон. И было бы, наверное, неправильным считать это тройное упоминание союза с Аргосом в драме не представляющим серьезного значения. Совершенно очевидно, что Эсхил поддерживал данный альянс.

Любопытный вопрос, имеющий отношение к союзу Афин и Аргоса, затрагивает в своей статье Ч. Коста. Он пытается выяснить, связано ли благожелательное отношение Эсхила к союзу с личной антипатией поэта к Спарте. Единственная во всем творчестве великого трагика отсылка к Лакедемону присутствует лишь в драме «Персы», когда тень царя Дария предрекает многочисленные беды и поражение персидскому войску под Платеями от «копья дорийского» (*Δωρίδος λόγχης*, ст. 817). Возможно, Спарта просто была малоинтересна Эсхилу, однако Ч. Коста высказывает предположение, согласно которому такое «молчание» в адрес лакедемонян отнюдь не случайно, а связано с тем, что Эсхил, как участник битвы при Марафоне, мог не простить Спарте промедления в оказании Афинам военной поддержки, в которой последние так нуждались¹⁰.

Интересен в рассмотрении политической тенденции пьесы и следующий момент: Орест хочет призвать себе на помощь Афины, но ему неизвестно, где находится в данное время богиня. Следуя старинному обычаю, сын Агамемнона перечисляет все места, принадлежащие Афине, то есть те города и местности, в которых ее почитают. В этот традиционный обычай Эсхилу удается вложить политические мотивы. Драматург не упоминает общеизвестные святилища Афины, находящиеся, например, в Фессалии или в Тегее, в Спарте, на Крите, на Родосе, он, устами своего героя, перечисляет лишь те места, которыми стремились об-

⁹ Лурье 1958, 44.

¹⁰ Costa 1962, 28.

ладать Афины. Таким образом, Эсхил пытается исторически обосновать эти призывы:

В Ливийском ли краю, вблизи Тритоновых
Родимых струй величественно шествуешь
Друзьям на благо...
(Eum. 292–295. Пер. С. Апта)

По всей видимости, автор намекает здесь на египетскую экспедицию афинян, предпринятую ими в 459 г. до н. э. или, возможно, несколькими годами ранее (Diod. X. 71. 3). У богини Афины, как известно, было прозвище Τριτογένηα, которое объяснялось тем, что она родилась у озера Тритонида в Ливии или даже была рождена самим озером, то есть его нимфой (Hdt. IV. 180; Paus. I. 14. 6). Народ, живший рядом с озером Тритонида и называемый у Геродота авсеями, имел культ местной богини, которая отождествлялась с Афиной. Возможно, Эсхил хотел сказать этой фразой, что богиня должна прийти на помощь своим друзьям, которые сражаются в этой принадлежащей ей области. А под словом «друзья» драматург, вероятно, подразумевает здесь афинян, которые отправились в Египет, чтобы помочь царю ливийцев Инару, поднявшему восстание (Hdt. VII. 7; Thuc. I. 104; Isocr. VIII. 66; Diod. XI. 71, 3–5; Plut. Them. 31, 4; Aelian. Var. hist. V. 10; Just. III. 6. 6). Эсхил с глубоким участием вспоминает о сражающихся в далеких краях согражданах.

Намеки на египетскую экспедицию Афин можно усмотреть и в тексте трагедии «Просительницы», если принять во внимание новую датировку трагедии и относить ее постановку к 463 г. до н. э. В этой драме два раза повторяется утверждение, что, оказав помощь дочерям Даная, Аргос окажется втянутым в «новую войну» (νέον πόλεμον) с Египтиадами (Supp. 342. 950).

Использование автором определения «новая» кажется здесь совершенно не обусловленным сюжетной линией трагедии, поскольку никакой войны с сыновьями Египта аргивяне прежде не вели. Чтобы понять, что под этим мог подразумевать драматург, И. Е. Суриков предлагает обратиться к внешней политике Афин времени написания этой пьесы¹¹.

Как уже упоминалось выше, в конце 60-х гг. V до н. э. началась афинская военная кампания в Африке, получившая название «египетской экспедиции». Ливийский династ Инар, провозгласивший себя независимым правителем этого древнего царства, обратился к афинянам с просьбой поддержать восстание против персидского владычества в Египте. Афины откликнулись на этот призыв и отправили в дельту Нила мощный флот, разгромленный впоследствии персами (Thuc. I. 110. 4). Хотя начало египетской экспедиции относится к 459 г. до н. э., Инар, по всей видимости, захватил власть в Египте сразу после смерти Ксеркса, то есть уже в 463 г. до н. э. И. Е. Суриков предполагает, что в том же году от Инара в Афины уже могла впервые поступить просьба о военной помощи. В подобном контексте трагедию «Просительницы» исследователь предлагает трактовать как призыв оказать поддержку восставшим египтянам¹².

Однако вопрос о продолжении войны с персами стоял не только перед Афинами, но и перед другими греческими городами. Ведь были, как известно, полисы,

¹¹ Суриков 2002, 23–24.

¹² Суриков 2002, 24.

которые ориентировались в своей политике на Персию или, опасаясь возможного неблагоприятного исхода войны с могущественной азиатской державой, держали нейтралитет и предпочитали не вмешиваться в ход событий. Одним из таких городов был Аргос. Поэтому представляется вполне вероятным, что Эсхил не случайно выбирает в качестве сюжета для трагедии, созданной в период продолжающейся войны с Персией, мифическое событие, действие которого происходит в этом полисе. Новая интерпретация сюжета имела своей задачей убедить и афинян, и других эллинов, в особенности аргивян, что война с персами справедлива и отвечает божественному закону защиты молящих.

Возвращаясь к тексту трагедии «Эвмениды», мы видим, что Орест, призывая Афины и вспоминая другие территории, где может находиться богиня, во вторую очередь после Ливийского края называет в своей речи следующую местность:

Флегрейский дол обозреваешь, гордая, —
 Богам и дальний слышен зов, — явись ко мне
 Заступницей моей, моим спасением.

(Eum. 295–297. Пер. С. Апта)

В классическую эпоху под равниной Флегра, местом мифической битвы богов и гигантов, в которой Афина сыграла важную роль (Eur. Ion, 988 sqq.), подразумевалась Паллена, западный выступ полуострова Халкидики с городами Потидеей, Афитием, Неаполем, Эгами, Ферамбом, Скионой, Мендой и Саной (Hdt. VII. 123). Без сомнения, Эсхил, в соответствии с традицией, местонахождением Флегрейской равнины также считает Паллену¹³. Время постановки «Эвменид», как известно, было временем усиления Афинского морского союза и распространения его влияния в северном направлении. Нам не известно, когда именно перечисленные выше города вошли в союз, но все они, за исключением Потидеи, упомянуты уже в древнейших списках фороса (454–453 гг. до н.э.)¹⁴.

Однако все предположения Ореста относительно места пребывания Афины оказываются неверными. В действительности, по задумке автора, Афина в это время пребывала на Троянском побережье Малой Азии, в Сигее, где находился один из ее храмов.

Издалека я громкий зов услышала,
 Бродя у вод Скамандра. Озирала я
 Ту землю, что властители ахейские
 Всю, без остатка, мне навеки отдали —
 Захваченной добычи дорожную часть,
 Подарок славный сыновьям Тезеевым.

(Eum. 397–402. Пер. С. Апта)

Афина оказывается в Троянских землях совсем не случайно. Эсхил здесь, по всей видимости, подразумевает политические претензии афинян на этот регион. Примечательно, что такие выводы на основании этого фрагмента делал уже схолиаст: «Эсхил, по-видимому, подбивает афинян снова требовать себе Сигей, ссылаясь на то, что богиня приходит из этих мест»¹⁵. Область древней Трои уже с конца

¹³ Dover 1957, 237.

¹⁴ Meritt 1937, 76 ff.

¹⁵ Цит. по: Лурье 1958, 48.

VII или с VI в. до н. э. являлась предметом спора между Афинами и Митиленой¹⁶. Обе стороны обосновывали свои права на эту территорию ссылками на Гомера (Hdt., V, 94). Известно, что после 464 г. до н. э., когда Фемистокл явился в Персию к царю Артаксерксу, города Лампсак, Перкота и Скепсий, лежащие недалеко от Сигея, принадлежали еще персам, поэтому следует полагать, что и Сигей принадлежал им в то время (Thuc. I. 138. 6). В 450 г. до н. э. Сигей входит в Афинский морской союз¹⁷. Из этого можно сделать вывод, что около 458 г. до н. э. вполне могли возобновиться споры об исторических правах на обладание этой территорией в связи с ожиданием перехода Сигея от Персии к грекам. После освобождения Трояды от власти персов, по-видимому, и афиняне, и митиленцы выразили свои претензии на эту область. Таким образом, представляется возможным полагать, что приведенные выше строки из трагедии имеют целью побудить афинян бороться за Сигей, и этот призыв вполне соответствует исторической обстановке.

Р. Ф. Кеннеди, автор содержательной статьи под названием «Правосудие, география и империя в «Эвменидах» Эсхила», указывает на наличие определенных связей между темой суда, географическим регионом, который исследовательнице удалось очертить, опираясь на различные упоминания топонимов в речах персонажей трагедии, и империалистическими амбициями Афинского государства¹⁸. По ее мнению, мотив суда и правосудия недвусмысленно связан с географией в «Эвменидах». Афина создает ареопаг, который должен стоять на страже государства и быть ему спасительным оплотом, и в своем панегирике указывает на то, что ни в скифских землях, ни на Пелопоннесе нет подобного учреждения (Eum. 703). Исследовательница убеждена, что Афина учреждает суд, чтобы применять его преимущественно по отношению к делам союзников, а не афинян. Следует отметить, однако, что ареопаг в данном конкретном случае рассматривается как некий собирательный образ, символ всех судебных учреждений Афин¹⁹, поскольку в действительности в V в. до н. э. судебными делами такого рода занималась гелиэя, а не ареопаг.

Как известно, юрисдикция союзных Афинам полисов была ограничена. Большинство тяжб, касавшихся взаимоотношений граждан городов, входящих в Афинский морской союз, с Афинами, рассматривались в афинском суде. В юрисдикции Афин находились дела, которые могли закончиться тяжким приговором: ссылкой, потерей гражданских прав, смертью. Тогда как в компетенции судов союзников оставались только их внутренние дела, касавшиеся незначительных преступлений и гражданских исков. Афины использовали суды, чтобы демонстрировать свое культурное и военное превосходство (Thuc. I. 77, 1–4).

Правосудие, таким образом, превратилось для Афин в удобный инструмент «подчинения» в ходе превращения их из полиса в морскую империю. Афины, постоянно усиливая контроль над союзниками, превратили их к концу 40-х гг. V в. фактически в своих подданных²⁰. Союзники же весьма болезненно воспринимали

¹⁶ См. подр.: Лурье 1938, 88 слл.

¹⁷ Meritt 1939, 402.

¹⁸ Kennedy 2006, 35–72.

¹⁹ Kennedy 2006, 53.

²⁰ См.: Лурье 1947, 13–27.

утрату суверенитета, о чем свидетельствуют многочисленные попытки восстаний против афинской власти (Thuc. I. 98; 99–101; 137. 2; Plut. Them. 25; Cim. 14.).

Стремился ли Эсхил сознательно с помощью синтеза географии и правосудия в «Орестее» содействовать империалистической идеологии Афин или нет, но его трилогия, безусловно, затрагивает эти проблемы. Примечательно и то, что империалистическая идеология в трилогии оказывается тесно связанной с идеалами демократии и свободы. По всей вероятности, ни сам Эсхил, ни его аудитория, не видели тогда еще никакого нравственного противоречия между тиранией над другими и свободой для себя самих²¹.

Резюмируя все вышесказанное, хочется отметить, что в драмах Эсхила, и в особенности в трагедии «Эвмениды», отразилась в ряде подробностей внешняя политика Афинского государства: союз с Аргосом, египетский поход, колониальная политика на Халкидике и в Малой Азии. Весьма примечательно, что Эсхил явно сочувствует этой политике, в частности союзу с враждебным Спарте Аргосом, и поддерживает агрессивные притязания Афин на территории в Египте и в бассейне Эгейского моря. Однако такая позиция автора, как представляется, не должна вызывать удивления, поскольку Эсхил, мысливший себя более воином, нежели поэтом, был истинным патриотом и видел в этой империалистической политике, с которой было напрямую связано экономическое процветание Афин, лишь благо для своего отечества.

ЛИТЕРАТУРА

- Кондратьев М. В. 1983: Архэ и афинская демократия // Античная Греция. Т. I. М., 327–365.
- Коршунов В. А. 1988: Эфиальт и значение реформ Ареопага // Античное общество и государство. Л., 66–84.
- Лурье С. Я. 1938: Новое свидетельство о борьбе за Сигей // ВДИ. 3, 88–91.
- Лурье С. Я. 1947: Эксплуатация афинских союзников // ВДИ. 2, 13–27.
- Лурье С. Я. 1958: Политическая тенденция трагедии «Эвмениды» // ВДИ. 3, 42–54.
- Паришков А. Б. 1971: Аристотель (Ath. Pol. 23. 5) и организация первого афинского морского союза // ВДИ. 1, 76–88.
- Радциг С. И. 1968: К вопросу о политической тенденции Эсхила в «Эвменидах» // ВДИ. 2, 29–41.
- Строгачев В. М. 1991: Полис и империя в классической Греции. Н. Новгород.
- Суриков И. Е. 2002: Трагедия «Просительницы» и политическая борьба в Афинах // ВДИ. 1, 15–24.
- Amit M. 1965: Athens and the Sea. A Study in Athenian Sea-power. Bruxelles.
- Costa C. D. N. 1962: Plots and Politics in Aeschylus // Greece and Rome. Vol. 9. 1, 22–34.
- Dover K. J. 1957: The Political Aspect of Aeschylus's Eumenides // JHS. 77. 2, 230–237.
- Kennedy R. F. 2006: Justice, Geography and Empire in Aeschylus' Eumenides // Classical Antiquity. Vol. 25. 1, 35–72.
- Lewi R. G. 1997: Themistokles and Ephialtes // Classical Quarterly. Vol. 47. 2, 358–362.
- Meiggs R. 2008: The Growth of Athenian Imperialism // The Athenian Empire / P. Low (ed.). Edinburgh, 59–60.
- Meritt B. D. 1937: Documents on Athenian Tribute. Cambridge.
- Meritt B. D. 1939: The Athenian Tribute Lists: Vol. I. Cambridge.

²¹ Kennedy 2006, 68.

Rawlings III H. R. 2008: Thucydides on the Purpose of the Delian League // *The Athenian Empire* / P. Low (ed.). Edinburgh, 49–57.

Rhill T. E. 1995: Democracy Denied: Why Ephialtes Attacked the Areiopagus // *JHS*. 95, 87–98.

Sealey R. 1964: Ephialtes // *Classical Philology*. Vol. 59. 1, 11–22.

Sealey R. 1966: The Origin of the Delian League // *Ancient Society and Institutions*. Oxford, 238–247.

Ste. Croix G. de. 2008: The Character of the Athenian Empire // *The Athenian Empire* / P. Low (ed.). Edinburgh, 232–276.

THE FOREIGN POLICY OF ATHENS IN THE FIRST HALF OF THE 5th CENTURY BC IN THE LIGHT OF THE TRAGEDIES OF AESCHYLUS

M. V. Ponikarovskaya

The article examines the way the characteristic features of the foreign policy of the Athenian state in the first half of the 5th century BC (the claims of Athens for hegemony in the Hellenistic world and the extension of their influence in other regions) are reflected in the tragedies of Aeschylus, and the drama “The Eumenides”.

Key words: Aeschylus, “The Eumenides”, the foreign policy of Athens, the 5th century BC

© 2014

А. А. Клейменов

КАМПАНИЯ 356 г. до н.э. КАК ОБРАЗЕЦ ПОЛКОВОДЧЕСКОГО ИСКУССТВА ФИЛИППА II

В статье рассматривается военная кампания, проведенная Филиппом II в 356 г. до н.э. против антимакедонской коалиции балканских династов. Для противодействия этому союзу, к которому позднее присоединились Афины, македонский царь провел активное наступление одновременно по двум направлениям. Благодаря разделению военных сил на два самостоятельных корпуса Филипп сумел за короткое время одержать победу над иллирийцами и пеонами, захватить город Потидею, необходимый для заключения союзного договора с Олинфом, а также установить контроль над Кренидами — важным центром добычи благородных металлов.

Ключевые слова: Филипп II, Олинф, Потидея, Крениды

Когда заходит речь о македонском военном искусстве второй половины IV в. до н.э., то перед глазами неизбежно возникает образ Александра Великого — не знавшего поражений завоевателя, прошедшего с боями от берегов Дуная до Ин-

Клейменов Александр Анатольевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и археологии Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого. E-mail: alek-klejmenov@yandex.ru

дии. Его отцу Филиппу II, превратившему периферийное Македонское царство в ведущее государство Балканского полуострова, уделяется гораздо меньше внимания. Чаще всего Филипп в современной историографии рассматривается как реформатор, политик и дипломат, подготовивший почву для эпохальных свершений Александра. Тем не менее, при внимательном изучении дошедшей до нас информации Филипп раскрывается как выдающийся военачальник, обладавший нестандартным стратегическим мышлением.

Примечательная военная кампания, в ходе которой этот македонский царь продемонстрировал свои незаурядные полководческие качества, прошла в 356 г. до н.э. Из сообщения Диодора нам в общих чертах известно, что в тот год против Филиппа объединились цари фракийцев, пеонов и иллирийцев, в прошлом терпевшие от него поражения. Не имея возможности вести борьбу поодиночке, они считали, что при объединении своих сил легко победят Филиппа (XVI. 22. 3). Их сближало стремление остановить рост могущества Македонии, начавшийся с приходом к власти Филиппа. Как было отмечено еще А.С. Шофманом, в интересах балканских варваров было превратить Македонское государство в бессильную, раздираемую политической борьбой землю¹. Особую опасность для Филиппа представляли иллирийцы: западные границы Македонии в предшествующее время находились под постоянным давлением с их стороны, причем иногда иллирийцам удавалось осуществлять вторжения и в центральные районы государства². В роли их союзников часто выступали аристократы из верхнемакедонского племени линкестов, стремившиеся подобным образом ослабить влияние царской династии Аргеадов³. В самом начале своего правления Филипп сумел существенно снизить степень угрозы со стороны иллирийцев, разгромив в решающем сражении у Лихнидского озера войско царя Бардила (Diod. XVI. 4. 5-7). Теперь Филипп имел дело с объединенными силами балканских династов, причем уход в «глухую» оборону был бесполезен по сугубо географическим причинам. Демосфен, современник тех событий, описывая гражданам Афин особенности Македонии, отмечал, что ее можно беспрепятственно грабить и разорять во многих местах (IX. 52). Особенно уязвима для вторжений из Фракии, Пеонии и Иллирии была Нижняя Македония, главная опора власти Аргеадов⁴.

Дополнительную серьезность ситуации придавало то, что к враждебной коалиции в любой момент могли примкнуть Афины, обеспокоенные усилением Македонии и объявившие Филиппу войну еще в конце 357 г. до н.э.⁵ О сути антимакедонского союза и об участии в нем афинян известно из обнаруженной в Афинах надписи с частично сохранившимся текстом договора. Его оформление произошло 26 июля 356 г. до н.э., когда Филипп уже вел активные военные действия в рамках летней кампании и успел захватить Крениды⁶. Документ свидетельствует, что фракийский царь Кетрипор со своим братом, иллирийский царь Граб и пеонийский царь Липпей через послов заключили союз с Афинами, кото-

¹ Шофман 1960, 117.

² Уортингтон 2014, 31–32; Billows 1995, 3–4.

³ Bosworth 1971, 99.

⁴ Хаммонд 2008, 564–565.

⁵ Уортингтон 2014, 74.

⁶ Rhodes, Osborne 2007, 257–258.

рые обязывались без обмана и всеми силами совместно с Кетрипором и его братом воевать с Филиппом, не заключать мира без согласия фракийских династов и участвовать в возвращении Кренид (IG. II. 127). Видимо, Афины юридически примкнули к антимакедонскому союзу только в июле, потому что основные силы их армии и флота, возглавляемые Харесом, вели войну с отпавшими союзниками: Хиосом, Родосом, Косом и Византием (Diod. XVI. 7. 3–4; 21. 1–22. 2)⁷. Предполагается, что о создании враждебной коалиции варварских царей и возможности присоединения к ней Афин Филипп узнал уже в начале лета 356 г. до н.э.⁸ Здесь, очевидно, впервые проявила себя созданная Филиппом сеть агентов-осведомителей, на эффективную деятельность которой указывали в своих речах и Демосфен (IV. 18; XVIII. 137), и его политический противник Эсхин (III. 224).

В сложившихся обстоятельствах большое значение имела позиция Халкидской лиги, располагавшей, по данным Демосфена, войском из 10 тысяч гоплитов и тысячи всадников (XIX. 230. 266). Как сообщают источники, с Олинфом, ведущим полисом Халкидской лиги, пытались заключить союз Афины (Dem. I. 7; Diod. XVI. 8. 4). В этом случае Македония оказалась бы практически полностью окружена врагами, а при открытой конфронтации на нескольких направлениях олинфяне могли нанести прямой сокрушительный удар по македонской столице⁹. Опасность подобного сценария была вполне реальной, учитывая традиционно непростые отношения македонских царей с Олинфом. Не случайно Диодор называет олинфян «худшими врагами македонян» (XIX. 61. 2). Филипп предупредил развитие событий по этому сценарию, заключив союз с Олинфом при условии, что захватит для него контролируемую афинянами Потидею (Dem. VI. 20; Diod. XVI. 8. 3–4). Без сомнений, условием договора являлась и передача олинфянам Анфемунта — города, всегда являвшимся предметом споров между ними и македонскими царями (Dem. VI. 20). Договоренность была достигнута, очевидно, зимой 357–356 гг. до н.э.¹⁰ Фрагмент каменной плиты с текстом, сообщающим о заключении альянса, был обнаружен неподалеку от Олинфа. Сохранившийся отрывок договора крайне небольшой и содержит информацию о пользе союза, религиозные формулы, указание на возможность пересмотра договора в течение трех месяцев¹¹. Это был весьма решительный и своевременный дипломатический маневр македонского царя, так как из эпиграфических же источников известно, что Халкидская лига ранее была в союзе с иллирийским царем Грабом, однако после подписания договора с Филиппом этот альянс, безусловно, распался¹². Македонский царь, учтя особенности сложившейся обстановки, решил пойти на прямое столкновение с Афинами, но перетянуть на свою сторону Олинф. Тем не менее, необходимо подчеркнуть, что условием заключения союза был захват и передача Олинфу Потидеи. В случае невыполнения македонским царем взятых на себя обязательств договор мог быть расторгнут.

⁷ О возможной причастности Филиппа к началу восстания афинских союзников см.: Уортингтон 2014, 75.

⁸ Ray 2012, 102.

⁹ Хаммонд 2008, 570.

¹⁰ Уортингтон 2014, 75; Müller 2010, 171.

¹¹ Rhodes, Osborne 2007, 244–247.

¹² Rhodes, Osborne 2007, 249; Psoma 2011, 132.

Проведенная македонским царем в 356 г. до н.э. военная кампания была направлена на ликвидацию внешней угрозы и являлась прямым продолжением его дипломатии. Диодор сообщает, что Филипп взял осадой (ἐκπολιορκήσας) Потидею, вывел из нее афинский гарнизон и, заботливо обращаясь с ним, отправил обратно в Афины, однако жителей города продал в рабство, передав Потидею и ее земли олинфянам (XVI. 8. 3–5). Демосфен также сообщает о передаче Олинфу Потидеи и изгнании оттуда афинских колонистов, указывая, что подобным образом Филипп принял на себя вражду с Афинами (VI. 20). Эти данные позволяют сделать вывод о том, что захват Потидеи Филипп провел весьма осторожно, явно движимый не только военными, но и политическими соображениями: город был взят посредством осады, видимо, для того, чтобы избежать больших жертв среди афинского гарнизона. Для сравнения отметим, что при захвате Амфиополя в 357 г. до н.э. Филипп действовал иначе. Согласно сообщению Диодора, тогда были задействованы осадные машины, а город взят в ходе продолжительного штурма, стоившего оборонявшимся больших жертв (XVI. 8. 2). Захват Потидеи посредством осады и мягкое обращение с афинянами обусловлены желанием Филиппа повлиять на общественное мнение в Афинах и не портить свой имидж излишними жертвами¹³. Впрочем, судя по уже цитировавшейся речи Демосфена, афиняне оценили действия македонского монарха как враждебные. В другом сочинении оратора отмечалось, что Афины отправили к Потидее военную помощь, но она опоздала (IV. 35).

Согласно данным Плутарха, Филипп после захвата Потидеи получил несколько важных новостей: о рождении сына Александра, о победе на олимпийских играх своих лошадей и о том, что Парменион в большой битве победил иллирийцев (Alex. 3). Таким образом, к окончанию осады Потидеи хронологически привязаны важные события: рождение Александра (по разным данным 20 июля либо октябрь) и Олимпийские игры (28 августа)¹⁴. Это вынуждает согласиться с теми исследователями, которые относят взятие Потидеи к июлю 356 г. до н.э.¹⁵ Большое значение для определения особенностей выбранной Филиппом стратегии имеет информация о победе македонского военачальника Пармениона над иллирийцами в сражении, произошедшем в период пребывания самого царя под Потидеей. Очевидно, македонский монарх, понимая, что медлить в сложившейся обстановке нельзя, пошел на смелый шаг и разделил свое войско на две части — Парменион двинулся на запад, нанес удар по иллирийцам и пеонам, а сам царь в тот же промежуток времени осуществил захват Потидеи на востоке¹⁶. Необоснованным следует признать предположение Р. Гэбриэля, согласно которому в начале кампании 356 г. до н.э., когда Филипп направился к Потидее, он оставил часть войск для защиты Пеллы, однако после получения сведений о заключении союза между Афинами и тремя варварскими царями выдвинул эти силы против Граба¹⁷. Судя по имеющимся данным, союз царей пеонов, фракийцев и иллирийцев сложился задолго до присоединения к нему Афин, и этот сговор не являлся

¹³ Gabriel 2010, 113.

¹⁴ Demandt 2013, 64.

¹⁵ Ellis 1994, 738; Ashley 1998, 127; Gabriel 2010, 113.

¹⁶ Ashley 1998, 137; Ray 2012, 102–103.

¹⁷ Gabriel 2010, 114.

для Филиппа секретом. Стремительный удар македонских войск по силам вражеской коалиции был, очевидно, спланирован в самом начале летней кампании.

Во время осады Потидеи Филипп не был пассивен и со своей частью войска смог решить еще одну, не менее значимую стратегическую задачу. Из сообщения Диодора известно, что в рамках той же кампании Филипп занял Крениды — город, который впоследствии назвал Филиппами в свою честь (XVI. 3. 7; 8. 5–6). Упоминаемое поселение являлось колонией фасосцев, основанной относительно описываемых событий недавно — около 360 г. до н.э.¹⁸ Крениды были центром богатого залежами золота и серебра пангейского района, являясь ключом к контролю над всей долиной Ангита¹⁹. Вместе с тем, данный город располагался всего в 13 километрах севернее Неаполя-Кавалы — союзника Афин и важной морской базы²⁰.

Как передает Стефан Византийский, жители Кренид обратились к Филиппу с просьбой защитить их от фракийцев (Steph. Byz. s. v. Φιλίπποι). Большинство современных исследователей полностью доверяет данному сообщению, однако при попытке идентифицировать упомянутых «фракийцев» мнения расходятся. Существует предположение, что предводителем сил, подступивших к городу, был правитель восточных фракийских земель Керсоблепт²¹. Согласно другой точке зрения, Кренидам угрожал царь западных фракийцев Берисад²². По третьей версии город осадил Кетрипор, сын и наследник Берисада²³. Учитывая хронологию событий и месторасположение Кренид, последнее мнение представляется более обоснованным. Видимо, это был первый шаг Кетрипора как участника антимакедонской коалиции: получение им контроля над стратегически важными Кренидами должно было заметно ослабить позиции Филиппа в регионе.

Македонский царь, используя просьбу фасосских колонистов о защите как повод, завладел городом. Диодор сообщает, что после захвата Потидеи Филипп пошел к Кренидам, увеличил население этого города, переименовав его в Филиппы. Здесь македонский царь развил добычу золота, что приносило доход более чем в тысячу талантов (Diod. XVI. 8. 5–7). К этому надо добавить уже цитировавшиеся выше данные эпиграфики, согласно которым Крениды были захвачены Филиппом не позднее 26 июля 356 г. до н.э. Когда же Филипп сумел занять данный город? Н. Хаммонд полностью доверяет представленной у Диодора последовательности событий и считает, что Крениды были захвачены после взятия Потидеи, отодвигая тем самым завершение ее осады на весну 356 г. до н.э.²⁴ Аналогичного мнения о последовательности событий придерживается и ряд других исследователей²⁵. Й. Уортингтон выдвигает другую версию, полагая, что марш Филиппа к Кренидам состоялся не после, а до осады Потидеи, в самом начале 356 г. до н.э.²⁶ Тем

¹⁸ Koukouli-Chrysanthaki 2011, 438.

¹⁹ Уортингтон 2014, 78; Ashley 1998, 137.

²⁰ Уортингтон 2014, 78.

²¹ Грейнджер 2010, 64; Борза 2013, 277; Griffith 1979, 246–250; Ellis 1994, 737; Ashley 1998, 137; Mitchell 2002, 145.

²² Делев 1997, 10–11.

²³ Шофман 1960, 199; Уортингтон 2014, 78; Errington 1990, 48; Gabriel 2010, 114; Ray 2012, 103.

²⁴ Хаммонд 2008, 570.

²⁵ Гафуров, Цибукидис 1980, 29; Gabriel 2010, 114; Ray 2012, 103.

²⁶ Уортингтон 2014, 77–78.

не менее, более обоснованным представляется вывод, согласно которому захват Кренид был осуществлен Филиппом непосредственно во время осады Потидеи, расположенной на расстоянии всего в 50 километров от колонии фассосцев. Последние перед лицом фракийской угрозы попросили помощи у находившегося неподалеку Филиппа, и македонский царь, решив не упускать своего шанса, с частью войска совершил быстрый марш, без особых проблем захватил город и затем вернулся к Потидее²⁷. Это позволяет, с одной стороны, учесть хронологические данные эпиграфического материала и античной письменной традиции, с другой стороны, понять, каким образом Филиппу удалось в кратчайший срок захватить настолько важный город: стремительным ударом части своих сил македоняне заняли Крениды до того, как фракийцы сумели принять соответствующие новой ситуации меры. Описанное Диодором обустройство города, связанное с увеличением населения и развитием золотодобычи, произошло значительно позже. Вряд ли большое число македонских переселенцев могло сопровождать войско царя, когда он спешил на помощь Кренидам²⁸. Вхождение этого города в державу Филиппа было, как предполагается, процессом постепенным: возможно, в течение десятка лет поселение обладало частичной автономией²⁹. Впрочем, македонский царь весьма быстро воспользовался теми преимуществами, которые давали его новые владения. Крениды/Филиппы стали стратегической базой для дальнейшего завоевания Фракии и важнейшим центром добычи благородных металлов для нужд македонского государства³⁰. Финансовые ресурсы Филиппа сильно возросли. Полученные средства, как сообщает Диодор, македонский царь использовал для повышения могущества своей страны, тратил на оплату труда многочисленных наемников и подкуп греков (XVI. 8. 7).

Описывая результат деятельности антимакедонского союза варварских царей, Диодор сообщает, что пока они собирали свои войска, Филипп появился перед их позициями, испугал и заставил подчиниться (XVI. 22. 3). Из «I Олинфской речи» Демосфена известно, что в дальнейшем цари иллирийцев и пеонов выступали как зависимые от Филиппа правители (I. 23). Видимо, вступить в союз с македонским царем на невыгодных для себя условиях был вынужден и Кетрипор³¹. Этот результат был достигнут, прежде всего, благодаря чрезвычайно успешному завершению кампании 356 г. до н.э. В течение короткого времени расстановка сил в регионе изменилась в пользу Македонии. Прежде всего был заключен договор с Халкидской лигой и полностью выполнены союзные обязательства перед ней. Этот альянс позволил Македонии на десятилетие обеспечить безопасность важного отрезка своей границы и ослабить позиции Афин, а сама Халкидская лига сумела расширить свое влияние и получить контроль над большинством городов полуострова³². Была одержана победа над иллирийцами и пеонами, что, в свою очередь, развязало Филиппу руки и позволило в дальнейшем перейти к более активным действиям на фракийском направлении³³. Вдобавок ко всему, Филипп

²⁷ Грейнджер 2010, 64; Griffith 1979, 246–250; Ashley 1998, 137.

²⁸ Уортингтон 2014, 78.

²⁹ Lamoreaux 2013, 3.

³⁰ Koukouli-Chrysanthaki 2011, 440.

³¹ Griffith 1979, 251–252.

³² Psoma 2011, 133.

³³ Ray 2012, 103.

взял под контроль Крениды, заметно усилив материальную базу своего государства.

Говоря о причинах успешного завершения кампании, следует отметить, что победа Филиппа не была обусловлена выгодным центральным расположением Македонии, позволявшим громить врагов одного за другим, как об этом пишет П. Делев³⁴. Географический фактор в совокупности со сговором противников только осложнил стратегическую обстановку. Причины успеха македонской стороны кроются в соединении целого ряда факторов. Среди них можно выделить, прежде всего, эффективное сочетание дипломатии и военной силы. Свою роль сыграла также политика Филиппа, направленная на консолидацию македонских племен, так как одержать победу над иллирийцами без поддержки жителей верхнемакедонских земель Пармениону явно бы не удалось³⁵. Говоря о сугубо военных предпосылках успешного завершения кампании, следует согласиться с выводом Р. Гебриэля, согласно которому быстрота действий македонян была главной причиной победы³⁶. По балканским династам, еще только готовившимся к войне, был нанесен стремительный упреждающий удар. Это стало возможным благодаря активной реформаторской деятельности Филиппа. Создавая новую македонскую армию, он заимствовал греческие достижения в области военного дела³⁷, однако был нацелен на решение традиционных для Аргеадов военно-политических задач³⁸. Филипп старался приспособить свое войско к ведению мобильных боевых действий в условиях горной местности, населенной фракийцами и иллирийцами, к столкновениям с которыми готовился в первую очередь³⁹. Одной из частных, но важных мер, предпринятых Филиппом в этом направлении, стало уменьшение обоза, обусловленное стремлением избежать проблем, возникавших при использовании повозок в горной местности⁴⁰. Подчиненные македонского царя научились быстро преодолевать большую дистанцию между местом дислокации и районом боевых действий, в чем сильно превосходили своих греческих «учителей»⁴¹. Впрочем, необходимо отметить, что успех кампании 356 г. до н.э. был обеспечен не только общей мобильностью македонских войск, но и удачной реализацией необычного для того времени стратегического замысла, предусматривавшего разделение армии на части, каждая из которых самостоятельно решала стоявшие перед ней задачи для достижения общего успеха. Это позволило Филиппу провести решительное наступление сразу на двух отдаленных друг от друга направлениях, не позволяя противнику объединить свои силы. Конечно, осуществить этот маневр было бы невозможно без наличия у македонского царя такого ценного помощника, как Парменион, однако смелым и изобретательным полководцем выступил и сам Филипп. Особо стоит отметить своевременно принятое им решение о выделении из состава армии подвижного корпуса для захвата Кренид.

³⁴ Делев 1997, 11.

³⁵ Gabriel 2010, 114.

³⁶ Gabriel 2010, 114.

³⁷ Burn 1965, 141; Anderson 1970, 131; Griffith 1980, 59; Errington 1990, 40; Lee 2006, 503; Sekunda 2010, 449.

³⁸ Lane Fox 2011, 353.

³⁹ Griffith 1979, 424.

⁴⁰ Engels 1978, 22–23.

⁴¹ Gabriel 2010, 85.

Проведенную Филиппом в 356 г. до н.э. военную кампанию следует признать успешной по всем критериям. Македонский царь не только сумел выйти из крайне затруднительного положения, в котором он находился в начале года, но и заметно укрепить свои внешнеполитические позиции. Это была яркая демонстрация силы новой македонской армии и стратегического мастерства ее командования. По иронии судьбы, во время этих событий родился сын Филиппа Александр, которому было суждено заработать славу одного из величайших полководцев в истории и затмить деяния отца.

ЛИТЕРАТУРА

- Борза Ю. Н.* 2013: История античной Македонии (до Александра Великого) / Пер. с англ. М. М. Холода. СПб.
- Гафуров Б. Г., Цибукидис Д. И.* 1980: Александр Македонский и Восток. М.
- Грейнджер Дж. Д.* 2010: Империя Александра Македонского. Крушение великой державы. М.
- Делев П.* 1997: Филип II и залезът на «Голямото» Одриско царство в Тракия // Шуменски университет «Епископ Константин Преславски». Трудове на катедрите по история и богословие. Т. 1. Шумен, 7–40.
- Уортингтон Й.* 2014: Филип Македонский / Пер. с англ. С. В. Иванова. СПб.; М.
- Хаммонд Н.* 2008: История Древней Греции / Пер. с англ. Л. А. Игоревского. М.
- Шофман А. С.* 1960: История античной Македонии. Ч. I. Казань.
- Anderson J. K.* 1970: Military Theory and Practice in the Age of Xenophon. Berkeley; Los Angeles.
- Ashley J. R.* 1998: The Macedonian Empire: The Era of Warfare under Philip II and Alexander the Great, 359–323 BC. Jefferson.
- Billows R. A.* 1995: Kings and Colonists: Aspects of Macedonian Imperialism. New York.
- Bosworth A. B.* 1871: Philip II and Upper Macedonia // CQ. Vol. 21. 1, 93–105.
- Burn A. R.* 1965: The Generalship of Alexander // GR. Vol. 12. 2, 140–154.
- Demandt A.* 2013: Alexander der Grosse. Leben und Legende. München.
- Ellis J. R.* 1994: Macedon and North-West Greece // The Cambridge Ancient History. Vol. VI / D. M. Lewis, J. Boardman (eds.). Cambridge, 723–759.
- Engels D. W.* 1978: Alexander the Great and the Logistics of the Macedonian Army. Berkeley; Los Angeles.
- Errington R. M.* 1990: A History of Macedonia. Oxford.
- Gabriel R. A.* 2010: Philip II of Macedonia: Greater than Alexander. Washington.
- Griffith G. T.* 1980: Philip as a General and the Macedonian Army // Philip of Macedon / M. B. Hatzopoulos, L. D. Loukopoulos (eds.). Athens, 58–77.
- Griffith G. T.* 1979: The Reign of Philip the Second // Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II: 550–336 BC. Oxford, 201–646.
- Koukouli-Chrysanthaki Ch.* 2011: Philippi // Brill's Companion to Ancient Macedon: Studies in the Archaeology and History of Macedon, 650 BC — 300 AD / R. J. Lane Fox (eds.). Leiden, 437–452.
- Lamoreaux J. T.* 2013: Ritual, Women, and Philippi: Reimagining the Early Philipian Community. Eugene.
- Lane Fox R.* 2011: Philip of Macedon: Accession, Ambitions, and Self-Presentation // Brill's Companion to Ancient Macedon: Studies in the Archaeology and History of Macedon, 650 BC – 300 AD / R. J. Lane Fox (eds.). Leiden, 335–366.

Lee J. W. 2006: Warfare in the Classical Age // A Companion to the Classical Greek World / K. H. Kinzl (eds.). Oxford, 480–508.

Mitchell L. G. 2002: Greeks Bearing Gifts: The Public Use of Private Relationships in the Greek World, 435–323 BC. Cambridge.

Müller S. 2010: Philip II // A Companion to Ancient Macedonia / J. Roisman, I. Worthington (eds.). Oxford, 166–185.

Psoma S. 2011: The Kingdom of Macedonia and the Chalcidic League // Brill's Companion to Ancient Macedon: Studies in the Archaeology and History of Macedon, 650 BC – 300 AD / R. J. Lane Fox (eds.). Leiden, 113–135.

Ray F. E. 2012: Greek and Macedonian Land Battles of the 4th Century BC. Jefferson.

Rhodes P. J., Osborne R. (eds.) 2007: Greek historical inscriptions: 404–323 BC. Oxford.

Sekunda N. 2010: The Macedonian Army // A Companion to Ancient Macedonia / J. Roisman, I. Worthington (eds.). Oxford, 446–471.

THE CAMPAIGN OF THE 356 BC AS AN EXAMPLE OF PHILLIP II GENERALSHIP

A. A. Kleymenov

Phillip's military campaign of the 356 BC against the Balkan rulers of antimacedonian coalition is under consideration in the article. To counter this alliance, later joined by Athens, the Macedonian king attacked in two different directions simultaneously. Due to the separation of military forces in two independent armies Philip managed in a short time to win over the Illyrians and peons, to capture the city Potidaea, which was necessary to conclude a treaty of alliance with Olynthus and as well as to control Crenidae — an important centre of precious metals output.

Key words: Philip II, Olynthus, Potidaea, Crenidae

© 2014

А. Г. Караваев

ГЕНЕАЛОГИЯ И ПРОСОПОГРАФИЯ СТАРШЕЙ ЛИНИИ ФАМИЛИИ КЛАВДИЕВ НЕРОНОВ

В статье рассматривается генеалогия всех известных по античным источникам потомков второго римского принцепса Тиберия. С использованием нарративных, эпиграфических и нумизматических данных освещаются родственные связи старшей линии фамилии Клавдиев Неронов и ее численный состав. Отмечается весомая роль династического фактора при передаче власти первыми принцепсами, а также большое значение, придаваемое родственной принадлежности к римской аристократии.

Ключевые слова: Древний Рим, династия Юлиев-Клавдиев, принципат, генеалогия, просопография

Караваев Александр Геннадьевич — аспирант кафедры всеобщей истории Московского городского педагогического университета. E-mail: karavaev488@mail.ru

В отечественном антиковедении последнего времени значительное внимание уделяется исследованиям вопросов римской государственности, в частности проблемам становления и развития принципата. При этом определенные вопросы, связанные с изучением генеалогии правящей элиты, не получили достаточного освещения. Напротив, зарубежная наука в этом направлении располагает обширными исследованиями, среди которых можно назвать, к примеру, объемную просопографическую базу «*Prosopographia Imperii Romani*», работу В. Друмманна «*Geschichte Roms in seinem Übergange von der republikanischen zur monarchischen Verfassung*», восстанавливающую генеалогические древа ведущих римских родов, а также классические работы Р. Сайма, посвященные составу древнеримской правящей элиты. Как отмечал этот выдающийся историк, «история республиканского либо императорского Рима есть история его правящего класса»¹. Поэтому немаловажно проследить роль представителей римской *nobilitas* в политической жизни Поздней республики и Ранней империи, рассмотрев их генеалогию, что предпринято в данной статье на примере старшей линии фамилии Клавдиев Неронов, одной из ветвей обширного патрицианского рода Клавдиев², ставшей главной составляющей династии Юлиев-Клавдиев, представители которой после Октавиана Августа наследовали принципат.

Сын полководца Тиберия Клавдия Нерона, названного Веллеем Патеркулом человеком великого благородства и учености (*Vell. Pat. Hist. Rom.* 2. 75), и его супруги Ливии Друзиллы, позднее ставшей женой Октавиана Августа, Тиберий Клавдий Нерон (42 г. до н. э. — 37 г.) (*PIR*². Pars II. C 941)³ в 14 г. стал вторым римским императором, что по сути означало получение фамилией Клавдиев Неронов высшей политической власти в империи⁴. Это позволило принципату стать, по словам Корнелия Тацита, «наследственным достоянием одной семьи» (*Tac. Hist.* I. 5). Тиберий и его брат Децим Клавдий Нерон, более известный как Друз Старший, положили начало двум фамильным линиям⁵.

Единственный сын принцепса Тиберия от первой супруги Випсании⁶, дочери соратника Августа Марка Випсания Агриппы, Нерон Клавдий Друз (*PIR*¹. Pars III. I 144; *PIR*². Pars IV. Fasc. 3. I 219; *RIC*. Vol. I. № 71, 98, 109) (после усыновления его отца принцепсом Августом — Друз Юлий Цезарь) вошел в историю как Друз Младший (15/14 г. до н. э. — 23 г.)⁷. Одна из латинских надписей указывает точную дату его рождения — 7 октября (*ILS*. Vol. I. 108). Друз исполнял должностные обязанности консула 15 и 21 гг. (в последнем случае — коллега отца) (*Dio Cass. Hist. Rom.* 55. 28)⁸, проконсула в Иллирике, а после смерти племянника Тиберия Германика стал единственным наследником принципата. Как выяснилось при раскрытии заговора префекта претория Элия Сеяна, Друз был отравлен своей женой Юлией Ливиллой⁹, сестрой Германика (*Tac. Ann.* IV, 8; *Suet. Tib.* 62).

¹ Syme 1939, 7.

² Drumann 1902, Bd. II, 140-325; Ruperti 1794, 45-50.

³ Kienast 2004, 76-79.

⁴ Wiedemann 2006, 203-206; Seager 2005, 42-47.

⁵ Ruperti 1794, 49-50.

⁶ Raepsaet-Charlier 1987, № 811; Levick 1999, 14, 16; Ruperti 1794, 249.

⁷ Kienast 2004, 82-83.

⁸ Klein 1881, 21, 23; Clinton 1845, 2, 6.

⁹ Raepsaet-Charlier 1987, № 239.

В 19 г. у Друза Младшего и Ливиллы родились близнецы (Тас. Ann. II. 84; RIC. Vol. I. № 42), один из которых, Германик Младший (PIR¹. Pars III. I 147), скончался еще ребенком в 23 г. (Тас. Ann. IV. 15), а другой, Тиберий Гемелл (Gemellus — «близнец») (PIR¹. Pars III. I 152; PIR². Pars II. I 226), стал наследником своего деда наряду с Гаем Калигулой¹⁰, который приходился ему двоюродным (по отцу Германику) и троюродным (по деду Друзу Старшему) братом. Филон Александрийский писал, что Гемеллу «самой природой было положено стать преемником власти, ведь он был родным внуком Тиберия, а Гай — приемным» (Philo. De legat., 4). Впоследствии Калигула усыновил Гемелла в день его совершеннолетия в 37 г., поставив его princeps iuventutis (Suet. Cal. 15; Dio Cass. Hist. Rom. 59. 8), однако через несколько месяцев приказал убить (Suet. Cal. 23)¹¹.

Старшая дочь Друза Младшего Юлия Ливия (PIR¹. Pars II. I 422; PIR². Pars IV. Fasc. 3. J 636) также была вовлечена в заговор Сеяна. Дион Кассий пишет, что Юлия даже была помолвлена с Сеяном (Dio Cass. Hist. Rom. 58. 3), вероятно, путая с планами Сеяна вступить в брак с ее матерью. В 43 г. Юлия Ливия была казнена по приказу императора Клавдия (Sen. Oct. 944–946). Тацит сообщает, что матрона Помпония Грецина, супруга Авла Плавтия, первого римского наместника Британии, 40 лет соблюдала траур по Юлии (Тас. Ann. XIII. 32).

После ссылки своего первого мужа Нерона Цезаря, сына Германика, Юлия Ливия вторично вышла замуж за консула-суффекта Гая Рубеллия Бланда (PIR¹. Pars III. R 82). Бракосочетание Бланда и Юлии датируется 33 г. благодаря точному повествованию Корнелия Тацита. Римский историк так пишет об этом союзе: «Удрученному столькими печальми городу (Имеется в виду гибель старших сыновей Германика и их матери Агриппины Старшей. — А. К.) добавила еще одно огорчение дочь Друза Юлия, в прошлом жена Нерона, унизившая себя до брака с Рубеллием Бландом, деда которого, римского всадника из Тибура, многие хорошо помнили» (Тас. Ann. VI. 27). Фраза Тацита «*denupsit in domum Rubellii Blandi*» показывает большое значение, придаваемое знатности и родственной принадлежности к римской *nobilitas*.

Самый ранний из известных представитель фамилии Рубеллиев — упомянутый Корнелием Тацитом римлянин всаднического сословия, происходивший из Тибура (Тас. Ann. VI. 27; XIV. 22). Тацит не называет его имени, однако указание Сенеки Старшего на «*eques Romanus*» (Sen. Controv. II. 5), а также известные имена его потомков позволяют восстановить его имя как [Rubellius] Blandus (PIR¹. Pars III. R 80). Г. Дессау и П. де Роден указывают на возможность отождествления этого Бланда с историком (Serv. Georg. I. 103)¹². Его сын Гай Рубеллий Бланд (PIR¹. Pars III. R 81) являлся монетарием в правление Августа¹³.

Муж Юлии Гай Рубеллий Бланд более известен благодаря обширному эпиграфическому материалу. В латинских надписях он упоминается как Бланд (CIL. VI. 14221, 16057; XIV. 3555), Гай Бланд (CIL. XIV. 3556), Рубеллий Бланд (CIL. IV. 1552; XIV. 2610; 3576).

¹⁰ Levick 1999, 164–168.

¹¹ Kienast 2004, 83.

¹² PIR¹ 1898, 136.

¹³ Cohen 1880, № 511; Wiseman 1971, 256.

Cursus honorum Гая Рубеллия Бланда прослеживается также благодаря эпиграфике. Бланд исполнял обязанности народного трибуна (CIL. XIV. 3576), пре-тора (CIL. XIV. 3555 = ILS. Vol. II. Pars 1. 3401), консула-суффекта (CIL. IV. 1552; VI. 14221; XIV. 3576). Год консулата точно неизвестен, примерно его можно датировать 18 годом н. э.¹⁴ Также засвидетельствованы сан *pontifex* (CIL. XIV. 3576) и проконсульство в Африке (CIL. XIV. 3556; 3576). В 20-х гг. Бланд — консуляр и сенатор (Тас. Ann. III. 53)¹⁵. Тацит, сообщая о деле Эмилии Лепиды, правнучки диктатора Суллы и триумвира Гнея Помпея (Тас. Ann. III. 22), говорит, что сенаторы поддержали мнение Рубеллия Бланда, потребовавшего лишить Лепиду воды и огня, что означало утрату гражданской правоспособности (Тас. Ann. III. 23). (Лепида являлась также теткой по отцу супруги будущего принцепса С. Сульпиция Гальбы, первого императора, не принадлежавшего к династии Юлиев-Клавдиев.) В 36 г. для определения ущерба после пожара в Риме была создана специальная коллегия, включавшая в т. ч. супругов четырех внучек принцепса Тиберия (Тас. Ann. VI. 45)¹⁶. Корнелий Тацит упоминает их по степени родственной принадлежности и значения. Вначале идут мужья дочерей Германика, племянника и приемного сына Тиберия: Агриппины Младшей (Гней Домиций Агенобарб, консул 32 г., избранный Тиберием «помимо древности его рода, также и потому, что тот состоял с Цезарями в кровном родстве» (*super vetustatem generis propinquum Caesaribus sanguinem delegerat*) (Тас. Ann. IV. 75)), Друзиллы (Луций Кассий Лонгин, консул 30 г.), Юлии (Марк Виниций, консул 30 и 45 гг.); замыкает этот ряд Рубеллий Бланд, супруг единственной родной внучки императора, Юлии.

В источниках упомянуты трое детей Бланда и Юлии: [Гай] Рубеллий Плавт (PIR¹. Pars III. R 85), [Рубеллий] Друз (PIR¹. Pars III. R 83) и Рубеллия Басса (PIR¹. Pars III. R 86). Рубеллий Друз известен по надписи (CIL. VI. 16057) и причисляется к потомству Юлии предположительно (PIR². Pars IV. Fasc. 3. J 636). Имя Рубеллии Бассы также восстанавливается по надписи (CIL. XIV. 2610): [*Rub*]elliae [*Bla*]ndi f. Bassae.

Корнелий Тацит называет Рубеллия Плавта знатнейшим мужем, указывая, что его мать принадлежала к роду Юлиев — *mater ex Iulia familia* (Тас. Ann. XIV. 22). (Принадлежность Юлии, по крови происходящей из фамилии Клавдиев Неронов, к фамилии Юлиев Цезарей стала возможной благодаря ее рождению от усыновленных в род Юлиев ее отца и деда.) «Он чтит установления предков, облик имел суровый, жил безупречно и замкнуто, и чем незаметнее, побуждаемый осторожностью, старался держаться, тем лучше о нем говорили в народе» (Тас. Ann. XIV. 22). Кроме этих сведений, упоминаемый Ювеналом человек знатного происхождения Гай Рубеллий Бланд (Juv. Sat. VIII. 39) может также быть отождествлен с Плавтом. В 55 г. Гай Рубеллий Плавт был заподозрен императором Нероном в претензиях на власть. Нерон обвинил свою жену Октавию, дочь принцепса Клавдия, в том, что она готовила государственный переворот и задумала вовлечь в него Плавта, «дабы, вступив с ним в супружество, возратить себе верховную власть над Римским государством» (Тас. Ann. XIII. 19). Права Плавта на принципат, несомненно, подтверждались в данном случае именно родственной

¹⁴ Wiseman 1971, 256; Levick 1999, 166; Seager 2005, 108.

¹⁵ Demougin 1992, 130–131, № 131.

¹⁶ Seager 2005, 201.

принадлежностью к *familia Caesaris*, поскольку достоверно известно, что никаких магистратур он в то время не занимал. По словам Тацита, «все в один голос» называли его преемником Нерона (Тас. Ann. XIV. 22). По материнской линии Рубеллий Плавт состоял в той же степени родства с первым принцепсом Августом, что и сам Нерон (Тас. Ann. XIII. 19). Кроме того, он был прямым потомком императора Тиберия, внуком прославленного полководца Друза Младшего. Династический фактор состоит также в перспективе брака с дочерью бывшего принцепса.

Рубеллий Плавт, как следует из текста Тацита, вовсе не собирался посягать на власть (Тас. Ann. XIV. 57), однако его тесть Луций Антистий в письме настаивал, что «уважение к его славному имени доставит ему поддержку честных людей» (Тас. Ann. XIV. 58) и просил не отдавать свою жизнь без сопротивления. Сначала Плавт был сослан в провинцию Азия. Тогда же был сослан в Нарбоннскую Галлию Фавст Корнелий Сулла Феликс, потомок диктатора Суллы и триумвира Марка Антония, супруг старшей дочери принцепса Клавдия Антонии. Тацит обращает внимание на то, что Плавт и Сулла находились поблизости от мест расположения войск (Тас. Ann. XIV. 57). Все эти данные Корнелия Тацита говорят о том, что существовала вероятная опасность утраты власти Нероном. Поэтому Нерон предпринял меры предосторожности, в результате чего Плавт был убит в Азии в 62 г. (Тас. Ann. XIV. 59; Dio Cass. Hist. Rom. 62. 14). Позднее, по определению сенаторов, он был исключен из состава сената (Тас. Ann. XIV. 59).

Пример Рубеллия Плавта, один из нескольких в истории принципата I века н. э., доказывает, что значение родственных связей в правящей фамилии возрастает при возможном принятии власти в условиях нестабильности режима. Также на примере других претендентов периода ранней империи можно отметить, что заговорщики, и в особенности преторианцы, планируя свержение принцепса, делали ставку на его родственника либо свойственника как преемника его власти. Принципат воспринимался представителями нобилитета в качестве все той же магистратуры эпохи Республики. Вопрос о возвращении к Республике в некоторых случаях еще ставился (как после убийства Калигулы), однако династический фактор постепенно усиливал свое значение.

Рубеллий Плавт был женат на Антистии Поллитте (PIR¹. Pars I. A 616), чье имя упоминается Тацитом сначала без когномена (Тас. Ann. XIV. 22), который встречается позже (Тас. Ann. XVI. 10). Ранее учеными предлагался вариант прочтения когномена как *Polutia* вместо *Pollitta*¹⁷. Плавт и Антистия имели нескольких детей, существование которых вскользь упомянуто Корнелием Тацитом (Тас. Ann. XIV. 59); их личные имена неизвестны.

Отцом Антистии являлся Луций Антистий Вет (PIR¹. Pars I. A 612), происходивший из влиятельного плебейского рода Антистиев, представители которого выдвинулись в конце Республики (Тас. Ann. XIV. 22)¹⁸. Его полное имя засвидетельствовано в эпиграфике (CIL. VIII. 8837 — L. Antistius Vetus), в нарративных источниках он упоминается как Луций Антистий (Тас. Ann. XIII. 11; XIV. 58) либо Луций Вет (Тас. Ann. XIII. 53; XVI. 10). Его отец неизвестен; по мнению Г. Дессау и Э. Клебса¹⁹, Вет мог являться сыном Гая Антистия Вета, консула 23 г. (PIR¹.

¹⁷ PIR¹ 1897a, 90; Ruperti 1794, 24.

¹⁸ Ruperti 1794, 24; Drumann 1899, Bd. I, 38–41.

¹⁹ PIR¹ 1897a, 89.

Pars I. A 608), либо Луция Антистия Вета, консула-суффекта 28 г. (PIR¹. Pars I. A 611). Несомненно, его родственниками являлись Гай Антистий Вет, консул-суффект 46 г. и ординарный консул 50 г., а также Гай Антистий Вет, консул 96 г.²⁰ В 55 г. Антистий Вет вместе с императором Нероном занимал должность консула (Тас. Ann. XIII. 11; XVI, 10)²¹, позднее был наместником двух провинций: легатом провинции Верхняя Германия в 55/58 г. в ранге пропретора (Тас. Ann. XIII. 53) и проконсулом провинции Азия в 63/64 г. Антистий Вет и его дочь также погибли при Нероне, совершив самоубийство в 65 г. (Тас. Ann. XVI, 11). Мать Антистии по источникам неизвестна, однако ее бабушка по матери Секстия (PIR¹. Pars III. S 482) упоминается в связи с самоубийством вместе с зятем и внучкой (Тас. Ann. XVI 11).

Относительно дочери Бланда и Юлии Рубеллии Бассы известно, что ее мужем являлся [Гай] Октавий Лена (Ленат) (PIR¹. Pars II. O 28; PIR². Pars V. Fasc. 3. O 41), именуемый в одной из надписей Корпуса латинских надписей *quattuorvir quinquennalis Marruvii Marsorum* (CIL. IX. 3688) (если полагать, что именно об этом Лена идет речь). Кроме того, можно считать доказанным факт родства Лены с будущим принцем Марком Кокцией Нервой²², матерью которого являлась сестра Лены Сергия Плавилла (PIR¹. Pars III. S 384). В цитируемой выше надписи (CIL. XIV. 2610) упомянут внук Октавия Лены и Рубеллии Бассы Сергий Октавий Лена Понтиан (PIR¹. Pars II. O 30), консул 131 г.²³, известный также по другим надписям Корпуса (CIL. VI. 157; 10048; 10299; XIV. 2636). Поэтому для реконструкции родственной связи предполагается наличие у Бассы и Лены сына [Октавия Лены], что и отражено на стемме в «Prosopographia Imperii Romani»²⁴.

Помимо родственных связей внутри римского нобилитета, прослеживается родство потомков принцепса Тиберия с правителями эллинистического Востока. Эта уникальная ситуация возникла благодаря личности римского триумвира Марка Антония, потомки которого являлись правителями государств различных частей Средиземноморья. Внучка принцепса Тиберия Юлия, являясь также правнучкой Марка Антония, была троюродной сестрой царицы Понта Антонии Трифены и царя Великой Армении Арташеса III (детей Полемона I и внучки триумвира Пифодориды) (PIR¹. Pars I. A 718; Pars III. Z 5 = Pars I. A 962), а также супруги прокуратора Иудеи Антония Феликса Друзиллы, которую следует считать дочерью царя Мавретании Птолемея, внука триумвира (а не его сестрой, как пишет Тацит). Дети Юлии и Рубеллии Плавта находились, таким образом, в дальней степени родства с правителем Понта и Киликии Трахеи Полемоном II, царем Фракии Реметалком III, царем Малой Армении Котисом IV / IX (PIR¹. Pars III. P 406; R 52; Pars I. C 1270).

Таким образом, фамилия Клавдиев Неронов, угасшая в 55 г. со смертью Британика, сына принцепса Клавдия, продолжилась в потомстве семейств Рубеллиев и Октавиев. Эпиграфика дает по этому поводу ценный материал. Новейшие исследования позволяют восстановить генеалогию вплоть до представителей дина-

²⁰ Grainger 2002, 8.

²¹ Klein 1881, 36; Clinton 1845, 38.

²² Syme 1939, 500, n. 10; Grainger 2002, xiv, 28–29.

²³ Klein 1881, 64; Clinton 1845, 118.

²⁴ PIR¹ 1898, 136.

стии Антонинов, однако ее рассмотрение остается за рамками настоящей статьи. В центре нашего внимания находилось рассмотрение генеалогии не отдельного римского рода либо фамилии, а освещение всего нисходящего потомства определенного исторического лица — императора Тиберия, которое относится к ряду нескольких фамилий. Подводя итоги исследования, можно отметить, что ряд известных по античным источникам исторических лиц конца I в. до н. э. — I в. н.э., кровно принадлежавших к фамилиям Клавдиев Неронов, Рубеллиев Бландов, Октавиус Ленасов, а также через усыновление к фамилии Юлиев Цезарей и игравших видную политическую роль в Римском государстве, является потомками второго римского императора.

Сведения античных авторов, материалы эпиграфики и данные нумизматики относительно состава римских фамилий начала императорской эпохи, помимо несомненной просопографической ценности, необходимы также для прояснения ряда политических вопросов, помогая в некотором смысле определить сущность такого понятия, как принципат.

ЛИТЕРАТУРА

- Clinton H. F.* 1845: *Fasti romani. The Civil and Literary Chronology of Rome and Constantinople from the Death of Augustus to the Death of Justin II.* Vol. I. Oxford.
- Cohen M.* 1880: *Description historique des monnaies frappées sous l'empire Romain.* T. 1. Pompey to Domitian. Paris.
- Demougin S.* 1992: *Prosopographie des Chevaliers Romains Julio-Claudiens* (43 av. J.-C. — 70 ap. J.-C). Rome.
- Dessau H.* (ed.) 1892: *Inscriptiones Latinae Selectae.* Vol. I. Berolini.
- Dessau H.* (ed.) 1897a: *Prosopographia Imperii Romani.* Saec. I. II. III. Pars I. Berolini.
- Dessau H.* (ed.) 1897b: *Prosopographia Imperii Romani.* Pars II. Berolini.
- Dessau H.* (ed.) 1898: *Prosopographia Imperii Romani.* Pars III. Berolini.
- Dessau H.* (ed.) 1902: *Inscriptiones Latinae Selectae.* Vol. II. Pars 1. Berolini.
- Drumann W.* 1899: *Geschichte Roms in seinem Übergange von der republikanischen zur monarchischen Verfassung.* Bd. I. Leipzig.
- Drumann W.* 1902: *Geschichte Roms in seinem Übergange von der republikanischen zur monarchischen Verfassung.* Bd. II. Leipzig.
- Grainger J. D.* 2002: *Nerva and the Roman Succession Crisis of A.D. 96–99.* L.
- Groag E.* (ed.) 1936: *Prosopographia Imperii Romani.* Saec. I. II. III. Editio altera. Pars II. Berolini.
- Groag E.* (ed.) 1966: *Prosopographia Imperii Romani.* Saec. I. II. III. Editio altera. Pars IV. Berolini.
- Groag E.* (ed.) 1987: *Prosopographia Imperii Romani.* Saec. I. II. III. Editio altera. Pars V. Fasc. 3. Berolini.
- Kienast D.* 2004: *Römische Kaisertabelle. Grundzüge einer römischen Kaiserchronologie.* Darmstadt.
- Klein J.* 1881: *Fasti consulares inde a Caesaris nece usque ad imperium Diocletiani.* Lipsiae.
- Levick B.* 1999: *Tiberius the Politician.* L.; New York.
- Raepsaet-Charlier M.-Th.* 1987: *Prosopographie des femmes de l'ordre sénatorial* (Ier — IIe siècles). Louvain.
- Ruperti G. A.* 1794: *Tabulae genealogicae sive Stemmata nobilissimarum gentium romanarum.* Goettingae.
- Seager R.* 2005: *Tiberius.* Malden; Oxford; Victoria.

-
- Sutherland C. H. V.* (ed.) 1984: The Roman Imperial Coinage. Vol. I: From 31 B.C. to A.D. 69. L.
- Syme R.* 1939: The Roman Revolution. Oxford.
- Wiedemann T. E. J.* 2006: Tiberius to Nero // CAH. Vol. X: The Augustan Empire, 43 B.C. — A.D. 69 / A. K. Bowman, E. Champlin, A. Lintott (eds.). Cambridge, 198–255.
- Wiseman T. P.* 1971: New Men in the Roman Senate, 139 B.C. — A.D. 14. Oxford.

GENEALOGY AND PROSOPOGRAPHY OF THE SENIOR LINE
OF CLAUDII NERO

G. Karavaev

The article examines the genealogy of all known descendants of the second Roman princeps Tiberius. With the use of the narrative, epigraphic and numismatic data the kinship of the senior line of this family is studied. The great role of a dynastic transfer of power by the first princeps of Rome as well as the importance of the related accessories to the Roman aristocracy is noted.

Key words: Ancient Rome, the Julio-Claudian dynasty, the Principate, genealogy, prosopography

Восток в древности и средние века

© 2014

А. А. Горохов

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВА В ДРЕВНЕМ ИЗРАИЛЕ (вторая половина XI — первая половина X в. до н.э.) В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Статья посвящена проблеме формирования раннего государства в древнем Израиле (вторая половина XI — первая половина X в. до н.э.) в отечественной и зарубежной историографии древнего Ближнего Востока. В ней рассматриваются основные факторы и закономерности общественного развития, способствующие формированию государства в Израиле. Этот процесс завершился изменением сегментарного общества у этно-религиозного союза еврейских племен сначала в воцарение Саула, а затем в раннее государство Давида.

Ключевые слова: сегментарное общество, воцарение, Саул, раннее государство, Давид, историография, урбанизация, социальная стратификация

Формирование государственности в древнем Израиле является одной из ключевых тем в истории древней Палестины с 1980-х гг. XX в. Следует выделить два этапа, связанные с попыткой объяснения исследователями проблемы становления древнеизраильской государственности и ее институтов.

Основной вопрос, вокруг которого велась дискуссия, заключался в недостатке небиблейского источниковедческого материала, который мог бы независимо от библейского текста помочь исторической реконструкции периода «объединенной монархии» в древнем Израиле. Так как такого материала, который включал бы в себя материальные и письменные источники, почти нет, то некоторые ученые, которые впоследствии получили в зарубежной историографии древнего Израиля наименование «минималистов», выдвинули тезис, что время объединенной монархии является мифическим периодом в истории Израиля, а библейский нарратив, рассказывающий о Сауле и Давиде, — это литературный продукт эллинистического периода¹. Этому мнению придерживались исследователи-минималисты Дж. Гарбини², Н. П. Лемхе³, Ф. Р. Дэвис⁴, Т. Л. Томпсон⁵.

Горохов Анатолий Алексеевич — аспирант кафедры истории, философии, культурологии, теории и методик обучения филиала Тюменского государственного университета в г. Тобольске. E-mail: warlaam_gorochow@mail.ru

¹ Thompson 1999, 4, 207.

² Garbini 2003, 130.

³ Lemche 2004, 119–120.

⁴ Davies 1992, 31.

⁵ Thompson 1990, 111.

Весомые коррективы в дискуссию внесло открытие в 1993 и 1994 гг. израильскими археологами А. Бираном и Й. Наве двух фрагментов А и В 1–2 арамейской стелы в Тель Дане, датируемой IX в. до н.э., в которой упоминается выражение «bêṭ dāwīd», широко употребляемое в библейских книгах Царств. После того как надуманные версии в объяснении данного слова в надписи (упоминание о гипотетическом ближневосточном божестве Доде⁶ либо храме Яхве, который располагался в Дане⁷) были отвергнуты большинством исследователей, Н. П. Лемхе вынужден был признать: «Мнение о подложности надписи из Тель Дана не доказано»⁸. Однако Т. Л. Томпсон считал, что «даже если «bêṭ dāwīd» указывает на династию, управлявшую Иудеей в IX в. до н.э., это ничего еще не говорит о самом Давиде как основателе этой династии в более ранний период»⁹.

Второй этап в дискуссии о периоде ранней монархии в древнем Израиле начался с середины 90-х гг. прошлого столетия и был связан с личностью и взглядами современного израильского археолога И. Финкельштейна. Первоначально дискуссия шла вокруг хронологии Палестины в Iron I и Iron II и затрагивала период X–IX вв. до н.э. Вместо общепринятой хронологии, которую исследователь называл «высокой хронологией», он предложил новую модель «The Low Chronology» – изменение датировки археологических слоев, ранее относимых к X в. до н.э. Теперь, по мнению И. Финкельштейна, их следовало датировать IX в. до н.э. Таким образом, слой VA–IVB в Мегиддо, слой X в Хацоре, слой XI в Араде и слой V в Бээр-Шеве, датировавшиеся временем Соломона, стали датироваться временем Ахава¹⁰.

Необходимо подчеркнуть, что исходной точкой данной хронологической модели послужили исследования филистимской керамики в южной прибрежной равнине Ханаана. Не найдя в Лахише и Телль Сера монохромной керамики микенского типа, И. Финкельштейн стал считать, что египетское влияние в этом регионе в конце XIII в. до н.э., как это было принято считать со времени У. Ф. Олбрайта, еще не окончилось, то есть переместил дату окончания египетского доминирования к концу XII в. до н.э.¹¹, что привело к смещению и других дат. Исследователь обосновывает свою точку зрения таким образом: «Разделяющая линия между Iron I и Iron II, которая заключается в характере изменений (появление монументальных строений, письменности, массового производства глиняной посуды, административных городских центров) перемещается с 1000 г. до н.э. к началу IX в. до н.э., и, таким образом, первое развитое государство — это царство Омридов в северном Израиле. Царство Давида и Соломона могло быть вожеством или ранним государством на стадии территориального расширения, но без монументальной архитектуры и власти центрального правительства»¹².

В связи с этим особую остроту полемики зарубежных ученых в настоящее время вызывает вопрос о степени социально-политического развития древнеизраильских государственных институтов в период правления Давида и Соломона.

⁶ Davies 1994, 54–55.

⁷ Ben Zvi 1994, 25–32.

⁸ Lemche 2003, 66.

⁹ Thompson 1999, 203–204.

¹⁰ Finkelstein 1996, 177–187.

¹¹ Finkelstein 1995, 213–239.

¹² Finkelstein 1996, 185.

Исследовательские позиции колеблются от признания древнего Израиля во время Давида и Соломона империей (А. Маламат¹³, К. Мэйерс¹⁴) до именованя его вождеством (И. Финкельштейн¹⁵). Более убедительной представляется точка зрения тех ученых (Ф. Фрик¹⁶, Д. Флэнэган¹⁷), которые называют древнеизраильское государство эпохи Давида и Соломона ранним государством, находящимся в периоде эволюции своих институтов, поскольку уже имелись центральная власть правителя в ранге царя и административный аппарат, формировался царский сектор в экономике и политике, в обществе усиливалось социальное расслоение, а в экономике происходил рост прибавочного продукта.

Нужно сказать, что в отечественной историографии эволюцию древнеизраильских государственных институтов¹⁸ изучал И. Ш. Шифман. Из зарубежных исследователей проблему формирования государства у еврейских племен рассмотрели Н. Готвальд¹⁹, Ф. Фрик²⁰, А. Альт²¹, В. Рихтер²², Д. Хопкинс²³, Д. Флэнэган²⁴, Р. Кут и К. Уайтлэм²⁵. В своей методологии исследователи Н. Готвальд, Ф. Фрик, Д. Флэнэган, Р. Кут, К. Уайтлэм опирались на социально-антропологические теории вождества и раннего государства, разработанные К. Ренфрю²⁶, а также Х. Классеном и П. Скальником²⁷.

Следует заметить, что, базируясь на библейском нарративе Судей и Первой книги Царств, большинство зарубежных историков древнего Израиля первой половины — середины XX в. считало древний Израиль до возникновения там монархии конфедерацией племен. Так, американский библейский археолог Д. Райт считал, что в догосударственный период своей истории «Израиль являл собой достаточно условную конфедерацию племен, объединенных не некой центральной политической фигурой, но религиозными узами или «заветом», материальным символом которого являлся ковчег завета, находившийся в главном святилище в Силоме»²⁸. Немецкий исследователь М. Нот сравнивал древний Израиль этого времени с греческими амфикиниями, полагая, что центром жизни в таких племенных структурах было главное святилище²⁹.

В семидесятых годах прошлого века эта гипотеза подверглась критике со стороны немецкого исследователя Г. Форера, посчитавшего ее несостоятельной по

¹³ Malamat 2001, 193.

¹⁴ Meyers 2001, 82.

¹⁵ Finkelstein, Mazar 2007, 115.

¹⁶ Frick 1985, 202.

¹⁷ Flanagan 1996, 328.

¹⁸ Шифман 1989, 53–85.

¹⁹ Gottwald 1986, 77–106.

²⁰ Frick 1985.

²¹ Alt 1966, 171–237.

²² Richter 1965, 71–84.

²³ Hopkins 1983, 177–202.

²⁴ Flanagan 1996, 311–334.

²⁵ Coote, Whitelam 1996, 335–376.

²⁶ Renfrew 1974, 69–88.

²⁷ Claessen, Skalnik 1978.

²⁸ Райт 2003, 138.

²⁹ Noth 1930, 96–97.

причине, главным образом, отсутствия терминологического эквивалента слову «амфиктиония» в библейском иврите и других семитских языках³⁰.

Критика Г. Форера была подхвачена другими исследователями. Так, Т. Л. Томпсон пишет следующее: «Фундаментальная слабость амфиктионической гипотезы то, что это является только аналогией, а не исторической реконструкцией раннего Израиля, основанной на письменном или материальном свидетельстве»³¹. Вызывает сомнение ученого и существование центральной святыни для всех израильских племен³².

Однако если основываться на свидетельствах библейских текстов, описывающих родоплеменное еврейское общество, то с доводами Г. Форера и Т. Томпсона нельзя согласиться. В одном из рассказов книги Иисуса Навина повествуется, о том что между заиорданскими и остальными племенами Израиля едва не вспыхнула война, после того как заиорданские племена соорудили жертвенник, а остальные племена Израиля подумали, что они этим отделяются от остальных в религиозном отношении. (Ис. Нав. гл. 22). Также в песне Деворы (Суд. гл. 5) (датируемой XII в. до н.э.) упоминаются почти все племена Израиля, не упомянуты лишь Иудино, Симеоново, Гадово и Манассиино, которые, видимо, не участвовали в войне против Иавина, царя г. Хацора.

Американский исследователь Н. Готвальд считал древний Израиль в домонархическую эпоху «сегментарным обществом»³³, то есть организованным на клановой или родовой основе и не имеющим четко выраженной государственной власти. В данном обществе социальная структура определяется родословной, и основным фактором сближения (определения идентичности) бывает родство по мужской линии.

Заимствованная из арсенала социальной антропологии примитивных обществ идея сегментарного общества находит определенную поддержку в терминологии, содержащейся в библейской традиции, которая описывает социальную структуру догосударственного состояния древнееврейских племен. Так, первичной формой социальной организации являлся *bêt 'āb* (дом отца) — патриархальная или расширенная семья, некое количество семей образуют род — *mišpāhāh* (от евр. глаг. *šāfāh* — «стирать, сглаживать»), и некое количество родов образуют племя — *šēbet* («побег, ответвление») или *maṭṭeh* («ветка»). В рамках племен функционировали народное собрание — *qāhāl* и совет старейшин — *ziqnē hā'ēdā*. В сложных обстоятельствах появлялись особые харизматические лидеры — *šōrēṭīm* — судьи, власть, которых распространялась на одно или несколько племен.

Человек в сегментарном обществе приобретает землю и рогатый скот только как член рода. Библейская традиция говорит о разделении земли Ханаана между племенами Израиля, причем земля не могла отчуждаться за пределы определенного рода. Сам термин наследство — *nāḥalāh* — происходит от евр. глагола *nāḥal* — «получать» и «завещать». «Старший сын получал двойной надел, остальные равные доли. Если муж умирал, не оставив сыновей, наследство переходило его дочерям; если не было дочерей, то братьям; если не было братьев, то братьям

³⁰ Fohrer 1977, 74–79.

³¹ Thompson 1990, 44.

³² Thompson 1990, 44.

³³ Gottwald 1979, 322.

отца; если не было братьев отца, то близкому родственнику (Числ. 27: 8–11). Если наследовали дочери, они должны были сочетаться браком с кем-то из их рода (Числ. 36: 6)»³⁴.

По мнению советского исследователя И. Ш. Шифмана, «если говорить о чисто израильских правовых нормах, регулировавших земельные отношения, то они, сколько мы можем судить, отражали более архаичный, нежели ханаанейское право (где, как показывает предание об Аврааме (Быт. 23: 3–20), земли родовой собственности — *‘āḥuzzā* — могли служить объектом торговых сделок), уклад, характеризующийся господством родовой собственности на землю. Теоретически по данным традиции эта собственность возникла в результате раздела завоеванной Палестины между родами и племенами. Лица, не располагавшие ни правом наследования, ни правом выкупа, то есть не бывшие членами рода, не имели права и покупать данную землю»³⁵.

Традиция наследования была жива и действенна даже в самые сложные периоды исторической жизни племен Израиля. Так, один из жителей древнего Израиля Навуфей перед царем Ахавом из могущественной северной династии Омридов ссылается на «наследство отцов моих» (3 Цар. 21: 3), когда Ахав просит продать ему виноградник.

Американский исследователь Ф. Фрик пишет об «эгалитарности»³⁶ древнего Израиля в то время. Важнейшим признаком эгалитарности того или иного общества является отсутствие потребности в наличии постоянного лидера. Лидерство носит временный характер. Это вполне согласуется с наличием лидеров локального (племенного) масштаба, так как каждое племя возглавлялось старейшинами.

Однако сегментарность и эгалитарность древнеизраильского общества в то же время не говорит об отсутствии в нем полностью социальной дифференциации. Советский историк В. И. Авдиев считал, что «древнееврейские племена уже ко времени вторжения в Палестину в середине II тыс. до н.э. жили в условиях распада родового строя», поскольку «старейшины принадлежали к высшему социальному слою»³⁷. Исследователь А. И. Тюменев сделал важное уточнение: «Социальное равенство в значительной мере сохранилось еще и в эпоху судей: для каждого мужественного человека было возможно путем воинских подвигов приобрести себе положение вождя»³⁸.

Почему же и при каких обстоятельствах происходит преобразование сегментарного общества древних евреев в государство? При исследовании данной проблемы возникают два вопроса: когда негосударственное образование — сегментарное общество в древнем Израиле приобретает государственный статус, а также какие факторы способствуют этому процессу.

По данным библейского источника — Первой книги Царств, первым правителем Израиля, носившим наименование *me'lek* — царь, в середине XI в. до н.э. становится Саул из колена Вениамина. Основываясь на данном факте, зарубежные

³⁴ Ороховатская 2001, 525.

³⁵ Шифман 1965, 33–35.

³⁶ Frick 1985, 25.

³⁷ Авдиев 1970а, 95–96.

³⁸ Тюменев 2003, 11.

ученые первой половины XX в. (У. Ф. Олбрайт³⁹, Д. Брайт⁴⁰, Д. Райт⁴¹) считали, что древний Израиль сразу перешел от племенной конфедерации к институту монархии. Однако по мере развития за рубежом социально-исторических исследований по древнему Израилю, со второй половины XX в., стало ясно, что решение данной проблемы не так просто, как мыслилось ученым сначала.

Так, исследователь Ф. Фрик утверждал, что «начальное раннее государство в древнем Израиле было при Сауле и раннем Давиде, типичное раннее государство было в более поздний период правления Давида и переходное раннее государство существовало при Соломоне»⁴².

Д. Флэнэган, считал, что «при Сауле и в ранний период правления Давида в древнем Израиле было вожество. Саул был только военным лидером, он не смог установить государственную зависимость через экономическое перераспределение, что, возможно, стабилизировало бы его власть. Давид стоял на границе между вожеством и царством. Список чиновников и перепись с целью налогообложения и воинской повинности отражает изменение в организации общества. Тогда Давид стал руководить как царь»⁴³.

С точки зрения В. И. Авдиева, «в царстве Саула все еще сохранялись следы старых племенных отношений»⁴⁴. И. Ш. Шифман также полагал, что «положение первого царя, Саула, было весьма непрочным; в сущности, он был прежде всего предводителем всенародного ополчения»⁴⁵ и по характеру власти являлся «выборным магистратом, облеченным военными полномочиями»⁴⁶.

Хотя И. Р. Тантлевский делает заключение, что «царство Саула включало в себя территории Биньямина, Эфраима, Гилада, вероятно, к нему присоединились Йехуда и Галилея (или, по крайней мере, оно оказывало значительное влияние на эти территории)»⁴⁷; его точку зрения сложно соотносить с фактом наличия филистимских охранных отрядов, по-видимому, на территории, занимаемой племенами Вениамина и Ефрема. Такой отряд был даже в столице Саула — Гиве, пока не был разгромлен сыном Саула Ионафаном и его дружиной (1 Цар. 13: 3). Также нужно отметить что, борьба Саула с филистимлянами продолжалась с переменным успехом во весь период его правления. Кроме того, во время правления Саула среди израильской территории продолжали существовать ханаанские анклав, некоторые из них, как, например, Иевус (Иерусалим), располагались посередине между землями, занимаемыми северными и южными племенами Израиля, разделяя их.

В. Дитрих также определяет правление Саула как вожество (the chieftdom), говорит, что «нигде мы не находим ясные признаки развитой государственности: центрального правительственного аппарата, управления экономикой и обществом на всей территории. Весь аппарат Саула состоял из царя, наследника, лидера ар-

³⁹ Albright 1963, 45–48.

⁴⁰ Bright 1981, 163–164.

⁴¹ Райт 2003, 151.

⁴² Frick 1985, 202.

⁴³ Flanagan 1996, 328.

⁴⁴ Авдиев 1970б, 336.

⁴⁵ Шифман 2007, 144.

⁴⁶ Шифман 1989, 68.

⁴⁷ Тантлевский 2007, 240.

мии (кузена царя), командира наемников (зятя царя). Мы ничего не слышим о министрах, дипломатах, писцах (1 Цар. 20: 25)»⁴⁸.

Итак, Саул не имел бюрократического аппарата управления и, вероятно, не мог контролировать всю территорию, занимаемую древнееврейскими племенами, поскольку равнины все еще были под контролем филистимлян, поэтому правление этого царя лучше охарактеризовать как вожжество, а не как раннее государство. Переходу от эгалитарного и сегментарного социума к монархической государственности предшествовала промежуточная социально-политическая форма организации в виде вожества.

Социальный антрополог К. Ренфрю выделил основные признаки отличия вожества от эгалитарного общества⁴⁹. Главные из них — это более определенные территориальные границы, появление экономических, социально-политических и религиозных центров, организация общественных работ, распространяющееся неравенство отдельных людей или общественных групп⁵⁰. Основные же отличия вожеств от ранних государств заключаются в зачаточном состоянии социальной стратификации и специализации.

Многие историки древнего Израиля (М. Нот, Д. Брайт, Ф. Фрик) считали, что монархическая государственность была обусловлена внешним давлением со стороны филистимлян. По мнению М. Нота, «идея монархии появилась в Израиле поздно, вопреки основным положениям социальной структуры, благодаря историческим обстоятельствам, т.е. давлению филистимлян, которое в целом угрожало самому существованию Израиля»⁵¹. Д. Брайт также считает, что «монархия была учреждением, полностью чуждым традиции Израиля»⁵².

Однако к концу XX в. исследователям стало ясно, что объяснить процесс формирования государственности в древнем Израиле через один, пусть даже основной, фактор не представляется более возможным. Так, Р. Кут и К. Уайтлэм видят в этом «отрицание внутренней динамики израильского общества»⁵³. Поэтому более верно то, что стимулом для формирования древнеизраильского государства стало взаимодействие внутренних и внешних факторов.

Думается, что религиозный, военный и социально-экономический факторы лежали в основе становления древнеизраильской государственности, в различной степени повлияв на социально-политический процесс. Все это мы намерены проанализировать далее.

Следует отметить, что не кровное родство, а религиозный союз — завет с Богом — был определяющим фактором идентичности в древнем Израиле, который назывался *hā'ēdā yhw* — община Яхве. Любой *gēr* — пришелец становился своим через принятие завета и обрезание, и, наоборот, без этого он навсегда оставался чужим для общины — *hāgōyīm* (Исх. 12: 48).

Религия Яхве была консолидирующей силой, поскольку организация власти в догосударственном Израиле напрямую зависела от устойчивости религиозного

⁴⁸ Dietrich 2007, 189.

⁴⁹ Renfrew 1974, 69–88.

⁵⁰ Renfrew 1974, 71.

⁵¹ Noth 1960, 165.

⁵² Bright 1981, 187.

⁵³ Coote, Whitelam 1996, 343, 358.

фактора — верности завету, и, как только слабели религиозные связи между племенами, сразу же ослабевали и общественные связи. Это приводило к тому, что израильтяне попадали под власть иноплеменников. В песне Деворы говорится: «Избрали новых богов, оттого война у ворот» (Суд. 5: 8).

Кроме этого, религиозная традиция делала власть легитимной. Д. Флэнэган считал, что «Саул использовал религиозный фактор в целях легитимизации власти»⁵⁴. Однако Саулу это не удалось, он вступил в конфликт со священническими кругами, о чем свидетельствуют убийство священников в Номве (1 Цар. 22: 11–19) и постоянная конфронтация с пророком Самуилом. Также власть царя в древнем Израиле была ограничена так называемым правом царства — *mišrāt hammēlukā*. По мнению И. П. Вейнберга, это «правовая норма, функционировавшая во время монархии, т.е. основное положение государства»⁵⁵. Вероятно, эта юридическая норма была заложена еще в период вожества, то есть при Сауле. К сожалению, мы не знаем, в чем она состояла, но некоторый намек нам дает отрывок из книги Второзаконие (17: 14–20), где говорится о невозможности царя быть иноземцем, нежелательности приобретения большого количества серебра и золота, жен, лошадей, чтобы не надмевалось сердце его пред братьями. Из этого текста мы можем сделать вывод о том, что главная цель данного юридического положения — не дать институту монархии приобрести деспотический характер.

Вместе с тем некоторые зарубежные и отечественные ученые, например Д. Флэнэган⁵⁶, Ю. Б. Циркин⁵⁷, полагают, что утрата ковчега завета стала для израильтян концом сегментарного общества. Таким образом, религиозный фактор стал стимулом для создания вожества, а впоследствии и его трансформации в раннее государство.

Наряду с религиозным, определяющим фактором в процессе интеграции израильских племен, был военный. Военная угроза со стороны филистимлян бросила вызов всем племенам, входящим в этно-религиозный союз Израиль, так как филистимляне имели хорошую военную организацию. К середине XI в. до н. э. внешнее давление на Израиль со стороны филистимлян усилилось, что выразилось в военном поражении евреев при Евен-Езере, разрушении религиозного центра в Шило (Силоме) и установлении филистимских гарнизонов в центральном нагорье.

Зарубежные и российские исследователи выделяют несколько причин для филистимского наступления на древний Израиль. Так, по мнению М. Нота⁵⁸, З. Хэрманна⁵⁹, И. Ш. Шифмана⁶⁰, Ю. Б. Циркина⁶¹, И. Р. Тантлевского⁶², одной из причин было желание филистимлян доминировать в Ханаане. Это становилось вполне возможным, поскольку в конце XII–середина X в. до н.э. совершенно исчез контроль над Палестиной со стороны Египта и держав Месопотамии, который

⁵⁴ Flanagan 1996, 328.

⁵⁵ Вейнберг 1993, 201.

⁵⁶ Flanagan 1996, 319.

⁵⁷ Циркин 2003, 122.

⁵⁸ Noth 1960, 166.

⁵⁹ Herrmann 1981, 131.

⁶⁰ Шифман 2007, 144.

⁶¹ Циркин 2003, 108.

⁶² Тантлевский 2007, 239.

определял социально-политическую обстановку в этом регионе в предшествующее и последующее время. Благодаря этому локальным обществам, жившим в Палестине, впервые представилась возможность автономного существования и подчинения военным путем своих соседей. Первыми такую возможность почувствовали филистимляне, начавшие активную экспансию с целью подчинения автохтонного населения Палестины, а затем и еврейских племен.

С точки зрения Й. Аарони⁶³ и Д. Брайта⁶⁴, причина сводилась к предотвращению расширения Израиля к прибрежной равнине. В данном случае следует отметить, что до X в. до н.э. древний Израиль располагался в центральном нагорье, равнинная территория была почти недоступной еврейским племенам, поэтому вряд ли можно говорить о том, что Израиль мог выйти к прибрежной равнине, если Саронская и Изреельская равнины были недоступны ему до эпохи Давида.

Как полагал У. Ф. Олбрайт⁶⁵, израильтяне заняли территорию, по которой проходили важные торговые маршруты. Однако маловероятно, что они могли проходить по территории древнего Израиля ранее периода правления Давида и Соломона (1010–936 гг. до н.э.), ведь центральное нагорье их не имело, а равнинная территория была занята ханаанскими анклавами либо самими филистимлянами, во всяком случае находилась под их контролем.

Более оправданным с исторической точки зрения представляется мнение таких ученых, как А. Альт⁶⁶, Ф. Фрик⁶⁷, Н. Готвальд⁶⁸, согласно которой филистимляне стремились к извлечению материальной выгоды путем экономической эксплуатации израильтян. Кроме того, согласно взглядам З. Хэрмана⁶⁹, Б. Хэлперна⁷⁰, Н. Готвальда⁷¹, И. Ш. Шифмана⁷², военное противостояние кочевникам юга Палестины — амаликитянам, а также народам Заиордания, близким израильтянам в этническом плане, аммонитянам и моавитянам — было не менее важным стимулом в процессе перехода к вожеству, а затем к раннему государству.

Таким образом, война стала своеобразным катализатором социально-политических процессов в древнем Израиле, что выразилось в изменении политического статуса военных лидеров и создании профессиональной армии, сумевшей отстоять независимость древних евреев от внешнего давления окружающих народов. Если проанализировать тот факт, что лидер израильтян Саул почти постоянно вынужден вести войны с филистимлянами и погибает в борьбе с ними, то можно представить, что бы было с древним Израилем, если бы не было ни Саула, ни организованной им армии. Израиль был бы окончательно подчинен, а потом его ждала бы ассимиляция, как это произошло с многочисленными окружающими народами.

⁶³ Aharoni 1979, 274.

⁶⁴ Bright 1981, 185.

⁶⁵ Albright 1969, 162.

⁶⁶ Alt 1966, 180.

⁶⁷ Frick 1985, 202.

⁶⁸ Gottwald 1986, 88–93.

⁶⁹ Herrmann 1981, 131.

⁷⁰ Halpern B. 1983, 257.

⁷¹ Gottwald 1986, 80.

⁷² Шифман 1989, 68.

Просьба израильтян, вероятно, старейшин племен о царе, обращенная к судье, священнику и пророку Самуилу, обнаруживает следующие идеи о том, какова должна быть функциональная роль царя: 1. «...будет судить нас царь наш», 2. «...ходить пред нами» (в древнееврейской версии текста “*yâšâ l’rānênu*” то есть — «выступать в поход», 3. «...вести войны наши» (1 Цар.8:20). Две последние из трех функций сводятся к роли военного вождя (*nāgīd*). Израильские судьи были и судьями, и военными вождями, но многим из них не подчинялся весь Израиль. Перед лицом же возросшей внешней угрозы усиливается постепенно объединяющий все племена в одно целое политический процесс укрепления личной власти лидера. Д. Флэнэган отмечает, что слова *me’lek* — царь и *nāgīd* — вождь являются по отношению к роли лидера синонимами⁷³.

Данное утверждение соответствует как библейскому повествованию, например, при помазании Саула: «...вот, Господь помазывает тебя в правителя наследия Своего» (1 Цар. 10: 1), — так и тем двум функциональным задачам, которые ставили перед царем старейшины племен: «...будет царь наш ходить пред нами и вести войны наши» (1 Цар. 8: 20).

Исследователь В. Рихтер считал, что «использование термина *nāgīd* в Библии имело три фазы развития. До Давида — это тип избранного военачальника. Во время Давида — термин, обозначающий царя и эквивалентный термину *me’lek*. После Давида — это термин для обозначения административных чиновников»⁷⁴.

Следует сказать, что термин *nāgīd* больше связан с эпохой вожества и раннего государства. Когда при Соломоне власть царя укрепляется и раннее государство достигает переходной стадии к развитому государству, то по отношению к личности царя он уже не употребляется. Когда же после отпадения десяти племен власть над ними переходит к Иеровоаму I, причем власть царя сильно ограничена, так как его полномочия снова вернулись примерно к уровню времени Саула — царя в роли военного вождя, то по отношению к нему библейский рассказ снова употребляет данный термин: «...так говорит Господь Бог Израилев: Я возвысил тебя из среды простого народа и поставил вождем (*hānāgīd*) народа Моего Израиля» (3 Цар. 14:7), — который снова является синонимичным термину *me’lek*: «...будешь царем над Израилем» (3 Цар. 11:37).

Необходимо отметить, что армия была основой формирующегося царского социально-политического сектора. В период вожества при Сауле начало этому процессу было положено не только созданием всенародного ополчения для отражения агрессии аммонитян, а затем филистимлян, так как подобное ополчение существовало и в сегментарном обществе (например, Девора и Варак — предводители древнеизраильского племенного ополчения), но также созданием профессиональной военной дружины во главе с дядей Саула Авениром. Библейский текст говорит об этом таким образом: «Саул пошел в дом свой, в Гиву; и пошли с ним храбрые, которых сердца коснулся Бог» (1 Цар. 10:26) и «...когда Саул видел какого-либо человека сильного и воинственного, брал его к себе» (1 Цар. 14:52).

Далее следует сказать о влиянии верхов социального слоя формирующейся армии на экономические изменения. Вполне вероятно, что профессиональные воины (дружинники) начинали использование наемного труда в качестве приви-

⁷³ Flanagan 1996, 311–334.

⁷⁴ Richter 1965, 71–84.

легии высшего социального слоя. Это вело к постепенной социальной стратификации, поэтому военный фактор стал также стимулом важных перемен в древне-израильской экономике.

Экономическую основу древнееврейского союза племен составляло сельское хозяйство. Главными материальными ресурсами для древнего израильтянина были земля и скот. Они и являлись средствами производства материальных благ, основой производящего хозяйства для получения необходимого продукта. Поэтому основными занятиями евреев являлось земледелие и скотоводство.

Думается, что главной причиной начала социально-экономических изменений стала необходимость в избыточном продукте для нужд армии. В период вожества при Сауле выделяется особый царский социально-экономический сектор. В Библии упоминается о том, что царь может, в принципе, взять частную землю израильтян для своих нужд (1 Цар. 8: 14), но в повествовании о Сауле мы нигде не видим, чтобы он пользовался таким правом. Поэтому, вероятно, основой формирования хозяйства Саула являлись военные захваты; мы можем полагать, что из этих земель он раздавал приближенным воинам поля и виноградники (1 Цар. 22: 7). По мнению И. Р. Тантлевского, «это были земли, отторгнутые от филистимлян и других соседних народов, так что на них ни одно из колен не могло иметь притязаний»⁷⁵. Скотоводство также было частью царского хозяйства. В Библии упомянут некий Доик идумеянин — начальник над пастухами Саула (1 Цар. 21: 7).

Вместе с тем военный фактор повлиял и на генезис протогородской жизни в древнем Израиле. По мнению исследователя А. Фауста, урбанизация началась еще в период Iron I, так как «проблема безопасности вызвала отток людей из сельских поселений и их концентрацию в больших центрах. Некоторые поселения оставлены в XII в. до н.э. (Гилох) или в XI в. до н.э. (Хирбет Раддана, Ай, Шило)»⁷⁶.

Другой причиной изменений в экономике послужили отличающиеся друг от друга экологические условия разных областей Палестины. Местом обитания древних евреев было центральное нагорье. Центральная горная гряда Ханаана начинается в Галилее, включает горы Манассии и Ефрема и лежащие к югу от них Иудейские горы. Горные массивы разделяет широкая Изреельская долина, простирающаяся от Средиземного моря до реки Иордан. Огромную роль в орошении долины играл дождь. Дожди в конце осени-начале зимы назывались в Библии ранними, или осенними, дождями (Иер. 5, 24). Они начинались в середине октября, но могли начаться и с ноября. В это время у израильтян начиналась пахота. Поздние, или весенние, дожди начинались в марте-апреле. Данные экологические условия делали необходимым совмещение земледельческих работ со скотоводством.

В горной части — Иудее — выращивание маслин, винограда, смокв процветало более, чем зерновое хозяйство. Маслины могут вынести более длительные периоды засухи, чем зерновые культуры, и дать урожай, но холодная зима способна погубить урожай маслин. Выращивание пшеницы, ячменя, ржи было возможно только на горных склонах при использовании террасирования. Большинство зарубежных исследователей считает, что обширная постройка террас началась в Iron

⁷⁵ Тантлевский 2007, 244.

⁷⁶ Faust 2003, 155.

I⁷⁷. Между тем постройка террас — проект невыполнимый одной расширенной семьей. Нужно привлечение большого количества людей. Возможно, это тоже было стимулом к большей сплоченности людей. Большую роль здесь стал выполнять род — *mišrāḥāh*. С точки зрения американского исследователя Д. Хопкинса, это «коллективная трудовая группа»⁷⁸.

Причем риск в ведении сельского хозяйства заставлял жителей искать не только пути к его специализации, но и способы к получению избыточного продукта для обмена на другой вид продукта, например оливкового масла и вина на зерно или наоборот. Неэффективность в данных экологических условиях производящего хозяйства и вовлечение расширенных семей и родов в процесс избыточной экономики способствовали выделению социальной группы людей, в руках которых концентрировался избыточный продукт. Так, Первая книга Царств упоминает о богатом скотоводе Навале, жившем во время правления Саула и имевшем 3 тысячи овец и 1 тысячу коз (1 Цар. 25: 2, 7). С другой стороны, некоторые члены семей, особенно если в их родословии имелись изъязы, как, например, было в молодости с судьей Иеффаем из Галаада (Суд. 11: 1–2), часто вынуждены были искать свое дело на стороне. В данных условиях сильный политический лидер являлся гарантом и сохранения, и роста общественной консолидации.

Итак, начиная со второй половины XI в. до н.э. древнееврейские племена прошли непростой путь от сегментарного и эгалитарного общества к вожеству, а затем к раннему государству в X в. до н.э.

Данный процесс был обусловлен несколькими факторами. С одной стороны, религиозный фактор способствовал процессу общественной консолидации, укрепил власть лидера ее легитимизацией посредством религиозной традиции. С другой стороны, основным фактором интеграции племен Израиля следует назвать военный, заключавшийся во внешней угрозе со стороны филистимлян Пятиградия, аммонитян и моавитян Заиорданья и кочевников Негева, который привел к необходимости появления одного военного лидера для всех древнеизраильских групп, а также профессиональной армии. Третий фактор — экономический: потребности военного лидера, его ближайшего окружения и армии стал катализатором развития сельского хозяйства для получения избыточного продукта. Также эти факторы способствовали экономическим, политическим и культурным изменениям, которые создали условия для интеграции еврейских племен, входивших в этно-религиозный союз Израиль, и появления там сначала вожества, а затем его изменения в раннее государство.

ЛИТЕРАТУРА

Авдиев В. И. 1970а: Военная демократия и классовый характер древнейшего государства // ВИ. 1, 89–102.

Авдиев В. И. 1970б: История древнего Востока. М.

Вейнберг И. П. 1993: Рождение истории. Историческая мысль на ближнем Востоке середины I тысячелетия до н.э. М.

Ороховатская Р. З. (ред.) 2001: Новый библейский словарь: в 2 ч. Ч. 2. Библейские реалии. СПб.

⁷⁷ Faust 2005, 206.

⁷⁸ Hopkins 1983, 183.

- Райт Д. 2003: Библийская археология. СПб.
- Тантлевский И. Р. 2007: История Израиля и Иудеи до разрушения первого храма. СПб.
- Тюменев А. И. 2003: Евреи в древности и в средние века. Репринтное издание. М.
- Циркин Ю. Б. 2003: История библийских стран. М.
- Шифман И. Ш. 1965: Земельные отношения в Палестине в первой половине I тыс. до н.э. // ВДИ. 4, 26–41.
- Шифман И. Ш. 1989: Государство в системе социальных институтов в древней Палестине (вторая половина III — первая половина I тыс. до н.э.) // Государство и социальные структуры на древнем Востоке. Сборник статей / М. А. Дандамаев (ред.). М., 53–85.
- Шифман И. Ш. 2007: Ветхий Завет и его мир. СПб.
- Aharoni Y. 1979: The Land of the Bible: A Historical Geography. Philadelphia.
- Albright W. F. 1963: The Biblical Period from Abraham to Ezdra. New York.
- Albright W. F. 1969: Samuel and the Beginning of the Prophetic Movement // Interpreting the Prophetic Tradition / H. M. Orlinsky (ed.). Cincinnati, 149–176.
- Alt A. 1966: The Formation of the Israelite State in Palestine // Essays on Old Testament History and Religion. Oxford, 171–237.
- Ben Zvi E. 1994: On the Reading betdwd in the Aramaic Stele from Tel Dan // Journal for the Study of the Old Testament. 64, 5–32.
- Bright J. 1981: A History of Israel. Philadelphia; Westminster.
- Claessen H. J. M., Skalník P. 1978: The Early State: Models and Reality. Hague; Mouton.
- Coote R. B., Whitelam K. W. 1996: The Emergence of Israel: Social Transformation and State Formation following the Decline in Late Bronze Age Trade // Community, identity, and ideology: social science approaches to the Hebrew Bible / Ch. E. Carter, C. L. Meyers (eds.). Indiana, 335–376.
- Davies P. R. 1992: In Search of «Ancient Israel». London; New York.
- Davies P. R. 1994: House of David. Built on Sand: The Sins of the Biblical Maximizes // BAR. 20 (04), 54–55.
- Dietrich W. (ed.) 2007: The Early Monarchy in Israel: the Tenth Century B. C. Atlanta.
- Faust A. 2003: Abandonment, Urbanization, Resettlement and the Formation of the Israelite // NEA. 66 (4), 147–161.
- Faust A. 2005: The Israelite Village: Cultural Conservatism and Technological Innovation // Tel Aviv. 32, 204–219.
- Finkelstein I. 1995: The Date of the Settlement of the Philistines in Canaan // Tel Aviv. 22, 213–239.
- Finkelstein I. 1996: The Archaeology of the United Monarchy: an Alternative View // LEVANT. XXVIII, 177–187.
- Finkelstein I., Mazar A. 2007: The Quest for the Historical Israel. Debating Archaeology and the History of Early Israel / B. B. Schmidt (ed.). Leiden; Boston.
- Flanagan J. W. 1996: Chiefs in Israel // Community, Identity, and Ideology: Social Science Approaches to the Hebrew Bible / Ch. E. Carter, C. L. Meyers (eds.). Indiana, 311–334.
- Fohrer G. 1977: Geschichte Israels. Heidelberg.
- Frick F. S. 1985: The Formation of the State in Ancient Israel. Sheffield.
- Garbini G. 2003: Myth and History in the Bible. Sheffield.
- Gottwald N. K. 1986: The Participation of Free Agrarians in the Introduction of Monarchy to Ancient Israel: An Application of H. A. Landsberger's Framework for the Analysis of Peasant Movements // Social Scientific Criticism of the Hebrew Bible and Its Social World: The Israelite Monarchy / N. K. Gottwald (ed.). Semeia; Decatur; Georgia, 77–106.
- Gottwald N. K. 1979: The Tribes of Yahweh: A Sociology of the Religion of Liberated Israel 1250–1050 B. C. E. New York.

-
- Halpern B.* 1983: The Emergence of Israel in Canaan. California.
- Herrmann S.* 1981: A History of Israel in Old Testament Times. Philadelphia.
- Hopkins D. C.* 1983: The dynamics of Agriculture in Monarchical Israel // Society of Biblical Literature Seminar Papers. 22, 177–202.
- Lemche N. P.* 2003: House of David: The Tel Dan Inscription(s) // Jerusalem in Ancient History and Tradition / T.L. Thompson (ed.). London; New York, 46–67.
- Lemche N.P.* 2004: Empire of David and Solomon // Historical Dictionary of Ancient Israel. Lanham; Maryland; Oxford, 119–120.
- Malamat A.* 2001: A Political Look at the Kingdom of David and Solomon and its Relations with Egypt // History of Biblical Israel: major problems and minor issues / A. Malamat (ed.). Leiden, 189–207.
- Meyers C.* 2001: Early Israel and the Rise of the Israelite Monarchy // The Blackwell companion to the Hebrew Bible / L.G. Perdue (ed.). Oxford, 61–86.
- Noth M.* 1930: Das System der zwölf Stämme Israels. Stuttgart.
- Noth M.* 1960: The History of Israel. London.
- Renfrew C.* 1974: Beyond a Subsistence Economy: The Evolution of Social Organization in Prehistoric Europe // Reconstructing Complex Societies, ed. Ch. B. Moore. Cambridge, 69–88.
- Richter W.* 1965: Die nagid-Formel // Biblische Zeitschrift. 9, 71–84.
- Thompson L. T.* 1990: Early History of the Israelite People from the Written & Archaeological Sources. Leiden.
- Thompson L. T.* 1999: The Mythic Past. Biblical Archaeology and the Myth of Israel. New York.

THE PROBLEM OF STATE FORMATION IN ANCIENT ISRAEL
(the second half of the 11th — the first half of the 10th century BC)
IN RUSSIAN AND FOREIGN HISTORIOGRAPHY

A. A. Gorokhov

The article deals with the formation of the early state in ancient Israel (the second half of the 11th — the first half of the 10th century BC) in Russian and foreign historiography of Ancient Near East. It considers the main factors and laws of social development, contributing to the formation of the state of Israel. This process finished with the change of segmental society in ethno-religious union of the Jewish tribes in the first chiefdom Saul and then in the early state of David.

Key words: segmental society, chiefdom, Saul, early statehood, David, historiography, urbanization, social-stratification

© 2014

В. С. Соловьёв

КЕРАМИКА КОНЦА VIII–IX ВВ. ИЗ СЕВЕРНОГО ТОХАРИСТАНА

В данной статье публикуется керамика VIII–IX вв. н.э., найденная автором при раскопках поселений Шуробкурбан и Дабилькурбан в Южном Узбекистане в 2009–2013 гг. Она даёт представление об уровне керамического производства региона после арабского завоевания. Проходило оно под сильным влиянием керамики Нишапура.

Ключевые слова: Шуробкурбан, Дабилькурбан, раскопки, керамика

Поселение Шуробкурбан находится в 30 км к западу от г. Термеза, у слияния рек Амударьи и Карасу, где в древности функционировала переправа. Стрелка речных террас представляет собой глиняный массив подквадратной формы площадью около 3 га. В начале VII в. н.э. вся территория массива была занята постройками укрепленного поселения. Оно увеличивалось в размерах к северу и западу от него, достигнув через полвека площади 20 га. В середине VIII в. н.э. поселение пришло в упадок, площадь его значительно сократилась. В конце VIII–IX в. жизнь продолжается в ранней части поселения и к западу от неё, размеры обживаемой территории этого времени составляют около 5 га, с перерывами она длилась до XIX в.

Шуробкурбан был впервые обследован в 1972 г. Э.В. Ртвеладзе. В 1982–1989 гг. раскопки на поселении велись С.Б. Болеловым и П.И. Гендельманом. В 2005 г. К.А. Шейко вскрыл на участке древнего берега Амударьи несколько помещений и бадрабов (мусорных ям), при этом был найден комплекс керамики, датируемый им IX — началом X в. В 2002–2007 гг. автором велись раскопки в северной части Шуробкурбана двух домовладений второй половины VII — первой половины VIII в. В 2009 г. мною было почищено одно из помещений, раскопки которого начал К.А. Шейко. На его полу и в отвале были найдены две медные монеты, которые определил и датировал концом VIII в. Э.В. Ртвеладзе. Кроме того, к западу от него раскопаны два помещения и три бадраба, относящихся к одному домовладению, при этом были найдены фрагменты керамических и стеклянных сосудов¹.

Поселение Дабилькурбан находится на северо-западной окраине кишлака Пашхурд Шерабадского района. Оно покоится на аллювиальной платформе конусовидной формы, обращённой остриём на юг. В плане поселение делится на две неравные половины — северную и южную, каждая из них имеет автономную фортификацию. В северо-восточном его углу на 3,5 м над жилыми постройками возвышается цитадель (30×30 м). Общая площадь поселения составляет около 4 га.

Соловьёв Виктор Степанович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина. E-mail: tohar.arh@mail.ru

¹ Ртвеладзе 1977, 74–85; Шейко 2007, 217–223; Соловьёв 2011, 56–96.

В 1969 г. Дабилькурбан обследовал Э. В. Ртвеладзе. В 1979 г. сотрудники Термезского краеведческого музея В. А. Козловский и К. А. Шейко произвели небольшие по объёму раскопки на цитадели. В 2002–2004 гг. изучение Дабилькурбана продолжил С. Б. Болелов: им были заложены две траншеи и два раскопа в северной половине поселения. В 2010–2013 гг. одна из этих траншей была расширена и превращена в раскоп (объект V), за три полевых сезона площадь его достигла 106 м².

В процессе раскопок выяснилось, что стратиграфия Дабилькурбана очень сложная. Его возникновение предварительно относится к V в. до н. э. Жизнь в поселении без перерыва продолжалась до IX в., затем она прервалась и возобновилась лишь в XVIII–XIX вв. Материалы, датируемые концом VIII–IX вв., были найдены в основном в бадрабах, вскрытых на объектах V и VI. Объект VI расположен в южной половине поселения, раскопками здесь в 2010 г. руководил К. А. Шейко². В целом с обоих памятников получена самая значительная по объёму коллекция керамики Тохаристана конца VIII–IX в. При её изучении для сравнений привлекалась керамика, полученная при раскопках других памятников Средней Азии этого периода, прежде всего Афрасиаба, а также Ирана, гончарная продукция которого оказывала сильное влияние на среднеазиатскую керамику³.

Керамика Шуробкурбана делится на глазурованную и неглазурованную. Глазурованная керамика представлена фрагментами столовых чаш, имеющих глубокий резервуар, диаметр венчиков 16–20 см, плоское дно или кольцевой поддон диаметром 7–10 см. Палитра цветов использованной гончарами глазури разнообразна: белый, зелёный, жёлтый, синий, коричневый, чёрный. Обычно чаша покрывалась вначале бесцветной глазурью с двух сторон, затем белой или жёлтой глазурью наносился фон. Как правило, орнаментальная композиция затем по нему рисовалась на внутренней её стороне; с внешней стороны, под венчиком, — косые штрихи.

В донной части чаш рисунок имеет геометрический характер (рис. 1/16–20). Одним из популярных орнаментальных мотивов была сетка квадратов, нарисованная тёмной глазурью по жёлтому фону. Внутри половины квадратов — четыре симметрично расположенных точки или пятна зелёной глазури. В обоих случаях получался шахматный рисунок (рис. 1/1). Этот орнаментальный мотив был заимствован у гончаров Нишапура³. Впрочем, он мог попасть в Тохаристан из какого-нибудь промежуточного пункта, лежащего на пути из Нишапура в Среднюю Азию. В материалах Тюренгтепа керамика с подобным орнаментом выделена в группу 22 (полихромный декор). Кроме Шуробкурбана, в Северном Тохаристане она найдена французскими коллегами в Старом Термезе. Этот орнаментальный мотив встречается и на керамике Согда, Хорезма. Для согдийской керамики он служит датировочным признаком — первая половина IX в.⁴

² Выражаю благодарность К. А. Шейко, передавшему автору для публикации часть керамики, найденной им при раскопках Шуробкурбана и Дабилькурбана.

³ Ртвеладзе 2002, 127; Соловьёв, Шейко 2012, 262–269; Соловьёв 2010, 143–148; Wilkinson 1974, Pl. 31/5–6.

⁴ Gardin 1987, 121–171, fig. 151; Houal 2001, 139–141; Шишкина 1979, табл. XLI/1–6; Вишневская 2001, 146, рис. 17/3–4; Соловьёв 2000, 108, рис. 2/4; Houal 2001, pl. 5/3.

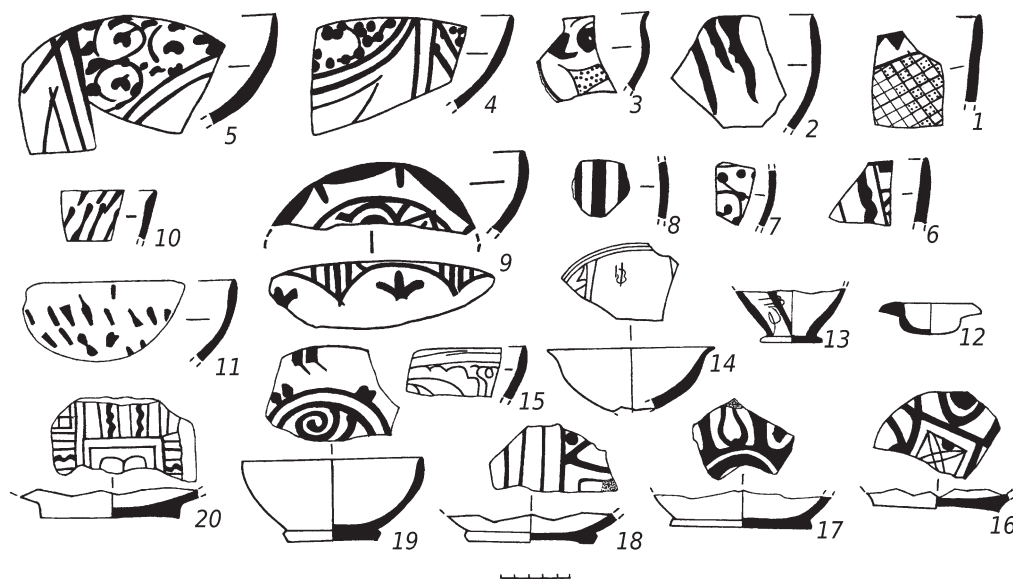

Рис. 1. Поселение Шурбукрган. Глазурованная керамика.

Популярным был в орнаментации чаш псевдорастительный мотив. Гончар, наносивший его на стенки сосудов, вначале рисовал тёмной линией несколько сильно изогнутых дуг, соприкасающихся между собой выпуклой частью. Затем пятна этой же глазури круглой и сердцевидной формы он наносил на линии дуг и внутрь их. Так получался рисунок, напоминающий веточки, листья и цветы растений. Орнамент наносился между линиями-разделителями на свободную поверхность стенок чаш (рис. 1/4–5). Интересно, что этот орнаментальный мотив есть на обломке чаши начала XI в., найденном при раскопках Безымянного городища в Кобадияне. В нескольких вариантах встречен на фрагментах чаш орнамент, состоящий из комбинаций косых тёмных штрихов на фоне светлой глазури (рис. 1/10–11). В единственном экземпляре найден фрагмент чаши, декорированный потёками зелёной глазури, стекающими от венчика вниз по стенкам (рис. 1/2). Фрагмент чаши с таким же орнаментом найден на цитадели Старого Термеза. Этот способ орнаментации чаш гончары Тохаристана применяли и в более позднее время. Целая чаша, декорированная потёками глазури, найдена в слое XII в. на городище Лягман (средневековый Хелаверд) в Вахшской долине⁵.

Среди фрагментов чаш есть образцы, у которых первоначально по слою бесцветной глазури был сделан гравированный рисунок. Затем стенки сосуда были покрыты пятнами глазури жёлтого, зелёного, коричневого и белого цвета (рис. 1/15). Этот декоративный приём также попал к тохаристанским гончарам из Нишапура, он был в Тохаристане популярным и в последующее время.

На одном из фрагментов чаш орнамент покрывает стенки изнутри и снаружи. С внутренней стороны на границе дна и стенок идёт цепочка удлинённых овалов, границы между которыми отмечены вертикальными штрихами. С внешней сторо-

⁵ Литвинский, Соловьёв 1985, рис. 25/26; Вишневская 2001, 151, рис. 22/3.

ны — орнамент в виде аркады с трилистниками внутри арок (рис. 1/9). Рисунок выполнен чёрной глазурью на белом фоне. Этот орнаментальный мотив — одна из арочных композиций, встреченных на среднеазиатской керамике, близкой по времени шуробкурганской. Из хорезмийского Джигербента происходит целая чаша, на внешней стороне которой тёмной глазурью по светлому фону нарисована аркада. Арки имеют приострѐнные очертания, пространства между ними заполнены вертикальными штрихами⁵. Неоднократно этот орнаментальный мотив встречен на керамике Согда.

В Ташкенте найдены два фрагмента чаш. В донной части одного из них сохранилось изображение вихревой розетки, на другом — часть арочной композиции. Из Нишапура происходит целая чаша с очень похожим декором, только вместо трилистников внутри арок помещены вертикальные линии, имитирующие надписи. Считается, что эта чаша была изготовлена в Чаче⁶.

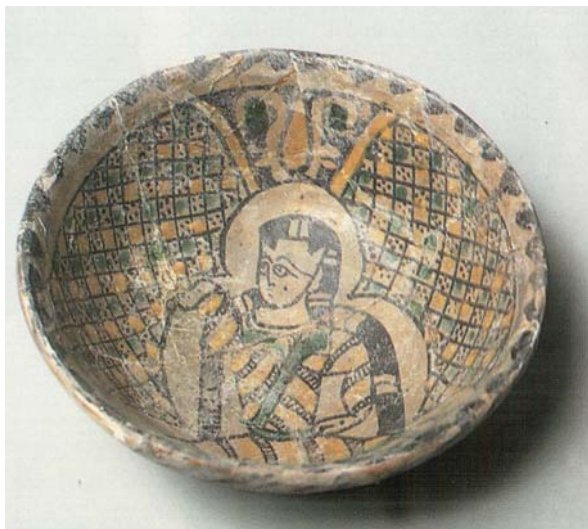

Фото 1. Поселение Шуробкурган. Глазурованная чаша.

В Шуробкургане в 1983 г. при строительстве канала случайно была найдена целая чаша. Диаметр её венчика равен 20,8 см, дна — 10,4 см, высота — 8,3 см. В центре донной части чаши изображѐн юноша, сидящий на коврике поджав под себя ноги. Его фигура чѐтко выделяется на светлом фоне. Туловище персонажа фронтальное, голова повѐрнута вправо в три четверти. Глаза несколько удлинены штрихами, брови длинные, изогнутые. Юноша одет в облегающий тулово халат с двумя отворотами, отделанными зелёной тканью. Голову и плечи обрамляет полоса чѐрной ткани с белыми поперечными полосами — это, видимо, снятая с головы чалма (фото 1).

Г. А. Пугаченкова, опубликовавшая чашу, предположила, что она происходит из Мерва, где «было исключительно высоко развито ремесло». Изображение юноши она сравнила с мотивами монарха или принца, чьи изображения встречаются в домусульманском искусстве Среднего Востока. Г. А. Пугаченкова датировала

⁶ Шишкина 1979, табл. LVI/4–5; Семѐнов, Мирзаахмедов 2002, рис. 85/13; Шишкина 1979, табл. LXI/2–3.

чашу X в. и привлекла для её характеристики керамические чаши Нишапура, в декоре которых встречаются изображения мужских персонажей⁷.

Однако учитывая то, что в Тохаристане в IX в. уже существовало собственное производство глазурованной керамики, можно предположить, что чаша изготовлена местным мастером и расписана искусным художником, знакомым с настенной живописью — кроме манеры исполнения, он использовал обычный ракурс, когда туловище фронтально, а голова повёрнута в три четверти вправо или влево. На мой взгляд, белый фон, на котором изображён юноша, соответствует нимбу и мандорле Будды в настенной живописи. Правая его рука в жесте адорации. Истоки же нишапурской керамики с антропоморфными изображениями были иными. Другим является ракурс мужских персонажей в изделиях хорасанских гончаров⁸.

Неглазурованная керамика представлена фрагментами водоносных кувшинов, небольших столовых кувшинчиков, кружек, котлов и крышек для них, тарных сосудов. Диаметр венчиков водоносных кувшинов равен 10–12 см, снаружи их горло профилировано концентрическими желобками, стенки покрывались орнаментом. Орнамент состоит из концентрических полос, перемежающихся с волнистыми линиями; в одном случае их дополняет орнаментальный пояс, напоминающий веточку растения (рис. 2/9–10; 18–19).

Столовые кувшинчики — небольшие по размерам, с тонким, хорошо обожжённым черепком светло-жёлтого цвета, с одной ручкой. Один из них сохранил-

Рис. 2. Поселение Шуробкурбан. Неглазурованная керамика.

⁷ Пугаченкова 1984, 32–34; Wilkinson 1974, XVII, pl. 6.

ся почти целиком. Высота его равна 10,7 см, тулово имеет округло-уплощённую форму, диаметр 9,4 см и высоту 5,2 см. Горло раструбовидной формы, высотой 5 см, диаметр венчика — 5,7 см. Ручка крепилась к горлу и плечу сосуда (рис. 2/25). Напротив неё к горлу с внешней стороны приклеена вертикальная глиняная полоска, имитирующая соединение концов металлической пластины с помощью двух заклёпок. Опирался кувшинчик на три ножки (рис. 2/23–25).

Шуробкурбан не единственный памятник Северного Тохаристана, где были найдены миниатюрные кувшинчики такого типа. Изготавливались они в IX в. термезскими гончарами — в частности, кувшинчики найдены при раскопках цитадели Старого Термеза, на площадке D, и выделены в группу сосудов малых форм. Здесь же найдены более крупные кувшины этого типа.

Среди миниатюрных кувшинчиков выделяется один, который сохранился почти полностью: у него отбит венчик. Высота его равна 14 см, диаметр горла — 7,5 см, тулова — 12,5, дна — 7,8 см. У основания горла — орнамент, состоящий из горизонтальных желобков, между которыми заключён поясok шириной 1 см, покрытый косыми линиями (рис. 2/24).

Одним экземпляром представлена керамическая чаша, у которой слегка вогнуты внутрь стенки. Диаметр её венчика равен 16,5 см, дна — 17,5 см, высота сосуда — 7,3 см. При таком соотношении размеров чаша очень устойчивая. С внешней стороны её стенки орнаментированы вилочкой с шестью зубьями, ширина орнаментированной полоски — 6 мм. Композиция состоит из двух горизонтальных полос и одной волнистой линии, зажатой между ними (рис. 2/13). Сосуд этого типа — редкая находка не только для Тохаристана, но и для других регионов Средней Азии рассматриваемого в статье времени. Его морфология и способ орнаментации восходят к иранским образцам⁸.

Миниатюрный сосудик, имеющий V-образную форму резервуара, мог, например, служить для косметических целей или быть чернильницей. Высота его равна 3 см, диаметр венчика — 4 см, дна — 2,7 см, с внутренней стороны дно сужается до 1 см (рис. 2/7).

Интерес представляет фрагмент керамического сосуда с прямыми стенками, на котором сохранились три пояска орнамента, вырезанного по сырой глине. Верхний поясok имитирует парапет крыши, состоящий из зубцов треугольной формы; второй поясok состоит из квадратиков-кирпичей, поставленных на угол в один ряд; на нижнем пояске — полукруглая арка входа в здание и бойницы (рис. 2/20).

Такие же архитектурные элементы есть и на керамике, близкой по времени, из других регионов Средней Азии. В подъёмном материале из Замахшара в Хорезме найден фрагмент глазурованной чаши, на нём сохранились два пояска орнамента. Верхний поясok состоит из треугольников. Во втором ярусе кирпичи изображены в виде двухцветной цепочки. В другом хорезмийском памятнике, Джигербенте, найден сосуд круглой формы, опирающийся на три ножки. Над его венчиком возвышаются четыре выступа подтреугольной формы, под ними идёт концентрическая цепочка треугольников. Третий ярус образуют стилизованные кирпичи. При раскопках Пайкенда найден почти целый сосуд округло-конической формы. По его венчику идёт концентрическая цепочка из крупных треугольников с проре-

⁸ Houal 2001, 141/4–4; 9–10; Rosen-Ayalon 1974, 46, fig. 92.

зиями. Под ней располагается валик с вырезанными углублениями, похожими на имитацию квадратных кирпичей. Тулово сосуда покрыто вертикальными цепочками, состоящими из прорезей треугольной формы⁹.

В конечном итоге архитектурные памятники, элементы которых были перенесены на керамику, восходят к сасанидскому периоду. Прекрасным образцом, иллюстрирующим это, являются постройки этого времени, обнаруженные на Тюренгтепа. Отдельные элементы этого декора использованы в средневековой архитектуре Тохаристана. При оформлении фасада восточной купольной постройки Ходжа Машада в Кобадiane, датируемой IX в., применён орнаментальный пояс из квадратных кирпичей, поставленных на угол. Такой же орнаментальный пояс есть в декоре интерьера мавзолея Саманидов в Бухаре¹⁰.

Что же касается функциональной принадлежности сосудов этого типа, то можно предположить, что они являлись курильницами и имитировали какое-то культовое здание.

В рассматриваемое автором время жители Шуробкургона продолжали пользоваться в быту кружками с двумя кольцевидными ручками и светильниками-плошками со смятым сливом. Почти целый светильник этого типа имеет резервуар диаметром 6,5 см. В это же время у них появились светильники нового типа с ручкой, прикреплённой напротив слива. Размерами они почти не отличались от светильников-плошек (рис. 2/21–22). В IX в. переходят и хумы с тонким пережжённым черепком, потёками ангоба на тулове, орнаментированные пальцевыми вдавлениями по венчику и у перехода от стенок ко дну (рис. 2/2).

Разнообразными по форме были кухонные котлы, их изготавливали на гончарном круге и лепкой в домашних условиях. Они снабжены двумя ручками разной формы, их устье закрывалось керамическими крышками толщиной 1–1,5 см. Внешняя плоскость крышек орнаментировалась до обжига. В глиняное тесто, из которого они сформованы, добавлялся в большом количестве шамот (рис. 2/1, 3–6). Котлы с вертикальными ручками датируются концом VIII в., с витой ручкой — IX в.

В керамическом комплексе, полученном на объекте V Дабилькургона, преобладает монохромная поливная керамика. Найдены три археологически целые чаши, покрытые с двух сторон плотным слоем тёмно-зелёной глазури. Морфологически они однотипны: имеют полусферический резервуар, плоский поддон. Диаметр венчиков чаш составляет 18–22 см, поддонов — 7–10 см. Толщина их стенок максимальна в верхней и средней частях резервуара, ко дну она уменьшается. В изломе черепок имеет жёлтый и красный цвет. В некоторых случаях стенки чаш предварительно покрывались бесцветной глазурью, а затем тёмно-зелёной (рис. 3/11–14). Есть также фрагмент нижней части чаши, оформленной в виде выпуклого кольцевого поддона (рис. 3/6). В одном случае фрагмент чашечки покрыт с двух сторон светло-зелёной глазурью, диаметр её венчика равен 13 см (рис. 3/5).

⁹ Вактурская 1959, 285; рис. 7/3; Вишневецкая 2001, рис. 16/3; Семёнов, Мирзаахмедов 2003, рис. 124.

¹⁰ Boucharlat 1987, 25–49, fig. 109–140; Беленицкий 1950, 207–209; табл. 78/1; Булатов 1986, 104, рис. 47.

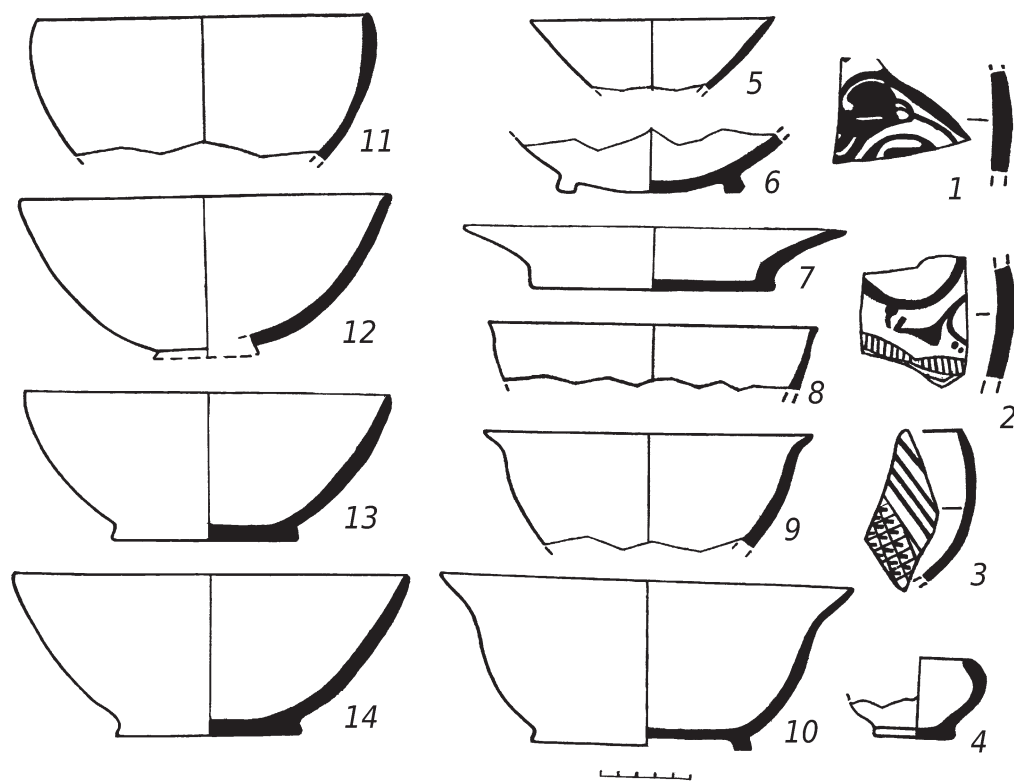

Рис. 3. Поселение Дабилькурбан. Глазурованная керамика. Объект V, бадраб 1 (14); бадраб 2 (5, 9, 10–13); бадраб 4 (1–4); объект VI, бадраб 1 (6–7).

Чаши второго типа найдены вместе с чашами первого типа. Они представлены одним археологически целым сосудом и несколькими фрагментами. Отличительными особенностями этих чаш являются плавно отогнутые наружу венчики, кольцевые поддоны и двухстороннее покрытие плотным слоем молочно-белой глазури. Археологически целая чаша имеет диаметр венчика 23 см, диаметр поддона 12 см, высота её равна 9 см. Диаметр венчиков фрагментированных чаш равен 18 см (рис. 3/8–10). Чаши второго типа в Средней Азии изготавливались по ближневосточным образцам. В свою очередь на Ближнем Востоке гончары изготавливали их в подражание китайскому фарфору¹¹.

На объекте VI была найдена целая чаша с остатками глазурного покрытия, но не обожжённая вторично, поэтому оно сохранилось местами и при высыхании рассыпалось. Стенки чаши резко расширяются от дна к венчику, диаметр его равен 21 см, диаметр плоского дна — 13,5 см, высота сосуда — 3,4 см (рис. 3/7). На объекте V найден фрагментированный светильник, покрытый с двух сторон тёмно-зелёной глазурью (рис. 3/4).

Что же касается полихромной керамики, то она представлена обломками чаш, найденных в основном на объекте VI. Среди них есть фрагмент крупной чаши,

¹¹ Шишкина 1979, 40–41.

внутренняя поверхность стенок которой разбита вертикальными клиньями из чёрной глазури по белому фону на отсеки. Свободное пространство между ними покрыто сеткой квадратов из тёмных линий, которые поочерёдно заполнены точками, жёлтой и зелёной глазурью. Керамика этого типа найдена в Шуробкургане (рис. 4/3). На фрагменте другой чаши — вариант этого орнаментального мотива. Чаша была покрыта с двух сторон жёлтой глазурью, на внутреннюю поверхность её стенок чёрной глазурью нанесена сетка квадратов, из верхнего угла которых вниз опущен штрих. Венчик чаши с внутренней и внешней сторон подчёркнут чёрными линиями (рис. 4/2).

От третьей чаши сохранилось дно диаметром 12 см. Вся она предварительно была покрыта белой глазурью. По этому фону на её внутренней поверхности — композиция, состоящая из точек зелёного цвета. Они образуют круги, самый крупный из которых, диаметром 6,5–7 см, находится в середине дна. В центре круга глазурью жёлто-коричневого цвета нанесено пятно. Круги из точек зелёного цвета диаметром 3–4 см расположены у перехода от дна к стенкам чаши. Между ними по три пятна из глазури жёлто-коричневого цвета (рис. 4/5). Этот орнаментальный мотив заимствован тохаристанскими мастерами в орнаментике керамики Нишапура. Распространён он был и в керамике Согда¹².

На фрагменте дна ещё одной чаши, которая была предварительно покрыта с двух сторон белой глазурью, с внутренней стороны нанесена геометрическая композиция, состоящая из обоймы острых углов, образованных чередующимися полосами жёлтого и синего цвета, границы между полосами обозначены тёмными линиями. Завершается композиция углом, внутреннее пространство которого заполнено зелёным фоном и пятнами жёлтой глазури по нему (рис. 4/4). Чаша с кольцевым поддоном также имеет двухстороннее покрытие из белой глазури. На внутренней стороне дна по ней были гравировкой прочерчены восемь лучей, расходящихся от центра в разные стороны. Сверху они повторены расплывчатыми линиями из жёлтой и зелёной глазури (рис. 4/7). Этот орнаментальный мотив, кроме керамики Согда, встречается в керамике Ферганы¹³.

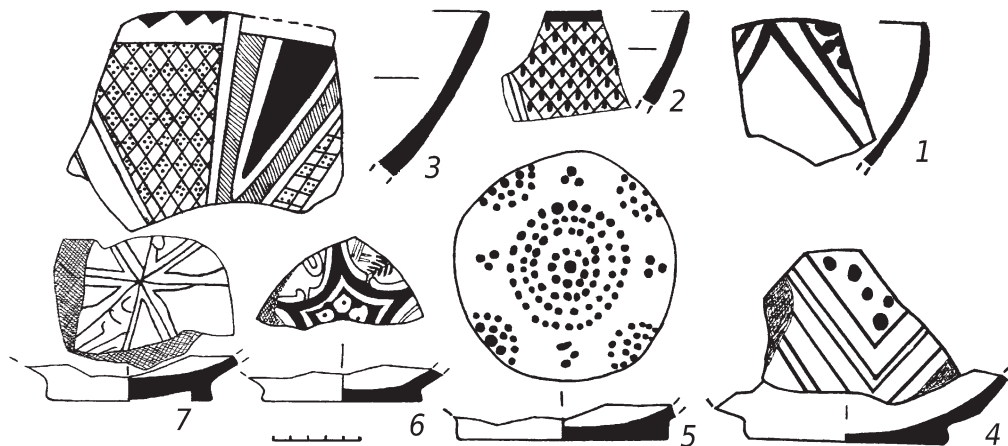

Рис. 4. Поселение Дабилькурбан. Глазурованная керамика. Объект VI, бадраб 1 (1–7).

¹² Wilkinson 1974, 21, pl. 1; Шишкина 1986, рис. 19/4.

¹³ Ахраров 1965, 147–152, 151/1–2.

Среди керамических находок есть фрагмент люстровой чаши. На её дне на белом фоне изображена композиция, основу которой составляют четыре вогнутых луча, повторённые двумя линиями белого и золотистого цвета. Золотистым цветом окрашен растительный орнамент и точки на белых овалах в центре композиции (рис. 4/6). Следует отметить два фрагмента чаши, которая была покрыта с двух сторон слоем жёлтой глазури. На её лицевой стороне чёрной глазурью нанесён сложный орнамент, характер которого из-за небольших размеров фрагментов установить не удалось (рис. 3/1–2).

Неглазурованная керамика из бадрабов объекта V представлена фрагментированными водоносными кувшинами, миниатюрными кувшинчиками, котлом и фрагментами крышек для них. Один из водоносных кувшинов сохранился почти целиком. Общая его высота — 36 см, диаметр венчика — 11 см, тулова — 27 см, дна — 13 см. Ручка у него отбита, но форму её можно представить по сохранившейся пластинчатой ручке от другого подобного кувшина — она крепилась к венчику и плечу сосуда (рис. 5/10). Тулово у другого кувшина более приземистое, диаметром 22 см, высотой 18 см, диаметр дна — 13,6 см (рис. 5/9). Можно предположить, что у него было сильно вытянутое горло. Плечики и горло кувшинов орнаментировались концентрическими желобками, штрихами и рельефными напелемами с пуансонными вдавлениями (рис. 5/7).

Миниатюрные столовые кувшинчики опирались как на плоское дно, так и на три ножки, имели одну ручку, крепившуюся к горлу и тулову. Граница между горлом и плечиками отмечалась концентрическим валиком или желобком. В одном случае напротив ручки на горле кувшина сделаны две круглые глиняные напелки с пуансонными вдавлениями, имитирующие соединение концов металлической пластины (рис. 5/11–15).

Фрагментированная чаша с волнистым краем найдена на объекте VI, изготовлена она лепкой из глины с примесью шамота. Диаметр венчика чаши — 15–16 см, тулова — 17 см, глубина — 7,5 см. Дно плоское, диаметром 15 см (рис. 5/17). Чаши этого типа, по моим наблюдениям, входят в обиход в Тохаристане во второй половине VII в. Они изготавливались как на гончарном круге, так и лепкой. Станковой выделки чаши найдены на Хосияттепа и на Калаишодмон; лепная — на поселении Ширкент, она датируется дирхемом, чеканенным в 711 г. Видимо, они изготавливались в подражание металлическим образцам: одну ложчатую чашу держит в правой руке женщина, участвующая в сцене пранидхи, изображённой в живописи буддийского храма в Калаи Кафирниган. Судя по тому, что чаша окрашена в жёлтый цвет, она была золотой или медной¹⁴.

На объекте VI найден светильник. По морфологии и размерам он похож на более ранние светильники-плошки, но резервуар у него более закрытый, а к стенке под венчиком, напротив слива, была прикреплена ручка. Диаметры венчика светильника и донца почти одинаковые — 5 и 4,7 см, высота — 3,9 см (рис. 5/18).

Сохранился небольшой фрагмент керамического сосуда, внешняя сторона которого украшена резьбой по сырой глине. Фрагмент небольшой, поэтому восстановить весь орнамент не представляется возможным; ясно лишь, что он был нанесён в несколько ярусов. Верхний пояс орнамента состоит из повторяющихся треугольников, направленных остриём поочерёдно вниз и вверх (рис. 5/16).

¹⁴ Соловьёв 1996, 52–53; рис. 38/6; Аннаев 1988, табл. IX/11; Литвинский 1981, 116–138.

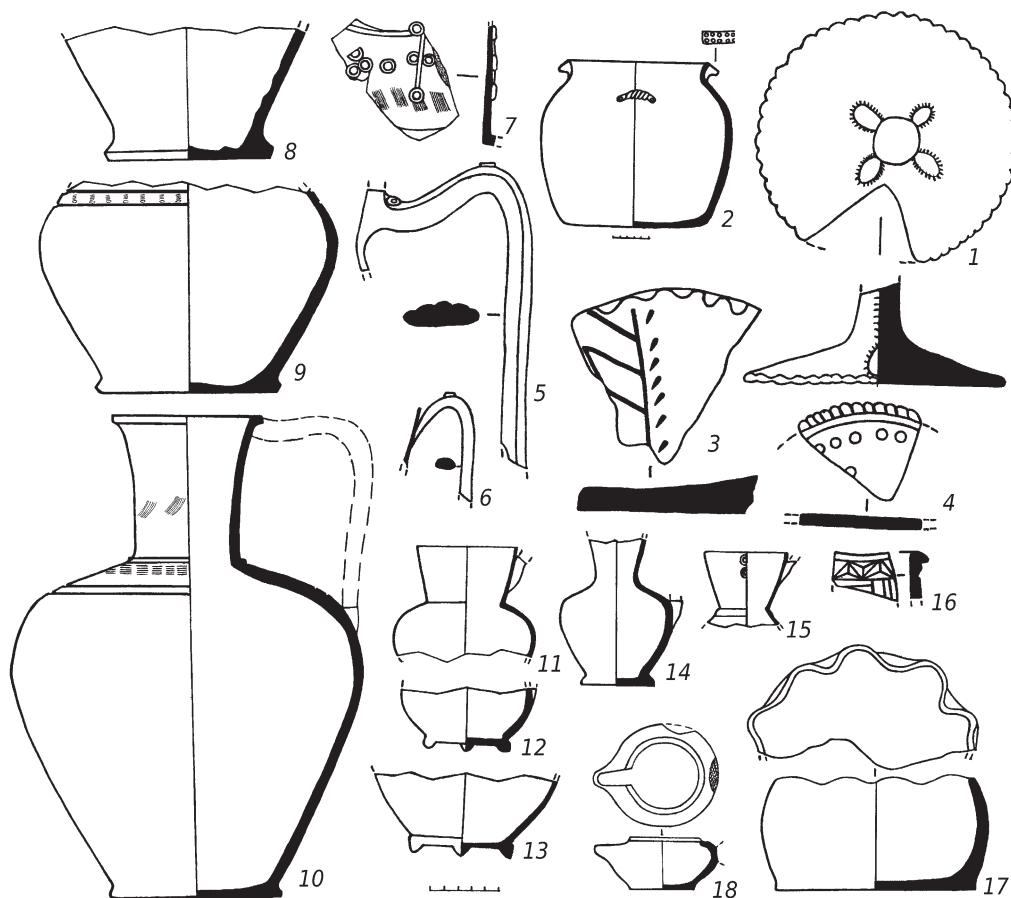

Рис. 5. Поселение Дабилькурбан. Неглазурованная керамика. Объект V, бадраб 1 (11); бадраб 2 (1–2, 5, 7–10, 12–15); бадраб 4 (3–14, 6, 16); объект VI, бадраб 1 (17–18)

Кухонная керамика найдена на объекте V, это археологически целый котёл, обломки котла и крышек для них. Высота котла около 24 см, диаметр венчика — 22 см, тулова — 28 см, дна — 20 см. В глиняном тесте, из которого он изготовлен, есть примесь шамота. Под венчиком котла прикреплены две ручки прямоугольной формы. Между ними на плечиках прикреплены две витые ручки (рис. 5/2). От второго котла сохранился фрагмент верхней части с подковообразной ручкой. Крышки котлов изготовлены лепкой из того же теста, что и котлы. Лишь одна из них сохранилась более или менее полно, диаметр её равен 19 см, ручка имеет вид вертикального штыря диаметром 3,5–2,5 см, сохранившаяся его высота — 4 см. Лицевая сторона крышек орнаментировалась пальцевыми вмятинами, отпечатками трубочки, острым предметом (рис. 5/1.3–4).

Благодаря полученным за последние годы материалам, в том числе в Шуробкурбане и Дабилькурбане, сейчас можно вполне определённо говорить о том, что в Тохаристане, как и в других областях Средней Азии, в конце VIII в. глазурованная керамика уже производилась. Некоторые технические и декоративные её признаки (в частности, двухстороннее покрытие глазурью стенок сосудов, ис-

пользование тёмно-зелёной глазури, шахматный рисунок на чашах) позволяют отнести керамику к началу IX в. В середине этого века жизнь в обоих поселениях прекращается; их жители, видимо, переселяются в возрождающиеся мегаполисы, в которых развивались ремесленное производство и торговля.

В ходе изучения керамики поселений Шуробкурбан и Дабилькурбан было установлено, что она имеет аналогии в керамике из других памятников Средней Азии, прежде всего Согда. Причиной этого явилось то, что среднеазиатское керамическое производство находилось под сильным влиянием керамики Ирана. Изучение тохаристанской керамики конца VIII — IX в. ещё только начинается. Дальнейшие раскопки археологических памятников, накопление керамических материалов позволят дать её подробную датировку, разработать единую классификацию, выявить особенности местной керамики.

ЛИТЕРАТУРА

- Аннаев Т. Д.* 1988: Раннесредневековые поселения Северного Тохаристана. Ташкент.
- Ахраров И.* 1965: К истории появления поливной керамики в Средней Азии // ИМКУ. Вып. 6 / Б. В. Луний (ред.). Ташкент, 147–152.
- Беленицкий А. М.* 1950: Мавзолей у селения Саят (МИА). 15, 207–209.
- Булатов М. С.* 1988: Геометрическая гармонизация в архитектуре Средней Азии IX–XV вв. М.
- Вактурская Н. Н.* 1959: Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX–XVII вв.) // ТХАЭЭ. Т. IV: Керамика Хорезма / С. П. Толстов, М. Г. Воробьёва (ред.). М., 261–342.
- Вишневская Н. Ю.* 2001: Ремесленные изделия Джигербента. М.
- Литвинский Б. А.* 1981: Настенная живопись Калаи Кафирниган // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура) / Б. А. Литвинский (ред.). М., 116–138.
- Литвинский Б. А., Соловьёв В. С.* 1985: Средневековая культура Тохаристана. М.
- Пугаченкова Г. А.* 1984: Уникальная чаша из Шуробкурбана // ОНУ. 5, 32–34.
- Ртвеладзе Э. В.* 2002: Александр Македонский в Бактрии и Согдиане. Ташкент.
- Семёнов Г. Л., Мирзаахмедов Дж. К.* 2002: Раскопки в Пайкенде в 2001 году // Материалы Бухарской археологической экспедиции. Вып. III. СПб.
- Семёнов Г. Л., Мирзаахмедов Дж. К.* 2003: Раскопки в Пайкенде в 2002 году // Материалы Бухарской археологической экспедиции. Вып. IV. СПб.
- Соловьёв В. С.* 1996: Раннесредневековая керамика Северного Тохаристана. Елец.
- Соловьёв В. С.* 2000: Средневековая керамика Безымянного городища (Кобадиян) // Средняя Азия. Археология. История. Культура. М., 105–111.
- Соловьёв В. С.* 2010: Материалы для изучения стратиграфии городища Дабилькурбан // Межвузовские научно-методические чтения памяти К. Ф. Калайдовича: Сборник материалов. Вып. 9. / Д. А. Ляпин (ред.). Елец, 143–148.
- Соловьёв В. С.* 2011: Кафиркала и Шуробкурбан. Елец.
- Соловьёв В. С., Шейко К. А.* 2012: Археологические исследования на Дабилькурбане в 2010 г. // Археологические исследования в Узбекистане 2010–2011 годы. Вып. 8 / А. Э. Бердимуродов (ред.). Самарканд, 262–269.
- Шейко К. А.* 2007: К изучению шахристана Шуробкурбана // Трансоксиана — Мавераннахр. Ташкент.
- Шишкина Г. В.* 1979: Глазурованная керамика Согда. Ташкент.
- Шишкина Г. В.* 1986: Ремесленная продукция средневекового Согда. Стекло. Керамика. Вторая половина VIII — начало XIII в. Ташкент.

Gardin J.-C. 1987: La céramique islamique // Fouilles de Tureng Tepe. Paris.

Houal J. B. 2001: La céramique de la citadelle de l'ancienne Termez d'après les travaux de la MAFOuz B (Premières indications) // La Bactriane de la Carrefour des routes et des civilisations de l'Asie centrale. Paris, 131–144.

Rosen-Ayalon M. 1974: La potterie islamique // MDAI. T. 1. Paris.

Wilkinson Ch. K. 1974: Nishapur. Pottery of the Early Islamic Period. New York.

CERAMICS OF THE LATE 8th — 9th CENTURY AD FROM NORTHERN TOKHARISTAN

V. S. Solovyev

The article is devoted to the ceramics of the 8th — 9th century AD that was found by the author during the excavations of the settlements Shurobkurgan and Dabilkurgan in Southern Uzbekistan in 2009–2013. It gives the idea of the level of the region's ceramics production after the Arab conquest. It was produced under the strong influence of Nishapur ceramics.

Key words: Shurobkurgan, Dabilkurgan, excavations, ceramics

© 2014

А. Ю. Рышковская, Н. Н. Болгов

К ИСТОРИИ ЖЕНСКОГО МОНАШЕСТВА НА РАННЕВИЗАНТИЙСКОМ ВОСТОКЕ (ЕГИПЕТ)

В работе предпринята попытка дать общий очерк ранней истории женского монашества в ранневизантийском Египте. На основе письменных источников становится ясно, что начало женского монашества связывается с пахომиевой традицией. Выделяются как «двойные», так и независимые женские монастыри. Индивидуальное женское анахоретство вряд ли существовало и является агиографическим штампом. Интересен феномен «отказа от пола» и уход женщин в мужские монастыри под видом мужчин. В V в. н.э. женское монашество распространяется по другим территориям Ранней Византии.

Ключевые слова: монашество, женское, Египет, монастырь, аскетизм, настоятель, община

Женская аскетическая традиция древнего христианства, развивавшаяся параллельно с мужской, закономерно привела к возникновению женского монашества на ранневизантийском Востоке, первоначально в Египте. Будучи единым

Рышковская Анастасия Юрьевна — аспирантка кафедры всеобщей истории и зарубежного регионоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета. E-mail: arish_06@mail.ru

Болгов Николай Николаевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории и зарубежного регионоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета. E-mail: bolgov@bsu.edu.ru

с мужским догматически, женское монашество имело определенную специфику в плане организации, а также в плане некоторых специфических практик.

Вслед за Евой Випшицкой можно выделить следующие разновидности проявлений женского аскетизма и организации наиболее ранних женских монастырей: 1) монастыри, присоединенные к большим мужским монастырям, и формирование этих так называемых «двойных» монастырей; 2) отдельные независимые монастыри; 3) различные формы бытового аскетизма; 4) женский аскетизм в свете апофтегм; 5) упоминания монахинь в папирусных документах¹.

Старейший женский монастырь появился вскоре после старейшего мужского монастыря и вблизи от него: он был основан в 329 г. недалеко от монастыря Та-венниси. Его основал сам Пахомий, создатель киновий, создавший его для своей сестры. Позже, но все еще при жизни Пахомия, второй женский монастырь появился в пахомиевом монастырском комплексе Tismené рядом с Панополем, где был мужской монастырь. При преемнике Пахомия, Феодоре, третий женский монастырь был основан в Bechné возле мужского монастыря Pbau (см. Gf.G¹. гл. 32. 134).

Обстоятельства, связанные с основанием первого женского пахомианского монастыря, можно установить на основании отрывка из главы B⁰ версии 27 коптского Жития св. Пахомия (греческая версия G¹ здесь имеет лауну). Пахомий хотел разорвать все связи с семьей, которая должна была быть для него, с эмоциональной точки зрения, наиболее важным элементом мира, в котором он ранее проживал. Поэтому первый женский монастырь был основан им для своей сестры.

Поведение Пахомия по отношению к сестре имело важные последствия для истории монастырей, которые следуют пахომиевой традиции (даже тех, кто не строго соблюдал правила, восходящие к Пахомию).

«Кроме того, в месте под названием Bechné на расстоянии около мили от монастыря Pbau {Феодор} основал второй монастырь девственников. Отец Пахомий, в его путешествиях, основал (еще один) в Tsmené. Эти монастыри изготавливали шерстяные ткани, одеяла и другую одежду и занимались прядением туник братьев из льна: распорядитель (эконом) большого монастыря отправил работать сестер через Епонию, святого и строгого человека, который стал их руководителем после смерти тавеннского отца Петра, одного из древних отцов».

Эта информация, показывающая, что первые женские монастыри специализировались на производстве тканей², правдоподобна, так как прядение и ткачество были обычными занятиями женщин в домашних условиях. Как видно, даже с экономической точки зрения женщины пахомиевых монастырей управлялись руководителями общины.

Житие Пахомия проявляет большой интерес к принципам, регулирующим редкие встречи, которые имели место между монахами и монахинями в присутствии настоятелей. Всякий раз, когда должны были выполняться работы в женском монастыре, работавшие монахи контролировались опытными братьями, до-

¹ Wipszycka 2009, 568.

² Правда, в связи со льном текст говорит только о сырье, но представляется маловероятным, что монахини, которые, в соответствии с текстом, производят шерстяные ткани, не производят льняные. Спустя много лет после смерти Пахомия и Феодора автор Жития не мог знать эти детали, довольно незначительные с его точки зрения.

стойными доверия, и при этом монахам было запрещено принимать пищу в том женском монастыре, где они работали³.

Когда умирала монахиня, небольшая группа монахов принимала участие в похоронах, но они были организованы для того, чтобы мужчины и женщины находились отдельно друг от друга. Бохайрское житие (В^О, 27) сообщает:

«Если одна из них умирала, то они описывали ее в своих речах и их мать опускала крышку гроба, а затем старший папа Петр призывал нашего отца Пахомия; и наш отец Пахомий, в свою очередь, выбирал среди братьев испытанных мужей и посылал в (женский) монастырь с Петром. Они входили в залу собраний, стояли на крыльце и пели псалмы, пока умершую готовили к погребению, а затем погружали тело на повозку и шли на гору, девственные сестры шли позади повозки, их отец шел за ними, а их мать предшествовала, пока не была похоронена покойная; затем молились за нее, когда они возвращались в трауре домой».

Соответствующее описание имеется и в греческом Житии, очень близкое к тексту бохайрского, за исключением конца, где писатель, живший в то время, когда каждый монастырь уже имел свое кладбище, вводит фразу, которая явно не согласована с предшествующей⁴.

В *Praecepta*, § 143 Иеронима, в соответствии с текстом, который был у него перед глазами, когда он переводил, отражается пахомиева традиция, какой она была уже в конце IV в., когда сестры могли при определенных условиях встречаться с родственниками.

Обратим внимание, что запрещаются визиты монахинь в мужские монастыри. Что касается визитов монахов в женские монастыри, то они явно не запрещены, но рекомендуется, чтобы монахини не оставляли свой монастырь, чтобы присутствовать на похоронах своих сестер⁵.

Вопрос о том, можно ли монахине пойти повидать своих близких в своих домах, не появляется в основных текстах Пахомиева корпуса (Житие, Правила). Но подобные эпизоды встречаются в *Paralipomena* (Karakallou 251)⁶ — это история о монахе, который, не послушавшись начальника из своего монастыря, ушел, чтобы увидеть свою семью (с намерением убедить их стать монахами), по пути встречает монахиню из пахомиева женского монастыря. Она также путешествует, чтобы увидеть его. Но в облике монахини скрывается дьявол.

Житие, которое говорит об изоляции пахомиевых монахинь, описывает идеальное положение дел. Реальность соответствует ему, вероятно, не совсем. Самые важные в пахомиевом собрании литературные тексты следует читать как полемические, защищающие мораль и стандарты прежних времен, реагируя на острый кризис, когда после смерти Пахомия были под угрозой структуры, им созданные.

Представляет интерес описание женского пахомиева монастыря *Tesminé* близ Панополя. Палладий, наверное, в нем не был, но он был в Панополе и видел там мужской пахомиев монастырь. Он рассказывает новичку, что нашел женскую пахомианскую общину.

³ Wipszycka 2009, 571.

⁴ G1, 32 реконструируется на основе G3, 43.

⁵ Wipszycka 2009, 572.

⁶ *Paralipomenon* пахомиева корпуса (рассматриваемый эпизод) см.: Brakke 2006, 204–206.

Из Пахомиева корпуса можно сделать вывод, что два женских монастыря были довольно маргинальны по сравнению с девятью существующими мужскими монастырями на момент смерти основателя, и не играли никакой роли во всей жизни собрания пахомиан. Среди множества биографий, в которых авторы отражают деятельность Пахомия по руководству монахинями (как они должны себя вести и чего они должны избегать), добродетели или грехи их даже не упоминаются. Монахиням фактически нет места в пахомиевой традиции. Вероятно, это объясняется тем, что Пахомий избегал любых личных отношений с монахинями.

Интересный и важный пример сочетания женского монастыря и мужского представляет «конфедерация» близ Сохага. Женский монастырь был основан в рамках мужского. Информация об этом монастыре находится в основном в письмах видного лидера — Шенуте из Атрибиса. 13 из его писем адресованы монахиням. Они, вероятно, датируются началом его деятельности в качестве главы общины, и, можно думать, в то время его авторитет был не настолько сильным, чем в дальнейшем.

Преемники ученик Шенуте, Беса, последовал примеру своего учителя и руководил женским монашеским сообществом посредством писем, некоторые из которых сохранились.

В 2002 г. Ребекка Кравиц опубликовала монографию о Шенуте и монахинях Белого монастыря⁷. Два года спустя появилась монументальная публикация Стивена Эммеля⁸, который прояснил историю текстов, пронизывающих шенудианский корпус литературы. Однако деятельность Шенуте и жизнь его паствы остались в тени его исследования.

Работа Кравиц находится в потоке «гендерных исследований», поэтому ее объяснения, касающиеся отдельных сторон жизни женского монашества, не всегда приемлемы для исторической науки. Тем не менее с нею следует согласиться в том, что сочинения Шенуте — уникальный случай в литературе поздней античности. Они дают нам возможность услышать живой голос руководителя большого сообщества монахов и, в частности, обвинения в адрес непослушных монахинь.

Арабский вариант Жития Шенуте, написанного Бесой, предоставляет данные по количеству членов монастырей — 1800 монахинь⁹. Эти цифры сомнительно высоки.

Из писем Шенуте мы узнаем, что женщины имели одного руководителя монастыря, его заместителя и своего рода совет, образованный из пожилых монахинь, каждая из которых была во главе одного из домов, принадлежащих монастырю¹⁰. В «канонах», которые говорят о статусе людей разных руководящих должностей в собрании, говорится, что, с одной стороны, руководитель находится в одном ряду с «отцом из этих мест» (оба мужчины из монастырей), то есть Шенуте, а во вторых, он выступает как субъект, полностью подчиненный по отношению к настоятелю. Его зависимость подтверждается текстами о разрешении конфликтов между монахинями и Шенуте¹¹.

⁷ Krawiec 2002.

⁸ Emmel 2004.

⁹ Amélineau 1911, 331.

¹⁰ Этот вопрос был подробно изучен: Krawiec 2008, 59–71.

¹¹ Wipszycka 2009, 577–578.

Автономия монахинь, наделенных управленческими функциями, была очень ограничена. Даже дело достаточно мелкое, например, о монахинях, желавших перевестись из одного дома в другой, подлежало юрисдикции Шенуте (см. письмо 7 «канона»). Ясно, что основной задачей Шенуте как руководителя было владеть информацией о происходящем в монастыре для того, чтобы он мог принимать верные решения. Каждое молчание и любая задержка в передаче информации порождали его худшие подозрения и резкую реакцию.

На взгляд Шенуте и Бесы, главная роль в регулировании жизни женского монастыря принадлежала настоятелям. Эта деятельность была непростой. Женский монастырь часто страдал от розни, клеветы, обвинений в фаворитизме, проявлений зависти. Были также случаи кражи предметов, принадлежащих монастырю (Besa, let. 25)¹².

В начале осуществления своих функций Шенуте столкнулся с особенно острым кризисом в отношениях с монахинями. Письма, относящиеся к этому эпизоду, см. в «канонах», 2. Когда Шенуте решил, что ситуация в женском сообществе требует специальных мер, он трижды лично ходил в женский монастырь (один раз даже остался там на ночь). Монахини, которые управляли сообществом, скорее всего, видели в подобных посещениях угрозу своей власти. Что же касается других монахинь, то они могли иметь основания опасаться наказания более сурового, чем на них обычно налагались.

Физическое наказание было регулярным элементом жизни монастыря с момента его образования. По всей видимости, Шенуте наказывал провинившихся чаще, чем это делал настоятель монастыря: он, вероятно, судил женщин с той же строгостью, что и мужчин (мы знаем, что некоторые монахи погибали во время порки и их смерть вызывала негативную реакцию в общине).

По воле Шенуте женский монастырь должен был быть полностью отделен от монастырей мужских. Он контролировал жизнь женского монастыря через группу монахов, которые постоянно жили в женском монастыре в отдельной комнате и которые запрещали говорить с монахинями даже их близким родственникам. В чрезвычайной ситуации, когда возникала необходимость получить совет или консультацию у руководства мужского монастыря, они шли к руководителям в сопровождении старых монахинь, заслуживающих доверия, и монахи в комнате передавали принесенную просьбу.

Шенуте хотел, чтобы монахини никогда не видели своих родственников, даже если они были монахами из общины¹³. Шенуте последовательно пытался претворить эту идею в жизнь, но монахини часто не соблюдали это правило.

Крайне интересную информацию мы имеем о двойном монастыре во главе с Моисеем в Абидосе. Этот аскет жил во второй половине V — начале VI в.¹⁴ Сохранились обширные фрагменты коптского Жития, которое цитирует письма Моисея в крупный женский монастырь¹⁵. Письмо XVI начинается так:

¹² Besa 1956, 69–73.

¹³ Krawiec 2002, 161–174.

¹⁴ Van Cauwenbergh 1973, 151–153, Campagnano 1978, 223–246; Coquin 1986, 1–14.

¹⁵ Эти письма в данной части Жития были опубликованы: Amélineau 1895. Есть еще новые фрагменты: Coquin 1986, 227–228, 230, 235–238.

Житие Моисея, 696: «Прежде всего держите свое тело чистым, и ваш ум от любой примеси... [...] ...Чистота приведет вас в место без страданий, и прошу вас не встречать мужчин без необходимости и не покидать монастырь, не уходить никуда за пределы монастыря, а также обличать ложь».

Для понимания экономической стороны жизни женского монастыря важен следующий отрывок:

Житие Моисея, 698: «Я также напоминаю, что вы опекаете мирян (в монастыре), ведь я много раз говорил вам об этом. Тот, кто будет ухаживать за постельцем, принадлежит ему; готовьте в печах вашего монастыря только для братии, а не для себя лично, иначе это навлечет проклятие не только на вас, а также на людей, для которых оно приготовлено. И если мне сообщат об ином, я не буду это терпеть».

Не все ясно в этом отрывке, в частности, то, что касается отношений между «мирянами» и людьми, для которых они выпекают хлеб. Несмотря на это, нет сомнения, что женский монастырь имел материальные блага, полученные от продажи выпечки, доступные для тех, кто «находился среди людей», и мы можем понять, почему Моисей протестовал против экономической активности женского монастыря: она ставила под угрозу изоляцию монастыря.

Местоположение этого монастыря было обнаружено во время археологических раскопок в Абидосе: он находился в Осирейоне¹⁶. Как видно из надписей, он создан женщинами и для женщин. В этих текстах нет никаких других мужских имен, кроме тех, которые содержатся в перечислении святых и ссылках на церковных сановников.

Двойной монастырь был также основан Авраамом из Фаршута (Farshut), которого мы знаем по фрагментам двух коптских панегириков и жития в синаксаре¹⁷. Этот монах был в течение некоторого времени настоятелем пахомиева монастыря Пбау. Принужденный императором оставить прохалкедонский Пбау и идти в Константинополь, он вернулся в Египет, но был исключен из Пбау. Тогда Авраам основал возле своего родного села сначала мужской, а потом и женский монастырь.

Двоюродный брат этого Авраама, Манассия, известный из фрагмента коптского панегирика, основал монастырь на юге Фаршута, напротив деревни Перпе. Позже он основал монастырь для монахинь из десяти пахомиевых общин¹⁸. Манассия сделал это после того, как во сне ему было видение ангела, который сказал ему:

Житие Манассии, 676: «... когда встречаю тебя утром, то вижу десять дев, которые приходят к тебе, они состоят в таком же сообществе апы Пахомия, чтобы получить построенную им киновию с церковью, что строят в страхе Господнем и по заповедям святых».

Важные данные можно почерпнуть из результатов раскопок, которые проводились в начале XX в. в Baouit, где были открыты остатки монастырского центра, основанного апой Аполлоном в конце IV в. и продолжавшего существовать до IX в. В южной части раскопа впервые Шарль Паланк, а затем Жан Масперо обнаружили остатки женского монастыря (или монастырей). Описание этого участ-

¹⁶ Crum 1904, 38–39.

¹⁷ См.: Coquin 1986, 230–232, 239–243.

¹⁸ Van Cauwenbergh 1973, 156–157; Coquin 1986, 230, 238–239.

ка имеется в публикации Жана Доресса 1967 г.¹⁹ Он внимательно изучил место (к сожалению, почти полвека спустя после раскопок) и имел доступ к некоторым неопубликованным литературным источникам. Его работа была наконец недавно опубликована²⁰.

Среди трапезных и дворов по всей территории были разбросаны некие большие помещения и ораторий общины, а также комплекс богато украшенных зданий, необходимых для повседневной жизни. Эти группы зданий определенно представляют собой монастырь со всеми перестройками, которые он перенес за века своего существования. Это сообщество было связано с женским монастырем, находившимся на определенном расстоянии, в южной части раскопа. Надписи и рисунки этой последней группы зданий, составляющих менее плотную и менее богатую агломерацию, чем у северного комплекса, позволили Ж. Масперо понять, где община монахинь отделялась от главного монастыря, подлежавшего также опеке апы Аполлона. Эта территория уже обследовалась в начале 1903 г. Ш. Паланком, открывшим 40 помещений, построенных из кирпича для защиты от наводнений, но не давшего им конкретного описания или даже карты, кроме «часовни», украшенной росписью. Это были, по сути, две части неравных размеров, соединенные друг с другом и образующие галерею, которая имела даже украшенную арку. На западной стене, по обе стороны от архангела Уриэля, были размещены символы тех, чьи имена были определены как диакон Мена; Коллуф, сын предыдущего; «книжница» Феодота, мать сообщества; ама Рахиль, мать общины²¹.

Некоторые найденные Ж. Масперо женские монастыри были пронумерованы им от 40 до 46 и (кроме номера 40, оригинальные остатки которого не были найдены) довольно подробно описаны. Поразительно, что один из объектов был очень похож на ранее признанный Паланком в часовне женского монастыря список общины, это тот же архангел Уриэль, на этот раз в окружении местных святых (Хор из Прехта, Аммон Тунский, Аполлон Великий, Анубис Великий, Аполлон Наваи в крайнем правом углу — ама Рахиль, «мать монастыря, которая упокоилась 27 Паона»).

Это здание и некоторые другие смежные комнаты, которые смог найти Ж. Масперо, группировались вокруг небольшого дворика. Остатки лестницы указывали, что здесь были когда-то полы. Проем был спешно забран стеной, например, путем цементирования керамики, чтобы защититься от вторжения, при этом многочисленные обломки свалили в песок. На большей части территории памятника сохранились очень простые хозяйственные постройки, дома, лавки, конюшни. Кроме того, там были обнаружены фрагменты папирусных кодексов. Один факт, однако, интригует: стены некоторых из этих скромных развалин еще показывают нам остатки живописи. Возможно, эти помещения сохраняли свою утилитарную роль в те годы, когда монастырь был уже оставлен.

Даже если здания, занимаемые женской общиной, были довольно обширными, вполне возможно, что монахинь все же было не очень много. Имена, найденные в надписях и на граффити, всегда одинаковы: сначала руководительницы,

¹⁹ Об исследованиях Баоюта см. Wipshicka 2009, 143–150.

²⁰ Dorese 2000.

²¹ Wipszycka 2009, 585.

Ракель и Феодота, Макрина и Таїобéh (? Имя, по всей видимости, не коптское), «самый скромный грешник является вселенским», Евфимия, Юдифь, Marihéou и т.д. Среди граффити, на которых надписи остаются разборчивыми, есть также воззвания к Архангелу Уриэлю и имена двух из трех царей — Мельхиора и Бальтазара. Таков был лишь один из женских монастырей города.

Анри Леклерк дает описание женского монастыря Bawit (Baouit) в статье, опубликованной в «Словаре христианской археологии и литургии»²². Здесь была небольшая часовня со «сводом с двойным и квадратными отверстиями, вероятно, зарешеченными деревом». Так монахини могли посещать службу и ораторий, однако весьма вероятно, что во время самых важных праздников они принимали участие в церемонии в одной из самых больших церквей, вместе с братьями.

Мы не знаем, ни в какие годы существовал женский монастырь Baouit, ни какое было расстояние между ним и домами монахов. Невозможно определить на местности остатки жилищ монахинь. Автор раскопок не сделал планов, не провел измерений и не дал подробных описаний и развернутых отчетов. Тем не менее, нет сомнений в том, что даже если два монастыря были расположены в нескольких сотнях метров друг от друга, полная изоляция их друг от друга была невозможна.

Может быть, двойной монастырь существовал в известном монастыре апы Иеремии в монашеском центре в Саккаре²³. Среди погребальных надписей, найденных в этом месте, есть имена женщин. Наличие захоронений женщин на кладбище мужского монастыря само по себе не является доказательством существования женского монастыря, тем более что невозможно датировать эти гробницы точно, и не исключено, что они появились после исчезновения монастыря Иеремии. Может быть, эти люди были похоронены на старинном кладбище монахов, будучи убеждены, что это святое место, потому что останки святых помогут чем-то улучшить их участь в момент божественного суда.

Литературные тексты, где речь идет о женских монастырях и монахинях, обвиняют последних в том, что они склонны к ссорам. Некоторая тенденциозность, связанная со стереотипным изображением женщин с их недостатками, была унаследована как от греческого, так и от египетского прошлого. Тем не менее интриги и конфликты, видимо, действительно чаще встречались у женщин, чем у мужчин в монастырях. Тот факт, что женщины-руководительницы не могли иметь абсолютных полномочий, видимо, порождал недисциплинированность и напряженность среди их подчиненных. Возможно, слабость женского лидерства была также связана с другой причиной: предполагается, что среди монахинь египетских монастырей не было ни одной женщины из социальных слоев, где девушки были бы высокого происхождения. Достаточно вспомнить о деятельности Мелании, чтобы увидеть, что в монашеской жизни женщины, принадлежавшие к элите, вполне естественно и довольно успешно брали на себя роль лидеров.

Братья, ответственные за руководителей женских общин, вероятно, не делали ничего, чтобы устранить причины «гендерной» напряженности. Их задачей было обучение монахинь стандартам правильного поведения, у них не было за-

²² Leclercq 1907, 1607–1615. Эта статья содержит дополнительную информацию о результатах раскопок монастыря, но автор не сообщает, откуда он ее взял.

²³ Wipszycka 2009, 586.

дачи узнать, в чем лежали причины этих конфликтов. Кроме того, чтобы избежать любых подозрений в незаконных контактах, духовные отцы иногда располагались в помещениях с окном с видом во внутренний двор монастыря, которые были недоступны изнутри монастыря, через это окно эти пожилые отцы адресовали непослушным монахиням свои порицания. Начинали ли они реальные разговоры? Вряд ли. Даже Пахомий, нравственный ориентир, который знал, как придумать изощренную тактику, чтобы излишне не унижить грешников, что помогало братьям пережить трудные моменты аскетизма, не сделал ничего специального в отношении регулирования поведения монахинь²⁴.

В Египте также существовали многие женские монастыри, не связанные с мужскими, а бывшие совершенно самостоятельными. Для одного из них, женского монастыря Атрибис, у нас есть интересная информация относительно обстоятельств его основания: Палладий (*Historia Lausiaca*. 29.1) пишет, что этот монастырь был основан по инициативе аскета Илии, который был «любителем дев» (φιλόπαρθενος) и отдал свое состояние на содержание около трехсот девственниц²⁵. В этом монастыре Илия сыграл роль, которая в женских монастырях пахомиева сообщества принадлежала братьям, назначаемым руководителями: «... он вошел (в монастырь) и остался внутри, в боковом помещении, из которого, будучи близко, он постоянно корректировал (поведение монахинь) с учетом степени его возможности» (*Historia Lausiaca*. 29. 5).

После смерти Илии руководство монастыря передается Дорофею. Он «не мог остаться так в том же монастыре, заперся в комнате и сделал окно с видом на женский монастырь, которое он мог открывать и закрывать; он постоянно держал закрытым это окно, пытаясь не дать им возможности ни для одной ссоры. Таким образом, он находился в комнате наверху, и ни женщины не могли залезть туда, ни он не мог спуститься вниз, потому что не было никакой лестницы» (*Historia Lausiaca*. 30).

Также в главе, посвященной Илии, но не Дорофею, Палладий упоминает настоятельница монастыря. Игуменьи должны были существовать, потому что Илия, а затем Дорофей не могли осуществлять все основные функции этого большого сообщества²⁶.

Очень вероятно, что другие женские монастыри были также основаны за счет пожертвований от богатых людей. Без помощи состоятельных людей монахиням было бы невозможно получить необходимый минимум, чтобы жить, даже если все они работали. Мы знаем, что в действительности общины монахов, не имевшие больших возможностей для выполнения работ и не получавшие различных пожалований, имели серьезные финансовые трудности.

В женских монастырях жили не только монахини, но и женщины различного происхождения, в том числе женщины, искавшие убежища, потому что они были больны и/или не было никого, кто мог бы позаботиться о них, или желавшие монашеских молитв и обрядов, но которые не могли заставить себя порвать

²⁴ Wipszycka 2009, 588.

²⁵ Поизд.: Bunge 1994.

²⁶ Elm 1994, 321–322 предлагает странное решение проблемы управления монастырем: по ее словам, Илия имел в своем распоряжении группу помощников, которые жили в монастыре, и Дорофей был одним из них. Эта гипотеза представляется маловероятной.

с миром²⁷. Если эти женщины были бедны, то их присутствие ложилось тяжелым бременем на монастырь.

В письменной традиции об аскетической обстановке Египта в конце IV века (то есть времени, когда монашество уже было полностью оформлено) имеются интересные данные о женских монастырях.

Палладий (*Historia Lausiaca*. 59) пишет, что в Антиноэ — городе, где он жил в течение четырех лет, — было 12 монастырей. Он пишет далее о том, что у одной из настоятельниц, с которыми он встречался лично, жили 60 монахинь. Эта информация заслуживает доверия не столько сама по себе (в частности, отметим, что число монахинь — 60 — очень далеко от количества монахинь, которые, в соответствии с житием Пахомия, жили в пахомиевом монастыре недалеко от Панополя: 400 монахинь), но мы не можем точно сказать, насколько Палладий мог эту цифру придумать.

Она довольно сильно отличается и в случае, описанном в *Historia Monachorum* 5, с Оксирином. Эта книга была написана около 404 г., и автор ездил в Египет, чтобы посетить знаменитых подвижников. Епископ Оксирина сообщил ему, что в городе подвизается 10 тысяч монахов и 20 тысяч монахинь. Это, естественно, фантастические цифры, как и само описание города: в этом Оксирине нет ни одного еретика или язычника, магистраты разместили у ворот города наблюдателей, задачей которых было распознавать бедных и иноземцев, чтобы им можно было предложить еду. *Historia Monachorum* является одной из тех книг, где доля художественного вымысла особенно высока.

Значительная часть источников по истории женского аскетизма в Египте рассматривает аскетизм как практикующийся в домашних условиях. Эта домонашеская форма аскетизма не исчезает вообще после рождения женских монастырей и продолжает существовать даже в тех местах, где были монастыри. Это были случаи, когда женщина не могла получить разрешение от своей семьи, чтобы пойти в монастырь, потому что это было необходимо в домашних условиях, а также случаи, когда женщина, захотевшая участвовать в аскетизме, не могла лишить свою семью рабочих рук. В этих случаях, вместо того чтобы идти в монастырь, женщина оставалась у себя дома в затворе, практикуя аскетизм и в то же время помогая своей семье.

В «Канонах Афанасия» (V в.) четко устанавливается принцип, что в каждом христианском доме девушка должна быть девственницей «для спасения дома» (канон 98)²⁸. Родители были обязаны выбрать одну из своих дочерей для этой цели²⁹ и создать условия для того, чтобы практиковать аскетизм, не подвергая ее риску контакта с миром. Девушка выбирала, когда она могла выйти из дома, что-

²⁷ Иоанн Никиусский в «Церковной истории» (гл. 79) рассказывает о патриархе Феофиле: когда Феофил был ребенком, один из его рабов зашел с сестрой в языческое святилище в Мемфисе, и статуи богов упали на землю; Афанасий крестил девушку и отправил в женский монастырь, чтобы она оставалась там до времени вступления в брак. Эта история является, конечно, вымышленной, но важно то, что Иоанн Никиусский (2-я пол. VII в.) считается автором, заслуживающим доверия.

²⁸ Wipszycka 2009, 591–592.

²⁹ «Смотрите, какие из ваших дочерей достойны святости; следите за ее взглядами, любит ли она заботы века сего. Но если она может повиноваться своим родителям в своих желаниях, выберите для нее пост помимо еды и питья, и она назначается (в аскезу), пока она не достигнет тридцати лет (возраста)...» и т.д.

бы пойти в церковь, но только в сопровождении кого-то из домашних; во время религиозной церемонии, которая длилась в течение всей ночи, девушка должна была провести ночь в женском монастыре. Богатая замужняя женщина, могла выбрать одну из своих служанок, молодую девушку, которая хотела бы сохранить девственность, она должна была относиться к ней как к своей дочери, убедившись, что она может практиковать аскетизм, и не накладывать на нее обязанностей, не совместимых с таким образом жизни (канон 104).

Внутренний аскетизм занимает важное место в анонимном моральном трактате, датированном примерно 400 г. (возможно, до 377 г.), который полностью сохранился в коптском переводе и известен как «Gnomai Никейского собора»³⁰. Сохранившаяся часть посвящена в основном проблемам женщин — не только женщин, практикующих аскетизм, но и замужних женщин и девочек, вступающих в брак. Эта книга, как кажется, относится к той же среде, которой предназначены каноны Афанасия, — это умеренно богатые люди, привыкшие, по крайней мере, читать Библию, которые должны объяснять принципы христианской морали женщинам, удаленным от уточнения взглядов IV в. на девственность.

Палладий упоминает двух дев, придерживающихся аскетизма дома (Hist. Lausiaca 31. 60). Одна из них жила в Антиноэ, недалеко от него, но он никогда не видел ее, потому что она никогда не выходила из дома.

Апофтегм, в которых упоминаются женщины, практикующие аскетизм, не так уж много. Большинство из них были построены на апофтегмах из стереотипных элементов, касающихся аскетов-мужчин.

Среди апофтегм Алфавитного собрания (Alphabétikon), касающихся женщин, наиболее важны апофтегмы о Сарре, Синклитикии и Феодоре. Только две имеют гендерные ситуации. Апофтегмы Сарры и Феодоры не содержат ничего точного, что может характеризовать монашеские общины, в которых эти монахини жили (если предположить, что они не являются чисто литературными).

В апофтегмах Алфавитного собрания о Синклитикии все без исключения примеры происходят из Жития Синклитикии. Текст предоставляет очень мало информации о ней как о человеке.

Шаблонный характер апофтегм, выделяемых относительно женщин, и то, что эти «Матери пустыни» не имеют индивидуальных черт, может вызвать подозрение в их существовании.

Поучительная история, изложенная в одной из наиболее ранних апофтегм, включенных в Alphabétikon 159 (Виссарион 4), упоминает женщину, ведущую аскетическую жизнь в пустыне. Другой пример представляет поучительная история, где появляется женщина, живущая в пустыне, в рассказах о Данииле Скитском, вероятно историческом персонаже, который, кажется, жил в VI веке. Это история под названием «Житие и подвиги Анастасии Патрикии». Большинство современных ученых, которые занимаются историей монашества, считают подобные истории литературным вымыслом, без связи с фактами, предназначенными для того, чтобы привлечь читателей. Это мнение представляется вполне разумным.

³⁰ Gnomai 1912, 77–80; Achelis 1900–1901, 121–129. В этом тексте использованы термины παρθένος и μοναχή.

Женские монастыри, расположенные на краю пустыни, недалеко от обрабатываемой земли, конечно, существовали (женский монастырь Bawit), но женщинам не разрешалось селиться в пустыне, образуя полуавтономные лавры анахоретствующих, как монахам. Для того чтобы жить в лавре, женщина должна была много двигаться (за водой, чтобы сделать покупки, продавать продукцию своей работы в селах и поселках), нужно было взять на себя ответственность за свое существование. Кроме того, одна женщина (или служанка), живущая в скиту, находится под угрозой нападения. Наконец, присутствие аскетов и женщин в области, где жили аскеты-мужчины, было также очень подозрительно в глазах монахов как людей, живущих в мире, без помощи которых невозможно было жить в пустыне. Поэтому сообщения житий об анахоретстве женщин в пустыне (например, Мария Египетская) можно поставить под сомнение³¹.

Женских папирусных писем религиозного характера нет. Сомнительно, что женщины, которые посвятили себя аскетической жизни в монастырях, пришли из низших социальных слоев, не культивировавших письменную культуру. Скорее можно сделать вывод о том, что в своем женском варианте аскетизм был более радикален, чем мужской, и полностью порывал связи с миром и даже с другими подвижницами.

Всего женщины-монахини достаточно определенно упоминаются в папирусных отрывках около 20 раз. Все они весьма лапидарны и мало что добавляют к истории раннего женского монашества в ранневизантийском Египте.

В данной работе мы не рассматриваем еще один интересный феномен специфических практик женского монашества — подвижничество в мужских монастырях под видом евнухов или мужчин³². О таких случаях достаточно часто говорится в агиографии. В целом можно отнестись к этому явлению с доверием, так как здесь можно увидеть наивысшую степень борьбы со своим полом, полный отказ от пола, преодоление пола.

Таким образом, ранняя история женского монашества территориально сосредотачивается в Египте, а хронологически охватывает IV — середину V в. Организационные основы женских монастырей связываются прежде всего с пахомианской традицией, продолженной Шенуте. Письменных и вещественных источников о монахинях в других районах Египта мы практически не имеем. В своей повседневной жизни часть женских монастырей была связана с мужскими («двойные» монастыри), другая часть была самостоятельной. Небольшая часть женщин подвизались в мужских монастырях, отказавшись от своего пола. Женское анахоретство в пустыне по ряду причин можно поставить под сомнение.

Дальнейшее развитие женского монашества в V–VI вв. охватывает различные провинции и территории Ранней Византии — Палестину, Сирию, Малую Азию и др. Но принципы и практики, сформировавшиеся в Египте, будут продолжены.

ЛИТЕРАТУРА

Achelis H. 1900–1901: The Γνόμεαι of the Synod of Nicaea // *Journal of Theological Studies*. 2, 121–129.

³¹ Wipszycka 2009, 602–603.

³² Рышковская 2009, 281–282.

- Amélineau É.* 1895: *Fragments de la Vie de Moïse* // *Monuments pour servir à l'histoire de l'Égypte chrétienne aux IVe, V^e, VIe et VIIe siècles* / *Mémoires publiés par les membres de la Mission Archéologique Française au Caire*. Paris.
- Amélineau E.* (éd.). 1911: *Oeuvres de Shenoudi*. T. I. Paris.
- Brakke D.* 2006: *Demons and the Making of the Monk. Spiritual Combat in Early Christianity*. Cambridge.
- Bunge G.* (éd.) 1994: *Pallade. Vies de saints moines / Quatre ermites égyptiens d'après les fragments coptes de l'Histoire Lausaque* / tr. A. de Vogüé. Abbaye de Bellefontaine.
- Campagnano A.* 1978: *Monaciegizifra V e VI secolo* // *Vetera Christianorum*. 15, 223–246.
- Coquin R.-G.* 1986: *Moïse d'Abydos* // *Études Coptes*. II, 1–14.
- Crum W. E.* 1904: *Coptic graffiti* // *Murray M. A.* *The Osireion at Abydos*. London.
- Doresse J.* 2000: *Les anciens monastères coptes de Moyenne Égypte (du Gebel-el-Teir à Kôm- Isgaou) d'après l'archéologie et l'hagiographie* // *Bulletin de l'Institut d'archéologie Yverdon*. 2, 4, 5. Yverdon.
- Elm S.* 1994: *«Virgins of God»: The Making of Asceticism in Late Antiquity*. Oxford.
- Emmel S.* 2004: *Shenoute's Literary Corpus*. I-II. Leuven.
- Lammeyer J.* (éd.) 1912: *Die sogenannten Gnomen des Concils von Nicaea*. Beirut.
- Krawiec R.* 2002: *Shenoute and the Women of the White Monastery. Egyptian Monasticism in Late Antiquity*. Oxford.
- Krawiec R.* 2008: *The Role of Female Eider in Shenoute's White Monastery* // *Christianity and Monasticism in Upper Egypt*. Vol. 1. Akhmim-Sohag, Cairo, 59–71.
- Kuhn K. H.* (éd.) 1956: *Letters and Sermons of Besa*. Louvain.
- Leclercq A.* 1907: *Nonne* // *Dictionnaire d'Archéologie Chrétienne et de Liturgie*. Paris.
- Van Cauwenbergh P.* 1973: *Étude sur les moines d'Égypte depuis le Concile de Chalcédoine (451) jusqu'à l'invasion arabe (640)*. Milano.
- Wipszycka E.* 2009: *Moines et communautés monastiques en Égypte, IVe — VIIIe siècles*. Varsovie: *Journal of Juristic Papyrology*.
- Рышковская А. Ю.* 2009: *Женское монашеское подвижничество под видом мужчин и среди мужчин* // *Каразінські читання (історичні науки)*. Харків, 281–282.

THE HISTORY OF WOMEN'S MONASTICISM IN THE EARLY BYZANTINE EAST (EGYPT)

A. Yu. Ryshkovskaya, N. N. Bolgov

The paper gives a general outline of the early history of women's monasticism in early Byzantine Egypt. On the basis of written sources, it is clear that the beginning of women's monasticism is associated with Pahomian tradition. The "double" and independent convents are distinguished. The authors underline that the individual female anahoretism could hardly exist and seems to be a hagiographic stamp. An interesting phenomenon of "no sex" and women's leave for men's monasteries under the guise of men is depicted. In the 5th century AD female monasticism spread to other areas of Early Byzantium.

Key words: monk, female, Egypt, Monastery, asceticism, the abbot, the community

ПЛЕМЕННОЙ МИР

© 2014

А. Р. Канторович

ЭВОЛЮЦИЯ И ХРОНОЛОГИЯ СЮЖЕТА СВЕРНУВШЕГОСЯ В КОЛЬЦО ХИЩНИКА В ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОМ СКИФСКОМ ЗВЕРИНОМ СТИЛЕ

Изображение хищника, свернувшегося в кольцо — один из ключевых сюжетов искусства скифо-сибирского звериного стиля. На основе морфологической классификации изображений и хронологии соответствующих погребальных комплексов автор выявляет и описывает 9 типов, объединяющих все ныне известные изображения свернувшегося хищника VII–IV вв. до н.э. в рамках восточноевропейского локального варианта скифо-сибирского звериного стиля (всего 66 оригинальных изображений). На основе типологии дифференцированы 2 базовые диахронные тенденции в реализации данного сюжета. Поставлены вопросы об истоках сюжета свернувшегося в кольцо хищника в скифском зверином стиле в целом и в рамках его восточноевропейского варианта.

Ключевые слова: Восточноевропейский вариант скифского звериного стиля, сюжет свернувшегося хищника

Изображение хищника, свернувшегося в кольцо, — один из базовых сюжетов скифо-сибирского звериного стиля и, соответственно, одна из наиболее популярных тем исследований в данной сфере. Помимо большого количества работ, посвященных семантике этого сюжета, проблемам его истоков, характеристике локальных групп или отдельных изображений свернувшегося хищника¹, в последние годы предпринимаются усилия по учету и анализу всего массива совокупности изображений «хищника в кольце» — как на пространстве скифо-сибирского мира в целом², так и в рамках отдельных его регионов или групп регионов³. В русле этой традиции написана и данная статья, основу которой составили результаты систематизации всех опубликованных на сегодняшний день изображений свернувшегося хищника, происходящих с территории скифской археологической культуры, иначе говоря — из восточноевропейской зоны скифо-сибирского звериного стиля

Канторович Анатолий Робертович — доцент кафедры археологии исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. E-mail: kantorovich@mail.ru

¹ См., например, Шкурко 1969; Ильинская 1971; Баркова 1983; Раевский 1985, 118, 119; Черемисин 1987; Зув 1994.

² Васильев 2000, Полидович 1994, 2001, Королькова 2006.

³ Курочкин 1993, 59–63, рис.1; Богданов 2006.

(охватывает территории степного, лесостепного и северокавказского локальных вариантов скифского звериного стиля⁴).

Изучение сюжета свернувшегося хищника осуществлялось в рамках единой иерархической классификационной системы, разработанной автором для систематизации всех ныне известных образов, сюжетов и мотивов восточноевропейского скифского звериного стиля⁵. В процессе классификации дифференцировались (на основании многоуровневого применения образно-видовых, композиционных и стилистических критериев) образные классы, далее сюжетные группы и отделы и, наконец, изобразительные типы и (при необходимости) варианты. Всего нами было классифицировано 2169 оригинальных изображений (не считая копий и зеркальных отображений, как полнофигурных, так и *pars pro toto*), выполненных в канонах скифо-сибирского звериного стиля⁶. В их числе было выявлено 581 изображение хищника, 66 из которых представляют хищника, свернувшегося в кольцо (это 11,3% от общего количества изображений хищника и 3,04% от общего массива оригинальных изображений восточноевропейского скифского звериного стиля).

Эти 66 изображений образуют 9 типов, дифференцированных на основе морфологических показателей. Критерием различения типов была совокупность особенностей моделирования изображения, трактовки анатомических деталей и декорирования изображений. Данные 9 типов группируются в 2 отдела, универсальных для всей классификационной системы, для всех полнофигурных изображений животных в скифском зверином стиле: I отдел — изображения животных с головой, однонаправленной с туловищем; II отдел — изображения животных с повернутой головой (либо назад, либо вполоборота, либо анфас и т.д.).

К I отделу относятся 8 из 9 типов изображений свернувшегося в кольцо хищника, ко II отделу — 1 тип, составленный единственным изображением.

Как показала классификация, более половины изображений (47 из 66) относятся к двум стадийно последовательным типам, определяющим две базовые тенденции в иконографии свернувшегося хищника в восточноевропейском скифском зверином стиле.

Первый из этих типов — древнейший и наиболее разработанный тип свернувшегося в кольцо хищника — можно именовать «Келермесско-яблоновским»⁷ (рис. 1). К данному типу относятся 27 изображений, которые оформляют в основном

⁴ Под северокавказским вариантом скифского звериного стиля подразумеваются в первую очередь многочисленные прикубанские изображения, выполненные в соответствующем духе (невзирая на то, были ли конкретные мастера скифами, меотами или кем-либо еще), а также уже весьма представительный массив изображений из Центрального Предкавказья, включая Ставрополье.

⁵ См. об основных принципах классификации: Канторович 2011, 34–37.

⁶ Это практически все опубликованные до 2012 года (включительно) изображения 2-й четверти VII — начала III в. до н.э., отвечающие критериям скифского звериного стиля (о принятых критериях см.: Канторович 2011, 29–38). По возможности были учтены и публикации 2013 года. Кроме того, в состав источника вошел и ряд неопубликованных изображений, являющихся результатом собственных раскопок автора или же раскопок, соавтором которых он является (с любезного разрешения соавторов раскопок). См. подробнее: Канторович 2014, 49–52.

⁷ Типы именовались по местонахождению предметов с изображениями, либо эталонными для иконографии данного типа, либо маркирующими крайние пространственные или временные границы.

Рис. 1. Келермесско-яблоновский тип изображений свернувшегося хищника.
 1–2 — Келермес, курган 2/В, набор коня 7 (Галанина 1997, кат. 258, 259, табл. 16, 22);
 3–5 — Келермес, курган 24, разрозненные уздечные принадлежности (Галанина 1997, кат. 374, 375, 376, табл. 16, 24; 6 — Келермес, курган 1/Ш (Галанина 1997, кат. 2, табл. 7);
 7–8 — Келермес, курган 1/Ш (Галанина 1997, кат. 13, табл. 3); 9 — Келермес, 2/В (Галанина 1997, кат. 223, табл. 31); 10 — Краснодарский музей, происхождение неизвестно (КМ 302/116, фото А.Р. Канторовича; впервые опубликовано: Переводчикова 1984, рис. 2, 1);

11 — Краснодарское вдхр., случ. находка (Пьянков, Тарабанов 1997, рис. 4, 1); 12 — хутор Грозный у г. Майкопа, случайная находка (Канторович, Эрлих 2006, кат.43); 13 — хутор Степной у г. Гудермес, курган, находка в ходе нивелировочных работ (Ильинская, Тереножкин 1983, 47, рис. 3); 14 — Дарьевка, курган 2 (Бобринский 1894, фиг. 13); 15, 16 — Новоалександровка, курган 7, погребение 8: 15 — хищник на клюве птицы, 16 — хищник вокруг глаза птицы (Коренько, Лукьяшко 1982, 155, рис. 6, 2); 17 — из погребения на Темир-горе (Яковенко 1976, 129); 18 — Южное погр-е кургана 1 у хут. Красное Знамя (Петренко 2006, кат.88); 19 — Яблоновка, Каневский уезд, раскопки Д. Я. Самоквасова 1876 г. (Самоквасов, Альбом, № 1856); 20 — Волковцы, курган 2 1897–1899 гг. (Ханенко, Ханенко 1899, табл. XVI, 316); 21 — Новозаведенное-II, к. 16, набор коня 1 (Петренко, Маслов, Канторович 2000, рис. 4, 5); 22 — с. Константиновка Мелитопольского района Запорожской обл., II курганная группа, курган 2, погребение 3 (Либеров 1951, 141–142, рис. 45, д); 23 — могильник Фаскау, собрание А. С. Уварова (Мошинский 2010, кат.231); 24 — Нарган, курган 21 (НМ КБР, № 8050/1426, фото А. Р. Канторовича; впервые опубликовано: Батчаев 1985, табл. 51, 20); 25 — бляха из ГАИМК, происхождение неизвестно (Государственный Эрмитаж, ГЭ 1900/35, фото А. Р. Канторовича); 26 — покупка в Майкопе в 1915 г. (Государственный Эрмитаж, ГЭ 2514/53, фото А. Р. Канторовича; впервые опубликовано: Ильинская, Тереножкин 1983, 53, рис. 15, 18); 27 — курганная группа Семигорье, сборы на месте разрушенного кургана № 46 (Канторович, Шишлов 2014, рис. 4).

предметы конского снаряжения и вооружения, а именно⁸: костяные пронизи для перекрестных ремней (1–5), костяные цилиндрические пронизи (21), бронзовые уздечные бляхи (20, 22, 25), золотую наременную обкладку — портупейную деталь ножен (6), золотую накладку на щит или горит (7, 8), костяные (12, 14, 24) и бронзовые (13, 23, 26, 27) бутероли ножен меча, костяное налучье (15, 16). Украшены также изделия иного назначения — костяная бляха (17), костяной перстень-печатка (18), бронзовые бляшки — центральные ручки бронзовых зеркал (9–11).

Эти предметы происходят в основном с территории Прикубанья (1–12, 26, 27) — в большинстве из Келермесских курганов, — а также с территории Ставрополя и Центрального Предкавказья (13, 18, 21, 23, 24), Крыма (17), Нижнего Подонья (15, 16), Нижнего Поднепровья (22) и Среднего Поднепровья (14, 19, 20); один предмет неизвестного происхождения (25)⁹.

Видовая атрибуция. В изображениях Келермесско-яблоновского типа представлен хищник, относительно короткоголовый и тупомордый (т.е. кошачий).

Моделировка и композиция. Изображения моделированы в высоком, порой почти скульптурном рельефе — одностороннем (1–12, 16–22, 25) или двустороннем (13–15, 23, 24, 26, 27). Фигура строго профильная (при односторонне-рельефном исполнении) или как бы сложенная из двух строгих профилей (при двустороннем исполнении), вписана в круг, овал, полукруг или полуовал. Вся фигура компактная, композиция центростремительная, поскольку хищник показан с укороченными

⁸ Конкретные местонахождения предметов с изображениями каждого типа и источники иллюстраций указаны в подписях к рисункам. Указанные в тексте порядковые номера изображений соответствуют номерам изображений на рисунках.

⁹ В публикации В. А. Ильинской и А. И. Тереножкина указано, что данная бляха происходит из «окрестностей г. Майкопа» (Ильинская, Тереножкин 1983, рис. на с. 52, подпись). Однако согласно картотеке Государственного Эрмитажа, где хранится эта вещь (шифр ГЭ 1900/35), указано, что ее происхождение неизвестно, а до 16.01.1924 бляха находилась в ГАИМК «в бывшем разряде Скифии и Сарматии» (благодарим А. Ю. Алексеева и Т. В. Рябкову за любезное содействие в ознакомлении с данными материалами).

и утолщенными предплечьем и стопой, либо близко подведенными к шее и туловищу (почти без свободного пространства), либо примыкающими к шее и туловищу, либо заходящими на шею и туловище, частично перекрывая их. Соотношение передних и задних ног в их нижней части может быть различно: в зависимости от композиции туловища ноги могут идти последовательно (по дуге) (1, 14, 16, 23, 27), параллельно и противонаправленно друг другу в рамках контура (при том, что и та, и другая идут вперед вдоль туловища) (2, 6, 9–11, 13, 22, 25) или же перпендикулярно друг другу (3–5, 7, 8, 12, 15, 17, 19, 20, 21, 24, 26). В краснознаменском изображении (18), видимо в силу композиционной недоработки, передняя нога хищника уместилась внутри контура фигуры, а идущая за ней по дуге задняя нога была обведена вокруг фигуры с внешней стороны, так что уперлась кольчатой лапой в основание хвоста.

Трактовка анатомических деталей. Зверь показан с закрытой, реже чуть приоткрытой пастью, без зубов, с широким ухом, находящимся на одной прямой линии с глазом и ноздрей. Голова складывается из кружков и овалов, формирующих глаз, ноздрю, пасть, щеку (скулу), а также ухо. Ноздря, глаз и ухо хищника, как правило, примыкают или почти примыкают друг к другу. Глаз округлый. Ухо округлое, овальное или овально-подтреугольное, лишь в двух случаях треугольное (21, 23), оно часто оформляется в виде подошвы копыта (3–5, 9, 11, 14, 15, 23, 24, 25, 27). Ноздря чаще большая, соразмерная глазу, уподобленная глазу или уху, соответственно чаще округло-овальная, редко овально-подтреугольная (23, 24, 27). Пасть в тех случаях, когда она не слита с ноздрей, уподоблена и симметрична ноздре, т.е. подковообразная или овальная. При этом пасть и ноздря в тех случаях, когда они подтреугольные, могут сливаться в сердцевидную фигуру, напоминающую раздвоенное копыто (15, 24, 27). Щека округлая или овальная, уподоблена глазу. При этом налицо тенденция экономии места и реализации компактной схемы за счет этих деталей. Это достигается заменой пасти и щеки другими анатомическими деталями: пасть часто замещается овальным или округлым окончанием хвоста, заходящего под ноздрю (1–3, 5, 17, 26), а щека — окончанием передней лапы (3, 5, 7, 18, 23). В отдельных же случаях пасть сведена к минимуму (13, 19, 20) или вовсе не обозначена, т.е. слита воедино с ноздрей (4, 12, 16, 23, 27). Шея, лопатка, туловище, бедро и ноги достаточно мощные, исключая хищника на бутероли из Дарьевки (14), у которого нехватка места привела к атрофии задней ноги, которая дана коротким завитком, поджатым к бедру и тем самым напоминающим второй хвост¹⁰. Шея, лопатка, туловище и бедро, как правило, имеют гладкую поверхность, и лишь у хищника на зеркале у Краснодарского водохранилища (11) участок укороченного туловища между лопаткой и бедром покрыт поперечным рифлением (имитация шерсти?). Лопатка и бедро чаще акцентированы полуовалом, но могут и не выделяться рельефно, а только контурно (13, 14, 16), а в одном случае обозначены рельефными кружками с впадиной (23).

Лапы (т.е. окончания ног), как правило, оформлены кружком или петлей (чаще с округлой впадиной посередине), за несколькими исключениями, которые предусматривают рельефную передачу пальцев (15, 19, 20). Аналогично оформлено

¹⁰ Эта атрофия ноги привела А. И. Шкурко к заключению, что задняя нога в дарьевском изображении либо вовсе не показана, либо неестественно вывернута (Шкурко 1969, 34).

и окончание хвоста, исключая случаи, когда он практически не отображен (6, 11, 21) или зооморфно трансформирован (23). Зад, как правило, подведен близко к морде, так что между ними оставлено лишь узкое пространство, в которое пропущен хвост, замыкающий контур фигуры и заходящий внутрь; исключение в этом отношении составляют два изображения:

1) зверь из Фаскау (23), хвост которого как бы завернут назад, на спину (ср. изображения хищников с загнутым вверх хвостом типа пантеры на бляшках из 6-го Краснознаменского кургана¹¹), идет в направлении головы, повторяя дуговидную линию спины и на конце загибается вовнутрь, опираясь на лопатку, причем в целом хвост трансформирован в голову и шею водоплавающей птицы;

2) хищник из Краснознаменских курганов (18). Здесь хвосту не нашлось место в общем контуре, и он отходит вонне, перпендикулярно фигуре.

Отдельным изображениям данного типа свойственны зооморфные превращения (помимо вышеуказанного оформления уха в виде подошвы копыта, свойственного почти половине изображений Келермесско-яблоновского типа). В одном случае — на бутероли из Фаскау (23) — в виде подошвы конского копыта выполнено укороченное туловище зверя между лопаткой и бедром; в этом же изображении хвост хищника, как уже сказано, превращен в шею и голову водоплавающей птицы (образ кобанского стиля), а сочетание кружка (оформляющего лопатку хищника) с передней ногой (наложенной на шею хищника и заканчивающейся завитком лапы), возможно, представляет собой голову хищной птицы с закрученным клювом. Кроме того, изображения Келермесско-яблоновского типа в двух случаях являются не объектом, а субъектом (элементом) зооморфного превращения или приставления, будучи включенными в более крупные изображения кошачьего хищника (Келермесская пантера) (7, 8) или птицы (Новоалександровка) (15, 16).

Иконографическая динамика. Иконографическую основу типа, его ядро составляют изображения, в которых наиболее четко проявляются видовая идентичность (семейство кошачьих), компактность, композиционная замкнутость, рельефность, важнейший для «скифской архаики» композиционный принцип «ухо-глаз-ноздры на одной линии» и другие характерные черты типа. По этим признакам к «ядру типа» надо относить следующие изображения: келермесские (1–9, 11), темиргоринское (17), из хутора Грозного (12), нартанское (24) и на бляхе из ГАИМК (25); к ним примыкает краснознаменское изображение, которое при этом демонстрирует композиционные отклонения от нормы, обусловленные пространственными ограничениями украшаемой вещи и, возможно (с учетом его ранней датировки — см. ниже), еще неустоявшейся иконографией (18). Остальные изображения Келермесско-яблоновского типа обнаруживают различные упрощения, схематизации — см. фигуры на ручках кубанских зеркал (10, 11), Новоалександровка (15, 16), Константиновка, Дарьевка (22), Семигорье (27), бутероль из Майкопа (26), Гудермес (13), связанные с искажениями в ходе заимствований; либо, напротив, возникает усложнение, дополнение новыми деталями, обусловленное влиянием местной кобанской зооморфной традиции (бутероль из Фаскау-23).

¹¹ Петренко 1989, табл. 87, 76; 2006, табл. 74, 102, кат. 178

В конце эволюционного ряда находятся волковецкое (20) и яблоновское (19) изображения. Они демонстрируют существенную схематизацию в трактовке туловища, полный отказ от стилизации лап в виде кружков и завитков, относительное уменьшение размеров головы и уха.

Тем самым волковецкое и яблоновское изображения оказываются уже на грани со вторым крупнейшим типом (Кулаковско-ковалевский тип, см. ниже), определяющим, наряду с Келермесско-яблоновским, иконографию свернувшегося в кольцо хищника в восточноевропейском скифском зверином стиле. Между тем в рамках Кулаковско-ковалевского типа представлен хищник, относящийся скорее к семейству волчьих (см. ниже), моделированный, как правило, в одностороннем рельефе, с прорезями, отделяющими туловище, шею и хвост от ног, в более свободной, нежели в Келермесско-яблоновском типе, анатомической компоновке, с детализацией и с более частыми зооморфными превращениями. То, что волковецкое и яблоновское изображения находятся на грани с этим типом, свидетельствует либо о воздействии иконографии Кулаковско-ковалевского типа на Келермесско-яблоновский тип на его завершающей стадии, либо о влиянии натурализма античного стиля.

Хронология. Предельные рамки Келермесско-яблоновского типа определяют как 2-я четверть VII — 1-я половина V в. до н.э.

Terminus post quem при этом составляют датировки изображений, формирующих иконографическое «ядро» типа и, соответственно, являющихся наиболее ранними в его пределах. Это фигуры из Краснознаменских (18), Келермесских курганов (1–9, 11) и Темир-горы (17).

Вышеуказанная начальная позиция этих изображений в иконографической динамике Келермесско-яблоновского типа подкрепляется и ранними датировками соответствующих комплексов в рамках данного типа. Южное погребение кургана 1 у хут. Красное Знамя по бронзовой обкладке дышла колесницы с изображением Иштар датировано В. Г. Петренко временем Ашшурбанапала, т.е. серединой — 3-й четвертью VII в. до н.э.¹² Келермесские курганы 1/В и 2/В «по погребальному инвентарю вплотную примыкают к старейшим погребениям Краснознаменской группы, с которыми они, по-видимому, составляют единый хронологический пласт»¹³. Л. К. Галанина, дифференцировав на базе тщательной типологии изделий и с учетом переднеазиатских импортов и влияний раннюю (курганы Веселовского)¹⁴ и позднюю группу (курганы Шульца) Келермесских курганов, в своей основной монографии по данной группе отнесла древнейшие курганы Келермеса (курганы 1 и 2 Веселовского) к 660–640 гг. до н.э.¹⁵, а курганы

¹² Петренко 2006, 108–109.

¹³ Галанина 1983, 52–53.

¹⁴ В частности, охарактеризовав I группу из выявленных ею шести комплектов конского снаряжения, в том числе «золотую шестерку» коней из кургана 1/В, Л. К. Галанина пришла к выводу о том, что «появление в Прикубанье анализируемого конского убранства находится в непосредственной связи с переднеазиатскими походами скифов» (Галанина 1983, 40).

¹⁵ Галанина 1997, 184–192; ср. Алексеев 2003, 103–107. Тем самым исследовательница несколько углубила предложенную ею же ранее датировку Келермесских курганов Веселовского 3-й четвертью VII в. до н.э. (Галанина 1983, 37, 53).

Шульца поместила в пределах 2-й половины VII в. до н.э.¹⁶; А. Ю. Алексеев позиционирует курганы Шульца не позднее 620-х гг. до н.э.¹⁷

Впрочем, недавно А. Ю. Алексеев и Т. В. Рябкова, не подвергая кардинальному пересмотру установленную Л. К. Галаниной верхнюю хронологическую границу Келермесского могильника и в целом датировку курганов Шульца, в то же время предложили удревнить нижнюю хронологическую границу Келермесского могильника и соответственно дату ранней группы (курганы Веселовского) до времени ранее 670-х гг. до н.э. (первое упоминание переднеазиатских походов скифов в ассирийских источниках), не исключая и VIII в. до н.э. Исследователи опираются на калиброванные радиоуглеродные датировки Келермесского кургана № 31 (он же — курган 2/В) 810–540 гг. до н.э., а кургана № 24 (он же — курган 3/Ш или 4/Ш) — 760–390 гг. и сомневаются в ближневосточном происхождении торевтики из курганов Веселовского¹⁸. В результате по хронологии А. Ю. Алексеева и Т. В. Рябковой возникает не менее чем 30-летний разрыв между старшей и младшей группами Келермесских курганов, а в целом сооружение шести курганов единой Келермесской группы со сходным погребальным обрядом растягивается как минимум на целое столетие¹⁹.

На данный момент мы остаемся приверженцами хронологии Келермесских курганов, обоснованной Л. К. Галаниной в ее основной монографии 1997 г.²⁰

Датировка Темир-горы VII веком до н.э. по родосско-ионийской ойнохое 2-й половины VII в. до н.э. не вызывает сомнений, при наличии дискуссии, относить ли саму ойнохою и весь данный комплекс к 3-й четверти этого столетия (традиционное и более обоснованное мнение)²¹ и, уже, к 640–630 гг. до н.э.²² или же к последней четверти VII в.²³

Возможно, с краснознаменским, келермесскими и темиргоринским изображениями надо хронологически сближать сходные с ними фигуры из хутора Грозного, нартанскую и на бляхе из ГАИМК.

Следом за этими изображениями в хронологическом ряду из объективно датируемых следуют келермесские (из курганов Шульца), новозаведенское и новоалександровское. О датировке курганов Шульца — поздних курганов Келермесской группы — уже было сказано. Комплекс из кургана 16 Новозаведенского могильника датируется достаточно четко находкой фрагментов двух ионийских сосудов (ойнохой и чаши) 610–590 гг. до н.э.²⁴ С данным комплексом, т.е. с концом VII — началом VI в. до н.э., как мы уже видели, синхронизируется Келермесский курган № 24. Комплекс из Новоалександровки (к.7, погр.8) содержит амфору, которую публикаторы атрибутировали как самосскую и вслед за И. Б. Брашинским

¹⁶ Галанина 1997, 184–192.

¹⁷ Алексеев 2003, 103–104, 295.

¹⁸ Алексеев, Рябкова 2010, 243–245.

¹⁹ Эта позиция дублируется затем в работе Л. К. Галаниной и А. Ю. Алексеева (Галанина, Алексеев 2010, 186–187).

²⁰ Галанина 1997, 184–192. Аргументы против попытки А. Ю. Алексеева и Т. В. Рябковой скорректировать эту хронологию см.: Канторович 2012, 366–367.

²¹ Копейкина 1972, 156.

²² Алексеев 2003, 295.

²³ Масленников 2001, 301.

²⁴ Петренко, Маслов, Канторович 2000, 238–241, 247, рис.1, 1.

датировали в рамках 2-й половины VI — начала V в. до н.э.²⁵ Однако С. Ю. Монахов определил данную амфору как милетскую, вариант I-C, который датируется им в рамках второй–третьей четверти или, уже, середины VI в. до н.э.²⁶

Бутероль из Фаскау датируется А. П. Мошинским широко, но все же в пределах «скифской архаики», в диапазоне VII-VI вв. до н.э.²⁷ Что касается упрощенных, схематизированных или, напротив, усложненных изображений на ручках кубанских зеркал, а также из Константиновки, из Дарьевки, из Майкопа (покупка), из Гудермеса и на бляхе из ГАИМК, они могут датироваться в рамках всего вышеуказанного диапазона 2-й четверти VII — 3-й четверти VI в. до н.э. Зеркало — случайная находка у Краснодарского водохранилища — датируется Т. М. Кузнецовой по морфологическим показателям 2-й половиной VI в. до н.э.²⁸

Комплекс из кургана 2 у с. Волковцы раскопок 1897–1898 гг., с учетом находки в данном комплексе крестовидной бляхи «ольвийского типа», был отнесен к 1-й половине V в. до н.э.²⁹ При этом сама данная бляха «ольвийского типа» была использована не как застежка колчана, а как элемент конской узды, что указывает, по мнению Ю. Б. Полидовича, на ее позднюю позицию в ряду крестовидных блях.³⁰ Соответственно волковецкое изображение Келермесско-яблоновского типа на округлых бляхах и близкое ему яблоновское определяют *terminus ante quem* этого типа, что, как мы видели, вполне соответствует их позиции во внутритиповой иконографической эволюции.

В русле иконографии Келермесско-яблоновского типа находится изображение из Старшей могилы, оформляющее бронзовую бутероль ножен меча (рис. 2). В свое время А. И. Шкурко четко идентифицировал его как свернувшегося хищника³¹. Лишь крайняя композиционная оригинальность этого изображения, обусловленная модулем оформляемой вещи (в соответствии с контуром очень длинной бутероли хищник показан с зауженным туловищем и с крайне удлиненными задней и передней ногой, прямыми и близко подведенными к столь же длинным и тонким шее и туловищу), заставляет выводить его за рамки Келермесско-яблоновского типа и относить к особому типу «Старшая могила». Курган Старшая могила с учетом наличия архаичных ритуальных ножей и по другим основаниям датирован А. Ю. Алексеевым 2-й половиной VII в. до н.э.³²

К Келермесско-яблоновскому типу, вероятно, восходят и изображения, оформляющие бронзовые крестовидные бляхи так называемого «ольвийского типа» (рис. 3, 1, 2, 5), в том числе обтянутые золотым листом (рис. 3, 3, 4) — вероятно, атрибуты колчана, а также бронзовые уздечные бляхи (рис. 3, 6, 7). Здесь представлен относительно короткоголовый и узкомордый хищник, с хоботовидной

²⁵ Кореняко, Лукьяшко 1982, 157, рис. 8.

²⁶ Монахов 2003, 32, табл. 17, 5.

²⁷ Мошинский 2010, 198.

²⁸ Кузнецова 2002, 325.

²⁹ Ильинская 1968, 49, 78.

³⁰ Полидович 2000, 10.

³¹ Шкурко 1969, 31–32.

³² Алексеев 2003, 53, 295.

Рис. 2. Изображения свернувшегося хищника. Тип «Старшая могила»

1 — Старшая могила (фото: Самоквасов, Альбом, № 1364; рисунок: Шкурко 1969, рис.1).

верхней челюстью, с округлым или овальным ухом (скорее, семейства кошачьих). Эти изображения составляют отдельный тип, к которому относятся 7 оригинальных изображений, происходящих с территории Нижнего Побужья (1), Нижнего Подонья (2), Нижнего Поднепровья (4), Среднего Поднепровья (3, 5, 6) и Прикубанья (7). Данный можно именовать «Ольвийско-басовским»³³. Возможно, этот тип обязан своим появлением, с одной стороны, композиционному модулю Келермесско-яблоновского типа, с другой — влиянию композиционной схемы стоящих на полусогнутых ногах кошачьих хищников типа Келермесской пантеры и наверший рукоятей зеркал «ольвийского типа» (на вторую линию влияния уже указывала С. И. Капошина³⁴).

Хронология Ольвийско-басовского типа в предельных рамках — 2-я четверть VI — начало V в. до н.э., что определяется датировкой ольвийского изображения, происходящего из комплекса (погребение 12 1910 г.), дата которого по наконечникам стрел и бронзовой рифленой застёжке колчана — 2-я четверть VI — начало V в. до н.э.³⁵ или, по другой версии, по тем же основаниям — не позднее 2-й четверти VI в. до н.э.³⁶ Эта датировка распространяется на все крестовидные

³³ Видовую оригинальность и иконографическую близость образов хищников на «ольвийских» бляхах отмечал и Ю. Б. Полидович (Полідович 2000, 3; см. также Полидович 2009). Исследователь уже обратил внимание на то, как похожа на «ольвийские» изображения фигура хищника, оформляющая уздечные бляхи из Басовки, к. 482 и бляха «из г. Майкопа» (Полідович 2000, 3–4). В отношении «бляхи из Майкопа» необходимо исправить давнюю ошибку, допущенную в первой публикации этой вещи в книге В. А. Ильинской и А. И. Тереножкина. Здесь в качестве местонахождения указаны «окрестности г. Майкопа» (Ильинская, Тереножкин 1983, рис. на с. 52, подпись). Однако нами при недавнем визуальном изучении данной бляхи и связанной с ней документации в Отделе археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа (это стало возможным благодаря любезному содействию А. Ю. Алексеева и Т. В. Рябковой) было обнаружено, что бляха (шифр: ГЭ Дн 1901) происходит «из окрестностей с. Водяного Мелитопольского уезда Таврической губернии» (Дело Архивной комиссии 1901, № 109).

³⁴ Капошина 1956, 178, 179.

³⁵ Капошина 1956, 174–175, рис. 17, 1, 2.

³⁶ Полін 1987, 29.

бляхи «ольвийского типа». Это подкрепляется датировкой аналогичной бляхи из погребения 3 кургана 3 могильника Аксай-I в Нижнем Поволжье³⁷, происходящей из комплекса с античной амфорой, расписанной красной краской и относящейся к середине — 2-й половине VI в. до н.э.³⁸

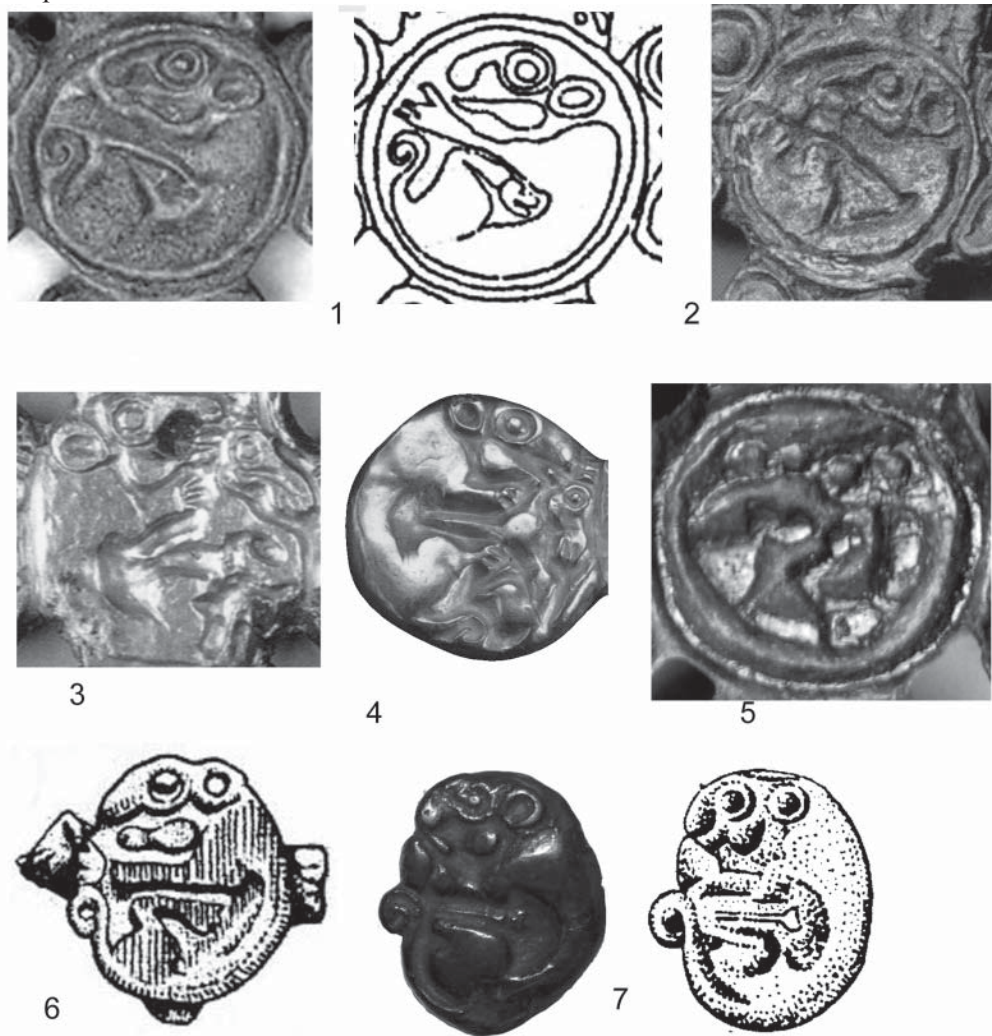

Рис. 3. Ольвийско-басовский тип изображений свернувшегося хищника

1 — Некрополь Ольвии, погр. 12 (1910 г.) (фото: Borovka 1928, pl. 9); рисунок по фото; 2 — бляха из Азовского музея (Дугино, случайная находка) (L' or des Amazones 2001, cat.16); 3 — с.Деревки, курган 13, «Могила Опишлянка» (На краю Ойкумены 2002, кат.450); 4 — с. Гусарка (Gold der Steppe 1991, cat.93); 5 — Волковцы, курган 2 (1897 г.) (Scythian Gold 1999, 158, cat. 48); 6 — Басовка, курган 482 (Галанина 1977, табл. 25, 2, 4); 7 — из окрестностей с. Водяного Мелитопольского уезда Таврической губернии г. Майкопа (фото А. Р. Канторовича по: ГЭ ДН 1901; рисунок: Ильинская, Тереножкин 1983, 53, рис. 17).

³⁷ Дьяченко и др. 1999, рис. 5, 2.

³⁸ Дьяченко и др. 1999, 108, рис. 5, 1; Алексеев 2003, 202.

Рис. 4. Роменский тип изображений свернувшегося хищника

1 — Курганы Роменского уезда, раскопки Мазараки (Ханенко, Ханенко 1899, табл. XXXI, № 512).

Возможно, с влияниями иконографии Келермесско-яблоновского типа связано и происходящее с территории Среднего Поднепровья изображение, составляющее отдельный «Роменский тип» (рис. 4). Здесь представлен хищник, короткоголовый и тупомордый, с широким коротким полуовальным ухом (т.е. кошачий). Это изображение гравировано на корне кабаньего клыка, на острой части которого изображена птичья голова. Здесь возможно и влияние савроматского и даже южносибирского искусства, учитывая объект украшения — кабаньих клыки. Е. Ф. Королькова (Чежина), составившая наиболее полную сводку орнаментированных кабаньих клыков, предполагает их распространение с востока, с территории Южной Сибири, на Южное Приуралье, Нижнее Поволжье и далее на запад³⁹; характерно, что длинноклювая птичья голова, оформляющая острый конец роменского клыка, соотносится исследовательницей не только с аналогией на клыке с Нижнего Поволжья, но в еще большей мере с Алтаем и Тувой⁴⁰. Налицо здесь и воздействие античной орнаментики: пространство в центре фигуры между задней ногой заполнено трехлепестковой пальметкой, обрамленной волютами, одной из которых является задняя лапа хищника, а вторая, симметричная ей волюта, превращена в птичью голову и наложена на бедро.

В соответствии с хронологией, разработанной Е. Ф. Корольковой для орнаментированных кабаньих клыков, а также их бронзовых моделей⁴¹, роменский клык относится к концу VI — 1-й половине V в. до н.э. Эта датировка соответствует стилистике роменского изображения, сочетающего архаичные черты иконографии кошачьего хищника Келермесско-яблоновского типа с влиянием на скифский звериный стиль античной орнаментики, которое началось уже в период «скифской классики»⁴².

³⁹ Чежина 1991, 37; Королькова 2006, 124.

⁴⁰ Королькова 2006, 111.

⁴¹ Королькова 2006, 121; ср. Яковенко 1969, 207.

⁴² А. И. Шкурко даже допускал возможность производства данного изделия в одном из северопонтийских центров — см. Шкурко 1969, 36.

1

Рис. 5. Ольвийский тип изображений свернувшегося хищника
1 — Некрополь Ольвии, погр. 15 (1912 г.) (Фармаковский 1914, табл. VIII, 2).

Наконец, композиционно и в трактовке лап с Келермесско-яблоновским типом связано изображение хищника с повернутой анфас головой, оформляющее золотые нашивные бляшки из Ольвии и составляющее особый «Ольвийский тип», относящийся уже ко II сюжетному отделу (рис. 5). Данный хищник — относительно короткоголовый, широкомордый и тупомордый, с короткими ушами (семейства кошачьих).

Все немногочисленные изображения свернувшихся хищников с головой анфас в скифо-сибирском зверином стиле, включая ольвийское, были собраны Е. С. Богдановым и Ю. Б. Полидовичем⁴³. На сегодняшний день самая близкая (в территориальном отношении) композиционная аналогия ольвийскому изображению происходит с территории Казахстана — из комплекса у с. Чистый Яр, датируемого Ф. Х. Арслановой VI в. до н.э.⁴⁴, остальные происходят из различных районов Китая и Монголии. Возможно, что эта необычная для Северного Причерноморья композиционная схема действительно могла прийти сюда из указанных регионов, но, пока не найдены промежуточные территориальные аналогии, не следует исключать и другие возможности. Так, если безусловно принимать идею семантической изначальности сюжета свернувшегося хищника, можно объяснять поворот головы животного на ольвийской бляхе как композиционное отклонение от основной схемы свернувшегося хищника Келермесско-яблоновского типа, — отклонение, возникшее либо в результате влияния схем идущего или лежащего в профиль кошачьего хищника в скифском искусстве (наподобие пантеры из Золотого кургана — см. ниже), либо как влияние греческого искусства, практиковавшего поворот головы анфас еще на коринфских вазах, или же передневносточного искусства, где этот ракурс также хорошо известен.

Хронология. Нижняя хронологическая граница погребального комплекса, откуда происходят ольвийские бляшки, определяется Б. В. Фармаковским по алебастровым вазам, предположительно происходящим из Навкратиса. Эти предметы датируются исследователем не ранее середины VI в. до н.э.⁴⁵ Верхняя

⁴³ Богданов 2006, табл. XIII; Полидович 2008, рис. 4.

⁴⁴ Арсланова 1974, 77–83, рис. 22.

⁴⁵ Фармаковский 1914, 18–19, 26, табл. IV, 1, 2.

граница комплекса Б.В. Фармаковским не указана, но такие архаизирующие иконографические особенности ольвийского изображения, как композиционная компактность, мощные укороченные конечности, обозначение лап и хвоста кружками заставляют возводить его к иконографии Келермесско-яблоновского типа. Вместе с тем, учитывая дату алебастровых ваз, а также нетипичную для местного скифского звериного стиля постановку головы ольвийского зверя, нельзя синхронизировать ольвийское изображение с ранними стадиями келермесского типа. Скорее надо отнести его к поздней фазе этого типа, представленной волковецким и яблоновским изображениями и, таким образом, датировать ольвийское изображение в рамках середины VI — 1-й половины V в. до н.э.

Параллельно с Келермесско-яблоновским типом и, очевидно, независимо от его иконографии в конце эпохи «скифской архаики» возникает «Кулаковско-ковалевский тип», который развивается и широко распространяется уже в эпоху «скифской классики» (на всем ее протяжении), составляя вторую основную тенденцию реализации сюжета свернувшегося в кольцо хищника.

К данному типу относятся 20 изображений (рис. 6–9), в основном оформляющих предметы конского снаряжения — бронзовые уздечные бляхи (1–12, 14–19), за исключением двух случаев, в которых они помещены на предметы вооружения — на золотую обкладку ножен меча из Острой Томаковской могилы (13) и на бронзовую крестовидную бляху «ольвийского типа» из Енкивцов (20).

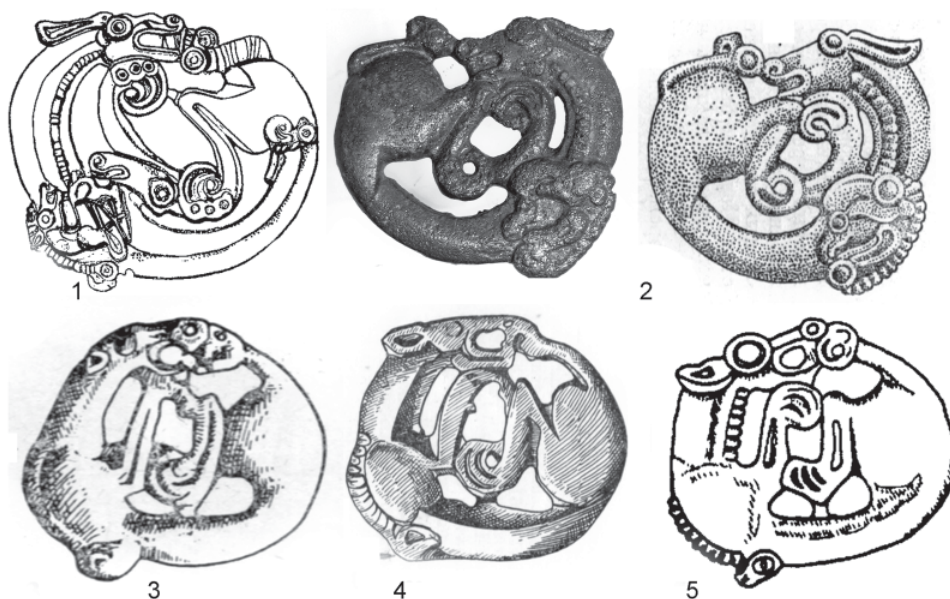

Рис. 6. Кулаковско-ковалевский тип изображений свернувшегося хищника (начало)

1 — курган Кулаковского (с. Долинное, курган 2), погребение 3, большая бляха (рис. А.Р. Канторовича по: ГЭ, Кр 1895, 10/2); 2 — Ковалевка (Ковпаненко, Бунятян 1978, 136, рис. 1, 39, фото А.Р. Канторовича в Институте археологии НАНУ); 3 — Журовка, курган 398 (Петренко 1967, табл. 31, 6); 4 — Басовка, курган 499 (Галанина 1977, табл. 26, 20–23); 5 — Макеевка, курган 491 (Галанина 1977, табл. 13, 4).

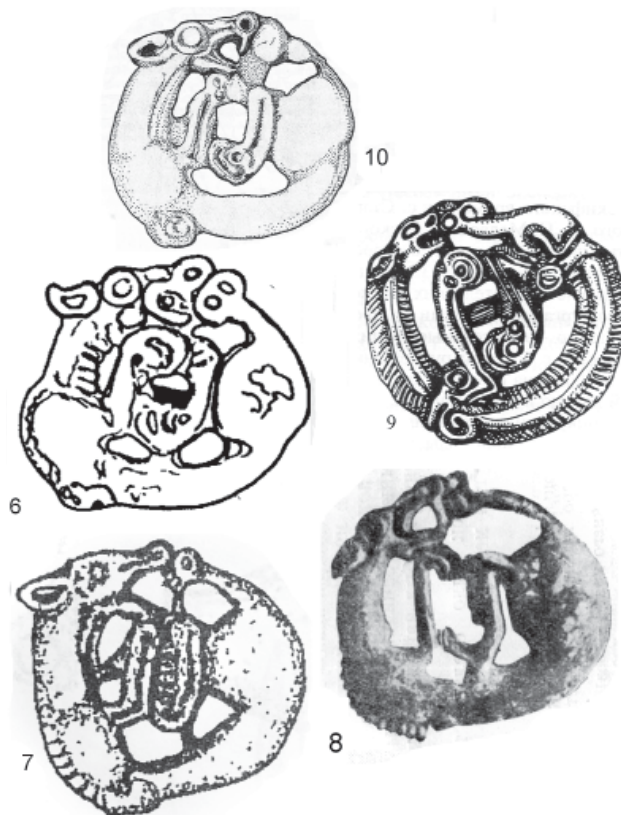

Рис. 7. Кулаковско-ковалевский тип изображений свернувшегося хищника (продолжение)
 6 — Кнышевское городище (Гавриш 2000, рис. XXXV, 18); 7 — Протопоповка, курган 5 (Бандуровский, Буйнов 2000, рис. 56, 4–5); 8 — Частые, курган 8 (ВУАК) (Замятнин 1946, рис. 14,5); 9 — разрушенный курган у с. Староживотинное, комплекс не сохранился (Медведев 1999, рис. 54,1); 10 — Пантикапей, квадрат 29, штык 1, ритуальное захоронение коня (Толстиков 2011, 365–368, рис. 2).

Эти предметы происходят с территории Крыма (1, 10), Нижнего Побужья (2), Нижнего Поднестровья (12), Среднего Поднепровья (3–7, 20), Среднего Подонья (8, 9, 15, 19), Нижнего Поднепровья (13), Прикубанья (14, 17, 18), Ставрополя (11, 16)⁴⁶.

Видовая атрибуция. В изображениях Кулаковско-ковалевского типа представлен поджарый хищник с относительно узкими туловищем, шеей и ногами, с узкой и, как правило, длинной мордой, с открытой пастью, с узким листовидным или трапециевидным ухом. Очевидно, это волк⁴⁷.

Моделировка и композиция. Изображения моделированы в одностороннем рельефе, с прорезями, отделяющими туловище, шею и хвост от ног, т.е. они

⁴⁶ Местонахождения предметов с изображениями Кулаковско-ковалевского типа и источники иллюстраций указаны в подписи к рис.3.

⁴⁷ Ср. аналогичную видовую атрибуцию: Шкурко 1969, 37; Ильинская 1971, 83–84; Яковенко 1976, 130–131; Королькова 2006, 74.

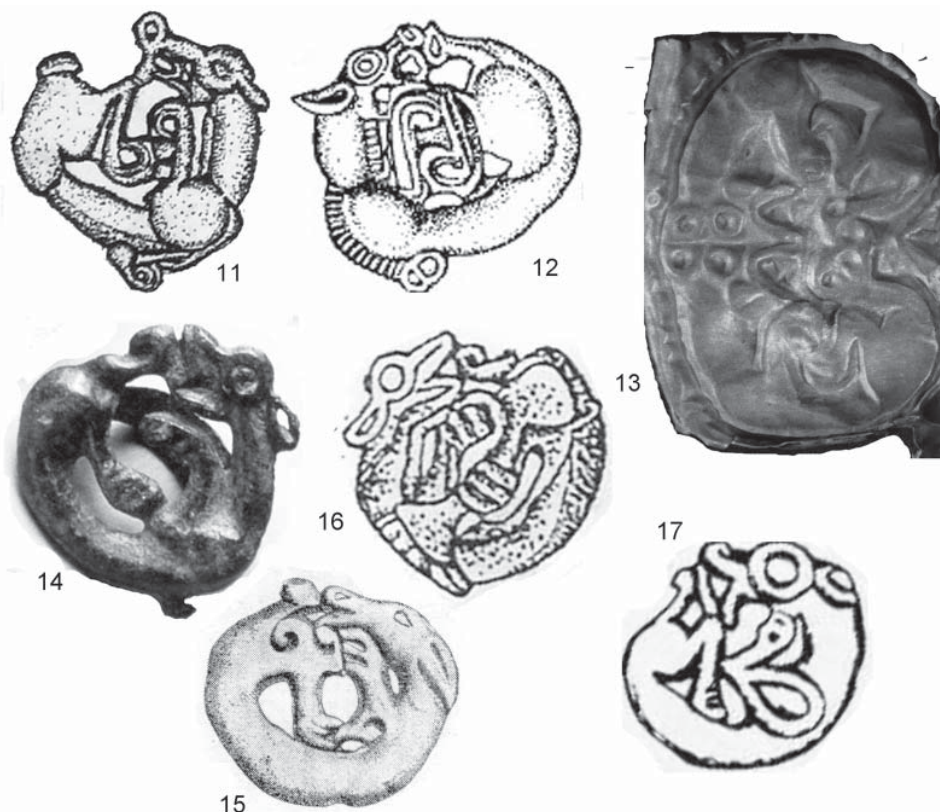

Рис. 8. Кулаковско-ковалевский тип изображений свернувшегося хищника (продолжение)
 11 — Бурлацкое (Прокопенко 2005, рис.182,3); 12- с. Рэскэций Ной (Новые Раскайцы), ограбленное погребение (Levitki 1998, 31, fig.3, 13); 13 — Острая Томаковская могила (Артамонов 1966, табл.65–66); 14 — покупка 1903 г. в Майкопе (Конь и всадник 2003, кат.64); 15 — Частые курганы, курган 1 (ВУАК) (Либеров 1965, табл.22, 8); 16 — Грушевские курганы, раскопки Федотова 1881 г., курган 3 (Прокопенко 2005, рис.181,4); 17 — Елизаветинская, Краснодарский музей, КМ 2776 (Переводчикова 1984, рис.2,2).

ажурные, исключая фигуры на перекрестье рукояти меча и на крестовидной бляхе, для которых ажурная моделировка нецелесообразна (13, 20). Фигура строго профильная, вписана в замкнутый круг или овал. Нижние части ног всегда отделены от туловища пространством, как правило, параллельны или почти параллельны друг другу, упираются или почти упираются друг в друга (лапа передней — в пятку (предплюсну), лапа задней — в локтевой выступ), образуя замкнутый овал, повторяющий внешний контур фигуры; но в схематичных подражаниях ноги могут быть перпендикулярны (17, 18, 19). Зад отстоит на расстоянии от морды, соответственно контур замыкается хвостом, который продолжает изгиб спины, вытянут к носу хищника и упирается в него загнутым концом. Глаз и ухо, как правило, примыкают или почти примыкают друг к другу, тогда как ноздря находится на расстоянии, порой значительном, от глаза. Ухо облегает шею или отступает вверх от шеи (ноздря, глаз и ухо хищника находятся на прямой линии или же на ломаной линии, вершину которой составляет глаз).

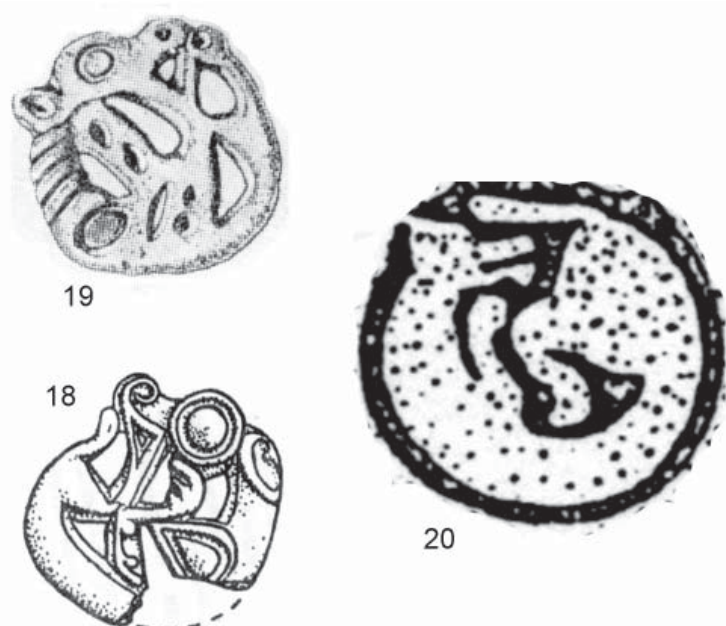

Рис. 9. Кулаковско-ковалевский тип изображений свернувшегося хищника (окончание)
18 — Семибратнее городище, случайная находка (Новичихин 1998, рис. 1); 19 — Русская Тростянка, курган 10 (Либеров 1965, табл. 24, 20, 21); 20 — Енкивцы (Кулатова 1995, 130–147).

Трактовка анатомических деталей. Глаз округлый или овальный, чаще средних размеров, но может быть и сильно преувеличен (5, 6, 12, 13), вплоть до того, что, будучи концентрическим, занимает все пространство между ухом и пастью (17, 18). Ухо может быть сегментовидным (1, 2, 5, 6, 12), овальным или овально-треугольным (3, 4, 7–9, 10, 13–19), в одном случае в виде узкой полоски (11). Ноздря овальная или петлевидная, в единичных случаях не обозначенная (14, 16). Пасть чаще быть открыта незначительно, в подражательных изображениях широко, в виде лотоса (17–19). В устье пасти отображены зубы (исключая наиболее схематичные изображения, очевидно, являющиеся периферийными подражаниями — 15, 16): это клыки, замыкающие пасть и моделированные рельефной или скульптурной одной или двумя поперечными полосками, причем эта анатомическая деталь иногда превращается в декоративный элемент (14, 17–19). Лопатка и бедро, выделенные в контуре и рельефно, на фоне узких шеи и туловища выглядят мощными. Лопатка в отдельных случаях может быть акцентирована рельефным или оконтуренным полуovalом или сегментом (17–19). У большинства зверей, за исключением явно подражательных изображений (16, 19), вдоль шеи до лопатки проходит рельефная полоса или грань плоскостей, имитирующая напряженные шейные мускулы. Иногда эта полоса покрыта поперечным рифлением, очевидно, передающим шерсть (1, 2, 5, 6, 9, 12, 19), причем это рифление может проходить и по внешней стороне шеи (9) или же покрывать шею полностью (19). Полоса, аналогичная шейной, рифленая или гладкая, имитирующая, очевидно, шерсть на загривке зверя⁴⁸, обрамляет с внешней стороны лопатку зверя; исключение опять-

⁴⁸ Ковпаненко, Бунятян 1978, 66.

таким образом составляют подражательные изображения (14, 15, 17, 18) и изображение на Томаковском мече (13). Часто эта полоса завершается птичьей головой, отчетливо выраженной или схематизированной (1, 3–7, 10, 11, 12, 15), ее рудимент сохраняется в подражательных изображениях (14, 16). В одном случае (9) аналогичное рифление, имитирующее шерсть, присуще и участку туловища между лопаткой и бедром с внешней и внутренней стороны. Хвост, как правило, тонкий, гладкий, лишь в одном случае мощный и покрытый поперечным рифлением (1), закручен на конце и часто завершается более (1, 2, 9, 13) или менее (3, 5, 8) отчетливой птичьей головкой, иногда атавистичной (6, 7, 10, 12). Лапы хищника загнуты или закручены, но никогда не обозначены простым кружком, поскольку показаны с рельефно проработанными преувеличенными пальцами (от одного до трех).

Наиболее совершенным изображениям данного типа свойственно наличие дополнительных зооморфных изображений — трансформация лопатки и хвоста. Три изображения (1, 2, 9) выделяются обилием дополнительных зооморфных элементов, помимо упомянутой птичьей головы на конце хвоста. В частности, на Кулаковской бляхе (1) лопатка заполнена фигурой лежащего горного козла с головой, обращенной назад, причем его рог, завершающийся птичьей головой, одновременно играет роль рифленого обрамления лопатки. Кроме того, плечевой участок кулаковского хищника заполнен головой лося, его пальцы (три на каждой лапе) превращены в головы хищных птиц (загнутый коготь играет роль клюва, глаз показан кружком на подушечке лапы). Наконец, существенной особенностью кулаковской бляхи является изображение самцовых гениталий зверя (тестикул и пениса), акцентированное рельефной головкой птицы, клюв которой соответствует тестикулам. Пенис обозначен рельефной полоской, примыкающей к животу зверя. На ковалевской бляхе (2) на поверхности лопатки помещены три последовательно расположенных головки лосей. На бляхе из Староживотинного (9) лопатка и лапы превращены в головы хищных птиц.

Изображение из Русской Тростянки (19), помимо общего схематизма, специфично также тем, что ноги хищника здесь геометризированы и сведены к двум полоскам с крупными косыми каплевидными углублениями. Аналогично переданы окончания ног (лапы) грушевского хищника (16).

Весьма специфично енкивецкое изображение (20). Фигура гладкая, без рельефных или контурных акцентирований. Хищник показан с почти закрытой пастью, с маленьким глазом, с прямоугольно-трапециевидной шеей, с дуговидным узким туловищем и относительно мощными лопаткой и бедром, с ногами, укороченными и противонаправленными параллельно друг другу в нижней части. Лапы обозначены утолщением, пальцы не различимы. Контур замыкается мощным прямым хвостом, вытянутым не к носу хищника, а вверх морды к его лбу.

Характерно, что Ю. Б. Полидович вывел изображение свернувшегося хищника на енкивецкой крестовидной бляхе за рамки выделенной им иконографической группы образов хищников на «ольвийских» бляхах как ни с чем не сходное⁴⁹. Нам представляется, что по видовым чертам и по композиционно-стилистическим признакам енкивецкое изображение относится к Кулаковско-ковалевскому типу, к его иконографической периферии.

⁴⁹ Полідович 2000, 3.

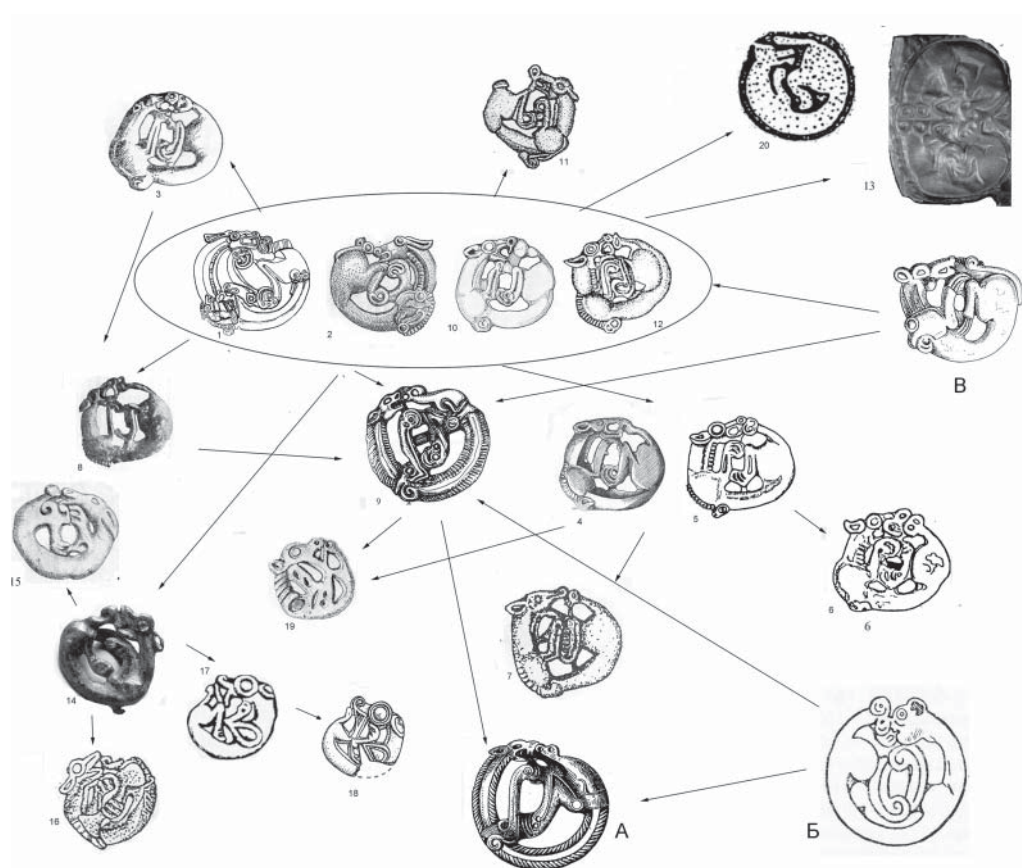

Рис. 10. Изобразительная динамика Кулаковско-ковалевского типа и внешнее влияние на развитие его иконографии.

1–20 — изображения Кулаковско-ковалевского типа (номера изображений соответствуют номерам на рис. 6–9); А — Старший Ахмыловский могильник, погр. 23 (Збруева 1952, 37, табл. IV, 12); Б — Старший Ахмыловский могильник, погр. 926 (Патрушев, Халиков 1982, табл. 130, 1и); В — с. Пьяновка близ Бугуруслана (Чежина 1984, рис. 1, 1).

Иконографическая и пространственная динамика (рис. 10). Ядро, иконографическую основу типа составляют такие изображения, как кулаковское, ковалевское, пантикапейское и раскаецкое (рис. 10, 1, 2, 10, 12); все они происходят с территории Северного Причерноморья. В них характерные черты типа наиболее устойчивы, данные изображения более высокого качества, чем остальные фигуры рассматриваемого типа, кроме того, в этих изображениях присутствуют зооморфные трансформации — отчетливые и (в кулаковском и ковалевском изображениях) достаточно сложные. К этим четырем изображениям примыкает «второй ряд» иконографии — более схематичные, очевидно подражательные изображения, с рудиментами зооморфных превращений: жуrowsкое, басовское, макеевское, из Частых курганов (курган 8 раскопок ВУАК), бурлацкое, староживотинное (рис. 10, 3–5, 10–12). Все эти изображения происходят с территории, периферийной по отношению к Северному Причерноморью: это лесостепь

Поднепровья-Подонья и Ставрополье. То, что изображение из Частых курганов, а также макеевское, басовское и жуrowsкое являются переработкой «южного образца» (кулаковского изображения и ему подобных), уже было отмечено А. И. Шкурко⁵⁰. В отношении староживотинного изображения на это указывал А. П. Медведев⁵¹, в то же время обративший внимание и на почти тождественное староживотинному изображение хищника на бляхе V в. до н.э. из погребения 23 Ананьинского могильника (рис. 10, А). Действительно, два этих изображения отличается от других почти сплошное рифление туловища и шеи, а также укороченность морды (черта кошачьего хищника), но при этом ананьинская фигура представляется вторичной в силу большего схематизма и геометричности. Возможно, староживотинное изображение возникло не только под синхронным скифским влиянием с юга, но и под одновременным воздействием с Поволжья, из ананьинской зоны, где еще в эпоху скифской архаики под воздействием скифо-сибирского звериного стиля (возможно, из Приаралья⁵²) появились высококачественные трактовки свернувшегося кошачьего хищника (см. бляху из погребения 926 Старшего Ахмыловского могильника — рис. 10, Б).

При этом мотив окаймления лопатки рифленным валиком, более отчетливый в степном Поднепровье, известен и за пределами восточноевропейского скифского звериного стиля (на бляхе из Зивие⁵³, хотя здесь эта черта не столь ярко выражена — валик короче). В то же время данный мотив отсутствует в известных нам сибирских и прикубанских изображениях⁵⁴. Отображение гениталий зверя в кулаковском изображении, в принципе не типичное для скифо-сибирского звериного стиля, по всей видимости, в данном случае является следствием влияния античной традиции.

Следующая стадия переработки иконографической модели Кулаковско-ковалевского типа — изображения из Частых курганов (курган 1 раскопок ВУАК), из с. Русская Тростянка⁵⁵, майкопская покупка, с Семибратнего городища, из Елизаветинской, из Грушевских курганов (рис. 10, 14–19). Эти изображения происходят с территории Среднего Подонья, Прикубанья и Ставрополья и демонстрируют постепенное вырождение иконографии данного типа. Это почти утратившие рельефность и «хищность» схематичные геометричные плоскостные изображения «мирного» хищника — беззубого (14–16) или же зверя, чьи зубы превратились в декоративный элемент (17–19).

Наконец, томаковское и енкивецкое изображения (рис. 10, 13, 20) представляются тупиковыми ответвлениями в развитии данного типа еще на его ранней стадии. О специфике енкивецкого изображения (20) уже было сказано выше. Парное симметричное томаковское изображение (13), вероятно, представляет собой попытку вписать в контур свернувшегося хищника геральдическо-синтетическую сцену, заимствованную из античного или передневносточного

⁵⁰ Шкурко 1969, 37.

⁵¹ Медведев 2001, 7.

⁵² Погребова, Раевский 2004, 50; Таиров 2003, 25–26.

⁵³ Сорокин 1972, 75–78.

⁵⁴ Ильинская 1971, 64–84; Переводчикова 1984, 20–30; Богданов 2006.

⁵⁵ См. замечание А. И. Шкурко в отношении изображения из Русской Тростянки: «Реальный образ зверя почти потерян, как и связь с прототипом» (Шкурко 1969, 37).

искусства, но с применением элементов иконографии, сложившейся в рамках Кулаковско-ковалевского типа.

Хронология. Нижнюю хронологическую границу типа определяют объективные датировки таких изображений, как пантикапейское, происходящее из слоя конца VI — 1-й четверти V вв. до н. э.⁵⁶, из кургана 8 группы Частых (раскопки ВУАК) (рубеж VI–V вв. до н.э. — прежде всего по длинным бронзовым жертвенным ножам⁵⁷ или же начало V в. до н.э. — по бронзовым наконечникам стрел⁵⁸) и из кургана 5 Протопоповки (2-я четверть V в. до н. э. — по пухлогорлой хиосской амфоре⁵⁹). Для макеевского изображения имеется объективная датировка 1-й половиной V в. до н.э. — по самосскому лекифу рубежа VI–V вв. до н.э., чернофигурному килику и чернофигурной вазочке начала V в. до н.э., наконечнику копья 2-й половины VI в. до н.э. и колчанному набору 2-й половины VI — 1-й половины V в. до н.э.⁶⁰ Кулаковское и ковалевское изображения можно датировать в совокупном интервале очень близких им пантикапейского и протопоповского изображений, т.е. в рамках конца VI — 1-й половины V в. до н.э. Это немного позднее, чем дата, предложенная для кулаковского комплекса Э.В. Яковенко (2-я половина VI — рубеж VI–V вв. до н.э.) на основании типов наконечников стрел и по иконографии вотивного скипетра (Яковенко, 1976, с.130).

Острая Томаковская могила включена А.Ю. Алексеевым в первую из выделенных им трех хронологических групп скифских памятников конца VI–V в. до н.э., отличающуюся от остальных целым рядом архаизирующих признаков в погребальном инвентаре и в стратиграфии; в конечном счете этот курган отнесен исследователем к концу VI — началу V в. до н.э.⁶¹ Это соотносится с нашим наблюдением о возможной ориентировке «мастера Томаковского меча» на изначальные образцы Кулаковско-ковалевского типа.

Дата енкивецкой бляхи, с учетом вышеприведенного датирования блях «ольвийского типа» и ее и периферийно-подражательного характера, может определяться в рамках конца VI — середины V в. до н.э.

Индикатором верхней хронологической границы типа является изображение из Частых курганов. Курган 1 группы Частых (раскопки ВУАК) датирован П.Д. Либеровым IV в. до н.э., и справедливость этой датировки подтверждается наличием в данном комплексе налобника с крючком, относящегося к категории изделий, которые в скифской культуре не могли бытовать ранее IV в. до н.э.⁶² Относительно другого среднедонского изображения — из кургана 10 группы Русская Тростянка — нет таких независимых хроноиндикаторов, сам комплекс датирован П.Д. Либеровым широко, в пределах V–IV вв. до н.э.⁶³; однако ясно, что крайний схематизм этого изображения не позволяет отнести его ко времени ранее эталонных изображений данного типа, т.е. ранее середины V в. до н. э. Тот же принцип должен быть применен и к подражательным и схематичным

⁵⁶ Толстиков 2011, 365–366.

⁵⁷ Либеров 1965, табл. IX, 25, 28; рис. 2, 188–189.

⁵⁸ Савченко 2009, 257.

⁵⁹ Бандуровский, Буйнов 2000, 72.

⁶⁰ Петренко 1967, 93; Галанина 1977, 29.

⁶¹ Алексеев 2003, 196–198, 296.

⁶² Канторович 2007а, 2007б.

⁶³ Либеров 1965, табл. IX.

северокавказским изображениям (исключая вышеупомянутое бурлацкое, более близкое к иконографическому ядру данного типа): майкопская покупка, семибратнее, елизаветинское, грушевское изображения не могут датироваться ранее середины V в. до н. э. При этом применение косвенного объективного хроноиндикатора возможно в отношении грушевской бляхи, поскольку в комплексе с ней присутствует меч синдо-меотского типа, который следует отнести в рамках классификации В.Р. Эрлиха к 1-ому отделу, 1-ому подотделу, 1-ому типу. Мечи этого таксона появляются во 2-й половине V в. до н. э., наибольшее распространение получают в IV в. до н. э.⁶⁴ Очевидно, в рамках 2-й половины V–IV в. до н. э. следует датировать и весь грушевский комплекс.

Таким образом, изучаемый Кулаковско-ковалевский тип датируется в рамках последней четверти VI — конца IV в. до н. э. Он начинает развиваться еще в конце эпохи «скифской архаики», но широко распространяется уже в эпоху «скифской классики», на всем ее протяжении.

При наличии природного прототипа (*Canis lupus*) на всех указанных территориях и при несомненной композиционной связи Кулаковско-ковалевского типа с Келермесско-яблоновским не следует исключать первичное возникновение этого типа под влиянием импульсов из савромато-сако-сибирской зоны, где сюжет свернувшегося волка был хорошо известен (рис. 10, В)⁶⁵.

От второй базовой иконографической линии, представленной Кулаковско-ковалевским типом, также наблюдаются ответвления, образующие отдельные типы в восточноевропейском скифском зверином стиле. Несомненной модификацией является фигура, оформляющая бронзовую уздечную бляху, происходящую из кургана Кулаковского (рис. 11), т.е. из того же погребального комплекса, к которому относится вышеописанная бляха большего размера с изображением, являющимся одним из эпонимов Кулаковско-ковалевского типа. Здесь изображен свернувшийся хищник в полуовальном контуре с задней ногой под туловищем и с передней ногой, вывернутой наружу над туловищем и вытянутой вдоль шеи с внешней стороны животного. Шея и туловище изогнуты дугой, а прямая задняя нога, как хорда, замыкает дугу, концом вытянутой лапы подпирая пасть животного. При этом никакой «вывихнутости» задней конечности нет, и если мысленно согнуть заднюю ногу этого животного, она разместится аналогично ноге других свернувшихся хищников⁶⁶. Это очевидный композиционный эксперимент, заставляющий при всем стилистическом сходстве с большой Кулаковской бляхой⁶⁷ выделять малую Кулаковскую бляху в отдельный «Кулаковский тип».

Кроме того, наблюдается провинциальное центральнокавказское подражание Кулаковско-ковалевскому (а возможно, и Келермесско-яблоновскому) типу. Это 5 изображений, происходящих с территории Центрального Предкавказья

⁶⁴ Эрлих 1991, 79–80, рис. 1.

⁶⁵ Ср. Ильинская 1971, 84; Яковенко 1976, 130.

⁶⁶ В этой связи представляются неверными ранее известные суждения о «перевернутости» задней ноги этого животного по отношению к туловищу (Артамонов 1966, 30), равно как и о «вывихнутости» туловища (Яковенко 1976, 131–132).

⁶⁷ В том числе и по такому признаку, как зооморфное превращение лопатки — в данном случае в голову лося, аналогичную голове лося на предплечье хищника на большой кулаковской бляхе.

Рис. 11. Кулаковский тип изображений свернувшегося хищника
1 — курган Кулаковского (с. Долинное, курган 2), погребение 3, малая бляха (Яковенко 1976, рис.7).

(рис. 12, 1–5), оформляющих бронзовые уздечные бляхи и формирующих тип, который можно назвать Кумбултинским — по наиболее четкому, более рельефному и подвергнутому зооморфной трансформации изображению, которое представляется первичным по отношению к остальным изображениям. Здесь изображен хищник неопределенной видовой принадлежности, со сглаженным туловищем и схематично трактованными анатомическими элементами.

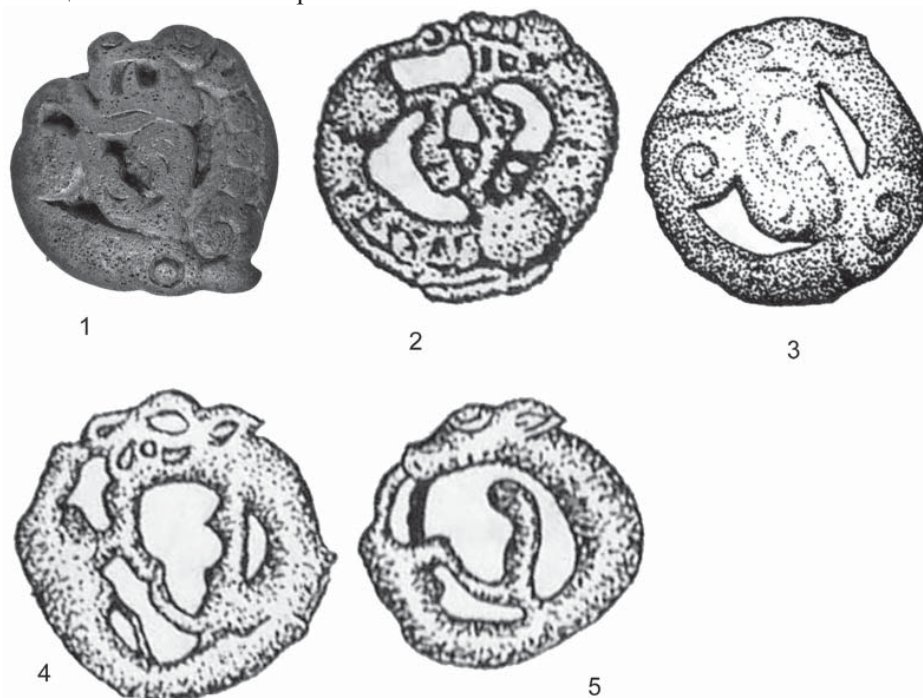

Рис. 12. Кумбултинский тип изображений свернувшегося хищника
1 — с. Кумбулта (Мошинский 2010, кат.232); 2 — могильник Гастон Уота, погребение 19 (Мошинский 2006, рис.28, 8); 3 — могильник Фаскау (Мошинский 2006, рис. 28, 9); 4 — Луговой могильник, п.64/128 (Мунчаев 1963, рис. 29, 16); 5 — Луговой могильник, п.64/128 (Мунчаев 1963, рис. 29, 17).

Кумбултинский тип, вероятно, возник вследствие подражания в кобанском искусстве изображениям свернувшегося хищника скифского круга (как Келермесско-яблоновского, так и Кулаковско-ковалевского типа), либо территориально близким «савроматским» изображениям свернувшегося хищника (рис. 16), чем и обусловлена его видовая неопределенность⁶⁸.

Хронология Кумбултинского типа определяется в первую очередь датировкой верхнего слоя погребения 19 могильника Гастон Уота. Этот комплекс отнесен А. П. Мошинским по типам различных содержащихся в нем вещей к выделенному им горизонту дигорских погребений конца V — начала IV в. до н.э.⁶⁹ Большое сходство кумбултинского и фаскауского изображений с бляхой из Гастон Уота позволило исследователю датировать их аналогично⁷⁰. При этом кумбултинское изображение как первичное скорее должно быть отнесено к началу этого хронологического отрезка. Общая дата Лугового могильника, по Р. М. Мунчаеву, — VI–V вв. до н.э.⁷¹ С учетом наличия в том же п. 64/128 изображений, подражающих скифомеотской композиции «птица на рыбе», появившейся в скифском искусстве не ранее 1-й половины V в. до н.э.⁷², можно сузить датировку данного комплекса и соответственно блях со свернувшимся хищником до V в. до н.э. Таким образом, предельные рамки Кумбултинского типа могут быть определены как V — начало IV в. до н.э.

Возможно, композиционно (но не содержательно) с Кулаковско-ковалевским типом также связаны изображения льва (рис. 13, 1–3), не имеющие местного природного прототипа (*Panthera leo*). Это 3 изображения, происходящие с территории Крыма (1), Прикубанья (3) и Среднего Подонцовья (2); они оформляют бронзовые уздечные бляхи (1, 3) и золотую нашивную бляшку (2). Изображен хищник с короткой мощной головой, большим овальным ухом, широким туловищем, с гривой или ее рудиментом (скорее всего, это лев; ср. Ильинская 1971, с. 80). Данный тип можно именовать «Акбурунско-семибратненским».

Рис. 13. Акбурунско-семибратненский тип изображений свернувшегося хищника.

1 — мыс Ак-Бурун, погребение 5 (Яковенко 1970, 56, рис. 24, 3); 2 — Старый Мерчик, курган, раскопанный А. В. Бандуровским в 2001 г., находка в насыпи, подкурганное погребение разрушено в период ВОВ (Окатенко, Буйнов 2010, 79, 80, рис. 1, 5); 3 — Семибратние курганы, курган 4 (Артамонов 1966, рис. 62).

⁶⁸ Ср. Мошинский, Переводчикова 2004, 8.

⁶⁹ Мошинский 2006, табл. 1, 141, табл. 2.

⁷⁰ Мошинский 2006, табл. 1, 141.

⁷¹ Мунчаев 1963, 211.

⁷² См. Канторович, Эрлих 2006, 87, 99–101.

Хронологическую основу этого типа составляет объективная датировка семибратненских блях из кургана 4 группы Семибратних по античной керамике датируется серединой — 3-й четвертью V в. до н.э.⁷³ или более узко — 440–430 гг. до н.э. по чернолаковым чашкам из этого комплекса⁷⁴. Сходно должно датироваться близкое ему акбурунское изображение, что не противоречит датировке происходящей из акбурунского комплекса бляхи в виде конечности хищника типа «Ак-Бурун — Острая могила», датируемого в рамках V — 3-й четверти IV в. до н.э. (акбурунское изображение конечности находится в начале эволюционного ряда, соответствующего данному типу⁷⁵). Старомерчикское изображение представляется подражанием изображениям такого рода, как семибратненское и акбурунское, и может быть ориентировочно датировано 2-й половиной V в. до н.э. Таким образом, совокупная дата Акбурунско-семибратненского типа — середина — 2-я половина V в. до н.э.

В образном отношении данный тип, безусловно, восходит к передневносточнo-античным прототипам. Аналогии изображениям Акбурунско-семибратненского типа составляют изображение хищника на золотой бляхе из Зивие⁷⁶, близость которой в отношении семибратненского изображения уже отмечена Д. С. Раевским и М. Н. Погребовой⁷⁷, а также на обушке топорика из Метрополитен-Музея⁷⁸. Саккызская бляха, по ряду признаков близкая акбурунско-семибратненскому типу, с учетом более поздней ее датировки по отношению к остальным предметам из Зивие⁷⁹ могла быть прототипом этого типа (рис. 16).

Картографирование изображений, произведенное по типам (рис. 14), демонстрирует, что тема свернувшегося хищника реализуется во всех без исключения субрегионах восточноевропейского локального варианта скифского звериного стиля. 64 из 66 изображений распределяются по 48 местонахождениям (еще одно изображение происходит, скорее всего, из Прикубанья, т.к. оформляемая им бляха хранится в Краснодарском музее; еще в одном случае (бляха из ГАИМК) происхождение изображения неизвестно, но предположительно связано с восточноевропейской зоной скифского звериного стиля).

Совокупная хронология типов (табл. 2) демонстрирует популярность данного сюжета в восточноевропейском скифском зверином стиле на всем протяжении его существования, начиная со 2-й четверти VII и вплоть до конца IV в. до н.э.

При этом в восточноевропейском скифском зверином стиле, как мы видели, существуют две иконографические базовые линии разработки сюжета свернувшегося в кольцо хищника, воплотившиеся в Келермесско-яблоновском и Кулаковско-ковалевском типах. Изображения Кулаковско-ковалевского типа распространены во всех без исключения зонах скифской археологической культуры, тогда как Келермесско-яблоновский тип не встречен лишь в Среднем Подонье, что

⁷³ Коровина 1957, 186.

⁷⁴ Горончаровский 2013, 232, табл. 1.

⁷⁵ См. подробнее: Канторович 2011, 31–34.

⁷⁶ Сорокин 1972, 75–78.

⁷⁷ Погребова, Раевский 1992, 105, рис. 6.

⁷⁸ Фаркаш 1992, 169–170, рис. 2, 3.

⁷⁹ Погребова, Раевский 1992, 90–91, 115, рис. 14.

Находки предметов с изображением свернувшегося хищника

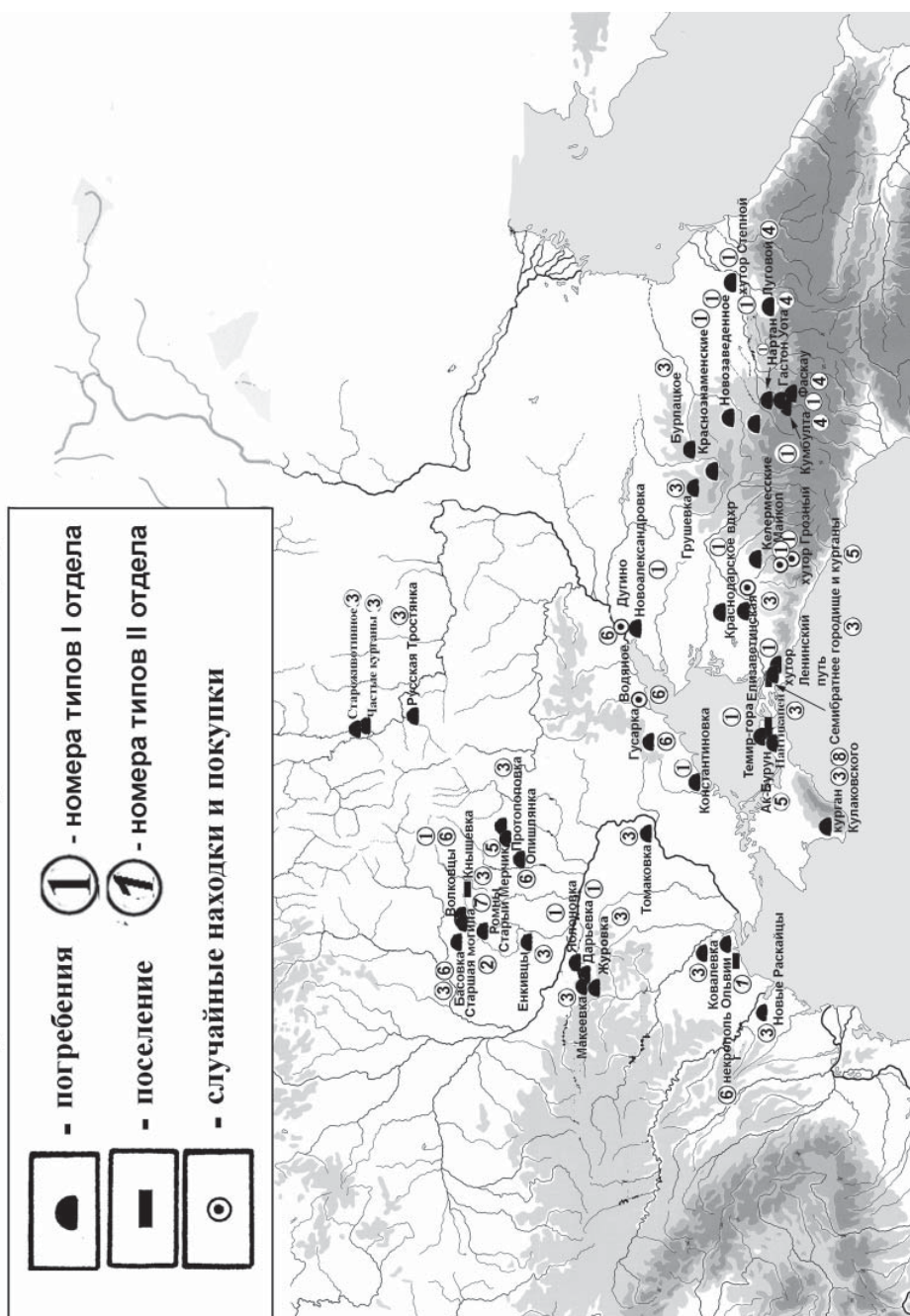

Рис. 14. Картография типов изображений свернувшегося хищника в восточноевропейском скифском зверином стиле.

Отдел I, типы: 1 — Келермесско-яблоновский, 2 — Старшая могила, 3 — Кулаковско-ковалевский, 4 — Кумбултинский, 5 — Акбурунско-семибратненский, 6 — Ольвийско-басовский, 7 — Роменский, 8 — Кулаковский. Отдел II, типы: 1 — Ольвийский.

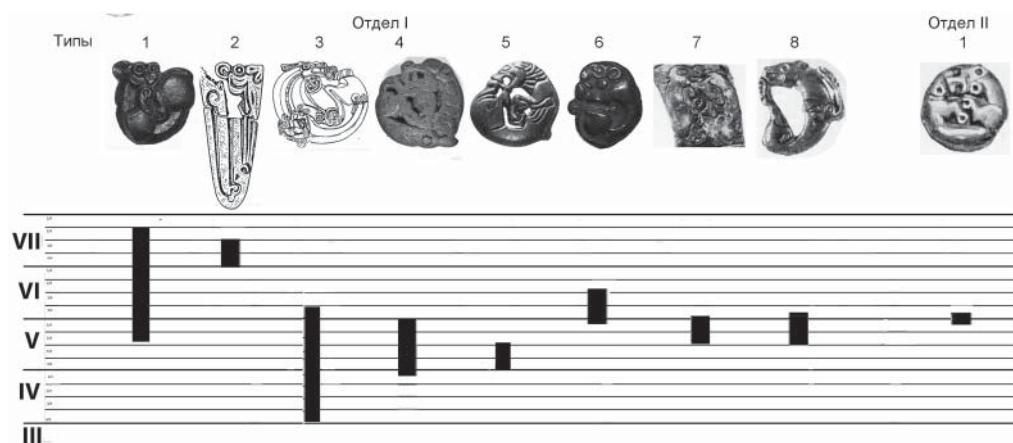

Рис. 15. Сводная хронология типов изображений свернувшегося хищника в восточноевропейском скифском зверином стиле

Отдел I, типы: 1 — Келермесско-яблоновский, 2 — Старшая могила, 3 — Кулаковско-ковалевский, 4 — Кумбултинский, 5 — Акбурунско-семибратненский, 6 — Ольвийско-бавовский, 7 — Роменский, 8 — Кулаковский. Отдел II, типы: 1 — Ольвийский.

объясняется практическим отсутствием на этой территории памятников «скифской архаики».

С ними так или иначе (при определенных воздействиях извне) можно связать появление большинства остальных типов свернувшегося хищника в восточноевропейском зверином стиле. Все эти типы локальные и не столь длительно реализуемые, как базовые.

Дифференцирование изображений, отнесенных нами к Келермесскому и Кулаковско-ковалевскому типам, намечается уже в работе А. И. Шкурко⁸⁰ и четко осуществлено в публикации В. А. Ильинской, причем на значительно меньшем объеме материала, имевшемся тогда в распоряжении исследовательницы⁸¹.

Каковы же истоки двух вышеназванных базовых тенденций в реализации сюжета свернувшегося хищника?

В данной работе не ставится задача решить сложный вопрос об истоках сюжета свернувшегося в кольцо хищника в скифо-сибирском зверином стиле в целом, поскольку исследование носит локальный характер. Мы в принципе разделяем мнение В. А. Ильинской о том, что данный сюжет «следует относить к числу наиболее оригинальных, самобытных, ниоткуда не заимствованных мотивов, составляющих первоначальное ядро скифского звериного стиля»⁸². При этом исследователи давно обратили внимание на композиционные (но не образно-видовые) параллели этому сюжету в Китае, начиная с эпохи неолита и далее в эпоху Шань-Инь во II тыс. до н.э.⁸³ Вместе с тем, при наличии определенных ком-

⁸⁰ Шкурко 1969, 31–37.

⁸¹ Ильинская 1971, 83–84, рис. 101, 1–3; см. также: Ильинская 1968, 134.

⁸² Ильинская 1971, 78; ср. Полидович 2001, 28–29.

⁸³ Курочкин 1993, 64–66, рис. 2; Богданов 2006, 36 сл.

позиционных импульсов из Китая и Монголии⁸⁴, данный сюжет мог спонтанно продуцироваться в конкретном регионе скифо-сибирского мира для воплощения собственных мифологических представлений⁸⁵, на основе собственного опыта изучения природы — см. справедливое замечание Л. Л. Барковой, охарактеризовавшей эту позу как «типичную для отдыхающей кошки»⁸⁶; идея Л. Л. Барковой подтверждается наблюдениями за домашними животными семейства кошачьих (рис. 16, А). Следовательно, при наличии природного композиционного прототипа данного сюжета, при условии идейной востребованности, которая, очевидно, была связана с некой устойчивой и (вероятно) универсальной мифологемой в скифо-сибирском мире, эта тема могла легко воспроизводиться в любом локальном варианте скифо-сибирского звериного стиля.

При этом какие-то регионы скифо-сибирского мира могли выступать в этом отношении первооткрывателями и «донорами» для других регионов. В этой связи очень интересна гипотеза Ю. Б. Полидовича о двух «провинциях» в развитии темы свернувшегося хищника в скифо-сибирском зверином стиле — «западной» и «восточной». Эта концепция основана на анализе композиции изображений раннескифской эпохи, дифференцировании изображений по контуру, взаимоположению ног и позиции хвоста⁸⁷. Однако заключение исследователя (основанное на ряде семиотических гипотез и на тщательном стилистическом анализе) о первичности «западной» провинции (в силу большей композиционной продуманности и большей вариативности соответствующих изображений) по отношению к «восточной» нуждается в дальнейшем обосновании на основе всего имеющегося на сегодня материала⁸⁸. Проистекающий из этого однозначный вывод Ю. Б. Полидовича о Северном Кавказе как истоке формирования сюжета свернувшегося в кольцо хищника⁸⁹, думается, приходит в противоречие с хронологией. При всей дискуссионности датировки кургана Аржан-1, к которому относится знаменитая бляха с изображением свернувшегося кошачьего хищника (рис. 16), несомненно более ранняя дата этого кургана или как минимум его синхронность по отношению к древнейшим северокавказским комплексам с изображением свернувшегося хищника — к Южному погребению кургана 1 у хут. Красное Знамя и к Келермесским курганам ранней группы (в соответствии с аргументированной выше хронологической позицией этой группы).

Очевидно, именно из сако-сибирской зоны «скифского мира» («восточной провинции» свернувшегося хищника, по Ю. Б. Полидовичу) приходят изображения, давшие импульс появлению первых изображений «хищника в кольце» в вос

⁸⁴ Черемисин 1987, 152; Савинов 2002, 67–75; Богданов 2006, 37–39, рис. 4.

⁸⁵ Так, например, А. К. Акишев и Е. С. Богданов аргументировали изначальный утробный характер этой позы соответственно как коннотации охранительного космического огня (Акишев 1980, 48) и как символа вселенского и жизненного круговращения (Богданов 2006, 36–41); Д. С. Раевский обосновал структурное соответствие образа свернувшегося в кольцо хищника и идеограммы «мирового змея» (Раевский 1985, 118, 119); гипотезу об астральной символике выдвинули В. Е. Ларичев и С. А. Комиссаров (Ларичев, Комиссаров 2002, 181–192) и т.д.

⁸⁶ Баркова 1983, 23.

⁸⁷ Полидович 1994, 67; 2001, 30–32.

⁸⁸ См., в частности, критику этой концепции в работе Е. С. Богданова (Богданов 2006, 40–41).

⁸⁹ Полидович 2001, 32. В предыдущей работе, посвященной этой теме, исследователь не был столь категоричен и допускал независимое зарождение изобразительной схемы свернувшегося хищника в «западной» и «восточной» провинциях (Полидович 2001, 74).

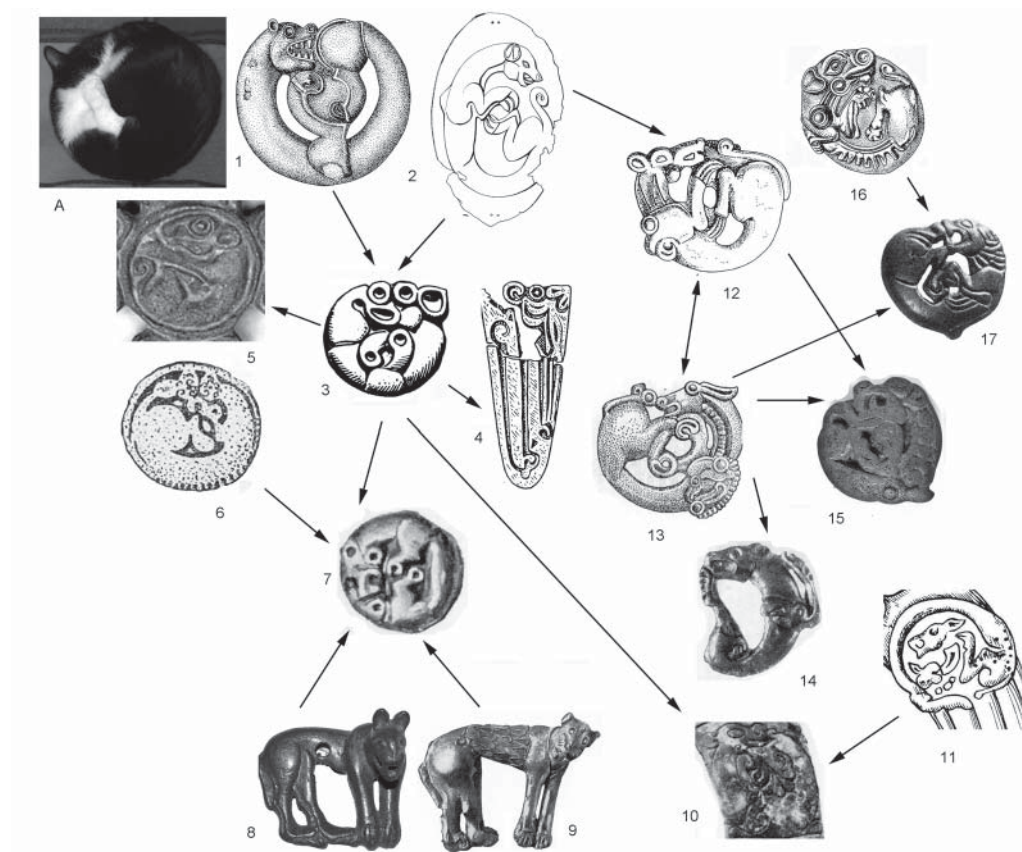

Рис. 16. Вероятные истоки и параллели изображений свернувшегося хищника восточноевропейского локального варианта скифо-сибирского звериного стиля.

А — свернувшийся в кольцо кошачий хищник в природе, фото автора; 1 — Аржан-1, камера 2 (Богданов 2006, табл. VI, 2); 2 — Майэмир (Баркова 1983, табл. 1, 1); 3 — Келермесско-яблоновский тип, Келермес, курган 2/В, набор коня 7; 4 — тип «Старшая могила»; 5 — Ольвийско-басовский тип; 6 — Чистый Яр (Арсланова 1974, 77–83, рис. 22); 7 — Ольвийский тип; 8 — Пантикапей (фото А. Р. Канторовича по: ОАМ, Инв. № 45166); 9 — Золотой курган (Ворова 1928, pl. 16A); 10 — Роменский тип; 11 — Блюменфельд, курган А 12 (Чежина 1984, рис. 1, 4); 12 — с. Пьяновка близ Бугуруслана (Чежина 1984, рис. 1, 1); 13 — Кулаковско-ковалевский тип; 14 — Кулаковский тип; 15 — Кумбултинский тип; 16 — Зивие (Баркова 1983, табл. 2, 1); 17 — Акбурунско-семибратненский тип.

точноевропейском зверином стиле, таких как краснознаменское и ранние келермесские (рис. 16). Они, в свою очередь, стали истоком Келермесско-яблоновского типа, определившего иконографию (преимущественно семейства кошачьих) в восточноевропейском локальном варианте звериного стиля в эпоху «скифской архаики». В эпоху «скифской классики» эта тенденция уступает здесь место новой образно-стилистической линии хищника (преимущественно семейства волчьих) Кулаковско-ковалевского типа, восходящего, вероятно, к композиции Ке-

лермесско-яблоновского типа, но при одновременном воздействии темы волчьего хищника, пришедшей из зоны «савроматского» (и, возможно, кобанского искусства), где этот образ как в полнофигурном, так и в редуцированном отражении был широко разработан в рамках различных композиционных трактовок.

ЛИТЕРАТУРА

- Акишев А. К.* 1984: Искусство и мифология саков. Алма-Ата.
- Алексеев А. Ю.* 2003: Хронография Европейской Скифии VII–IV вв. до н.э. СПб.
- Алексеев А. Ю., Рябкова Т. В.* 2010: Скифы // Античное наследие Кубани. Т.1 / Г. М. Бонгард-Левин, В. Д. Кузнецов (ред.). М., 236–259.
- Арсланова Ф. Х.* 1974: Новые материалы VII–VI вв. до н. э. из Восточного Казахстана // Бронзовый и железный век Сибири / Материалы по истории Сибири. Древняя Сибирь. Вып. 4. Новосибирск, 77–83.
- Артамонов М. И.* 1966: Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага.
- Бандуровский А. В., Буйнов Ю. В.* 2000: Курганы скифского времени (северскодонецкий вариант). Киев.
- Баркова Л. Л.* 1983: Изображения свернувшихся хищников на золотых пластинках из Майэмира // АСГЭ. 24, 20–31.
- Батчаев В. М.* 1985: Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Вып. II. / В. И. Марковин (ред.). Нальчик, 7–115.
- Бобринский А. А.* 1894: Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. Т. II. СПб.
- Богданов Е. С.* 2006: Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии. Новосибирск.
- Васильев С. А.* 2000: К вопросу о происхождении сюжета «хищник, свернувшийся в кольцо» в скифском зверином стиле: Каталог изображений. СПб.
- Гавриш П. Я.* 2000: Племена скифского часу в лісостепу Дніпровського Лівобережжя (за матеріалами Прип'їлля). Полтава.
- Галанина Л. К.* 1977: Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Н. Е. Бранденбурга). САИ. Вып. Д1–33. М.
- Галанина Л. К.* 1983: Раннескифские уздечные наборы // Археологический сборник (Гос. Эрмитажа). Вып. 24 / Б. Б. Пиотровский (ред.). Л., 32–55.
- Галанина Л. К.* 1997: Келермесские курганы (Степные народы Евразии, I). М.
- Галанина Л. К., Алексеев А. Ю.* 2010: Древности скифской эпохи из Прикубанья // Античное наследие Кубани. Т.3. / Г. М. Бонгард-Левин, В. Д. Кузнецов (ред.). М., 170–197.
- Горончаровский В. А.* 2013: О хронологии Семибратних курганов // Третья Абхазская международная археологическая конференция: Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа: Материалы / М. Т. Кашуба, А. Ю. Скаков (ред.). Сухум, 330–333.
- Дьяченко А. Н., Мэйб Э., Скрипкин А. С., Клепиков В. М.* 1999: Археологические исследования в Волго-Донском междуречье // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 2, 93–126.
- Журавлев Д. В.* (ред.) 2002: На краю ойкумены. Греки и варвары на северному берегу Понта Эвксинского. М.
- Замятин С. Н.* 1946: Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем (Раскопки Воронежской ученой архивной комиссии 1910–1915 гг.) // СА. VIII, 9–50.
- Збруева А. В.* 1952: История населения Прикамья в ананьинскую эпоху / (МИА). 30. М.

- Зуев В. Ю. 1994: Образ свернувшегося в кольцо хищника из IV Семибратнего кургана (иконографические истоки и их исторический контекст) // Взаимодействие древних культур и цивилизаций и ритмы культурогенеза. Археологические изыскания. 13, 90–94.
- Ильинская В. А. 1968: Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья. Киев.
- Ильинская В. А. 1971: Образ кошачьего хищника в раннескифском искусстве // СА. 2, 64–85.
- Ильинская В. А., Тереножкин А. И. 1983: Скифия VII–IV вв. до н.э. Киев.
- Канторович А. Р. 2007а: Конские налобники/наносники с петлей и крючком и их связь с некоторыми мотивами скифо-сибирского звериного стиля // Ранній залізний вік Європи: до 100-річчя від дня народження Олексія Івановича Тереножкина. Матеріали Міжнародної наукової конференції (16–19 травня 2007 р.) / Скорый С. А. (ред.). Київ-Чигирин, 74–77.
- Канторович А. Р. 2007б: О некоторых предметах конского снаряжения с городища «Чайка» // Материалы исследований городища «Чайка» в Северо-Западном Крыму. Сборник научных трудов / Попова Е. А. (ред.). М., 252–274.
- Канторович А. Р. 2011: К вопросу об основных принципах классификации изображений скифского звериного стиля // От палеолита до средневековья. Сборник научных статей / Егоров В. Л. (ред.). М., 29–38.
- Канторович А. Р. 2012: Проблема хронологии образа бараноптицы (грифобарана) в раннескифском зверином стиле // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога Михаила Петровича Грязнова. Кн. 2. СПб., 362–370.
- Канторович А. Р. 2014: Скифский звериный стиль Восточной Европы и категории украшаемых вещей // Феномен Більського городища 2014. До 70-річчя відділу археології раннього залізного віку Інституту археології НАН України та 80-річчя з дня народження видатного українського археолога професора Є. В. Черненка (1934–2007) / Скорый С. А. (ред.). Київ; Полтава.
- Канторович А. Р., Шишов А. В. 2014: Зооморфная бутероль из курганный группы «Семигорье» и тема свернувшегося в кольцо хищника в раннескифском зверином стиле // Вестник ЮНЦ РАН. Т. 10. № 4, 85–95.
- Канторович А. Р., Эрлих В. Р. 2006: Бронзолитетное искусство из курганов Адыгеи (VIII–III века до н.э.). М.
- Капошина С. И. 1956: О скифских элементах в культуре Ольвии // Ольвия и Нижнее Побужье в античную эпоху / МИА. 50, 154–189.
- Ковпаненко Г. Т., Бунятян Е. П. 1978: Скифские курганы у с. Ковалевка Николаевской области // Курганы на Южном Буге / Генинг В. Ф. (ред.). К.
- Копейкина Л. В. 1972: Расписная родосско-ионийская ойнохоя из кургана Темир-Гора // ВДИ. 1, 147–158.
- Коренько В. А., Лукьяшко С. И. 1982: Новые материалы раннескифского времени на левобережье Нижнего Дона // СА. 3, 149–164.
- Коровина А. А. 1957: К вопросу об изучении Семибратних курганов // СА. 2, 174–187.
- Королькова Е. Ф. 2006: Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н.э.). СПб.
- Кузнецова Т. М. 2002: Зеркала Скифии VI–III века до н.э. Т. I. М.
- Кулатова И. М. 1995: Хрестовидна бляха скіфської доби з Енківець у Посуллі // Полтавський археологічний збірник. Вип 3, 130–147.
- Курочкин Г. Н. 1993: Изображение свернувшегося хищника в тагарском искусстве // КСИА. 207, 59–67.
- Ларичев В. Е., Комиссаров С. А. 2002: Драконический мир, драконическое время (к проблеме семантики свернутого кольцом хищника) // История и культура Востока Азии.

- Материалы международной научной конференции (г. Новосибирск, 9–11 декабря 2002 г.). Т.1 / Алкин С. В. (ред.). Новосибирск, 181–192.
- Либеров П. Д.* 1951: Курганы у села Константиновки // КСИИМК. 37, 137–143.
- Либеров П. Д.* 1965: Памятники скифского времени на Среднем Дону. САИ. Д1–31. М.
- Масленников А. А.* 2001: Варвары, греки и Боспор Киммерийский до Геродота и при нем // ДБ. 4, 291–323.
- Медведев А. П.* 2001: Раскопки Староживотинного могильника скифского времени // Верхнедонской археологический сборник. 2, 4–14.
- Монахов С. Ю.* 2003: Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. Саратов.
- Мошинский А. П.* (ред.) 2003: Конь и всадник. Взгляд сквозь века. Каталог выставк. М.
- Мошинский А. П.* 2010: Древние бронзы Кавказа. М.
- Мошинский А. П.* 2006: Древности горной Дигории VII–IV вв. до н.э. систематизация и хронология. М.
- Мошинский А. П., Переводчикова Е. В.* 2004: Скифский звериный стиль в кобанских могильниках Дигории // БИ. Вып. VII, 5–26.
- Мунчаев Р. М.* 1963: Луговой могильник (исследования 1956–1957 гг.) // Древности Чечено-Ингушетии / Крупнов Е. И. (ред.). М., 139–211.
- Новичихин А. М.* 1998: Новый памятник искусства звериного стиля с территории азиатского Боспора // Историко-археологический альманах. Вып. 4, 27–28.
- Окатенко В. М., Буйнов Ю. В.* 2010: Курган з похованнями скіфського типу біля Старого Мерчика // Археологія. 1, 78–90.
- Патрушев В. С., Халиков А. Х.* 1982: Волжские анальинцы: Старший Ахмыловский могильник. М.
- Переводчикова Е. В.* 1984: Характеристика предметов скифского звериного стиля // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа / Кирей Н. И. (ред.). Краснодар, 5–15.
- Петренко В. Г.* 1967: Правобережье Среднего Приднепровья в V–III вв. до н.э. // САИ. Д1–4. М.
- Петренко В. Г.* 1989: Скифы на Северном Кавказе // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / Мелюкова А. И. (ред.). М., 216–223.
- Петренко В. Г.* 2006: Краснознаменский могильник: элитные курганы раннескифской эпохи на Северном Кавказе. Corpus tumulorum scythicorum et sarmaticorum. 1. М., Берлин; Бордо.
- Петренко В. Г., Маслов В. Е., Канторович А. Р.* 2000: Хронология центральной группы курганов могильника Новозаведенное-II // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология / Гуляев В. И., Ольховский В. С. (ред.). М., 238–248.
- Погребова М. Н., Раевский Д. С.* 1992: Ранние скифы и древний Восток. М.
- Погребова М. Н., Раевский Д. С.* 2001. «Уйгаракский аргумент» в контексте дискуссии о происхождении звериного стиля скифской эпохи // РА. 4, 45–52.
- Полін С. В.* 1987: Хронологія ранньоскіфських пам'яток // Археологія. Вип. 59, 17–36.
- Полідович Ю. Б.* 1994: О мотиве свернувшегося хищника в скифском «зверином стиле» // РА. 3, 63–78.
- Полідович Ю. Б.* 2001: К истокам скифского искусства: происхождение мотива свернувшегося хищника // РА. 3, 25–34.
- Полідович Ю. Б.* 2008: Об одной изобразительной традиции в искусстве народов скифского мира // Номады казахских степей: этносоциокультурные процессы и контакты в Евразии скифо-сакской эпохи / Самашев З. С. (ред.). Астана, 39–59.
- Полідович Ю. Б.* 2000: Скіфські хрестоподібні бляхи // Археологія. 1, 35–48.

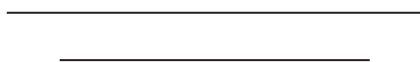
- Прокопенко Ю. А.* 2005: Историко-культурное развитие Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н.э. Ставрополь.
- Пьянков А. В., Тарабанов В. А.* 1997: Могильник протомеотского времени Казазово 3 и другие находки из чаши Краснодарского водохранилища // Памятники предскифского и раннескифского времени на юге Восточной Европы (МИАР. 1) / Ольховский В. С. (ред.). М., 62–70.
- Раевский Д. С.* 1985: Модель мира скифской культуры: Проблемы мировоззрения ираноязычных народов евразийских степей I тысячелетия до н. э. М.
- Савинов Д. Г.* 2002: Ранние кочевники Верхнего Енисея. Археологические культуры и культурогенез. СПб.
- Савченко Е. И.* 2009: Снаряжение коня скифского времени на Среднем Дону как археологический источник // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Донской археологической экспедиции ИА РАН, 2004–2008 гг. / Гуляев В. И. (отв. ред.). М., 221–325.
- Самоковасов Д. Я.* 1908: Могилы русской земли. Описание археологических раскопок и собрания древностей. М.
- Сорокин С. С.* 1972: Свернувшийся зверь из Зивие // СГЭ. XXXIV, 75–78.
- Таиров А. Д.* 2003: К вопросу о связях ананьинских племен с сакским миром // Вестник Челябинского университета. Серия 1, История. 2, 22–29.
- Толстиков В. П.* 2011: Конское захоронение на верхнем плато акрополя Пантикапея // БЧ. Вып. XII, 365–368.
- Фаркаш Э.* 1992: Искусство кочевников в музеях США // ВДИ. 4, 195–204.
- Фармаковский Б. В.* 1914: Архаический период в России // МАР. 34, 17–78.
- Ханенко Б. И., Ханенко В. И.* 1899: Древности Приднепровья и побережий Чёрного моря. Вып. II. Киев.
- Чежина Е. Ф.* 1991: Орнаментированные кабаньи клыки и их имитации в скифскую эпоху // АСГЭ. 31, 30–42.
- Чежина Е. Ф.* 1984: Изображения свернувшегося в кольцо хищника в искусстве Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху // АСГЭ. 25, 61–64.
- Черемисин Д. В.* 1987: К вопросу о происхождении мотива свернувшегося в кольцо хищника (изображения на оленных камнях) // Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: Тез. докл. / Матюшенко В. И. (ред.). Омск, 150–152.
- Шкурко А. И.* 1969: Об изображении свернувшегося в кольцо хищника в искусстве лесостепной Скифии // СА. 1, 31–39.
- Эрлих В. Р.* 1991: Меотские мечи из Закубанья // Древности Северного Кавказа и Причерноморья / Лесков А. М. (ред.). М, 31–47.
- Яковенко Э. В.* 1969: Клыки с зооморфными изображениями // СА. 4, 200–207.
- Яковенко Э. В.* 1970: Уздечный набор V в. до н.э. из Восточного Крыма // КСИА. 124, 54–60.
- Яковенко Э. В.* 1976: Предметы звериного стиля в раннескифских памятниках Крыма // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.
- Borovka G.* 1928: Scythian Art. London.
- Levitki O.* 1998: Consideratii asupra monumentelor funerare din perioada Hallstattiana tarzie de pe teritorial Moldovei // Revista Arheologică. 2, 28–59.
- Mahot F.* (réd.) 2001: L'or des Amazones. Peuples nomades entre Asie et Europe, VIe siècle av. J.-C. — IVe siècle apr. J.-C. Paris.
- Müller-Wille R. M., Schietzel K.* (hrsg.) 1991: Gold der Steppe. Archäologie der Ukraine. Schleswig; Neumünster.
- Reeder E.* (ed.) 1999: Scythian Gold. Treasures from Ancient Ukraine. New York.

THE EVOLUTION AND CHRONOLOGY OF THE MOTIF OF CURLED BEAST
IN THE EASTERN-EUROPEAN SCYTHIAN ANIMAL STYLE

A. R. Kantorovich

The motif of a curled beast of prey is one of the key themes of the Scythian-Siberian animal style. On the basis of morphological images classification and chronology of relevant funerary complexes the author identifies and describes 9 iconographical types involving all currently known images of curled predator of the 7th — 4th centuries BC of the Eastern-European local zone of the Scythian-Siberian animal style (in total 66 original images). Based on this typology two principal diachronic trends in the implementation of this motif are differentiated. The author raises the questions concerning the origin of the motif in the Scythian-Siberian animal style as a whole and in its Eastern-European zone version.

Key words: Eastern-European Scythian animal style, motif of curled beast of prey

МЕЗОАМЕРИКА

© 2014

Е. В. Новосёлова

ИНКСКИЕ ДИНАСТИЧЕСКИЕ МИФЫ В ИЗЛОЖЕНИИ БЕРНАБЕ КОБО

В статье анализируются сообщения хрониста XVII в. Бернабе Кобо о мифах, повествующих о происхождении инков. На основе сопоставления с другими хрониками делаются выводы об источниках некоторых версий мифа, изложенных у Кобо, а также о влиянии официальной инкской пропаганды на них.

Ключевые слова: инки, ранние государства, испанские хроники, пропаганда, верховная власть

Изучение инкской истории вследствие отсутствия аутентичных нарративных источников всегда представляло собой довольно трудную задачу. Вероятно, в наибольшей степени это относится к инкской религии, поскольку ни испанцы, ни даже индейцы, писавшие с оглядкой уже на европейского читателя, совершенно незнакомого с индейским мировосприятием, не были в состоянии адекватно изложить все ее постулаты. Именно поэтому, занимаясь анализом сообщений хронистов относительно религии, всегда следует иметь в виду, что это источник не только по инкской религии как таковой, но и по мировоззрению самих авторов этих сообщений. При этом исследователям приходится иметь дело сразу с несколькими временными пластами, отраженными в данных трудах, а именно: инкское прошлое, о котором они пишут, современная им эпоха, в реалиях и понятиях которой они рефлексируют знания о прошлом, и, наконец, современность, которая неизбежно накладывает отпечаток на наше восприятие. Таким образом, два верхних пласта могут сильно исказить восприятие исходного.

С этой точки зрения наиболее интересны хронисты семнадцатого столетия, поскольку в их распоряжении уже был обширный корпус трудов предшественников, описывавших Конкисту как по горячим следам, так и спустя какое-то время. Чем они руководствовались, когда выбирали одни сообщения, игнорируя при этом другие, также заведомо им доступные? Каких принципов придерживались при опросах местных жителей, среди которых уже не осталось непосредственных современников описываемых событий? Отличалась ли их оценка инкского про-

Новосёлова Елена Владимировна — аспирантка кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. E-mail: Helena-Novoselova@yandex.ru

шлого от оценок, данных предшественниками? На эти и многие другие вопросы приходится отвечать, анализируя сообщения поздних хронистов.

Важное место среди авторов XVII столетия занимает иезуит Бернабе Кобо, написавший «Историю Нового Света» (*Historia del Nuevo Mundo*), обширный труд в тринадцати книгах. Этому хронисту нередко отводится роль менее талантливого коллеги другого иезуита — Хосе де Акосты, автора «Естественной и нравственной истории Индий» (*Historia natural y moral de las Indias*)¹, но нам такая оценка кажется не вполне справедливой. Особенно это относится к изложению инкской истории: несмотря на название, ключевое место в труде Кобо занимают именно инки и их государство; изложение Акосты же куда более кратко и лаконично. Кроме того, немаловажным является тот факт, что Акоста и Кобо писали в разное время: если «Естественная и нравственная история Индий» была впервые издана в 1590 г., то труд Кобо создавался спустя полвека и издан был лишь в конце девятнадцатого столетия². За эти полвека, отделяющие труды Кобо и Акосты друг от друга, многое изменилось как в методике работы, так и в оценке инкского прошлого, поэтому едва ли правомерно оценивать результаты их деятельности по одинаковым критериям.

Что же касается сведений Кобо о государстве Тавантинсуйу, можно сказать, что они достаточно подробны и разнообразны; в полной мере это относится к такому ключевому сюжету инкской истории, как происхождение инков: Кобо приводит в своей хронике большое число различных версий этого события. Конечно, речь идет не об историческом происхождении инков, а о тех мифах и легендах, которые его объясняли. Данный сюжет, несмотря на спептицизм некоторых авторов относительно его ценности³, очень важен с трех точек зрения: как источник, во-первых, по инкской религии, во-вторых, по идеологии инкского государства Тавантинсуйу, которая нашла в этих мифах свое непосредственное выражение, поскольку в архаических обществах, к которым несомненно принадлежало инкское, мифологизм тотально господствует в культуре⁴, в том числе и в идеологической ее сфере; и в-третьих, с точки зрения интересов самого хрониста, которые также представляют значительный интерес. Изложению династических мифов целиком посвящена 3-я глава 12-й книги труда Кобо, которая носит название *Del origen fabuloso de los Incas, antiguos reyes del Perú* — «О вымышленном происхождении Инков, древних королей Перу»⁵.

Кроме того, необходимо обозначить такой момент, как условность термина «миф» по отношению к историям о происхождении инков. Действительно, если понимать под мифом спонтанное восприятие действительности⁶, то здесь мы имеем дело скорее с умышленно создаваемым идеологическим конструктом. Далее, и сам хронист в своем труде ни разу не упоминает слово *mito* (исп. «миф»), пользуясь преимущественно термином *leyenda* («легенда»). Однако версии об инкском происхождении, изложенные у хронистов и у Кобо в том числе, роднит

¹ Prieto 2011, Esteve Barba 1964, 492.

² Cobo 1890-1893.

³ Rowe 1946, 318.

⁴ Мелетинский 2012, 142.

⁵ Cobo 1892, 121-127.

⁶ Фрейденберг 1998, 117.

с мифами не только и не столько внешняя форма (наличие среди персонажей божеств, мифологические события вроде потопа и т.п.), а наличие глубинных, истинно мифологических сюжетов и мотивов, что могло даже и не осознаваться их творцами, которые сами были носителями этой еще живой в то время традиции, подобно представителям всех древних культур. Однако подробнее об этом будет сказано ниже.

Теперь обратимся непосредственно к рассмотрению династических мифов, изложенных у Кобо. Всего он приводит шесть версий, сюжетный анализ которых представлен в нижеследующей таблице. Следует отметить, что некоторые из них разнятся между собой лишь в некоторых деталях и, следовательно, мало отличимы друг от друга. Так, несомненно, что версии под номером 2 и 3 являются вариантами одного и того же мифа и отличаются лишь описанием судьбы инков. Вероятно, это вызвано бытованием того или иного варианта мифа в различных областях Тавантинсуйу.

Но- мер вер- сии	Число инков	Их судьба	Место происхождения	Божество	Прочее
1	—	—	Титикака / Па- каритампу	Инти	Происходят из Ти- тикаки, но перед появлением в Куско пришли в Пакари- тампу
2	Четверо бра- тьев и четыре сестры (Манко Капак, Айяр Уче и Айяр Манко)	Один брат вернул- ся в Пакаритампу, двое превратились в камень, а Ман- ко Капак и его сестры дошли до Куско	Титикака / Па- каритампу	Творец мира (Тиксивирако- ча или Пачайа- чачи)	У Титикаки спас- лись от потопа, вышли из Пакари- тампу
3	Четверо бра- тьев и четыре сестры	Все восемь до- стигли Куско	Титикака / Па- каритампу	Творец мира	
4	Говорится о братьях, но их число не уточняется (у Молины)	Все братья до- стигли Куско	Титикака / Па- каритампу	Творец мира	Вышли из Пакари- тампу
5	Брат и сестра	Достигли Куско	Титикака	Инти	Инти велел обо- сноваться там, где данный им золотой жезл войдет в зем- лю с первого удара
6	—	—	Титикака	Некая женщи- на, от имени которой остров получил свое название	В память об этом на острове впо- следствии была поставлена статуя женщины из золота и серебра

На основании вышеозначенных данных все эти версии можно разделить на две смысловые группы в зависимости от божества, которое фигурирует в мифе, а именно: 1) версии, связанные с Инти, и 2) версии, связанные с Тиккивиракочей или Пачайачачи (впрочем, из данной классификации выпадает последняя версия, в которой нет достоверного упоминания божества, поскольку с уверенностью говорить о божественном статусе женщины нет особых оснований). На основе анализа данной классификации можно предположить, что версии, связанные с Инти, восходят непосредственно к официальной инкской традиции (это подтверждается и тем, что одна из них была заимствована у Гарсиласо, о чем подробнее будет сказано ниже): как известно, именно бог солнца Инти был главным инкским божеством и покровителем правившей династии. Остальные же версии, вероятно, являются некими местными вариациями. Можно также предположить, что варианты мифа, связанные с Виракочей, могли бытовать непосредственно в области, прилегающей к озеру Титикака, что подтверждается не только его упоминанием в данном варианте мифа, но и тем, что местопребыванием Творца названо Тиуанако, городище неподалеку от данного озера и центр одноименной культуры, руины которого были известны инкам⁷. Виракоча вообще не был исконно инкским богом, хотя и занимал в пантеоне почетное место (недаром восьмой Сапа Инка избрал себе имя Виракоча), и то, что в версии №4 акцент сделан именно на нем, а солнце (наряду с луной и звездами) выступает в качестве пассивного исполнителя его воли, не случайно. Несомненно, что версия, в которой покровитель династии выставлен в таком свете, не могла иметь официального статуса.

Теперь обратимся к такому важному моменту, как источники, которыми пользовался Кобо при написании своей «Истории...». Как и у большинства хронистов, в распоряжении Кобо было два основных источника информации: труды предшественников и опросы местного населения (впрочем, соотношение этих двух источников зачастую сильно разнится). Среди хронистов, работами которых он пользовался при написании 12 книги, Кобо называет поименно следующих: Поло де Ондегардо, Кристоаль де Молина, Хосе де Акоса и Педро Гарсиласо де ла Вега. Он называет их во второй главе⁸, однако непосредственно в тексте не дает ни одной ссылки. Если же мы обратимся к хроникам указанных авторов, то увидим, что у Акосты изложения династических мифов нет вообще, а у Ондегардо оно очень краткое и поверхностное, в результате чего его данные относительно интересующего нас сюжета не могли оказать на Кобо существенного влияния.

Однако при обращении к хроникам Гарсиласо и Молины вычислить те места, которые позаимствовал Кобо, оказывается несложно: так, версия №6 была позаимствована у Гарсиласо⁹, при этом Кобо выбирает из трех версий мифа именно ту, которую сам Гарсиласо считает подлинной. Будучи наиболее хрестоматийным примером официальной инкской пропаганды, данная версия несомненно представляла для Кобо как для собирателя древностей значительный интерес. Иезуит не только в подробностях (хотя и существенно сократив, оставив за пределами своего повествования предисловие Гарсиласо о том, что эта история была рас-

⁷ В частности, у Кобо есть сведения, что руины Тиуанако посещал девятый Сапа Инка Пачакути во время завоевательного похода: Cobo 1892, 165-166.

⁸ Cobo 1892, 119.

⁹ Inca Garsilaso de la Vega. Commentarios reales. Lib. I. Cap. XV.

сказана ему одним его старым родственником — инком) передает слова знаменитого метиса, но и во многом сохраняет его высокопарный стиль повествования, который, тем не менее, вполне органично выглядит в окружении фрагментов совершенно иного происхождения. И в этом — несомненный талант Кобо как стилизатора и компилятора.

Что касается Молины, то с одной из его версий происхождения инков несомненно совпадает изложенный Кобо миф под номером 4. К сожалению, он не уточняет, среди какого народа бытовала данная версия¹⁰, однако несомненно, что это не инки как таковые. На это указывает как оговорка Молины «другие народы» в противовес инкам, так и уже упомянутая второстепенная роль Инти в данной версии.

Что же касается непосредственно работы Кобо с текстом Молины, то бросается в глаза, что иезуит значительно сократил текст своего предшественника — примерно в два раза: у Молины непосредственное описание акта творения Солнца, Луны и звезд предваряет довольно пространное повествование о мировом потопе и о немногочисленных людях, которые избежали его, укрывшись на вершинах гор, на деревьях и в пещерах. Впрочем, подобный подход представляется вполне оправданным, поскольку Кобо использовал только ту часть мифа, где говорится непосредственно о происхождении инков.

Интересен также следующий факт: в данной легенде Молина не указывает имени Творца, называя его просто el Hacedor (что и означает «творец»), однако у Кобо это дополнение, как известно, имеется (Тиксивиракоча и Пачайачачи). Молина поясняет этот факт в одном из последующих мифов, и Кобо счел нужным внести это объяснение в используемый им фрагмент, который в оригинале отсутствует.

Впрочем, одна из ключевых подробностей вопроса, связанного с заимствованием, заключается в том, почему заимствованию подвергся именно этот фрагмент. В случае с Молиной это вполне очевидно: используемый Кобо фрагмент является, по сути, единственным, где речь идет непосредственно об инках (в остальных легендах, приводимых Молиной, говорится просто о братьях, что не позволяет с точностью идентифицировать их как инков).

Что же касается композиционно-стилевых решений, то здесь, как и в случае с Гарсиласо, Кобо в полной мере сохраняет стилистику своего источника, видоизменяя его при этом в зависимости от собственных целей. В частности, сам текст легенды подвергся некоторому сокращению, что, впрочем, никак не сказалось на его смысловой целостности.

Теперь приведем в нижеследующих таблицах текст тех версий Кобо, которые находят явные аналогии у других авторов: в первой таблице — версия Гарсиласо, во второй — Молины. Для большей наглядности те места, которые Кобо в своей хронике опустил, в данных переводах по возможности также не приводятся.

¹⁰ Молина говорит лишь о «других народах»: otras naciones hay, que dicen... <http://ru.scribd.com/doc/207887762/Cristobal-de-Molina-Ritos-y-Fabulas-de-Los-Incas-pdf>

Кобо	Гарсиласо*
<i>Солнце, сожалея об убогости, в которой пребывал мир, направил собственных сына и дочь, чтобы они наставили и просветили бы людей относительно Солнца, убеждая их почитать его как бога и поклоняться ему так, как он того желает; чтобы инки утвердили бы законы для поддержания мира и порядка, дабы индейцы привыкли жить как разумные и порядочные люди. Инки были оставлены своим отцом Солнцем на озере Титикака, при этом он велел им держаться понравившегося пути, где можно остановиться для отдыха и пищи. Также он повелел втыкать в землю данный им золотой жезл длиной в локоть. Там, где этот жезл войдет в землю с первого удара, они должны остановиться и построить себе жилище, а также попытаться подчинить окрестные народы, а сделав это, править согласно разуму и закону...¹¹</i>	<i>[...] направил он с неба на землю одного сына и одну дочь из своих детей, чтобы они наставили бы их на путь познания нашего отца Солнца, чтобы они стали бы поклоняться ему и восприняли бы его как своего бога и чтобы они дали им заветы и законы, с которыми они жили бы как здравомыслящие и благовоспитанные люди, чтобы они жили в населенных селениях и домах, умели бы обрабатывать землю, выращивать растения и злаки, растить скот и пользоваться им и плодами земли, как разумные люди, а не как звери. С этим приказом и поручением оставил наш отец Солнце этих двух своих детей в лагуне озера Титикака, которая находится в восьмидесяти лигах отсюда, и сказал им, чтобы они шли куда хотят и там, где им захочется поесть или поспать, они должны попытаться вогнать в землю золотой жезл длиной в половину вары и толщиной в два пальца, и там, где он войдет в землю с первого же броска... там наш отец Солнце желал, чтобы они остановились [...]</i>
Кобо	Молина
<i>Когда Творец мира (на языке индейцев он зовется двумя способами, а именно Тиккивиракоча и Пачайячачи) создал все сущее в Тиуанако, где он обитал, он повелел Солнцу, Луне и звездам отправиться на остров Титикака на одноименном озере, чтобы оттуда они поднялись в небо; и в то время как Творец хотел поделить Солнце на очень сверкающую фигуру, Творец позвал Инков и сказал Манко Капаку, как старшему брату, следующее: «Ты и твои потомки должны покорить многие земли и народы и стать великими владыками. Всегда почитайте меня, как своего отца, считайте себя моими сынами и никогда не забывайте поклоняться мне»¹².</i>	<i>Творец [...] велел Солнцу, Луне и звездам отправиться на остров Титикака, который находится недалеко оттуда, и чтобы оттуда они поднялись в небо. И ко времени, когда он хотел поделить Солнце на очень сверкающего фигуру, Творец позвал Инков и Манко Капака как старшего из них и сказал ему: «Ты и твои потомки должны стать сеньорами и должны покорить многие народы. Считайте меня своим отцом, а себя — моими детьми, и так почитайте меня, как отца»¹³.</i>

Вместе с тем нельзя однозначно ответить на вопрос, кто из предшественников оказал на Кобо наибольшее влияние. Можно говорить о его критическом отношении к более ранним хронистам, поскольку никому из них он не отдает явного предпочтения, что свидетельствует о его серьезном подходе к своей работе.

* Данный перевод приводится по изданию: Гарсиласо де ла Вера 1974.

¹¹ Cobo 1892, 124-125.

¹² Cobo 1892, 123-124.

¹³ Molina, <http://ru.scribd.com/doc/207887762/Cristobal-de-Molina-Ritos-y-Fabulas-de-Los-Incas-pdf>

Относительно опросов информантов из местных индейцев Кобо делает весьма ценные замечания с точки зрения этнографической практики. Он подробно останавливается на этом во II главе, то есть непосредственно перед изложением династических мифов. Так, он утверждает, что подробно рассказать об инках могут только жители Куско; большинство же селян даже не знают, правили ли вообще инки в этой стране¹⁴. Это замечание ценно прежде всего для выяснения обстановки, современной Кобо: если принять без существенных оговорок, можно констатировать, что сам факт смены власти с инкской на испанскую не очень глубоко отразился на умах рядовых индейцев, которые были научены инкской государственной системой беспрекословному подчинению. Вместе с тем неудивительно, что именно жители Куско наиболее трепетно хранили память об инках как о своих прародителях, на которой зиждилось не только их духовное наследие, но и надежды на привилегии.

Вместе с тем Кобо весьма скептически относится к способности большинства индейцев рассуждать о законах, управлении и тому подобных вещах, поскольку в таких случаях они просто не понимают, о чем идет речь¹⁵. Здесь можно усмотреть как пренебрежение образованного человека к «дикарям», так и реальное положение вещей: едва ли рядовые индейцы были способны вникнуть в такие высококультурные материи.

Но являются ли таковыми мифы? Однозначно нет. Будучи древнейшей формой восприятия действительности, они легко вписывались в рамки мировоззренческой парадигмы любого носителя архаичной культуры и таким образом могли длительное время сохраняться в памяти. То же относится и к династическим мифам, чему способствовала их тесная привязка к такой универсальной мифологии, как происхождение мира, что наглядно прослеживается в мифах, которые приводит Кобо.

Что же касается отношения Кобо к династическим мифам, в целом можно сказать, что хронист весьма скептически относится к передаваемой информации, что подтверждается характерными определениями, которые он дает этим легендам: *fabulosas*, *falsas* и т.п. Однако он не отрицает того факта, что даже самые нелепые сказки могут содержать зерно истины, отмечая, что именно так и следует относиться к легендам о происхождении инков. Кобо приводит и собственные рассуждения относительно этого вопроса: по его мнению, родина инков находилась в районе Пакаритамбо, поскольку тайный язык инков¹⁶, которым они пользовались между собой, якобы был таким же, как и язык индейцев долины Тампу (это утверждение он приводит со слов донна Алонсо Топа Атау, внука Гуайна-Капака, с которым, по словам хрониста, он консультировался во время работы над хроникой)¹⁷.

Сказанное позволяет сделать вывод, что в его отношении к излагаемому материалу можно усмотреть зачатки научного подхода, поскольку он не просто выдвигает абстрактные предположения, а считает нужным подкрепить их убедительными доводами. Несмотря на то что предположение Кобо следует считать

¹⁴ Cobo 1892, 116.

¹⁵ Cobo 1892, 116.

¹⁶ Подробнее о тайном языке инков см. Гарсиласо 1974, 428.

¹⁷ Cobo 1892, 126-127.

ошибочным (как известно, в современной перуанистике на основе комплекса данных археологии, лингвистики и нарративной традиции более или менее утвердилась версия о происхождении инков с Альтиплано, то есть именно из районов, прилегающих к Титикаке¹⁸), его стремление к конструктивной критике (а не только холодному пренебрежению к культуре «варваров») приводимых им сведений обращает на себя внимание.

Таким образом, на примере проведенного Кобо анализа инкских династических мифов этого хрониста можно охарактеризовать как достаточно добросовестного исследователя, который прибегал к различным источникам информации и мог грамотно и творчески ее преобразовать, но который при этом не избежал (более того — и не мог избежать) пренебрежительных оценок того, что он описывал.

ЛИТЕРАТУРА

- Березкин Ю. Е. 1991: Инки: исторический опыт империи. Л.
Гарсиласо де ла Вега И. 1974: История государства инков / Пер. В. А. Кузьмищева. Л.
Мелетинский Е. М. 2012: Поэтика мифа. М.
Фрейденберг О. В. 1998: Миф и литература древности. М.
Cerrón-Palomino R. 2006: Cuzco: la piedra donde se posó la lechuza // Lexis. Vol. XXX. 1, 143–184.
Cobo B. 1892: Historia del Nuevo Mundo. T. III. Sevilla.
Esteve Barba F. 1964: Historiografía indiana. Madrid.
Garsilaso de la Vega, Inca. 1991: Commetarios reales. T. I. Caracas.
McEwan G. F. 2006: The incas: a new perspectives. Denver; Oxford.
Molina, C. de. Ritos y f'abulas de los incas. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ru.scribd.com/doc/207887762/Cristobal-de-Molina-Ritos-y-Fabulas-de-Los-Incas-pdf>
Millones-Figeroa L. 2003: La Historia natural del padre Bernabé Cobo. Algunas claves para su lectura // Colonial Latin American Review. Vol. 12. 1, 86 - 97.
Prieto A. I. 2011: Missionary scientists. Jesuit science in spanish South America, 1570–1810. Nashville.
Rowe J. R. 1946: Inca Culture at the Time of the Spanish Conquest // Handbook of South American Indians / Julian Steward (ed.). Bull. 143. Vol. 2, 183–330.

BERNABE COBO'S ACCOUNT OF INCA DYNASTIC MYTHS

E. V. Novoselova

The article analyzes the reports of the 17th century chronicler Bernabé Cobo about myths devoted to the Incas' origin. Based on a comparison with other chronicles, conclusions about the origin of some versions of the myth, stated by Cobo, and the impact of official Inca propaganda on them, are made.

Key words: Incas, early states, the Spanish chronicles, propaganda, sovereignty

¹⁸ McEwan 2006, 66; Cerrón-Palomino 2006; Березкин 1991, 12–13.

© 2014

Ф. С. Галеев

АНАЛИЗ КОМПЛЕКСА НАДПИСЕЙ «ЗДАНИЯ НАЧАЛЬНОЙ СЕРИИ», ШКАЛУМКИН (ЮКАТАН, МЕКСИКА)

Статья посвящена анализу комплекса иероглифических надписей «Здания Начальной серии» города Шкалумкин (штат Юкатан, Мексика). В ходе исследования стало возможным сделать выводы о наличии в данном центре особой системы политической организации, а именно, о наличии династии сахалей передающей по мужской линии от отца к сыну, что является уникальным для текстов не только Северного Юкатана, но и всей области майя в целом.

Ключевые слова: Мексика, Юкатан, Шкалумкин, майя, эпиграфика

Шкалумкин — городище майя позднеклассического периода. Оно получило имя по названию долины у подножья холмов зоны Пуук в штате Юкатан (Мексика) (рис.1). Руины были обнаружены Теобертом Малером в 1887 г.¹, а спустя 30 лет их посетили С.Морли и Т.Ганн, которыми была обследована центральная часть городища². Более подробное и комплексное исследование было предпринято Гарри Поллоком в 1935 г., когда было проведено картографирование городища и составлены планы основных архитектурных комплексов³. Также в ходе этой экспедиции было обнаружено 27 каменных монументов, большинство из которых представляют собой так называемые архитектурные тексты — резные надписи на элементах зданий (колонны, капители, карнизы, стальные панели и т.д.).

В своем исследовании Поллок отмечает, что центральная часть города занимает сравнительно небольшую площадь (около 4 га), но также были обнаружены отдельные здания в радиусе двух километров. Основная часть города состоит из двух комплексов: Южная группа и группа Начальной Серии, а в полукilометре от нее на вершине холма располагается так называемая Северная группа, которая, по всей видимости, также являлась частью города⁴ (рис.2).

В 1942 г. было принято решение вывезти часть монументов с городища для постоянной экспозиции в музее археологии в Кампече, благодаря чему они уцелели до наших дней, так как в 1960-е гг. городище подверглось разграблению, и местонахождение многих памятников до сих пор остается неизвестным⁵.

Затем с 1992 г. в Шкалумкине начал работу археологический проект «Шкалумкин в исторической перспективе», целью которого было подробное картографирование и реконструкция отдельных зданий. На заключительном этапе в 2007 г. в рамках данного проекта была исследована центральная часть городища, включая группу Начальной Серии⁶.

Галеев Филипп Сергеевич — аспирант Учебно-научного Мезоамериканского центра им. Ю. В. Кнорозова, РГГУ. E-mail: f.galeev@gmail.com

¹ Maler 1902, 197–230.

² Gann 1924, 181–189.

³ Pollock 1980, 418–502.

⁴ Pollock 1980, 421.

⁵ Graham 1992, 3.

⁶ Becquelin, Michelet, Benavides 2011, 38–46.

Рис. 1. Схема расположения основных городищ Северного Юкатана

Рис. 2. Группа Начальной Серии. а) «Здание Начальной Серии»

«Здание Начальной Серии» (он же «Дворец Надписей») входит в состав одноименного архитектурного комплекса в северо-восточной части городища (рис. 2). Это здание сильно пострадало, когда грабители вырезали часть иероглифических панелей, в результате чего обвалился карниз и часть крыши. Тем не менее мы можем реконструировать его облик по ранним фотографиям Малера и Поллока⁷. Оно представляло собой L-образное в плане строение, состоящее из трех помещений. В нем было два входа: один с западной стороны (ведет в небольшое закрытое помещение), а другой — с южной, где располагалось самое просторное помещение с колоннадой, через которое был проход в еще одну небольшую комнату.

Поллок отмечает, что «Здание Начальной Серии», по всей видимости, относится к стилю «ранний пуук»⁸. Это выражается в значительно более крупной кладке стен и относительно бедном декоре по сравнению с «поздним-пууком». Однако от более раннего стиля «прото-пуук» его отличает использование цельных каменных панелей в отделке дверных косяков, а также наличие колоннады во входном проеме на южной стороне, которая была украшена иероглифическими надписями (рис. 3).

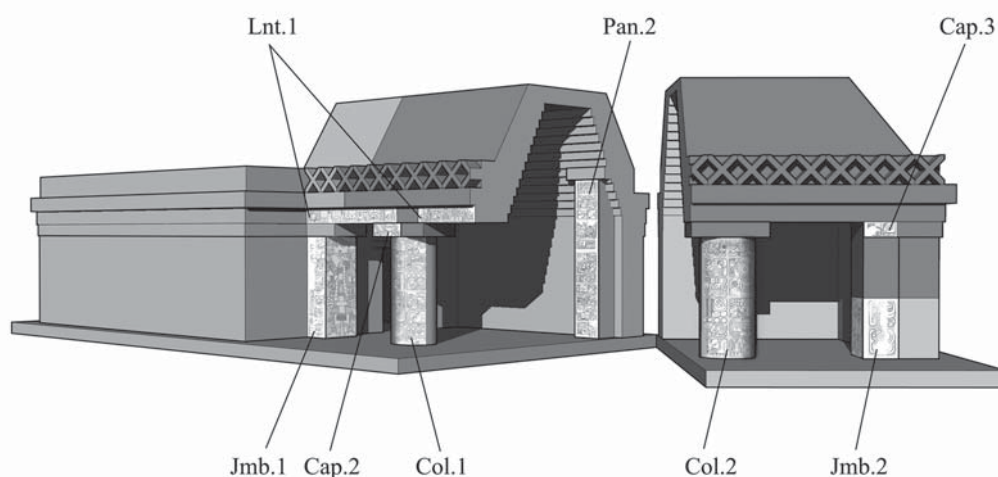

Рис. 3. Схема расположения иероглифических надписей, Здание Начальной Серии, Шкалумкин (3d-реконструкция автора)

В общей сложности массив сохранившихся текстов состоит из десятка надписей: одна притолока (XLM: Lnt.1), две колонны (XLM: Col.1,2), два дверных косяка (XLM: Jmb.1,2), три капители (XLM: Cap.1,2,3), одна стенная панель (XLM: Pan.2), а также отдельные фрагменты надписей. Следует отметить, что названная так в корпусе притолока на самом деле представляет собой карниз, поскольку она располагается над колоннадой, в то время как притолока должна быть обращена лицом вниз.

⁷ Pollock 1980, 422 fig.707.

⁸ Pollock 1980, 562–563; Andrews 1986, 26.

Важной особенностью данного эпиграфического комплекса является то, что все надписи, каждая из которых по отдельности является самостоятельной, формируют единый текст, который характеризуется следующими чертами.

Во-первых, во всех исследуемых текстах схожая палеография. Так, например, мы видим, что в записях слогового знака **k'a** и логограммы **МAM** появляется характерный палеографический элемент по форме напоминающий знак удвоения: Col.1, блоки B1, B6; Col.2, блоки A3, B4.

Также следует отметить идентичные записи логограммы **?AL** на карнизе (XLM: Lnt.1, блок A) и на колонне 2 (XLM: Col.2, блок A1), изображающие голову человека (характерный маркер «IL» на щеке и ушная вставка), в которую вписана палетка для росписей или растирания краски. Следует отметить, что данный элемент часто появляется в иконографии майя, прежде всего на расписной керамике, не только в качестве инвентаря для письма, наряду с кисточками и бумагой, но также как элемент головного убора писцов, в особенности обезьян-писцов. Таким образом, мы можем предположить, что исследуемая логограмма **?AL** изображает голову писца, что является характерным палеографическим элементом исследуемого корпуса иероглифических надписей.

Эти примеры свидетельствуют о том, что все тексты данного комплекса были выполнены одним резчиком, либо о наличии в Шкалумкине особой школы писцов со своим неповторимым стилем.

За исключением панели 2, все тексты данного комплекса представляют собой владельческие надписи. К данной категории относятся тексты на различных носителях, в которых указывается принадлежность предмета⁹. Таким образом, в структуре данных надписей обязательно присутствует название самого объекта, а также имя и титул владельца.

В случае с комплексом надписей «Здания Начальной Серии» таким объектом являются сами скульптурные надписи, а владельцем — сахаль, имя которого зачастую опускается (XLM: Jmb.1, блоки A1-A8): *?Alaay ?uhtiiy [?u]-wojoole? [y-u]xuiul-... ?u-k'aal sajal ?u-tam chan hix-...l* — «Говорится, [и вот] случились его письма — это резьба комнаты сахалья, внука чан-хиш-...».

Важно отметить, что использование владельческих надписей в монументальной скульптуре является характерной особенностью текстов Северного Юкатана, и прежде всего его западной части (регион Пуук). В текстах Южных низменностей владельческие надписи записывались преимущественно на предметах мелкой пластики и керамике, что свидетельствует об изменении традиции записи иероглифических текстов в позднеклассический период¹⁰.

Следует отметить, что эти изменения находят свое отражение также и в самом языке надписей. Прежде всего они коснулись синтаксиса именной группы. А.Лакадена отмечает, что в классических текстах западных низменностей именная группа записывается в соответствии с чоланской традицией, когда титулатура следует за именем собственным, а в текстах Северного Юкатана данный порядок нарушается¹¹. Это хорошо видно на примере текста колонны 1 (XLM: Col.1, блоки B3-B5): *chan hix-...l ?Aj K'inyul ?Aj-... ketz' sajal*, где имя *?Aj K'inyul* с обе-

⁹ Stuart 2005, 7.

¹⁰ Grube 1994, 336–340.

¹¹ Lacadena 1998, 115–121.

их сторон обрамляется титулами, тогда как в чоланской традиции оно должно было стоять в начале фразы (TIK: St.5, блоки D10-D12): *Jasaw Chan K'awiil chan winaakhaab' kalo?mte? k'uh(ul) Kuk(u?l) ?ajaw* — «Хасав-Чан-К'авиль, четырех 20-летний кало?мте, божественный царя Кукуля».

Другой особенностью текстов «Здания Начальной Серии» является конструкция записи именной группы, когда титулатура вводится после имени собственного при помощи оборота *?u-k'ab'a?* («его имя»). В качестве примера можно привести фрагмент притолоки 1 (рис. 4а):

(L) **yu-xu-lu** (M) **?a-pa** (N) **sa-hi-na** (O) **?u-K'AB'A?-?a** (P) **?i-tz'a-[ti]**

yuxul ?Aj Pasahiin ?uk'ab'a? ?itz'a[at]

y-uxul-Ø ?Aj Pasahiin ?u-k'ab'a?-Ø ?itz'aat

ERG3SG-резьба- ABS3SG *?Aj Pasahiin* ERG3SG-имя- ABS3SG “мудрец”

резьба Ах-Пасахина — это имя мудреца

Подобная конструкция также используется, например, в тексте на сосуде неизвестного происхождения K8017¹² (рис. 4б):

(D1) **yu-xu-lu-li** (D2) **?a-pa** (D3) **sa-hi-na** (D4) **?u-K'AB'A?-?a-?o-ko-ta-le** (D5) **HUX-HIX-...-la-?i-tz'a-ti** (D6) **?a-?u-xu-lu**

yuxulil ?Aj Pasahiin ?uk'ab'a? ?oktale? hux hix-...l ?itz'aat aj?uxul

y-uxul-il-Ø ?Aj Pasahiin ?u-k'ab'a?-Ø ?oktale? hux-hix-...l ?itz'aat ?aj-?uxul

ERG3SG₂-резьба-INAL₁-ABS3SG *?Aj Pasahiin* ERG3SG-имя-ABS3SG *?oktale?* *hux-hix-...l* “мудрец” AG₁-резьба

резьба Ах-Пасахина — это имя окталя хуш-хиш-...”мудреца”, того, чья резьба

Рис.9. а) XLM. Col.2, б) NAR.HS, ступень 6 (прорисовки автора)

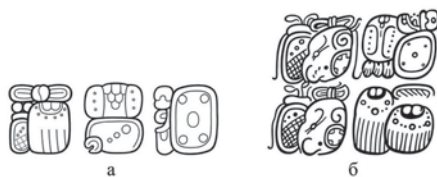

Рис.10. а) XCO. Jmb.1, б) K8017 (прорисовки автора)

Важно отметить, что аналогичные примеры мы находим в книге Чилам Балам из Чумайеля: *<Ix>-Kan-tacay u kaba u chun u uinicil A<h> Puche* — «Иш-Кан-

¹² Буква «К» обозначает электронную базу фотографий Джастина Кера (<http://www.mayavase.com>)

Такай — это имя первого из людей из семьи Пуче»¹³ или *Ah Tarai-nok Cauic u kaba u halach uinicob* — «Ах-Танай-Нок-Кавик — это имя их владыки»¹⁴. По-видимому, такая форма записи именной группы является характерным для юкатекского языка синтаксическим приемом, который сформировался еще в классический период.

Еще одним примером изменения синтаксиса в исследуемых текстах являются две параллельные конструкции: 1) во фрагменте на колонне 1 (XLM: Col.1, блоки A2-B3):

yuxulule? ti yatoote? yunen chan hix-...l

у-ухул-ул-е?-Ø ti у-атоот-е?-Ø у-унен-Ø chan hix-...l

ERG3SG-резьба-ABST-TOP-ABS3SG PREP₁ ERG3SG-дом-TOP-ABS3SG
ERG3SG-ребенок-ABS3SG *chan hix-...l*

[и вот] его резьба в его доме, сына чан-хиш...

2) в тексте колонны 2 (XLM: Col.2, блоки A2-B3):

?uwojool tuwiyb'il ?umam K'a-...-?Ohl

?u-wojool-Ø ti ?u-wiyb'il-Ø ?u-mam-Ø K'a-...-?Ohl

ERG3SG-письмена-ABS3SG PREP ERG3SG-”место сновидений”-ABS3SG
ERG3SG-предок-ABS3SG *K'a-...-?Ohl*

его письма в его “месте сновидений”, внука *Ka-...-Оля*

Прежде всего следует отметить, что в первом примере мы видим особые формы *у-ухулеле?* и *у-атооте?*, в которых появляется финальный звук *-е?*. А.Лакадена и С.Вихман отмечают, что данное явление весьма характерно для текстов Северного Юкатана и встречается также во многих колониальных источниках: *em-om chimal-e em-om halal u-okol Chakan Putun*— «[и вот] спустятся щиты, спустится стрела на *Чакан-Путун*»¹⁵. В данном фрагменте *-е* является особой энклитикой (маркером топикализации), которая фокусирует внимание на основной теме предложения. Таким образом, перевод фрагмента на колонне 1 предполагает либо изменение порядка слов, либо использование дополнительных средств выражения для передачи акцента на маркированные части предложения.

В обоих примерах (XLM: Col.1 и XLM: Col.2) не совсем понятно появление локативного предлога *ti* («в, на, с»). Уникальность данных примеров заключается в том, что во всех известных аналогичных записях обычно используется посессивная конструкция. В качестве примера можно привести фрагмент колонны 4 (XLM: Col.4, блоки A2-B2):

k'ahlaj yuxulil yotoche? Wiliim Tuun

k'a[h]l-aj-Ø у-ухул-ил-Ø у-отох-е?-Ø Wiliim Tuun

появляться-[PASS]-IPFV.DerNTR1-ABS3SG ERG3SG-резьба-INAL₁-ABS3SG
ERG3SG-дом-TOP-ABS3SG *Wiliim Tuun*

[и вот] появилась резьба дома *Вилим Туна*

Суффикс *-il* является маркером неотчуждаемой принадлежности и передает отношение часть-целое¹⁶, т.е. резьба — это неотъемлемая часть здания. Таким образом, фраза *у-ухулил у-отохе?* приобретает не просто значение «резьба дома», а скорее «скульптура» или иной значимый элемент сооружения.

¹³ Roys 1973, 15.

¹⁴ Roys 1973, 16.

¹⁵ Lacadena, Wichmann 2002, 288.

¹⁶ Houston et al 2001, 26–32.

В этой связи следует обратить внимание на то, что в примере *ʔu-wojool ti ʔu-wiybil* слово «письмена» не маркируется вовсе. По всей видимости, это объясняется тем, что это абстрактное понятие, которое не может быть частью чего-либо, но находится во владении, что выражается при помощи эргатива. В качестве примера можно привести фрагмент колонны 6 (XLM: Col.6, блоки A1-A2):

ʔuwojool Kit Paʔ

ʔu-wojool-Ø Kit Paʔ

ERG3SG-письмена-ABS3SG Kit Paʔ

письмена *Kum-Па*

В случае с *y-uxululeʔ ti y-atooteʔ* также нет суффикса *-il*, но вместо него появляется суффикс *-ul*. Данная грамматическая единица, по всей видимости, является одним из суффиксов абстрактных существительных в юкатекском языке, который выполняет функцию субстантивации. В качестве примера можно привести юк. *pat* («формировать») > *pat-ul* («творение»), юк. *dzib* («рисовать») > *dzib-ul* («письменность»)¹⁷. Иными словами, в нашем примере *y-uxul-ul-eʔ* также приобретает абстрактное значение (вероятно, «надпись, письмена») и по аналогии с *ʔu-wojool* не может быть частью чего-либо.

Таким образом, в анализируемых нами примерах ни «резьба», ни «письмена» не являются частью здания, но, по всей видимости, находятся внутри него, о чем говорит предлог *ti*, а эргатив показывает их принадлежность владельцу, что схематически можно представить следующим образом:

y-uxululeʔ ti y-atooteʔ y-unen chan hix-...l - «резьба сына чан-хиш... в доме»

ʔu-wojool tu-wiybil ʔu-mam K'a-...-ʔOhl — «письмена внука *Ka-...-Оля* в доме»

Вышеописанные примеры представляют также особый интерес с точки зрения фонетики. В историографии давно отмечено, что в текстах Северного Юкатана происходит переход *t > č* (ср. члн. *ʔotoot* > юк. *ʔotooch*), а также ряд других изменений, которые свидетельствуют о влиянии юкатекских языков¹⁸. В рассматриваемых нами текстах присутствуют еще два нетривиальных примера фонетических переходов.

Во фрагменте *y-uxululeʔ ti y-atooteʔ* мы видим запись *ʔatoot* вместо ожидаемой для текстов западных низменностей *ʔotoot*. Аналогичная форма встречается в Ошкентоке, Кабахе, а также в Какабеке, что свидетельствует о широком ареале ее распространения. Одним из вариантов интерпретации может быть то, что начальный звук [a] передает архаическую форму записи, восходящую к прото-майя **atyootu* («дом»)¹⁹.

Однако более убедительным представляется предложенное А.Лакаденой объяснение, что запись *ʔatoot* отражает изменения, происходившие на раннем этапе в языке лакандон, где мы находим пример *atòch* («дом»)²⁰. Это подтверждается также и тем, что в тексте притолоки 2 из Какабека, датируемом 741 г., есть слоговая запись **ya-to-che** (*y-atoch-eʔ*), которая совмещает в себе фонетический переход

¹⁷ Smailus 1989, 117.

¹⁸ Lacadena 1998, 121–124; Grube 2003, 353–359.

¹⁹ Grube 2003, 354.

²⁰ Grube 2003, 355.

$o > a$ и $t > \check{c}$, а также энклитику $-e?$, что говорит скорее о юкатекском влиянии, нежели об архаизации.

Еще один интересный пример записан во фрагменте $'u-wojool\ tu\ wiyb' il$, где мы видим $wiyb' il$ вместо ожидаемого $wayb' il$. Подобное изменение корневой гласной, по всей видимости, может объясняться особым фонетическим переходом $*aCi > iCi$; $*iCa > aCa$, который был описан Дж. Джастесоном для протоюкатекского языка²¹. По этому принципу происходит, например, переход $*tiqaw >$ юк. *chakaw* («горячий»); $*lak'in >$ юк. *lik'in* («восток»), $*\acute{p}aqi' \eta >$ юк. *tikin* («сухой»)²². То же самое мы видим в случае с $wiy[i]bil$, где, согласно этому правилу, происходит сингармонизация по второй гласной.

Таким образом, все описанные выше примеры свидетельствуют о том, что комплекс исследуемых текстов претерпел на себе значительное влияние юкатекских языков. Тем не менее важно отметить, что в Шкалумкине еще не произошел окончательный отход от чоланской традиции. Так, например, мы видим синхронное использование юкатекской даты²³ и классической для текстов южных низменностей начальной серии на Панели 2.

В общей сложности в текстах записаны три даты, которые относятся к середине VIII в.н.э. и повествуют, по всей видимости, о двух стадиях строительства «Здания Начальной Серии». Самая ранняя дата на колонне 1 соответствует 740 г. (либо 720 г.)²⁴, когда, вероятно, была завершена основная часть здания, а начальная серия на панели 2 и дата на капители 1 относятся к 743 г., когда были завершены внутренние помещения.

Следует отметить, что эпиграфические данные находят подтверждение на археологическом материале. Поллок отмечает, что «Здание Начальной Серии», вероятно, строилось в два этапа, о чем свидетельствует кладка пола и конструкция свода²⁵. Сначала была построена часть с колоннадой, а затем к ней было пристроено помещение из двух комнат, которые, по всей видимости, соотносятся с $\acute{u}wiyb' il$ («его "место сновидений"») и $\acute{u}k' aal$ («его комната»).

Несмотря на то что тексты исследуемого комплекса освещают крайне короткий период, они содержат ряд важных сведений об истории Шкалумкина. Как было отмечено ранее, данные тексты относятся к категории «владельческих надписей», но имя непосредственного владельца упоминается всего один раз и дошло до нас в плохой сохранности (см. рис.5):

(E) *yu-xu-li* (F) *li-le* (G) *\acute{u}k' a-li* (H) ... (I) ... (J) ...-*\acute{u}hl-la* (K) *\acute{u}k' AB' A?*-*\acute{u}a* (L) *yu-xu-lu* (M) *\acute{u}a-pa* (N) *sa-hi-na* (O) *\acute{u}k' AB' A?*-*\acute{u}a* (P) *\acute{u}i-tz' a-[ti]*

yuxulile? \acute{u}k' aal \acute{u}hl \acute{u}k' ab' a? yuxul \acute{u}j Pasahiin \acute{u}k' ab' a? itz' [at]

y-uxul-il-e?-\acute{u} \acute{u}k' aal-\acute{u} \acute{u}hl \acute{u}k' ab' a? y-uxul-\acute{u} \acute{u}j Pasahiin \acute{u}k' ab' a?-\acute{u} itz' at

ERG3SG₂-резьба-INAL₁-TOP-ABS3SG ERG3SG-комната-ABS3SG *\acute{u}hl*
ERG3SG-имя ERG3SG-резьба-ABS3SG ERG3SG-имя-ABS3SG “мудрец”

²¹ Justeson et al 1985, 15.

²² Justeson et al 1985, 16.

²³ Graña-Behrens 2002, 419.

²⁴ Graña-Behrens 2002, 397.

²⁵ Pollock 1980, 425.

[вот] резьба комнаты ... Оля — это его имя. Это резьба Ах-Пасахина — это имя “мудреца”

В данном фрагменте мы видим плеонастическое написание **yu-xu-li-li-le**, посредством которого передается энклитика *-eʔ* в сочетании с суффиксом неотчуждаемой принадлежности *-il*. Также обращает на себя внимание, что во втором примере слово *y-ixul* не маркируется, так как «резьба» не является частью здания, но была выполнена Ах-Пасахином.

Важно также отметить, что в первом предложении оборот *ʔu-k'ab'aʔ* не разделяет именную группу, но стоит в конце, что характерно скорее для чоланской традиции, но встречается также в юкатекских колониальных источниках: *Hun Yuian Chac u thupilob*, *Uooh-puc u kaba* — «Хун-Йуван-Чак — это их младший брат, *Vooh-Пук* — это его имя»²⁶. Сама именная группа, по всей видимости, была записана в соответствии с юкатекской традицией, так как мы видим финальную часть имени собственного ...*ʔOhl*, а, следовательно, титул был записан ранее.

Тем не менее, нет никаких сомнений, что этот человек был сахалем. Об этом свидетельствуют записи на дверных косяках (XLM: Jmb.1, блоки 4–8): *y-ixulileʔ ʔu-k'aal sajal ʔu-mat chan-hix-...l* — «резьба комнаты сахала, внука чан-хиш-...», а также (XLM: Jmb.2, блоки 6–8): [*ʔu*]-*k'aal sajal ʔu-mat...* — «комната сахала, внука...». В остальных случаях имя владельца обозначается косвенно посредством записи *ʔu-mat* («его внук») и *y-unen* («его сын»).

Дед сахала упоминается в текстах комплекса «Здания Начальной Серии» четыре раза, но целиком его имя и титул записаны лишь на колонне 2 (рис.6):

(A3) **ʔu-MAM-ma** (B3) **k'a-...-ʔOHL-la** (A4) **sa-ja-la** (B4) **ʔu-...** (B5) **4-HIX-...-la**

ʔumat K'a-...-ʔOhl sajal ʔu-... chan hix ...l

ʔu-mam-Ø K'a-...-ʔOhl sajal ʔu-... chan hix ...l

ERG3SG-предок-ABS3SG *K'a-...-ʔOhl sajal* ERG3SG *-... chan hix ...l*

внук *K'a-...-Оля*, сахала, ..., чан-хиш-...

Несмотря на то что чтение его имени не совсем ясно, мы видим, что его последняя часть ...*ʔOhl* совпадает с фрагментом записи имени на притолоке 1. Таким образом, мы можем предположить, что «Здание Начальной Серии» было заложено еще при деде сахала, а затем перестраивалось при нем самом и его отце, упоминание о котором мы находим на колонне 1 (XLM: Col.1, блоки A3-A5):

yunen chan hix ...l ʔAj K'imyul ʔaj-...-ketz' sajal

y-unen-Ø chan hix ...l ʔAj K'imyul ʔaj-...-ketz' sajal

ERG3SG₂-ребенок-ABS3SG *chan hix ...l ʔAj K'imyul ʔaj-...-ketz' sajal*

сын чан хиш ... *Ах-К'имиуля* ...-кец'а, сахала

Следует отметить, что не совсем понятно чтение центрального знака в блоке A3 (рис.7а). Он состоит из квадратного картуша, внутри которого изображен сидящий человек с ручными и ножными браслетами, но без головы. Однако ее отсутствие не означает, что перед нами изображение обезглавленного (мертвого) человека, так как нет характерного маркера отрубленных частей тела²⁷. Аналогичный знак мы находим также в тексте на венчике сосуда K8017 в позиции A10 (рис.7б).

²⁶ Roys 1973, 14.

²⁷ Houston et al 2006, 11–14.

Важно отметить, что схожий иконографический мотив хорошо известен по примерам записи *?Unen K'awiil* и *?Ix ?Unen B'ahlam*, в которых также изображено тело человека в схожей позе, где вместо его головы — голова К'авиля или женщины (рис. 7в,г).

Что касается картуша, то, по всей видимости, речь идет о палеографической особенности корпуса текстов Шкалумкина. Так, например, картуш появляется в записи логограммы **?UHT** на колонне 2 (XLM: Col.2, блок B1), что, по всей видимости, может объясняться сложностью вписанного в него знака. Таким образом, мы можем сделать предположение, что в блоке A3 на колонне 1 записана логограмма **?UNEN**.

Таким образом, мы видим, что в исследуемом корпусе надписей говорится о четкой генеалогической последовательности: дед — отец — сын, что является нетипичным для майя в целом и исключительным для текстов Северного Юкатана примером династии сахалей.

Что касается скульптора этих монументов, Ах-Пасахина, то ему также принадлежит резьба на сосуде K8017, который датируется 740 г.²⁸ (рис.8):

(Q1) **yu-xu-lu-li** (Q2) **?a-pa** (Q3) **sa-hi-na** (Q4) **?u-K'AB'A?-?a-?o-ko-ta-le** (Q5) **3-HIX-...-la-?i-tz'a-ti** (Q6) **?a-?u-xu-lu**

yuxulil ?Aj Pasahiin ?uk'ab'a? ?oktale? hux hix-...l ?itz'aat aj?uxul

y-uxul-il-Ø ?Aj Pasahiin ?u-k'ab'a?-Ø ?oktale? hux-hix-...l ?itz'aat ?aj-?uxul

ERG3SG₂-резьба-INAL₁-ABS3SG *?Aj Pasahiin* ERG3SG-имя-ABS3SG *?oktale?* *hux-hix-...l* “мудрец” AG₁-резьба

резьба *Ах-Пасахина* — это имя окталя хуш-хиш-...”мудреца”, того, чья резьба

В данном фрагменте Ах-Пасахин наряду с прочими титулами также именуется *хуш-хиш-...* К сожалению, чтение знака, изображающего голову птицы, до сих пор остается непонятным, но, по всей видимости, речь идет о неизвестной логограмме, о чем свидетельствует фонетическое подтверждение **la**.

Интересно, что аналогичную запись мы также видим в титулатуре деда и отца сахаля в текстах комплекса «Здания Начальной Серии», но вместо логограммы **HUX** («три») в начале их титула записана логограмма **CHAN** («четыре»). Тем не менее, речь, по всей видимости, идет об одном и том же титуле, а несоответствие в записи цифры либо может объясняться ошибкой резчика, либо передает особую иерархию в системе титулов. Таким образом, мы можем предположить, что Ах-Пасахин имел непосредственное отношение к династии Шкалумкина.

Следует отметить, что на венчике вышеупомянутого сосуда K8017 владельцем сосуда именуется неизвестный человек, который, тем не менее, также делает акцент на своем происхождении, упоминая имя и титул отца (блоки A1-A9):

yuxulile? ?ujaay Chak ?Ama?tz' ?uk'ab'a? ko?kab' chanlaju?ntuun yunen ?Aj Saw ?Akan ?uk'ab'a? ?ajluk

y-uxul-il-e?-Ø ?u-jaay-Ø Chak ?Ama?tz' ?u-k'ab'a?-Ø ko?kab' chanlaju?n-tuun y-unen-Ø ?Aj Saw ?Akan ?u-k'ab'a?-Ø ?aj-luk

ERG3SG₂-резьба-INAL₁-TOP-ABS3SG ERG3SG-сосуд-ABS3SG *Chak ?Ama?tz'* ERG3SG-имя- ABS3SG *ko?kab'* 14-год ERG3SG₂-ребенок-ABS3SG *?Aj Saw ?Akan* ERG3SG-имя- ABS3SG AG-luk

²⁸ Graña-Behrens 2002, 352.

[вот] резьба сосуда (надпись) *Чак-Амац 'а*, — это имя кокаба в 14 год (?), сына *Ах-Сав-Акана*, — это имя ах-лука

Данный фрагмент, по всей видимости, свидетельствует о том, что в середине VIII в.н.э. в Шкалумкине наряду с династией сахалей была вторая династия, которая хоть и занимала более низкое положение (ни отец, ни сын не именуются сахалами), но также была значима, так как резьба для этого сосуда была выполнена Ах-Пасахином.

Анализируя корпус надписей «Здания Начальной Серии», необходимо еще раз обратиться к тексту на колонне 2 (см. рис. 9а):

(A3) **?u-ma-MAM** (B3) **k'a(?)**...-?OHL-la (A4) **sa-ja-la** (B4) **?u**... (A5) **4-HIX-...-la** (B5) **ta-CH'EN-na** (A6) **?a-xu-...-la** (B6) **b'o-je-?a-b'i**

?utam K'a-...?Ohl sajal ?u-... chan hix-...l ta ch'een ?ajXu-...l b'ooja?b'

?u-mam-Ø K'a-...?Ohl sajal ?u-... chan hix-...l ta ch'een ?aj-Xu-...l b'ooja?b'

ERG3SG₂-предок-ABS3SG *K'a-...?Ohl sajal* ERG3SG-... *chan hix-...l* PREP₂ город AG- *Xu-...l b'ooja?b'*

Дословный перевод данного фрагмента вызывает ряд сложностей. Прежде всего, не совсем ясно значение слова *b'ooja?b'*, которое встречается также в текстах ряда других городищ, например, в тексте из Шкочи (рис.10а):

(B5) **tu-b'a-hi** (A6) **b'o-jo** (B6) **?a-b'i**

tu-b'aah b'oja?b'

“на голову” бохаба

а также на сосуде K8017 (см. Рис.10б):

(O4) **tu-b'a-hi** (P4) **b'o-je-?a-b'i** (O5) **tu-b'a-hi** (P5) **b'a-ka-b'a**

tu-b'aah b'ooja?b' tu-b'aah b'aahkab'

“на голову” бохаба, “на голову” бакаба

Несмотря на то что смысл данной фразы не совсем понятен, мы видим, что в ней используется особая синтаксическая конструкция — параллелизм, т.е. последовательное повторение начального элемента *tu-b'aah*. А.Лакадена отмечает, что, согласно принципу построения подобных конструкций, неповторяющиеся элементы фразы (в нашем случае *b'ooja?b'* и *b'aahkab'*) должны относиться к одному классу слов²⁹. Следовательно, слово *b'ooja?b'* аналогично *b'aahkab'* («глава земли») должно быть титулом.

В результате мы можем предположить, что в тексте на колонне 2 данный эпитет представляет собой заключительный элемент развернутой титулатуры *K'a-...-Оля*, деда сахала. Таким образом, оборот *ta-ch'een* («в городе») также должен быть частью его титулатуры. Вероятно, данный оборот играет роль дополнения, указывая на то, что *K'a-...-Оль* является сахалом именно этого города, Шкалумкина.

Появление подобного дополнения может объясняться последующим элементом его титулатуры, а именно *?aj-xu-...l*. К сожалению, данная часть текста дошла до нас в плохой сохранности, и чтение центрального знака остается дискуссионным. Дело в том, что он, по всей видимости, изображает голову муравья-листореза, т.е. это должен был слоговой знак **xu**, но в него вписан другой знак, по форме напоминающий знак **chu**.

²⁹ Lacadena 2010, 57–62.

Таким образом, мы можем предположить, что перед нами либо лигатура знаков, дающая чтение *xuch*, либо это какой-то неизвестный знак. Если мы будем придерживаться первого варианта, то мы получаем запись *?aj-Xuch-ul*, где *?aj* — агентивный префикс со значением «человек из», а *-ul*, по всей видимости, представляет собой характерный локативный суффикс. Иными словами, в титулатуре К’а-...-Оль дается указание на место его происхождения: «человек из Шучуля».

Следует также отметить, что слово *xuch* является удачным кандидатом для образования топонима, так как оно имеет значение «(подземное) водохранилище»³⁰. Следует отметить, что речь идет именно об искусственном водохранилище, которое было неотъемлемым атрибутом многих городов изучаемого региона. Так, например, в Шкалумкине археологами не было зафиксировано естественных источников пресной воды, за исключением небольшого сенота в 6 км к северо-востоку, но было обнаружено множество чультунов³¹, по которым город, вероятно, мог получить свое название.

Следует отметить, что смысл фразы *ta-ch’een ?aj-Xuchul* не совсем понятен, так как в ней, возможно, дается двойное указание на одно и то же место, Шкалумкин. Важно отметить, что аналогичную структуру мы видим, например, в тексте иероглифической лестницы из Наранхо (рис.9б):

(N2) *yu-ku-...-li-ka-KAN-la-?AJAW* (L3) *ta-HUX-TE?-TUN-ni-?a-chi-ku-NAHB’*

“*Yukno?m-head*” *Kanul ?ajaw ta Huxte? Tuun ?ajChik Naahb*

“*Yukno?m-head*” *Kan-ul ?ajaw ta Hux-te? Tuun ?aj-Chik Naahb*

“*Yukno?m-head*” змея-LOC царь PREP 3-дерево камень AG₁-*Chik* водоем

“*Yukno?m-head*” царь Кануля в Хуштетуне, человек из Чикнаба

Хуштетун и Чикнаб — это два топонима, относящихся к городу Калакмуль³², но в данном случае первый из них вводится при помощи предлога *ta*, а второй — агентивного префикса *?aj*-, в отличие от большинства примеров, где мы видим либо отдельное упоминание каждого из них, либо слитное написание Хуштетун-Чикнаб.

Следует отметить, что данную конструкцию на лестнице из Наранхо можно объяснить тем, что “*Yukno?m-head*” — это, предположительно, доинтронизационное имя Йукно?м-Ч’ее?на³³, который, скорее всего, был первым представителем канульской династии, правящим в Калакмуле, а не в Цибанче³⁴. Иными словами, посредством данного оборота он указывает на то, что является правителем в Хуштетуне именно потому, что происходит из Чикнаба³⁵.

Таким образом, мы можем предположить, что во фрагменте *ta-ch’een ?aj-Xuchul* используется аналогичная форма записи, в которой К’а-...Оль называет себя «сахалем этого города», поскольку он родом из Шучуля, т.е. из Шкалумкина.

Однако возможна и другая интерпретация, согласно которой *Xuchul* — это название какого-то неизвестного города, т.е. К’а-...-Оль не был родом из Шкалумки-

³⁰ Vasquez 1980, 954.

³¹ Pollock 1980, 419.

³² Stuart, Houston 1994, 28–29.

³³ Martin 2005, 7.

³⁴ Martin, Grube 2000, 106; Stuart 2012.

³⁵ Сергей Вепрецкий, личное сообщение 2013.

на. Так, например, Ройс отмечает, что древним названием Шкалумкина было, по всей видимости, *Tix-calom-kin* (или просто *Calomkin*), который появляется в книге Чилам Балам из Чумайеля во фрагменте, повествующем о событиях, произошедших до 1541 г.³⁶

Следует отметить, что в колониальных словарях есть название лишь одного города, которое соотносится с записью *Xuchul*, — это *Xuchbil*, который затем был переименован в *Yaxcaba*³⁷. Однако вероятность того, что К'а-...-Оль был родом из этого города, крайне мала, так как Йашкаба располагается более чем в 150 км к северо-востоку от Шкалумкина.

Таким образом, анализ комплекса надписей «Здания Начальной Серии» позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, мы видим, что в Шкалумкине складывается свой неповторимый стиль резьбы по камню, что очень важно для дальнейшего изучения палеографии данного региона.

Во-вторых, мы видим, что к первой половине VIII в.н.э. в текстах Шкалумкина уже наблюдаются значительные языковые изменения, связанные прежде всего с юкатекским влиянием, что находит отражение в синтаксисе, морфологии и фонетике.

Также анализируемый комплекс надписей позволяет сделать вывод о наличии в Шкалумкине династии сахалей, передающейся по мужской линии от отца к сыну, что является уникальным для текстов не только Северного Юкатана, но и всей области майя в целом. Более того, по аналогии с примерами из других городов, таких как Калакмуль или Ушмаль, мы можем предположить, что К'а-...-Оль был основателем этой династии.

ЛИТЕРАТУРА

- Becquelein P. et al* 2011: Una organización dualista en Xcalimkín antes del inicio del estilo Puuc Temprano // *Mexicon*, Vol. XXXIII, 38–46.
- Gann T. W. F.* 1924: In an Unknown Land. New York.
- Graham I.* 1993: Corpus of Maya Hieroglyphic Inscriptions. Vol. 4.3. Cambridge.
- Graña-Behrens D.* 2002: Die Maya-Inschriften aus Nordwestyucatan, Mexiko. Bonn.
- Grube N.* 1994: Hieroglyphic sources for the history of northwest Yucatan // *Hidden Among the Hills: Maya Archaeology of the Northwest Yucatan Peninsula*. Acta Mesoamericana 7. 316–358.
- Grube N.* 2003: Hieroglyphic inscriptions from northwest Yucatan: an update of recent research // *Escondido en la selva: arqueología en el norte de Yucatan, Mexico*. Mexico, 339–370.
- Houston S. D. et al* 2001: Quality and quantity in glyphic nouns and adjectives // *Research Reports on Ancient Maya Writing*. 47, 1–57.
- Houston S. D. et al.* 2006: The Memory of Bones: Body, Being, and Experience among the Classic Maya. Austin.
- Justeson S. J. et al.* 1985: The Foreign Impact on Lowland Mayan Language and Script. New Orleans.
- Kerr J.* 1989–2000: Maya Vase Book: A Corpus of Rollout Photographs of Maya Vases. 1–6. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.mayavase.com>

³⁶ Roys 1973, 33.

³⁷ Vasquez 1980, 954.

- Lacadena A.* 1998: Nominal Syntax and the Linguistic Affiliation of Classic Maya Texts // The Sacred and Profane. Architecture and Identity in the Maya Lowlands. 3rd. European Maya Conference. Hamburg.
- Lacadena A.* 2010: Naturaleza, Tipología y usos del Paralelismo en la Literatura jeroglífica Maya. Bonn.
- Lacadena A., Wichmann S.* 2002: The Distribution of Lowland Maya Languages in the Classic Period // La organización social entre los Mayas. Memoria de la Tercera Mesa Redonda de Palenque. II, 375–314.
- Maler T.* 1902: Yukatekische Forschungen // Globus. 82, 197–230.
- Martin S., Grube N.* 2008: Chronicle of the Maya kings and queens. New York.
- Martin S.* 2005: Of Snakes and Bats: Shifting Identities at Calakmul // The PARI Journal. 6(2), 5–15.
- Pollock H. E. D.* 1980: Puuc: An Architectural Survey of the Hill Country of Yucatan and Northern Campeche, Mexico. Cambridge.
- Roys R.* 1973: The book of Chilam Balam of Chumayel. Washington.
- Smailus O.* 1989: Gramática del Maya Yucateco Colonial. Hamburg.
- Stuart D., Houston S.D.* 1994: Classic Maya Place Names. Studies in Pre-Columbian Art and Archaeology No. 33. Dumbarton Oaks Research Library and Collection, Washington.
- Stuart D.* 2005: Glyphs on Pots. Decoding Classic Maya Ceramics // Sourcebook for the 29th Maya Hieroglyph Forum, March 11–16. Austin.
- Stuart D.* 2012: Notes on a New Text from La Corona // Maya Decipherment. Ideas on Ancient Maya Writing and Iconography. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://decipherment.wordpress.com/page/11/>.
- Vasquez B.A.* 1980: Diccionario Maya Cordemex. Merida.

THE ANALYSIS OF THE COMPLEX OF HIEROGLYPHIC INSCRIPTIONS OF “THE INITIAL SERIES BUILDING”, SHCALUMKIN (YUCATAN, MEXICO)

F.S. Galeev

This article is dedicated to the analysis of the complex of hieroglyphic inscriptions of the “Initial Series Building”, settlement Shcalumkin (Yucatán, Mexico). In the study it became possible to make conclusions about the presence of a special system of political organization in this center. Namely, the presence of the *sahale*’s dynasty transmitted through the male line from father to son is unique not only for the texts of the Northern Yucatan, but also for the entire Maya region.

Key words: Mexico, Yucatan, Shcalumkin, Mayan epigraphy

ИСТОРИЯ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

© 2014

В. С. Черняев

РОЛЬ И МЕСТО ВОЕННО-МОРСКОЙ ПРОГРАММЫ 1916 Г. ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ США

На основании документов и научного анализа работы мы исследуем морскую политику Соединенных Штатов в период нейтралитета в Первой мировой войне. В статье проанализированы основные идеологические принципы морской политики и основные этапы военно-морской программы 1916 г. Руководство ВМС США хотело построить флот, который бы приблизился к самому сильному флоту в мире или был бы равным. военно-морская программа 1916 г. была одним из самых больших шагов, для достижения поставленной цели.

Ключевые слова: дредноут, военно-морская политика, военно-морская программа 1916 г., ВМС США

Когда в Европе началась война, Соединенные Штаты Америки объявили о своем нейтралитете. Американское правительство считало, что европейские разногласия не касались США. Среди американских политических деятелей были и те, кто считал, что США должны вступить в войну. В противном случае они не смогут повлиять на послевоенное устройство мира. Эту точку зрения разделял экс-президент США Теодор Рузвельт. После объявления Германией неограниченной морской войны американская торговля начала нести потери. Из-за действий немецких подводных лодок гибли американские граждане. Появилась угроза основоположным американским принципам, а именно свободе морей. В такой ситуации президент Вудро Вильсон решил пересмотреть свою позицию относительно военных приготовлений и возможного вступления в войну.

В. Вильсон поручил военно-морскому секретарю Джозефу Дениелсу получить консультацию у специалистов о нуждах современного военно-морского флота (ВМФ). В своем письме к Дж. Дениелсу президент четко обозначил вопросы, которые его интересовали: «Я был бы искренне благодарен, если бы над этим вопросом работали лучшие умы департамента. Я хочу услышать их советы по предложенной ими программе в настоящих условиях. Можем ли мы всю ее сразу предложить Конгрессу или нет. Сейчас главное знать всё, что нам нужно. Конгресс обязательно рассмотрит это предложение и сделает все возможное для воплощения его в жизнь»¹.

Черняев Валерий Сергеевич — аспирант кафедры новой и новейшей истории зарубежных стран Киевского национального университета им. Тараса Шевченко. E-mail: kpy@ukr.net

¹ Link 1980, 4–5.

Фактически это было то, чего так хотел Генеральный совет ВМФ, начиная с 1903 г., — последовательная морская политика и программа строительства военного флота. Был создан отдельный комитет для координации действий между Госдепартаментом и ВМФ, хотя госсекретарь и его департамент не придавали этому большого значения.

Ответом на запрос президента была программа, которая предусматривала строительство 48 дредноутов до 1925 г. Флот Германии считался наиболее вероятным противником, а флот Великобритании был эталоном могущества. ВМФ США должен был быть равным военному флоту Великобритании. Впервые за время пребывания в должности Дж. Дениелс принял все предложения Генерального совета ВМФ. Он внес небольшое дополнение, чтобы строительство кораблей было более равномерным. Это было сделано для того, чтобы уменьшить финансовую нагрузку в первый год программы. Президент одобрил всю программу для представления её в Конгрессе. Первая часть программы, а именно пятилетний план строительства новых кораблей, имела следующий вид:

Табл. 1. Пятилетняя программа строительства военных кораблей (представлена на рассмотрение в Конгрессе)²

Тип корабля	1917	1918	1919	1920	1921	Всего
Дредноут	2	2	2	2	2	10
Крейсер	2	—	1	2	1	6
Эсминец	15	10	5	10	10	50
Разведчик	3	1	2	2	2	10
Подводная лодка открытого моря	5	4	2	2	2	15
Подводная лодка береговой охраны	25	15	15	15	15	85

Официально президент В. Вильсон объявил о планах увеличения ВМФ в своем ежегодном послании к конгрессу в декабре 1915 г. Он отметил, что настало время воплощать в жизнь военно-морскую подготовку, о которой говорил еще президент Т. Рузвельт. Президент добавил, что пришло время для увеличения армии и флота³. В конгрессе оказалось довольно много несогласных с президентом, особенно в палате представителей. Многие из демократов не поддерживали такое значительное увеличение ВМФ, другие считали это явным милитаризмом. Республиканцы, напротив, с радостью приветствовали новую программу, но в то же время критиковали президента за то, что это можно было сделать и раньше.

Председатель комитета по морским делам палаты представителей, демократ Лемюэль Педжет, успешно сотрудничал с военно-морским департаментом и был близким другом президента В. Вильсона. Он, как и Дж. Дениелс, в первой половине 1915 г. высказывался за медленное и стабильное развитие флота. Л. Педжет был готов вынести новую военно-морскую программу на обсуждение, но без каких-либо гарантий. Л. Педжет не был пацифистом, но и не участвовал в антиво-

² Daniels 1916a, 12.

³ Peters 1994.

енной панике других демократов, среди которых были лидер большинства палаты представителей Клод Китчин, Клайд Тавеннер и член комитета по морским делам Уолтер Хенсли.

Отсутствие явной поддержки Л. Педжета служило сигналом возможных проблем в будущем. Вторым наиболее влиятельным демократом в палате представителей был К. Китчин. Представляя новую военно-морскую программу конгрессу, В. Вильсон знал, что К. Китчин будет открыто выступать против ее принятия. В. Вильсон решил лично обговорить этот вопрос с лидером большинства палаты представителей. После разговора с президентом К. Китчин сделал одну уступку, которая была очень важна. К. Китчин согласился выступать против новой программы в качестве члена палаты представителей, а не как лидер большинства⁴. Это позволило увеличить шансы на её одобрение палатой.

Республиканцы были готовы обеспечить надлежащую поддержку новой военно-морской программы. Член палаты представителей Август Гарднер, который годом ранее критиковал президента за отсутствие поддержки мероприятий по подготовке к войне, напомнил своим коллегам, что конгресс нес ответственность за сильный военный флот, который был нужен стране. Он также отметил, что конгресс в течение предыдущих двенадцати лет был хорошо осведомлен о желании Генерального совета ВМФ принять последовательную военно-морскую программу. По его мнению, именно из-за того, что Конгресс неоднократно отвергал рекомендации Генерального совета, нация оказалась под угрозой⁵.

Ситуация в сенате была более выгодной для новой морской программы. Председатель комитета по морским делам сената, демократ Бен Тилман, был последовательным сторонником увеличения ВМФ. Он согласился с аргументами президента о необходимости увеличения военного флота. Тем не менее, из-за непростой ситуации в палате представителей, ситуация оставалась достаточно сложной. В начале 1916 года комитет по морским делам палаты представителей начал серию слушаний по различным аспектам новой военно-морской программы. К этому времени президент нашел способ справиться с оппозицией новой морской программе в конгрессе. Он принял решение обратиться к народу. В. Вильсон отправился в тур по штатам, где поддержка флота была слабой, с целью разъяснить народу необходимость подготовки к войне и увеличения ВМФ в частности.

Слушания в комитете по морским делам палаты представителей продолжались с января по март 1916 г. и охватили широкий круг важных вопросов. Начались они с обвинений военно-морского секретаря. В предыдущем году Дж. Дениелс не позволил дать показания нескольким морским офицерам относительно обращения к конгрессу адмирала Бредли Фиска касательно боеготовности флота⁶. После чего давать показания вызвали адмирала Черльза Баджера. Адмирал отметил, что американский военный флот начал отставать от флотов конкурентов, и единственным способом это компенсировать было немедленное строительство новых первоклассных кораблей. Когда Ч. Баджера спросили, будет ли достаточно в первый год построить два дредноута и два крейсера, он ответил: «Что-то лучше,

⁴ Link 1964, 19.

⁵ Congressional Record, 416.

⁶ Hearings 1916, 52–57.

чем ничего»⁷. Новая морская программа была воплощением мечты сторонников большого флота, поскольку она четко определяла ежегодное количество новых кораблей. Таким образом, исчезала ежегодная неопределенность относительно количества новых кораблей, существовавшая в предыдущие годы. Программа также соответствовала стремлениям создать сильный американский флот, который был бы вторым в мире по мощи.

Новый глава по военно-морским операциям Вильям Бенсон сказал, что американские военно-морские силы (ВМС) должны быть самыми большими в мире. Он бы предпочел, чтобы ежегодно строилось как можно больше новых кораблей. В качестве альтернативы новая морская программа была лучшим вариантом⁸. Военно-морской секретарь Дж. Дениелс подтвердил, что новая программа была воплощением планов Генерального совета ВМФ 1903 г. и действительно соответствовала современным на то время потребностям США⁹. Республиканцы остались довольны услышанным, поскольку это полностью соответствовало их стремлениям.

С самого начала слушаний несколько демократов в комитете по военно-морским делам палаты представителей попытались сорвать программу или, по крайней мере, уменьшить ее. Председатель Л. Педжет продолжил выступать посредником между республиканцами, сторонниками мощного флота, и теми демократами, которые были против такой большой программы.

Основными представителями оппозиции были Уолтер Хенсли, Оскар Коловей, Уильям Оливер и Финли Грей. В ходе слушаний они пытались трактовать слова свидетелей таким образом, чтобы убедить остальных в том, что значение дредноутов преувеличено. Зато большее внимание следовало уделить подводным лодкам, которые значительно лучше смогли бы защитить побережье страны от нападения неприятельского флота¹⁰. О. Коловей предположил, что если достаточное количество офицеров выскажется за строительство крейсеров вместо дредноутов, то строительство дредноутов перестанет быть таким важным вообще. Для него было достаточно того, что в европейской войне в морских сражениях участвовали крейсера, а не дредноуты. По его мнению, в войне не могло быть сражений с участием главных сил флота¹¹.

По глубокому убеждению противников увеличения ВМФ, подводная лодка была более эффективным оружием, так как, несмотря на всю мощь британского флота, он не мог подойти к побережью Германии, которое защищали подводные лодки. Именно поэтому подводные лодки имели большее значение, чем дредноуты и крейсера¹². О. Коловей, У. Хенсли и У. Оливер утверждали, что если бы США были обеспокоены потенциальной угрозой со стороны первоклассного флота, то ВМС должны были бы иметь на вооружении значительное количество подводных лодок, а не линкоров.

⁷ Hearings 1916, 1898.

⁸ Hearings 1916, 3192–3193.

⁹ Hearings 1916, 3628.

¹⁰ Kirschbaum 2008, 142.

¹¹ Hearings 1916, 399.

¹² Hearings 1916, 1602–1603.

Дискуссия велась по поводу преимуществ и недостатков подводной лодки. Ни один из ее участников не поднимал вопрос о том, что делать ВМС, если страна будет втянута в войну. Когда очередь дошла до вопроса транспортировки войск через океан, Ф. Рузвельт сказал, что такой шаг будет возможен только при условии устранения вражеского флота с морских коммуникаций¹³. Командир подводной флотилии Эдвард Эберле подробно рассказал, каким образом военный флот мог бы обезопасить водные пути от вражеских подводных лодок. Однако он не предложил никакого объяснения того, как это могли сделать американские ВМС, если лучший и более сильный британский флот не мог этого сделать¹⁴.

Выдающийся морской изобретатель Артур Полен в своей статье обратил внимание на интересную вещь. Проанализировав проблемы, с которыми встретились британские ВМС, он пришел к выводу, что у американского флота был дефицит небольших кораблей — эсминцев. Количество кораблей этого типа определялось исключительно потребностями боевого флота, хотя их можно было использовать и для защиты торговых судов. А. Полен подсчитал, что соотношение эсминцев и первоклассных кораблей в британском флоте составило 7:1, а в новой морской программе США оно составляло лишь 3,5:1¹⁵. К сожалению, командование ВМФ США не уделило должного внимания аргументам А. Полена.

События 1917 г. подтвердили целесообразность замечаний А. Полена. Для борьбы с подводными лодками Германии потребовалось больше эсминцев, чем было в распоряжении Великобритании. В дебатах в палате представителей больше внимания уделяли дредноутам и крейсерам, считая эсминцы второстепенными кораблями.

Ключевым вопросом в ходе обсуждений был характер флота. Обе стороны соглашались, что флот был необходим для защиты страны от возможного нападения. О. Коловей, У. Хенсли и У. Оливер считали, что флота обороны для решения этой задачи было вполне достаточно. Их противники утверждали, что стране нужен был флот, который мог бы защитить не только побережье США, но и интересы страны. Это означало возможность нападения и уничтожения флота противника. Дискуссия сводилась к вопросу оборонного или наступательного флота. Адмирал Ч. Баджер попытался объяснить У. Оливеру и его единомышленникам значение наступательного флота, однако ему не удалось их убедить¹⁶.

У. Хенсли был полон решимости вынести на обсуждение вопросы военноморского разоружения. Он предположил, что морские офицеры не видят очевидных преимуществ от сокращения вооружений. В ответ адмирал Ч. Баджер отметил, что усиление военных приготовлений лучше защищало мир, чем разоружение. По его мнению, если бы другие страны начали разоружение, то США присоединились бы к ним¹⁷.

Для показаний перед комитетом по военно-морским делам были приглашены представители Американского общества мира. Пять представителей этой организации ответили на вопросы и высказали свои мысли по вопросу расширения

¹³ Hearings 1916, 3501.

¹⁴ Hearings 1916, 1374–1400.

¹⁵ Pollen 1916, 352.

¹⁶ Hearings 1928.

¹⁷ Hearings 1916, 3754–3756.

ВМФ. Их позиция была идентичной с позицией противников расширения флота в палате представителей. Они попросили комитет рассмотреть средства, которые бы лучше способствовали защите побережья, и выступали против количественного увеличения главных сил флота¹⁸.

Несколько других защитников мира также выступили перед комитетом. Их точки зрения почти не отличались от представителей Американского общества мира. Они призвали к формальным способам решения любого конфликта во избежание строительства мощного флота. Они полностью поддержали идею У. Хенсли о включении в морскую программу пункта о разоружении¹⁹.

Вскоре стало очевидно, что сами представители комитета в определенной степени стали высказываться за военно-морскую экспансию. Суть заключалась в том, что часть не возражала против увеличения ВМФ, пока это не было слишком дорого. Вторая часть представителей комитета выступала против, так как они считали, что это повысит вероятность вступления в войну.

24 марта 1916 г. немецкая подводная лодка торпедировала и потопила французский пароход «Суссекс». Это привело к гибели восьмидесяти человек, в том числе четырех граждан США. Это событие было использовано сторонниками новой морской программы как средство давления на своих оппонентов. Германию предупредили о возможности расторжения дипломатических отношений, если она и в дальнейшем будет действовать вопреки международным правилам морской войны. 4 мая 1916 г. Германия согласилась вести морскую войну согласно международным правилам. В. Вильсон предупредил, что в случае повторного нападения на американских граждан существовала возможность, что США объявят войну Германии. Президент призвал конгресс принять все необходимые меры по обеспечению надлежащего уровня боеготовности американских ВМС.

Параллельно с обсуждением новой морской программы продолжалась дискуссия касательно общей подготовки к войне. Сторонники подготовки к войне отстаивали право США на свободу морей и торговли, а противники указывали на то, что с милитаризацией страны Соединенные Штаты потеряют право показать путь к лучшему мировому порядку²⁰. Госсекретарь У. Брайан продолжил открыто выступать против новой программы. Он предложил детально изучить все предприятия, которые были задействованы в строительстве боевых кораблей. По его мнению, нация должна была направлять свои усилия на достижения в спорте, а не на милитаризацию²¹.

Со временем некоторые оппоненты В. Вильсона начали переходить на его сторону.

Известный американский интеллектуал, философ и педагог Джон Дьюи в своей статье «Сила и принуждение» высказал идею, что иногда приходится прибегать к силе для достижения лучшего мира²². Он не писал о необходимости увеличения армии или флота, открыто не поддерживал позицию президента. Он подчеркивал, что мир был главной целью. Если для достижения мира и лучшего порядка необ-

¹⁸ Hearings 1916, 2549.

¹⁹ Hearings 1916, 3095–3101.

²⁰ Kirschbaum 2008, 152.

²¹ Coletta 1964, 9.

²² Dewey 1916, 359–367.

ходимо было применить силу, то он вполне поддерживал такие действия. В июле 1916 г. Американская академия политических и социальных наук опубликовала сборник, посвященный дебатам по подготовке к войне. Чарльз Джефферсон наиболее четко выразил общее мнение противников расширения флота. Он отметил, что его оппоненты должны были доказать необходимость подготовки к войне, если она существовала. По его мнению, отсутствие подготовки страны к войне было определенной традицией американской нации. Ч. Джефферсон считал, что страна имела достаточно сильные армию и флот, а из-за отсутствия прямой угрозы нападения не было смысла проводить военные приготовления²³.

Журналист из Нью-Йорка Освальд Виллард предложил более практичный аргумент против подготовки к войне. Он считал, что выполнение предложенной программы займет несколько лет. К тому времени война уже завершится и перед страной будут стоять новые вызовы²⁴. Он считал нецелесообразным усиливать милитаризацию, которая для него была большей опасностью, чем нападение на США кого-либо из участников войны.

Среди наиболее уважаемых сторонников увеличения ВМФ был председатель сенатского комитета по международным делам Уильям Стоун. Он отметил, что целью США оставалось поддержание мира. Для достижения поставленной цели страна должна быть неуязвимой к атакам. Из-за своей географической особенности страна нуждалась в сильном флоте для обороны собственных берегов. По его мнению, флот должен был обеспечивать не только защиту, но и быть способным атаковать врага, если того потребует ситуация²⁵.

Военно-морской секретарь Дж. Дениелс на страницах сборника попытался иначе обосновать необходимость увеличения ВМФ. Он сказал, что, в отличие от предыдущего курса, США не могут ждать начала войны для того, чтобы начать строить флот. Прошли времена, когда кто-то мог научить валить деревья и обучить людей создавать из них корабли, как это было в войне за независимость и в 1812 г.²⁶ Военно-морской секретарь и другие его единомышленники приняли за основу мысль, что вооружение страны может быть весьма эффективным для предотвращения нападения.

Интересно, что в то время не проводился опрос общественного мнения. Довольно трудно найти свидетельства о мнении простых американцев относительно новой морской программы и подготовки к войне. Единственным наиболее приближенным к народу источником можно считать газеты. Основные американские газеты или поддерживали увеличение ВМФ, или были не против новой программы²⁷. Чтобы противостоять страху милитаризации, «Лос-Анджелес Таймс» утверждала, что противники подготовки к войне верили в абсурдное утверждение, что чрезмерная подготовка привела бы к войне²⁸.

«Лос-Анджелес Таймс» также обратила внимание на угрозу со стороны Японии и призвала У. Брайана активизировать внешнюю политику²⁹. Американские

²³ Jefferson 1916, 231.

²⁴ Villard 1916, 217–224.

²⁵ Stone 1916, 129.

²⁶ Daniels 1916b, 147–156.

²⁷ New York Times 29.04.1916; Washington Post 5.11.1915; Los Angeles Times 23.04.1916.

²⁸ Los Angeles Times 2.02.1916.

²⁹ Los Angeles Times 18.04.1916.

граждане тихоокеанского побережья были мало обеспокоены событиями европейской войны и экономическими потерями от противоправных действий немецких подводных лодок. Для них более серьезной проблемой была возможная японская агрессия. В тех штатах, где поддержка увеличения флота была незначительной, пропагандой новой морской программы занимался президент. Он ездил по штатам и в публичных выступлениях рассказывал о новой морской программе и о причинах ее важности.

Дж. Дениелс, резюмируя ситуацию вокруг дебатов по подготовке к войне, написал следующее: «Вопросы, стоявшие перед американским народом: иметь или не иметь флот, сильный или слабый, — были решены. Вопрос был в том, как быстро и насколько мощный флот мы создадим»³⁰.

Представители от демократов решили пойти на определенные уступки. Они были согласны увеличить морскую программу на 1917 г., но при этом уменьшить предложенную пятилетнюю программу. Они предлагали увеличить строительство крейсеров как основного типа кораблей. Их предложение было основано на заключении, что все морские битвы, произошедшие в последнее время, проходили именно с участием крейсеров, а не дредноутов. Предложение комитета по военно-морским делам палаты представителей морской программы на 1917 г. имело следующий вид:

Табл. 2. Сравнение программы палаты представителей и пятилетней программы расширения ВМФ³¹

Тип корабля	Программа палаты представителей на 1917 г.	План на 1917 г. по пятилетней программе	Пятилетняя программа. Всего
Дредноут	-	2	10
Крейсер	5	2	6
Эсминец	10	15	50
Разведчик	4	3	10
Подводная лодка открытого моря	3	5	15
Подводная лодка береговой охраны	17	25	85

Реакция республиканцев оказалась предсказуемой. Они выразили недовольство и отметили, что этим законопроектом его авторы проигнорировали многие авторитетные мнения военных профессионалов, а также пожелания президента. Возможно, новый законопроект был определенным компромиссом для тех, кто выступал против любого расширения ВМФ, и тех, кто хотел незначительного увеличения боевых кораблей.

³⁰ Daniels 1916b, 151.

³¹ Daniels 1916a, 5–6.

Законопроект палаты представителей также расширял полномочия офиса главы военно-морских операций, с которым Дж. Дениелс был в напряженных отношениях. Конгрессмен Эрнест Робертс снова вызвал для дачи показаний адмирала Б. Фиска, который вновь поднял вопрос о назначении более квалифицированного военно-морского секретаря³². На этот раз Л. Педжет держал ситуацию под контролем. Он вернул дискуссию в конструктивное русло.

В конце мая 1916 г. дебаты проходили во взаимных обвинения сторонников и противников расширения флота. Однако не было никаких сомнений в том, что программа будет принята, вопрос был только в каком виде. Сторонники большого флота 2 июня попытались поставить на голосование свою программу из двух дредноутов и шести крейсеров, однако им не хватило семи голосов для положительного решения³³. В то же день состоялось голосование за законопроект палаты представителей, который и был принят.

Принятый палатой представителей законопроект не отвечал желаниям командования ВМФ и президента страны. Сенат не был согласен с принятым нижней палатой решением. Наиболее влиятельные сенаторы от обеих партий стремились утвердить программу еще большую, чем В. Вильсон предложил конгрессу. Сторонники увеличения ВМФ среди сенаторов, используя события Ютландского сражения, пытались убедить остальных отказаться от принятой палатой представителей небольшой морской программы. Они считали, что события сражения подтверждали значимость дредноутов. По мнению американского исследователя Р. Оконелла, среди представителей сената существовал некий «культ дредноута»³⁴.

Председатель комитета по военно-морским делам, сенатор Бен Тилман не имел никаких сомнений относительно важности дредноутов для ВМС США. Б. Тилман также дал понять, что он не позволит морскому законопроекту выйти за стены сената, если в нем не будет дредноутов³⁵. В этом его полностью поддерживал один из влиятельных республиканцев в сенате — Г. Лодж.

Новая морская программа комитета была предложена на рассмотрение сенату 30 июля 1916 г. Комитет по военно-морским делам сената подтвердил важность дредноутов как основного типа корабля. Количество других кораблей было предложено оставить в соответствии с рекомендациями Генерального совета ВМФ. Планировалось построить десять дредноутов, шесть крейсеров, пятьдесят эсминцев; количество подводных лодок отвечало рекомендации Генерального совета ВМФ. Изменились сроки выполнения программы. Вместо пяти лет было предложено завершить программу за три года³⁶.

С первого момента слушаний касательно нового законопроекта стало ясно, что он получит одобрение сената. Оппозиция в сенате была незначительной и была представлена следующими сенаторами: демократы Чарльз Томас (Колорадо), Джеймс Вардаман (Миссисипи) и Мозес Клап (Миннесота); прогрессивные республиканцы Роберт Лафоллет (Висконсин), Джордж Норрис (Небраска) и Джон Воркс (Калифорния). Они выступали не столько против новой програм-

³² Hearings on Estimates 1916, 2890–2908.

³³ Congressional Record 1915, 9188–9189.

³⁴ O'Connell 1991, 6–7.

³⁵ Congressional Record 1915, 9680–9682.

³⁶ Kirschbaum 2008, 177.

мы, сколько против милитаризации и ее последствий. Дж. Вардаман в своем выступлении вспомнил слова В. Вильсона из обращения к конгрессу 1914 г. Тогда президент настаивал на соблюдении нейтралитета, а в конце 1915 изменил свою точку зрения. Сенатор Дж. Вардаман не понимал причин такого резкого изменения курса.

Оппозиция в сенате предложила внести определенные поправки к законопроекту комитета. Оппозиционеры предприняли попытку уменьшить количество кораблей. Они предложили сократить трехлетнюю программу из десяти дредноутов до двух и с шести крейсеров до четырех. Предложение отклонили: 60 против 14. Потом они постарались уменьшить количество дредноутов с десяти до четырех. Попытка также оказалась неудачной: 58 против 15. В третьем варианте предлагалось строительство шести дредноутов, но и этот вариант был отклонен: 58 против 17. На голосование был поставлен законопроект палаты представителей. Его не приняли: 65 против 12. Любые попытки уменьшить количество кораблей в программе, представленной комитетом сената по военно-морским делам, были обречены на неудачу. Программа комитета успешно прошла голосование 21 июля 1916 г. В ее поддержку высказался семьдесят один сенатор, против было только восемь³⁷.

Табл. 3. Сравнение законопроектов палаты представителей, сената и пятилетней программы расширения ВМФ

Тип корабля	Программа палаты представителей на 1917 г.	Программа сената на 1917 г.	План на 1917 г. согласно пятилетней программе	Сенатская трехлетняя программа. Всего	Пятилетняя программа. Всего
Дредноут	—	4	2	10	10
Крейсер	5	4	2	6	6
Есминец	10	20	15	50	50
Разведчик	4	4	3	10	10
Подводная лодка открытого моря	3	—	5	9	15
Подводная лодка береговой охраны	17	30	25	58	85

Следующим шагом было совместное заседание обеих палат конгресса для принятия окончательного варианта морской программы. Президент попытался убедить членов палаты представителей принять вариант морской программы, которую предложил сенат. Л. Педжет и его единомышленники не могли полностью согласиться с предложенным вариантом. Они сказали, что будут голосовать по отдельным положениям программы. Республиканцы настаивали на рассмотрении программы в целом. После разговора Л. Педжета с президентом он согласился поставить на голосование всю программу. Он также заверил своих коллег, что

³⁷ Congressional Record, 11366–11384.

принятие программы было их патриотическим долгом³⁸. Так оппозиция относительно новой морской программы завершила свое существование. Законопроект, предложенный сенатом, был принят без изменений на совместном заседании обеих палат: 283 — за, 51 — против³⁹.

Президент подписал документ 29 августа 1916 г. В. Вильсон отметил, что «никогда ранее одним законодательным актом не было сделано столько для создания мощного флота»⁴⁰.

Таким образом, морская программа 1916 г. была важным шагом для создания мощного флота США, который бы мог защищать оба побережья и интересы страны в мире. Обсуждение программы в конгрессе длилось более полугода. Достаточно сильная оппозиция была в палате представителей, однако ее удалось преодолеть. Конгресс одобрил, а президент подписал крупнейшую морскую программу США за всю историю государства. Дредноут как тип корабля остался тем столпом, на котором держался боевой флот. Морская программа должна была сделать ВМФ США вторым в мире. По нашему мнению, именно вероятность вступления страны в войну способствовала принятию такой широкой морской программы. Как известно, лучший способ избежать войны — это быть готовым к ней.

ЛИТЕРАТУРА

- Coletta P. E.* 1964: William Jennings Bryan. Vol. III. Lincoln.
Congressional Record. 1915. 64th Congress. , 1st sess., 53, part 1, 9, 11. Washington.
Daniels J. (ed.) 1916a: Annual Reports of the Navy Department for the Fiscal Year 1915. Washington.
Daniels J. 1916b: The Significance of Naval Preparedness // Annals of the American Academy of Political and Social Science. Vol. 66, 147–156.
Dewey J. 1916: Force and Coercion // International Journal of Ethics. Vol. 26.3, 359–367.
Hearings Before the Committee on Naval Affairs of the House of Representatives on Estimates Submitted by the Secretary of the Navy for 1916. Vol. 1–3. Washington.
Jefferson C. E. 1916: Military Preparedness a Peril to Democracy // Annals of the American Academy of Political and Social Science. Vol. 66. Preparedness and America's International Program, 228–236.
Kirschbaum J. W. 2008: The 1916 Naval Expansion Act: Planning for a Navy second to none: PhD diss. Washington.
Link A. 1980: The Papers of Woodrow Wilson. Vol. 34. Princeton.
Link A. 1964: Wilson: Confusion and Crises 1915–1916. Princeton.
O'Connell R. L. 1991: Sacred Vessels: The Cult of the Battleship and the Rise of the U. S. Navy. Boulder.
Woolley P. G., Wooley J. (ed.) 1915: Woodrow Wilson: "Third Annual Message", December 7, 1915. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=29556>.
Pollen A. H. 1916: The Needs of Our Navy // The North American Review. Vol. CCIII.724, 345–362.
Stone W. J. 1916: Effect of Preparedness Upon America's Influence and Power // Annals of the American Academy of Political and Social Science. Vol. 66, 125–129.

³⁸ Congressional Record, 12699

³⁹ Congressional Record, 12700.

⁴⁰ Link 1964, 101–102.

Villard O. 1916: Preparedness is Militarism // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 66, 217–224.

THE ROLE AND PLACE OF THE NAVAL ACT OF 1916 IN U. S. FOREIGN POLICY

V.S. Chernyaev

On the basis of documents and scientific analysis of work the author investigates the maritime policy of the United States during the period of neutrality in the First World War. The paper analyzes the basic ideological principles of maritime policy and the key stages of the naval act of 1916. The U. S. Navy wanted to build a fleet that would be closer to the most powerful navy in the world or would be equal. This naval act was one of the biggest steps to achieve their goal.

Key words: dreadnought, naval policy, 1916 naval act, the U. S. Navy

ИСТОРИЯ РОССИИ

© 2014

А. Л. Корзинин

«ЯЗ ГРАМОТ НЕ ПРОЧИТАЮ, ПОТОМУ ЧТО ЯЗ ГРАМОТ НЕ УМЕЮ» — К БИОГРАФИИ ОПРИЧНИКА РОМАНА ВАСИЛЬЕВА СЫНА АЛФЕРЬЕВА

В статье рассматривается жизненный путь известного и выдающегося деятеля эпохи Ивана Грозного, воеводы, опричника, печатника. Используя архивные и опубликованные источники, новейшую литературу автор реконструирует биографию Романа Васильевича Алферьева на фоне внутривнутриполитических событий Русского государства второй половины XVI в.

Ключевые слова: Ивана IV Грозный, социальная история, Государев двор, опричнина

Реконструкция биографии русского дворянина XVI столетия — увлекательное и вместе с тем трудное занятие. Человек эпохи Средневековья, отдаленный от нас во времени, остается близким и понятным потому, что люди не слишком сильно изменились с течением веков. Несмотря на разницу менталитета, мировоззрения, человек остается всё тем же — с определенным набором достоинств и недостатков, добродетелей и пороков, со свойственными ему взлетами и падениями. Источники по истории русского служилого сословия дошли до нас в распыленном, фрагментарном виде. Многие ценные и важные документы уничтожили пожары в столице в 1572 г. во время нашествия на Москву крымского хана Девлет-Гирея, в Смутное время, в 1812 г. Часть архивов была утрачена из-за неблагоприятных условий хранения документов по причине российской безалаберности.

Но всё же источниковая база позволяет нам воскресить жизненный путь Романа Васильева сына Алферьева, известного опричника Ивана Грозного, дипломата, печатника и воеводы. Мы не знаем и вряд ли узнаем точно, когда он родился, ведь дата рождения большинства служилых людей (но не великих князей и царей) стоит под вопросом. Впервые мы встречаем Романа на боевой службе в декабре 1553 г. На посту стрелецкого головы он ходил в поход из Казани против луговой черемисы. Поход оказался удачным (было захвачено много пленных), и Роман Васильевич в виде награды вместе с другими командирами получил золотую деньгу (эквивалент современной медали).

Корзинин Александр Леонидович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Института истории Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: alex.kor77@gmail.com

В XVI столетии государева служба «новиков» (то есть ратников, недавно прибывших на службу) начиналась по достижении ими 15-тилетнего возраста. Правда, были недоросли, малолетние дворяне, служившие с 13 и даже с 12 лет. Исходя из распространенной даты поступления на военную службу в 15 лет и времени службы стрелецким головой, можно предположить рождение Романа Нащокина в 1535 г. Роман Васильевич происходил из известного боярского рода Нащокиных, корнями связанного с Тверью¹. Его предок Дуск Величка по легенде выехал из Италии к великому князю Александру Михайловичу Тверскому и получил в крещение имя Дмитрий. Его сын Дмитрий Дмитриевич при убийстве в Твери ордынского предводителя войска Щелкана (Шолхана) Дудентьевича получил серьезное ранение в щеку, за что прозвался Нащока. Вот как об этом рассказывает родословная книга из собрания князя М. А. Оболенского: «К великому князю Александру Михайловичу Тверскому приехал во Тверь из Немец из Оталии муж Дуск — прозвище Величка, а во крещении имя ему Дмитрей Красной. А у Дмитрея Красного сын Дмитрей — прозвище Нащока. А Нащокою звали его, потому что рана была на щеке сабелная, от того, как был во Твери из Орды от царя Ибака посол именем Щелкан и творил людем насилие великое. Тверичи ж его со многими людами хотели убить, и Щелкан утече от них на двор великого князя и заперся в сенех, собрався с своими людами. Тверичи ж приступая к сеням и сени сожгли, и Щелкан с своими людами в сенях згорел. И Дмитрея Нащокина тут ранили у сеней на дворе великого князя по щеке»².

В 1327 г. Дмитрий Нащока выехал из Твери в Москву и поступил на службу к великим московским князьям. У правнука Дмитрия Дмитриевича Филиппа Григорьевича родился сын Алферий, родоначальник фамилии Алферьевых. Его внуком и стал наш герой, удостоенный двойной фамилии Алферьев (по деду) и Нащокин (по родоначальнику), что было характерно для представителей русского дворянства XV–XVII вв. Приведем родословную роспись Нащокиных, Алферьевых, поданную в конце XVII в. представителями этих фамилий в Палату родословных дел при Разрядном приказе³.

	I
1. Дуск Величка, в крещение Дмитрий Красный	
	II
2. Дмитрий Дмитриевич Нащока	
	III
3. Андрей Дмитриевич Нащокин	
	IV
4. Григорий Андреевич	
5. Алферий Андреевич	
	V
6. Филипп Григорьевич	
7. Григорий Григорьевич	
8. Андрей Алферьевич	
	VI

¹ Кузьмин 2006, 109-167.

² Антонов 2011, 152.

³ Архив СПб ИИРАН. Ф. 131. Оп. 1. Д. 104. Л. 145-147 об.

9. Федор Филиппович
10. Алферий Филиппович (от него пошли Алферьевы)
11. Андрей Филиппович Орда (от него пошли Ордины Нащокины)
12. Лев Григорьевич
13. Даниил Андреевич Ветр
14. Иван Андреевич Булгак
15. Даниил Андреевич Малой
16. Иван Андреевич Борода
17. Андрей Андреевич Истома
- VII
18. Дмитрий Алферьевич
19. Василий Алферьевич
20. Истома Алферьевич
21. Андрей Алферьевич Безна
22. Федор Алферьевич
23. Иван Алферьевич
- VIII
24. Иван Васильевич Заяц
25. Роман Васильевич
26. Григорий Васильевич
27. Иван Истомин сын
28. Федор Андреевич Безнин
29. Михаил Андреевич Безнин
30. Иван Андреевич Безнин

В Тысячной книге 1550 г. и в Дворовой тетради 1553/1554 гг. Роман Алферьев оказался записан по г. Можайску. Это значит, что он нес службу из этого подмосковного города. Вряд ли можно предполагать, что он родился в Можайске, хотя это полностью и не исключено. Здесь находилась вотчина, наследственная земля, с которой он нес службу. Включение Романа Васильевича в число тысячников стало его «путевкой» на государеву службу. Согласно октябрьскому указу 1550 г. «царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси приговорил з бояры учинить в Московском уезде, да в половине Дмитрова, да в Рузе, да в Звенигороде, да в числяках и в ординцах и в перевесных деревнях и в оброчных, от Москвы верст за 60 и 70 помещиков детей боярских лутчих слуг 1000 человек. А которым бояром и окольничим быти готовым в посылки, а поместей и вотчин в Московском уезде у них не будет, и бояром и околничим дати поместья в Московском уезде»⁴. Тысячники, предназначенные для царских посылок (именных поручений), составили ядро Государева двора в 1550-е гг. в период реформ Избранной Рады, и Роман Алферьев оказался записан среди детей боярских последней, третьей статьи. Однако ведь нужно с чего-то начинать.

Что касается предков Романа, то они активно служили московским государям, но так и не смогли дослужиться до думных (боярских, окольничих) и дворцовых чинов. Роману предстояло самому проложить себе дорогу на вершину власти,

⁴ Зимин 1950, 53.

и он употребил для этого все свои силы и возможности. Ему пришлось начать с военной карьеры, поскольку Россия вела постоянные войны и такой путь был наиболее распространенным для молодых дворян, хотя далеко не безопасным и рискованным.

Роман принял участие в войне России с Ливонским Орденом, Польшей и Швецией в 1558-1583 гг. В 1558 г. он находился со служилыми татарами в передовом полку русского войска, безуспешно пытавшегося прорваться на помощь гарнизону крепости Ринген, осажденной силами комтура Феллина Готхарда Кеттлера. Зимой 1558-1559 гг. Роман всего лишь 4-й воевода в полку правой руки в походе в Ливонию, в 1560 г. голова при осаде и взятии Феллина (ныне — г. Вильянди). После взятия Феллина в августе 1560 г. Роман Алферьев был оставлен в городе 3-м воеводой на случай прихода неприятеля, то есть обратил на себя некоторое внимание начальства. В январе 1561 г. он, к несчастью, не сумел догнать пришедших под город литовцев, но не был за это наказан. Вполне возможно, что он стал к тому времени пользоваться чьим-то покровительством. В 1561-1562 гг. Роман Алферьев уже 2-й воевода в г. Невеле⁵. В должности дозорщика и ясаула (командира передового отряда) Роман Васильевич принял участие в Полоцком походе 1562-1563 гг. и не прогадал. Поход закончился взятием русскими Полоцка⁶.

В июне 1566 г. Роман Алферьев в качестве дворянина 1-й статьи участвовал в заседаниях Земского собора, отвергнувшего заключение мира с Великим княжеством Литовским. В работе собора лично участвовали бояре, окольные, дьяки, купцы, церковнослужители, а также дворяне, которые сразу после соборных заседаний отправились на театр военных действий кровью доказать преданность стране и престолу. Среди них был и Роман Алферьев.

Роман Васильевич действовал на дипломатическом поприще не менее успешно, чем в военной сфере. Физические навыки в нем успешно уживались с интеллектуальными способностями. В январе 1556 г., декабре 1563 г. — январе 1564 г. и в мае — июле 1566 г. он являлся приставом у литовских послов в Москве. Приставы должны были внимательно следить за обеспечением иностранных послов постоем (жильем), продовольствием, но, что еще важнее, за тем, чтобы они не могли получить никаких известий о реальном положении дел в России. Видно, такие задания Роман Васильевич выполнял безупречно. В феврале — мае 1558 г. его отправили посланником в Великое княжество Литовское к королю Сигизмунду II Августу. Помимо ведения переговоров о совместных выступлениях против крымцев и о вечном мире между Польско-Литовским государством и Москвой, он выполнял доверенное поручение русского правительства: собирал сведения о внутреннем положении в Литве после разрыва дипломатических отношений с Крымским ханством⁷.

С 1567 г. Роман стал служить в опричнине, что было несомненным показателем резкого карьерного взлета. Не всякого дворянина брали в опричники. Иван Грозный проводил строгий отбор в свою личную гвардию. Включение в число доверенных лиц сурового царя, вероятно, было связано с успешной карьерой двоюродного брата Романа Михаила Андреевича Безнина Нащокина, который в нуж-

⁵ Буганов 1966, 175, 176, 190, 192, 196, 218, 228, 242, 243, 248, 260, 277, 358, 362, 365.

⁶ Петров 2004, 48, 50.

⁷ Карпов 1887, 489, 538.

ный момент «замолвил словцо» за своего родственника. Ведь вдвоем пробиваться гораздо легче, чем поодиночке. Возможно, повлияла и выгодная женитьба Романа на Акилине Григорьевне Совиной, которая приходилась сестрой опричнику Петру Григорьевичу Большому Совину⁸. В 1572-1573 гг. оба брата получают чины думных дворян, то есть оказываются в Боярской думе, высшем законосовещательном органе при самодержце. Но Роман пошел еще дальше брата. Уже зимой 1571-1572 г. он стал печатником, то есть хранителем царской печати, скреплявшей самые важные государственные документы, и занимал эту должность вплоть до апреля 1587 г. Алферьев сопровождал царя Ивана IV Васильевича Грозного в Новгород весной 1572 г. В 1572 г. он стал помощником князя В. В. Мосальского на Казённом дворе в Новгороде. Наконец, в 1572-1582 гг., во время отсутствия любимца царя дьяка Афанасия Яковлевича Щелкалова, Роман Васильевич замещал его в качестве главы Посольского приказа. Это был пик его карьеры.

Карьерному росту Роману Нащокина нисколько не помешала необразованность, неумение читать и писать. Во время местнического разбирательства в 1583 г. с Петром Ивановичем Головиным в ответ на упрек в «печатании государевых грамот своими руками» Роман Васильевич откровенно признался: «Яз грамот не прочитаю, потому что яз грамот не умею»⁹. Читателю может показаться невероятным, что дворянин, а уж тем более канцлер не владел грамотностью. Однако это было распространенным явлением среди среднего и даже высшего дворянства. Среди участников Земского собора 1566 г. из шестнадцати бояр двое, И. В. Меньшой Шереметев и И. Я. Чеботов, не смогли рукоприкладствовать по причине необразованности: «А Иван Шереметев Меньшой и Иван Чеботов рук к сей грамоте не приложили, что грамоте не умеют»¹⁰. В наше время необразованность сделала бы невозможным продвижение чиновника на государственной службе, но в России в Средние века служба определялась в первую очередь родовитостью землевладельца (знатным или «честным» происхождением, службами предков) и личной преданностью самодержцу. Недостаток родовитости Роман Алферьев компенсировал личными заслугами перед грозным царем.

Роман Васильевич был весьма заносчивой и амбициозной личностью и, выбившись «из грязи в князи», всячески старался расчистить возле себя место среди представителей других служилых родов. Главным регулятором социальных отношений в XVI-XVII вв. было местничество, система занятия различных государственных должностей в соответствии с породой (происхождением) и службами предков. Система местничества подпитывалась постоянным выяснением отношений среди знати: спорами, обвинениями, судами, штрафами и даже тюремным заключением (для проигравших). Алферьев неоднократно участвовал в местнических спорах, например, с князем В. В. Мосальским, Р. В. Пивовым, П. И. Головиным (1582-1583 г.), князем Г. О. Засекиным (1588-1589 г.). П. И. Головин пытался принизить Романа Алферьева ссылкой на его якобы неродословное происхождение: «Их роду многие были в Можайске в приказщиках городовых, а иные де были в холопах». Другому спорщику князю Г. Засекину Роман горделиво ответил: «Яз с такими не считаюсь, хто не наша верста, великие люди, а считаюсь своим

⁸ Веселовский 1963, 234.

⁹ Лихачев 1894, 10.

¹⁰ РГАДА. Ф. 135. Приложения. Рубр. 3. № 28. Л. 6 об.-7 об.

родством, своею верстою, а родство наше государю известно, в том Бог волен да государь, какова меня холопа своего учинить»¹¹.

В октябре 1575 — 1576 г. Роман Васильевич входил в состав особого Двора Ивана IV, сформированного после ликвидации опричнины¹². В 1576-1577 гг. Роман Алферьев по неизвестной причине (возможно, стремительная карьера вскружила ему голову и он где-то «прокололся»?) непродолжительное время находился в опале: в апреле 1577 г. был лишь головой у знамени в походе русских войск в Лифляндию. Но уже в 1581-1582 гг. Алферьев оказался вторым послом в составе русской делегации на переговорах с польско-литовской стороной о заключении Ям-Запольского мира по итогам неудачной для России Ливонской войны. В феврале 1584 г. Роман Васильевич участвовал в приеме английского посла Дж. Боуса.

Уже после смерти Ивана Грозного Роман Алферьев попадает в опалу. Он не пришелся ко двору царя Федора Ивановича и стоявшего за его спиной шурина Бориса Годунова, который неодобрительно относился к бывшим опричникам из недостаточно родовитых дворянских родов. В 1586 г. постригся в монахи в Иосифо-Волоколамском монастыре брат Романа М. А. Безнин, с которым они когда-то объединили усилия, чтобы закрепиться во власти. Тогда же Роман проиграл местническое дело Ф. Д. Лошакову Колычеву, а в 1588-1589 гг. — князю Г. О. Засекину¹³. После суда в 1588-1589 гг. Романа разжаловали в московские дворяне. Последний в жизни пост, который он занимал, — пост воеводы на Переволоке в г. Царицыне с июля 1587 г. до 1590 г.¹⁴ Примечательно, что Роман Васильевич умер на службе воеводой и умер во время опалы.

Р. В. Алферьев являлся крупным землевладельцем. Он имел родовые земли в Можайском уезде, владел вотчинами в Верейском и Волоцком уездах, поместьями в Вяземском, Козельском и Старицком уездах¹⁵. До 1585-1586 гг. Роман утратил поместье в Горетове стане Московского уезда полдеревни Дурнево (105 четвертей средней земли). Скорее всего, эту землю он получил после 1550 г. по Тысячной реформе¹⁶.

Роман Алферьев был богатым дворянином и щедрым вкладчиком. Особенно он ценил и богато одаривал Троице-Сергиев монастырь. 3 февраля 1555 г. Р. М. Алферьев дал Троице-Сергиеву монастырю на память по жене Акилине «опашень червчат да ковер московской». 16 февраля по жене он дал 50 руб. (по тем временам это была солидная сумма, на которую можно было купить вотчину в 50 четвертей земли, где жили и трудились поземельно зависимые крестьяне). 3 июля 1557 г. он вновь дал монастырю 50 руб. 1 января 1581 г. по дочери Соломониде Роман Алферьев пожертвовал еще 50 руб. 22 ноября 1590 г. Семен и Василий Романовичи, дети Р. В. Алферьева, дали по отцу 100 руб. да по сестре Марье 50 руб.¹⁷ За вклад в 100 руб. поминаемого монахи вносили в синодик и поминали вечно, «пока монастырь стоит». Из вкладных записей можно сделать важные выводы о богатстве Алферьевых, о составе семьи Романа Васильевича. У него была

¹¹ Лихачев 1894, 50.

¹² Мордовина, Станиславский 1977, 181.

¹³ Анхимюк, Павлов 2002, 216-217.

¹⁴ Павлов 1992, 38, 198.

¹⁵ Кобрин 2008, 55.

¹⁶ Калачев 1872, 126.

¹⁷ Рыбаков 1987, 118.

жена Акилина, сыновья Семен и Василий, дочери Соломонида и Марья. Наконец, мы узнаем время смерти Романа — не позднее 22 ноября 1590 г., когда его сыновья сделали по отцу вклад. Роман Васильевич умер до 22 ноября 1590 г. на Переволоке в г. Царицыне, ныне г. Волгоград. Вполне возможно, что он был похоронен в одном из приписных к Троице-Сергиеву монастырей, раз Алферьевы делали щедрый вклад именно в эту обитель. Алферьев прожил около 55 лет, по меркам XVI века весьма долгую и насыщенную событиями жизнь.

Роман Васильевич выгодно выдал замуж своих дочерей. Марья оказалась замужем за боярином Михаилом Александровичем Нагим, Наталья — за князем Иваном Бахтеяровым Ростовским¹⁸.

Роман Васильевич Алферьев, воевода, опричник и дипломат, был выдающейся личностью своего времени. Он представляет пример служилого человека, который, исходя из средних слоев дворянства, в правление Ивана Грозного сумел оказаться в Боярской думе и попасть в среду высшей аристократии России. Он сделал бы еще более блестящую карьеру, если бы его не постигла опала. Возвышению Романа Алферьева способствовало попадание его в ряды опричников. Но со смертью его покровителя царя Ивана Грозного наступил и закат карьеры его преданного слуги, который ко всему прочему был неграмотным. В итоге постигших его потрясений Роман так и не смог проложить дорогу к Боярской думе, высшему мечтанию дворянства, своим сыновьям (пожалованного в 1611 г. окольничеством В. Р. Алферьева вскоре лишили чина), хотя и сделал всё, что было в его силах.

ЛИТЕРАТУРА

- Антонов А. В. (сост.) 2011: Памятники истории русского служилого сословия. М.
Анхимюк Ю. В., Павлов А. П. 2002: Местнический памфлет Алферьевых // Архив русской истории. 7, 216-217.
Буганов В. И. (подг. текста) 1966: Разрядная книга 1475-1598 гг. М.
Веселовский С. Б. 1963: Исследования по истории опричнины. М.
Зимин А. А. (подг. текста) 1950: Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 1550-х гг. М.; Л.
Калачев Н. В. (ред.) 1872: Писцовые книги Московского государства. Ч. 1. Отд. 1. СПб.
Карпов Г. Ф. (ред.) 1887: Сборник Русского исторического общества. 59. СПб.
Кобрин В. Б. 2008: Опричина. Генеалогия. Антропонирика. М.
Кузьмин А. В. 2006: Формирование, генеалогия и персональный состав боярства Тверского великого княжества в XIII-XV вв. Ч. I // Проблемы источниковедения. 1(12), 109-167.
Лихачев Н. П. 1894: Местнические дела 1563-1605 гг. СПб.
Мордовина С. П., Станиславский А. Л. 1977: Состав особого двора Ивана IV в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича // Археографический ежегодник за 1976. 153-193.
Павлов А. П. 1992: Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584-1605 гг.). СПб.
Петров К. В. 2004: Книга Полоцкого похода 1563 г. (Исследование и текст). СПб.
Рыбаков Б. А. (ред.) 1987: Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М.

¹⁸ Архив РАН. Ф. 620. Оп. 1. Д. 39. Л. 124.

“I DON’T READ THE LETTERS BECAUSE I AM ILLITERATE” (THE BIOGRAPHY OF THE OPRICHNIK ROMAN VASILYEV SON ALFERYEV)

A. L. Korzinin

The article deals with the life of a well-known and outstanding figure of the ruling of Ivan the Terrible, the magistrates, guardsman, printer and the member of the Tsar court. Using the archival and published sources, the latest literature, the author reconstructs Roman Vasilyevich Alferyev’s biography on the background of the internal political events of the Russian state of the second half of the 16th century.

Key words: Ivan IV the Terrible, social history, Tsar court, oprichnina

© 2014

Н. И. Храпунов

БАХЧИСАРАЙ ЭДВАРДА-ДАНЬЕЛА КЛАРКА: ВОСТОК,
РОССИЯ И КРЫМ

Знаменитый британский путешественник Э.-Д. Кларк побывал в Бахчисарае 31 июля — 1 августа 1800 г. Ему удалось собрать разнообразные сведения о местных жителях, их занятиях, образе жизни, нравах, архитектуре и благоустройстве города, показать на его материале своё видение последствий присоединения Крыма к России. Данный сюжет позволяет указать на ряд аспектов, возникающих при изучении работы Кларка как исторического источника.

Ключевые слова: воображаемая география, путевые записки, Крым, Эдвард-Даньел Кларк

8 апреля 1783 г. Екатерина II издала манифест «О принятии полуострова Крымского... под Российскую державу». Присоединение к России открыло Крым для европейцев, которых манила эта загадочная страна. Здесь можно было видеть разные природные зоны: степи в северной части полуострова, горы, а также субтропики южного берега, которые оказывали особое эмоциональное воздействие на людей, измученных долгим переездом по бескрайней южнорусской степи. Богатое прошлое полуострова воплотилось в прекрасно сохранившихся памятниках античной, средневековой и турецко-татарской эпохи. В Крыму на небольшой территории жили представители очень разных народов, исповадовавших ислам, иудаизм и христианство. Наконец, здесь можно было наблюдать за тем, как Россия реализует свою имперскую, цивилизующую миссию, осваивая окраины, развивая хозяйство и преобразовывая культурный облик полуострова. В конце XVIII — начале XIX в. в Крыму побывали десятки путешественников, впоследствии издав-

Храпунов Никита Игоревич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Крымского отделения Института востоковедения. Email: khrapunovn@gmail.com

ших свои мемуары. В них отразилась как реальная информация, сделавшая их ценным источником для изучения истории, этнографии и археологии полуострова, так и стереотипы своей эпохи, а также индивидуальные особенности авторского восприятия¹. Эти сочинения долгое время были основным источником сведения о Крыме для образованных кругов Европы и Северной Америки, а некоторые из сформулированных их авторами суждений и оценок дожили до нашего времени.

Одним из самых привлекательных мест в Крыму был город Бахчисарай, занимавший узкую горную долину на юго-западе полуострова. Побывать здесь считали своим долгом все путешественники. Это не удивительно, ведь Бахчисарай еще недавно был столицей Крымского ханства, здесь сохранялись многочисленные архитектурные памятники той эпохи, а российское правительство предоставило крымским татарам исключительное право на жительство в городе². Именно здесь можно было познакомиться с загадочным Востоком, известным европейцам по арабским сказкам и распалывшим их воображение.

Среди описаний Крыма выделяются три сочинения, отличающиеся энциклопедичностью собранных сведений. Это труды немца на русской службе П.-С. Палласа, француза Ж. Рёйи и британца Э.-Д. Кларка³. Кларково «Путешествие по разным странам Европы, Азии и Африки» стало бестселлером, современники использовали его как научный справочник и путеводитель, а нынешние исследователи — как источник для изучения разных аспектов истории Восточной Европы. В частности, историки Крыма оперируют данными Кларка в работах по истории и этнографии полуострова⁴, развитию местных курортов и туризма⁵, идеологических аспектов российского освоения полуострова⁶, в биографических разысканиях⁷, сравнительном анализе записок путешественников⁸, для реконструкции истории археологических исследований в Северном Причерноморье⁹ и при обсуждении отдельных памятников¹⁰. Однако основные вопросы, связанные с изучением наследия Кларка в качестве полноценного исторического источника, пока только намечены, а подробного анализа не проводилось.

Самостоятельный сюжет в записках Кларка представляет описание Бахчисарая, который и будет рассмотрен в данной статье. Картины жизни этого города позволили путешественнику изложить своё видение последствий присоединения Крыма к России. Ему удалось собрать разнообразные сведения о местных жителях, их занятиях, образе жизни и нравах, архитектуре и благоустройстве города. Примечательно, что стилю Кларка свойственна эмоциональность, категоричность и пристрастность — как представляется, причины этого кроются в жизненных обстоятельствах писателя.

¹ См.: Вульф 2003 (особенно 195–220); Dickinson 2002, 7f.

² Домбровский 1848, 388; O'Neill 2006, 180 f.

³ Паллас 1999; Reuilly 1806; Clarke 1817b.

⁴ Williams 2001, 87–88, 93, 100–104, 108; Kizilov 2003.

⁵ Мальгин 2004, 62.

⁶ O'Neill 2006, 172, n. 22; 176, n. 33; 177.

⁷ Маркевич 1912, 196–198.

⁸ Храпунов 2011a, 399–404.

⁹ Тункина 2002, 56–57, 503, 534–535, 563, 589; Герцен 2008, 224; Храпунов 2011b, 608–610.

¹⁰ Бертъе-Делагард 2012, 88, 99, 101, 109, 111–113; Эрнст 1929, 16; Равдоникас 1933, 16, 30.

Биография Кларка (1769–1822) лучше всего изложена в книге его друга и многолетнего корреспондента Уильяма Оттера¹¹. Знаменитый путешественник происходил из небогатой семьи. Его предки были священниками, параллельно занимались литературой и наукой. Он же был человеком весьма эрудированным, но увлекающимся и с непростым характером. В одном из колледжей Кембриджа, где учился Кларк, основное внимание уделялось математике, которая мало интересовала юношу, — зато он достиг успехов в латинской декламации. И тогда, и впоследствии он увлекался самыми разными вещами — минералогией и ботаникой, историей и политикой, античностью и древними языками, поэзией и химией. Из него вышел довольно характерный для той эпохи «универсальный учёный», занимавшийся многими дисциплинами одновременно.

Кларк успешно получил степень бакалавра, но отсутствие денег заставило его избрать карьеру частного учителя и воспитателя молодых представителей британской знати. В обществе одного из них, Дж.-М. Криппса, в 1799–1802 гг. Кларк совершил длительную поездку по Северной Европе, России, Балканам, Ближнему Востоку и Египту, одним из пунктов которой было посещение Крыма. В дороге путешественник вел довольно подробный дневник.

После возвращения домой Кларк проделал большую работу, упорядочивая свои записи и интерпретируя собранные материалы. Для этого он консультировался со специалистами в разных областях науки, а также изучал доступную научную и дневниковую литературу. В письме из Крыма Кларк сокрушался, что единственным его путеводителем был томик Плиния, случайно купленный в Таганроге¹², а на страницах его «Путешествий» присутствуют ссылки, позволяющие определить комплекс источников, на которые Кларк опирался при подготовке книги к печати. Это труды древнегреческих и римских авторов — Геродота, Еврипида, Страбона, Овидия, Плиния, а также анонимный перипл Чёрного моря VI в. н. э., сочинения средневековых путешественников XIII и XVI вв. — Гильома де Рубрука, Михалона Литвина, Мартина Броневского, записки франко-венгерского инженера и дипломата при ханском дворе третьей четверти XVIII в. Ф. де Тотта, воспоминания европейцев, оказавшихся на полуострове после присоединения его к России — У. Итона, Э. Крейвен, Л.-Ф. де Сегюра, Ш.-Ж. де Линя, М. Гатри, Р. Хебера, работы кабинетных учёных — М. Ле-Кьена, В. Формалеони, Г.-Л. Одерико, и ряд других, включая труды по минералогии и ботанике. Кларк стремился создать энциклопедическое описание увиденных им стран. Можно предположить, что образцом ему служили знаменитые «Наблюдения» о южной России П.-С. Палласа, с автором которых он познакомился в Крыму.

Влияние этого выдающегося путешественника и натуралиста на Кларка трудно переоценить. Англичанин писал о Палласе своей матери: *«К нам обоим он отнёсся с истинно отцовской нежностью; всё, что было у него в доме, он сделал нашим. Он принял меня, уставшего до истощения и больного трёхдневной малярией. Г-жа Паллас была моей сиделкой, а он лекарем, а потом нагрузил меня всяческими подарками, книгами, рисунками, насекомыми, растениями, минералами и пр. Разговор с таким человеком стоит целого путешествия из Англии — и это*

¹¹ Otter 1827.

¹² Otter 1827, 292–293.

не считая выдающихся достоинств его сердца»¹³. По словам Кларка, Паллас был неисчерпаемым источником сведений о Крыме, сопровождал его в одной из поездок по полуострову и даже поручил ему завершение своего труда о растениях России (впрочем, ничего подобного опубликовано не было)¹⁴. Впоследствии Кларк ознакомился с английским переводом исследования о южной России Палласа и широко использовал его в своей работе. В знак глубочайшего уважения к Палласу, его знаниям и душевным качествам, Кларк поместил виньетку с его профилем в начале одной из глав¹⁵.

Кларк находился в Крыму с 12 июля по 11 октября 1800 г.¹⁶ Судя по его материалам, в Бахчисарае путешественники провели два дня — 31 июля и 1 августа¹⁷. В Крым они прибыли после долгой поездки из Москвы через Воронеж, область Войска Донского, Таганрог, Тамань и восточный Крым. Утомлённый длительным переездом через голую степь, Кларк обрадовался, когда в окрестностях Бахчисарая пейзаж изменился и на смену пустынной равнине пришли рощи и леса, а ровная местность превратилось в мешанину обрывов, скал и узких горных долин. Здесь он, наконец, увидел желанный Восток. *«Это один из замечательнейших городов в Европе, — писал Кларк, — во-первых, из-за новизны здешних нравов и обычаев — они совершенно восточные и не проявляют ничего европейского, во-вторых, из-за местоположения самого города, занимающего изборождённые склоны длинного естественного ущелья между двумя высокими горами...»*¹⁸ Однако внешнее очарование города составляет печальный контраст с тяготами, обрушившимися на жителей после российского завоевания.

Прошлые Бахчисарая, столицы Крымского ханства, даёт возможность Кларку заклеить вероломство и беспринципность, низость и коварство, варварство и жестокость русских. Само приобретение Крыма он представляет как продукт ловкой интриги, задуманной и осуществлённой Г. А. Потёмкиным, которого называет «первосвященником обмана и порока». Последний хан Шахин Гирей оказывается наивным и непрактичным человеком, игрушкой в руках коварных русских, которые сначала спровоцировали междоусобицу в Крыму, а потом воспользовались её результатами¹⁹. Сочувствуя крымским татарам, Кларк, тем не менее, не склонен наделять их качествами, присущими западноевропейским нациям. Осознано или нет, они придает татарам (в лице их последнего хана) черты неопытных детей, которые не способны самостоятельно решать свою судьбу. Не случайно он предлагает план изгнания русских с полуострова, *«если Великобритания пожелает вернуть его туркам»*. Для этого он советует высадить десанты на южном и юго-восточном берегу, где *«завоеватели обнаружат татар, приветствующих их приход со слезами радости»*. Но, несмотря на эти слезы, Крым следует отдать под управление Османской империи — очевидно, по мнению британца, местные жители не способны к самостоятельной политической жизни²⁰.

¹³ Otter 1827, 296; cf. 297–298, 306; также: Clarke 1817b, 161–162.

¹⁴ Otter 1827, 301.

¹⁵ Clarke 1817b, 143, 162, n. 1.

¹⁶ Clarke 1817b, 97, 309–310, cf. 516–519.

¹⁷ Clarke 1817b, 185, 198, 517.

¹⁸ Clarke 1817b, 170.

¹⁹ Clarke 1817b, 173–179.

²⁰ Clarke 1817b, 268–270.

Рассказывая о присоединении Крыма к России, Кларк произносит знаменитые слова, впоследствии не раз цитировавшиеся политиками и историками. «Если же сегодня спросят о том, как вели себя русские в отношении Крыма после той безнравственности, жестокости и убийств, посредством которых он был приобретён, ответ можно дать в немногих словах. Они опустошили страну, вырубали деревья, снесли дома, сломали священные постройки местных жителей и все их общественные здания, разрушили общественные водопроводы, ограбили население, оскорбляли татар во время их публичных богослужений, извлекли из могил тела их предков, бросив их останки в выгребные ямы и сделав их гробы кормушками для свиней, уничтожили все памятники древности, разломав гробницы и святых, и язычников, и развеяв их прах по ветру. *Auferre, trucidare, rapere falsis nominibus, imperium; atque, ubi solitudinem faciunt, pacem appellant*»²¹. Латинская фраза взята из сочинения древнеримского историка Корнелия Тацита «Агрикола». Эти слова были якобы сказаны в I в. н. э. британским вождём Калгаком, возглавившим восстание против римлян: «Отнимать, резать, грабить на их лживом языке зовётся господством; и создав пустыню, они говорят, что принесли мир»²². Так Кларк проводит параллели между российской аннексией Крыма и римским покорением Британии, тем самым обнаруживая определённое сходство между её свобододолюбивыми жителями и крымскими татарами.

Стремясь заклеить дикость и варварство новых властей Крыма, Кларк иногда чересчур увлекается. Так, путешественник печальную историю загородного дворца крымских ханов, который русские завоеватели «полностью стёрли с лица земли, так что без помощи проводника не удастся даже понять, где он находился»²³. Речь идет о дворце Ашлама, находившемся за городом (ныне не существует). Однако реальная история была сложнее, чем хотелось британцу. В 1784 г. дворец не просто существовал — в нем останавливались знатные гости Бахчисарая²⁴. Однако памятник быстро разрушался. Именно поэтому намерение Екатерины восстановить дворец не было реализовано²⁵, а его камни пошли на ремонт главной ханской резиденции в Бахчисарае и на строительство путевого дворца для императрицы в Симферополе²⁶. Через тридцать лет после Кларка швейцарец Ф. Дюбуа де Монпере видел на развалины на месте дворца Ашлама²⁷, которые не смог (или не захотел) отыскать Кларк. Позднее, в 50-х гг. XIX в., британец Т. Милнер повторил историю о волшебном дворце, от которого не осталось и следа, дополнив её разнообразными подробностями²⁸. Вероятно, живописность и романтизм дворца только усилились от того, что Кларк и Милнер его не видели — их воображение само дорисовало захватывающие детали.

По словам Кларка, русские не ограничивались бессмысленными разрушениями: «Когда муллы, то есть татарские священники, в полдень поднимались на минареты, чтобы, по обычаю, возгласить час молитвы, русские солдаты раз-

²¹ Clarke 1817b, 179–180.

²² Tac. Agr. 30.

²³ Clarke 1817b, 172–173.

²⁴ Фадеева 2012, 189.

²⁵ Baert 1798, 22, n. I; Dubois de Montpéroux 1843b, 338.

²⁶ Маркевич 2005, 273–275.

²⁷ Dubois de Montpéroux 1843b, 337–338.

²⁸ Milner 1855, 248–250.

влекались, стреляя в них из мушкетов; при одном из таких случаев был убит священник». Сам Кларк этого не видел, но ссылается на слова очевидца²⁹. В 1827 г. генерал А. М. Бороздин специально завел разговор об этом случае с другим британцем — Дж. Уэбстером. По его словам, история об убийстве придумана Кларком, ответившим черной неблагодарностью на хорошее к нему отношение русских властей и частных лиц³⁰. Тем не менее, жители Бахчисарая и позднее передавали рассказ об убийстве муллы, в результате которого оскверненную мечеть забросили³¹, так что известие Кларка, вероятно, имело под собой какое-то основание. Эта мечеть называлась Ешиль-Джами («Зеленая мечеть»)³². Ее окончательно разобрали в годы советской власти.

В результате войны и выселения крымских христиан население Бахчисарая значительно сократилось до шести тысяч человек, а две трети города лежало в развалинах³³. Российское завоевание повлияло даже на климат Крыма. Некий татарин пожаловался Кларку, что его сад был разорён жестокими морозами: «Мы никогда не знали такой суровой непогоды — но когда пришли русские, то, кажется, принесли с собой и свою зиму»³⁴. Но и суровость русской зимы иногда приносила пользу: жители Крыма зимой «замораживают вино, чтобы удалить воду и получить экстракт», тем самым повышая крепость напитков³⁵.

От других крымских городов Бахчисарай отличался здоровым климатом, поскольку теснина, где он расположен, хорошо продувалась ветрами³⁶. Значение этого обстоятельства трудно переоценить, ведь бичом Крыма на рубеже XVIII–XIX вв. оставалась малярия, жертвой которой едва не стал и сам Кларк³⁷. Аптек на полуострове не водилось, татары же лечились травами, но главным образом — амулетами и суевериями³⁸. Об удручающе низком уровне традиционной крымской медицины писали и другие европейцы. Британец Р. Хебер, побывавший здесь в 1806 г., получил такой ответ на вопрос о том, как местные жители лечат больных: «Мы кладём заболевшего на кровать, и если Бог даст, то он выздоравливает. Аллах милостив!»³⁹. Чрезвычайная приверженность крымских татар к различным амулетам, оберегам и вообще суевериям засвидетельствована англичанкой М. Холдернесс, которая 1816–1820 гг. провела в селении Карагоз (ныне Первомайское Кировского района Республики Крым). Что же касается снадобий, по её словам, популярным у татар средством от малярии была настойка полыни на коньяке⁴⁰. В этом отношении Крым являлся частью той Восточной Европы, образ которой сформировался у деятелей XVIII в., важным свойством которой считали различные, нередко экзотические, болезни и отсутствие квалифицированных врачей⁴¹.

²⁹ Clarke 1817b, 173.

³⁰ Webster 1830, 60.

³¹ Домбровский 1848, 388; Судак, Мели, Рамбо 2014, 197–198; Маркевич 1915, 253.

³² См.: Засыпкин 2004, 461–463.

³³ Clarke 1817b, 173, 184–185.

³⁴ Clarke 1817b, 180; ср.: Паллас 1999, 161.

³⁵ Otter 1827, 304.

³⁶ Clarke 1817b, 206.

³⁷ Clarke 1817b, 205–206, n. 1; 221, 257, 296–297, 303, n. 2; Otter 1827, 296–297, 302–303.

³⁸ Clarke 1817b, 206, n. 1.

³⁹ Heber 1830, 263.

⁴⁰ Holderness 1827, 252–254, 291.

⁴¹ Вульф 2003, 273–274.

Местные жители, их облик, поведение и обычаи казались экзотичными. Так, носившие белоснежные покрывала мусульманки напомнили ему призраков. Их стремление укрыться от мужских взглядов заставило Кларка рассказать анекдот об одном английском слуге, который счёл такое поведение неуважением и, в свою очередь, стал прятать лицо от татарских женщин. Удивленные такими манерами, те, в конце концов, отбросили покрывала и потребовали у чужеземца объяснений⁴². Мусульманский обычай, предписывающий дамам скрывать лицо под покрывалом и жить в особой половине дома, вызывал у европейцев самую разную реакцию. Некоторые объясняли его необузданной ревностью восточных мужчин⁴³. Другие распаляли свое воображение, полагая, что накидки скрывают необыкновенных красавиц, изобретали все новые способы взглянуть на их лица — и, если это им удавалось, нередко были разочарованы⁴⁴. Азиатский Восток воспринимался европейцами как место особых сексуальных обычаев, противоположных их собственным, и то же самое касается Восточной Европы⁴⁵. Неудивительно поэтому, что многие гости Крыма искали здесь эротических приключений⁴⁶. Правда, Кларк в своих записках исключительно целомудрен.

Центральным пунктом в Бахчисарае был ханский дворец, воплощение и символ былого могущества Крымского ханства и его своеобразной культуры. Но архитектура дворца разочаровала Кларка — ему было далеко до резиденций европейских монархов. Потому ханские покои британец описывает довольно скупо, совсем не так, как другие путешественники, забыв упомянуть даже о большой дворцовой мечети и ханском кладбище — объектах, о которых другие европейцы, как правило, рассказывали. В результате рассказ Кларка оказался далеко не таким подробным, как у некоторых других путешественников⁴⁷. По его словам, дворец представляет собой совокупность *«залов, галерей и переходов, настолько запутанных и нерегулярных, что невозможно ни составить их план, ни представить себе цель, ради которой они построены. В целом для резиденции монарха — это довольно незначительная постройка»*⁴⁸. Путешественник, очевидно, полагал, что монарху пристало жить в здании правильной планировки, ведь «упорядоченность» была синонимом «цивилизованности», а чем еще, кроме как упорядочиванием хаоса, должен был заниматься достойный правитель? Но, увы, эти представления, типичные для европейцев XVIII в.⁴⁹, не находили отклика в ханской архитектуре.

Кларк подчёркивает восточный, непохожий ни на что европейское облик дворца. *«В большой зал, сообщающийся через арки с садами сераля и разными дворами, ведут несколько лестниц, поднимавшихся из разных мест во дворце. Из этого зала через дверь хан попадал в небольшую мечеть для частной молитвы, если не хотел появляться на публике»*. Комнаты во дворце небольшие, вдоль их

⁴² Clarke 1817b, 185–186.

⁴³ Людольф 1892, 166; Campenhausen 1807, 112; Heber 1830, 310.

⁴⁴ Сегюр 1865, 217–219; Campenhausen 1807, 112.

⁴⁵ Euben 2006, 149 f.; Вульф 2003, 98 сл.

⁴⁶ Например: Миранда 2001, 71.

⁴⁷ См.: Castelnau 1827, 158–177; Паллас 1999, 30–31; Henderson 1826, 295–298, 301–302; Webster 1830, 77–80, 82–89; Alexander 1830a, 253–256; Dubois de Montpéroux 1843b 323–335.

⁴⁸ Clarke 1817b, 181.

⁴⁹ См.: Вульф 2003, 297, 305 слл.

стен устроены диваны. Между ними могли проделывать декоративные окна. В наружные окна иногда вставлены цветные стёкла, но в большинстве случаев они забраны деревянными переплетами и решетками, так что сквозь них ничего не видно. Решётками закрывают даже наружные лестницы. Европейские дома должны согревать их обитателей, тогда как главная цель турецких и татарских построек — скрыть жителей от посторонних глаз. В результате зимой там очень холодно, а их обитатели могли согреться, разве что завернувшись в шубу и закутив⁵⁰.

Разумеется, одним из самых привлекательных для европейцев мест во дворце был гарем. Туда попадали *«по извилистому коридору, такому узкому, что пройти может только один человек за раз, причём он оказывался так близко к стражнику, что разбудил бы его, даже если тот заснул»*. Хан же спускался в этот проход по особой лестнице, предназначенной для него одного. Гарем сохранился в первоначальном виде, но ожидания Кларка не оправдались: там не было ничего выдающегося, а сами комнаты оказались скромными и неудобными. Этот нерегулярный комплекс, отделенный от дворца высокими стенами, заставил путешественника сожалеть об участи женщин, обречённых проводить долгие дни за рукоделием, имея из развлечений лишь *«очень плохой кофе, иногда с шербетом, и дурной лимонад»*. Правда, им позволялось курить, что, по мнению путешественника, в тех условиях должно было казаться величайшим удовольствием. Кларк ссылается на слова неких дам, в своё время навещавших узниц гарема⁵¹. Итак, восточная экзотика казалась британцу удивительной, но скорее в негативном смысле. Этим его записки отличаются от многих других сочинений. Например, сопровождавшие Екатерину на юг в 1787 г. бельгийский принц Ш.-Ж. де Линь и французский посланник граф Л.-Ф. Сегюр буквально купались в восточной неге, щедро приправляя свои реальные ощущения потоком ничем не сдерживаемых фантазий⁵².

Кларк отмечал, что *«многообразие различных наций, обнаруживаемых в Крыму, каждая из которых живет в своей особенной стране, практикует свои особые обычаи и сохраняет свои религиозные обряды, является одним из тех замечательных обстоятельств, делающих полуостров интересным иностранцу... так что на ограниченном пространстве, словно в зверинце, чудесным образом объединены противоположные виды живых редкостей»*⁵³. Бахчисарай не был исключением — и потому путешественники совершили поездку по его окрестностям, где находились памятники «греков» (то есть средневекового православного населения) и караимов. Но если греки давно оставили слободу Мариамполь и древний Успенский монастырь, высеченный в скальных склонах горной долины, словно «гнездо куницы», так что Кларк даже не смог узнать названий этих мест, то в караимском городе Чуфут-Кале на вершине неприступной горы кипела жизнь⁵⁴.

Караимы — этноконфессиональная группа, представители которой говорят на тюркском языке и почитают Ветхий завет, отвергая свод его токований, Талмуд. Кларк обнаруживает, что часть религиозных представлений караимов и мусульман перекликаются с христианскими. Караимские дамы, которые, подобно

⁵⁰ Clarke 1817b, 180–182.

⁵¹ Clarke 1817b, 183–184.

⁵² Ligne 1809, 59–60, 66–70; Сегюр 1865, 211–212.

⁵³ Clarke 1817b, 221–222.

⁵⁴ Clarke 1817b, 186–194.

мусульманкам, обычно заключены в стенах дома, регулярно посещают кладбище, где оплакивают умерших: «...в этом отношении их обычай подобен обычаям татар и турок. Если приверженцы Христа согласятся с верой, питаемой представителями этих наций, в то, что души умерших парят над своей земной обителью и поддерживают общение с живыми, сложно будет направить человеческий разум на исполнение какой-либо обязанности утешительнее и с более трогательным рвением. Невозможно наблюдать за мусульманами и евреями в этих обстоятельствах, не чувствуя чего-то, очень похожего на желание разделить с ними по крайней мере этот аспект их веры»⁵⁵. Характер караимов совершенно отличается от их «собратьев» — европейских евреев: они весьма порядочны в делах, заботятся об образовании своих детей, гостеприимны, благочестивы, сохраняют память о прошлом и древние книги. Обычаи и одежда караимов во многом сходны с татарскими⁵⁶. Итак, экзотические крымские народы оказываются близки между собой и даже разделяют некоторые «европейские ценности», а с другой стороны — отличаются от жителей Восточной Европы, евреев и русских, к которым Кларк испытывал отвращение. В этнографическом отношении Крым в его описании приобретает некое «срединное положение» между западом и востоком континента.

Во время этой поездки Кларк обнаружил еще одну диковинку. «Дальше нам показали железное кольцо на самом вершине скалы, к которому в прошлом якобы привязывали корабельные концы, хотя оно находится на сотни футов выше нынешнего уровня Чёрного моря»⁵⁷. Назначение подобных колец, укрепленных в крымских скалах в окрестностях Севастополя и Бахчисарая, интриговало путешественников второй половины XVIII — начала XX вв. Согласно распространенному мнению, некогда уровень моря был много выше и к этим кольцам причаливали лодки и даже корабли⁵⁸. Кларк высмеял эту мысль как нелепую, предложив взамен не менее экстравагантную идею. По его мнению, «в дни праздников сюда прикрепляли канат, шедший поперёк ущелья до похожего кольца на противоположной стороне, и ханы развлекались, наблюдая за человеком, перебиравшимся через долину по этому канату, подобно тому, как прежде в Венеции, во время карнавала, наёмного канатоходца поднимали на вершину башни собора св. Марка, откуда он спускался по другому канату, держа в руке букет цветов, чтобы подарить его дождю»⁵⁹. О представлениях акробатов в Бахчисарае мы ничего не знаем, и, по всей видимости, назначение колец было гораздо прозаичнее. Жители средневекового Крыма могли, например, привязывать к ним животных или колыбель с младенцем, то есть использовать так же, как выдолбленные в камне кольцевидные крепления⁶⁰. Как видим, даже крымская археология стимулировала фантазию путешественников.

Из Крыма Кларк отправился в Грецию, Турцию и на Ближний Восток, а вернувшись на родину, быстро оказался в зените славы и значительно поправил своё

⁵⁵ Clarke 1817b, 189.

⁵⁶ Clarke 1817b, 189, 193–194.

⁵⁷ Clarke 1817b, 187.

⁵⁸ Tott 1786, 103; Guthrie 1802, 92; Campenhausen 1807, 109; Караулов 1872, 107, ср.: 42–45; Бобринский 1905, 174.

⁵⁹ Clarke 1817b, 187.

⁶⁰ См.: Эрнст 1929, 35–36.

материальное положение, выгодно продав свои коллекции рукописей и монет. В благодарность за подаренную Кембрижу «античную статую Цереры», вывезенную из Элевсина, он получил степень доктора права⁶¹. Ирония заключалась в том, что, несмотря на восторги Кларка, это оказалась не богиня плодородия, а кариатида I в. до н. э.⁶² Впоследствии Кларк стал профессором минералогии родного университета, занимался химией и инженерным делом, одновременно являясь приходским священником англиканской церкви⁶³. Много труда он потратил на подготовку к печати своих «Путешествий». Первый том вышел в 1810 г., а последний, шестой, уже после смерти автора в 1822 г. — работу над ним завершил друг Кларка Роберт Уолпол⁶⁴.

Хебер, автор интересных и подробных наблюдений о России, высоко ценил сочинение Кларка, в особенности *«его знание древности, живость бытовых зарисовок и умение сравнивать одну нацию с другой»*⁶⁵. В Англии публикации российской части записок Кларка удостоились хвалебных рецензий⁶⁶. Об успехе его труда свидетельствуют сразу же появившиеся переводы на другие языки, переиздания и гонорары, суммарно составившие более шести с половиной тысяч фунтов стерлингов, тогда как до поездки годовой доход Кларка составлял менее 90 фунтов⁶⁷.

Но резкие, бескомпромиссные и пристрастные оценки Кларка не могли не сделать его работу объектом критики. Вскоре после издания русской части «Путешествий» в американском журнале появился критический отзыв, написанный неизвестным русским автором, в котором указывалось на многочисленные неточности и искажения фактов у Кларка⁶⁸. Анонимный переводчик сочинения Кларка на французский язык в подстрочных примечаниях позволил себе усомниться в справедливости некоторых высказываниях британца⁶⁹. Кларк вынужден был оправдываться. В четвёртом издании своих записок о России он поместил предисловие, в котором убеждал читателя в точности приведённых им фактов и оценок. Критическая статья в американском журнале объявлялась кознями агентов российского правительства, а скептические замечания французского переводчика — происками Наполеона⁷⁰.

Некоторые иностранцы, побывавшие в России и на Крымском полуострове после Кларка, обнаружили, что его описания не всегда соответствуют действительности⁷¹. Пожалуй, самым последовательным его критиком был другой известнейший британский путешественник — Дж.-Э. Александер, оказавшийся в России в 1829–1830 гг.⁷² В своих записках он не раз укоряет Кларка за неточность

⁶¹ Otter 1827, 375–376, 392–394.

⁶² Hamiliakis 2008, 276–277; ср.: Clarke 1809, 12–37.

⁶³ Otter 1827, 384–466.

⁶⁴ Otter 1827, 395–397.

⁶⁵ Heber 1830, 344.

⁶⁶ Например: Review 1810, 334–368.

⁶⁷ Otter 1827, 35, 397–398.

⁶⁸ Observations 1812.

⁶⁹ См.: Clarke 1813.

⁷⁰ Clarke, 1817a (страницы не нумерованы).

⁷¹ См.: Lyall 1825, 11, 44, 244–245, 303–305, 326, 359; Webster 1830, 60, 100; Dubois de Montpéroux 1843a, 285; Dubois de Montpéroux 1843b, 170–171.

⁷² Alexander 1830a; 1830b.

сведений и некорректность оценок⁷³. Александер порицает сам подход Кларка, не пожелавшего мириться с непривычными особенностями русской жизни и не встретившего здесь восторженного приёма, на который рассчитывал, и потому обвинившего русских во всех мыслимых грехах. *«Трудно представить, сколь вредоносными оказываются суждения подобных людей. Давая волю раздражению, они не только ставят под удар своих соотечественников, следующих по их стопам, но и разжигают вражду между народами, забывая, что мирные отношения отвечают интересам всех стран»*⁷⁴.

Однако, несмотря на иногда слишком поспешные, иногда слишком субъективные авторские оценки, книга Кларка является интереснейшим источником по истории России, и в частности Крыма, на рубеже XVIII–XIX вв., поскольку здесь собраны самые разнообразные данные по археологии и архитектуре, этнографии и истории, экономике и политике империи. Рассказ Кларка о посещении Бахчисарая проливает свет на особенности жизни этого города в 1800 г., будучи примером того, как многие западноевропейцы воспринимали первые десятилетия российской власти в Крыму, раскрывая особенности и стереотипы их мышления.

ЛИТЕРАТУРА

Бертье-Делагард А. Л. 2012: Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма // А. Л. Бертье-Делагард. Избранные труды по истории средневекового Крыма. Симферополь, 7–153.

Бобринский А. И. 1905: Херсонес Таврический. Исторический очерк. СПб.

Вульф Л. 2003: Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.

Герцен А. Г. 2008: Мангуп глазами путешественников и исследователей (XVI — начало XX в.) // БИАС. 3, 212–256.

Домбровский Ф. 1848: Историко-статистический очерк г. Багчесерай // Новороссийский календарь на 1849 год. Одесса, 380–396.

Засыпкин Б. Н. 2004: Памятники архитектуры крымских татар // Араджиони М. А., Герцен А. Г. (ред.) Хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре старожильческого населения Крыма. Часть I. Мусульмане. Крымские татары. Крымские цыгане. Симферополь, 451–471.

Караулов Г. 1872: Крымские пещерные города и крипты // ЗООИД. 8, 39–108.

Людольф де. 1892: Письма о Крыме // Русское обозрение. 2, 155–201.

Мальгин А. В. 2004: Русская Ривьера. Симферополь.

Маркевич А. И. 1912: Академик П. С. Паллас. Его жизнь, пребывание в Крыму и учёные труды // ИТУАК. 47, 167–242.

[Маркевич И. А.] 1915: Протоколы заседаний Таврической ученой архивной комиссии. Заседание 24 апреля 1915 г. // ИТУАК. 52, 249–262.

Маркевич А. И. 2005: Судьбы памятников древности в Тавриде // Непомнящий А. А. Арсений Маркевич. Страницы истории крымского краеведения. Симферополь, 268–315.

Миранда Ф. де. 2001: Путешествие по Российской Империи / Пер. М. С. Альперович. М.

⁷³ Подробнее: Храпунов 2011а, 399–400, 403–404.

⁷⁴ Alexander 1830b, 244–245.

- Паллас П. С.* 1999: Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 гг. / Пер. с нем. С. Л. Белявская, А. Л. Бертье-Делагард. М.
- Равдоникас В. И.* 1933: Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадийным развитием Северного Причерноморья // ИГАИМК. XII/1–8, 5–106.
- [Сегюр Л.-Ф.]* 1865: Записки графа Сегюра о его пребывании в России в царствование Екатерины II. СПб.
- Судак Л. де, Мели Ф. де, Рамбо А.* 2014: Французские путешественники в Крыму. XIX век / Пер. Г. И. Беднарчик. Симферополь.
- Тункина И. В.* 2002: Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.). СПб.
- Фадеева Т. М.* 2012: Крым. 1784 год. В «Записках» герцога Карамана, или о придворных интригах вокруг Г. А. Потемкина // Г. Г. Филатова (ред.). Симферополь, 186–190.
- Храпунов Н. И.* 2011a: Другая николаевская Россия, или полемика травелогов. Рец. на кн.: Александер Дж. Россия глазами иностранца // *Ab Imperio*. 2, 397–405.
- Храпунов Н. И.* 2011b: Херсонес в описаниях европейских путешественников конца XVIII — начала XIX в. // *МАИЭТ*. XVII, 595–630.
- Эрнст Н. Л.* 1929: Эски-Кермен и пещерные города Крыма // *ИТОИАЭ*. III, 15–43.
- Alexander J. E.* 1830a: *Travels to the Seat of War in the East through Russia and the Crimea in 1829*. I. London.
- Alexander J. E.* 1830b: *Travels to the Seat of War in the East through Russia and the Crimea in 1829*. II. London.
- [Baert Ch. A. B. F. de]* 1798: *Mémoire extrait du journal d'un voyage fait, au printemps de 1784, dans la partie méridionale de la Russie // Voyages historiques et géographiques dans les pays situés entre la Mer Noire et la Mer Caspienne*. 3. 1798, 1–96.
- Campenhausen B. von.* 1807: *Bemerkungen über Rußland*. Leipzig.
- [Castelnau G. de]* 1827: *Essai sur l'histoire ancienne et modern de la Nouvelle Russie*. III. Paris.
- Clarke E. D.* 1809: *Greek Marbles Brought from the Shores of the Euxine, Archipelago, and Mediterranean, and Deposited in the Vestibule of the Public Library of the University of Cambridge*. Cambridge.
- Clarke E. D.* 1813: *Voyages en Russie, en Tartarie, et en Turquie*. 1–3. Paris.
- Clarke E. D.* 1817a: *Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa*. Part 1: Russia, Tahtary, and Turkey. London.
- Clarke E. D.* 1817b: *Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa*. Part 1: Russia, Tahtary, and Turkey. London.
- Dickinson S.* 2002: Russia's First "Orient": Characterizing the Crimea in 1787 // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 3/1, 3–25.
- Dubois de Montpéroux F.* 1843a: *Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée*. V. Paris.
- Dubois de Montpéroux F.* 1843b: *Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée*. VI. Paris.
- Euben R.* 2006: *Jorneys to the Other Shore: Muslim and Western Travelers in Search of Knowledge*. Princeton; Oxford.
- Guthrie M.* 1802: *A Tour, Performed in the Years 1795-6, through the Taurida, or Crimea*. London.
- Hamilakis Y.* 2008: Decolonizing Greek archaeology: indigenous archaeologies, modernist archaeology, and the post-colonial critique // D. Damaskos, D. Plantzos (eds.). Athens, 273–284.
- Heber A.* (ed.) 1830: *The Life of Reginald Heber, D. D., Lord Bishop of Calcutta*. I. New York.

- Henderson E.* 1826: Biblical Researches and Travels in Russia. London.
- Holderness M.* 1827: Journey from Riga to the Crimea, with Some Account of the Manners and Customs of the Colonies of New Russia. London.
- Kizilov M. B.* 2003: Karaites through the Travelers' Eyes. New York.
- [Ligne J.-F. de]* 1809: Lettres et pensées du maréchal prince de Ligne. 2nd éd. Paris; Genève.
- Lyall R.* 1825: Travels in Russia, the Krimea, the Caucasus, and Georgia. I. London.
- Milner T.* 1855: The Crimea, Its Ancient and Modern History: the khans, the sultans, and the czars. London.
- [Observations]* 1812: Observations on the first volume of Dr. Clarke's Travels in Russia, Tartary and Turkey // The American Review of History and Politics. III, 76–120.
- O'Neill K.* 2006: Constructing Imperial Identity in the Borderland: Architecture, Islam, and the Renovation of the Crimean Landscape // *Ab imperio*. 2, 163–192.
- Otter W.* 1827: The Life and Remains of Edward Daniel Clarke. New York.
- Reuilly J.* 1806: Voyage en Crimée et sur les bords de la Mer Noire pendant l'année 1803. Paris.
- [Review]* 1810: Art. IV. Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa // The Edinburgh Review. 32 (August), 334–368.
- [Tott F. de]* 1786: Memoirs of baron de Tott. London.
- Webster J.* 1830: Travels through the Crimea, Turkey, and Egypt. I. London.
- Williams B. G.* 2001: The Crimean Tatars: the diaspora experience and the forging of a nation. Leiden; Boston; Köln.

EDWARD DANIEL CLARK'S BAKHCHISARAY: THE EAST, RUSSIA AND THE CRIMEA

N. I. Khrapunov

The famous British traveller E. D. Clark visited Bakhchisaray on July 31 - August 1, 1800. He was able to collect a variety of facts about the local people, their occupations, lifestyle, customs, architecture and landscaping of their town. Based on these materials he expressed his view of the consequences of the Crimea annexation to Russia. This plot allows one to specify a number of aspects that come out in the study of Clark's book as a historical source.

Key words: imaginary geography, travel notes, the Crimea, Edward Daniel Clark

© 2014

П. В. Белоус

ОТНОШЕНИЕ ДУХОВЕНСТВА РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ К ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (по материалам Тобольской епархии)

В статье предпринимается попытка рассмотреть осмысление духовенством РПЦ причин Первой Мировой войны, ее сути и значения, а также проследить изменение настроений духовенства на протяжении 1914-1918 гг., охватывая патриотический подъем первого года войны, его спад в 1916 г., Февральскую и Октябрьскую революции, Брестский мир и начавшуюся Гражданскую войну в первой половине 1918 г.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, духовенство, Первая Мировая война, Тобольская епархия, Гражданская война

Военные события Первой мировой войны способствовали выявлению различных внутри- и внешнеполитических аспектов, таких как недостатки государственного строя, нравственный упадок общества, угасание религиозного сознания и непопулярность войны среди значительной массы населения¹. Также война развила в народных массах осознание как своих прав, так и необходимости государственного обновления. Люди на другом уровне стали задавать вопросы о жизни и своем месте в обществе².

Первое упоминание о войне в журналах Тобольской духовной консистории говорило о взимании (по желанию) из заработной платы служащих консистории сумм в пользу общества Красного креста вплоть до объявления об окончании войны³. Вследствие определения Синода от 19 августа за № 723 Консисторией духовенству было предложено немедленно образовать в каждом приходе особые попечительные советы о семьях лиц, находящихся в войсках. Предложение было поддержано соответствующими призывами Тобольского епископа Варнавы (Накропина), указавшего осуществить задуманное без каких-либо компромиссов⁴.

В первые три-четыре месяца войны еще не произошло осознания всего ее масштаба: в печати говорилось только о возможности перехода текущей войны в мировую и необходимость осмысления посланного России испытания. Большинство полагало, что война продлится недолго и закончится к празднику Рождества, ввиду чего первое время тобольская печать ограничивалась лишь констатацией фактов объявлений войны и публикацией посланий Святейшего Синода⁵. Собственно тобольская мысль осознала события к середине месяца. Они были охарактеризованы епископом Варнавой как наступление «величайших мировых событий» и «великой войны народов»⁶. Духовенству предписывалось оказывать

Белоус Павел Владимирович — аспирант Сургутского государственного университета. E-mail: ThinkerTGS@gmail.com

¹ Шавельский 1954, 230.

² Зубов 2009, 269.

³ ТФ ГАТО. Ф. 156. Оп. 14. Д. 280. Л. 129.

⁴ ТФ ГАТО. Ф. 156. Оп. 14. Д. 280. Л. 235-236 об.

⁵ ТЕВ 1914/17, 315-316; 18, 323-324.

⁶ ТЕВ 1914/19, 335.

людям утешение и заботиться обо всех, тем или иным образом пострадавших от войны, особенно помогая семьям ушедших на фронт.

Епископ Варнава причинами «страшного пожара» войны, вызванного, по его мнению, неустрашимыми противоречиями между европейскими государствами, называл преступность, религиозную индифферентность и апатичное нежелание помогать другим людям. Угождение плоти, роскошь, пьянство, табакокурение, разврат, ложь, клевета, ненависть людей по отношению друг к другу (т.е. нравственный упадок), нежелание слышать советов священства (упадок религиозный) также названы причинами, повлекшими за собой некоторое помрачение, явившееся одной из причин Великой войны⁷, в свою очередь способствующей пробуждению в русском человеке религиозного сознания: «Внегда убиваше нас Бог, тогда обращаешься к Богу»; по мнению епископа, только в возрождении православия возможна победа над врагом⁸.

В печати говорилось об исторических, экономических и политических предпосылках, приведших к войне, и заключалось выводом о ее неизбежности. Два мира — германский и славяно-романский с англосаксонским — борются как в физическом смысле, так и в духовном, производя столкновения духовных сил «различных порядков»⁹ — пишет священник Н. Боголюбов.

Современник со свойственной христианскому сознанию парадигмой мышления задается вопросом, может ли Россия считать себя чистой перед Богом и не навлекшей на себя грозу войны своими грехами¹⁰. Говорилось об утрате современниками религиозности, нравственной развращенности и других недостатках общества. Выход виделся современником во всенародном покаянии для отвращения праведного гнева Божия¹¹. Таким образом, военные события были осмыслены современниками как суд Божий, совершаемый над народами¹². Данная мысль неоднократно приводилась в печати военного времени¹³.

Вероятно, русский народ заслужил это ниспосланное Богом испытание, — считает современник, выражая при этом надежду на вразумление граждан империи и прощение от Бога. Данная точка зрения официально проповедовалась достаточно широко. Воззвание Главнокомандующего, великого князя Николая Николаевича, начиналось словами: «Братья. Творится суд Божий»¹⁴. Публицист указывает на вероятность ниспослания войны для вразумления людей, при этом не слишком патриотично говоря о наказании за вплоть до плена, подобного Вавилонскому для древних евреев.

В следующем после начала войны 1915 г. в силу особенностей церковного календаря практически исключались зимние народные гуляния¹⁵. Современник

⁷ ТЕВ 1914/22, 383.

⁸ ТЕВ 1914/25, 444.

⁹ ТЕВ 1914/31, 557.

¹⁰ ТЕВ 1914/34, 622.

¹¹ ТЕВ 1914/34, 633.

¹² ТЕВ 1914/31, 557.

¹³ ТЕВ 1916/44, 921; 1917/18, 251 и др.

¹⁴ ТЕВ 1914/20, 333.

¹⁵ В 1915 г. подготовительные недели Великого поста вплотную примыкали к Святкам. Тем самым исключались недели зимнего мясоеда, большинство гуляний, свадеб и прочих народных увеселений.

считает причины такого устройства провиденциальными, говоря о необходимости поста и покаяния. Недостатка в их необходимости не было, указывает современник: «пьянство, хулиганство, распутство, крамола, вражда, вероотступничество и безбожие»¹⁶ господствовали в довоенное время и прекратились лишь невиданной по своим масштабам войной¹⁷. Следовательно, для улучшения ситуации необходимо иссечь корень греха секирой покаяния и исправления¹⁸.

Взгляд на войну как наказания за грехи сохранялся долгое время. В конце 1916 г. священник 6-го сибирского казачьего полка писал о всеобщей уверенности в причинах войны как наказания за грехи народа.

Провиденциальный смысл войны, с точки зрения современника, ясен: страдания народа являются очистительными для него и умиловительными для Бога, они не могут не быть таковыми — подобно тому, как прошедшая буря очищает воздух и воды, так и вихрь войны обновит народный организм, вынеся из него все гнилое и разлагающееся¹⁹. По образному примеру, чаша слез и страданий, пролитая людьми, достигнет престола Всевышнего и будет принята Богом²⁰. Ввиду этого оставалась надежда, что смертельные орудия перекуются на плуги и серпы²¹, и нестроения мира не будут задерживать прерванную просветительскую культурную работу — заключает священник. Современники также отмечали исчезновение партийных, сословных, имущественных раздоров, ибо «всех сроднила одна беда». Считалось, что у большинства война пробудила не только религиозность, но и связанное с ним дремавшее гражданское самосознание: проснулось осознание единства, общности интересов граждан одного государства. «Страдающая душа открылась теперь для лучших, добрых, благороднейших чувств»,²² — пишет священник П. Виноградов. Следующая фраза наиболее утопична: «Как у апостольских христиан, у нас стало одно тело, один дух». Автор воспекает — как он считает — наступившую духовную молодость России, помолодевшую в очистительном горниле войны. Возможно, следует признать правоту его слов: война действительно заставила кого-то вспомнить о Боге. Впрочем, речь шла о феврале 1915 г., когда на самом деле можно отметить подъем гражданского и религиозного сознания народа.

После объявления Германией войны России толпа молодежи Тобольска ходила по городу и в патриотическом воодушевлении кричала «Ура!»²³ с пением народного гимна. Подвыпившие солдаты бравировали: «Ура! Немцев едем бить», а некоторыми выражалась надежда на перемирие. Плохо то — указывал епископ Варнава, — что пройдет немного времени, и те же люди будут кричать «Долой во-

¹⁶ ТЕВ 1915/6, 73-74.

¹⁷ К сожалению, следует констатировать, что нравственное состояние общества, ненадолго и незначительно улучшившись в начале войны, к моменту Февральской революции 1917 г. упало до плачевного уровня.

¹⁸ Тема войны как наказания Бога за грехи повторяется тобольскими современниками довольно часто: ТЕВ 1915/37, 574; 1916/44, 921; 1918/13, 14, 15, 206; 1918/21-22, 360 и др.

¹⁹ ТЕВ 1915/8, 97.

²⁰ ТЕВ 1915/8, 97.

²¹ Прямая аналогия с Ис. 2:4.

²² ТЕВ 1915/8, 98.

²³ ТЕВ 1914/19, 315.

йну!». Явятся другие личности, «иные глашатаи», которые будут вести пораженческую политику: «К чему вам идти на войну?»²⁴ — пишет епископ.

Реакция населения выражалась в негодовании по поводу самого факта войны и мобилизации: «Давно ли с япошкой покончили, а тут опять война, да еще в страду»²⁵. Можно сказать, что для какой-то части народа война стала непопулярной с самого своего начала, хотя многими выражалась солидарность Сербии как единой стране и осознавалась необходимость оказания ей военной помощи.

В первые месяцы войны в церковной печати господствовали патриотично-елейные высказывания. Воины назывались «богатырями», упорно совершающими энергичные переходы, не уступающие суворовским; ищущими «врага, отступавшего перед ними»²⁶. 2 августа, после молебна по случаю послания на войну сестер милосердия местного отделения Красного Креста, епископ в своей проповеди указывал на равнозначность подвигов солдат и сестер милосердия подвигу мученичества²⁷. Молебен, случившийся 10 октября по случаю успехов русской армии на Западном фронте, привлек множество народа. Современник посчитал это показателем «великого» религиозного подъема, а епископ со словами «С нами Бог!» не преминул указать на значительную роль в данной локальной победе сибирских полков²⁸. 10 марта 1915 г., на молебне по случаю взятия русскими войсками Перемышля, царило «возвышенное» и «сознательно-радостное» настроение²⁹. В начале 1915 г. тобольский современник говорил о тесном союзе царя и народа, являющимся залогом могущества и славы России в будущем.

Но духовенство сохраняло трезвость и не опьянялось локальными победами. 20 октября епископ Варнава, несмотря на почти всеобщее мнение о продолжительности войны в три месяца или полгода, говорил о недопустимости духовного и физического ослабления: «Война только начинается»³⁰. Общий рефрен речей епископа говорил о разобщении общества и процессах дезинтеграции, хотя тобольский священник Гавриил Панаев утверждал наличие «единодушного, чисто братского единения» всех сил общества на помощь фронту, при этом, естественно, не забывая упомянуть о трудностях, смерти, лазаретах и пулеметах передовой³¹.

Священник Иоанн Редькин писал о всеобщей озабоченности войной, когда все интересы народа отошли на второй план. Настроения деревни изменились коренным образом, и все ждут победного окончания войны, указывал он. Несмотря на то что в основном работали женщины, народных волнений не было: деревня, «крепкая верой православной»³², «молча несла свои обязанности и переносила дороговизну товаров»³³.

27 января (ввиду указа Синода от 8 января) в Тобольской консистории обсуждался вопрос о послании лучших священников на фронт вместе с вновь прибы-

²⁴ ТЕВ 1914/19, 315.

²⁵ ТЕВ 1914/23, 395.

²⁶ ТЕВ 1915/4, 51.

²⁷ ТЕВ 1914/22, 382.

²⁸ ТЕВ 1914/27, 485.

²⁹ ТЕВ 1915/13, 178.

³⁰ ТЕВ 1914/30, 543.

³¹ ТЕВ 1914/33, 589-591.

³² ТЕВ 1915/42, 667.

³³ ТЕВ 1915/42, 666.

вавшими батальонами для религиозного и патриотического подъема солдат. Духовенству предписывалось через совершение богослужений, проповеди и беседы вдохновлять и воодушевлять российские военные части³⁴. После вступления в войну Турции епископ Варнава привел пример из истории, когда христианские государства вступались за угнетаемых единоверных граждан других стран, и выразил надежду в выходе из войны России — постоянной защитнице угнетаемых народов — победительницей³⁵.

Патриотический подъем духовенства действительно являлся таковым и не мог остаться незамеченным. Современники писали о возрождении всенародного единения, не раз спасавшего Россию в прошлые исторические катаклизмы³⁶. Духовенство четвертого Ялutorовского благочиния 27 сентября решило произвести 25-типроцентный сбор со всех церквей, что составляло 950 руб. 30 коп. Консistorии на это пришлось указать на возможное превышение «платежной правоспособности» приходов³⁷. Примечательно, что также было постановлено отчислять на нужды войны 5% от братского дохода и 5% от жалованья раз в полгода³⁸, то есть священство не тешило себя иллюзиями о разгроме противника за три месяца. В декабре 1914 г. строились различные планы увековечения памяти героев, павших в войне с Германией и Австро-Венгрией³⁹. «Слава идущим, слава ушедшим» — такими заголовками поднимался, как считали, патриотических дух народа⁴⁰.

Духовенство РПЦ естественным образом ставило вопрос и занималось осмыслением не только причин, но и самой сути войны. В частности, ее смысл виделся в отстаивании чести царя и отечества, в противостоянии германизму, а также защите родственного народа Сербии⁴¹. России предписывалась миссия освободительной войны с германским агрессором, попирающим международное право и столь необходимое для народов политическое равновесие⁴²; а также войны за независимость славянства, за честь и достоинство, за нормальную жизнь Европы⁴³.

Призвание России осталось прежним — быть православно-христианской державой. Россия, спасшая Запад от ига Наполеона, освободившая балканские народы, и сейчас несет Европе свободу — свободу веры и свободу независимого существования. Таким образом, Россия в осмыслении современника являлась орудием благого промысла Божьего. Священник Е. Давыдов в феврале 1915 г. уже говорил о превращении общеевропейской войны во всемирную баталию: «Ангел смерти веет над миром. Почти всю землю покрыла тень его крыльев... Весь мир участвует в кровопролитной войне»⁴⁴. С тех пор как существует мир, не было случая, чтобы в течение одного года, с 15 июля 1914 по 11 мая 1915 г., последовало

³⁴ ТФ ГАТО. Ф. 156. Оп. 14. Д. 283. Л. 243-244.

³⁵ ТЕВ 1914/31, 561-562.

³⁶ Цыпин 2000, 132.

³⁷ ТФ ГАТО. Ф. 156. Оп. 14. Д. 281. Л. 192об.

³⁸ ТФ ГАТО. Ф. 156. Оп. 14. Д. 281. Л. 193

³⁹ ТФ ГАТО. Ф. 156. Оп. 14. Д. 282. Л. 338

⁴⁰ ТЕВ 1914/30, 545.

⁴¹ ТЕВ 1914/19, 318.

⁴² ТЕВ 1914/23, 403.

⁴³ ТЕВ 1915/15, 219.

⁴⁴ ТЕВ 1915/8, 96.

двадцать объявлений войны⁴⁵. Вступление в войну Турции на стороне Германии автор осмысливал в духе идеи о провиденциальной роли России, долженствующей освободить Константинополь. Русский царь «достоин быть орудием Промысла Божия для этой великой цели: отмстителем за угнетаемые народности и освободителем Святой Земли и Византии от неверных»⁴⁶. Автор выражает имперские и мессианские идеи, говоря о России как преемнице Византии, третьем Риме, которая стала «носителем православно-христианского самосознания», выразительницей идеала истинной христианской гражданственности и защитницей православия на Востоке⁴⁷.

Также современники вынесли наблюдение о страдании от масштабных баталий всей природы, всего живущего. Пахотные земли, цветущие ранее усадьбы оказались изрыты огромными воронками. Во время войны птицы не решались перелетать через полосу военных действий. Таким образом, нарушалось здоровое течение жизни природы. «Страдает всякая тварь»,⁴⁸ — заключает современник. Известны случаи помешательства солдат во время военных действий. Но сходили с ума не только люди — встречались даже обезумевшие лошади, которые ели все подряд: газеты, свечи, одежду, — и одна из них едва не сгрызла собственную ногу⁴⁹.

Вопрос, являлась ли Первая мировая война отечественной, обсуждается и сегодня. Ряд историков считает, что не является, т.к. не стояла угроза (как в 1812 и в 1941-1945 гг.) независимости российского государства. Фронт Первой мировой проходил достаточно далеко от обеих столиц, и ввиду этого конфликт являлся «непонятной» войной ради «непонятных» внешних целей государственной власти. Современник, священник П. Попов, являлся сторонником иной точки зрения: «На полях битвы теперь решается вопрос: быть ли России свободной, или нести тяготу немецкого засилья?»⁵⁰ В случае поражения России немцы разрушали бы города, обращали в пепел деревни, а нивы и луга — в окопы.

Достаточно глубокое осмысление войны и военного времени замечается в ряде статей тобольской епархиальной печати. Примечательна заметка неуказанного английского государственного деятеля, приведенная в «Ведомостях» от 22 апреля 1915 г. Публикация подобных статей в российской, тем более церковной периодике, на наш взгляд, говорит как раз об имевших место в обществе тенденциях, на которые и указывали составители. В частности, говорилось об ошибочности мнения, что война может пройти мимо и не коснуться каких-то семей и конкретных людей: «Не думайте, что война не затрагивает вас лично: она отзывается на каждом из нас. Не стоит приходить в чрезмерную радость от побед, равно как и в отчаяние при случае военных поражений и личных утрат». Интересен следующий совет, актуальный и сегодня: «Не думайте, что вы знаете, как нужно вести войну и выиграть кампанию, а военное министерство этого не знает. Поэтому не пишите в газетах советов генералам и адмиралам по поводу того, что им следует

⁴⁵ ТЕВ 1915/29, 444.

⁴⁶ ТЕВ 1915/5, 66.

⁴⁷ ТЕВ 1915/5, 65.

⁴⁸ ТЕВ 1915/21, 303-304.

⁴⁹ ТЕВ 1915/21, 304.

⁵⁰ ТЕВ 1915/37, 573.

делать». Также указывалось на ошибочность веры всему написанному в газетах. Не следует раньше времени обольщаться успехам и делить территорию еще не побежденного врага. Заканчивается заметка словами об эпохальном характере текущей войны и ее значения для потомков: «Когда война кончится, вы не забудете ее уроков»⁵¹. Как известно, для России Первая мировая война оказалась забытой, заслоненной от взоров поколений второй половины XX века дымом пепелищ Гражданской и взрывами снарядов Второй мировой войны.

Занимаясь формированием общественно-церковного мнения, современники не ограничивались лишь написанием патриотических статей. Думается, они не являлись слишком действенными, хотя, несомненно, имели определенное влияние среди части населения. Надо полагать, немалое внимание общества привлекали и формировали определенные установки сообщения об антиморальной и нарушающей законы ведения войны политике Центральных держав, особенно Австрии и Германии. «Страшная дикость» и «зверства» начались с самого объявления войны⁵². В частности, приводились случаи репрессий и убийств священнослужителей, — и например, случай избияния и повешения сербского священника за отказ исполнить требование австрийских офицеров помянуть за литургией императора Франца-Иосифа⁵³, или история о звонаре Реймского собора, который был погребен под обломками колокольни⁵⁴. Священника Сандовича публично расстреляли 24 августа 1914 г. без суда по приказу краковских военных властей, видимо, по причине верности России⁵⁵, причем арестованы были также жена и отец священника, находившиеся в соседних камерах Горлицкой тюрьмы⁵⁶.

Черногорский митрополит Гавриил описывал действия «озверелых швабов», зверей и чудовищ в человеческом образе, по отношению к сербскому и соседним народам. «Жестокости были таковы, которых не совершали язычники Деций и Нерон над христианами», — пишет митрополит. В нескольких верстах от Сараева войска убивали мирных жителей, причем издеваясь, убивая родителей на глазах у детей. Тех, кто осмеливался плакать, били насмерть ружейными прикладами. Митрополит описывал множество трупов младенцев со страшными колотыми ранами живота: это австрийцы на глазах у матерей убивали будущих свободных граждан Боснии и Герцеговины. «Наши враги в своей дикости, низости и жестоких зверствах превзошли Атиллу и Алариха и все ужасы человеческой истории до XX в.». Митрополит был совершенно прав⁵⁷. По свидетельствам очевидцев, в г. Фоча «швабы» заставляли живых рыть себе могилы, приказывали туда лечь, затем убивали. Следующая очередь смертников зарывала своих братьев. Особенно такие ситуации наблюдались в Городже, Чайнице, Рогатице, Трьове и других местах. В первую очередь истреблялась интеллигенция: священники, учителя и народные представители, — эти категории люди были уничтожены полностью.

⁵¹ ТЕВ 1915/16, 234.

⁵² ТЕВ 1914/32, 572.

⁵³ ТЕВ 1914/29, 533.

⁵⁴ ТЕВ 1914/29, 534.

⁵⁵ ТЕВ 1915/4, 53.

⁵⁶ ТЕВ 1915/4, 53-54.

⁵⁷ Английский ученый Норман Дэвис в своей книге «История Европы» писал: «Варварство в Европе XX в. настолько мрачно, что могло бы потрясти и самых темных дикарей...» // Дэвис 2005, 664.

Митрополит пишет: «Я невольно себя спрашивал: это ли культура XX века?!.. Это ли прогрессивное человечество?! Это ли христианский народ, просвещенный евангельским учением?!»⁵⁸

Подобные случаи нередко приводились в периодической печати. Для чего это делалось — для поднятия боевого духа российских солдат, для дискредитации противника или было лишь объективным изложением фактов — не так важно. К примеру, приводился эпизод о сотне казаков, прорвавшихся из окружения прусских гусар. Оставшихся раненых пленных прусаки сожгли. Так вели себя «культурные германские варвары»⁵⁹. Священника Павла Добролюбова, служившего в прифронтовой полосе и отказавшегося уйти, не окончив литургии, солдаты избили за отказ поведать о дислокации и планах войск. От полученных ран священник вместе со своим помощником скончались в лазарете⁶⁰.

Русских больных, находившихся в германских госпиталях после операций, немецкие врачи в буквальном смысле выбрасывали на улицу, писала периодическая печать того времени. Автор указывал на крайнюю жестокость врага: убиваются и старики, и дети, насиляются женщины, расстреливаются пленные, отрезаются уши, языки и женские груди творятся подобные различные бесчинства,⁶¹ — пишет современник.

Утвержденный 9 апреля журнал Совета Министров от 17 марта 1915 г. говорил о необходимости расследования совершенных нарушений законов и обычаев войны странами Тройственного союза⁶², в связи с чем была образована Чрезвычайная следственная комиссия. Председатель Комиссии А. Н. Кривцов обратился ко всем органам печати с просьбой предать самой широкой огласке два неотправленных письма, написанных германскими солдатами. В письмах было следующее: «Когда наступление делается слишком трудным, мы берем пленных русских солдат и гоним их впереди себя, таким образом они сокращают наши потери. Мы не знаем, куда девать пленных. Отныне всех пленных будут выгонять впереди линии укреплений для расстрела их». Письма были сфотографированы, планировался их перевод на множество европейских языков, а также на японский, и рассылка в количестве несколько десятков тысяч экземпляров в государства всего мира⁶³. Также негодование вызвали газовые атаки: немцы против людей, как против каких-то насекомых, изобрели удушливые газы — пишет тобольский автор⁶⁴. Современная печать дополняет картину известиями о расстреле российских военнопленных за отказ рыть для неприятеля окопы⁶⁵.

В российской периодике времен Первой мировой войны заметны некоторые антисемитские тенденции. Известно, пишет современник, о жестоком обращении немцев с военнопленными. Но при этом умалчивалось о том, что в качестве начальников над пленными немцы назначали пленных же солдат из России «иу-

⁵⁸ ТЕВ 1915/21, 301-303.

⁵⁹ ТЕВ 1915/26, 391.

⁶⁰ ТЕВ 1915/28, 423-425.

⁶¹ ТЕВ 1915/37, 573.

⁶² ТЕВ 1915/25, 328-329.

⁶³ ТЕВ 1915/44, 711-712.

⁶⁴ ТЕВ 1915/43, 677.

⁶⁵ Стрелков 2009, <http://www.kpravda.ru/article/society/011438>.

дейского происхождения». Особенно часто антисемитская тема звучала применительно к «иудейскому засилью в печати»⁶⁶.

Со слов свидетелей автор описывал крайне тяжелые условия плена, значительным образом обусловленные начальством «жидов». Для достоверности приводились имена солдат, бежавших из плена, и названия их полков⁶⁷. Указывалось на постоянные издевательства над русскими солдатами: их постоянно били кнутами; заставляли покупать папиросы и другие товары за огромную стоимость, выгоняли голыми на мороз и держали там несколько часов за малейшую провинность. Таким образом, тяжесть плена, состоящая в голоде и холоде, усугублялась постоянными издевательствами «жидов» над русскими⁶⁸. Впрочем, германское начальство также распространяло сведения о варварском обращении русских с пленными⁶⁹.

Церковная периодика не оставила без внимания и сатирический жанр военных повествований, видимо, как один из способов патриотического воодушевления народа. «Епархиальные ведомости» с изрядной долей юмора и хорошим литературным слогом рисуют «страшный сон кайзера», которому являются разнохарактерные жертвы его ужасающей политики. Старик-генерал, невеста, застрелившаяся при известии о смерти жениха на фронте, маленькие дети, оставшиеся без родителей, и другие персонажи этого произведения навели ужас на императора, проснувшегося в конце концов от звуков русского Преображенского марша⁷⁰. Кайзер, по утверждению автора, весь день просидел в своей спальне. В декабре 1915 г. в том же жанре говорилось о поисках и желании мира со стороны «Вильгельма Последнего». Говорилось о чрезвычайно сложном финансовом и кадровом положении Германии. Автор пренебрежительно писал об отсутствии у Вильгельма меди, т.к. уже переплавлены все дверные ручки, равно как и «кастрюльки», и медные пуговицы. Вместо хлеба в самой Германии едят картофельную шелуху. Военная мощь также оставляет желать лучшего: ряды цеппелинов поредели, подводные лодки, «как гады», были раздавлены британским флотом, движение войск приостановлено на всех фронтах, и им не дают сделать ни шагу, — пишет автор тобольских «Ведомостей»⁷¹. Понятно, что реальная ситуация была иной, но не следует укорять современников в искажении фактов: цель данных памфлетов была иная. Австрийский император Франц-Иосиф объявлялся в тобольской печати «выжившим из ума», а «младо-Магомет», турецкий султан, также провозглашался «последним». Все союзники Германии, включая «предателей-болгар», требовали от Вильгельма войск, денег и провианта, которых у него не было, и только затем, чтобы доставить ему новые поражения, с пафосом заключается в статье.

Вильгельму оставалось только просить мира, но ему было отказано даже в посредничестве при переговорах со стороны США. В этом случае он вынужден обратиться к авторитетному лицу, римскому папе Бенедикту XV. Но папа в своем письме также ответил отказом, ставя кайзеру в вину занятие нейтральной Бель-

⁶⁶ ТЕВ 1916/20, 357-359; 1917/7, 111; 1917/8, 137; 1917/8, 139 и др.

⁶⁷ ТЕВ 1915/43, 684.

⁶⁸ ТЕВ 1915/43, 684-686.

⁶⁹ ТЕВ 1915/44, 710.

⁷⁰ ТЕВ 1915/10, 132-134.

⁷¹ ТЕВ 1915/45, 728.

гии, потопление мирных кораблей, разрушение христианских храмов и другие известные преступления. При этом Бенедикт XV разослал копии письма католическим архиереям и повелел прочитать его с амвона в церквях. Корреспонденты лондонских газет сообщали, что с кайзером после прочтения письма папы «случился удар»⁷². Таким образом, военная мощь Германии, ее политика и сам Вильгельм представляли перед читателем в несколько комичном ключе, когда «зло» выступает в роли курьезного, слабого, не представляющего реальной угрозы (хоть и могущее доставить какие-то неприятности) персонажа.

Все вышесказанное было характерно для 1914-1915 гг. и частично для 1916 г. В предреволюционный год состояние народного воодушевления постепенно сменялось позицией всеобщей усталости, апатии и разочарования. Количество статей в епархиальных Ведомостях, в которых излагалось отношение к Мировой войне, в 1914 г. составило 27 статей, в 1915 — 53 статьи (касающихся как отношения к войне, так и общеполитических моментов и частично — деятельности духовенства), в 1916 г. — всего 10 статей, причем нескольких вышеуказанных тематик. В 1917 г. на волне воодушевления долгожданной свободы происходит и всплеск интереса к войне, впрочем, перекрываемый волной радости от установления нового государственного строя. Число статей — 17, в большинстве которых тема войны не являлась главной, проходя в контексте тем о благотворительности и текущих событиях. В 1918 г., учитывая как краткий период военных действий со стороны России, так и большую поглощенность очередной сменой государственного строя, статей, в которых есть упоминания о войне, всего две.

На епархиальном съезде 20-27 мая 1917 г. духовенство Тобольской епархии высказалось относительно войны в смысле необходимости уничтожить «корень зла — милитаризм»⁷³. Епископ Гермоген указал на долг христианина «полагать души свои, жизнь свою за други своя», за родной народ, за церковь, за родину...»⁷⁴.

В 1917 г., после Февральской революции, России были указаны две важнейшие задачи: «великая война» и «внутреннее строительство новой жизни». Но при этом задачи не были равнозначными: страна находилась на волне свободолюбивого настроения и, ожидая благих перемен, лишь досадовала на военные неурядицы. Часть современников отдавала себе отчет в напряженности международного положения России. Войну необходимо довести до победного конца — это указывалось однозначно, поскольку поражение будет являться далеко не только таковым — оно принесет деморализацию, потерю веры в себя у народа, глубокое озлобление всех против каждого, междоусобные распри вплоть до гражданской войны⁷⁵. Только победа в войне принесет возможность удачного и плодотворного строительства новой России, убежден автор. Но при этом существовало осложняющее обстоятельство: чем далее от фронта, тем менее делается русским мужиком для армии и победы, ибо, как говорится, «над нами не каплет»⁷⁶.

⁷² ТЕВ 1915/45, 730.

⁷³ ТЕВ 1917/22, 309.

⁷⁴ ТЕВ 1917/29, 400.

⁷⁵ ТЕВ 1917/16, 236.

⁷⁶ ТЕВ 1917/16, 238.

В мае 1917 г. ликование свободы не заглушило опасности войны. Россия, по словам С. Н. Булгакова, вступила в пору исторической зрелости, самотворчества и самоопределения⁷⁷. Не только военные, но и журналисты отмечали необходимость объединения для отпора врагу, понимая при этом необходимость консолидации усилий и оставление внутренних противоречий: «Да будут все едино!»⁷⁸ — резюмирует автор. Но все же революция своей свободолюбивой рукой отодвинула войну на второй план, она оказалась заслонена для взора современников кажущимся величием строя правового государства, «самой свободной страны мира»⁷⁹.

В начале августа «Ведомости» характеризовали российскую армию как далекую от нормального состояния. Фронт назывался «армией обезумевших темных людей», бегущих с полей сражений, влекущих за собой «ужас, позор и срам, которых русская армия не знала с самого начала своего существования»⁸⁰. 24 августа протопресвитер армии и флота Георгий Шавельский заключал: «Армии в целом не существует. Есть корпус офицеров и вооруженная разнузданная толпа народа». Причинами подобных проблем являлось двоевластие в центре и безвластие на местах, стихийное движение народных масс, подстрекательства «демагогов»⁸¹. Политический и экономический кризис повлечет за собой гибель армии, а разложение войск приведет к гибели России и позору поражения; «упавший воинских дух» приведет к измене на фронте, констатировал Поместный Собор Русской Церкви в сентябре и октябре 1917 г.⁸². В сентябре 1917 г. тобольский священник П. Александров описывал свои подавленное состояние вследствие событий и ситуации на полях боевых действий⁸³.

Свобода оказалась не по плечу русскому народу, писалось в «Ведомостях» в ноябре 1917 г., т.к. она была воспринята как произвол⁸⁴. Говоря о нравственном, патриотическом, политическом, экономическом упадке, современники отмечали революционные настроения и дыхание Гражданской войны. О самой же Великой войне говорили мало и в основном в контексте революционных событий. Даже послание патриарха Тихона от 19 января (ст.ст.), говорившее о безумных гонениях на Церковь и тяжелом положении страны, не упоминало о войне⁸⁵. Россию может спасти только чудо⁸⁶, ибо над страной уже «занесен меч Вильгельма-насилыника»⁸⁷ — такие выводы делает тобольский автор⁸⁸.

В начале 1918 г., несмотря на сведения об огромном количестве детей, убитых и искалеченных воинов, коих насчитывалось около 1,5 млн. человек и которым была необходима помощь, война характеризовалась как действие, долженствующее

⁷⁷ ТЕВ 1917/29, 410.

⁷⁸ ТЕВ 1917/19, 263.

⁷⁹ ТЕВ 1917/29, 410.

⁸⁰ ТЕВ 1917/30, 436.

⁸¹ ТЕВ 1917/43, 597.

⁸² ТЕВ 1917/40, 526-529; 1917/42, 545-546.

⁸³ ТЕВ 1917/34, 501.

⁸⁴ ТЕВ 1917/42, 582.

⁸⁵ ТЕВ 1918/5, 75.

⁸⁶ ТЕВ 1917/42, 583.

⁸⁷ ТЕВ 1917/44, 632.

⁸⁸ Отметим, что еще недавно шла речь о переплавке Вильгельмом дверных ручек и утверждалась повальная дезорганизация его армий.

щее привести Россию к окончательному торжеству правды⁸⁹. В феврале 1918 г. Тобольский епархиальный Комитет Съездов духовенства и мирян писал: «Родина гибнет, выхода нет, надежда потеряна!». Но при этом все равно уповал на чудесное разрешение ситуации⁹⁰. Плачевное положение России связывалось с приходом новой власти и гонениями на православную церковь. Про войну конкретно ничего не говорилось.

Ввиду революционных событий восторженные возгласы (февраль-май 1917 г.) сменялись все более разочарованными (июль-сентябрь 1917 г.), а после октября и откровенно антибольшевистскими (для большинства духовенства). Масштабы и значение революции все более заслоняли для общественного сознания, а также и для духовенства важность мировой войны. События революции, которая была явна и конкретна везде, видимо, перевесили осознание военного времени, которое было «где-то там», на фронте. Собственно, о войне было довольно сказано и ура-патриотического в первый год ее ведения, и осторожно-негативного в 1916 г. Но в 1917 г. и первых месяцах 1918 г. именно революция вышла на первый план церковно-общественного осмысления.

В «Молитве о спасении Церкви Православной»⁹¹, составленной и принятой на Поместном Соборе, указывалось на раздоры, кровопролития, убийства; говорилось о «врагах отечества», но более в контексте гражданской, нежели мировой войны. Конечно, церковная мысль, выраженная патриархом Тихоном в двух «Посланиях», не могла обойти вниманием Брестский мир: «Позор свершился: условия приняты...»⁹². И люди, и оружие имеются, указывал патриарх. Ведь в «братоубийственной брани» воюют люди и, естественно, с использованием оружия. Солдаты, бегущие с поля боя, используют свое оружие против соотечественников. Патриарх констатировал полный упадок патриотизма и религиозности русского человека. Но при этом, говоря о необходимости прекращения внутреннего междоусобия, святейший Тихон не говорит о необходимости продолжения войны. Напротив, он указывает на возможную временную оккупацию Германией России и необходимость (если таковая произойдет) принять ее как выражение гнева Божия за совершенные беззакония. Разумеется, утверждалась необходимость религиозного возрождения и упования на Бога⁹³. Епархиальная же мысль по вопросу войны давно уже молчала, загруженная текущими революционными событиями и необходимостью собственного выживания.

Тобольский епископ Гермоген (Долганов) и Тобольский Церковно-Епархиальный Совет в своем «Воззвании» от 1/14 апреля также говорили о гонениях на Церковь и междоусобицах, но опять же не упоминали о войне. При этом епископ и Совет считали русский народ по-прежнему «богоносным» народом, а ответственность за свершившиеся социальные и политические катаклизмы возлагали на группу «исступленных самовольников», заблуждающихся в понятиях прав народа, которые расширялись ими до невообразимых пределов⁹⁴. Также говорилось

⁸⁹ ТЕВ 1918/3, 41.

⁹⁰ ТЕВ 1918/6, 100.

⁹¹ ТЕВ 1918/7-8, 115-116.

⁹² Воробьев 1994, 104.

⁹³ Воробьев 1994, 104.

⁹⁴ ТЕВ 1918/13, 14, 15, 155.

о величии Церкви Христовой и необходимости чтить и подчиняться ее священноначалию. О войне не говорилось ни слова⁹⁵. Тобольское епархиальное братство в своем «Воззвании» также писало о гонениях на церковь и междоусобицах, но даже не давало оценку происшедшим событиям Брестского мира⁹⁶.

Возможно, материалы относительно прошедшей уже для России войны и поступали в редакцию «Епархиальных ведомостей», но в 1918 г. епархия сконцентрировалась в основном на внутрицерковных моментах жизни: организации прихода и содержания духовенства, на проблемах, следующих за отделением церкви от государства, и т.п.⁹⁷, хотя оценка военного мира проскальзывала в материалах епархии. В «Воззвании Тобольского Епархиального Собрания к членам Тобольской церкви» говорилось о «расчленении» некогда единой Руси на части, когда «иноземный враг» отторгнул из состава ранее единой империи Малую и Белую Русь. Но далее вновь следовали слова о междоусобице и гонениях на церковь⁹⁸.

В «Воззвании» мирян (июнь 1918 г.) — членов Тобольского епархиального собрания к народу епархии — не говорилось даже о гражданской войне. В пафосных выражениях рисовалось бедственное положение православной церкви, которой необходима помощь равнодушного народа⁹⁹. В дальнейшем в тобольской печати говорилось, конечно, о гражданской войне, но по-прежнему ничего не было о Первой мировой¹⁰⁰.

События февральских дней 1917 г. и отречение императора продолжали осмысливаться на протяжении всего 1917 и 1918 гг. Но слова, мысли, даже заключения о великой войне народов отсутствовали уже в начале 1918 г. Всеобщая усталость и разочарованной войной, вкупе с событиями Октября, перевели проблему войны на периферию социального сознания русского народа и духовенства Русской православной церкви.

ЛИТЕРАТУРА

- Воробьев В.* (ред.) 1994: Акты святейшего патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти. 1917-1943. М.
- Дэвис Н.* 2005: История Европы. Транзиткнига. М.
- Зубов А. Б.* (ред.) 2009: История России. XX век: 1894-1939. М.
- Стрелков А.* 2009: Война, «затертая в памяти потомков». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kpravda.ru/article/society/011438/>
- Цытин В.* 2000: РПЦ в синодальную эпоху. 1700-1917 гг. // Православная энциклопедия. Русская Православная Церковь. Церковно-научный центр Русской Православной Церкви «Православная Энциклопедия». М.
- Шавельский Г. И.* 1954: Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Нью-Йорк.

⁹⁵ ТЕВ 1918/9-10, 141-145.

⁹⁶ ТЕВ 1918/9-10, 136-139.

⁹⁷ См. ТЕВ 1918/9-10, 11-12, 13-14-15 и др.

⁹⁸ ТЕВ 1918/13, 14, 15, 206-210.

⁹⁹ ТЕВ 1918/13, 14, 15, 203-206.

¹⁰⁰ ТЕВ 1918/13, 14, 15, 151-154; 1918/18-20, 302-304 и др.

THE ATTITUDE OF RUSSIAN ORTHODOX CHURCH'S CLERGY TO THE
FIRST WORLD WAR

(based on materials of Tobolsk diocese)

P. V. Belous

This article aims to examine the main roots of the First World War, its essence and meaning by Russian Orthodox Church's clergymen as well as tracking changes in attitudes of the clergy during 1914–1918. It covers patriotic enthusiasm of the first year of the war and its decline in 1916, February and October revolutions, the Brest peace and the civil war in the first half of 1918.

Key words: Russian Orthodox Church, the clergy, the First World War, Tobolsk diocese, February revolution, the October Revolution, the Civil War

© 2014

М. Н. Потемкина, И. В. Кузнецова

ПАСПОРТИЗАЦИИ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СССР В 1930-х гг.

В статье проанализированы причины, механизм и результаты паспортизации городского населения СССР в 1930-х гг., выявлены стратегии поведения людей и восприятия ими паспортов. Доказано, что власть использовала механизм паспортизации для проведения и закрепления искусственного структурирования общества.

Ключевые слова: история сталинизма, паспортизация, прописка, миграции населения

Основная функция паспорта — удостоверение личности, подтверждение связи человека и государства; кроме того, паспорт наделяет владельца комплексом прав. Поэтому причины паспортизации и механизм ее проведения как нельзя лучше характеризует существующий политический режим.

В статье использованы документы партийных и государственных органов, регулирующие механизм проведения паспортизации, дневники и мемуары, отражающие личностное восприятие паспортизации, периодическая печать, отражающая официальную позицию власти. Научных публикаций по теме формирования и поддержания паспортного режима в СССР немного, они отражают в основном паспортизацию как процесс, т.е. её цели, порядок осуществления, деятельность контролирующих органов, цифровые показатели паспортизации. Ш. Фицпатрик затрагивает паспортизацию как часть повседневной жизни жителей городов в 1930-е гг., В.В. Шведов, И.В. Ширяева — как один из эпизодов деятельности

Потемкина Марина Николаевна — доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой всеобщей истории Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова. E-mail: mpotemkina@mail.ru

Кузнецова Инна Владимировна — аспирантка Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова. E-mail: nysk.delfin@yandex.ru

правоохранительных органов в 1930-е гг. Е. Жирнов рассматривает лишение права на получение паспорта как одно из ограничений для спецпереселенцев. М. Меерович, анализируя жилищную политику советской власти, посвятил главу рассмотрению роли паспортов, трудовых книжек и прописки в механизме манипулирования людьми¹. В. Голдман, исследуя причины введения паспортной системы в СССР, сравнивает политику советского руководства с политикой Петра Первого, считая, что общей целью было прикрепить людей к месту работы и контролировать потоки рабочей силы². В целом в отечественной и зарубежной историографии практически не подвергся рассмотрению такой аспект паспортизации, как восприятие её населением.

Целью настоящей статьи является попытка комплексного изучения процесса паспортизации, включая восприятие её рядовыми членами советского общества.

С установлением советской власти одной из главных задач, стоявших перед большевиками, стала перепись, регистрация и стигматизация всего населения.

В соответствии с Постановлениями ЦК и СНК СССР от 27.12.1932 г. «Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописке паспортов», «О выдаче гражданам Союза ССР паспортов на территории Союза ССР» и Положения о паспортах, в стране вводились внутригосударственные паспорта. Официально были провозглашены следующие цели этого мероприятия:

- для ликвидации «социального паразитизма»;
- ограничение проникновения «кулаков» в города с целью «рыночной деятельности»;
- ограничение миграции сельского населения в города с целью «сохранения чистоты городов»³.

Право на получение паспорта имели все взрослые городские жители, достигшие 16-летнего возраста, не лишённые гражданских прав, включая железнодорожников и строительных рабочих, имевших постоянный заработок, работники государственных сельскохозяйственных предприятий. Выдача удостоверений личности прекращалась. Паспорт выдавался сроком на 3 года и являлся единственным документом, удостоверявшим личность⁴. Паспортизация была тесно связана с пропиской и предоставлением избирательных прав. Паспорта были действительны для проживания только при наличии прописки. Прописка определяла основные преимущества городского жителя: наличие продуктовой карточки, социального страхования, права на жильё. С помощью паспорта власть законодательно прикрепляла население к месту жительства и месту работы.

Что касается сельских жителей, то паспорта им не выдавались, учёт жителей вёлся по спискам сельскими Советами. При выезде в город человек получал паспорт сроком на 1 год. По истечении этого срока появлялась возможность получить постоянный паспорт.

Различные виды документов, удостоверявших личность, применялись в мировой и российской практике и до большевиков. Начиная с 1918 г. советская власть использовала для маркировки граждан различные виды документов: «тру-

¹ Меерович 2008, 303.

² Голдман 2005, 72-92.

³ Ширяева 2003, 145.

⁴ Шведов 2007, 181.

довые книжки для нетрудящихся», удостоверения, мандаты, билеты делегатов, членские билеты, расчётные книжки, карточки учёта населения, удостоверения личности и др.⁵ В ходе этой «чехарды» осуществлялся поиск универсального документа, с помощью которого можно было бы управлять массами. Путём проб и ошибок сформировалась и содержательная часть будущего паспорта.

Вопрос о паспортах возник в 1932 г. не случайно. В условиях начавшейся индустриализации одним из существенных препятствий для налаживания производства стала высокая текучесть рабочей силы⁶. После сплошной коллективизации сельского хозяйства началось массовое бегство крестьян в города, что усугубило нараставшие год от года продовольственные трудности. Рост неконтролируемых миграций населения также спровоцировал голод 1932 г. И именно для очистки городов, прежде всего Москвы и Ленинграда, от этого пришлого элемента предназначалась новая паспортная система. Единый документ, удостоверяющий личность, вводился в городах, объявленных режимными, и паспортизация служила одновременно способом их очистки от беглых крестьян. Паспорта, правда, не выдавали не только им, а еще и недругам советской власти, лишенным избирательных прав, неоднократно судимым уголовникам, а также всем подозрительным и социально чуждым элементам. Отказ в выдаче паспорта означал автоматическое выселение из режимного города, и за первые четыре месяца 1933 года, когда проходила паспортизация двух столиц, в Москве убыль населения составила 214 700 человек, а в Ленинграде — 476 182⁷. Города были разделены на 2 категории: «закрытые» (Москва, Ленинград, Киев, Одесса, Минск, Владивосток, Харьков, Ростов-на-Дону) и «открытые» (все остальные). Закрытые города имели привилегированный статус: прописка в них ограничивалась властями, снабжение было лучше.

Введение паспортов на территории нашей страны происходило поэтапно в 3 очереди. Уральская область была отнесена ко 2-й очереди. 7 мая 1932 года президиум Уралоблисполком постановил начать о выдачу паспортов в Свердловске, Молотове, Перми и Челябинске, а также в рабочих поселках, входящих в черту этих городов. Срок паспортизации был установлен с 15 мая 1932 г. по 15 августа 1933 г.⁸ Заниматься паспортизацией было поручено ОГПУ. На местах были созданы паспортные столы, на крупных предприятиях (с численностью более 2000 рабочих и служащих) были сформированы паспортные пункты.

Для получения паспорта необходимо было предоставить следующие документы: справки из домоуправления, справки из места работы, службы или учебного заведения, любой документ, удостоверяющий место и время рождения, учетно-войсковой билет для всех военнообязанных лиц. Граждане, работающие на предприятиях, получали документы в первую очередь. Одновременно запрещался любой обмен жилплощади, на срок паспортизации было запрещено сдавать жилье в порядке самоуплотнения⁹.

⁵ Меерович 2008, 197-207.

⁶ Голдман 2004, 74.

⁷ Жирнов 2009, 54.

⁸ ОГАЧО. Ф. Р-623. Оп. 1. Д. 18. Л. 2.

⁹ ОГАЧО. Ф. Р-623. Оп. 1. Д. 18. Л. 3.

О том, как восприняло само население Челябинска паспортизацию, мы можем судить из дневника Ф. И. Горбунова, который с мая по июнь 1933 г. работал заместителем секретаря одного из паспортных пунктов города.

«Вся эта история застала публику врасплох. У большинства не оказалось почти никаких документов и особенно у стариков не было метрик доказывающих их место и время рождения. Не было их и у средневозрастных»¹⁰. «В трудном положении оказались люди и пришедшие столпившиеся сюда со всех концов республики, но и из заграничных мест, как например местностей ранее входивших в состав старой России и теперь отошедших от нее в границы Польши, Литвы и др. вновь испеченных стран. Полетели во все концы запросы о высылке документов. Забегали люди по учреждениям собрать справки о том, что когда-то тот или иной работал в том или ином учреждении»¹¹.

В условиях безграмотности и малограмотности значительной части взрослого населения страны при оформлении документов совершалось огромное количество ошибок. Необходимо было их выявлять и устранять. Насколько успешной была эта работа, зависело от профессионализма конкретных работников на местах. Вот как описывал её в своём дневнике Горбунов: «20 мая приступил к работе. Работа заключалась в том, чтобы сверять заполненные стандартные справки с домовою книгой и заверять своей подписью с приложенным штампом. Справки в большинстве написанные малограмотными людьми искажались до абсурдов: в вопросе «национальность» ставили ответ «православный». Не говоря уже о том, что ответы путали с вопросами. Писали не в соответствующих строках, безграмотно, неразборчиво. Все это приходилось исправлять. Домовые книги в большинстве истрепанные до крайностей. Приходилось их складывать по кускам и с трудом читать написанное. Многие являлись без книг, так как не были прописаны по таковым. Одни умоляли заверить им справки без книг приводя различные причины мешавшие им прописаться по книге. Иные наивно вписывали себя в книгу и не заверив этих записей, удивлялись, что получали отказ в заверении справок»¹².

Как выглядел паспорт? Помимо кратких сведений о владельце (имя, отчество, фамилия, время и место рождения, национальность), в паспорте указывались социальное положение (взамен чинов и званий Российской империи советский новояз устанавливал для людей следующие социальные ярлыки: «рабочий», «колхозник», «крестьянин-единоличник», «служащий», «учащийся», «писатель», «художник», «артист», «скульптор», «кустарь», «пенсионер», «иждивенец», «без определенных занятий»), местожительство и место работы, прохождение военной службы и перечень документов, на основании которых выдавался паспорт.

При всем масштабе проводимого мероприятия в советской прессе паспортизация была освещена достаточно скудно. 7 мая 1933 г. «Челябинский рабочий» поместил постановление №289 президиума Уралоблисполкома о введении паспортной системы на территории городов Свердловска, Перми, Молотова и Челябинска. В нем оглашались сроки проведения паспортизации на Урале (15 мая — 15 августа 1933 г.) и предложение городским советам определить порядок выдачи

¹⁰ ОГАЧО. Ф. Р-623. Оп. 1. Д. 18. Л. 8.

¹¹ ОГАЧО. Ф. Р-623. Оп. 1. Д. 18. Л. 9

¹² ОГАЧО. Ф. Р-623. Оп. 1. Д. 18. Л. 15 — 17.

паспортов, мобилизовать кадры для работы в паспортных пунктах, предоставить необходимое помещение, требовать от всех служащих паспортные документы¹³.

Через два дня на страницах главной областной газеты появляется обязательное постановление Челябинского горсовета от 9 мая 1933 г. «О введении единой паспортной системы и обязательной прописке паспортов в г. Челябинске, рабочих поселках, входящих в черту города, в совхозах и населенных пунктах, где расположены машинно-тракторные станции». Назывался список документов, необходимый для получения паспорта, расположение паспортных пунктов. Отныне строго запрещалось сдавать жилую площадь в наем на время проведения паспортизации в Челябинске¹⁴. Как правило, материалы о паспортизации размещались на первых страницах газет и носили документально-информативный характер. Известный советский поэт В.И. Лебедев-Кумач написал в те годы слова к «Песенке бюрократа», иронично показав значение в обществе документа, удостоверявшего личность: «Без бумажки — ты букашка, а с бумажкой — человек».

Как люди воспринимали сам паспорт? Как желаемый, владение которым предоставляло какие-то льготы, новые возможности для повышения жизненного уровня? Индифферентно, как ещё одну непонятную бумажку? Или как опасный документ — клеймо, который ограничивал свободу человека и давал властям широкие возможности контроля? Как следует из анализа исторических источников, паспорта воспринимались большей частью населения как желаемый и ценный документ: «Паспорта получали большую ценность. Были установлены уже случаи продажи паспортов по цене до 3000 рублей и дороже»¹⁵. «Паспорт равнялся вопросу быть или не быть человеку. Человек, не получивший паспорт, должен был исчезнуть. Выехать в кратчайшие сроки из города неизвестно куда и не каждый имел средства на выезд и бросить свое имущество, особенно недвижимое на произвол. Люди нервничали, бегали, хлопотали, придумывали разные способы получения паспортов»¹⁶.

Типичные стратегии поведения людей в условиях паспортизации можно условно разделить на активные (два типа: «законники» и «уклоницы») и пассивные. «Законники» всеми силами стремились получить паспорт (а лучше два) для себя и всех родственников, очевидно, полагая, что с этим документом легче продвинуться по служебной лестнице, устроиться на работу, получить льготы или государственные пособия, избежать высылки из города или каких-нибудь обвинений со стороны власти. «При заполнении стандартных справок все старались записать к себе как можно больше иждивенцев заносив в их список не только жен, детей, отцов, матерей, дедушек и бабушек, а тетю, свояченицу, племянниц, племянников и прочих родственников, чтобы обеспечить их возможностью получения паспортов, так как вся эта родня не работала и поэтому не могла рассчитывать на получение паспортов самостоятельно. Приходилось немало вычеркивать. Имели место случаи получения двух справок чтобы получить два паспорта».

«Уклоницы», полагая в силу каких-либо причин, что паспорт им не выдадут, и опасаясь высылки или другого наказания в случае обнаружения скрываемых

¹³ ОГАЧО. Ф. Р-623. Оп. 1. Д. 18. Л. 2

¹⁴ ОГАЧО. Ф. Р-623. Оп. 1. Д. 18. Л. 3.

¹⁵ ОГАЧО. Ф. Р-623. Оп. 1. Д. 18. Л. 20 — 21.

¹⁶ ОГАЧО. Ф. Р-623. Оп. 1. Д. 18. Л. 24.

фактов своей биографии (например, совершённых правонарушений, «классово-чуждого» социального происхождения, рода занятий и др.), бежали, скрывались. «Еще задолго до начала паспортизации стали ходить слухи о разгрузке города путем выселки многих из города. Создавалась паника, многие продавали дома, имущество и уезжали, иные позднее, уже во время паспортизации бросали пожитки и уезжали, опасаясь быть высланными в принудительном порядке не туда, куда бы хотелось. Создалось напряженное состояние»¹⁷.

Особо следует сказать о великих индустриальных стройках первых пятилеток. К таким городам относился Магнитогорск. Осенью 1931 г. Магнитострой, развивающийся металлургический гигант, потерял 129% своих новоприбывших. Исследования, проведенные в 1930 г. на двенадцати крупных заводах, показали, что текучесть кадров была настолько большой, что даже старые заводы с налаженным, устоявшимся производством (как «Красный путиловец» в Ленинграде) не были способны вести точный учет работающих и прогульщиков. На многих заводах до одной трети рабочих никогда не возвращались из отпуска¹⁸. Количество людей, сбежавших из города во время паспортизации, в городах-новостройках было особенно велико.

В системе организации контроля над паспортизацией первостепенная роль принадлежала правоохранительным органам. Особое внимание милиция уделяла части городского населения, которой паспорт выдавать было запрещено. Прежде всего к ним относились бывшие кулаки и раскулаченные, несмотря на их нынешний род деятельности. Лишались права на жительство в городе и выходцы из деревень, не имеющие постоянной работы и места жительства. Также из городов выселялись священники, за исключением тех, кто служил в городе. Далее шли маргинальные элементы: торговцы наркотиками, азартные игроки, содержатели борделей и преступники¹⁹.

Большая ответственность была возложена на участковых милиционеров и других сотрудников милиции: периодически производились облавы, выдворение из городов так называемых «социальных паразитов». Лицам, получившим отказ в выдаче паспорта, органами милиции выдавалось предписание о выезде из населённого пункта в 10-дневный срок²⁰. Согласно информации начальника паспортного режима НКВД от 13.08.1934 г., только за 2 месяца население «открытых городов» уменьшилось на 420 тыс. человек. Что касается «столиц», здесь цифры были гораздо больше: в Москве убыль населения 60 тыс. человек за 2 месяца, в Ленинграде — 54 тыс. за один месяц. За первые 8 месяцев 1934 г. за нарушение паспортного режима в результате милицейских облав в «закрытых городах» было арестовано более 630 тыс. человек, выслано из городов как «деклассированных элементов» 65 661 человек, 3596 предстали перед судом, 175 627 — высланы со статусом спецпереселенцев²¹.

В последующие годы власть ужесточила ответственность за нарушение паспортного режима. Так, с февраля 1934 г. за проживание без прописки и паспорта

¹⁷ ОГАЧО. Ф. Р-623. Оп. 1. Д. 18. Л. 6.

¹⁸ Голдман 2005, 72-92.

¹⁹ Фицпатрик 2008, 176-177.

²⁰ Шведов 2007, 182.

²¹ ГАРФ.1235. Оп.2.Д.1650.Л.27-34.

налагался штраф до 100 руб. или исправительно-трудовые работы сроком до 30 дней²². Повторное нарушение влекло за собой уголовную ответственность. Введенная 1 июля 1934 г. в УК РСФСР 1926 г. статья 192а предусматривала за это лишение свободы на срок до двух лет.

Среди положительных последствий паспортизации необходимо отметить, что она помогла выявить значительное количество преступников. Частично города были «очищены» от нежелательных категорий населения: преступного элемента, нищих, беспризорников и других маргиналов.

За первые четыре месяца 1933 года, когда проходила паспортизация двух столиц, в Москве убыль населения составила 214 700 человек, а в Ленинграде — 476 182²³. На начало паспортизации население г. Челябинска составляло 148 488 жителей, паспорта получили 102 219 человек. Было отказано в выдаче паспорта 2 840 человекам из обратившихся²⁴.

Паспортизация сузила количество социальных лифтов, сделав привлекательными некоторые профессии и занятия. Например, служба в армии давала возможность перебраться из деревни в город, а значит, предоставляла доступ к образованию и квалифицированным специальностям. Поступление на военную службу или работа в правоохранительных органах, хотя и обладала повышенным риском, считалась престижной и уважаемой.

Задokumentировав личность каждого человека, власть усилила возможности контроля над передвижением населения и получила дополнительные рычаги для осуществления репрессивной политики.

В целом паспортизация не остановила массовую миграцию сельского населения в города, хотя на некоторое время замедлила его.

Таким образом, власть использовала механизм паспортизации для проведения и закрепления искусственного структурирования общества.

ЛИТЕРАТУРА

Голдман В. 2005: Проза о советском паспорте: рабочие и свободное переселение // Новый исторический вестник. 12, 72-92.

Жирнов Е. 2009: «Не имеют права на паспорт 37 процентов граждан» // Коммерсант. 13, 54.

Меерович М. Г. 2008: Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917-1937годы). М.

Фицпатрик Ш. 2008: Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.

Шведов В. В. 2007: Формирование и деятельность органов внутренних дел Уральской области (1923-1934гг.): дисс... канд. ист. наук. Екатеринбург.

Ширяева И. В. 2003: Советские правоохранительные органы и проблема прав человека (1922-1941): дисс... канд. ист. наук. М.

²² Шведов 2007, 183.

²³ Жирнов 2009, 54.

²⁴ ОГАЧО. Ф. Р-277. Оп.9. Д.26. Л.9-11.

PASSPORT SYSTEM OF THE URBAN POPULATION
OF THE USSR IN THE 1930s

M. N. Potemkina, I. V. Kuznetsova

The article analyzes the causes, mechanism and results of the certification of the urban population of the USSR in the 1930s. The authors identify the strategy of people's behavior and their perception of passports. It is proved that the government used the certification mechanism for the certification and fixing the artificial structuring of society.

Keywords: history of Stalinism, passport system, registration, migration

© 2014

Н. Н. Макарова, Н. В. Чернова

СОВЕТСКИЕ ГРАЖДАНЕ И ИНОСТРАННЫЕ СПЕЦИАЛИСТЫ:
СОЦИАЛЬНО-БЫТОВЫЕ УСЛОВИЯ В НОВОМ
ИНДУСТРИАЛЬНОМ ЦЕНТРЕ
(по материалам Магнитогорска 1930-х гг.)

В данной статье рассматриваются социально-бытовые условия жизни различных категорий населения нового индустриального центра — города Магнитогорска в годы первых пятилетних планов, когда основной акцент делался на форсирование строительства металлургического комбината, а условия жизни рядового горожанина оставалась на втором плане. Опираясь на данную особенность условий Магнитостроя, авторы статьи предприняли попытку сравнительного анализа условий жизни советских граждан и иностранцев. Статья основана на разнообразных видах исторических источников (делопроизводственная документация, источники личного происхождения, периодическая печать), что позволило проанализировать не только официальную точку зрения на жизнь всевозможных категорий населения города, но и «услышать» голоса рядовых строителей металлургического предприятия и города.

Ключевые слова: история повседневности, индустриализация, Магнитогорск, быт, иностранные специалисты

На Магнитострое имели место все признаки мобилизационной экономики: закрепление рабочей силы за предприятиями, наказания за нарушения трудовой дисциплины, жесткое распределение ресурсов, манипуляции в распределении благ¹. Следует отметить, что названные элементы характерны не только для данно-

Макарова Надежда Николаевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова. E-mail: makarovanadia@mail.ru

Чернова Нина Викторовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова. E-mail: nina_chernova@mail.ru

¹ Конторов 2001, 132.

го типа экономики, но для любой экономической системы вообще. Однако особую роль они приобретают в условиях мобилизованности. Вслед за исследователем В. В. Седовым мы считаем, что для эффективной работы мобилизационной экономики необходим особый духовный подъем населения, его готовность идти на временные неудобства и лишения. «В мобилизационной экономике исключительное значение приобретают моральные, нравственные, психологические ... факторы»². Магнитогорск был создан благодаря героическому подвигу его первостроителей, их жертвенности и энтузиазму, но эти вопросы являются темой отдельного исследования³. В данной статье авторы предпринимают попытку провести сравнительный анализ социально-бытовых условий советских и иностранных граждан, проживавших на Магнитострое, показать систему привилегий в отношении данных категорий населения и продемонстрировать относительность различий в качестве жизни граждан в условиях строительства нового индустриального центра. Данная проблематика практически не изучалась ранее на материалах Магнитогорска. Исключение составляет ряд публикаций на смежные темы⁴.

Базовыми показателями качества жизни, несомненно, являются жилищные условия, качество снабжения и медицинского обслуживания. Стремление власти максимально быстрыми темпами с минимальными затратами создать важнейшее производство в Магнитогорске приводило к тому, что строительство велось практически без какой-либо предварительной работы по созданию необходимой инфраструктуры. На будущую строительную площадку прибывал своеобразный трудовой десант, живший буквально под открытым небом. Первых прибывающих на Магнитострой рабочих селили в брезентовых палатках, каждая из которых вмещала по норме 17 человек. На самом же деле в одной палатке размещалось по 25–30 человек⁵. Вскоре магнитогорцы начали строить облегченные бараки, а палатки заменили «чингизками»⁶. Довольно похожи по конструкции на «чингизки» были магнитогорские землянки⁷. Коренным отличием землянки от «чингизки» было то, что последние находились над землей, а землянки уходили под землю приблизительно на один метр. Наибольшую популярность и распространение в Магнитогорске получили бараки. Преимущественно строились бараки двух типов: для семейных и одиночек. Для строителей-одиночек строились бараки казарменного типа на 250–300 человек, для семейных — с комнатной планировкой на 150–200 человек с изолированными комнатами площадью по 12–15 кв. м. Условия проживания в бараках были, несомненно, тяжелыми. Водопровод имелся у незначительной части жилищ, центральное отопление также являлось крайней редкостью. Кроме того, большая скученность населения, отсутствие помещений для сушки одежды, «стирка белья и пеленок, прием пищи, пьянство, картеж, хулиганство — обычная вещь в любом барачном поселке — делали жизнь рабочих

² Седов 2003, 22.

³ Макаров 2013.

⁴ Макарова 2013.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-5451. Оп. 15. Д. 429. Л. 110.

⁶ Брезентовую палатку покрывали досками, между ними засыпали землю, настилали пол, устанавливали печь. Название этот вид жилища получил по имени создателя — заместителя начальника Магнитостроя Чингиза Ильдрыма.

⁷ Землянка — домик с засыпными стенами: с двух сторон доски, а между ними земля. Сверху был уложен дощатый настил, по доскам толь, сверху слой глины.

невыносимой⁸. Основной формой форсированного жилищного строительства в Магнитогорске был квартирный дом сборной щитовой конструкции, возводившийся «индустриальным методом»⁹. Необходимость возведения подобных домов объяснялась тем, что «каменное производство соцгорода не поспевает за темпами постройки завода»¹⁰. Сообщалось о том, что дома оборудуют водопроводом, отоплением и канализацией. В условиях нехватки жилья каркасные и щитовые дома стали очень популярны. Однако эти конструкции были недолговечными и считались временным типом жилья, поэтому возведения обещанных коммуникаций и общественно-коммунальных объектов не было произведено.

Начало капитальному строительству в городе было положено в 1930 г. Капитальные дома на левом берегу начали возводить по проекту Э.Мая. Жилые дома по плану располагались вокруг парков и общественных центров. Однако детально разработанный проект в условиях приоритетного строительства металлургического завода реализовался не комплексно. Поскольку городу требовалось жилье, возводили жилые дома, а строительство общественных зданий откладывали на более поздний срок. Жители, вселившиеся в квартиры «со своими частнособственническими интересами», сразу почувствовали массу неудобств: «Мрачные казарменные фасады зияли дырами не застекленных окон. Не были сделаны даже межкомнатные перегородки. Не было отопления — ждали прибытия радиаторов. Не было и уборных...»¹¹. Барачный быт сохранился практически в неизменном виде и в капитальных домах Магнитогорска, а квартиры заселялись покомнатно. Согласно официальным данным, средний показатель распределения жилой площади на человека составил в 1932 г. 1,8 кв. м¹².

Дефицит жилья в строящемся городе не обошел стороной и приезжавших на Магнитогосрой иностранцев. Естественно, что большая часть из них приезжали, заключив соответствующий трудовой договор, в котором прописывались жилищные условия. Однако следует оговорить следующую закономерность. В договоре иностранных рабочих прописывалось «обеспечение работополучателя жилым помещением в общежитиях в аналогичных условиях с советскими строительными рабочими данного предприятия»¹³. В случае приезда семьи инорабочего работодателем ему предоставлялось «помещение только при условии наличия свободной площади в общежитиях (бараках) для строительных рабочих, при отсутствии таковой работополучателю может быть только оказано содействие в получении жилой площади за его собственный счет»¹⁴. Как видно, несмотря на заинтересованность Магнитостроя в иностранных рабочих и перевоза их семей в город (в данном случае оплата в валюте не предусматривалась), гарантий в получении надлежащего жилья не существовало. Конечно, более благополучно обстояло дело с фирменными иностранными специалистами, которые проживали в гостиничных номерах специально отстроенного поселка «Березки», но и здесь были свои трудности. В декабре 1931 г. в гостиницах были перебои с отоплением и снабжением

⁸ Баканов 2001, 111.

⁹ Казаринова 1961, 149.

¹⁰ Макарова, Чернова 2010, 136.

¹¹ ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 5. Д. 361. Л. 17–18.

¹² Коткин 2001, 111.

¹³ МУ МГА. Ф. 99. Оп. 8. Д. 23. Л. 6.

¹⁴ Чернова 2012, 390.

горячей водой, освещение оставляло желать лучшего, что не позволяло инженерам и иным специалистам, проживавшим там, «сделать какую-нибудь письменную работу, самую необходимую». Кроме того, гостиницы были часто переполнены: «Вместили ко мне в квартиру второго квартиранта. Комендант уверял, что только на 3 дня, наконец, прошли между этим 9 месяцев»¹⁵, — жаловался в письме к Я.С. Гугелю монтер фирмы «Чокке-Берке» Ф.Бесгерц. В расселении иностранцев трудности состояли не только в квадратных метрах, но и в мебелировке. Прописанные в договорах условия не соблюдались. Так, немецкому шеф-монтеру Э.Зецефанду, ютившемуся с семьей в одной комнате, на четверых выдали одну кровать. Решить вопрос с комендантом не представлялось возможным, что заставило иноспециалиста угрожать невыходом на работу¹⁶.

Следует сказать, что иностранные специалисты в социально-бытовых вопросах Магнитостроя не были безучастными наблюдателями. Будучи квалифицированными инженерами, они предлагали собственные идеи и чертежи для преодоления возникающих трудностей, принимали участие в совещаниях с соответствующими советскими организациями. У них были собственные домовые комитеты, которые регулировали жилищные вопросы внутри отдельно взятых барачков. Вносили иностранцы на рассмотрение Горсовета и конкретные предложения по устройству улиц и дорожного движения. Так, Густав Фридрих представил в августе 1932 г. целый план преобразований, подытожив его следующим: «Все эти, предложенные мной пункты, могут быть проведены и составляют минимум того, что надо сделать для реорганизации методов для строительства магнитогорских улиц. Я готов взять на себя проведение и проверку всех предложенных мной методов, на основании моей многолетней и продолжительной практики по строительству улиц в Германии»¹⁷.

В условиях дефицита товаров народного потребления и выдвижения на первый план форсированного строительства металлургического завода вопросы снабжения населения оказывались не приоритетными. 30 октября 1931 г. состоялся Пленум ЦК ВКП(б), на котором рассматривался вопрос о необходимости развертывания торговой сети и улучшение снабжения населения Урала. В результате к осени 1932 г. в городе функционировало 123 магазина, 112 торговых палаток, 62 предприятия общественного питания, в том числе 40 столовых, две фабрики-кухни, ресторан, было построено овощехранилище емкостью 29350 тонн. Открылась швейная фабрика, сапожная мастерская, Горпромкомбинат, работали десятки артелей по производству товаров народного потребления. Однако потребности растущего города не были удовлетворены, а снабжение осуществлялось с перебоями. Недостаток продуктов питания, одежды и обуви стоял по-прежнему остро. Выдача товаров по карточкам или «заборным книжкам» неизменно сопровождалась очередями, волокитой, руганью и ошибками при выдаче товаров. В Магнитогорске в сфере снабжения, торговли и общественного питания получили рас-

¹⁵ МУ МГА. Ф. 99. Оп. 8. Д. 26. Л. 3. Аналогичные жалобы поступали в это время от монтеров фирмы «Крупп», что инициировало довольно резкую переписку между фирмой и Магнитостроем (МУ МГА. Ф. 99. Оп. 8. Д. 28. Л. 3, 6.)

¹⁶ МУ МГА. Ф. 99. Оп. 8. Д. 236. Л. 5.

¹⁷ МУ МГА. Ф. 99. Оп. 8. Д. 639. Л. 52.

пространение обвешивания, «торговля для своих», получение дополнительных обедов за счет «мертвых душ»¹⁸.

Очереди были спутником жизни магнитогорцев на протяжении всего исследуемого периода. Возникновение очередей объяснялось прежде всего отсутствием достаточного количества торгующих точек и столовых, дефицитом товаров народного потребления и массовой путаницей, возникающей при наличии льгот и привилегий среди магнитогорцев: «Я ударник, ежемесячно перевыполняю план, работаю на самом ответственном участке нашего завода старшим газовщиком на комсомольской домне, но живу очень плохо. Во-первых, я, как правило, остаюсь по два-три дня без хлеба. Придешь с работы, то в ларьке хлеба нет, то очередь большая...»¹⁹. В связи с имевшимися проблемами в сфере снабжения отчеты контрольных комиссий РКИ отмечали случаи недовольства со стороны рабочих. Рабочий ответственного участка строительства плотины Федоров во время проведения беседы десятником Быковым говорил: «Вошь заедает. Дали бы хотя бы по паре белья. ЦРК содрал с нас пай, работает на наши деньги, а нам фигу показывает...»²⁰. Проблема снабжения в отношении иностранных рабочих включала в себя дополнительные составляющие. Прежде всего, Магнитострой был для них временным местом проживания, следовательно, и набор вещей, привозимых ими с собой и приобретаемый в Магнитогорске, должен был скрасить и облегчить конкретный период времени. В то же время большинство иностранцев привыкли проживать в относительном комфорте, то же они надеялись получить и на новом месте работы. Несоответствие представлений и реального положения дел приводило к тому, что у инорабочих были серебряные сервизы для чая, но не было элементарно «дождевика и пары резиновых сапог»²¹. К тому же большинство вещей инорабочие везли как багаж по железной дороге, его оплату принимающей стороной предусматривали трудовые договоры. Впрочем, багаж очень редко доходил до Магнитогорска в полном виде²². Выплачиваемые денежные компенсации не решали проблему приобретения необходимых вещей в Магнитогорске, т.к. даже магазины Инснаба, обслуживавшие зарубежных рабочих, испытывали дефицит товаров. Еще одной возможностью решить проблему снабжения для иностранцев была почта: они могли получать посылки по сниженным тарифам. Но посылки, содержащие сало, колбасу, сахар, мыло, сигареты и т.д., чаще всего либо терялись, либо приходили вскрытыми. В свою очередь Иностраннный отдел комбината пытался помочь инорабочим, ходатайствуя перед местными мастерскими и артелями о быстрой починке или производстве, например, обуви. Впрочем, иностранцы не совсем доверяли таким производителям, т.к. сданные в починку вещи нередко просто пропадали²³.

Проблема питания в столовых оставалась в Магнитогорске не менее острой. Обеды были крайне однообразны. Первое блюдо — суп с вермишелью, мясо консервированное; на второе каша — рисовая пшенная, гречневая или перловая.

¹⁸ ОГАЧО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 8. Л. 50.

¹⁹ Магнитогорский комсомолец 16.04.1932.

²⁰ ОГАЧО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 8. Л. 72.

²¹ МУ МГА. Ф. 99. Оп. 8. Д. 26. Л. 1; Д. 30. Л. 5.

²² МУ МГА. Ф. 99. Оп. 8. Д. 244. Л. 8–16.

²³ МУ МГА. Ф. 99. Оп. 8. Д. 247. Л. 5

Реже давали картофельное пюре²⁴. Качество обедов было крайне неудовлетворительное²⁵. Хлеб в городе, несмотря на наличие собственного хлебокомбината, был низкого качества. Чаше всего он был просто не пропечен и рабочие были вынуждены есть его сырым²⁶. Питание иностранных рабочих и специалистов, впрочем, как и снабжение в целом, осуществлялось через магазины и распределители Инснаба. К последнему у покупателей были нередкие претензии: не было «свежих фруктов, отпускаемые продукты из распределителя в несколько раз дороже»²⁷. В Иносектор комбината часто поступали жалобы о полном или частичном отсутствии обедов, в то время как иностранные специалисты, задействованные на сложных и ответственных объектах, могли питаться один раз в сутки²⁸.

И вновь иностранные рабочие пытались решить самостоятельно вопросы недостатка продовольствия. Они апеллировали устно и письменно не только в Иностранный отдел комбината, но и в Горсовет и в газету «Магнитогорский рабочий». В частности, Густав Фридрих подготовил в газету статью, в которой говорилось: «Снабжение вместо улучшения становится все хуже и хуже, целыми днями не имеется продуктов и наши жены не знают, что приготовить к обеду. [...] Мне хотелось бы обратить внимание местных партийных организаций на одно очень важное постановление. Предполагается в будущем году устроить на товарищеских началах огороды. Проведение этого плана приведет к тому, что общий вид Магнитогорска будет улучшен, зеленые зоны увеличены, причем сады и огороды будут устроены согласно немецким методам Союза Садоводства «Шребера». Кроме этого предлагается заняться кролиководством»²⁹.

В этой связи актуален вопрос о качестве лечения магнитогорцев. Несмотря на передовые по тем временам возможности: наличие специального медицинского оборудования и лекарственных препаратов, — число повторно заболевших горожан не сокращалось. Главной причиной повторной заболеваемости был низкий уровень жизни. Жилищная скученность, неразвитость социальной инфраструктуры, несбалансированное, а зачастую недостаточное питание порождали высокую заболеваемость. Практически каждый магнитогорец, по словам исследователя В. А. Исупова, «попадал в замкнутый круг: заболев, он поступал в больницу, где его лечили, используя новейшие ... медицинские технологии. Но выздоровев, он вновь попадал в сырой подвал, в землянку или переполненную коммуналку, питался картошкой и хлебом, подхватывал инфекцию и вновь оказывался на больничной койке»³⁰. Не обошла данная участь стороной и иностранцев. Учитывая сложную обстановку в городе, трудовой договор иноробочих изначально предполагал, что на стройку должны приехать только здоровые люди. «Работодатель вправе подвергнуть работополучателя медицинскому освидетельствованию через своего врача в Германии. Работополучатель отвечает за правильность сведений о состоянии его здоровья, даваемых им при медицинском осмотре. В случае признания работополучателя по состоянию здоровья непригодным к выполнению

²⁴ ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 1. Д. 172. Л. 31.

²⁵ ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 5. Д. 230. Л. 136.

²⁶ Борьба за металл 9.04.1933.

²⁷ МУ МГА. Ф. 99. Оп. 8. Д. 279. Л. 18 — 18 об.

²⁸ МУ МГА. Ф. 99. Оп. 8. Д. 272. Л. 24.

²⁹ МУ МГА. Ф. 99. Оп. 8. Д. 639. Л. 51.

³⁰ Исупов 2002, 44.

возложенных на него обязанностей, договор считается не вступившим в силу [...] И в этом случае стороны никаких претензий друг к другу иметь не могут. Стоимость проезда не возмещается»³¹. Впрочем, относительно здоровым иностранным рабочим и специалистам, работавшим в Магнитогорске, приходилось сталкиваться с суровой реальностью уральского климата и строительной неблагоустроенностью³². Поэтому у многих, особенно работавших на Магнитострое продолжительное время, появлялась необходимость обращаться к врачу. Инорабочие имели возможность вызвать врача, прикрепленного к ним, по телефону³³. Семьи инорабочих также подлежали медицинскому обследованию и обязательной вакцинации. С последним случались проблемы, возможно, потому, что сотрудники санслужбы действовали очень настойчиво. Например, оспопрививательница Ачева жаловалась заведующему 5-го Здравобъединения на то, что «гражданка Краузе, проживающая в комнате № 47 категорически отказалась от прививки, и не разрешила прививать своим троим детям, прививки которым не делались несколько годов. При повторном обходе корпуса мною вторично было предложено и предупреждено, что за неисполнение декрета Правительства СССР об обязательном оспопрививании гражданка Краузе будет оштрафована, на это она сказала, что я никаких штрафов платить не буду, как иностранка не подлежу никаким штрафам». В продолжение данной жалобы в Иностранный отдел от санврача Соцгорода пришло предписание: «Необходимо заставить Краузе привить оспу, м.б. не прибегая к взысканию»³⁴. Скорее всего, иностранных женщин останавливало недоверие к советским медикам, которое было вызвано незнанием языка, а значит, непониманием ситуации, а также общей сложной обстановкой в городе.

Наиболее частыми причинами обращения инорабочих к врачу были травматизм, простудные заболевания и туберкулез легких, в том числе в открытой форме. Простудные заболевания часто были связаны с условиями проживания: перебои с отоплением, горячей водой, сложностями проезда к месту работы и т.д., на что указывали сами приезжие. Причем именно болезни заставляли инорабочих более требовательно относиться администрации Магнитостроя к соблюдению трудового договора. При этом иностранцы часто угрожали невыходом на работу до тех пор, пока не будут решены все возникшие проблемы. При обнаружении туберкулеза в открытой форме у рабочих возникали финансовые проблемы, т.к. иностранец лишался заработка, а нести дополнительные расходы по переезду и лечению ни одно ведомство не могло и не хотело³⁵. Следует отметить недовер-

³¹ МУ МГА. Ф. 99. Оп. 8. Д. 65. Л. 4.

³² Чернова 2013, 168–169.

³³ МУ МГА. Ф. 99. Оп. 8. Д. 248. Л. 17.

³⁴ МУ МГА. Ф. 99. Оп. 8. Д. 279. Л. 18 — 19.

³⁵ Наиболее показательным в данном случае является дело Отто Колла. В сентябре 1933 г. он заболел, 27 февраля 1934 г. получил справку от Магнитогорской курортно-отборочной комиссии о том, что у него найден туберкулез легких открытой формы. Для лечения рекомендованы курорты: южный климат и не металлургическое производство. Ни одного лишнего месяца Отто не мог оставаться в Магнитогорске из-за климата. 7 июня 1934 г. ему была дана 2 группа инвалидности. Судя по всему, у О. Колла было очень сложное финансовое положение ввиду болезни, т.к. зам. начальника ИНО комбината Ципорин просил обменять его путевку на лечение на более ранний срок, т.к. промедление вело к невозможности работы, и, как следствие, отсутствию денег. 31 мая 1934 года Колла выехал в Москву, однако путевые расходы ему оплачены не были. Пособие он получал только до 28 мая (трудности с выплатами, очевидно, были связаны прежде всего с ведомственными, бумажными,

чивое отношение инорабочих к медицинскому обслуживанию в Магнитогорске, чему были существенные причины. Так, инорабочий Финкемейер жаловался на то, что «хирург поликлиники ТИР на 1 уч.: поверхностно осматривал и лечил раздавленные при работе пальцы правой руки и направил его обратно на работу, когда самый беглый взгляд, по его мнению, говорит о его нетрудоспособности и неизлечении пальцев»³⁶.

Общая неустроенность быта и неналаженная система снабжения приводили к увеличению отрицательного естественного прироста населения. Организация деятельности медицинских служб города сопровождалась значительным числом трудностей. В 1930-е гг. существовало множество проблем материально-бытового характера в системе здравоохранения. Во-первых, в Магнитогорске до 1932 г. отсутствовали помещения, пригодные для лечения больных. Первая временная больница на 175 коек размещалась в 5 бараках, санитарное состояние которых было неудовлетворительным. Так, в ходе обследования рабочей бригадой больницы по поручению Городского Совета выяснилось, что вместо возможных 175 пациентов в больнице лежит 264 человека, а отдельные палаты перегружены на 50%³⁷. При этом в больнице отсутствует не только вентиляционная система, но даже форточки: «Воздух спертый, много клопов...»³⁸. Во-вторых, снабжение больниц медикаментами и бельем находилось в удручающем состоянии. Больница испытывала нехватку постельных принадлежностей и больничных пижам. В хирургическом отделении города из-за отсутствия керосина и спирта для дезинфекции неоднократно срывались операции³⁹. В-третьих, существовал острейший дефицит бинтов и лекарственных препаратов. Врачи вынуждены были выдавать жаропонижающие и противовоспалительные лекарства в самых тяжелых случаях. Бинты использовались многократно. Тем не менее ситуация постепенно менялась. В годы первой и второй пятилеток в СССР были построены заводы по производству лекарственных препаратов, освоено производство новых высокоэффективных медицинских средств. В Магнитогорске к 1935 г. дефицит медикаментов был преодолен. В-четвертых, остро стояла проблема питания в больнице. Качество, а зачастую и количество пищи, предлагаемой больным, было неудовлетворительным. Отчеты заведующих отделениями городской больницы пестрят сведениями о том, что больные отказываются от еды⁴⁰. В-пятых, в амбулаториях на прием к врачу попасть было крайне сложно. Очереди в коридорах были огромные⁴¹.

проблемами. Платить за иностранцев ни одно ведомство лишние рубли не могло и не хотело). Ситуация разрешилась только в январе 1938 г., когда туберкулезом болела уже и жена Колла: его решено было отправить в Гамбург (МУ МГА. Ф. 99. Оп. 8. Д. 258. Л. 21–29).

³⁶ МУ МГА. Ф. 99. Оп. 8. Д. 621. Л. 19. Очевидно, должного разбирательства случая Финкемейера не последовало, т.к. спустя 2 месяца, 9 февраля 1937 г., он обращается в Заводоуправление комбината со следующим заявлением: «Т.к. врачебная комиссия признала меня больным и неспособным к тяжелой трудоспособности, а также выехать из Магнитогорска, потому что мое здоровье не позволяет проживать в дешевой местности и я уже нахожусь с 30/1-37 г. без работы, прошу вас выдать мне денег на покупку билетов в Москву на три человека на сумму 300 руб. Прошу вас не оставить мое заявление и дать мне скорой помощи. 9. II - 37 г.» (МУ МГА. Ф. 99. Оп. 8. Д. 621. Л. 20).

³⁷ МУ МГА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 12. Л. 1.

³⁸ МУ МГА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 12. Л. 1.

³⁹ ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 5. Д. 297. Л. 37 — 37об.

⁴⁰ МУ МГА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 12. Л. 2.

⁴¹ МУ МГА. Ф. 121. Оп. 2. Д. 6. Л. 60.

В результате смертность в Магнитогорске была значительной. Объясняется преобладание смертности над рождаемостью тем, что в течение 1930–1935 гг. в городе шел сложный процесс становления и организации элементарных бытовых условий. Анализ причин смертности в Магнитогорске позволяет объяснить сложившуюся демографическую ситуацию. Наиболее распространенной причиной смерти являются болезни органов дыхания⁴². В условиях общей неустроенности, антисанитарии, недоедания обычные детские болезни превращались в бич, от которого страдало и взрослое население города. В частности, от кори умирало 3,1% населения. Детская смертность в Магнитогорске была значительная и составляла около 24% от общего числа умерших. Качество жизни иностранцев, формировавшее чувство зависти у местного населения, самих обитателей иностранной колонии угнетало.

ЛИТЕРАТУРА

- Баканов В. П.* 2001: Испытание Магниткой. Магнитогорск.
- Исупов В. А.* 2002: Демографическая политика сталинского правительства. Конец 1920-х — 1940-е гг. // Урал и Сибирь в сталинской политике. Новосибирск.
- Казаринова В. И.* 1961: Магнитогорск. М.
- Конторов Д. С.* 2001: Введение в физическую экономику: (Право собственности в XXI веке). М.
- Коткин С.* 2001: Жилище в России: век XX. Архитектура и социальная история. М.
- Макаров А. Н.* 2013: Цензурный контроль в сфере советской фотохроники 1930-х гг. // Проблемы российской истории / Н. Н. Макарова (ред.). Магнитогорск, 154–165.
- Макарова Н. Н.* 2009: Демографическая характеристика Магнитогорска: анализ причин смертности и рождаемости (1930 — 1935) // Социум и власть. 3, 96–100.
- Макарова Н. Н.* 2013: Поселок «Березки» и его обитатели: особенности повседневной жизни // ПРИ / Н. Н. Макарова (ред.). Магнитогорск, 279–295.
- Макарова Н. Н., Чернова Н. В.* (ред.) 2010: Магнитогорск довоенный: сборник документов и материалов. Магнитогорск.
- Седов В. В.* 2003: Мобилизационная экономика: советская модель. Челябинск.
- Чернова Н. В.* 2013: «Смешного бояться — правды не любить»: реалии Магнитогорска 1930-х — начала 1940-х гг. сквозь призму сатиры // ПРИ / Н. Н. Макарова (ред.). Магнитогорск, 165–173.
- Чернова Н. В.* 2012: «Они ожидали, что найдут работу и жизненные блага...»: экономические особенности пребывания немецких рабочих и специалистов в строящемся Магнитогорске // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века / С. Баканов (ред.). Челябинск, 387–399.

SOVIET CITIZENS AND FOREIGN EXPERTS: SOCIAL AND LIVING CONDITIONS IN THE NEW INDUSTRIAL CENTER (based on reports of Magnitogorsk 1930s)

N. N. Makarova, N. V. Chernova

This article examines the social conditions of life of the various categories of the population of the new industrial center - the city of Magnitogorsk in the years of the first five-year

⁴² Макарова 2009.

plans, when the emphasis was made on forcing the construction of a metallurgical plant, and the living conditions of the ordinary townspeople remained in the background. Relying on this feature of Magnitostroi conditions, the authors have attempted to analyze the lives of Soviet citizens and foreigners in comparison. This article is based on different types of historical sources (clerical documentation, sources of personal origin, periodicals), which allow to analyze not only the official point of view on the life of various categories of the population of the city, but also to “hear” the voices of ordinary steel plant builders and the city.

Key words: history of everyday life, industrialization, Magnitogorsk, life, foreign experts

© 2014

А. Б. Гехт

ШВЕДСКИЙ ДОБРОВОЛЬЧЕСКИЙ КОРПУС В СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОЙ ВОЙНЕ 1939–1940 гг.

В статье рассматриваются некоторые аспекты создания и деятельности Шведского добровольческого корпуса, принимавшего участие в советско-финляндской войне 1939–1940 гг. на стороне Финляндии. Несмотря на то что скоротечность советско-финляндской войны не дала Шведскому добровольческому корпусу ярко проявить себя в ходе боевых действий, он стал символом особых отношений между Швецией и Финляндией и оставил яркий след в культуре обеих североевропейских стран.

Ключевые слова: Шведский добровольческий корпус, советско-финляндская война 1939–1940 гг.

Многовековое нахождение Финляндии в составе Шведского королевства обусловило прочные узы, сохранявшиеся между этими странами и на протяжении правления в Финляндии русских императоров, и по достижении Финляндией независимости от России в декабре 1917 г. Финляндия оставалась важнейшим политическим партнёром Швеции и близкородственной страной в массовом сознании населения.

Естественно, что начавшаяся между СССР и Финляндией осенью 1939 г. война не могла оставить равнодушной шведскую общественность. Из числа гражданских и военных активистов был сформирован Шведский добровольческий корпус (шв. Svenska frivilligkåren), некоторым аспектам создания и деятельности которого в ходе советско-финляндской войны 1939–1940 гг. и посвящена эта работа, ставящая своей целью заполнить пробел в отечественной историографии по этой проблеме.

Зарубежная историография преимущественно представлена шведскими авторами, проявлявшими большой интерес к различным аспектам создания и функционирования Шведского добровольческого корпуса. Этапы создания корпуса, детали его функционирования и участия в боевых действиях подробно изучены

Гехт Антон Борисович — ассистент кафедры истории и регионоведения Санкт-Петербургского университета телекоммуникаций им. М. А. Бонч-Бруевича. E-mail: a.geht@yandex.ru

в книгах историков А. Гальфстрёма¹, Г. Андольфа² и Л. Бьёкмана³. Из трудов на английском языке большой интерес представляет исследование М. Спрага⁴.

Важными источниками стали впервые вводимые в научный оборот воспоминания шведских добровольцев, в составе Шведского добровольческого корпуса принимавших участие в советско-финляндской войне 1939–1940 гг. на стороне Финляндии. В первую очередь это сохранившиеся дневниковые записи шведского полковника Магнуса Дюрссена, погибшего в 1940 г. одного из основателей Шведского добровольческого корпуса⁵.

Не менее интересны воспоминания других членов Шведского добровольческого корпуса Урвара Нильссона⁶ и Рагнара Наесса⁷, преимущественно посвященные различным подробностям их подготовки и повседневной службы в период существования Корпуса, а также мотивам, которыми руководствовались шведские добровольцы, отправлявшиеся принимать участие в советско-финляндской войне 1939–1940 гг.

Оказывая политическую и материальную поддержку Финляндии, руководство Швеции преследовало две цели. Во-первых, оно стремилось сохранить за Финляндией роль своеобразного «щита» против СССР, считая, что в случае если Финляндия потерпит поражение, следующей целью советских войск может стать сама Швеция⁸. Во-вторых, свою роль играла необходимость сохранить добрососедские отношения с Финляндией, ожидавшей поддержки со стороны Швеции.

Тем не менее, когда начались военные действия, у Швеции все еще не было четко определенной политики в отношении Финляндии⁹. В первые дни после Майнильского инцидента, ставшего формальным поводом для начала советско-финляндской войны, правительство Швеции выжидало, надеясь, что со стороны СССР то был лишь шаг для устрашения Финляндии, чтобы заставить ее подчиниться своим требованиям. Но когда 2 декабря 1939 г. было сформировано Терийокское правительство, которое возглавил Отто Куусинен, стало очевидно, что у СССР был детально разработанный план с далеко идущими последствиями¹⁰.

Согласно дневниковым записям шведского полковника Магнуса Дюрссена, одного из основателей Шведского добровольческого корпуса, у руководства Швеции были опасения, что в случае победы в войне с Финляндией СССР окажется недалеко от того, чтобы сформировать Северо-скандинавскую Советскую социалистическую республику¹¹. Из-за опасений этого Швеция развернула на границе с Финляндией армейский корпус на случай, если советским войскам удастся занять Северную Финляндию и создать реальную угрозу вторжения в Северную Швецию¹².

¹ Gafström 1989.

² Andolf 1989.

³ Björkman 2007.

⁴ Sprague 2010.

⁵ Magnus Dyrssen's dagbok . Krigsarkivet, Stockholm, Sweden.

⁶ Nilsson 2002.

⁷ Naess 2006.

⁸ Berner 1985, 44–45.

⁹ Johansson 1984, 80.

¹⁰ Andolf 1989, 47.

¹¹ Magnus Dyrssen's dagbok . Krigsarkivet, Stockholm, Sweden.

¹² Johansson 1984, 86.

В то же время риторика шведских властей и общественности была различной: первые были осторожны и подчёркивали государственный нейтралитет, вторая — энергичная, агрессивная, призывавшая к «вооружённому отпору большевикам» и даже требовавшая нарушения традиционного шведского нейтралитета¹³. Так, командир шведского армейского корпуса, расположенного на границе с Финляндией, генерал Вильгельм Дуглас публично выразил желание двинуть подчинённые ему войска на помощь финской армии¹⁴.

Естественно, что подобные устремления не нашли поддержки ни у военного, ни у политического руководства Швеции, перед которым стоял актуальный вопрос: до какой степени следует соблюдать нейтралитет в ходе советско-финляндского конфликта? Поскольку Швеция стремилась сохранить за собой исключительно оборонительную роль, сдержанность была необходима. В то же время и правительство, и народ Швеции считали, что их страна обязана оказывать другим государствам Северной Европы, включая Финляндию, материальную помощь, а также не препятствовать добровольческому движению в поддержку Финляндии.

В то же время в Финляндии было принято решение о том, что добровольцы будут приниматься только из тех стран, которые проводили по отношению к их стране дружественную политику. Среди них были, например, жители других скандинавских стран, а также граждане Великобритании и Франции. Добровольцы из числа русских и немцев не допускались¹⁵.

Так как финская армия была ограничена в вооружении и боеприпасах, добровольцев принимали только если они приходили со своим собственным оружием и военным снаряжением. Добровольцы должны были представлять собой организованные, тренированные боевые единицы во главе с офицерами. Только в январе 1940 года, после тяжёлых потерь финских войск, это решение было изменено: практически все годные к военной службе мужчины принимались в распоряжение посольств Финляндии в других странах¹⁶.

С самого начала советско-финляндской войны шведское правительство считало нецелесообразным публично объявить о своем намерении поддержать добровольцев¹⁷. Некоторые политики в Швеции опасались, что если участие шведского ополчения в этой войне станет достоянием общественности, то Германия, заинтересованная в шведских портах и природных запасах железной руды, вступит в войну на стороне Советского Союза. Также высказывались опасения, что в случае нарушения Швецией нейтралитета западные союзники могли завладеть железорудными месторождениями на севере Швеции, что привело бы к остановке экспорта железной руды в Германию. Это, несомненно, вызвало бы ответные меры со стороны Германии¹⁸.

Тем не менее, уже 30 ноября 1939 г., в первый день советско-финляндской войны, в Швеции были открыты вербовочные пункты для набора добровольцев. Координировал их деятельность специально созданный комитет «Финляндия» (шв.

¹³ Johansson 1973, 67.

¹⁴ Björkman 2007, 10.

¹⁵ Wahlbäck 1967, 188–189.

¹⁶ Finland 1940, 22.

¹⁷ Braconier 1989, 233–234.

¹⁸ Braconier 1989, 236.

Finlandskommittén) под руководством полковника Генерального штаба шведской армии Карла Августа Эренсверда¹⁹. В задачи комитета «Финляндия» входил поиск и организация финансовых источников для нужд шведских добровольцев в финской армии, лоббирование интересов Финляндии в правительстве Швеции и проведение пропагандистской кампании в защиту Финляндии.

В состав комитета «Финляндия» вошли представители всех основных политических партий Швеции (за исключением коммунистов и левых социалистов, которых рассматривали в качестве «пятой колонны»), а также видные общественные деятели. Так, известный шведский поэт, литературовед и публицист Олоф Лагеркранц начал издавать журнал «Доброволец» (шв. Den frivillige), а его брошюра «Финляндия — это наше дело!» разошлась тиражом около 1 млн. экземпляров²⁰.

Знаменитый шведский писатель Вильгельм Муберг, наиболее известный благодаря своему циклу романов «Эмигранты», опубликовал послание к сельским жителям Швеции, выразив в нем озабоченность относительно угрозы с востока: «Красная Армия движется к Скандинавии. Тень этой угрозы нависла над землей Швеции, над ее свободой. Швеция — это старейшее государство в регионе, которое всегда было независимо.

Неспособность отдать все, чем мы владеем, даже наши жизни, ради того, чтобы защитить Швецию, означала бы предательство наших предков, как и наших детей. Финские крестьяне проливают кровь, обороняя свое государство, но сколько продлится их борьба, если мы не сделаем шаг навстречу и не предложим свою помощь? Все, что мы сделаем для Финляндии, послужит в конечном счете нашей собственной безопасности. Для шведских крестьян настало время показать миру, чего стоит их принадлежность к культуре, которую они лелеют вот уже тысячу лет»²¹.

Рис. 1. Эрнст Линдер (швед. Ernst Linder; 1868–1943)

¹⁹ Finlandskommitténs 1941, 52–53.

²⁰ Finlandskommitténs 1941, 52–53.

²¹ Moberg 1939.

В начале декабря 1939 г. был сформирован Шведский добровольческий корпус. Его командиром стал ветеран советско-финляндских боевых действий 1918–1920 гг., шведский генерал-лейтенант в отставке Эрнст Линдер²². Согласно воспоминаниям Урвара Нильссона, офицера шведской армии, принимавшего участие добровольцем в Советско-Финляндской войне 1939–1940 гг., «самым удивительным было то, что Добровольческий корпус вырос как будто из ничего. Начинали они как эфемерная организация. У них не было и шнура»²³.

Первоначально было запрещено афишировать деятельность добровольческого корпуса в средствах массовой информации, чтобы не вызвать сомнений в том, что Швеция сохраняет статус нейтрального государства. В газетах появилось небольшое объявление, содержавшее лишь слово «Финляндия», телефонный номер и адрес²⁴.

Хотя принятая в 1907 году Гаагская конвенция гласит, что «на территории нейтральной державы в пользу воюющих не могут быть формируемы военные отряды и открываемы учреждения для вербовки», в случае если «частные лица отдельно переходят границу, чтобы поступить на службу одного из воюющих», нейтральная держава не должна нести ответственность за подобные действия²⁵.

Открыв вербовочный пункт в центре Стокгольма в первый день советско-финляндской войны, шведское правительство, опираясь на эти положения, пришло к выводу, что добровольцы не нарушают нейтрального статуса их государства, и позволило вербовочным пунктам размещать агитационные призывы на общественном транспорте. К январю 1940 г. по всей Швеции работало уже более 120 вербовочных пунктов²⁶.

Рис. 2. Информационная афиша с указанием адреса вербовочного пункта на одной из центральных улиц Стокгольма, Дротнингсгатан. Лозунг сверху: «С Финляндией — за Швецию!»

²² Johansson 1973, 80.

²³ Nilsson 2002, 44.

²⁴ Andolf 1989, 53.

²⁵ Конвенция о правах и обязанностях нейтральных держав и лиц в случае сухопутной войны.

²⁶ Sprague 2010, 67.

Агитационные плакаты содержали фразу «Борьба Финляндии — это борьба скандинавских стран, а борьба скандинавских стран — борьба западного мира»²⁷ и лозунг «För Nordens Frihet — Sveriges Ära» («Честь Швеции за независимость Северной Европы»)²⁸. Ставший популярным девиз «Дело Финляндии — наше дело» призывал шведов с оружием в руках отправиться в Финляндию и принять участие в ее борьбе за выживание, обеспечить безопасность стран Северной Европы ради себя и будущих поколений. Другие агитационные объявления гласили «Nu vet världen vad det är att vara finne. Visa Du vad det är att vara svensk» («Теперь весь мир знает, что значит быть финном. Покажи миру, что значит быть шведом»)²⁹.

Рис. 3. Агитационный плакат Шведского добровольческого корпуса: «Дело Финляндии и твоё тоже. Вступай в Добровольческий корпус!»

Позднее издание «Sverige Fritt» критиковало шведское правительство за ограничение агитации на начальных этапах деятельности корпуса. Как говорилось в статье, если бы добровольческий корпус изначально мог свободно вести агитацию, к концу года на службу в Финляндии уже было бы зачислено от 20 до 30 тыс. добровольцев, тогда как в сложившихся условиях было зарегистрировано только 1700–1900 человек³⁰.

Тем, кто желал служить в Финляндии, было предписано явиться лично. Граждане моложе двадцати одного года имели право на подписание контракта только при наличии письменного разрешения от родителей или законного опекуна³¹.

Потенциальный доброволец, являвшийся в вербовочный пункт, должен был пройти медицинское обследование, вакцинацию и получить общую информацию о характере его будущей службы. При отборе добровольцев предъявлялись большие требования к состоянию их здоровья, в результате значительное число

²⁷ Andolf 1989, 50.

²⁸ Edvardsson 2009.

²⁹ Schmidt-Laussitz 2008, 42–43.

³⁰ Sverige Fritt 22. 03.1940.

³¹ Björkman 2007, 89–90, 121.

обратившихся в вербовочные пункты (4445 человек) не были приняты в состав добровольцев³².

Наибольшее число волонтеров было набрано в политически активном Стокгольме (2 449) и пограничной с Финляндией северной шведской провинции Норботтен (1258)³³. Наравне со шведами в Добровольческий корпус вступали также норвежцы и датчане, движимые примерно теми же мотивами: защита соседнего исторически и культурно близкого государства от потенциальной для всей Северной Европы угрозы.

Рис. 4. Агитационный плакат Шведского добровольческого корпуса: «Дело Финляндии — наше дело. Для борьбы ступай в Добровольческий корпус!»

Успешно прошедшие отбор кандидаты организованными группами отправлялись в пограничный со Швецией финский город Торнео, где они проходили краткую подготовку и где происходило окончательное формирование и вооружение подразделений. На этом этапе перед руководством корпуса встал важный вопрос: как должна выглядеть форма солдат. Они не могли носить стандартную военную форму шведских вооруженных сил, так как это было бы истолковано СССР как официальное вмешательство шведского правительства в войну на стороне Финляндии. В результате военная форма с изображением шведской национальной символики — трёх корон — комплектовалась пуговицами финского дизайна с изображением финского герба³⁴.

Боевые единицы корпуса, названные Группа I, Группа II и Группа III, в свою очередь состоявшие из рот различной специализации, получили собственные эмблемы, вышитые на мундирах добровольцев. Для Группы I предназначалось изображение арбалета, для Группы II — головы лося, для группы III — двух скрещенных мечей.³⁵ Кроме того, эмблема самого добровольческого корпуса (четыре руки, изображающие четыре страны Северной Европы — Швецию, Норвегию, Данию и

³² Svenska 1989, 74.

³³ Finlandskommitténs 1941, 61.

³⁴ Andolf 1989, 53.

³⁵ Nilsson 2002, 25.

Финляндию), была прикреплена к воротнику вместе с лозунгом «Nordens Frihet—Åra, Skyldighet, Vilja» (Независимость Северной Европы — Честь, Долг, Цель)³⁶.

В Шведский добровольческий корпус вошли представители всех социальных слоёв шведского общества. Однако профессиональных военных или людей, обладавших опытом воинской службы, было мало, тогда как около половины от общего числа волонтеров составляли люди рабочих профессий³⁷. Примерно две трети добровольцев принадлежали к возрастной группе от 20 до 30 лет; одна пятая корпуса не имела никакого опыта обращения с огнестрельным оружием или другими видами вооружения³⁸.

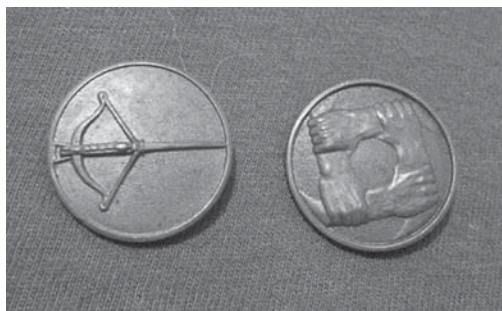

Рис. 5. Знак различия Группы I и эмблема Шведского добровольческого корпуса.

В то же время необходимо указать, что, несмотря на проводившуюся проверку биографии каждого кандидата (с целью избежать призыва преступников или других нежелательных лиц, например сторонников коммунистических идей), некоторое число людей, прошедших отбор в Шведский добровольческий корпус, придерживались радикальных правых (фашистских или национал-социалистических) взглядов и симпатизировали нацистской Германии³⁹.

Чем были движимы шведские добровольцы? Некоторые отправлялись на войну в поисках приключений. Другими двигал романтизм. Так, доброволец Рагнар Наесс позднее вспоминал, что его привели в вербовочный пункт детские воспоминания о Первой мировой войне и юношеская мечта занять место в марширующих колоннах солдат. Возможность надеть военную форму была недоступной мечтой для ребенка из нейтральной Швеции, а в результате войны так близко от шведских границ у него появился шанс сделать мечту явью⁴⁰.

Многие шведы вступали в корпус из убеждения, что финский народ имеет право жить в соответствии с собственными политическими принципами и не подчиняться требованиям извне. Как отмечалось в газете «Дагенс Нюхетер», мужество, которое Финляндия продемонстрировала в противостоянии с противником, имевшим такое численное превосходство, как СССР, также стало причиной, по которой часть граждан Швеции вступала в добровольческий корпус⁴¹.

³⁶ Schmidt-Laussitz 2008, 42.

³⁷ Andolf 1989, 50.

³⁸ Svenska 1989, 162–163.

³⁹ Lindström 1985, 144–147.

⁴⁰ Naess 2006, 40.

⁴¹ Dagens Nyheter 13.02.1940.

Для ряда военных профессионалов, которыми, к примеру, были лётчики из добровольческого авиаполка F-19, шедшая рядом война была уникальной возможностью получить настоящий боевой опыт. Хотя пилоты чувствовали искреннее желание помочь Финляндии, добровольное участие в той войне было также способом доказать свою значимость. Им нужно было подтверждение того, что они были способны успешно воевать⁴².

Личные связи в Финляндии также сыграли свою роль, послужив одним из мотивирующих факторов. Некоторые пилоты имели финские корни или проживавших в Финляндии близких родственников. Другие, которых не устраивало существовавшее положение вещей в их жизни, желали продвинуться по карьерной лестнице и получить практический опыт в военном деле или же просто стремились к славе и приключениям⁴³.

Они также верили, что их усилия в Северной Финляндии в конце концов послужат защите шведской границы, остановив продвижение Красной Армии и распространение коммунизма. В то же время стоит заметить, что изображение свастики на финских самолётах шведских лётчиков не смущало.

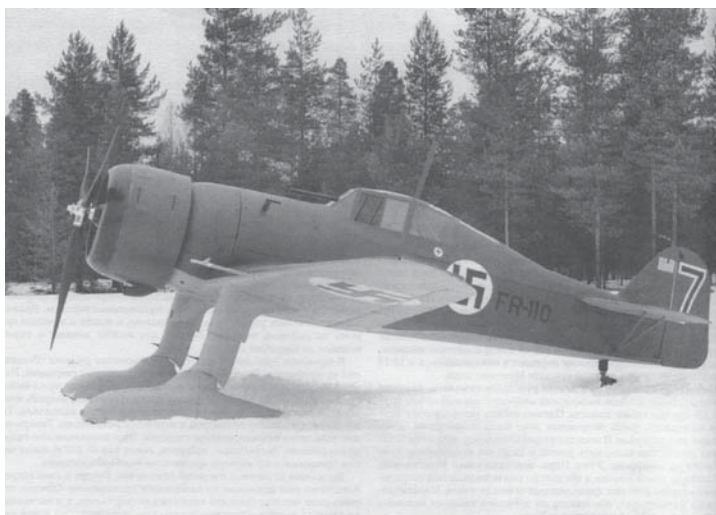

Рис. 6. Истребитель Фоккер D.XXI в составе финских ВВС, 1939 г. На фюзеляже и крыльях изображение свастики.

Первые организованные подразделения шведских добровольцев прибыли в Финляндию в декабре 1939 г., вскоре после того как в начале декабря командующий вооруженными силами Финляндии Карл Густав Маннергейм официально попросил руководство Швеции о помощи, подчеркивая нехватку не личного состава, а в первую очередь боевой техники⁴⁴. Именно поэтому одними из первых шведских подразделений в составе вооруженных сил Финляндии стал сформированный 14 декабря 1939 г. добровольческий авиаполк F-19 под командованием

⁴² Falk 1988, 18–19.

⁴³ Falk 1988, 18–19.

⁴⁴ Mannerheim 1954, 60.

полковника шведских ВВС Густава Бекхаммера, куда вошли 24 боевых самолета и около 270 человек лётного и технического состава⁴⁵. Подразделение базировалось на севере Финляндии и имело своей целью защиту больших городов и охрану коммуникаций в районе базирования. Помимо этого, там же были расквартированы шведские зенитные части.

Важно отметить, что общее число шведских добровольцев, прибывших для участия в боевых действиях с РККА, было не первостепенно — для Финляндии было гораздо важнее, чтобы был ускорен сам процесс и чтобы войска из Швеции прибыли как можно скорее. Быстрая реакция, отправка даже небольшого количества добровольцев могла стать знаком для других стран, что с их стороны было бы разумно также предложить Финляндии свою помощь⁴⁶.

Первые крупные шведские подразделения заняли боевые позиции в начале февраля 1940 г. Около двухсот шведов служили в артиллерийских частях (вооруженных шведской артиллерией), действовавших в районе г. Вааса в западной части Финляндии. Еще несколько сотен добровольцев служили в войсках противовоздушной обороны Турку и в прибрежной защите архипелага Пеллинки к востоку от Хельсинки. Несколько сотен врачей, медсестер и ветеринаров предложили свои услуги в госпитали и больницы, а также в полевые госпитали, основанные шведским Красным Крестом⁴⁷.

В феврале-марте 1940 г., на завершающем этапе советско-финляндской войны, количество шведских добровольцев достигло 8260 человек⁴⁸. С учетом норвежцев и датчан, входивших в состав Корпуса, общая численность добровольцев из Скандинавии составила 9640 человек⁴⁹.

Несмотря на высокий боевой дух и мотивированность скандинавских добровольцев, в их службе в Финляндии возникало немало трудностей. Хотя шведские и финские солдаты были едины в цели, они говорили на разных языках и получили различную военную подготовку. Лишь немногие добровольцы были обучены воевать в трудных зимних условиях.

Согласно воспоминаниям Урвара Нильссона, многие волонтеры, особенно из южной Швеции и Дании, поехавшие воевать либо из-за романтических взглядов на происходившие события, либо из-за авантюрного склада характера, никогда не держали в руках огнестрельного оружия и были неспособны передвигаться на лыжах⁵⁰. Им также пришлось столкнуться с рядом бытовых трудностей, таких как переохлаждения и различные инфекционные болезни.

В результате, значительная часть Шведского добровольческого корпуса не принимала прямого участия в боевых действиях, что объясняет его малые потери: 33 человека погибло (в т.ч. руководитель одной из боевых групп Корпуса и один из его основателей Магнус Дюрссен) и 185 добровольцев были ранены и обморожены. Причём обмороженные составляли подавляющее большинство — около 140 человек⁵¹. В целом вспомогательный характер участия Шведского доброволь-

⁴⁵ Braunstein 2005, 130–131.

⁴⁶ Schmidt-Laussitz 2008, 340.

⁴⁷ Finlandskommitténs 1941, 68.

⁴⁸ Mannerheim 1954, 234.

⁴⁹ Svenska 1989, 479.

⁵⁰ Nilsson 2002, 244–248.

⁵¹ Finlandskommitténs 1941, 80.

ческого корпуса в боевых действиях объясняет и практически полное отсутствие пленных: в советский плен попало только два человека⁵², служивших летчиками в добровольческом авиаполку F-19, достаточно активно вступавшего в боевые столкновения с советскими лётчиками.

Вскоре после завершения боевых действий между СССР и Финляндией, 26 апреля 1940 г., все шведские добровольческие части финской армии были расформированы и отправлены на родину⁵³. Однако после окончания войны шведские волонтеры не спешили возвращаться к мирной жизни. Именно участники той войны составили основу шведских добровольческих формирований, участвовавших в боевых действиях против СССР в 1941–1944 гг. на стороне Финляндии⁵⁴.

В значительной степени именно скоротечность советско-финляндской войны не дала Шведскому добровольческому корпусу, ставшему символом отношений между Швецией и Финляндией, ярче проявить себя в ходе боевых действий. Ограниченный и второстепенный характер деятельности Корпуса следует и из коллективной монографии финских историков О. Юссила, С. Хентиля и Ю.Невакиви «Политическая история Финляндии»⁵⁵.

Так или иначе, именно шведские волонтеры составили подавляющее большинство из общего числа иностранных добровольцев, отправившихся воевать в Финляндию против советских вооруженных сил⁵⁶. Шведское добровольческое движение войны 1939–1940 гг. стало не только самым большим в истории Швеции, но и одним из крупнейших в истории XX в.⁵⁷

Хотя вклад Шведского добровольческого корпуса в вооруженную борьбу финнов с РККА был не велик, значение его моральной поддержки было огромным. Она сыграла заметную роль в дальнейшем укреплении дружеских межгосударственных отношений между Финляндией и Швецией.

ЛИТЕРАТУРА

Веригин С. Г. 1999: Финские военнопленные на территории Северо-запада России в период Зимней войны 1939–1940 гг. // Новый Часовой. 8–9, 85–92.

Конвенция о правах и обязанностях нейтральных держав и лиц в случае сухопутной войны. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=800.

Юссила О., Хентилья С., Невакиви Ю. 2010: Политическая история Финляндии 1809–2009. М.

Andolf G. 1989: Svenska Frivilliga i Finland 1939–1940. Stockholm.

Berner O. 1985: Sovjetunionen och Norden: Samarbete, säkerhet och konflikter under femtio år. Stockholm.

Björkman L. 2007: Det Svenska Vinterkriget, 1939–1940. Stockholm.

Braconier F. 1989: Svensk neutralitetspolitik från Napoleonkrigen till EG. Göteborg.

Braunstein C. 2005: Svenska Flygvapnets förband och skolor under 1900-talet. Stockholm.

⁵² Веригин 1999, 85–92.

⁵³ Finlandskommitténs 1941, 92.

⁵⁴ Sprague 2010, 188–190.

⁵⁵ Юссила, Хентилья, Невакиви 2010, 223–226.

⁵⁶ Svenska 1989, 180.

⁵⁷ Swedish Military History Library.

- Edvardsson L.* 2009: Finlands Sak och Vår: Svenska Frivilliga i Finska Vinterkriget. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.algonet.se/~bog/vinterkriget/finlands-sak.htm>.
- Falk G.* 1988: F19—En Krönika: Den Svenska Frivilliga Flygflottiljen i Finland Under Vinterkriget, 1939–1940. Stockholm.
- Finland, landet som kämpade: den första sammanfattande skildringen i ord och bild av det finska kriget 1939–1940. Styrelsen för föreningen Finlandskommittén. 1940. Stockholm.
- Finlandskommitténs verksamhet och de frivilliga svenska förbanden i Finland 1939–1940. Styrelsen för föreningen Finlandskommittén. 1941. Stockholm.
- Gafström A.* 1989: Svenska frivilliga i Finland 1939–1944. Stockholm.
- Johansson A. W.* 1984: Per Albin och Kriget: Samlingsregeringen och Utrikespolitiken Under Andra Världskriget. Stockholm.
- Johansson A. W.* 1973: Finland sak. Svensk politik och opinion under vinterkriget 1939–1940. Stockholm.
- Lindström U.* 1985: Fascism in Scandinavia, 1920–1940. Stockholm.
- Magnus Dyrssen's dagbok. Krigsarkivet, Stockholm, Sweden. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://riksarkivet.se/Magnus+Dyrssen&refid=7835>
- Mannerheim C. G.* 1954: Marskalkens Minnen. Helsingfors.
- Moberg V.* 1939–1940: Letter to the Farmers, Dec. 12, 1939 Krigsarkivet. Finlandskommittén, 1939–1940. Vol. 3–5, 7. Stockholm.
- Naess R.* 2006: Marschen till Märkajärvi. Solna.
- Nilsson O.* 2002: När Finlands sak blev min: minnen från krig och fred. Esbo.
- Schmidt-Laussitz K-J. von.* 2008: För Finlands Frihet: Svenska Frivilligkåren, 1939–1940. Hallstavik.
- Sprague M.* 2010: Swedish volunteers in the Russo-Finnish Winter War. Jefferson.
- Svenska frivilliga i Finland 1939–1944 / redigerad av förbundet svenska Finlandsfrivilliga. 1989. Stockholm.
- Swedish Military History Library*, Den Stora Urladdningen. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.smb.nu/pos/06/01_europa_i_krig.asp.
- Wahlbäck K.* 1967: Från Kekkonen till Mannerheim. Huvudlinjer i finländsk politik 1917–1967. Stockholm.

THE SWEDISH VOLUNTEER CORPS IN A SOVIET-FINNISH WAR OF 1939–1940 AS AN EXAMPLE OF SWEDEN-FINLAND CLOSE RELATIONS

A. B. Gekht

This article discusses some aspects of the Swedish Volunteer Corps' creation and activities. The Swedish Volunteer Corps took part in the Soviet-Finnish War of 1939–1940 on Finland's side. Despite the fact of a small duration of this war, the Swedish Volunteer Corps became a symbol of a special, very close relationship between Sweden and Finland.

Key words: The Swedish Volunteer Corps, the Soviet-Finnish War of 1939–1940

© 2014

И. В. Шорохова

ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ТЕАТРАЛЬНОГО ИСКУССТВА КАРЕЛИИ В 1950-е — первой половине 1960-х гг.

В статье на основе анализа архивных источников исследуется реализация в Карелии политики по сокращению государственного финансирования искусства и стиранию национальных особенностей советской культуры. Показана успешная борьба карельской творческой интеллигенции за сохранение и развитие финноязычной культуры региона.

Ключевые слова: финноязычная культура, государственное финансирование искусства, творческая интеллигенция

Задача сохранения национальной культуры традиционно относится к числу наиболее сложно решаемых проблем в любом полиэтническом обществе. Непростая и порой драматичная история коренного населения Карелии требовала и продолжает требовать от властей осторожного и взвешенного подхода к сохранению и развитию национальной культуры региона.

В 1950-е — первой половине 1960-х гг. финноязычная культура республики переживала сложный период. Единственным профессиональным театром Карелии, работавшим на финском языке, был Государственный Финский драматический театр.

Созданный в начале 1930-х гг., он имел непростую историю. Несколько раз театр закрывали. Потом вновь собирали актеров из любительских драмкружков и студий. В начале пути труппа состояла в основном из финнов, эмигрировавших из Америки, Канады и Финляндии. Творческий коллектив театра значительно пострадал от репрессий 1930-х гг. В это время после ликвидации ленинградского Финского театра в Петрозаводск приехали Е. Томберг и В. Суни, ставшие вскоре ведущими актерами республики. Вернулись в состав труппы уволенные ранее по политическим мотивам К. Севандер и Т. Ромппайнен¹.

К началу 1950-х гг. Финский театр имел сильную труппу и разнообразный репертуар. В 1957 г. творческий коллектив Финского драматического театра пополнился выпускниками карельской студии Ленинградского театрального института имени А. Н. Островского. Они определили лицо театра на многие годы. Это были такие известные в Карелии актеры, как Р. Паули, Е. С. Корнилова, Т. Хайми, Э. Берг, П. Микшиев, С. Мальми, В. Халл и др. С их приходом для театра открылись новые возможности по реализации постановок более высокого уровня и качества. Он смог «ставить спектакли о молодежи и для молодежи»².

Театральный коллектив Финского драматического театра в 1952 г. состоял из 82 человек. Из них 64,6% являлись финнами и 13,4% карелами по национальности. Русских актёров в труппе театра насчитывалось 19,5%³. К началу 1960-х

Шорохова Ирина Викторовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Петрозаводского государственного университета. E-mail: ivikshor@yandex.ru

¹ Адамович 2005, 59.

² Комсомолец 25.08.1960.

³ НА РК (Национальный архив республики Карелия). Ф. Р-3065. Оп. 1. Д. 5/67. Л. 1.

гг. доля актеров-финнов почти не изменилась и составила 63,6%, а число карелов в составе труппы увеличилось до 25%. При этом количество русских актеров сократилось до 9%⁴.

Труппа Финского драматического театра состояла из признанных обществом и государством талантливых актеров и режиссеров. Среди них были заслуженные деятели искусства РСФСР (В. Э. Суни, С. А. Туорила) и КАССР (Ф. А. Линдхольм), народные артисты РСФСР (Т. И. Роммпайнен, Т. И. Ланкинен, одна из основательниц театра Д. К. Карпова), заслуженные артисты Карелии (Э. М. Хиппеляйнен, Г. В. Роутту, С. Ф. Бочарникова, М. Е. Любовин), народный артист Карелии Ю. Я. Хумппи⁵. Театр по праву мог гордиться первой в Карелии народной артисткой СССР, удостоенной звания Лауреата Сталинской премии, Е. С. Томберг.

Все спектакли театра шли на финском языке с дикторским переводом на русский. Основная часть труппы Финского драматического театра являлась носителями финского языка, поэтому у театра не возникало трудностей с переводами пьес на финский язык.

Финский драматический театр находился в постоянном поиске своего оригинального репертуара. Его разнообразие стало отличительной особенностью театра. Актёры следили за репертуаром столичных театров. Если спектакль успешно шел в Москве или Ленинграде, его почти всегда мог увидеть зритель Карелии в исполнении артистов республики.

Национальный театр показывал много спектаклей по классическим произведениям. Предпочтение отдавалось М. Горькому. Актёрам было интересно работать и с национальными драматургами Советского Союза. За период с 1950 по 1965 гг. на сцене Финского драматического театра были поставлены спектакли по пьесам украинских, белорусских, эстонских, латышских, туркменских авторов. Постановка в 1954 г. спектакля «Сын рыбака» по мотивам одноименного романа латышского писателя В. Лациса произвела на современников большое положительное впечатление и «стала предметом обсуждения в учебных заведениях, учреждениях, предприятиях Петрозаводска»⁶.

Театральный коллектив сотрудничал и с карельскими драматургами. Только за 1956–1960 гг. на сцене Финского драматического театра было поставлено три спектакля о жизни карельского народа: «Глушь пробуждается» по пьесе Н. Яккола и Т. Ланкинена, «Бессмертные звезды» (или «Это случилось в Карелии») А. Иванова и «Хозяйка леса» по пьесе В. Бабиш и Е. Палечек.

Финским драматическим театром впервые в СССР были поставлены спектакли по финской пьесе Х. Вуолийоки «Женщины Нискавуори» (1956 г.) и драме М.-А. Нексе «Люди с Дангора» (1955 г.). Они в последствие с успехом вошли в репертуары многих театральных коллективов страны⁷. Особенно хорошие отклики зрителей получил последний спектакль. Его показывали на сценах Карелии, Латвии, Эстонии, Москвы и Финляндии. Постановку «Люди с Дангора» транслировали по телевидению⁸.

⁴ НА РК. Ф. Р-3065. Оп. 1. Д. 12/157. Л. 4.

⁵ НА РК. Ф. Р-3065. Оп. 1. Д. 14/179. Л. 6

⁶ Никитин 1955, 123.

⁷ Кийранен 1972, 12.

⁸ Туорила 1981, 62.

В 1959 г. во время Декады карельского искусства и литературы в Москве критики высоко оценили спектакль театра по пьесе А. Киви «Сельские сапожники». Эту постановку отнесли к числу таких работ, которыми «мог бы гордиться любой национальный театр»⁹. «Подкупающая искренность — самое привлекательное в искусстве простого и умного Финского театра Карелии», — так оценила работу театра столичный театральный критик Е. Полякова¹⁰.

В 1950-е — начале 1960-х гг. в театральной жизни Петрозаводска и Карелии Финский драматический театр занял особую нишу. Его спектакли всегда отличало стремление к углубленному пониманию человека, психологическому анализу его состояния. Критики, анализирувавшие особенности творческого почерка театра, неоднократно отмечали немногословность, сдержанность, своеобразный «лаконизм выражения» при большом внутреннем накале и напряженной работе мысли¹¹. Особенностью всех постановок Финского драматического театра являлось стремление артистов и режиссеров больше доверять зрителю, давать ему пищу для самостоятельных размышлений об увиденном на сцене¹².

В рассматриваемый период времени Финский драматический театр не выезжал за пределы СССР, но о его творчестве хорошо знали жители Финляндии. В 1956 г. одна из начинающих актрис театра рассказала о том, что, работая летом переводчицей, смогла пообщаться с финскими туристами. Артистка отметила, что «разные слои финнов просят прислать в Финляндию наш театр»¹³. Оказалось, что в соседней стране слушали трансляции радиоспектаклей Финского драматического театра из Петрозаводска. Финская публика полюбила театр и хотела не только слышать его постановки, но и увидеть.

Финский драматический театр развивался успешно и динамично. За тридцать лет существования на сцене театра было поставлено 200 премьер, прошло более 500 спектаклей. Финский драматический театр посетило около 3 млн. зрителей¹⁴. К середине 1950-х гг. национальный театр стал пользоваться огромной популярностью у карельского зрителя. «Все чаще у кассы Карело-Финского государственного драматического театра появлялась надпись “На сегодня все билеты проданы”», — отмечали современники¹⁵.

Но в середине 1950-х гг. Финский драматический театр столкнулся с серьезной проблемой. Начался процесс «сокращения национального зрителя»¹⁶. Доля русскоговорящего населения республики неуклонно возрастала. При этом уменьшалось число носителей финского и карельского языков, способных понимать, говорить и читать на родном языке. Доля карел в национальном составе Карелии с 1939 по 1959 гг. сократилась с 23% до 13%, вепсов — с 2% до 1,1%. Несколько увеличилось число проживавших на территории республики финнов. Их доля от общего числа населения Карелии в 1959 г. составила 4,2 % против 1,7% в 1939 г.¹⁷

⁹ Государственный Орден Дружбы народов финский драматический театр 1984, 12.

¹⁰ Литературная газета 29.08.1959.

¹¹ Колосенок 1984, 32.

¹² НА РК. Ф. Р-3065. Оп. 1. Д. 15/184. Л. 8.

¹³ НА РК. Ф. П-447. Оп. 1. Д. 13. Л. 33.

¹⁴ НА РК. Ф. Р-243. Оп. 1. Д. 73. Л. 1.

¹⁵ Никитин 1955, 123.

¹⁶ НА РК. Ф. П-447. Оп. 1. Д. 13. Л. 22.

¹⁷ Морозов 1980, 8.

Эти процессы сопровождались притоком молодого поколения финнов и карел в города республики и утратой ими национальных традиций и языка¹⁸.

В 1954 г. началось сужение функций финского языка в республике. А в 1956 г. изменился государственный статус Карело-Финской ССР. Руководство образованной Карельской автономной советской социалистической республики сменило вектор ориентации культуры края на русскоговорящее население. С 1956 по 1963 гг. в школах и вузах Карелии не велось преподавание национальных языков. Это привело к тяжелым последствиям для сохранения национального наследия республики.

В начале 1960-х гг. в СССР начала осуществляться политика по стиранию национальных особенностей советского народа и жёсткой экономии государственных средств. Так, повсеместно сокращение расходов на содержание учреждений искусства выразилось в урезании штатного расписания театров, снятии или сокращении государственных дотаций театральных коллективов РСФСР¹⁹.

В 1963 г. в журнале «Театр» была опубликована статья Ф. Евсеева о государственной дотации театрам страны. В ней особое внимание было уделено положению национальных театров автономных республик. Мы полагаем, что эта статья, отразившая политическую тенденцию на стирание национальных особенностей в культуре Советского Союза и экономии средств на ее развитие, сыграла важную роль в решении республиканских органов власти об объединении театральных трупп в Карелии.

В статье отмечалось, что национальные театры автономных республик РФ «получают довольно крупную сумму дотации». Она составляла 30% всей государственной дотации театрам страны. При этом Ф. Евсеев привел данные о том, что повсеместно посещаемость национальных театров была очень низкой: всего 45–50%. В статье отмечалось, что «в ряде республик национальные театры для увеличения доходов дают спектакли на русском языке»²⁰.

Основной смысл статьи сводился к тому, что национальные театры никому не нужны. Зритель не ходил на спектакли, поставленные на национальных языках, но эти театральные коллективы поглощали огромные государственные средства. Решение проблемы, по мнению автора статьи, лежало в объединении национальных театральных коллективов с обычными театрами республик²¹.

В целях экономии бюджета в начале 1960-х гг. по всему Советскому Союзу прошли объединения дирекций театров. Многие национальные театры республик были либо закрыты, либо объединены с театрами, работавшими на русском языке²².

В Карелии политика по сокращению расходов на содержание искусства и стремление к «стиранию национальных особенностей» советской культуры выразились в объединении в 1963 г. Финского драматического и Музыкально-драматического театров под единое руководство с сохранением за Финским театром его названия. За несколько месяцев существования объединенной дирекции национальный театр республики оказался в глубоком кризисе. В 1963 г. секретарь пар-

¹⁸ Бирин 1992, 133.

¹⁹ Шорохова 2014, 29.

²⁰ Евсеев 1963, 86.

²¹ Евсеев 1963, 92.

²² Бортников 2007, 39.

тийной организации Финского драматического театра В. Халл обратил внимание на то, что в Карелии «рановато приступили к стиранию национальных культур»²³.

После объединения большой Музыкально-драматический театр фактически поглотил Финский. Он стал существовать на правах меньшего брата. Активный боец за возвращение независимости театра артист С. А. Туорила обращал внимание на «неправильное отношение со стороны руководства объединенной дирекции» к актерам финской труппы. Материалы на ее постановки выделялись в последнюю очередь, после удовлетворения нужд Музыкально-драматического театра²⁴.

До объединения технический персонал национального театра состоял в основном из финнов. Они соблюдали порядок и чистоту в хранении реквизита и были очень педантичны в этом вопросе. После объединения весь реквизит Финского театра стал использоваться и опереттой, и балетом, и драмой Музыкально-драматического театра. При этом «не было никакого порядка и учета». Все декорации и реквизит «быстро растащили и привели в негодность»²⁵.

Финскому театру фактически не давали работать. Руководство объединенными труппами в два раза уменьшило количество сезонных премьер для Финского драматического театра, практически не организовывало его выезды на гастроли. Поскольку здание театра с 1961 г. находилось в ремонте, финской труппе иногда разрешали играть на сцене Филармонии. В 1963 г. театр лишили и этой возможности. И хотя в Петрозаводске были и клубы, и Дворцы культуры, на их сценах труппе Финского драматического театра играть не давали. В сезоне 1961–1962 гг. Финский драматический театр дал всего 11 спектаклей в Петрозаводске, а в 1963 г. жители столицы Карелии не увидели ни одной постановки театра²⁶. Финской труппе не хватало денег на оформление спектаклей. Уменьшение количества премьер, выбор пьес без сложного оформления привели к «творческому спаду коллектива»²⁷.

В результате проведенного объединения театров дотация на финскую труппу сократилась на 25%, а ее творческий состав уменьшился с 35 до 27 человек²⁸. Театр потерял перспективных актеров. «Сейчас, — говорил в своем выступлении на собрании актеров Финского драматического театра в декабре 1963 г. С. А. Туорила, — коллектив театра морально удручен. Люди ждут (особенно молодежь), что будет завтра»²⁹. Объединение трупп нарушило нормальную работу театра. Одна из лучших его актрис Д. Карпова выразила состояние труппы: «Мы устали духовно и морально»³⁰. «Создалась реальная угроза, что талантливый высококвалифицированный коллектив... просто престанет существовать», — отмечено в открытом письме писателей и актеров Карелии³¹.

Актриса Э. М. Хиппеляйнен недоумевала о причинах, толкнувших руководство республики на ликвидацию национального своеобразия театральной жизни

²³ НА РК. Ф. Р-243. Оп. 1. Д. 77. Л. 20.

²⁴ НА РК. Ф. Р-243. Оп. 1. Д. 77. Л. 21.

²⁵ ПМА 2005, Россия, РК, г. Петрозаводск.

²⁶ НА РК. Ф. Р-243. Оп. 1. Д. 77. Л. 16.

²⁷ НА РК. Ф. Р-243. Оп. 1. Д. 77. Л. 17.

²⁸ НА РК. Ф. Р-243. Оп. 1. Д. 77. Л. 18.

²⁹ НА РК. Ф. Р-243. Оп. 1. Д. 77. Л. 17.

³⁰ НА РК. Ф. Р-243. Оп. 1. Д. 77. Л. 16.

³¹ НА РК. Ф. Р-243. Оп. 1. Д. 73. Л. 4.

Карелии. Она отметила, что «в республике мало национального зрителя, но многие русские зрители любили и посещали наш театр. Сейчас мы растеряли этого зрителя»³². Д. Карпова обращала внимание руководителей республики на то, что «на выездных спектаклях мы зарабатываем лучше русской труппы. В разговорах со зрителями видно, что наш театр пользуется уважением. В том числе и у постоянного русского зрителя. В деревнях всегда будут говорить по-карельски, и наше искусство им нужно»³³.

Актеры Финского драматического театра начали долгую борьбу за его возрождение. К отстаиванию права национального театра республики на независимое существование подключились и национальные писатели. 10 января 1964 г. артисты Финского драматического театра Е. Томберг, С. Туорила, Д. Карпова и писатели Карелии А. Тиммонен, У. Викстрем, П. Борисков, Я. Ругоев, Р. Корнев написали открытое письмо «Что случилось с нашим театром»³⁴. Оно стало итогом многократных обсуждений проблемы объединения театров Карелии и безрезультатных обращений к руководству республики. Это был крик отчаяния национальной художественной интеллигенции Карелии в надежде, что общество и все неравнодушные услышат и помогут предотвратить уничтожение национальной театральной культуры в республике.

Артисты театра и национальные писатели республики обращались за помощью в Министерство культуры КАССР и в обком партии. Их впечатления от борьбы за сохранение национальной культуры Карелии точно выразил писатель П. Борисков: «Меня, русского, удивляет такое отношение наших руководителей республики к Финскому театру. Заведомо желая вредить коллективу, и то трудно так поступать»³⁵. Актриса Э. М. Хиппелайнен была обеспокоена тем, что в результате такой национальной политики «наше национальное своеобразие» может быть утеряно. Актер М. Е. Любовин выразил чувства всей национальной творческой интеллигенции Карелии: «Наши национальные чувства оскорблены!»³⁶

После бесплодных переговоров с руководством Карелии о восстановлении самостоятельности Финского драматического театра актеры и писатели республики были вынуждены обратиться за помощью в Министерство культуры РСФСР и Союз писателей РСФСР. В Москву была отправлена делегация актеров Финского театра во главе с Е. С. Томберг. Вскоре из столицы пришел приказ о разделении театров.

В 1965 г. коллектив Финского драматического театра получил свое отремонтированное здание. Изменению положения театра в республике способствовало развитие его творческих связей с Финляндией в последующие годы. Актриса театра Е. П. Корнилова отмечала, что успех Финского драматического театра в соседней стране «заставил местные власти поддерживать его»³⁷. Разговоров о его закрытии больше не возникало.

³² НА РК. Ф. Р-243. Оп. 1. Д. 77. Л. 17.

³³ НА РК. Ф. Р-243. Оп. 1. Д. 77. Л. 18.

³⁴ НА РК. Ф. Р-243. Оп. 1. Д. 73. Л. 1–5.

³⁵ НА РК. Ф. Р-243. Оп. 1. Д. 77. Л. 17.

³⁶ НА РК. Ф. Р-243. Оп. 1. Д. 77. Л. 20.

³⁷ ПМА 2005, Россия, РК, г. Петрозаводск.

Партийно-государственный аппарат КАССР на рубеже 1950–1960-х гг. беспрекословно и быстро исполнял распоряжения партии и правительства Советского Союза. Объективные процессы уменьшения населения Карелии, говорившего на финском языке, а также политика по «стиранию» национальных особенностей советской культуры и сокращению государственного финансирования искусства неблагоприятно сказались на развитии финноязычной культуры республики в конце 1950-х — первой половине 1960-х гг.

Невозможно представить современную Карелию без Национального театра. Неоспорим вклад его коллектива в культурную самобытность республики. Сегодня театр существует во многом благодаря проявленной в первой половине 1960-х гг. сплоченности и настойчивости его артистов, финских и карельских писателей и всех неравнодушных к сохранению национальной культуры и языка в Карелии.

ЛИТЕРАТУРА

- Адамович И. В.* 2005: Власть и художественная интеллигенция Карелии в 1950-е — первой половине 1960-х гг.: дис. ... канд. ист. Петрозаводск.
- Бирин В. Н.* 1992: Демографическая ситуация у карел Карельской АССР в 1950-е — 1980-е гг. // Карелы. Финны. Проблемы этнической истории. XVI, 128–139.
- Бортников С. Д.* 2007: Театральное искусство Сибири в 1960–1985 гг. // Мир науки, культуры, образования. 4 (7), 39–41.
- Евсеев Ф.* 1963: Поговорим о дотации // Театр. 5, 82–94.
- Морозов К. А.* 1980: Карельская АССР. 60 лет. Статистический сборник. Петрозаводск.
- Колосенок С. В., Митрофанова М. М.* 1984: Ее биография — театр. Очерк о творческом пути народной артистки СССР Е. С. Томберг. Петрозаводск.
- Кийранен В.* 1972: Государственный Финский драматический театр. Петрозаводск.
- Никитин П. Е.* 1955: В дружбе с драматургией братских народов // На рубеже. 1, 120–131.
- Туорила С. А.* 1981: На жизненном пути. Воспоминания. Петрозаводск.
- Шорохова И. В.* 2014: К вопросу о государственном финансировании театрального искусства в Карелии в конце 1940-х — первой половине 1960-х гг. // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 1 (138), 29–34.

THE PROBLEM OF PRESERVING NATIONAL THEATRICAL ART OF KARELIA IN 1950s — THE FIRST HALF OF 1960s

V. Shorohova

On the basis of analysis of archival sources the author of the article investigates the implementation policy of public funding for the arts reduction and national peculiarities of Soviet culture obliteration. A successful struggle of Karelian creative intelligence for the preservation and development of Finnish language culture of the region is under consideration of the author.

Key words: Finnish-speaking culture, public funding of art, creative intelligence

© 2014

А.Г. Дорожкин

НАЧАЛО ГЕНЕЗИСА КИТАЙСКО-ВЬЕТНАМСКОГО КОНФЛИКТА 1979 г. И СОВЕТСКАЯ ПЕРИОДИКА

Статья посвящена отражению в корреспонденциях ТАСС и в советской прессе за 1977 г. проблемы китайско-вьетнамских отношений. Отмечено, что в то время как посылаемые в Москву ТАССовские корреспонденции констатировали прогрессирующее ухудшение этих отношений и рост напряженности между вчера еще «братскими странами», открытая печать СССР практически не затрагивала указанную тему вплоть до начала 1978 г. В связи с этим предпринята попытка объяснить причины сдержанного тона советской периодики по данному вопросу, в дальнейшем широко освещавшемуся средствами пропаганды СССР.

Ключевые слова: ТАСС, корреспонденции, Вьетнам, Китай, маоизм, пропаганда

Китайско-вьетнамский вооруженный конфликт 1979 г. явился первой и до настоящего времени единственной полномасштабной войной между социалистическими странами. Нельзя сказать, что его генезис и особенно военные и дипломатические аспекты привлекли пристальное внимание отечественных востоковедов; после значительного интереса к проблеме, вызванного в большей мере политической конъюнктурой конца 1970-х — начала 1980-х гг. и нашедшего свое отражение в ряде работ не столько научного, сколько публицистического характера, она в значительной мере выпала из поля зрения советских, а затем и российских исследователей. Достаточно сказать, что в фундаментальном учебном пособии по истории КНР, написанном В. Н. Усовым, о китайско-вьетнамской войне 1979 г. даже не упоминается. Лишь в отдельных публикациях, прежде всего, крупнейших отечественных синологов Б. Т. Кулика и Ю. М. Галеновича, этой войне уделено должное внимание. Особо хотелось бы отметить в связи с этим основательные работы Ю. М. Галеновича, в которых тщательно проанализирован не только конфликт, его назревание и отчасти отражение в советской пропаганде, но и трактовка данных вопросов современной китайской историографией¹. Обширный материал о деятельности советских корреспондентов во Вьетнаме накануне и во время войны содержится в труде М. Ильинского, носящем, однако, в большей мере мемуарный, нежели собственно исследовательский характер². Но анализ трактовки конфликта и особенно его предыстории советской прессой не был до последнего времени предметом специального рассмотрения. Представляется целесообразным восполнить этот пробел, рассмотрев в предлагаемой статье как информационные материалы, поступавшие в ТАСС от советских корреспондентов этого агентства за рубежом, так и реальное отражение в советской периодике состояния китайско-вьетнамских отношений в канун разрастания конфликта. При этом нами обра-

Дорожкин Андрей Геннадьевич — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова. E-mail: andrew-67@mail.ru

¹ Кулик 2000, 586–588; Галенович 2012а, 207–227.

² Ильинский 2005, 583–661.

но основное внимание на относящиеся к 1977 г. советскую центральную периодику и материалы, долженствующие обеспечить ее в информационном отношении. Этот выбор определен двумя обстоятельствами. Во-первых, 1977 г. явился первым годом «постмаоцзэдуновской эры» в КНР. Он был отмечен как острой борьбой за власть в правящей пекинской верхушке, так и началом повторного (и на сей раз окончательного) возвышения Дэн Сяопина — будущего творца знаменитых реформ, нацеленных на строительство «социализма с китайской спецификой». Во-вторых, то был последний относительно спокойный год во взаимоотношениях Пекина и Ханоя — уже в следующем году разрыв между ними стал очевидным фактом, что нашло свое отражение и в советской печати — как центральной, так и периферийной. Представляет поэтому определенный интерес проведение анализа советской периодики и теоретически предназначенных для нее информационных материалов, исходящих от корреспондентов ТАСС за рубежом и относящихся именно к 1977 г.

Следует отметить, что в Советском Союзе уже на рубеже 1960–1970-х гг. допускалась вероятность возникновения в будущем конфликта между Китаем и Вьетнамом. По этому поводу предназначавшееся в ту пору «для служебного пользования» справочное издание писало в 1970 г., что с середины 1960-х гг. тогдашнее северовьетнамское руководство взяло курс на осуществление «самостоятельной линии, хотя и не без оглядки на Пекин». Эта линия предполагала соблюдение определенного баланса во взаимоотношениях с СССР и КНР. Развитие отношений с первой из этих стран, указывалось в справочном издании, «хотя и раздражает Пекин, однако ему представляется *пока* выгодным закрыть на... [это] глаза» (*курсив мой — А.Д.*) Далее в издании говорилось: «... в перспективе перед лицом сложнейших задач по восстановлению экономики своей страны вьетнамские руководители неизбежно будут и впредь стремиться к укреплению сотрудничества с Советским Союзом и другими социалистическими странами. Если они и тогда сохранят нынешнюю оценку маоистской политики, то это будет максимум возможного, что Пекин сможет добиться от Ханоя в смысле моральной поддержки своему курсу. Именно поэтому, несмотря на *очень серьезные расхождения* с вьетнамскими руководителями, Пекин в основном воздерживается от слишком грубого давления на ДРВ и ... поддерживает с ней связи на самом высоком уровне, развивает торгово-экономические отношения, оказывает ей помощь»³ (*курсив мой — А.Д.*). Едва ли эта точка зрения не разделялась тогдашним советским руководством.

По окончании военных действий в Индокитае в 1975 г. советская пресса весьма сдержанно писала как о китайско-вьетнамских контактах, в т.ч. на высшем уровне, так и о наметившихся разногласиях между двумя странами. Материалы бюллетеней общеполитической информации ТАСС, частично находившие в дальнейшем отражение на страницах советской периодики, позволяют проследить нарастание конфронтационных тенденций во взаимоотношениях Пекина и Ханоя, но вплоть до конца 1977 г. эта тема не находила отражения в массовой советской печати. Возможно, отчасти (но лишь отчасти) это было связано с зигзагами и противоречиями в развитии отношений между КНР и СРВ, не определявшими к

³ Сладковский 1970, 102–103. О далеко не безоблачном характере советско-вьетнамских отношений в годы войны в Индокитае см.: Галенович 2012в, 139–140; Добрынин 1997, 233. О скрытой враждебности в китайско-вьетнамских отношениях в те же годы см.: Киссинджер 2013, 371–372

поспешным выводам. Зигзагообразный характер этого развития находил отражение на страницах зарубежной прессы, о чем корреспонденты ТАСС регулярно информировали Москву. Так, в корреспонденции от 28 января 1977 г. со ссылкой на «Вашингтон пост» сообщалось, что Пекином «СРВ обещана помощь на миллиарды долларов». Здесь же указывалось, что руководство КНР «довольно прохладно относится к Вьетнаму после завоевания Юга» и называлась наиболее вероятная причина этого — тесные связи Ханоя с Москвой (последующие события показали правильность такого предположения). Автор публикации в американской газете проявил, однако, явный оптимизм, находя возможным получение Вьетнамом до 1980 г. помощи от Китая в размере полутора миллиардов долларов⁴. Этот оптимизм оказался неоправданным — именно в феврале 1977 г. китайское руководство свернуло экономическую помощь своему южному соседу⁵. Несколько позднее, со ссылкой на корреспондента Ассошиэйтед пресс из Бангкока, сообщалось об улучшении в последнее время (очевидно, после смерти Мао) отношений между двумя странами. В соответствующем извещении в то же время подчеркивалось нежелание вьетнамцев в настоящее время вставать на чью бы то ни было сторону в китайско-советском конфликте. При этом, однако, по мнению агентства (вполне обоснованному, как показали последующие события), в Ханое все же «отдают предпочтение Москве перед Пекином»⁶.

В сообщении для ТАСС от 30 марта 1977 г. со ссылкой на гонконгскую «Саут чайна морнинг пост», также говорилось о нормализации китайско-вьетнамских отношений в начале текущего года. При этом упоминалось о вооруженных столкновениях на границе двух стран, имевших место в конце 1976 г. Официальных сообщений об этих столкновениях не было, но, как полагала гонконгская газета, косвенным образом данный факт признали обе стороны⁷. Соответствие его действительности, однако, вызывает определенные сомнения — ни в 1978 г., ни в 1979 г., даже во время китайско-вьетнамской войны, когда советская пресса очень широко освещала конфликт между вчерашними «братскими социалистическими странами» и охотно вспоминала давние и недавние прегрешения Пекина перед Ханоем, на страницах газет и журналов СССР ничего не говорилось об этих столкновениях. Если бы они имели место на самом деле, то едва ли бы советская пропаганда прошла мимо столь выигрышного для нее эпизода отношений КНР с СРВ.

В китайской литературе распространено объяснение факта войны между двумя странами в 1979 г. амбициозными планами Ханоя по созданию Индокитайской федерации. О наличии такого рода намерений у вьетнамской стороны говорит и Г. А. Киссинджер⁸. Ряд данных, в т.ч. события конца 1970-х гг. косвенным образом подтверждают, что подобные устремления у СРВ действительно имели место, но это ни в коем случае нельзя рассматривать в качестве единственной (а, возможно, и главной) причины конфликта. Корреспонденции ТАСС за 1977 г. вообще умалчивают о данном факторе как раздражителе китайско-вьетнамских отношений;

⁴ ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 43. Ед. хр. 18649. Л.6–7.

⁵ Киссинджер 2013, 374.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 43. Ед. хр. 18649. Л. 15–16.

⁷ ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 43. Ед. хр. 18649. Л. 31–32.

⁸ Галенович 2012а, 210–214; Киссинджер 2013, 373, 380, 392, 399. См. также: Самородный 2013, 99–115, 129–131, 137–138.

лишь в ноябре упоминалось, что на охлаждение этих отношений, начавшееся с 1975 г., повлияли «слишком тесная связь Ханоя с Москвой» и стремление Вьетнама «усилить свое влияние в Камбодже и Лаосе»⁹. Вместе с тем в отдельных корреспонденциях указывалось на сохранение территориальных споров между двумя государствами. Так, в июне 1977 г. со ссылкой на французскую «Фигаро» была дана справка на этот счет — речь здесь шла об островах Спратли и Парасельских. При этом многозначительно подчеркивалось, что подчинив себе оба архипелага, Пекин значительно упрочил бы свои позиции в Южно-Китайском море, а «окончательно монополизировав контроль над этим морем, Китай имел бы в своем распоряжении дополнительное средство усилить свое влияние на все прибрежные страны»¹⁰.

Необходимо пояснить, что вопрос о территориальной принадлежности этих островов по-разному толковался в Советском Союзе. Так, на географических картах, издававшихся в СССР в начале 1970-х гг., и Спратли, и Парасельские острова обозначались как принадлежащие Китаю; указывалось и их китайское наименование — Наньша и Сиша соответственно¹¹. Под этими названиями (точнее, Наньшацуньдао и Сиша) эти острова упоминались в соответствующих статьях, содержащихся в третьем издании Большой Советской энциклопедии, но в них территориальная принадлежность островов уже не указывалась¹². С конца 1978 г., после резкого обострения китайско-вьетнамских отношений, советская пропаганда фактически говорила об этих островах как о вьетнамских; установление китайского контроля над Сиша в начале 1974 г. трактовалось как акт агрессии, притом, что в середине 1970-х гг., как признает современная китайская историография, в СССР об этом акте упоминалось очень глухо и туманно — возможно, в связи с тем, что действия КНР на Парасельских островах формально были направлены против проамериканского сайгонского режима, а не против тогдашней ДРВ, дружественной и СССР, и КНР¹³. В 1977 г. же о территориальном споре Китая с Вьетнамом из-за Парасельских (и Спратли) островов в открытой печати упоминалось лишь один раз, и то косвенно — в справочном издании, вышедшем именно тогда и посвященном общему рассмотрению внутреннего и международного положения КНР за 1974 год. В этом издании говорилось о наличии в районе островов Южно-Китайского моря нефтеносных слоев на морском дне, почему данные острова «оказались в центре территориального спора, в котором участвуют, кроме Китая, Вьетнам, Филиппины, Малайзия»¹⁴. Подчеркивалась нацеленность пекинской политики на утверждение в районе соответствующих островных групп своего господства и «недопущение других стран к участию в обследовании и разработке богатств морского дна»¹⁵. В этом контексте трактовался захват Парасельских островов Китаем; указывалось, что военная акция послужила поводом к развязыванию в КНР в 1974 г. массовой пропагандистской кампании шовинистиче-

⁹ ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 43. Ед. хр. 18650. Л.131–132. О территориальном споре вокруг этих островов см.: Степанов 1980, 21–48.

¹⁰ ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 43. Ед. хр. 18649. Л. 118–119.

¹¹ Салманова, Колосова 1972, 93–94; Прохоров 1973, 208–209.

¹² Прохоров 1973, 239; 1976, 487.

¹³ Капица 1979, 429–430; Галенович 2012а, 215.

¹⁴ Сладковский 1977, 218.

¹⁵ Сладковский 1977, 221.

ского характера, «аналогичной той, что проводилась в 1969–1971 гг. в китайской печати в связи с событиями на Даманском. Сходство усиливалось и попытками «научно» доказать принадлежность данного района Китаю»¹⁶. Сам конфликт интерпретировался как «свидетельство намерений Пекина проводить пограничную политику «с позиции силы» и подчеркивалось, что события января 1974 г. вокруг Парасельского архипелага обострили ситуацию в Юго-Восточной Азии»¹⁷.

Интересно отметить, что в этом же справочном издании указывалось на сдержанное отношение США к «парасельской акции» Мао Цзэдуна. Говорилось даже, что она была предпринята с молчаливого согласия администрации Никсона, в то время как Пекин дал такое же молчаливое согласие на создание новой американской военно-морской базы в Индийском океане¹⁸. Такая трактовка мотивов поведения Вашингтона вполне правдоподобна, но вместе с тем американское руководство могло исходить и из иных соображений. К 1974 г. были уже очевидны и обреченность союзного США режима Тхьеу, и неизбежность воссоединения Северного и Южного Вьетнама. Тем самым суверенитет над Парасельскими островами (и нефтяными запасами в их районе) автоматически перешел бы к Ханой, просоветская направленность политики которого в будущем была более чем вероятной. При таком положении захват архипелага частями НОАК мог быть для США «меньшим злом» — с учетом как острой советско-китайской конфронтации, так и прогрессирующего в тот период сближения Вашингтона с Пекином.

При всем том и в вышедшем в Москве в 1977 г. справочном издании о внутреннем и международном положении КНР за 1974 г. «парасельский вопрос» прямо не обозначался в качестве раздражителя китайско-вьетнамских отношений. Более того, Вьетнам (применительно к 1974 г. — ДРВ) назывался в нем в числе стран, с которыми КНР поддерживала отношения по государственной и партийной линиям и осуществляла «довольно широкий торговый, научно-технический и культурный обмен»¹⁹. О сохранении межгосударственных и межпартийных китайско-вьетнамских связей применительно уже к 1977 г. говорилось и в справочном издании «Китайская Народная республика в 1977 году», подписанном к печати осенью 1979 г., т.е. уже после войны КНР с СРВ. Здесь отмечались усиление на протяжении 1977 г. давления Пекина на Ханой, провоцирующая роль КНР в обострении вьетнамско-кампучийских отношений, сокращение экономической помощи, предоставляемой Вьетнаму. Говорилось и о том, что в указанном году в СРВ побывали лишь второстепенные по своему рангу делегации из Китая, в то время как Пекин посетил ряд высокопоставленных вьетнамских деятелей, в т.ч. премьер-министр Фам Ван Донг (проездом) и генеральный секретарь ЦК компартии Вьетнама Ле Зуан²⁰. Но о территориальном споре между двумя странами не упоминалось и в данном издании, между тем как соответствующая проблема активно поднималась, например, в ходе пекинских переговоров Фам Ван Донга. Умалчивала об этом споре и советская периодика на протяжении всего 1977 г.²¹

¹⁶ Сладковский 1977, 221.

¹⁷ Сладковский 1977, 219.

¹⁸ Сладковский 1977, 177–178. См. также: Степанов 1980, 36–38; Варнаи 1982, 155.

¹⁹ Сладковский 1977, 167.

²⁰ Сладковский 1979, 151.

²¹ Капица 1979, 430; Сладковский 1980, 236; Галенович 2011б, 224.

О территориальных разногласиях между КНР и СРВ как факторе, омрачавшем двусторонние отношения, говорилось и в неопубликованных в СССР материалах, освещавших пребывание в Китае вьетнамской военной делегации во главе с министром национальной обороны генералом Во Нгуен Зиапом (июнь 1977 г.)²². Делегация, прибывшая в Пекин 2 июня 1977 г. по приглашению главы военного ведомства КНР Е Цзяньина, на следующий день была принята Хуа Гофэном, в ее честь был устроен прием, на котором Во Нгуен Зиап и командующий пекинским военным округом Чэнь Силянъ обменялись речами²³. Из текста корреспонденций явствовало, что визит прошел в довольно дружественной обстановке; впрочем позднее, уже в ноябре 1977 г., со ссылкой на корреспондента ЮПИ из Гонконга, прием, оказанный Во Нгуен Зиапу, трактовался как «холодно-корректный»²⁴.

Цитируя сообщение Франс пресс от 2 июня 1977 г. в связи с визитом в КНР вьетнамской военной делегации, корреспонденция ТАСС отмечала, что между Ханоем и Пекином «поддерживаются в общем хорошие отношения» и китайская пресса по-прежнему называет СРВ «в числе самых верных друзей Китая, наряду с Северной Кореей и Албанией»²⁵. Одновременно, однако, указывалось на нерешенность проблемы территориальной принадлежности упомянутых уже островов Южно-Китайского моря. Но, несмотря на это, вьетнамская сторона в течение всего 1977 г. стремилась сохранить определенный баланс во взаимоотношениях с СССР и КНР. Это проявлялось и в большом, и в малом. Так, глава диппредставительства СРВ в Пекине, в отличие от своих коллег из Советского Союза, Польши, Восточной Германии, Чехословакии, Болгарии, Венгрии, Монголии и Кубы, не имел обыкновения и в 1977 г. покидать официальные мероприятия, проводимые в китайской столице, в связи с антисоветскими выпадами, допускавшимися распорядителями торжеств²⁶. С другой стороны, по сообщению того же Франс пресс, во время упомянутого приема в честь Во Нгуен Зиапа представители КНР воздержались от критики по адресу советского руководства, как прямой, так и косвенной — не было ни прямых выпадов, ни завуалированных, с использованием эвфемизма «гегемонизм», применявшегося тогда в Пекине для обозначения внешней политики Москвы. Впрочем, не было никаких выпадов и в адрес США — очевидно, это отражало намерения Хуа Гофэна продолжать начатый Мао курс на нормализацию отношений с Вашингтоном²⁷.

Официально СРВ и КНР продолжали в 1977 г. именовать друг друга «братскими странами»²⁸. Но корреспонденции ТАСС отмечали, со ссылками на зарубежную прессу, нарастание разногласий между Ханоем и Пекином. Двусторонние отношения, помимо территориальных споров и расхождений в оценке СССР, сильно омрачала кампучийская проблема. Прокитайский курс пномпеньского руководства вызывал растущее раздражение в СРВ; со своей стороны, полпотовский режим придавал своей политике все более антивьетнамский характер. Это не ускользало от внимания зарубежного общественного мнения, и особенно на-

²² ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 43. Ед. хр. 18649. Л. 98.

²³ ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 43. Ед. хр. 18649. Л. 88–95.

²⁴ ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 43. Ед. хр. 18650. Л. 132.

²⁵ ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 43. Ед. хр. 18649. Л. 98.

²⁶ ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 43. Ед. хр. 18649. Л. 33; Ед. хр. 18650. Л. 97–98.

²⁷ ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 43. Ед. хр. 18649. Л. 103.

²⁸ ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 43. Ед. хр. 18649. Л. 122–123, 160.

глядно проявилось в ходе визита генерального секретаря правящей Коммунистической партии Вьетнама Ле Зуана в Пекин 20–25 ноября 1977 г. Усиливший к тому времени свои позиции Ле Зуан был известен как твердый сторонник ориентации на СССР²⁹; очевидно, самим фактом своего визита в Китай он намеревался успокоить пекинское руководство и заручиться его поддержкой в урегулировании нарастающего конфликта с полпотовской Кампучией. Визит вьетнамского лидера освещался в мировой прессе; гонконгский корреспондент ЮПИ сообщал накануне этого визита, 16 ноября 1977 г., что отношения двух стран существенно охладели с 1975 г. вследствие слишком тесной связи Ханоя с Москвой и стремления вьетнамцев «усилить свое влияние в Камбодже и Лаосе». И, как уже упоминалось, прием, оказанный Во Нгуен Зиапу во время визита генерала в Пекин, корреспондент ЮПИ охарактеризовал как «холодно-корректный»³⁰.

Такой же прием ожидал и генерального секретаря ЦК КПВ. Официально вьетнамская и китайская пресса не скупилась на комплименты по адресу друг друга. Так, ханойский официоз «Нян зан» 21 ноября 1977 г. опубликовал статью под выразительным заголовком «Дружба, имеющая прекрасные традиции», где, между прочим, прямо говорилось, что «братский китайский народ под руководством КПК, возглавляемой уважаемым председателем Хуа Гофэнном, каждый день добивается успехов во всех областях своей деятельности»³¹. Сам Ле Зуан в своем выступлении на банкете, данном в столице КНР в его честь, вознес хвалу Мао и Хуа и выразил благодарность китайцам за помощь во время войны с США. Вьетнамский гость, в унисон пекинской пропаганде того времени, не забыл упомянуть и «знамена Дацина и Дачжая», а разгром «банды четырех» назвал шагом, «продвигающим вперед революцию, исключительно важным политическим событием», «радостью в жизни китайского народа», выдающимся событием в мире и даже «радостью для революционных народов других стран»³².

Советские и зарубежные наблюдатели отметили, однако, совсем иное — принципиальные различия в выступлениях руководителей двух партий во время приема. В сообщении ТАСС по этому поводу говорилось, что если китайский лидер акцентировал внимание на «теории трех миров», идее создания «широчайшего единого фронта борьбы против гегемонизма сверхдержав», то Ле Зуан воздержался от заявлений подобного рода. В речи Хуа Гофэна ничего не было сказано об отношениях СРВ с двумя другими индокитайскими странами, как и в целом о положении в Юго-Восточной Азии. Пообещав «прилагать неустанные усилия к укреплению братской дружбы и боевой сплоченности между обеими странами», Хуа, однако, ни словом не обмолвился об оказании какой бы то ни было помощи Вьетнаму. Вместо этого председатель КПК подчеркнул, что его страна сама «шаг за шагом преодолевает трудности», вина за которые была возложена на пресловутую «четверку», и выразил уверенность в способности вьетнамцев самостоятельно обеспечить превращение своей страны в процветающее социалистическое государство. В таком контексте высказанные Ле слова благодарности Москве за поддержку³³ приобретали особое значение.

²⁹ Панцов 2013, 383–384; Самородный 2013, 122–123.

³⁰ ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 43. Ед. хр. 18650. Л. 131–132.

³¹ ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 43. Ед. хр. 18650. Л. 148–149.

³² ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 43. Ед. хр. 18650. Л. 151–154.

³³ ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 43. Ед. хр. 18650. Л. 145–146.

На различия в оценках обеими сторонами международного положения было указано и в корреспонденции агентства Рейтер из Пекина от 22 ноября 1977 г. Здесь, в частности, указывалось, что в то время как Хуа Гофэн обвинял в агрессивности обе сверхдержавы, не называя поименно ни одной из них, Ле Зуан критиковал исключительно Вашингтон и превозносил Москву. Налицо было и неприятие маоистской «теории трех миров» вьетнамским руководством. Подводя итоги, корреспондент агентства Рейтер заключал, что «речи лидеров, видимо, перечеркивают всякий шанс на улучшение... отношений в ближайшем будущем». Подобный вывод присутствовал и в публикации английской «Дейли телеграф» от 22 ноября 1977 г.³⁴ О «ледяной атмосфере», в которой проходил визит Ле, писала позднее, уже в феврале 1978 г., и французская «Монд»³⁵.

Итак, бюллетени общеполитической информации ТАСС давали, со ссылкой на зарубежные материалы, достаточную информацию о нарастании в течение 1977 г. китайско-вьетнамских разногласий. Вне всякого сомнения, советское руководство располагало существенно большими данными по указанной проблеме. Тем не менее, как уже упоминалось, печать СССР почти не публиковала в тот год материалов по взаимоотношениям между СРВ и КНР. Ситуация не изменилась и тогда, когда (с весны 1977 г.) в советской прессе снова стали появляться публикации антимаоистского характера. Отсутствовали и публикации по вьетнамско-кампучийскому конфликту, как и об «особых отношениях» между Пекином и Пномпеном. В то же время на страницах «Правды» регулярно появлялись материалы, в позитивном ключе подававшие различные аспекты жизни СРВ. Было весьма показательно, что публикации такого рода появлялись и в дни пребывания вьетнамской делегации во главе с Ле Зуаном в китайской столице. Так, 23 ноября 1977 г. на четвертой полосе «Правды» был опубликован репортаж из Ханоя «Соревнуются кооператоры», в позитивном свете описывающий положение во вьетнамской деревне. Через два дня та же газета опубликовала статью своего корреспондента В.Скворцова, в панегирических тонах повествующую о переменах на юге СРВ³⁶. Уже из характера этих материалов, помещенных в ведущей советской газете в дни визита вьетнамского лидера в Пекин, читатель мог сделать вывод, что о сколько-нибудь серьезных разногласиях между Москвой и Ханоем говорить не приходится.

Сам же визит подавался советской прессой подчеркнуто в нейтральных тонах. 21 ноября «Правда» опубликовала короткую заметку о прибытии в КНР Ле Зуана, а 27 ноября — о возвращении руководителя вьетнамских коммунистов на родину. Во время же самого визита, которому, очевидно, отнюдь не случайно предшествовала поездка Ле Зуана в Москву³⁷, ведущий орган КПСС опубликовал заметку «К пребыванию делегации СРВ в Пекине», в которой упоминался вызвавший оживленные комментарии на Западе прием в честь вьетнамцев. В заметке говорилось, что в своем выступлении на приеме Хуа Гофэн «вновь подтвердил приверженность ... маоистской концепции «трех миров», исходя из которой пекинские ли-

³⁴ ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 43. Ед. хр. 18650. Л. 158, 160–161. О теории «трех миров» см., например: Капица 1979, 322–324; Варнаи 1982, 156–157; Галенович 2012б, 429.

³⁵ ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 43. Ед. хр. 19932. Л. 25.

³⁶ Правда 25.11.1977.

³⁷ Правда 5.11.1977.

деры призывают создать «широкий фронт» борьбы против Советского Союза». Одновременно указывалось, что Ле Зуан в своей ответной речи «напомнил о принятой международным коммунистическим движением оценке революционного процесса в мире как соединении его трех составных частей, назвав на первом месте социалистические страны» (под двумя другими частями подразумевались рабочее движение в капиталистических странах и национально-освободительные движения в странах развивающихся). Одновременно он «выразил сердечную благодарность Советскому Союзу, другим социалистическим странам» за поддержку Вьетнама³⁸.

Таким образом, заметка в «Правде» повторяла, в сущности, то, о чем говорилось в рассмотренных уже материалах бюллетеня общеполитической информации ТАСС. Но в ней не затрагивалась индокитайская проблема и не делалось никаких выводов — их мог сделать сам читатель. Интересно в связи с этим, что во время пребывания в Пекине И.Б.Тито (30 августа — 8 сентября 1977 г.) «Правда» прямо указала на разногласия сторон. Ведущая советская газета отметила «существенное отличие» позиций Тито и Хуа по ряду вопросов, особенно относительно неизбежности новой мировой войны и опубликовала соответствующий фрагмент из выступления югославского лидера на официальном приеме в его честь³⁹. Интересно, что и о ставших очевидными к 1977 г. албано-китайских разногласиях советская печать писала, в т.ч. со ссылками на зарубежные публикации, довольно активно. Здесь, особенно в издании «За рубежом», использовались публикации бюллетеня общеполитической информации ТАСС, но при этом совершенно не упоминалось о таком раздражителе в отношениях между Пекином и Тираной, как сближение первого из них с Белградом, с титовской Югославией — давним оппонентом сталинистской Албании⁴⁰. В публикациях же бюллетеня ТАСС данному фактору уделялось большое внимание.

Почти полное замалчивание советской прессой темы китайско-вьетнамских разногласий продолжалось вплоть до начала 1978 г. Рубежом здесь стал разрыв дипломатических отношений между Вьетнамом и Кампучией, произошедший в самый канун нового года. С этого времени проблема разногласий между вчерашними «братскими странами» стала широко освещаться в СМИ Советского Союза, начали появляться и обличительные в отношении режима «красных хмеров» материалы, в т.ч. и прямые указания на пропекинскую ориентацию полпотовцев. Впрочем, последнее проявление «осторожного» подхода по обозначенной нами тематике обнаружилось еще летом — в начале осени 1978 г., т.е. тогда, когда китайско-вьетнамские отношения достигли уже большой напряженности, что постоянно находило отражение в советских средствах информации. К этому последнему проявлению «осторожного» подхода я отношу статью о СРВ, опубликованную в справочном издании «Международный ежегодник. Политика и экономика», освещавшем события 1977 г. В то время как статья о КНР, опубликованная в данном издании, носила резко критический характер, в публикации о СРВ ничего

³⁸ Правда 22.11.1977.

³⁹ Правда 1.09.1977.

⁴⁰ Правда 17.07. 1977; За рубежом 30.06.1977, № 26, 24–30; 22.12.1977, № 51 Публикация в № 26 газеты «За рубежом» представляла собой перепечатку статьи пекинского корреспондента югославской газеты «Политика», опубликованной еще в мае. См.: ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 43. Ед. хр. 18649. Л. 55–59.

не говорилось об ее отношениях с Китаем - лишь упоминались без каких-либо комментариев визиты в Пекин Во Нгуен Зиана и Ле Зуана. Сразу же после этого указывалось, что отношения Ханоя с Пномпеном «были омрачены пограничными конфликтами. Кампучия, используя вооруженные силы, неоднократно подвергала нападениям пограничные районы Вьетнама.» О роли китайского фактора в этих конфликтах не говорилось; отмечались лишь факт разрыва официальных отношений и желание вьетнамского руководства «срочно провести встречу двух сторон на любом уровне, чтобы совместно, в духе братской дружбы урегулировать пограничные вопросы между двумя странами»⁴¹. Столь сдержанное освещение острых проблем в момент выхода в свет справочного издания (оно было сдано в набор 21 июня 1978 г. и подписано к печати 14 сентября того же года) объяснялось, очевидно, инерцией прежних установок, того, что было характерно для предыдущих лет. Не упоминалось о роли китайского фактора в развитии вьетнамо-кампучийского конфликта и в другом, вышедшем тогда же справочном издании, хотя в нем и отмечалось, что во второй половине 1977 г. Пекин «предпринял ряд недружественных акций» против СРВ⁴².

Встает, однако, вопрос — чем объяснить замалчивание советской открытой пропагандой в 1977 г. самого факта несомненного ухудшения китайско-вьетнамских отношений, притом, что о китайско-албанских и китайско-югославских разногласиях, для сравнения, прямо говорилось на страницах прессы СССР? Недоступность ряда архивных документов не позволяет пока ответить на этот вопрос — возможны лишь предположения. Как представляется, принципиально важно учитывать различное состояние отношений данных стран и с СССР, и с КНР в указанный период. Китайско-албанский союз стал давать первые трещины еще в начале 1970-х гг.; к 1977 г. расхождение позиций двух стран стало совершенно очевидным, притом что руководство Албании полностью сохранило враждебный настрой и к Советскому Союзу как «ревизионистскому государству». В таких условиях Москва могла подчеркивать факт нарастания разногласий в маоистском лагере⁴³, не опасаясь обвинений в намеренном провоцировании этих разногласий. Иначе обстояло дело с титовской Югославией. Эта страна занимала особое положение среди социалистических государств, весьма специфичны были и ее отношения с СССР. Несомненно, брежневское руководство не могло радоваться начавшееся еще после известных чехословацких событий 1968 г. «наведение мостов» между Белградом и Пекином, приведшее в конце 1970-х гг. к явному сближению между ними. Но, будучи не в силах этому помешать и не желая в то же время возвращаться к временам конфронтации с Югославией, советские лидеры вынуждены были удовлетвориться успокоительными по отношению к Москве жестами и демаршами Тито, также избегавшего нового разрыва с Советским Союзом. Поэтому советская пресса второй половины 1970-х гг., говоря о Югославии, придерживалась сдержанного тона; не замалчивая факт сближения Тито с постаоцзэдуновским руководством Китая, СМИ СССР говорили об этом в целом в достаточно нейтральных тонах, одновременно подчеркивая расхождения позиций

⁴¹ Аболтин 1978, 73.

⁴² Ковалев 1978, 236, 291.

⁴³ О перипетиях развития отношений внутри треугольника «Пекин-Тирана-Белград» в 1977 г. см.: Улунян 2013, 704–707, 713, 716–718.

СФРЮ и КНР по ряду существенных вопросов. Тем самым у советского читателя создавалось представление, что сближение это осуществляется не за счет СССР и не является опасным для Москвы явлением. Одновременно снимался и повод для возможного обострения отношений с Белградом.

Китайско-вьетнамские отношения, очевидно, рассматривались в Москве в ином контексте, нежели китайско-албанские и китайско-югославские. Не говоря уже о территориальном соседстве СРВ с КНР, приходилось учитывать и давние (притом разнообразные) связи между двумя странами и их народами, как и несомненное, и вовсе не незначительное, влияние китайской компартии на вьетнамских коммунистов. Вместе с тем исторически отношения между двумя восточноазиатскими государствами складывались крайне неровно и отнюдь не всегда носили мирный характер, что тоже принималось во внимание советским руководством. В период военной конфронтации с США помощь Вьетнаму оказывали и СССР, и КНР, а Ханю приходилось осторожно лавировать между ними, выражая благодарность обоим коммунистическим государствам и не отдавая однозначного предпочтения ни одному из них. Но, как явствует из цитаты, приведенной в самом начале предлагаемой статьи, в Москве и тогда исходили из того, что глубокие расхождения по ряду вопросов разделяют именно Китай и Вьетнам, а никак не Вьетнам и Советский Союз, и это неминуемо обнаружится в дальнейшем. Последующие события подтвердили данное предположение, а укрепление в ханойском руководстве просоветской группы Ле Зуана, как и пограничная война СРВ с полпотовской Кампучией, не оставляли сомнений в том, на кого именно будут далее ориентироваться вьетнамцы. В сложившейся ситуации советские лидеры, очевидно, предпочли предоставить события естественному их ходу, благо результат был совершенно ясен. Думается, именно этим и объясняется, в первую очередь, почему данные о нарастающих китайско-вьетнамских разногласиях, как и о конфронтации СРВ с «красными кхмерами» (и о реалиях полпотовского режима), в изобилии представленные в посылаемых в Москву корреспонденциях ТАСС, почти не находили места на страницах советских изданий в 1977 г. Появление подобных публикаций в периодике СССР, несомненно, дало бы весомый повод для обвинений в адрес советского руководства, что оно намеренно разжигает рознь между Ханю и Пекином. Это, в свою очередь, еще более ухудшило бы отношения между двумя «красными гигантами», и без того натянутые до предела. Более того, объективно это могло бы не усилить, а осложнить позиции однозначно просоветски настроенной части вьетнамского руководства. Между тем, замалчивание в отечественной прессе того времени китайско-вьетнамских разногласий создавало представление, что СССР не вмешивается в отношения между двумя восточноазиатскими странами, не пытается играть на противоречиях между ними и не навязывает Ханю своих установок. Тем самым в случае обострения китайско-вьетнамского конфликта обвинения Советского Союза в том, что именно он способствовал этому обострению, преднамеренно разжигая вражду между двумя «братскими странами», потеряли бы львиную долю убедительности. В том же, что такое обострение неизбежно, сомневаться в 1977 г. уже не приходилось. И, как представляется, выбранная Москвой в тот год по данному вопросу линия оказалась в целом адекватна реальности и дала результаты, вполне желательные советскому руководству.

ЛИТЕРАТУРА

- Аболтин В. Я.* 1978: Международный ежегодник. Политика и экономика. Выпуск 1978 г. М.
- Варнаи Ф.* 1982: Маоизм против мирового коммунистического движения. М.
- Галенович Ю. М.* 2011: История взаимоотношений России и Китая. Книга III: один строй — два государства (1949–1991 гг.). Ч. 2. М.
- Галенович Ю. М.* 2012а: Войны нового Китая и его дипломатическая служба. М.
- Галенович Ю. М.* 2012б: «Исторический счет» к России и к СССР в «Истории Коммунистической партии Китая». М.
- Галенович Ю. М.* 2012в: От Брежнева и Мао Цзэдуна до Горбачева и Дэн Сяопина. М.
- Добрынин А. Ф.* 1997: Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.). М.
- Ильинский М. М.* 2005: Вьетнамский синдром. Война разведок. М.
- Капица М. С.* 1979: КНР: три десятилетия — три политики. М.
- Киссинджер Г.* 2013: О Китае. М.
- Ковалев С. М.* 1978: Ежегодник БСЭ. Вып. 22. М.
- Кулик Б. Т.* 2000: Советско-китайский раскол: причины и последствия. М.
- Панцов А. В.* 2013: Дэн Сяопин. М.
- Прохоров А. М.* 1973: БСЭ. Т. 12. М.
- Прохоров А. М.* 1974: БСЭ. Т. 17. М.
- Прохоров А. М.* 1976: БСЭ. Т. 23. М.
- Салманова В. Н., Колосова Л. Н.* 1972: Малый атлас мира. М.
- Самородный О.* 2013: Пол Пот. Кампучия: империя на костях? М.
- Сладковский М. И.* 1970: Китайская Народная республика в 1969 году. М.
- Сладковский М. И.* 1977: Китайская Народная республика в 1974 году: политика, экономика, идеология. М.
- Сладковский М. И.* 1979: Китайская Народная республика в 1977 году: политика, экономика, идеология. М.
- Сладковский М. И.* 1980: Китайская Народная республика в 1978 году: политика, экономика, идеология. М.
- Степанов Е. Д.* 1980: Экспансия Китая на море. М.
- Улуян Ар. А.* 2013: Балканский «щит социализма». Оборонная политика Албании, Болгарии, Румынии и Югославии (середина 1950-х гг. — 1980 г.) М.

THE BEGINNING OF THE GENESIS OF THE SINO-VIETNAMESE CONFLICT
IN 1979 AND THE SOVIET PERIODICALS*A. G. Dorozhkin*

The article is devoted to the reflection of Sino-Vietnamese relations in the reports of the Russian News Agency TASS and the Soviet press in 1977. It is pointed out that this subject had not been covered by the Soviet print media up to the beginning of 1978 while the correspondence of TASS sent to Moscow stated the increasing tension and progressive deterioration of the relations between yesterday “fraternal countries”. Therefore, the author made an attempt to explain the restrained tone of the Soviet periodicals on the issue, which was widely covered by the Soviet propaganda some years later.

Key words: TASS, correspondence, Vietnam, China, Maoism, propaganda

ФИЛОЛОГИЯ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

© 2014

Е. А. Епифанова

СТРУКТУРА ЖИТИЙНЫХ ПРЕДИСЛОВИЙ В ВИЗАНТИЙСКОЙ АГИОГРАФИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Статья посвящена композиции предисловий в византийской агиографической традиции. Материалом послужили предисловия к следующим византийским житиям: преподобного Саввы Освященного, Григория Акрагантийского и святителя Иоанна Златоуста. Цель исследования — выявление типологических черт данных текстов и их различий. Внимание сосредотачивается на особенностях композиции.

Ключевые слова: житие, предисловие, канон, тема, структура

Жанр житий является основным в церковной литературе. По определению, данному в литературоведческом словаре, жития святых — жизнеописания людей, объявленных христианской церковью святыми¹.

Житие — это целое литературное сооружение, некоторыми деталями напоминающее архитектурную постройку. Оно начинается обыкновенно пространством, торжественным предисловием, выражающим взгляд на значение жизни святых для остальных людей².

Данная работа посвящена исследованию структуры житийных предисловий в византийской литературе в плане развития их композиционной структуры. Известно, что «каноны житийной литературы были выработаны многовековой историей агиографического жанра, следование им придавало житиям особый отвлеченный риторический характер»³. Каноничность агиографии была обусловлена тем, что она относилась к жанрам церковным. В первую очередь каноны жанра реализовывались через композицию, т.е. набор определенных риторических тем. В наибольшей степени этот постоянный набор тем был характерен именно для вступительной части житий; в результате житийные предисловия сформировались как небольшие по объему, но при этом наиболее трафаретные и канонические части агиографических текстов.

В византийской, а затем и в древнерусской агиографической традиции житийные предисловия отличались особой «трафаретностью» и характеризовались по-

Епифанова Евгения Александровна — аспирантка Курганского государственного университета.
E-mail: epifanovaevgenya@mail.ru

¹ Белокурова 2005.

² Ключевский 2006.

³ Дмитриев 1980.

стоянным набором традиционных риторических тем. Данные темы были проанализированы в классическом труде Х. М. Лопарева, который определил подходы к изучению структуры предисловий, назвав несколько основных «клишированных» тем⁴. При этом Х. М. Лопарев подчеркивает, что данная последовательность развертывания тем была характерна именно для пространных житий-биос ((греч.) — жизнеописания святых). Мы ставим задачу выявить дополнительный ряд тем-клише в византийских предисловиях.

Обратимся к предисловию к житию Иоанна Златоуста — одному из ранних переводных памятников славянской агиографии, повествующему о многотрудной жизни Константинопольского патриарха и отца церкви, знаменитого христианского оратора Иоанна Хрисостома⁵.

Основной набор канонических тем в данном предисловии включает следующее: рассуждения о роли преданий; восхваление Господа; указание на источники жития; объяснение причин написания о святом; восхваление святого.

Довольно пространное предисловие к житию Иоанна Златоуста открывается рассуждением о том, как передавались издревле рассказы и повествования: *«Въеси древнии повѣсти пишущей ово о прежнихъ писати повѣдають, а другое слышавше, а другое сами видѣвъше»*⁶. Рассуждения о преданиях важны, так как являются первым обращением к проблеме трансмиссии. Очень интересно рассмотреть, как передаются тексты в устной и письменной традициях. Из письменных традиций автор называет книги Ветхого Завета пророка Моисея, перечисляя их почти в том порядке, в каком они существуют сейчас. При этом автор подчеркивает, что со временем состав Ветхого Завета может измениться, но он должен быть понятен и уяснен: *«И другое болѣ того, въ книгахъ обряцетъ иже попытаетъ, иже в годы своя кѣждо попыталъ на увѣдѣние и на разумѣние иже по тѣхъ родо-ве будутъ»*⁷. Затем следует тема восхваления Господа: *«Паки же по тѣхъ книгахъ ветхыхъ процвѣте Господа нашего Иисуса Христа славный приходъ, акы весна, всякыя воня духовныя възмуцаючи добровонство, отгоняючи всю мъглу невидѣния и святячи помыслы вѣрующихъ к нему преданиемъ божественныхъ Еваггелистъ и Апостолъ»*⁸. Указание на источники жития мы вновь находим в следующих строках: *«Такоже паки възникоша творци Еллинъстии повѣсти пишущей, их же книгъ овы лѣты многы погыбоша, а другыя и доселѣ суть»*⁹. Далее следует решение взяться за написание о святом: *«Сеже всего того дѣла въспоминаемъ и на среду принесохомъ не без ума ни такоже прилучи...»*¹⁰, — и восхваление святого: *«... и мы хотимъ писати о преподобнѣмъ семъ и о пречистѣмъ и о всего мира учителя и о свѣтилници преблаженѣмъ Иоаннѣ...»*¹¹. Автор говорит, что житие это писалось *«на пользу почитающимъ»*.

Георгий, архиепископ Александрийский, неоднократно ссылается на источники, которые не должны вызывать сомнения у слушателей и читателей. Досто-

⁴ Лопарев 1911, 15-21.

⁵ Буланин 1987, 151.

⁶ Великие Минеи Четьи 1874, стлб. 898.

⁷ Великие Минеи Четьи 1874, стлб. 899.

⁸ Великие Минеи Четьи 1874, стлб. 899.

⁹ Великие Минеи Четьи 1874, стлб. 899.

¹⁰ Великие Минеи Четьи 1874, стлб. 900.

¹¹ Великие Минеи Четьи 1874, стлб. 900.

верность устных традиций он утверждает мотивом свидетельских показаний или личным наблюдением происходящего. Среди авторских свидетелей называются «*Феодор диакон Мусийския церкви, епископ Паладий*», чье положение обязывает к истине слов. Автор также утверждает, что рассказы были: «*клятвами страшными извѣстивъше*». Еще он опирается на традиции, существовавшие до него: «*Начало повѣсти сеа божественаго и добраго, дивнаго ему житиа и хождения отсуду но творю, наченъ отъ дѣтскыа ему версты, яже сами приали иже суть пред нами полагали*»¹².

По кругу клишированных тем в предисловии к рассмотренному житию примыкает и в то же время отдалается предисловие другого жития: преп. Григория Акрагантійского. Леонтий создал данное житие приблизительно в VI–VII веках. Небольшое по объему, оно включает следующие канонические темы: желание взяться за написание о святом; авторское самоуничижение; сомнение в способности описать жизнь святого; восхваление святого; указание на источники.

Решение взяться за написание о святом и сомнение в способности описать его жизнь достойно проходит через все предисловие к данному житию. Автор боится, не решается приступить к повествованию и заявляет это с первых строк: «*Страшно и невнято и въселенѣй оуспѣно, паче еже со страхомъ и любовию послушающимъ и приемлющимъ, хотя повѣдати окаанный азъ на испытаны разоумъ...*»¹³. Тем не менее отмечается, с каким желанием он берется за это повествование: «*Любовию послушающимъ и приемлющимъ*», «*много любви моей гръзнѣй*». Далее следует авторское самоуничижение: «*ОУжасает бо ми ся оумъ, великому позороу памяти житиа и терпѣниа исповѣдати не могуща*»¹⁴. И вновь страхи и сомнения: «*Хоцѹ изреци, но не могоу дерзнуоти реци о прѣбнѣ и блжнѣмъ отцы наше, пастыри и оучители Григориѣ, иже цркъвѣ Бжюю блговѣрнѣй оустроишь...*»¹⁵.

Автор восхваляет самого святого: «*...отцѣмъ блговѣрнымъ, великоименнымъ моужемъ, дивно сего трпѣние и кротость дховнаа...*»¹⁶.

Обращаясь к библейским текстам, автор вспоминает слова пророка Давида и приводит цитаты из Псалтири: «*Трпѣние оубогымъ не погыбнетъ до конца*», «*спсение праведны от Гда и защититель имъ есть во время скорби*»¹⁷. В конце предисловия следует указание на источники: «*Мнози же инии пррци везде от правднихъ блаженію вѣщаши*»¹⁸.

Итак, предисловия к житиям Иоанна Златоуста и преп. Григория Акрагантійского имеют общую тему указания на источники жития, а также общий мотив восхваления (как Господа, так и святого).

Далее обратимся к анализу предисловия к житию Саввы Освященного. Данное житие было написано византийским агиографом Кириллом Скифопольским в VI веке и получило широкое распространение в древнерусской книжности¹⁹.

¹² Великие Минеи Четьи 1874, стлб. 901.

¹³ Великие Минеи Четьи 1874, стлб. 3123.

¹⁴ Великие Минеи Четьи 1874, 13, стлб. 3123.

¹⁵ Великие Минеи Четьи 1874, стлб. 3123.

¹⁶ Великие Минеи Четьи 1874, стлб. 3124.

¹⁷ Великие Минеи Четьи 1874, 3123, Пс. 9, 19; Пс. 36, 39.

¹⁸ Великие Минеи Четьи 1874, стлб. 3124

¹⁹ Творогов 1987, 174.

В предисловии содержатся следующие канонические темы: хвала Господу; авторское самоуничижение; указание на источники; причины, побудившие написать; решение взяться за повествование о святом; обращение к Богу, мольба о помощи.

Данное предисловие начинается с благодарности Господу: «Блвенъ Бгъ и отцъ Га нашего ИуХа, възустивый васъ от блонравии совершенѣмъ, повелѣти моему художеству, вписавше послати бгоугоднаа жития древле бывшея нашею оцю Евфимиа и блженнаго Савы»²⁰. Далее звучит тема самоуничижения: «... иже и мнѣ окаанному по неизъгланному его млрдию словесную кормлю подавъ во отвержение оустъ моихъ на послужение сицевому полезному вашему повелѣю»²¹. Следует указание на источники: «Преже оубо сего вопрошаахъ прилѣжно древняя и пустынные оца, от Еидимѣ вѣдуща во истину и съ блженныймъ Савою...»²². В предисловии в деталях рассказывается об истории создания жития, о том, какие этому предшествовали события. Так, Кирилл Скифопольский описывает сон, в котором святой Евфимий дает ему благословение на написание жития: «Во второй часть дне оуснѣвшю ми, и явиста ми ся прибная оца Евдимии и Сава со отдѣланиемъ обычнымъ ею презвитерьскомъ, и слышаахъ от стго Савы к великому Евдимию глуща: и се Кирилъ твои хартию держитъ, и тепло тищится, и толма ся потщавъ и трудився, и не можетъ начати. Великии же Евдимии отвѣща к нему: како може о наю исповѣдати, не оу приимъ слова на оустъ отвержениемъ оустъ; Стму же Савѣ рекшию: то и дажь ему, оче, благодать, и обѣщався велики, и вземъ от ядръ своихъ корчажець сребренъ, и омочъ кыстию в корчажець трижа, и отмочи ми оустнѣ»²³. Получив благословение, автор приступает к написанию жития; он приводит цитату из Псалтири: «... слака гортани моему словеса Твоя паче меда въ оустѣхъ мой»²⁴. Автор испытывает благодарность к святому Евфимию за помощь: «И тако тою блгтию от велицѣмъ Евдимии словеса скончахъ, и водимъ тою же блгтию, воскляная отбѣщание скончати и житие велика Савы списати»²⁵.

Кирилл Скифопольский неоднократно говорит о себе с самоуничижением: «... и яко грубъ сый, и никакоже вѣнѣшнему оучению оучився, и не пооучився во стыхъ словесе, и заякливъ»²⁶; «Обаче и своего недостояния не невѣдый»²⁷.

Не единожды автор указывает на источники жития: «... и собра от истинны и блженныхъ отцъ, и оученикъ ему бывшихъ и содѣлники...»²⁸. И снова самоуничижение: «Обаче и своего недостояния не невѣдый»²⁹. Затем следует частичная цитата из святого благовествования от Матфея, подтверждающая необходимость выполнить писательский труд: «Рабе лукавый и лѣнивый, лѣпо ти бѣ положили

²⁰ Великие Миней Четъи 1874, стлб. 444.

²¹ Великие Миней Четъи 1874, стлб. 444.

²² Великие Миней Четъи 1874, стлб. 444.

²³ Великие Миней Четъи 1874, стлб. 445-446.

²⁴ Великие Миней Четъи 1874, стлб. 446, Пс. 118, 103.

²⁵ Великие Миней Четъи 1874, стлб. 446.

²⁶ Великие Миней Четъи 1874, стлб. 445.

²⁷ Великие Миней Четъи 1874, стлб. 446.

²⁸ Великие Миней Четъи 1874, стлб. 446.

²⁹ Великие Миней Четъи 1874, стлб. 446.

серебреники Моя пре купцы»³⁰. Кирилл Скифопольский, опираясь на библейскую притчу о таланте, не хочет разгневать Господа своим бездействием и показаться ленивым, понимает, как важен его труд. Автор взывает о помощи, а также объясняет причины написания жития святого: «*Васъ, присныа рабы богатаго Влкы и Бга, от оци, помолити подвизаю слово, разумомъ текущее, и языки оуяснения от неоскудныхъ Его сокровищъ подати ми...*»³¹.

Речь автора насыщена метафорами: «*мракъ дша и оума*», «*аггльскый оумъ*»³².

По мнению книжника, он создает свое произведение «*ползы ради*», то есть он осознает важность своего труда для религиозного просвещения людей, считает, что этот святой не должен быть забыт. О «*пользе*» также упоминается в предисловии к житию Иоанна Златоуста.

Таким образом, в Византии сформировались каноны написания житий, в соответствии с которыми, на наш взгляд, в предисловиях выделяется 9 основных тем: рассуждения о преданиях; хвала Господу; восхваление святого; указание на источники жития; объяснение причин, побудивших написать о святом; авторское самоуничижение; сомнения в способности написания о святом; решение взяться за написание; обращение к Господу, мольба о помощи в создании текста.

Вышеперечисленные темы стали той основой, на которой составлялись предисловия древнерусских житий.

Проведенное нами исследование указывает на то, что византийские авторы, которые стояли у истоков формирования канонов, допускают варьирование тем. Это определяется задачами, которые ставит перед собой автор, и его творческой индивидуальностью. Как правило, в каждом рассматриваемом нами предисловии выделяется 5-6 канонических тем. Но обязательной для всех авторов является указание на авторитетные источники, подтверждающие истинность жития. Разнообразие текстов предисловий позволяет судить о важности автора, о его роли и подходе к традиции, а также его новаторстве.

ЛИТЕРАТУРА

Белокурова С. П. 2005: Словарь литературоведческих терминов. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://enc-dic.com/litved/Zhitija-svjath-5.html>

Буладин Д. М. 1987: // Словарь книжников и книжности Древней Руси XI - первая половина XIV вв. / Д. С. Лихачев (ред.). Л., 151-153.

Дмитриев Л. А. 1980: Литература второй четверти XIII — конца XIII века // История русской литературы X—XVII вв. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.infoliolib.info/philol/lihachev/2_5.html

Ключевский В. О. 2006: Курс русской истории (Лекции XXXIII—LXI). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [http://tululu.org/read53674/\(1\)](http://tululu.org/read53674/(1))

Лопарев Х. М. 1911: Византийские жития святых VIII - IX веков. // Византийский восточник. Т. 17. Вып. 17. СПб.

Творогов О. В. 1987: // Словарь книжников и книжности Древней Руси XI — первая половина XIV вв. / Д. С. Лихачев (ред.). Л., 174-175.

³⁰ Великие Минеи Четьи 1874, стлб. 446, Мф. 25, 26-27.

³¹ Великие Минеи Четьи 1874, стлб. 447.

³² Великие Минеи Четьи 1874, стлб. 447-448.

STRUCTURE OF THE HAGIOGRAPHICAL INTRODUCTIONS IN THE
BYZANTINE TRADITION

E. A. Yepifanova

The article is devoted to the composition of the introductions in the Byzantine hagiographical tradition. The Byzantine introductions to the lives of the St. Sabbus the Priest, Gregory of Akragas and the St. John Chrysostom were materials for the research. The purpose of the research is the identification of typological features and differences in these texts. The attention is focused on the peculiarities of the composition.

Key words: life, introduction, canon, theme, structure

© 2014

Т. Е. Абрамзон

«ПИИТИЧЕСКАЯ ИГРУШКА» (1829) Н. М.: ОБНАЖЕНИЕ
КЛАССИЦИСТИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ

Статья посвящена исследованию литературной безделки — «Пиитической игрушки», подписанной инициалами Н. М., принадлежащими, предположительно, Николаю Маркевичу. Образчик поэтической шутки, распространенной в пушкинские времена, представляет собой литературный конструктор с «костками» для создания любовных стихов. Пародийная по своей природе книжка-игра является и фактом литературной критики: она включает основные топосы галантной классицистической поэзии, демонстрируя ветхость формы и содержания поэзии XVIII века.

Ключевые слова: «Пиитическая игрушка», литературная игра, классицизм, романтизм, пародия

В отечественном литературоведении внимание к литературной пародии и игровой природе некоторых жанров было привлечено Ю. Тыняновым и другими русскими формалистами, что, как показывают недавние исследования, произошло не без влияния работ французского философа-интуитивиста А. Бергсона¹. Однако именно тыняновскими терминами «обнажение приема» и «механизация приема» принято характеризовать одну из сущностных черт пародии². Широко понимаемый принцип «пародирования» Тынянов рассматривал в рамках двойной игры: игры с «чужим» (пародируемым) текстом и игры с приемом (механически повторяемым). Исследования по теории литературной пародии выявили также

Абрамзон Татьяна Евгеньевна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова. E-mail: ate71@mail.ru

¹ Ханзен-Лёве Оге 2001; Нэтеркотт 2008; Блюмбаум 2002; Матвеева 2014, 30-37.

² Тынянов 1977, 210.

связь пародии с жанрами литературной критики, сосредоточенными на оценке литературного произведения и рефлексии отдельных его сторон³. Кроме того, «иногда пародия, не преследуя целей сатиры, развивается и как свободное искусство обнаженного приема»⁴. Вторичное по отношению к оригиналу, оно являет собой самостоятельное произведение, представляющее интерес для исследователя с точки зрения жанра, художественного метода и стиля.

Наша статья посвящена рассмотрению этих вопросов на материале одной любопытной пародийной книги под названием «Пиитическая игрушка, отысканная в сундуках покойного дедушки классицизма, изданная Н. М.» (Москва, В Типографии Николая Степанова, При Императорском Театре, 1829). Вероятнее всего, инициалы «Н. М.» принадлежат Николаю Маркевичу, писателю, историку и этнографу, занимавшемуся разысканиями в области древностей и имевшему другие стихотворные опыты.

«Пиитическая игрушка» представляет собой стихотворную насмешку над поэзией XVIII века, остроумную забаву в «сатирическом роде» и одновременно книгу по производству любовных посланий, романсов и вакхических песен, «устройство» которой во многом сродни изумительной машине по составлению текстов в «Путешествии Гулливера» Дж. Свифта. Цель статьи — выявить основные приемы остроты, используемые автором «игрушки», углубив тем самым представление о природе пародии.

Предисловие «Пиитической игрушки», или Основания для пародии. Автор «Пиитической игрушки» предваряет непосредственно стихотворное развлечение иронично-серьезным размышлением об истории словесности, представляя смену литературных этапов как «смену поколений»: «<...> литература <...> имеет свои возрасты: младенческий, отроческий, юношеский, мужеский, старческий и наконец дряхлый, почти равный с младенческим. <...> Прадедушка умирает, дедушка доживает свой век, а между тем внуки начинают наслаждаться жизнью и нарядившись для забавы в длинный дедушкин камзол, делают игрушку из почтенного костюма, который, во дни оны, может быть употреблялся токмо в важнейших и торжественных случаях. <...> дряхлый дедушка Классицизм побранился, поворчал, и как уверяют, изволил скончаться»⁵. Классицизм прошел все жизненные стадии и оставил в наследство лишь старые забавные «одежды», отжившие поэтические формы: некогда «почтенный костюм» теперь годится лишь для потехи.

Любопытно, что эта ироничная метафора автора конца 1820-х годов вполне созвучна глубокой философской теории эволюции литературы, представленной в трудах и Бергсона⁶, и Тынянова⁷ первых десятилетий XX века. Основная идея последней заключается в том, что движение литературных систем обусловлено необходимостью обновления конструктивной функции, выдвиганием в центр системы нового элемента, получающего более важную функцию, чем механизированный элемент.

³ Гроссман 1925, 61-81; Морозов 1960; Новиков 1989.

⁴ Томашевский 158.

⁵ Пиитическая игрушка 1829, 9.

⁶ Бергсон 1914.

⁷ Тынянов 1977, 538.

Предисловие к «Пиитической игрушке» звучит похоронной песнью литературе екатерининского времени, сбрасывает с корабля современности классицизм века минувшего: «<...>Классическая литература, при всем уважении нами питаемом к ее заслугам — за старостию лет получила увольнение. <...>. Имею честь представить в сей небольшой книжке первый опыт пиитической игрушки, заимствованной из поношенного убранства, оставшегося после высокопочтенного и вечная памяти достойного Классицизма, царство ему небесное! Покойник любил меру, точность, определенность и соблюдение правил, им установленных. На счет мыслей ярких, живости действия, и всего, что составляет жизнь поэзии, дедушка не был чрезмеру взыскателен и прощал многое... Были бы стопы и рифмы, и все хорошо!»⁸. Точность, определенность, правила — вот те приоритеты, на которых, по мнению автора, держалась классическая поэзия. И они не отменяются автором «игрушки», однако смещается центр системы: он переносится в область «мыслей ярких» и «живости действия».

Игровая природа книги и направленность пародии на классическую поэзию Сумарокова. Осознание мертвенности содержания и обветшалости формы поэзии прошлого века приводит автора к созданию «пиитической игрушки». Он объясняет прагматическую и «альтруистическую» цель своей книжки — помощь беспаланным кавалерам в создании любовного подношения барышням, хотя и равнодушным к словесности, по мнению автора, но непонятно для какого употребления требующим от рыцарей «доставить им стихов». Согласно его опыту, дамы гораздо охотнее знакомятся с кавалерами, обладающими музыкальными способностями или стихотворными талантами. И, когда юная красавица попросит своего кавалера написать для нее «хоть восемь стихов, или один куплет для романса», тут-то и должно воспользоваться подготовленным автором «экспромтом». Автор «игрушки» дает читателю «наставление», во многом сходное с «Извещением», предвещающим «Любовную гадательную книжку» (1774) А. П. Сумарокова⁹:

«Учтивый, любезный, aimable кавалер, на просьбу красавицы ответил: <...> Я сегодня не в духе, но в угодность вашу, я напишу. С тем уговором, чтобы мне никто не мешал! <...> Кавалер осматривает не спрятались ли ктонибудь в комнате? Вынет из бокового кармана предлагаемую книжку и металлические косточки; бросит... число, положим: вышло 10, и вот на листочке, назначенном для первой строки, он находит: О Ангел кроткий, Ангел нежный! Вот и начало! Бросит кости еще раз: на следующем листке готова вторая строка. И так далее до четырех или до восьми стихов. Книжка и кости спрятаны, куплет написан, и подан милой девушке <...>»¹⁰.

С помощью книжки, по мнению ее сочинителя, без труда можно стать «бударным Орфеем»: не заботясь о «мысли» стихов, получить «сочетание рифм и страстное изъяснение в любви». Не следует бояться и того, что кавалер «попадет на те же самые стихи». Варианты стихов и метательные кости не позволят повторить куплет один в один. Кстати, в благожелательной рецензии «Московского телеграфа» (1830. Ч. 31) на «Пиитическую игрушку» было сказано, что к книге прилагались две кости, «по которым складываются стихи».

⁸ Пиитическая игрушка 1829, 9–10.

⁹ Абрамзон 2013, 180–187.

¹⁰ Пиитическая игрушка 1829, 13–14.

Автор «Пиитической игрушки» отчасти повторяет сумароковскую книжку и одновременно пародирует ее. Он объявляет о своих планах на будущее: «Если этот первый опыт классического производства будет благосклонно принят публикою, то я не премину издать подобные сему руководства *для сочинения классических трагедий* (курсив мой. — Т.А.), которые вообще не нуждаются в действии. Смело можно будет ручаться, что в трагедиях, сим способом написанных, сохранятся не только три, но даже десять единств»¹¹. Как известно, Сумароков, создавая «Любовную гадательную книжку», разбирает на двести своих трагедии и вроде бы играет с формой: он составляет комбинации из нескольких тавтологических любовных переживаний¹².

Автор «Пиитической игрушки» в свою очередь изготовил стиховой макет — шаблон любовного стихотворения — и предложил механизм поэтического производства, заявив к тому же о своем намерении создать макет классической трагедии. Думаем, не называя имени Сумарокова, автор «Пиитической игрушки» всё-таки метит в северного Расина, в его трагедии, лишённые действия и разъятые на отдельные цитаты самим же автором в «Любовной гадательной книжке». От прямых укоров в адрес классицизма автор «Пиитической игрушки» переходит к ostranению классицистических приемов.

Обнажение трафаретности стиля классицизма. Пародия Н. М. направлена и против стиля классической литературы в целом. Главная мишень — формульность поэзии, утратившая живое содержание. Так, для каждой строки любовного стихотворения в «Пиитической игрушке» предложено одиннадцать вариантов, которые обозначены числами от 2 до 12 (возможные суммы очков при использовании двух костей). Приведем версии первой строки первого куплета:

- 2 О Ангел милой мой, бесценный.
- 3 Любезный друг нелицемерный,
- 4 О Бог души моей, бесценный,
- 5 Друг сердца верной, друг примерный,
- 6 О милый Ангел, друг мой верный,
- 7 О друг единственный, примерный,
- 8 Любезный, милой, друг бесценный,
- 9 О друг души, друг драгоценный,
- 10 О Ангел кроткой, Ангел нежный,
- 11 Единственный мой друг, примерный,
- 12 О Ангел сердца, друг бесценный¹³.

Для составления любовного подарка из готовых стихов необходимо было упорядочить метр и рифму, что и делает автор, не утруждая себя, в отличие от Сумарокова, поисками точных созвучий и разнообразных слов: все стихи написаны 4-х стопным ямбом с женской рифмой *-енный, -ерный, -ежный*. Подобным образом автор составляет «комплекты стихов» для следующих семи строчек. Отметим, что в отдельно взятом стихе, предложенном в «наборе», не происходит смыслового сдвига, не рождается двусмысленность, необходимая для возникновения комического эффекта.

¹¹ Пиитическая игрушка 1829, 14–15.

¹² Абрамзон 2013, 186–187.

¹³ Пиитическая игрушка 1829, 16.

Обнажение структуры любовного послания. Поэтическая забава основана на комбинации нескольких топосов классического любовного стихотворения, которые в поэтической практике прошлого столетия застыли, превратились в формулы. С ними играет «внушок» классицизма в 1829 году, составляя из них стихотворную блажь. «Общие места» — обычно предмет исследования филологов, которые, выясняя природу жанра, выявляют те характерные черты, которые отличают одну форму от другой. Собственно, этим и занялся автор, правда, обратив свое видение и чувство поэзии не в филологический труд, но в игру с топосами. Причем он выделяет и формулы поэзии, и формулу структуры любовного стихотворения, состоящего из двух куплетов с прямым обращением, как и в гадательной книжке Сумарокова, от «я» влюбленного героя к «ты» возлюбленной.

Структура, предлагаемая автором «игрушки», включает две строфы. Первая строфа: первый стих — нежное обращение к возлюбленной; второй стих — риторический возглас о невозможности совладать с любовью; третий стих — о злой разлуке с возлюбленной; четвертый стих — о вечных страданиях в разлуке. Вторая строфа: первый стих — ни в чем и нигде герой не может обрести веселия, безотрадность мира в отсутствие возлюбленной; второй стих — весь мир покрыт печалью; третий стих — вечная мука и страдания героя; четвертый стих — душа героя стремится к героине.

Такой видится автору «Пиитической игрушки» структура любовного стихотворения, сложившаяся в прошлом столетии и подвергающаяся пародированию. Пародия рождается в тот момент, когда форма сложилась, застыла, и пародия начинает высмеивать характерные черты, дабы разрушить ее окаменелость.

Каждый топос классической любовной поэзии представлен несколькими формулами. Так, нежное обращение к возлюбленной сводится к двум основным именам — «ангелу» и «другу»: «Ангел мой», «Ангел сердца», «друг мой», «Бог души», «друг души». Силу любви героя передают риторические вопросы: Можно ль не любить её? жить без неё? позабыть её? изменить ей? чувства свои сокрыть? В разлуке с возлюбленной — герой разлукою *сраженный, пораженный, угнетенный, осужденный, обремененный, отдаленный*. «Страдания в разлуке» представлены несколькими «слезными» формулами: «*Могу ли слезы я не лить?*» или «*Мне суждено слез реки лить*», которые часто встречаются в поэзии прошлого века и в сумароковской гадательной книжке. Здесь же «утолить печаль», «слезы осушить», «спокойну можно ли мне быть?». Дважды появляется «злой рок»: «*Знать рок судил мне слезы лить?*»; «*Злой рок престань меня томить?*».

И вновь отметим, что повторение структуры любовного послания ничем не нарушается: нет иного контекста, нет включений «чужеродных элементов», нет транспозиций, тех ключевых приемов, которые и создают конфликт смыслов. Кажется, что автор стихотворной забавы лишь играет устаревшими формулами, поэтическими любовными штампами ушедшего века, обнажает приемы создания амурных посланий. Однако это не вполне так: мишенью пародии оказывается не только форма, но и содержание любовного послания, а именно то представление о любовной муке, которое складывается в нежных стихах.

Обнажение концепции любви в классической поэзии. Любовь в ее современном виде была завезена в Россию примерно в то же время, когда петровский проект по созданию «Российской Европы» потребовал целого ряда импортных

продуктов — от немецкого короткого платья до социальных и государственных идей. Государственный компас Петра указывал строго на Запад. По воле великого преобразователя *любовь* проходит светскую реабилитацию, как и другие явления русской жизни.

Как чувство возвышенное, она не была вписана в социальное и культурное пространство средневековой Руси. Любовь к Богу — вот что было прописано в Вечной Книге и предписано испытывать всем христианам. И любовь эта была несовместима с любовью в ее светском варианте, тем более с любовью чувственной. Последняя приписывалась дьявольским козням, «чарам» и «очарованию». Красота искушала, вводила в грех. За нее, правда, на костер не отправляли, как Европе, но и никто не воспевал красоту женщины и любовное чувство в сонетах, как это делали Петрарка, Шекспир или Камюэнс.

Новая система отношений внутри российского общества, насаждаемая сверху, нуждалась в выработке языка культуры, который охватывал бы различные сферы жизни¹⁴, в том числе и область галантных отношений. Когда запрет на любовь-страсть потерял свою былую силу, сфера любовных взаимоотношений оказалась желанным полем для возделывания. В XVIII веке российским обществом интенсивно осваивается новая концепция любви, не похожая на свою предшественницу из византийского христианства, что и обусловило появление переводных и оригинальных «пособий» по любви, галантным манерам¹⁵. Следование книжным советам должно было привести «модного господина» к желанному результату, чтоб свет решил, что он умен и очень мил. Освоению новой культурной сферы и публичного пространства способствует и «вдруг» появившаяся изящная словесность. Пионером в этой области явился В. К. Тредиаковский, вслед ему — А. П. Сумароков и другие поэты.

Сумароков подхватывает песенный и стихотворный почин Тредиаковского («Песенка любовна», «Стихи о силе любви», «Плач одного любовника, разлучившегося со своей милой, которую он видел во сне», «Тоска любовника в разлучении с любовницею», «Прошение любви» и др.) и складывает немудреные стихи о нежных чувствах, в чем чистосердечно и признается: «Эрата перва мне воспламенила кровь, / Я пел заразы глаз и нежную любовь». Тяжеловесную любовную виршу сменили короткие, но более изящные песенки о любви, и сумароковские были в большом ходу. Известно, что в 1740-1750-х годах «в компаниях забавлялись его стишками, переделанными с французскаго, и собственными. Их пели знатныя дамы, при дворе, пели под аккомпанимент лютни, тогда моднаго инструмента по свидетельству Штелина оне были положены на музыку Велиградским»¹⁶. Любовная песня пришлась по вкусу русской публике, открыла новый мир чувств и чувствительности, встреченный и принятый русской публикой «с распростертыми объятиями». Во многих из них истинное чувство предстает как любовь-страсть, любовь-мука, любовь-болезнь, которая приносит героям скорбь и мучение, плач и тоску, доводит их до отчаяния.

Одна из формул любовной риторики — обещание вечной любви и клятва верности, разнообразно представленные в любовной поэзии XVIII века. Герои

¹⁴ Живов 2009, 12.

¹⁵ Лотман 1992, 23; 2001, 381.

¹⁶ Веселовский 1909, 104.

клянутся любить и помнить друг друга вечно. В этом любовном Абсолюте полу-меры и получувства невозможны, чувство живет между «всегда» («навсегда») и «никогда». О преодолении любовью земных пределов, границы между жизнью и смертью речи не идет. Любовь небесную, за гранью человеческой жизни откроют (или сотворят) романтики, наполнив «вечно» и «на веки» прямым значением. Для Сумарокова и других поэтов его времени любовь если и вырывается из-под власти рассудка человека, то ее финал подчиняется видимой объективности. Обещание любви до смерти — апогей любовного признания и его суть. Оно превратилось в формулу любовной риторики, звучащую в различных вариантах в сумароковской любовной поэзии.

Собственно, запечатленный в поэтических штампах XVIII века (в сумароковской поэзии в частности) Абсолют любви и осмеивает автор «Пиитической игрушки», обнажая не только структуру, формульность и синтаксис стихов (риторические восклицания и вопрошания), но и само представление о чувстве:

•бесконечность и неизбывность любовного страдания («*На век с тобою разлученный*», «*Я должен вечно слезы лить*», «*Всегда тоскую и страдаю*», «*Всегда в мученьи пребываю*», «*Всечасно в горести вздыхаю*», «*Всегда лишь мучусь и страдаю*» и др.);

•абсолютная невозможность обрести радость в иных предметах, кроме любви («*Ни в чем веселия не знаю*», «*Ни в чем отрады я не знаю*», «*Везде лишь горести встречаю*», «*Ни чем себя не утешаю*», «*Ни где забав не обретаю*» и др.);

•абсолютная печаль («*Весь мир унынием покрыт*», «*Все, все унылой кажет вид*», «*Печалию весь свет покрыт*», «*Все, все являет мрачный вид*», «*Все о разлуке говорит*» и др.).

Таким образом, набор застывших формул, пригодных для незадачливых стихов в помощь бесталанным кавалерам, остранил само понимание любви в веке ушедшем. Обнажение классицистических приемов ведет к осмеянию внутреннего содержания любовной поэзии. Однако «Пиитическая игрушка», изданная Н. М., дает пример еще одного способа пародирования. Направленность пародии сомнений не вызывает: она нацелена на преодоление ветхой классической поэзии, но в результате «будуарный Орфей» все же получал необходимый результат — пусть и бездарное, но любовное послание без двусмысленностей. Комический эффект достигается тем, что стихи становятся предметом многократного использования и, что еще важнее, перестановка стихов не ведет к изменению смысла: в любовной гамме остается лишь одна нота. Комбинации одиннадцати вариантов одного и того же стиха в восьмистишии дают огромное количество любовных посланий, но без мысли и без чувства. Осознание предела классического мировидения и мироотражения приводит к игре с отжившими формами, взламывающими старый взгляд на мир.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон Т. Е. 2013: «Билетцы» и гадательные двустиишия А. П. Сумарокова: парадигма любовного чувства // ПИФК. 3, 180-187.
 Бергсон А. 1914: Творческая эволюция. М.; СПб.
 Блюмбаум А. Б. 2002: Конструкция мнимости: К поэтике «Восковой персоны» Юрия Тынянова. СПб.

- Веселовский А. А.* 1909: Любовная лирика XVIII века. СПб.
- Гроссман Л.* 1925: Жанры литературной критики // Искусство. 2, 61-81.
- Живов В. М.* 2009: История понятий, история культуры, история общества // Очерки исторической семантики русского языка раннего Нового времени / В. М. Живов (ред.). М., 5–26.
- Лотман Ю. М.* 1992: «Езда в остров любви» Тредиаковского и функция переводной литературы в русской культуре первой половины XVIII века // Лотман Ю. М. Избранные статьи в 3 т. Т. II. Таллин, 22–28.
- Лотман Ю. М.* 2001: О роли типологических символов в истории культуры // Семиосфера. СПб., 371–385.
- Матвеева Д. А.* 2014: Влияние философии А. Бергсона на теоретические и художественные установки Ю. Тынянова // Вестник Томского государственного университета. 378, 30-37.
- Морозов А. А.* 1960: Русская стихотворная пародия // Морозов А. А. Русская стихотворная пародия (XVIII — начала XX вв.). Л.
- Нэтеркотт Ф.* 2008: Философская встреча: Бергсон в России (1907-1917). М. Пиитическая игрушка, отысканная в сундуках покойного дедушки классицизма. [Н. М.]. 1829. М.
- Томашевский Б. В.* 1996: Теория литературы. Поэтика. М.
- Новиков В. И.* 1989: Книга о пародии. М.
- Тынянов Ю. Н.* 1977: О пародии // Поэтика. История литературы. Кино. М., 284-309.
- Ханзен-Лёве Оге А.* 2001: Русский формализм. Методологическая реконструкция развития на основе принципа остранения. М.

“PIITICHESKAYA IGRUSHKA” (1829) BY N.M.: THE DETECTION OF CLASSIC TECHNIQUES

T. E. Abramzon

The article investigates a literary trifle — «Piiticheskaya igrushka» signed with the initials N. M. belonging presumably to Nikolai Markevich. Being an example of a poetic joke spread in Pushkin's time, it is a set of poetic verses for creating love poems. The book of the satirical kind is also the fact of literary criticism: it includes the main toposes of gallant classic poesy, showing the decayed statue of the 18th century poetic form and content.

Key words: “Piiticheskaya igrushka”, a literary game, Classicism, Romanticism, parody

©2014

А. А. Кирпичникова

ФЕНОМЕН ПРЕДКЛАССИЦИСТИЧЕСКОГО СИНКРЕТИЗМА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ АВТОРОВ ЖУРНАЛОВ «РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА» И «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»

В статье рассматривают точки зрения авторов журналов «Филологические науки» и «Русская литература» на русскую литературу рубежа XVII–XVIII вв. На основе этого анализа делаются выводы об основных особенностях периода предклассицизма, в частности о сочетании в русской литературе рубежа XVII–XVIII вв. черт барокко и классицизма, о переходности указанного периода и так далее, и отличии предклассицизма от классицизма.

Ключевые слова: предклассицизм, переходность, журналы «Русская литература» и «Филологические науки»

В период предклассицизма в России в конце XVII — начале XVIII в. в литературных произведениях переплетаются черты угасающего барокко и развивающегося классицизма, а также фольклорные традиции и характерные приметы древнерусской литературы и литературы Нового времени. Практически все исследователи-литературоведы, в круг научных интересов которых входила русская литература рубежа XVII–XVIII вв., обращали внимание на данные феномен, и, конечно же, не обошли стороной вопрос о предклассицистическом синкретизме авторы таких известных отечественных научных журналов, как «Русская литература» и «Филологические науки».

Оба этих издания были основаны в 1958 году вскоре после примечательной дискуссии 1954 года о важности издания литературно-критического журнала со свободным диалогом мнений на втором съезде советских писателей¹.

Идея о полемичности критики стала ключевой для журналов: авторы выдвигают различные точки зрения, спорят. Вообще практически с первых же номеров на страницах и «Русской литературы», и «Филологических наук» развернулись важные теоретические дискуссии о понятиях «литературный метод», «направление», «стиль». В первом издании свои точки зрения по данному вопросу высказали Д. С. Лихачев и А. А. Морозов, во втором — В. И. Гуляев, Л. Егорова, В. А. Калашников, В. Н. Носов.

Так, Д. С. Лихачев и А. А. Морозов сосредоточили свое внимание на терминах «метод», «стиль», «направление». При этом Д. С. Лихачев выделяет такие характеристики стиля, как зависимость от социальной ситуации и идеологии, способность взаимодействовать с другими стилями; к возможности же существования национальных вариантов того или иного стиля литературовед относится довольно скептически². А. А. Морозов, напротив, подчеркивает, что стиль охватывает все явления культуры и может обладать национальными вариантами³.

Кирпичникова Анна Андреевна — соискатель кафедры русской литературы и методики преподавания Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета. E-mail: kirpanna@yandex.ru

¹ Прозоров 2002.

² Лихачев 1969; 1968.

³ Морозов 1962; 1968.

Авторы журнала «Филологические науки» обратились к вопросу о разграничении терминов «стиль» и «метод». Так, В. И. Гусев в статье «К соотношению стиля и метода» (1964) не просто разграничивает эти понятия, но и утверждает, что они лежат в разных плоскостях, что «стиль в литературном процессе идет как бы параллельно методу, однако не пересекаясь с ним как категория»⁴. С такой позицией не соглашается Л. Егорова, выразившая свою точку зрения в работе «О параллельности и точках пересечения (по поводу статьи В. Гусева «К соотношению стиля и метода»)»: «Что же касается цельного художественного произведения, то в нем стиль неотделим от содержания, ибо метод и стиль — это явления, лежащие, повторяем, не в параллельных плоскостях, а в смежных»⁵.

Важно, что на проблему стиля и метода на страницах журнала «Филологические науки» исследователи выходят, как рецензируя работы современников, как это делает В. А. Калашников («Стиль как художественная закономерность (А. Н. Соколов, Теория стиля, М., «Искусство», 1968, 223 стр.)»), так и обращаясь к теориям предшественников. В. Н. Носов, например, анализирует, как трактовали понятие «стиль» исследователи 1920-х годов («Некоторые проблемы стиля в литературоведении и критике 20-х годов»).

Данными теоретическими диспутами и была подготовлена база для историко-литературной полемики о предклассицизме.

Значимой теоретической проблемой, связанной с вопросом о предклассицизме, стала проблема его периодизации. Среди авторов, обращавшихся к ней на страницах журнала «Русская литература», нужно назвать Д. С. Лихачева («К вопросу о зарождении литературных направлений в русской литературе», 1958 и т.д.) и А. А. Морозова («Развитие стилей и историческая реальность», 1971 и т.д.). Что же касается журнала «Филологические науки», то следует выделить работу Б. Г. Реизова «Вопросы периодологии в истории литературы» (1969). Значимыми эти работы оказываются прежде всего потому, что авторы, независимо от их взглядов на барокко, классицизм и предклассицизм, признают возможность сосуществования различных направлений, а иногда напрямую говорят и о невозможности выстраивать периодизацию литературы, опираясь на стили. «Деление литературного процесса по литературным направлениям не совпадает с хронологическими и историческими эпохами ни в пределах европейского культурного мира, ни в пределах каждой данной национальной литературы, ни даже в пределах данного творчества»⁶, — достаточно жестко пишет Б. Г. Реизов.

Безусловно, именно стремление понять значение терминов «литературный метод», «направление», «стиль», а также решить проблему периодизации литературы дало толчок к рассмотрению вопроса о барокко и предклассицизме. Однако особо пристальное внимание явлению предклассицизма авторы интересующих нас журналов уделяли в разное время: в журнале «Русская литература» — в 1960–1970-ые гг., в журнале «Филологические науки» — в 1990-ые гг. XX в.

Обращаясь к первому изданию, следует отметить, что на его страницах свое мнение относительно литературы рубежа XVII–XVIII вв. высказывали такие авторитетные исследователи, как Д. С. Лихачев и А. А. Морозов. И хотя ни один из них

⁴ Гусев 1964, 146.

⁵ Егорова 1965, 121.

⁶ Реизов 1969, 95–96.

не использовал сам термин «предклассицизм», в их статьях можно обнаружить целый ряд ключевых суждений о специфике литературного процесса, подготавливающего предклассицизм.

В первую очередь, для поэтики предклассицизма важно сочетание черт барокко и классицизма. Именно о соединении различных черт данных направлений в литературе рубежа веков писал Д.С.Лихачев: «Между русским барокко и русским классицизмом нет такой отчетливой грани, как в Западной Европе»⁷.

Исследователь не просто показывает, что на рубеже XVII-XVIII вв. в русской литературе сосуществовали барокко и классицизм, но и стремится объяснить это взаимодействие, отмечая, что эти направления «вовсе не определялись как направления двух противоположных типов»⁸. Более того, среди причин, по которым барокко не стало господствующим направлением, а взаимодействовало с классицизмом, называется в статьях Д.С.Лихачева отсутствие подготовительной стадии Ренессанса: «В России XVII века не было и не могло быть спонтанно возникшего барокко, ибо не было подготовительной стадии Ренессанса. Скорее должен был спонтанно возникнуть Ренессанс»⁹. Из этих предпосылок ученым делается принципиальный вывод, что барокко в русскую литературу попало посредством польско-украинского влияния. Даже такие черты русского барокко, как жизнерадостный, человекоутверждающий и просветительский характер, совершенно несвойственные барокко европейскому, объясняются тем, что в России барокко взяло на себя функции Ренессанса.

Аналогичной точки зрения на роль барокко в русской культуре затем придерживался В. И. Федоров. Обосновывая существование предклассицизма, он пишет: «Само искусство барокко в какой-то мере брало на себя функции Возрождения в тех странах, где по разным причинам Ренессанс не сложился в целостную историко-культурную систему. Вот почему барокко в русской литературе определяется, как правило, со стороны стиля... Лишенное социальных корней, барокко не могло сложиться в оформленное, а тем более господствующее литературное направление»¹⁰.

Однако мы, конечно, не можем утверждать, что Д.С. Лихачев полностью отрицает наличие барокко, исследователь лишь отмечает, что оно не охватывает все явления русской культуры рубежа XVII-XVIII веков: «Барокко в русской литературе представлено лишь отдельными авторами и отдельными переводами, но ни авторы эти, ни переводы не могут быть отнесены целиком к церковной литературе, — скорей к придворной, а затем к школьной»¹¹.

Говоря же об А.А. Морозове, следует отметить, что исследователь является сторонником идеи о решающей роли барокко и отстаивает точку зрения, что в русской литературе барокко занимало важное место вплоть до М.В. Ломоносова. Однако филолог не отрицает и взаимодействия барокко и классицизма: «Историческая неповторимость и своеобразие Ломоносова в том и заключается, что в

⁷ Лихачев 1969, 42.

⁸ Лихачев 1958, 4.

⁹ Лихачев 1969, 45.

¹⁰ Федоров 1979, 6–7.

¹¹ Лихачев 1969, 40.

его творчестве произошло совмещение стилей и осуществилось взаимодействие и взаимопроникновение различных поэтических традиций на основе барокко»¹².

Как видим, уже в 60–70-е гг. XX в. на страницах журнала «Русская литература» звучит мысль, что на рубеже XVII–XVIII вв. в русской литературе сосуществовали барокко и классицизм. Именно эта идея стала отправной точкой для исследователей, характеризовавших рубеж веков как предклассицизм.

Если же говорить о журнале «Филологические науки», то среди ученых, обращавшихся к проблеме предклассицизма, нужно назвать А. А. Смирнова, О. М. Буранка, А. С. Курилова.

Первым здесь к проблеме предклассицизма обратился А. А. Смирнов. Еще в 1967 году в «Филологических науках» выходит его работа «Проблемы подражания и вымысла в поэтике русского классицизма», где ученый впервые формулирует свое представление о литературе предклассицизма, в дальнейшем более детально изложенное им в статье «К проблеме соотношения русского предклассицизма и гуманистической теории поэзии: Ф. Прокопович и Ю. Ц. Скалигер» (1971) и в книге «Литературная теория русского классицизма» (1981). При этом в первой статье термин «предклассицизм» не используется, зато впоследствии ученый к нему активно обращается.

А. А. Смирнова в первую очередь интересуют «школьные пиитики» и теоретические работы Феофана Прокоповича, и именно на основе их анализа исследователь делает выводы об общих тенденциях предклассицизма. Особенно значимой оказывается теория подражания и вымысла, истоки которой на русской почве, по словам автора, можно обнаружить в «школьных пиитиках» конца XVII — начала XVIII века. Рассматривая данные «пиитики», где вымысел понимается как замысловатая и украшающая выдумка, А. А. Смирнов делает вывод о связи предклассицизма и барокко: «Результатом подобной трактовки вымысла явилось пристрастие к различным видам курьезного стиха, которому отводится значительное место в «прикладной» части поэтик. Эту последнюю тенденцию следует поставить в связь с воздействием польско-немецких барочных традиций, объединенных понятием декорума»¹³.

Среди черт, роднящих классицизм и предклассицизм, исследователь выделяет обращение к античным авторитетам, установление дидактической цели поэзии и т. д. Однако, при всей своей схожести, данные направления имеют и достаточно существенные отличия: «Ведущий и определяющий принцип классицизма XVII в. — разум — не выступает в южнорусских поэтиках в качестве силы, определяющей соответствие вымысла и истины, вымысла и действительности, редко и требование “правдоподобия”, одного из центральных моментов доктрины классицизма»¹⁴.

Таким образом, А. А. Смирнов пишет о существовании предклассицизма на рубеже XVII–XVIII вв. и особое внимание уделяет чертам, которые роднят данное литературное направление с барокко и классицизмом. В то же время ученый выделяет отличительные приметы именно предклассицизма: культ разума лишь на-

¹² Морозов 1965, 96.

¹³ Смирнов 1967, 21.

¹⁴ Смирнов 1967, 22.

чинает играть существенную роль и еще не имеет такой силы, как в классицизме, а требование правдоподобия не является одним из основных.

Позднее, в 1990-е гг., на страницах журнала «Филологические науки» русскую литературу конца XVII — начала XVIII в. как литературу, где можно выделить черты барокко и классицизма, характеризовали А. С. Курилов и О. М. Буранок. Впрочем, отметим, что если О. М. Буранок прямо использует термин «предклассицизм», то А. С. Курилов его избегает.

Говоря о концепции О. М. Буранка, следует выделить его статью «Фольклорные традиции в творчестве Феофана Прокоповича» (1991), посвященную влиянию фольклора на литературу предклассицизма. Синкретизм эпохи предклассицизма понимается здесь не только как взаимодействие черт барокко и классицизма, но и как особое отношение к фольклорным традициям и традициям древнерусской литературы. В частности О. М. Буранок подчеркивает, что влияние фольклора на литературу рубежа XVII-XVIII вв. еще достаточно сильно, однако некоторые авторы относятся к фольклору с предубеждением. «Феофан Прокопович... как бы дал направление всей политике предклассицизма в отношении фольклора: он не отвергал решительно устного народного творчества, но при этом ученый монах проявлял некоторое предубеждение по отношению к творчеству народа. В самом раннем произведении Прокоповича — трагедокомедии «Владимир» — прорывается, вопреки этому, фольклорная стихия, русская народная смеховая культура»¹⁵, — пишет О. М. Буранок.

Нельзя не отметить и тот факт, что уже на страницах журнала «Филологические науки» О. М. Буранок начинает развивать мысль о предклассицизме как переходном времени; о переходности свидетельствует в том числе и новое обращение к фольклору: «Сам дух, пафос лирики Прокоповича были данью новой поэтической эпохе, несмотря на все версификационные, стилистические и другие связи, закономерные для переходного времени»¹⁶. В дальнейшем О. М. Буранок развивает концепцию о переходности предклассицизма в таких своих работах, как «Русская литература XVIII века. Петровская эпоха. Феофан Прокопович» (2003), «Русский предклассицизм как филологическая проблема» (2006) и других, а также в диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук «Творчество Феофана Прокоповича и русско-зарубежные литературные связи первой половины XVIII века» (2013).

Что же касается А. С. Курилова, то исследователь в своей статье «Классицизм в русской литературе: исторические границы и периодизация» (1996) в первую очередь стремится дать ответ на вопрос, почему же так трудно разграничить барокко и классицизм, и отмечает близость барокко и классицизма в художественном плане: «В художественном, а не идеологическом, мировоззренческом, отношении, с искусствоведческой, а не социологической точки зрения, Барокко представляет собой движение в искусстве очень близкое по своему характеру Классицизму. Фактически оно было его разновидностью»¹⁷.

Затрагивает А. С. Курилов и проблему периодизации литературы этого времени. Так, говоря о зарождении классицизма, исследователь отмечает «Грамматику»

¹⁵ Буранок 1991, 27–28.

¹⁶ Буранок 1991, 27.

¹⁷ Курилов 1996, 16.

Лаврентия Зизания (1596): «В славянских литературах Классицизм начинается с освоения эпиграмматического жанра, о чем говорит «Эпиграмма. На грамматику», написанная Лаврентием Зизанием и помещенная в качестве предисловия к его «Грамматике»»¹⁸. К числу классицистов относит он и Симеона Полоцкого, и Феофана Прокоповича. Важно отметить, что в другой своей работе, «Русский и западноевропейский классицизм. Проза» (1982), А.С.Курилов, обращаясь к «Риторике» и «Поэтике» Феофана Прокоповича, подчеркивает, что с этого момента «начинается процесс расширения основ русского классицизма: поэты и поэзия новых народов становятся фактом художественного сознания россиян»¹⁹.

Таким образом, точка зрения А.С.Курилова, с одной стороны, схожа с мнением других исследователей, — в частности он, как и О.М. Буранок, А.А. Смирнов, одним из основных писателей и поэтов переходного периода называет Феофана Прокоповича. С другой же стороны, исследователь существенно отодвигает нижние границы классицизма (точнее зарождающегося классицизма): с конца XVII — начала XVIII века (О.М. Буранок и А.А.Смирнов называли именно этот рубеж) на начало XVII века.

Весьма значимо, что если на страницах журнала «Филологические науки» А.С. Курилов лишь отмечает переходность, синкретизм русской литературы XVII — начала XVIII вв., то впоследствии исследователь довольно четко формулирует свою позицию: «К началу XVIII в. русская литература представляла неоднородное явление. У истоков русской прозы XVIII в. встретились несколько повествовательных линий: трансформированная древнерусская, античная и западноевропейская, последние и привели к формированию в ней классицизма»²⁰.

Подводя итог, следует отметить, что на страницах журнала «Русская литература» представлено лишь становление взгляда на русскую литературу рубежа XVII–XVIII вв. как на предклассицистическую: Д.С. Лихачев выделяет фактически одну черту — взаимодействие барокко и классицизма, а А.А. Морозов, хотя и признает наличие в творчестве М.В. Ломоносова элементов не только барокко, акцент делает именно на это направление. Авторы журнала «Филологические науки» идут дальше. Во-первых, в отличие от первого издания, здесь уже представлен сам термин «предклассицизм», во-вторых, исследователи не просто говорят о чертах барокко и классицизма, а характеризуют рубеж XVII–XVIII веков как переходный период, когда большую роль еще играют элементы фольклора, древнерусской литературы, но уже и новая литературная традиция набирает силу.

Если говорить о предклассицизме в целом, то среди представителей данного литературного направления авторы журнала «Филологические науки» называют в первую очередь Феофана Прокоповича. Что же касается хронологических рамок, то А.А. Смирнов и О.М. Буранок говорят о периоде с конца XVII — первой трети XVIII века, а А.С. Курилов утверждает зарождение классицизма уже в конце XVI — начале XVII века.

¹⁸ Курилов 1996, 16.

¹⁹ Курилов 1982, 25.

²⁰ Курилов 1982, 83.

ЛИТЕРАТУРА

- Буранок О. М.* 1991: Фольклорные традиции в творчестве Феофана Прокоповича // ФН. 2, 20–28.
- Гусев В. И.* 1964: К соотношению стиля и метода // ФН. 3, 141–149.
- Егорова Л.* 1965: О параллельности и точках пересечения (по поводу статьи В. Гусева «К соотношению стиля и метода») // ФН. 2, 120–121
- Калашиников В. А.* 1968: Стиль как художественная закономерность (А. Н. Соколов, Теория стиля, М., «Искусство», 1968, 223 стр.) // ФН. 6, 119–122
- Курилов А. С.* 1982: Русский и западноевропейский классицизм. Проза. М.
- Курилов А. С.* 1996: Классицизм в русской литературе: исторические границы и периодизация // ФН. 1, 12–22.
- Лихачев Д. С.* 1958: К вопросу о зарождении литературных направлений в русской литературе // РЛ. 2, 3–13.
- Лихачев Д. С.* 1968: Национальное единообразие и национальное разнообразие // РЛ. 1, 135–141.
- Лихачев Д. С.* 1969: Барокко и его русский вариант XVII века // РЛ. 2, 18–45.
- Морозов А. А.* 1962: Проблема барокко в русской литературе XVII — начала XVIII века (состояние вопроса и задачи изучения) // РЛ. 3, 3 — 38.
- Морозов А. А.* 1965: Ломоносов и барокко // РЛ. 2, 70–96.
- Морозов А. А.* 1968: Проблема значительно сложнее // РЛ. 4, 148–154.
- Носов В. Н.* 1974: Некоторые проблемы стиля в литературоведении и критике 20-х годов // ФН. 4, 37–48
- Прозоров В. В.* (ред.) 2002: История русской литературной критики. М.
- Реизов Б. Г.* 1969: Вопросы периодологии в истории литературы // ФН. 3, 92–103.
- Смирнов А. А.* 1967: Проблемы подражания и вымысла в поэтике русского классицизма // ФН. 6, 16–28.
- Федоров В. И.* 1979: Литературные направления в русской литературе XVIII века. М.

PHENOMENON OF THE PRE-CLASSIC SYNCRETISM IN THE
INTERPRETATIONS OF THE AUTHORS OF MAGAZINES «RUSSIAN
LITERATURE» AND «PHILOLOGICAL SCIENCES»

A. A. Kirpichnikova

The article deals with points of view of the authors of magazines “Russian Literature” and “Philological Sciences” on Russian literature late 17th — early 18th century. It is concluded that main features of Russian literature of the period of Pre-classicism are combination of features of the Baroque and Classicism, transitivity and so on. Moreover, it is detected how Pre-classicism differs from Classicism.

Key words: Pre-classicism, transitivity, magazines “Russian Literature” and “Philological Sciences”

©2014

Н. Л. Сенькина

КУПЕЧЕСКАЯ ТЕМА В «ПОВЕСТИ О НЕКОЕМ КУПЦЕ ЛИХОИМЦЕ»

Статья посвящена отражению купеческой темы в древнерусских беллетристических повестях, а более детально — в «Повести о некоем купце лихоимце» (конец XVII — начало XVIII в.). Единственным путём к спасению души алчного купца становятся дела милосердия его родственников. Эта трактовка несправедливой жизни купца в русле древнерусской книжной традиции сочетается с занимательным фольклорным сюжетом путешествия скомороха в ад.

Ключевые слова: древнерусские беллетристические повести, образ купца в литературе, скоморошество

Торговая деятельность велась на Руси с древнейших времен, но с конца XV в. эта тема получает художественное осмысление в литературе. Среди древнерусских беллетристических повестей выделяется группа произведений о купцах. В этих памятниках появляется изображение образов купцов, купеческого быта, проблематики, связанной с ведением торговой деятельности. К XVII в. такие повести становятся достаточно распространёнными. В литературе Нового времени обращения к образу купца, торговца и его профессии довольно часты, что нашло отражение в исследованиях литературоведов. Однако для целостного представления об образе купца в литературе необходимо обратиться к истокам этой темы.

События «Повести о некоем купце лихоимце», которая датируется концом XVII — началом XVIII в., разворачиваются после смерти купца. Читатель узнаёт, что купец отдавал деньги в рост и нажил большой капитал. Последствия такой жизни проявляются тогда, когда сам он уже не в состоянии никак повлиять на них. Прежде всего, от этого страдают его жена и дети.

Путь в ад за родственников, желающих узнать о посмертной судьбе купца, берётся преодолеть скоморох, выступающий как волшебный помощник. Необычный путь он проделывает, применив, казалось бы, вполне доступный простому смертному способ. Скоморох опускается в адскую обитель, открывшуюся как пропасть в земле на месте могилы купца, в «люлечке» на веревках. Для того чтобы вернуться, скомороху уже приходится прибегать к ухищрениям. Обратно его выносит на поверхность дьявол, от которого он избавляется покаянием. Этот путь приходится пройти из-за несправедливой жизни купца, а скоморох, решившись выполнить эту задачу, рассчитывает на вознаграждение.

Узнав, что за грехи душа их отца пребывает в аду, родственники стремятся загладить преступления купца. Для этого им приходится раздать на милостыню и поминовение весь собранный им капитал.

В судьбах всех героев повести происходят перемены, обусловленные влиянием высших сил, а также действиями родственников купца. Купеческое семейство проходит путь значительного обогащения при жизни главы семейства и полного разорения после его смерти.

Сенькина Наталья Львовна — аспирантка Московский педагогического государственного университета. E-mail: natalidecember@mail.ru

На фоне основного сюжета о спасении души “купца лихоимца” получает развитие дополнительный сюжет об обращении в христианскую веру «некоего скомороха свирельника»¹. Причиной крещения скомороха стало его путешествие в ад с целью помочь вызволить оттуда душу умершего купца и увиденные им ужасы.

Постепенное увеличение роли древнерусского купечества принято связывать с концом XIV–XVII вв., но известно, что и скоморошество как феномен общественной жизни достигло расцвета в XIV–XVII вв. Н. С. Демкова² предполагает, что повесть могла быть написана на новгородско-псковской земле, обосновывая свое мнение тем, что сюжет её близок новгородской повести XV в. о посаднике Щиле, былина о Садко. Если принять это утверждение, то становится понятным объединение сюжетов о купце и о скоморохе в одном произведении, так как Новгород был крупным торговым центром Руси, и славился искусными скоморохами.

Как отмечают исследователи, «скоморохи жили при богатых дворах князей, бояр, воевод и даже царей — для увеселения»³. Можно предположить, что в Новгороде богатые купцы позволяли себе содержать скоморохов, которые не только веселили своих попечителей, но сопровождали различные знаменательные события в их жизни. Культура скоморошества была генетически связана с языческой обрядностью, поэтому «как знатоков обрядов скоморохов приглашали на праздники, свадьбы, поминки»⁴. О частом присутствии скоморохов на поминках можно встретить различные свидетельства. Например: «Нет сомнения, что здесь скоморохи, несмотря на свой комический характер, осмеливались являться на грустные жалбырки по старой памяти о каком-то некогда всем понятном обряде поминок с плясками и играми. Нет сомнения, что народ допускал их на могилы и не считал неприличным увлекаться их песнями и играми, по той же старой памяти»⁵.

В повести скоморох приходит к родственникам умершего купца и спрашивает: «Что ми дадите? Аз иду тамо и проведу о нем, что и где душа его есть»⁶. Скоморох желает получить вознаграждение за свои труды, поскольку он привык спрашивать плату за разыгрываемые представления. (При этом в повести автор не упоминает ни о каком вознаграждении скомороха после возвращения из ада. Читатель может предположить, что скоморох изменился после пройденных испытаний и сам не просил награды.) В ответ он слышит: «Что хоцещи возми, токмо проведай о нем, где он есть»⁷. Автор изображает скомороха, движимого желанием добыть себе славу и достаток. Родственники усопшего, напротив, не придают значения материальным ценностям, им гораздо важнее узнать о судьбе родного человека, кончина и последующие события на могиле которого их искренне взволновали: «И плакашеса жена его много, печаловаху же о нем и сыны его зело»⁸.

Из-за своих языческих корней скоморошество, по аналогии с языческими мистериями в Византии, осуждалось церковью и преследовалось властью, природа их творчества считалась бесовской, поэтому «в древних письменных источниках

¹ Ужанков 1991, 380.

² Демкова 1987, 52-54.

³ Зуева 2002, 234.

⁴ Зуева 2002, 234.

⁵ Беляев 1854, 72.

⁶ Ужанков 1991, 380.

⁷ Ужанков 1991, 380.

⁸ Ужанков 1991, 380.

просматривается тенденция соединить представление о бесах и скоморохах в один образ. Выступления последних неизменно назывались сатанинскими, музыка — дьявольской»⁹. Появились пословицы «Бог дал попа, чёрт скомороха», «Скоморошные потехи сатане на утеху»¹⁰. В XVII–XVIII вв. скоморошество повсеместно искоренялось и запрещалось, и сюжет повести предполагает развитие этой темы в дидактическом ключе — скоморох, увидев, к чему приведет его разгульная весёлая жизнь, приходит к священнику и «припаде с молением и со слезами теплыми ко иерею, моля его, да примет на покаяние»¹¹. «Со слезами теплыми» — характерный оборот житийных памятников, так молились герои древнерусских житий.

По мнению древнерусского книжника, и скоморох, и грешивший при жизни купец достойны примерно одной участи: грех купца настолько велик, что гроб с его телом оказывается в пропасти «даже до ада»¹², душу нечестивого купца скоморох видит в аду «в люте пламени жгому»¹³. Такая участь постигла покойного, по логике повествователя, за то, что при жизни он был «мужь велий лихоимец, серебро свое роздаваше в лихву»¹⁴. Но и судьба скомороха уже определена сходным образом. Спустившийся в ад скоморох спрашивает обитателей ада об уготовленном ему месте. Ему показывают «храмину, исполнену всякаго зловония и огонь палящий»¹⁵. Следовательно, и скоморох, и недобросовестный купец после смерти одинаково обречены, в понимании автора повести, на адский огонь, хотя природа их прегрешений и различна, а потому неодинаков и путь избавления от вечных мук.

Для «немилосердного» купца путь ко спасению — в милосердии, которое теперь должны проявлять его жена и дети и полном отречении их от неправедно нажитого купцом богатства. Тогда количество добрых дел, совершенных его родными с целью избавить его душу от гибели, перевесят зло, совершенное им при жизни с намерением завладеть богатствами. Скоморох узнаёт (бесы на удивление сразу и спокойно отвечают на этот вопрос скомороха, не считая возможным, вероятно, не только его на землю, но выполнения называемых условий), что душа сребролюбца освободится, если «жена его и дети останутся в одних срачицах, имение же его разделят на поминование все, церквам и нищим, то выручает его отсюда»¹⁶. Если на протяжении всей своей земной жизни купец собирает большое богатство («велий лихоимец»¹⁷) и ни в чём в материальном отношении не нуждается, оставив при этом, вероятно, большое количество людей нищими, то после его кончины его жена и дети, по логике автора повести, должны помогать нищим, оставшись при этом практически ни с чем.

Узнав об уготованной ему участи, скоморох решает перехитрить бесов. Здесь он поступает и как герой сказки, и как новеллистический герой, находя оригинальный способ выйти из затруднительных обстоятельств, не пострадав. Он за-

⁹ Власова 2001, 273.

¹⁰ Даль 2001, 74.

¹¹ Ужанков 1991, 382.

¹² Ужанков 1991, 382.

¹³ Ужанков 1991, 381.

¹⁴ Ужанков 1991, 380.

¹⁵ Ужанков 1991, 381.

¹⁶ Ужанков 1991, 381.

¹⁷ Ужанков 1991, 381.

думал заставить их под благовидным предлогом выпустить его на землю, что ему и удаётся (схожий сюжетный поворот присутствует и в былинах о Садко, и в сюжете русской народной сказки «Скрипач в аду»¹⁸). Скоморох предлагает бесам веселиться и сам играет для них, но потом, как бы «случайно», «порвесея струна в гуслех, и не возможно бысть играти ему»¹⁹. Со второй просьбы бесы отпускают гусельника на землю с провожатым, чтобы можно было продолжать веселиться. После покаяния скоморох отказывается возвращаться к бесам, чтобы играть им, говоря «Аз же Божий раб есмь и буду творити волю его святую, а не вашу»²⁰. Автор не пишет, отказался ли полностью скоморох от своего прежнего занятия, но это следует из логики повествования. Как родственники купца должны отречься от несправедливо нажитого богатства, так скоморох отказывается от своего занятия, хотя как купец был «великий лихоимец»²¹, то есть весьма преуспевший в своём деле, так и скоморох был таким мастером, что «весь град удивляшеся его игранию»²².

В повести проводится идея о превосходстве духовного над материальным. Автор осуждает стремление к земному богатству, славе, изображая следствие чрезмерного усердия своих персонажей в накопительстве и стяжании земной славы, проживания жизни в «пустом», «недушеполезном» веселии, отсутствия мыслей о спасении души. Сердца купца и скомороха погружены в «сон», они поступают рассудочно, услаждают свой земной путь серебром и «пустым» веселием. В конце повести читатель узнаёт, что душа купца освобождена, грех заглажен и «гроб же сровняшеся с землею, и не бысть пропасти»²³. Это произошло благодаря милостыне, щедро розданной родными купца «расточиша же все его имение по церквам и нищим на помяновение»²⁴. Жена и дети поступают милосердно, движимые состраданием к душе умершего, не думая о своей выгоде. Избавление души усопшего грешника от ада стало возможным, потому что милосердию людей отвечает высшее милосердие: «вси возрадовашася, славяще Господа Бога о его милосердии, что каким образом помилова своё создание»²⁵.

В повести очевидно сочетание традиционных и новых черт. Традиционно дидактическое начало, утверждение необходимости милосердия, осуждение ростовщичества и скоморошества. При этом произведение отличается занимательностью, обусловленной во многом использованием фольклорной традиции и амбивалентным характером сюжета с неожиданными перипетиями, а также необычной системой персонажей, основным действующим лицом среди которых становится скоморох.

ЛИТЕРАТУРА

- Афанасьев А. Н.* 1984-1985: Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 3 т. Т.3. М.
Беляев И. 1854: О скоморохах // Временник общества истории и древностей российских. Кн. 20, 69-92.

¹⁸ Афанасьев 1985, 82-84.

¹⁹ Ужанков 1991, 381-382.

²⁰ Ужанков 1991, 382.

²¹ Ужанков 1991, 381.

²² Ужанков 1991, 382.

²³ Ужанков 1991, 383.

²⁴ Ужанков 1991, 382.

²⁵ Ужанков 1991, 383.

- Власова З. И. 2001: Скоморохи и фольклор. СПб.
Даль В. И. 2001: Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4: С-V. М.
Демкова Н. С. 1987: Из истории демократической беллетристики XVII в. // Исследования по древней и новой литературе / М. Б. Храпченко, Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачёв (ред.). Л., 49-54.
Зуева Т. В. 2002: Русский фольклор: Словарь-справочник. М.
Ужанков А. Н. (сост., вступ. ст. и коммент.) 1991: Русская бытовая повесть XV–XVII вв. М.

MERCHANT'S THEME IN «A TALE OF A CERTAIN COVETOUS MERCHANT»

N. L. Senkina

The article is devoted to presenting of the merchant's theme in Old Russian belletristic tales, and in more detail — in the “Tale about a covetous merchant” (the end of the 17th — the beginning of the 18th century.). The only way to salvation of the avid merchant's soul become works of charity of his relatives. This interpretation of unrighteous life of a merchant in the mainstream of old Russian book tradition is combined with entertaining folklore plots of the travel of skomorokh in hell.

Key words: Old Russian fiction novel, the image of the merchant in the literature, being a skomorokh

© 2014

И. Пачаи

РОЛЬ НАСЛЕДИЯ А. А. ПОТЕБНИ И Н. С. ТРУБЕЦКОГО В ИССЛЕДОВАНИИ ВОСТОЧНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ «РУССКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ЗОНЫ»

Статья посвящена изложению роли великих ученых А. А. Потебни и Н. С. Трубецкого в исследовании сложных и малоизученных проблем славистики. Вопросы, связанные с восточным характером русской культуры и языка являются в фокусе новой дисциплины лингвокультурологии, о чем свидетельствуют работы, вышедшие с конца XX в. При изучении данного сложного круга вопросов важной опорой и ориентиром служили работы А. А. Потебни и Н. С. Трубецкого. Выводы и достижения А. А. Потебни и Н. С. Трубецкого подтвердили обоснованность направления нашего исследования, при котором обнаружились восточные параллели языковой модели мира, в том числе и русских фразеологических единиц. Наряду с языковыми фактами выявились и разные восточные мотивы русского фольклора.

Ключевые слова: «русская культурная зона», восточный характер, русская культура, русская народная речь, лингвокультурология

Пачаи Имре — хабилитированный доктор филологических наук, профессор Ньиредьхазской высшей школы (в отставке). E-mail: drpacsai@gmail.com

В настоящее время в лингвистике вопросам национального менталитета и характера языковой картины мира, отражающейся в категориях национального языка, уделяется все большее внимание. Об актуальности исследуемых нами проблем свидетельствует конференция *«Россия и Запад. Диалог культур»*, организованная МГУ, в программу которой вошли доклады, связанные с вопросами содержания русской национальной культуры.

Восточный характер русского языка рассматривается в книге *«Жизнь происходит от слова»* (1999) В. В. Колесова, в котором автор указывает на роль национального менталитета, укореняющегося в православии. При трактовке понятия «национальная ментальность» автор указывает на взаимодействие языка и культуры:

*«Ментальность есть средство национального самосознания и способ создания традиционной картины мира, коренящиеся в категориях и формах родного языка»*¹.

Несмотря на то что Колесов указал на восточный характер русского языка и культуры, при трактовке данной проблемы он не учитывает выводы Н. С. Трубецкого, указывающего на роль культурных контактов русского народа с Востоком.

Книга В. В. Воробьева *«Лингвокультурология»* (1977) посвящена представлению новой дисциплины, изучающей проблемы языка и культуры, соблюдая достижения В. фон Гумбольдта и его последователей. Русские исследователи проявляют все больше интереса к исследованию специфики языковой модели мира в национальных языках и реализации языковой картины мира, учитывая единство культуры и языка.

В статьях Ф. П. Филина освещаются проблемы, связанные с историей и развитием русского литературного языка и его взаимоотношениями с народным языком. При определении восточнославянского характера русского литературного языка его важным аргументом явился восточный характер русской народной культуры и народного языка. Возникает вопрос о том, какие конкретные элементы составляют восточный характер русской народной культуры и народного языка.

Следы восточных контактов в русской народной культуре

При изучении языка и морфологических мотивов русского фольклора были выделены элементы, отражающие их восточные признаки. В русских народных сказках мы обнаружили мотивы богатырских эпосов, шаманского поверья и обычного права степных кочевников, которые свойственны и венгерскому фольклору. Упомянутые восточные элементы оказались знакомы венгерскому исследователю. Важным ориентиром при изучении этих восточных элементов русского фольклора служила теория Н. С. Трубецкого о существовании русской «культурной зоны», возникшей под влиянием интенсивных контактов русского народа с тюркскими и финно-угорскими жителями. Его выводы излагаются в статьях *«Туранские элементы в русской культуре»*, *«Верхи и низы русской культуры»*, в которых изучены культурные контакты Волжского бассейна. Н. С. Трубецкой подчеркивает следующее: «...сожителство русских с туранцами проходит красной нитью через всю русскую историю. ...для правильного самосознания нам, русским, необходимо учитывать наличность в нас туранского элемента, необходимо изучать наших туранских братьев»².

¹ Колесов 1999, 148.

² Трубецкой 1990, 60.

В ходе нашего исследования обнаружили параллельные фразеологические единицы Волжского бассейна, который в работе Н. С. Трубецкого (1925) считается центром «русской культурной зоны». Русские пословицы и поговорки отражают традиции народов изучаемого региона.

Заслуживают пристального внимания пословицы, зафиксированные в сборнике В. И. Даля, отражающие укоренение важного элемента обычного права алтайских кочевников в русском народном правосознании:

«**Меньшой сын** на корню сидит (в крестьянстве наследует домом)» (Даль I/130); «**Меньшому сыну отцовский двор, старшему новоселье (по смерти отца; это в крестьянстве обычай)**» (Даль II/73), к которым добавляется толкование В. И. Даля, подчеркивающее функционирование **минората** в русских крестьянских традициях.

Трубецкой указал на различия между характером правосознания европейских народов и русского крестьянства. Толкование пословиц В. И. Далем подтверждает выводы Н. С. Трубецкого о расхождении между культурными традициями и нормами «верхов» и «низов» русского общества, так как правосознание верхов отражает европейские традиции, в которых центральным элементом является первородство.

Соприкосновение культурной зоны Волжского бассейна со среднеазиатскими культурными регионами проявляется в том, что институт **минората**, по мнению Е. В. Баранниковой (1978), является важнейшей и наиболее почитаемой традицией обычного права как у бурят, так и у монголов. Она указывала на то, что **младший сын**, по сравнению со старшими, всегда занимал особое положение — пользовался привилегией. Он не только обладатель имущественного наследства, родовых традиций, но и преемник родового, семейного очага — **гуламта**³. В записках Гильфорда Рубрука, посетившего Монголию в 1253 году, упоминается об институте минората. Он подчеркивает, что «именно двор отца и матери **достается** всегда **младшему сыну**»⁴.

Содержание русских пословиц противоречит персидской пословице, говорящей об униженном положении младшего сына в персидской семье: «**Будь собакой, но не будь младшим в доме**»⁵. О привилегии младшего сына у кочевых народов свидетельствует башкирская пословица «**Агай оло — мин зур**» (БРС 6) «Брат старше, но я важнее».

Важное место в русском народном менталитете занимает уважение гостя, о чем свидетельствуют пословицы, зафиксированные в сборнике В. И. Даля:

«Хороший **гость** хозяину **почет**»; «**Гость** в дом, а **бог** в доме»; «Доброму **гостю** хозяин рад»; «Нежданный **гость** лучше жданных двух»; «Просим на избу: красному **гостю** красное место»; «**Гостю** почет — хозяину честь» (Даль II/233-234).

Уважение к гостю является важным элементом восточных традиций, о чем свидетельствует татарская пословица: «**Кунак йөзе күрмәгән, шатлык йөзе күрмәс**» (ТаРС 297) «Негостеприимный человек не знает радости».

³ Баранникова 1978, 9.

⁴ Шастина 1957, 101.

⁵ Перс. посл. 1973, 544.

В составе русских пословиц, зафиксированных в сборнике В. Даля, обнаружены народные изречения, отражающие быт и традиций степных кочевников.

«*Лошадь человеку крылья*» (Д II/ 355); тат. «*Аты барын канаты бар*» (ТаРС 57) 'У кого есть лошадь, у того есть крылья'; туркм. «*Аты барын ганаты бар*» (ТуркмРС 55) 'У кого конь, у того и крылья'; чув. «*Ар сукаче — ут*» (ЧРС 424) 'Крылья мужчины конь'; узб. «*Аты барын, ганаты бар*» (УзРС 55) 'У кого конь, у того и крылья'; кирг. «*Ат — эрдын канаты*» (КирРС) 'Конь — крылья молодца'.

В параллельных пословицах наблюдаются богатырские традиции, уважение степного кочевника к своему быстрогого коню.

В следующих параллельных народных изречениях отражаются общие элементы традиций русской культурной зоны, изучаемые Н. С. Трубецким:

«*Лежачего не бьют*» (от кулачных боев)» (Д I/ 130); «*Лежачего не бьют. Аман да пардон уважай*» (Д I/ 116); тат. «*Егылганны кыйнамыйлар*» (ТаРС 145) 'Лежачего не бьют'; тур. «*Verdeki yüze basılmaz*» (ТурРС 145) 'На лицо лежачего на земле не наступают'; туркм. «*Гачаны ковужы болма*» (ТуркмРС 166) 'Не гонись за тем, кто обратился в бегство';

«*Покорной головы меч не сечет*»; тат. „*Иелгән башлы кылыч кисмес*” (ТаРС 162) 'Покорной (склоненной) головы меч не сечет'; кирг. «*Ийлиген башты кылыч кеспейт*» (КиргРС 296) 'Покорной головы меч не сечет'; «*Сунган башты суурган кылыч кеспейт*» (КиргРС 667) 'Повинную (вытянутую) голову обнаженный меч не сечет'; тур. «*Amana kiliç olmaz*» (ТурРС 22) 'Повинную (голову) меч не сечет'; «*Eğilen baş kesilmez*» (ТурРС 261) 'Склоненную голову (меч) не сечет'; чув. «*Тайма пуца хэс витмен*» (ЧРС 458) 'Повинную голову меч не сечет';

«*Цела ль голова, а шапка бог даст*» (Д I/419); тат. «*Баш сау булса бүрек табылыр*» (ТаРС 616) 'Была бы голова целая, а шапка найдется'; узб. «*Бош омон булса бурк топилур*» (УзРС 97) 'Была бы голова, шапка найдется'; удм. «*Йырыд не вань, изыы сюрроз*» (УдРС 176) 'Была бы голова, шапка найдется'.

Эквиваленты следующих русских пословиц также связаны с менталитетом степных народов: «*Не купи двора, купи соседа*» (Д II/ 155); «*Не купи деревни, купи соседа*» (Д II/ 155); тат. «*Урын сайлама, күрше сайла*» (ТаРС 593) 'Не выбирай место, а выбирай соседа'; тур. «*Ey alma, komşu al*» (ТурРС 281) 'Не выбирай дом, выбирай соседа'; узб. «*Ховли олма, қушин ол*» (УзРС 659) 'Не покупай дом, купи соседа'; кирг. «*Конуш алгыча, конишу ал*» (КирРС 402) 'Не выбирай стоянку, выбирай соседа'.

Возникновение параллельных народных изречений освещается лишь в работах Н. С. Трубецкого, изучавшего наличие туранских элементов в русской культуре, так как представленные нами пословицы не имеют отношения ни к античным, ни к библейским традициям. При изучении параллельных народных изречений мы убедились в обоснованном характере выводов Н. С. Трубецкого, установившего следующее положение о контактах «русской культурной зоны»: «*С незаметной постепенностью эта культура на востоке и юго-востоке соприкасается с культурой «степной» (тюрко-монгольской) и через нее связывается с другими культурами Азии*»⁶.

⁶ Трубецкой 1991, 94.

Кроме параллельных пословиц народов «русской культурной зоны», мы обнаружили фразеологические единицы изучаемого ареала, которые служили источником некоторых русских народных изречений. Заслуживает пристального внимания этимологическая связь русских фразеологических единиц *белая кость*, *черная кость* и их тюркских эквивалентов.

Фразеологическая единица *белая кость* получила следующее толкование в историко-этимологическом словаре «Русская фразеология» (2005): «Неодобр. О человеке аристократического происхождения, барине, дворянине» (РФ 350). Фразеологизмы *серая кость* и *чёрная кость* (РФ 350), по толкованию словаря, обозначают простолюдина.

Эквиваленты оборотов *белая кость* мы обнаружили в татарском, башкирском, казахском и киргизском языках. В татарском языке используется оборот *ак сояк* (ТаРС 520) < *ак* 'белый' + *сояк* 'кость', обладающий значением «человек благородного происхождения, белая кость», который является калькой русской фразеологической единицы. В башкирском языке обнаруживается эквивалент татарской фразеологической единицы: *ак һөйәк*, состоящий также из компонентов *ак* 'белый' (БРС 18) и *һөйәк* (БРС 738) 'кость'.

В киргизском языке наблюдается сохранение оригинального значения оборота *ак сөөк* (КиРС 660), состоящего из компонентов *ак* (КиРС 37) 'белый' и *сөөк* (КиРС 559) 'кость'. При анализе семантики фразеологической единицы *ак сөөк* киргизского языка зафиксированы следующие значения: '1) утонченно вежливый, держащий себя с достоинством; 2) настоящий, близкий свойственник; 3) уст. белая кость, аристократ'.

В работе венгерского тюрколога Армина Вамбери (1885) тщательно изучена проблема генеалогии тюркских народов Средней Азии, которая имеет особое значение в жизни члена кочевого общества. А. Вамбери занимается данным кругом вопросов в связи с трактовкой фразеологических единиц *ak-szöng* 'белая кость, человек благородного происхождения', *kara-szöng* 'черная кость, простолюдин, чернь' в языке казах-киргизов.

А. Вамбери подчеркивает значение генеалогии в стихии степных народов при описании традиций казахского народа. Выражение *жети ата* (КиРС 77) 'семь прямых предков (по мужской линии); в старом быту каждый взрослый киргиз должен был знать семь своих предков, а если он их не знал, то его презрительно называли *кул* 'раб'; взаимные браки разрешались только за пределами такого родства' связано с важным элементом традиций. Киргизской оборот *жети атасын билбеген* (КиРС 77) 'не помнящий родства, безродный /бран. уст./' также отражает значение данного элемента народной стихии.

Русская фразеологическая единица *серая кость* (РФ 351) 'Неодобр., презр.: О человеке низкого происхождения', возникшая путем контаминации, имеет соотношение со структурой *черная кость*.

В романе С. Залыгина «Комиссия» говорится о крестьянском происхождении офицера, которого любили и уважали солдаты. Они хотят выразить структурой *черная кость*, что офицер является «человеком своим»:

«— Нет, офицер из мужиков — все равно *черная кость*» (ЗК 161).

Лексической единице *чернь* соответствуют киргизское и караимское слова *кара* (КиРС 345) 'ист. простолюдин', *къара* (КРПС 363) 'простолюдин, чернь',

обозначающие понятия 'простолюдин, чернь'. Обороты тат. *кара халык* (ТаРС 610) 'уст. чернь (досл.: черный народ)'; башк. *кара халык* (БРС 349) 'простой народ'; кирг. *карадан тууган* (КиРС 345) 'рожденный от простолюдина, простого происхождения', *кара калык* (КиРС 345) 'простой народ' тоже связаны с соответствующим русским выражением.

О традициях степной зоны, укоренившихся в русской народной стихии, свидетельствуют фразеологические единицы, которые стали элементами русского речевого этикета. Структура *жив-здоров* часто используется в литературных произведениях народных писателей. Герои П. И. Мельникова, П. Бажова, В. Шукшина при встрече используют эту формулу.

В романе Мельникова звучит следующий диалог: «— Нет ли каких новостей? Все ли *живы-здоровы*? — Все, слава богу, *живы-здоровы*, — отвечает Ермило Матвеич» (МЕЛ I/399). В рассказе П. Бажова также используется эта структура: «Никита, мол, *жив-здоров*, скоро домой придет» (Бажов 83). В рассказе В. Шукшина также наблюдается этот оборот: «— Слава богу, *живы-здоровы*» (ШБ 446).

О частотности использования данной фразеологической единицы свидетельствует роман М. Шолохова *„Тихий Дон“*, в котором регулярно употребляется эта структура: «Наталья с внуками как? *Живы-здоровы*?» (ШолТД II/ 65); «Здравствуй, сват! *Живой-здоровый*?» (ШолТД II/ 96); «Супруга ваша *живая-здоровая*?» (ШолТД III/ 60); «Натальюшка *жива-здоровая*?» (ШолТД III/140); «Бог даст, *живых-здоровых* увидим» (ШолТД IV/ 33); «*Живой-здоровый* он?» (ШолТД IV/249); «Старик-то мой *живой-здоровый*?» (ШолТД IV/ 249); «Детушки *живы-здоровы*?» (ШолТД IV/ 422).

Кальки русского сложения *жив-здоров*, обладающего фразеологическим характером, используются во многих языках степной зоны, о чем свидетельствуют следующие структуры: тат. *сау-сәләмәт* (ТаРС 471) 'жив-здоров, в полном здравии'; уйгур. *сак-саламәт* (КАЙ 152), башк. *һау-сәләмәт* (БРС 729) 'жив-здоров'; кирг. *соо-саламат* (КиРС 626) 'жив-здоров, целый, невредимый'. В данных эквивалентах русского парного сочетания *жив-здоров* обнаруживаются компоненты *сау*, *сак*, *соо*, *һау* со значением 'здоровый, невредимый' и *сәләмәт*, *саламат*, *сәләмәт* 'здоровый, невредимый, благополучный'. Структуры тат. *исен-сау* (ТаРС 178) 'здоровый, живой, жив-здоров, целый, невредимый' < *исен* (ТаРС 178) 'здоровый, живой, невредимый' + *сау* (ТаРС 471) 'здоровый, невредимый, здравый'; казах. *аман-есен* 'то же' свидетельствуют о богатстве параллельных структур-синонимов в языках тюркских народов, отражающих менталитет степных жителей.

Структуры — кальки русских фразеологических единиц в языках изученного нами ареала говорят об интенсивных контактах с народами Волжского бассейна. Соответствие семантических признаков параллельных структур доказывает и положение Н. А. Баскакова (1979) о предполагаемом сходстве русской и тюркской фразеологии.

Влияние языковых контактов с восточными народами отражается и в образном, **метафоричном** изображении явлений душевного мира. В русских народных песнях мы нашли следующие примеры: «У молодца, у парничка *живот-сердце бьетца*» (Кир. 146/306); «Сударочки найдеть — *живот-сердце мреть*» (Кир 254/555); «*живот-сердце нарывана*» (НСП 314). При помощи парного слова *живот-сердце* образно передается сущность понятия «душа», что свидетельствует о

специфическом, образном характере языка фольклора и об ареальном характере данной структуры.

О широком использовании данного приема свидетельствуют сходные по смыслу структуры в финно-угорских и тюркских языках. Удмуртское сложение *кӧтъя-сюлзмъя* (УРС 216) 'по душе, по сердцу', состоящее из слов *кӧт* (УдРС 216) 'живот' и *сюлзм* (УдРС 407) 'сердце', является калькой русской структуры. Марийское сложение *шум-мокиш* (МаРС 434), состоящее из компонентов *шум* (МаРС 434) 'сердце' и *мокиш* (МаРС 192) 'печень', кроме значения 'внутренности, ливер', используется и в переносном значении 'душевный мир человека'.

Уйгурское сложение *жүрәк-багир* (КАЙ 143) 'внутренности' < *жүрәк* 'сердце' + *багир* 'печень' используется в выражении «*жүрәк-багри езилмәк*» (КАЙ 143) 'болеть душой'.

В работе В. Н. Телии «*Русская фразеология*» (1996) установлено, что фразеология является важной категорией национального языка и в ней отражается характер национального менталитета. «*Фразеологический состав языка — это зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание*»⁷.

2) Об ареальном характере структур, изученных в работе А. А. Потебни

Представленные нами русские фразеологические единицы, имеющие эквиваленты в восточных языках, являются специфическими структурами русской народной речи. Русские народные изречения, фиксированные в сборниках пословиц и поговорок, трактуемые в научных работах по русской фразеологии, отражают, кроме важных мотивов национальной ментальности, элементы русского языка, возникшие под влиянием восточных контактов.

В работе «*Русские фразеологизмы*» (1990) В. П. Фелицыной и В. М. Мокиенко упоминается о том, что *жить-быть, жив-здоров, кормить-поить, любо-дорого, подобру-поздорову, чашки-ложки, шуры-муры* являются типичными элементами русской народной речи. Эквиваленты этих структур в лингвистических работах по финно-угроведению и тюркологии называются «парными словами».

Необходимо указать на то, что этим структурам долгое время не уделялось внимания в лингвистических работах, так как они были чужды категориям литературного языка. Более углубленное изучение парных слов в русском языке началось в конце XX века. Этот факт интересен тем, что в работе А. А. Потебни «*Из записок по русской грамматике*» (1899) посвящено около 50 страниц рассмотрению особенностей данного вида деривации русского народного языка. Великий ученый назвал в них специфическое средство обозначения понятий древним приемом словотворчества. При изучении специфической функции и стилистических признаков парных слов А. А. Потебня обнаружил в них отражение русской народной стихии.

А. А. Потебня указывает на то, что данные структуры тесно связаны с **просторечием и фольклором**. Положение о том, что главным источником этих структур является фольклор, подчеркивает социолингвистический характер данного вида деривации.

⁷ Телия 1996, 9.

В статье Р. А. Будагова «А. А. Потебня как языковед-мыслитель» (1986), оценивающего деятельность языковеда-мыслителя А. А. Потебни, упоминается о широком диапазоне его интересов. А. А. Потебня занимался, помимо лингвистики, историей литературы, фольклором, этнографией, историей культуры в самом широком смысле. Интерес А. А. Потебни к русскому фольклору отражается в том, что при изучении парных слов он обращается к сборникам по русскому фольклору, откуда черпает множество примеров.

Отношение русских исследователей XX в. к парным словам освещается и отношением к наследию А. А. Потебни. Р. А. Будагов говорит о том, что, к сожалению, в советском языкознании 1960–1980-х гг. А. А. Потебню стали вспоминать все реже. Слишком плохо согласовывалась яркая, глубоко семантическая концепция языка А. А. Потебни с формалистически истолкованной структурой языка⁸.

Важным открытием А. А. Потебни, кроме определения стилистического характера парных слов, является его положение, связанное с ареальным характером этого вида деривации, типичного для русской народной речи и фольклора:

«В **устной словесности**, а отчасти в **просторечии** довольно часты не сложения, как выше, а сближения грамматически самостоятельных слов, указывающие, как думаю, на то, что некогда и наши языки широко пользовались приемом обобщения, подобным **китайскому**»⁹.

Положение А. А. Потебни о сходстве между сочинительными (копулятивными) сложениями русского и китайского языков подтверждается семантическими параллелями этих структур, представленными нами при оформлении семантических рядов. Другое его положение также подчеркивает специфический типологический характер данного вида деривации: «Что этот способ был свойствен славянским языкам в древности, видно из немногих, но древних образцов сложения слов по способу, называемому индийскими грамматистами **двандва (dvandva)**: **братъсестра**, дв. ч. муж. р. **братъсестрома**, **мужеженьми**. Хотя эти слова значат не более чем «брат и сестра», как пара, «муж и жена», т. е. не выходят за объем, определенный их сложением, но тем не менее они обобщают входящие в них частные (как несложное *Geschwister*), рассматривая их как *одно* и располагая приписывать этим частным, как совокупности, лишь общие признаки»¹⁰.

Структура **братья-сестры** является типичной для русской народной речи, которая используется П. Бажовым и С. Залыгиным: «Тут **братья-сестры** понуждать Катю стали» (Баж 288); «**Братья-сестры** так поняли, что от Прокопьяча деньжонки остались» (Баж 289); «Не сердчайте, не убивайтесь, родители, и вы, **братья-сестры**» (ЗК 274). Это сложение обозначает понятие, которое с трудом передается в русском литературном языке.

Несмотря на то что А. А. Потебня оформил свое положение о семантическом и типологическом сходстве упомянутых структур без трактовки конкретных лексических единиц, он заложил основу ареального исследования парных слов в русском языке. Положение А. А. Потебни о типологическом сходстве между русскими, китайскими и индийскими структурами подтверждается результатами нашего исследования.

⁸ Будагов 1986, 3.

⁹ Потебня 1968, 415.

¹⁰ Потебня 1968, 415.

Сложение китайского языка *dì-mèi* (ОШ 444/ 4647) 'младший брат и младшая сестра' < *dì* 'младший брат' + *mèi* 'младшая сестра' по своим семантическим признакам является эквивалентом сложения *братъсестра*, представленного в работе А. А. Потебни. Китайское сложение *dì-mèi* по значению своих компонентов и по своей структуре ближе к древней русской структуре, чем немецкие слова *Geschwister* и *Gebrüder*.

Мы обнаружили дальнейшие параллельные структуры в китайском языке: *xiōng-dì* 'братья' < *xiōng* 'старший брат' + *dì* 'младший брат' (ОШ 699/ 7372), соответствующее немецкому *Gebrüder*; *jiě-mèi* (ОШ 65/ 612) 'сестры' < *jiě* 'старшая сестра' + *mèi* 'младшая сестра', которое обозначает понятие 'сестры (*Geschwister*)'.

Данный способ деривации типичен для китайского языка. Примеры сложений *цзы-сунь* (ОШ 297/3038) 'потомки < сын + внук'; *эр-ньюй* (ОШ 699/7372) 'дети < сын + дочь' свидетельствуют о частотности применения этих сложений при обозначении понятий, относящихся к семантическому полю «степени родства».

По выводам А. А. Потебни, параллельные структуры русского и китайского языков не представляют случайное созвучие, а образуют конечные пункты ареальной системы восточноевразийского ареала. Данный прием словотворчества является типичным при обозначении понятия *Geschwister /Gebrüder/* в языках русской культурной зоны:

марийск. *изак-шужарак* (МРС 72) 'старший брат и младшая сестра'; удм. *вын-анаёс* (УдРС) < *вын* (УдРС 103) 'старший брат' + *ана* (УдРС 31) 'старшая сестра'; морд. *патыт-сазор* (ЭРС 461) 'сёстры' < *паты* (ЭРС 461) 'старшая сестра' + *сазор* (ЭРС 563) 'младшая сестра'; татар. *аналы-энеле* (ТаРС 37) 'старшая сестра и младший брат'; башк. *агай-һенлеле* (БРС 6) 'старший брат с младшей сестрой'; тат.: *агай-эне* (ТаРС 20) '1) родня, родственники; братья; родственники (мужского пола)' < *агай* (ТаРС 20) 'старший брат' + *эне* (ТаРС 684) 'младший брат'; *агай-энелек* (ТаРС 20) 'отношения между родственниками (мужского пола); родственный; отношения между братьями'; башк. *агай-эне* (БРС 6) '1) родственники, родня (мужчины); 2) друзья; товарищи (обращение к мужчинам)' < *агай* 'старший брат' + *эне* (БРС 799) 'младший брат'.

Положение А. А. Потебни о древнем характере структур, обозначающих понятий семантического поля «степени родства», доказывают многие структуры русской народной речи. А. А. Потебня уделял особое внимание сложениям, обозначающим родственные отношения, о чем свидетельствуют сложения *отец-мать* и *род-племя* в составе трактуемых структур: «Образец *отец-мать* (= родители). Частные различны по значению, но не противоположны и не устраняют друг друга в мысли: *отец-мать* = отец и мать с точки зрения общих им свойств и действий»¹¹.

В китайском литературном языке понятие «родители» обозначается структурой *фү-му* (ОШ 241) 'родители' < *фү* 'отец' + *му* 'мать', что доказывает обоснованность положения А. А. Потебни о типологическом свойстве парных слов в русском языке. В

языке хинди также используется эквивалент данной структуры: *бāп-мā* (ХРС 810) 'родители' < *бāп* (ХРС 810) 'отец' + *мā* (ХРС 885) 'мать'.

¹¹ Потебня 1968, 415.

Параллельные структуры, широко используемые в русской культурной зоне, также подтверждают ее ареальный характер: морд. *тетят-ават* (ЭРС 658) 'родители; отец + мать'; коми *ай-мам* (КРС 12) 'родители'; *бать-мам* (КРС 35) 'родители'; марийск. *ача-авá* (МРС 25); удмурт. *анай-атай(ёс)* (РудС 303) 'родители; отец + мать'; тат. *ата-ана* (ТаРС 43) 'родители' < *ата* (ТаРС 43) 'отец' + *ана* (ТаРС 35) 'мать'; башк. *ата-эсэ* (БРС 52) 'родители' < *ата* (БРС 52) 'отец' + *эсэ* (БРС 821) 'мать'; чуваш. *аҫа-ана* (ЧРС 45) 'родители' < *аҫа* (ЧРС 45) 'отец' + *ана* (ЧРС 32) 'мать'.

В русской народной речи используются структуры для обозначения понятия «предки по отцовской линии», которое является важным элементом стихии народов степной зоны: « — Старый отецкий устав не смей нарушать — исстари так *дедами-прадедами* уложено и навеки ими наставлено» (МЕЛ II /205); «Пусть не думают, что *деды-прадеды* золотые пенки снимали» (Баж 142); «...чтобы *отцовский-праотцовский* разум попользовать» (ЗК 378); «...не могла дожждаться часа, чтобы подпапить *отцову-дедову* избу» (Расп 41).

В стихии тюркских кочевников родословие является важнейшим понятием, ведь каждый кочевник должен знать семь поколений предков по отцовской линии. В тюркских языках предки по отцовской линии обозначаются параллельными структурами: тат. предки *ата-баба* (ТаРС 43) 'предки < отец и дед'; уйг. *ата-бова* (Кай 137); кирг. *ата-баба* (КиРС 51); каз. *ата-баба* (КаРС 34). В языке хинди понятие «предки по отцовской линии» обозначается сходной структурой: *бāп-дāдā* (ХРС 810) 'предки < отец и дед'. Данное понятие подобно обозначается в финно-угорских языках Волжского бассейна: марийск. *ача-коча* (МаРС 25) 'предки, праотцы < ача (МаРС 25) 'отец' + коча (МаРС 131) 'дед', удм. *атай-бабай* (УдРС 34), морд. *тетят-покиття* (ЭРС 659) 'предки' < *тетя* (ЭРС 659) 'отец' + *покиття* (ЭРС 494) 'дед, дедушка'.

Сочинительное сложение синонимического типа *жил-был*, который является типичным элементом русской присказки, рассматривалось в работе О. Б. Ткаченко (1979). Он представил эквиваленты в финно-угорских языках. Эта структура также доказывает положение А. А. Потебни о сходстве русских и китайских структур.

Сложениям *жить-быть*, *жизнь-бытие* соответствует китайское сложение *шэн-цунь* 'существовать, существование, бытие' (ОШ 40/385). Данная китайская структура состоит из компонентов *шэн* (ОШ 40/385) '1) жить, живой, жизнь; 2) существование, быт' и *цунь* (ОШ 299/3047) '1) существовать, быть в живых; 2) остаться, сохраниться'.

О типичном характере данного сложения свидетельствует *цзунь-цзай* (ОШ 299/3047) 'существовать, существование', в котором тоже используется компонент *цунь*. Обе структуры относятся к семантическому полю «существование, бытие».

Синонимический характер китайских структур подтверждается значением компонента *цзай* (ОШ 22/154) '1) поживать, находиться'; 2) 'быть в живых', который используется в структурах *цзайтан* (ОШ 223/154) 'быть в живых (о родителях)', *цзайти* 'быть в живых, жить', *цзайе* 'быть в отставке', *цзайней* 'находиться внутри, включительно', где обнаруживается общая морфема с упомянутым значением.

Синонимическое сложение *путь-дорога*, используемое во всех жанрах русского фольклора, тоже трактуется в книге А. А. Потебни. Оно встречается и в литературных произведениях: «Кто он, откуда и куда *путь-дорогу* держит» (МЕЛ I/542); «Даром что лес страшный, нашли *путь-дорогу*» (Баж 29); «— Ему надо только *путь-дорогу* хорошо определить!» (ЗК 139). Сложное слово *путь-дорога* также имеет семантический эквивалент в китайском языке: *дао-лу* 'дорога, путь' (ОШ. 611/6480) < *дао* 'путь, дорога, орбита, подход' (ОШ 611/6480) и *лу* '1) дорога, улица, путь, проспект'; 2) путь, маршрут, в пути, в дороге' (ОШ 132/1385).

С точки зрения ареального исследования и типологии чрезвычайно важно, что в изучаемом нами ареале обнаруживаются эквиваленты самых древних русских структур, использованных в исторических песнях XVII века:

«Ты какого *роду-племени*» (ИП 191); «Чьего *городу-села*, чьего *матери-отца*» (ИП 198); «Со служаночки брал *чашки-ложки* мыть» (ИП 59); «Все то наши *друзья-товарищи*» (ИП 268); «И челом ему не бьёт, *честь-почёт* не отдаёт» (ИП 217); «Я того *вора-разбойника*, Стеньки Разина сынок» (ИП 214).

При толковании структуры *род-племя* (ИП 191), использованной в исторической песне, А. А. Потебня указывает на возникновение нового понятия, обладающего функцией обобщения. Эта структура используется и в литературе: «Помилю мне *роду-племени*» (МЕЛ 435); «...*мужскому роду-племени* стыд!» (ЗК 28), «...из *твоего рода-племени* — дядя или прадед?» (РАС 99).

В китайском языке мы обнаружили параллельную структуру *чжун-цзу* (ОШ 49/463) 'расы и народности, этнический; народность, происхождение'. Китайское копулятивное сложение состоит из компонентов *чжун* '1) раса, род, порода; 2. сорт, вид' (ОШ 49/463) и *цзу* (ОШ 477/5039) '1) род, родовой, племя, клан, поколения народа'; 2) род [биологический]', соответствующих по значению русской структуре.

Татарское сложение *зат-ирусyz* (ТаРС 153) 'без роду-племени < *зат* (153) 'род, порода, племя' + *ыру* 'слово без самостоятельного значения' связано с традициями кочевников.

Сложение *друг-товарищ* (ИП 268) и вариант *друг-приятель* (МЕЛ I/191) соответствуют китайскому сложению *пэнью* 'друг, товарищ, друзья' (ОШ 349/3490) < *пэн* 'друг, приятель' (ОШ 348) + *ю* (ОШ 556/5970) 'друг, товарищ; коллега', доказывая предположение А. А. Потебни. Параллельные сложения морд. *оят-ялгат* (ЭРС 449) 'друзья' < *оя* 'друг, приятель' + *ялга* (802) 'товарищ, друг'; удм. *эшгёс-юлтошгёс* (УдРС 526) 'друзья-товарищи' < *эш* (УдРС 526) 'товарищ' + *юлтош* (УдРС 530) 'друг, приятель, товарищ, спутник'; тат. *дус-иш* (ТаРС 137) 'друзья, приятели' < *дус* (ТаРС 137) 'друг, приятель' + *иш* (ТаРС 181) 'товарищ; друг' свидетельствуют об ареальном характере русской структуры.

Сложение *чашки-ложки* (ИП 59) также имеет эквиваленты в изучаемом нами ареале: коми *тасьті-пань* (КоРС 665) 'столовая посуда' < *тасьті* (КоРС 665) 'чашка' + (КоРС 426) *пань* 'ложка'; удм. *пусты-пуньы* (УдРС 432) 'кухонная посуда' < *пусты* (УдРС 432) 'чашка' + *пуньы* (УдРС 366) 'ложка'; морд. *пенчть-вакант* (ГМЯ 132/ 574) 'посуда' < *пенч* (ЭРС 470) 'ложка' + *вакан* (ЭРС 99) 'миска'; тат. *кашык-аяк* (ТаРС 244) 'столовая посуда' < *кашык* (ТаРС 244) 'ложка' + *аяк* (ТаРС 49) 'чашка'.

Существуют и параллельные структуры сложения **вор-разбойник** (ИП 214): кит. **дао-цзэй** 'воры и разбойники; грабители, бандиты' (ОШ 69/693) < **дао** 'разбойник, пират, бандит' (ОШ 69/693) + **цзэй** 1) 'разбойник, вор, бандит, преступник'; 2) 'мятежник' (ОШ 648/6811); уйг. **оури-зивазе** (КАЙ 150) 'воры, разбойники' < **оури** 'вор, расхититель' + **зивазе** (КАЙ 150) 'разбойник, бандит (кит)'; чуваш. **вârâ-хурахла** 'разбойник, расхититель' < **вârâ** (ЧРС 60) 'вор' + **хурахла** (ЧРС 60) 'разбойник, бандит; вор', тат. **усал-унтагай** (ТаРС 594) 'воры-разбойники'.

Богатство параллельных индийских структур также подтверждает выводы А. А. Потебни, указывающего на общие признаки парных слов в русском языке и индийских структур, обозначенных термином **dvandva**.

Русское сложение **честь-почет** (ИП 217) и его эквивалент **честь-слава**, рассматриваемые в работе А. А. Потебни, по значению близки к изученным индийским структурам. **âдар-саммâн** (ХРС 123) 'почет и уважение; почтение; внимание' < **âдар** (ХРС 123) 'уважение; почтение; почет' + **саммâн** (ХРС 123) 'уважение; почтение, честь'; **âдар-саткâр** (ХРС 123) 'почет и уважение; гостеприимство'; **âн-мâн** (ХРС 127) 'почет, уважение' < **âн** (ХРС 127) 'честь, достоинство; репутация, почтение, уважение' + **мâн** (ХРС 888) 'уважение, почтение, почет, честь, достоинство'; **мâн-саммâн** (ХРС 889) 'уважение, честь, почет'; **мâн-прапишхâ** (ХРС 889) 'почет, честь и слава, репутация' < **мâн** + **прапишхâ** (ХРС 738) 1) слава, известность, репутация, престиж; 2) честь; 3) авторитет'; **мâн-марьядâ** (ХРС 889) 'почет и уважение, авторитет, престиж, достоинство, честь' < **мâн** + **марьядâ** (ХРС 877) 'уважение, почет, слава, известность'.

Парные слова **пахать-сеять** 'возделывать землю', **пахарь-сеятель** 'хлебопашец' используются в романах С. Залыгина «Соленая падь», «На Иртыше», «Комиссия»: «... живой останется, вырастет, **пахать-сеять** будет» (ЗС 97); «Ну, начнем **пахать-сеять**, тогда уже, конечно, сами по себе станем» (ЗНИ 560); «... и пошел по ниве **пахарь-сеятель** с конем своим» (ЗК 211). Эквиваленты этих сложений в индийском и китайском языках также доказывают положение А. А. Потебни: хинди **джотâи-бовâи** (ХРС 448) 'обработка земли, (по)сев' < **джотнâ** (ХРС 448) 'пахать, обрабатывать землю' (ХРС 448); **джот** (ХРС 448) 1) запашка, участок обработанной земли; 2) вспашка, обработка земли, с которой связаны **бонâ** (ХРС 835) 'засевать, сеять'; **боâи** (ХРС 834) '(по)сев'; **бонэвâлâ** (ХРС 834) 'сеятель'; кит. **ген-чжун** (ОШ 270/2776) 'заниматься хлебопашеством, возделывать землю' < **ген** (ОШ 270/2776) 'пахать' + **чжун** (ОШ 256/ 2638) 'сеять'.

Об ареальном характере свидетельствуют следующие параллели: коми-перм. **гõрны-кõдзны** (КоПРС 107) 'пахать + сеять' и **гõрись-кõдзись** (КоПРС 107) 'пашущий + сеющий > земледелец, крестьянин', марийск. **курал-ÿдаш** (МаРС 144) 'пахать + сеять, обрабатывать землю'; мордовское **видемс-сокамс** (ЭРС 132) 'сеять + пахать' / **сокамс-видемс** 'пахать + сеять > заниматься хлебопашеством', **сокиця-видиця** 'пахарь, земледелец, хлебопашец'.

Современный характер работы А. А. Потебни подтверждается тем, что он рассматривал парные слова в семантическом аспекте, который, по выводам исследователей данного вида деривации, является единственным и исключительным приемом анализа упомянутых структур¹². Важным достижением А. А. Потебни является четкое определение основных видов парных слов, так как он включил в

¹² Убрятова 1948; Кайдаров 1958; Майтинская 1974; Семенас 1976; Ахатов 1981.

их состав повторы разного вида, что соответствует концепции современной лингвистики, о чем свидетельствуют работы упомянутых исследователей.

Доказательствами его положения о типологическом характере парных слов является и существование параллельных структур в языке хинди. Особенно интересны сходные структуры, которые названы термином *figura etymologica*:

«Генерал едет из Питера, *строгий-настрогий*» (МЕЛ I/ 221); «... в избе у него *голым-голохонько*» (Баж 57); «Небо — *синим-синё*, и уж дергал ветер» (Шр 106); «Однажды *раным-рано* Иван Африканович зашел в огород» (Бел 85); «И так у всех, кто хоть *мало-мальски* присматривал за ней» (Расп 120); «Войны *давным-давно* прошедших времен» (ЗК 37).

Примерами повторов в языке хинди являются *бичо-бич* (ХРС 820) 'совершенно посередине' < *бич* 'середина'; *гирдā-гирд* (ХРС 336) 'кругом, вокруг' < *гирд* (336) 'кругом'; *джхарā-джхар* (ХРС 454) '1) непрерывно; один за другим; 2) очень быстро' < *джхар* (ХРС 454) '1) непрерывное падение (капель); 2) непрерывный поток (слов); 3) залп' > *джхари* (ХРС 455) '1) затяжной дождь; мелкий дождь; 2) ливень; поток (слов, брани)'; *тхасā-тхас* (ХРС 476) 'полным полно; до краев' < *тхас* 'полно'; *даурā-даур* (ХРС 573) 'непрерывно;' < *даур* '1) бег; 2) спешка, гонка; *рāто-рāт* (ХРС 957) 'каждую ночь' < *рāт* 'ночь'; *гармā-гарм* (ХРС 327) '1) горячий; жаркий; 2) пылкий; оживленный; бурный' < *гарам* (ХРС 327) '1) горячий; жаркий; 2) острый; 3) пылкий; 4) гневный'.

Данный тип деривации типичен для изучаемого региона: удм. *один-единственный*, *чукна-чук* 'рано утром' (УРС 478) < *чук* 'утро'; марийск. *веран-верышке* (МРС 38) 'по местам' < *вер* 'место'; венг. *telis tele* 'полным-полно', *szépséges szép* 'красивый-раскрасивый', *vénséges vén* 'очень старый'; башк. *буштан-буш* (БРС 113) 'даром, зря' < *буш* 'пустой'; *икәүзән-икәү* (БРС 204) 'по одному'; *туранан-тура* (БРС 646) '1) прямо; 2) откровенно'; татар. *үзеннән-үзе* (ТаРС 746) 'самому себе'; *хәрефкә-хәреф* (ТаРС 621) 'буквально'.

Сходство между русскими структурами *фигли-мигли*, *шалтай-болтай*, *шур-рум-бурум*, *шурь-мурь* и индийскими структурами типа «двандва» подтверждают существование рифмующихся повторов. По мнению А. Граннеса (1978), этот вид повторов возник в славянских языках под влиянием восточных контактов. Типичным фонетическим признаком этих структур является лабиальный гласный в начале второго компонента, который наблюдается и в структурах языка хинди: *анджар-панджар* (ХРС 15) 'скелет'; *чхинна-бхинна* (ХРС 403) 'разрушенный; расколотый, разбитый'; *лот-пот* (ХРС 1004) '1) катающийся; перекачивающийся; 3) взволнованный'; *сатта-батта* (ХРС 1109) '1) сговор; 2) уловка, хитрость'; *хаккā-баккā* (ХРС 1198) 'пораженный; находящийся в замешательстве'.

Параллельные структуры доказывают положение А.А. Потемни о сходстве повторов в языках русской культурной зоны и языков в соприкасающихся с ней регионах.

Изучаемые нами проблемы связаны с вопросами, излагаемыми в статье О.Б. Ткаченко (1981). Он указывает на то, что к числу проблем, решаемых с помощью сопоставительно-исторического метода, относится выявление в славянских языках фонетических, лексических, фразеологических, грамматических элементов, возникших под влиянием контактов с неславянскими языками. По мнению О.Б. Ткаченко, межъязыковые контакты ведут к заимствованию не только матери-

альных особенностей, под их влиянием возникают и многообразные семантические заимствования (кальки) на разных уровнях языковой структуры¹³.

Положение В. М. Мокиенко о трудностях в области фразеологического исследования соответствует выводам О. Б. Ткаченко. По мнению В. М. Мокиенко (1999), выявление заимствованных фразеологических единиц затрудняет тот факт, что приемлемые языковые элементы употребляются согласно особенностям заимствующего языка.

При изучении восточных элементов в русском языке и культуре мы могли опираться на работы выдающихся ученых А. А. Потебни и Н. С. Трубецкого, которые служили важным ориентиром в исследовании сложных и многоярусных проблем. Работа А. А. Потебни оказала помощь при выделении восточного характера языковых элементов, заимствованных из восточных языков. При помощи работ Н. С. Трубецкого освещается процесс возникновения калек пословиц и фразеологических единиц, не обладающих материальными особенностями в следствие ассимиляции данных структур. Работы Н. С. Трубецкого указывают на то, что в основе заимствования структур, обладающих восточными типологическими свойствами, лежат интенсивные контакты с восточными народами. В работе А. А. Потебни рассматриваются языковые структуры, обладающие восточными свойствами, что доказывается рассмотрением в аспекте лингвистики русской культурной зоны Н. С. Трубецким. Их достижения служат опорой при исследовании восточных элементов русского языка и культуры.

ЛИТЕРАТУРА

- Андрианова Д. В. 2009: Парные сочетания в славянских языках // ПИФК. 3, 359-364.
- Ахатов Г. Х. 1981: Об основных признаках парных слов // Советское финно-угроведение. 2, 81-86.
- Баранникова Е. Б. 1979: Бурятские народные сказки. М.
- Баскаков Н. А. 1979: Русские фамилии тюркского происхождения. М.
- Берберова Р. А. 2012: Парные слова в русском и крымскотатарском языках. Симферополь.
- Будагов Р. А. 1985: Сходства и несходства между родственными языками. М.
- Будагов Р. А. 1986: А. А. Потебня как языковед-мыслитель // ВЯ. 3, 3-15.
- Вайнрайх У. 1978: Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. Киев.
- Вайс Д. 2003: Русские двойные глаголы и их соответствия в финно-угорских языках // Русский язык в научном освещении. 58, 37-59.
- Воробьев В. В. 1997: Лингвокультурология. Теория и методы. М.
- Корнилов О. А. 1994: Языковые модели мира как отражение национальных менталитетов // Россия и запад, диалог культур. М.
- Майтинская К. Э. 1974: Сложные слова или соответствующие им сочетания слов // Основы финно-угорского языкознания. М.
- Мокиенко В. М. 1999: В глубь поговорки. СПб.
- Мокиенко В. М. 1999: Образы русской речи. СПб.
- Пермяков Г. Л. 2001: Пословицы и поговорки народов Востока. М.
- Потебня А. А. 1986: Из записок по русской грамматике. Т. III. М.
- Пропп В. Я. 1976: Фольклор и действительность. Избранные статьи. М.
- Розенталь Д. Э. 1974: Практическая стилистика русского языка. М.

¹³ Ткаченко 1981, 49.

- Семенов А. Л.* 1976: Парадигматический анализ компонентов копулятивного сложения в китайском языке // Восточное языкознание. М., 107-112.
- Телия В. Н.* 1996: Русская фразеология. М.
- Ткаченко О. Б.* 1979: Сопоставительно-историческая фразеология славянских и финно-угорских языков. К.
- Ткаченко О. Б.* 1981: Проблемы сопоставительно-исторического изучения славянских языков // ВЯ. 1, 48-59.
- Токарев С. А.* 1957: Религиозные верования восточнославянских народов XIX — начала XX в. М.
- Трубецкой Н. С.* 1990а: О туранском элементе в русской культуре // ВМУ. Серия 8. 6, 60-80.
- Трубецкой Н. С.* 1990б: Общеславянский элемент в русской культуре // ВЯ. 2, 121-139.
- Трубецкой Н. С.* 1991: Верхи и низы русской культуры // ВМУ. Серия 9. 1, 87-98.
- Убрятова Е. Л.* 1948: Парные слова в якутском языке. Язык и мышление. Т. XI. М.; Л.
- Фелицына В. П., Мокиенко В. М.* 1990: Русские фразеологизмы. (Лингвострановедческий словарь). М.
- Филин Ф. П.* 1974: Об истоках русского литературного языка // ВЯ. 3, 326.
- Шастина Н. П.* 1957: Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М.
- Шипова Е. Н.* 1977: Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата.
- Щерба Л. В.* 1957: Избранные работы по русскому языку. М.
- Grannes A.* 1978: Le Redoublement turk a „m”-inital, en Bulgare. Sofia.
- Vámbéry Á.* 1885: A török faj ethnológiai és ethnographiai tekintetben. Budapest.

THE ROLE OF A. A. POTEJNI AND N. S. TRUBETZKOY'S HERITAGE IN THE RESEARCH OF ORIENTAL ELEMENTS OF «RUSSIAN CULTURAL ZONE»

I. Pachai

The article is devoted to the role of the great scientists A. A. Potebni and N. S. Trubetzkoy in the investigation of complex and insufficiently known problems of Slavic Studies. Issues related to the nature of the eastern Russian culture and language are at the focus of the new discipline of linguistics, as evidenced by the work published since the end of the 20th century. In the study of the complex range of issues A. A. Potebni and N. S. Trubetzkoy's works gave an important support and confirmed the validity of the direction of our research. The authors of the article found Eastern parallels of the language model of the world, including Russian phraseological units. Along with the linguistic facts various oriental motifs of Russian folklore emerged.

Key words: "Russian cultural zone", oriental character, Russian culture, Russian folk speech, cultural linguistics

© 2014

Г. А. Мудунова

ФОЛЬКЛОРНЫЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ АБАКАРА МУДУНОВА

Статья раскрывает фольклорные мотивы в творчестве лакского писателя Абакара Мудунова, использование писателем фольклора в качестве сознательно применяемого художественного приема и в целях обогащения идейно-национального комплекса литературной повествовательной системы.

Ключевые слова: литература, фольклорные мотивы, лакская проза

Фольклорно-этнографический контекст литературного произведения придает художественному тексту национальную выразительность. Иной подход к устно-поэтическому творчеству у известного лакского писателя Абакара Мудунова. Писатель использует фольклор в качестве сознательно применяемого художественного приема и в целях обогащения идейно-национального комплекса литературной повествовательной системы. Соблюдая эстетическое «чувство меры», автор не доводит дело до перенасыщения фольклорной образностью, этнографической вещественностью. Повествовательная структура прозы Абакара Мудунова обнаруживает тесную связь с фольклором, она подчеркивает присущие автору качества сказителя.

Роман А. Мудунова «Огонь в крови»¹ начинается с описания взаимоотношений семей Сарат и Айшат, чьи мужья дружили с детских лет. Они оба умерли и завещали перед смертью не терять эту дружбу, беречь ее. Сарат хочет женить сына Камиля на дочери Айшат Мариям. А Айшат надеется выдать дочь за Касина — сына Бичи, в богатую обеспеченную семью. В ауле всеми распоряжается Курбангаджи — глава аула, юзбаши, как называли в те времена эту должность.

События романа начинаются с предреволюционных времен и доводятся писателем до окончания гражданской войны в горах. На протяжении всего этого времени в центре внимания Камиль и его семья, а также семья Курбангаджи и брата его жены — Касина.

Перед нами цепь картин, действительно обладающих своеобразной балладностью конфликтов. Это и напряжение, и нередко трагические моменты «частной жизни» героев, причем не только Камиля и близких ему людей, но и всего аула Лация: пожар в доме Курбангаджи, конфискация запасов зерна из закромов Курбангаджи, свадьба Камиля и Мариям, месть Кушмы Курбангаджи, гражданская война, смерть Сарат, матери Камиля и т.д. Но нас интересует использование писателем в романе жанров обрядового фольклора. Это прежде всего обряды встречи весны, первой борозды, сбора урожая, свадебные обрядовые действия, похоронные обряды. Автор романа, хорошо знакомый с жизнью, бытом родного аула, своего народа, передает нам этнографические реалии тех или иных обрядов предельно реалистично.

Мудунова Гидаят Абакаровна — кандидат филологических наук, доцент Дагестанского государственного университета. E-mail: patimakardashova@mail.ru

¹ Мудунов 1969.

Описывая обряд встречи весны, известный лакцам под названием «Интнил хъхъу» («Ночь весны»), автор романа не останавливается на всех моментах обряда, а лишь отмечает отдельные его стороны, отдельные особенности обряда, характерные лишь для аула Унчукатль, откуда родом сам Мудунов. Только в этом ауле в первый день весны молодежь устанавливала разноцветные флаги (куски разноцветной материи, прикрепленные к длинным шестам) на возвышенности около аула. Остальные обрядовые действия происходят как у всех. Дети выпускают «Гурцив» из пращи, поджигают склоны гор, зажигают костры во дворах и на улице, через которые прыгают люди всех возрастов. При этом все говорят: «Мои болезни пусть унесет огонь!» Стреляют из «занбараг» — камней-валунов, положенных на годекане и около Большой мечети. Из каждого дома кто-нибудь раздает «цадакья» (милостыню) — соль, лепешки, — дома готовят хорошее угощение.

Автор приводит моменты святого праздничного отношения к обряду встречи весны: женщины обновляли одежду, мужчины подстригали бороду, усы. Молодые вдовы, девушки, которые «созрели еще в прошлом году», чтобы узнать свою судьбу, собирались у кого-нибудь группами, ели сильно посоленную пищу и ложились спать. По представлениям горцев, они увидят во сне свою судьбу, своего суженого, который и подаст им воды. Так девушки узнают, где им придется создавать свой угол, свое семейное гнездышко.

А. Мудунов сразу же за описанием обряда весны ведет разговор о другом обряде — обряде первой борозды. Он приводит два названия этого обряда — «Хъунил хъатИи» («Свадьба поля») и «Хъурдаккаву» («Сбор поля»). Автор не описывает первую часть обряда — проведение первой борозды, не говорит, как ее проводят, кто проводит, кто главное лицо во время проведения первой борозды. Мудунов сосредотачивает наше внимание на второй части обряда — на торжествах, на угощениях по поводу проведения первой борозды, на танцах и песнях. Недаром автор романа называет этот обряд свадьбой поля. Здесь упоминается забытый во многих аулах род увеселения — шутки весельчаков — «хъяшу». «Хъяшу» на свадьбе — это обычно юноша, одетый в маску козла. Он гоняется за детьми, подпрыгивает, как козел. Его основное занятие — насмешить людей. У Мудунова таким «хъяшу», но без маски козла, выступает надсмотрщик Чалави. Он одет в шубу шерстью наружу, через плечо брошена сумка с толокном. «Хъяшу» вначале на осле задом наперед, изображая неразумного простака, не знающего, как садятся на осла, выходит на середину пирующих на току. В руках у него длинный шест с разноцветными тряпками, привязанными к концу. Потом он, как по канату, проходит по спине осла, по шесту, положенному на землю. После этого бросается в кучу детей, которые разбегаются и прячутся за матерями. Люди смеются от души над его проделками². В народном обряде «хъяшу» не поет, а говорит. Автор романа вкладывает в уста певца Чалави слова, которые он использует в песенной форме. Когда народ смеется над проделками Чалави, жена бранит его: «Как не стыдно на старости лет таким заниматься...» В ответ Чалави обнимает жену и поет:

Ва ттулла ххаллил Щаза
Щарсса дакъар, чарсса дур...³

Это моя красавица Щаза,
Не жена, а ожерелье...

² Мудунов 1969, 16.

³ Мудунов 1969, 17.

Следуя сценарию обряда, А. Мудунов во время исполнения обряда угощения заставлял девушек петь любовные и семейно-бытовые песни:

Хьхьуния кьини хьуну	Превратив ночь в день,
Кийлла баргъ къабитанссар,	Дважды солнце не встанет.
Вия гьалмагъай хьуну	Сделав из тебя любовника,
Ттун мурад къабулунссар ⁴ .	Я счастья не обрету.

Песня⁴ соответствует игре обряда. Во время веселья исполнители поют народные песни, далекие от обряда — большей частью любовные и шуточные песни. Хадижа, популярная в селе исполнительница народных песен, веселит разгулявшуюся публику. Бедная певица для этого случая заимствовала у матери торговца Касина зеленое шерстяное старое платье... Песня ее о трусливых, никчемных мужьях, не умеющих ладить в семье, звучит как насмешка, как укор бездельникам:

Вай цайминнал вирттаврал	Ласри тий лиссу ури,
КьатГув лавгун хьус лякьай,	ПарабакГуй ляркъусса,
Ца ттул аьзиз гьалмагъайл	Чуври тий чухъа ури
Вилахав ягълав буцай.	Кьатталу тталлуйх лархсса... ⁵

А. Мудунов не приводит целиком эту народную песню, оставляя читателям возможность домыслить про себя остальные строфы. Но приведенные им строфы выражают основную суть, сюжетную ситуацию, сложившуюся между супругами:

Это другие герои	Считающийся мужем — лишь по-
Уходят на чужбину, находят сред-	ствы,
Лишь один мой возлюбленный	Найденная на мусорной свалке.
В очаге сковороду облизывает.	Считающийся мужчиной — лишь
	черкеска,
	Надетая на столб навеса у ворот...

С той же художественной целью ни одна народная песня не приведена автором романа полностью. Так обстоит дело и с песней о храбрецах:

Аьраххулийх нанини	Когда ехал по шоссеиной дороге,
Кяла чугу марч бия	Белая лошадь подобна ветру,
ХьачИнихун ахьлагайни,	Когда скрывался за бугром,
ХьачИунттагу баргъ бия ⁶ .	На плечах сияло солнце...

Обычно на празднике первой борозды устраивают скачки и соревнования по бегу среди молодых людей и стариков. Мудунов рисует подготовку к скачкам, сам процесс скачек, отношение публики к ним, их реплики в ходе скачек. Но ни словом не упоминает соревнования по бегу среди молодых людей и стариков, подарки, которые даются им. Победитель скачек Камиль устраивает той. На этом заканчивается описание обряда выхода плуга в поле, или, как его иначе называли, обряда первой борозды.

Можно сказать, что в прозе Абакара Мудунова использованы буквально все фольклорные жанры: заговоры, обрядовые календарные и свадебные песни, лирические, эпические и героические песни, колыбельные песни, четверостишия, пословицы и поговорки, плачи и причеты. И в абсолютном большинстве случаев

⁴ Мудунов 1969, 18.

⁵ Мудунов 1969, 19-20.

⁶ Мудунов 1969, 20.

достоверность мудуновского текста подтверждается или печатным, или архивным источником.

Независимо от того, идет ли А. Мудунов от книги или от живого наблюдения, точно ли цитирует фольклорный текст или вспоминает некогда услышанное им, он неизменно видит в нем непреложно правдивую и потому драгоценную черту народного быта, жизни, души.

В фольклоре А. Мудунов видит прежде всего утверждение национального величия. Поражает разнообразие жанров, к которым он обращается, глубокое знание текстов, умение передать характер бытования устной поэзии. Оригинальны приводимые в романе народные проклятия, благопожелания, похоронные плачи, бесчисленные поверья, приговорки, образные выражения.

ЛИТЕРАТУРА

- Гамзатов Г. Г., Далгат У. Б.* 1991: Традиционный фольклор народов Дагестана. М.
Мазанов Ш. А. 2008: Агульская литература. Махачкала.
Мазанов Ш. А. 2013: Становление и развитие агульской литературы // ВДГУ. 3, 84-89.
Мудунов А. А. 1969: Огонь в крови. Махачкала.
Мудунова Г. А. 1999: Обрядовая поэзия и лакская литература. М.
Мудунова Г. А. 2014: Фольклорные мотивы в творчестве Шазы Курклинской // ВДГУ. 3, 72-79.

FOLKLORE MOTIVES IN THE WORKS OF ABAKAR MUDUNOV

G. A. Mudunova

The article reveals folklore motives in the works of Lak writer Abakar Mudunov, the writer's use of folklore as consciously applied art technique in order to enrich the ideological and national complex literary narrative of the system.

Key words: literature, folklore motives, Lak prose

АБДУЛЛА ОМАРОВ И ЕГО РОЛЬ В РАЗВИТИИ ЛАКСКО-РУССКИХ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ

Статья посвящена ученому-арабисту и этнографу Абдулле Омарову и его роли в развитии лакско-русских языковых контактов. Автор рассматривает творчество А. Омарова с позиций языковой контактологии.

Ключевые слова: лакско-русские языковые контакты, Абдулла Омаров

Большой вклад в просвещение лакцев, обучение их грамоте на родном языке внес Абдулла Омаров, «один из основоположников дагестанской русскоязычной литературы, ученый-арабист и этнограф», как характеризует его литературовед А. Гусейнаев. Общеизвестно, какую роль играют в межъязыковых контактах двуязычные личности. В примечании к «Воспоминаниям муталима» Абдуллы Омарова Н. И. Воронов так пишет об авторе: «Уроженец Казии-Кумухского округа, объездивший почти весь Дагестан, знакомый со многими языками и наречиями последнего, автор считается одним из лучших местных переводчиков и принадлежит к первым распространителям между дагестанскими горцами грамотности на туземных языках. П. К. Услар в предисловии к своим исследованиям о лакском языке заметил следующее: «Руководителем моим был уроженец Кумуха, Абдулла-Омар-оглы, молодой человек, весьма даровитый и трудолюбивый, с которым я мог свободно объясняться по-русски. Теперь он без малейшего затруднения пишет на природном языке своем и усвоил грамматическое понимание его. На него вся надежда в отношении к распространению письменности между лаками». И действительно, казии-кумухцы (лаки) трудам его обязаны первыми печатными книжками на родном языке»¹.

Для школы на родном языке Абдулла Омаров перевел на лакский язык сочинение Ушинского «Вода, воздух и их видоизменения». Книга была издана в 1865 в Тифлисе. Автор обошелся без единого русского слова. Им написана на лакском языке «Арифметика», вышедшая в 1867 г. В этом произведении приводятся названия единиц измерения и на русском языке наряду с лакским. Здесь мы встречаем слова:

- 1) мера денег: *империал, кIапIукI, динижка, полушка*;
- 2) мера времени: *век, сикIунд*;
- 3) мера веса: *берковиц, пунт, лот*;
- 4) мера длины: *мил, верст, дуйму, лини*;
- 5) мера веса зерна: *чатвар, осмини, четверена, гарнец*;
- 6) мера жидкости: *пучка, ведра, чатвар*.

Как видно из примеров, в одних случаях автор сохраняет графику, близкую к русскому слову (*верст, век, ведра, гарнец, лот*), в других написание отражает звучание этих слов в речи лакцев (*чатвар, кIапIукI, дуйму, пучка, сикIунд*).

Чалаева Патима Шамильевна — кандидат филологических наук, доцент Дагестанского государственного университета. E-mail: patimakardashova@mail.ru

¹ Омаров 1990, 39.

Абдуллой Омаровым собраны и переведены на русский язык лакские народные сказки. Они были изданы в «Сборнике сведений о кавказских горцах»². Им написаны на русском языке «Воспоминания муталима» и очерк «Как живут лаки»³.

Абдулла Омаров выучился русскому языку самоучкой в Темир-хан-Шуре. Он так рассказывает об этом в своих «Воспоминаниях муталима»:

«В Темир-хан-Шуре была так называемая мусульманская школа, где обучались дети туземцев всякого возраста арабскому и русскому языкам.

Меня давно интересовала русская грамота, и я имел сильное желание изучить его. Один из учеников этой школы, учившийся в ней 4 года, приехал в то время домой, в Казанище, на каникулы. Ученик этот приходил часто в мечеть и брал у меня уроки арабского языка. Пользуясь этим случаем, я в свою очередь стал учиться у него русской грамоте. Но так как у нас не было печатной азбуки, то я изучил письменные буквы и в скором времени мы уже стали разбирать четко написанные рукописи и даже начал сам писать по-русски. Тогда у меня явилось более сильное желание обучиться русскому языку»⁴. По рекомендации учителя арабского языка Абдулла Омаров был принят в темирханшуринскую школу. Удалось уговорить и негодующего по этому поводу отца.

С точки зрения языковой контактологии большой интерес представляет русская речь Абдуллы Омарова. По печатным текстам трудно судить о ее качестве, т.к. неизвестно, в какой степени его рукописные тексты подвергались редакторской правке. Однако и по этим текстам можно предположить, что автор достаточно хорошо владеет русским языком.

Произведения Абдуллы Омарова представляют значительный интерес с точки зрения употребления в них экзотизмов и регионализмов⁵. В этнографических очерках «Воспоминания муталима» и «Как живут лаки» автор использует значительное количество экзотической лексики. Эту лексику можно разделить на три группы: 1) лексика, связанная с мусульманской религией; 2) общеджиганская социально-бытовая лексика; 3) лакская лексика.

Первая группа наиболее обширная и представлена такими словами, как *мечеть, тарикат, зикр, закат, садака, вакф, кадий, будун, алим, муталим, мударис, мюрид, мугаджир, мунафик* и др. Некоторые из них могут встречаться в лакском варианте звучания, например, *Катнил-мизит* «Катская мечеть».

Вторая группа представлена такими словами, как *хан, нукер, качаги, чауш, аул, тухум, адат, кунак, гяур, кизяк, папах, саб, сах, саман, абаз, буза, хинкал, бурка, чурек, намаз* и др. Эти слова могут быть определены как регионализмы, поскольку для обозначения реалии автор выбирает слово, которое уже знакомо носителям русского языка, хотя данная реалия в лакском языке обозначается или другим словом, или имеет другой вариант звучания. Таким является большинство из перечисленных выше слов: *кунак* — *хъамаличу* (кстати, в одном месте автор дает слово *камаличу*); *кизяк* — *бя*; *папах* — *къутта къяпа, чурчари къяпа*; *саба* — *дачIу*; *саман* — *нахъ*; *абаз* — *аьппаси*; *буза* — *дукъра хIан*; *хинкал* — *ххункIру*; *бурка* — *варси*; *намаз* — *чак*; *чурек* — *ччатI, кIарттув ччатI*.

² Омаров 1868/1.

³ Омаров 1868/1; 1869/2; 1870/3.

⁴ Омаров 186, 44-45.

⁵ Абдуллаев 1995, 132-134.

С точки зрения русско-лакских языковых контактов большой интерес представляют слова третьей группы — экзотизмы лакского происхождения, обозначающие реалии местного быта. Это слова, обозначающие:

1) кушанья и продукты, растения: *щайини*, *барта*, *кут* (*кIут*), *у*, *турлан* (*ттурлан*), *танбаку*;

2) предметы быта: *су*, *кусри-дичу* (*къусридичу*);

3) понятия, связанные с хозяйственной деятельностью и обрядами: *арабу* (*аь-раву*), *чар* (*ччар*), *маркачи* (*маркIачIи*), *камузанду* (*къамузанну*), *марша*, *туриши* (*тIурици*);

4) понятия, связанные с местным самоуправлением: *куначу* (*хъуначу*), *куниса* (*хъунисса*), *ялурзу*;

5) понятия, связанные с устройством дома, населенного пункта: *вилах*, *кулла* (*къулла*);

6) обращения, восклицания: *буттай*, *бабай*, «*ухай*, *спи*, *сокровище матери*», *гуя*, *гуя!* *вов-шов* (*гъуя*, *гъуя*, *вав-шав*).

Автор использует разнообразные приемы для объяснения значений вводимых в текст экзотизмов. В одних случаях дается описательное название предмета, сопровождаемое лакским словом, взятым в скобки, например: «... вытаскивают из печи наружу часть огня в круглое углубление (*вилах*), сделанное нарочно для этого», «... вдоль стены стоял громадный деревянный сундук (*су*), длиною около 5, а вышиною до 3 аршин, украшенный местами грубою резьбою» и т.д.

В других случаях слово вводится в текст, а дальше идет его пояснение: «... на стене висела большая деревянная чашка, деревянный же сосуд с резьбой, называемый *кусри-дичу*...»; «Между тем мальчики в эту пору весело хлопотали над приготовлением *туршей*, т.е. комков глины, которые делаются в форме маленькой сахарной головы и в острый конец которых втыкают соломинки...»; «В горах с давних пор установился обычай, что более или менее зажиточные хозяева, которым необходима посторонняя помощь в летних полевых работах, приглашают своих знакомых из своего аула или же из других селений на один, на два дня работы. Это так называемая *марша*».

Третьим приемом объяснения значений экзотизмов является комментарий в сносках. Эти сноски порой бывают пространными и содержат энциклопедические сведения о предмете. Например, слово *барта* так поясняется в сноске: «Хлеб крестообразный или изображающий человеческую фигуру, украшенный с лицевой стороны всажеными в него куриными яйцами, орехами и сухими фруктами. Делается для детей в начале весны и во время первого вывода плуга в поля».

Кроме прямых заимствований, в произведениях А. Омарова представлены многочисленные лексические и фразеологические кальки. Например, лексическими кальками являются такие слова, как *мальчи́ко-му́жчина* — *оьрчI-адамина* (в сноске: «туземное выражение, обозначающее молодых парней»); *земля-клей* — *сина-аьрици* (в скобках: «маслянистая и липкая глина»); *белая земля* — *кIяла аьрици* (пояснение в тексте: «так называется глина сероватого цвета, добываемая горянками для этой цели (для побелки стен — П. Ч.) в известных местах гор»).

Кальками устойчивых оборотов лакского языка являются, например, *дитя живота* — *лякълул оьрчI*, *тонкий хлеб* — *кIюла ччатI*, *отправил его по ущелью* — *ратIух гьан увссар* (в тексте в значении: убил и не понес наказания за убийство),

держатъ ротъ — къацI бугъан, отнять изъ рта — зумату зеххин, оленья шея — бюрунттул дарвач, я приведу ее — на та буцинна (в значении «женюсь на ней»), да дойдет до тебя добро — хъинсса бияннав.

В тексте встречаются поговорки, пословицы, проклятия, пожелания, калькированные с лакского языка, в примечаниях поясняется, когда так говорят. Например: *чтоб он вернулся с порожним мозговым чехлом — няра къатта бачIва хъуну учIивуй; как заноза в глаз — иттав къала кунма; если дом богом не побит — къатта заннал рициусса бакъахъурча; ложка лучше знает, что в котле — кIюххул хIал кIичIалттун кIулссар; ... не имели никакого порока, которым кто-нибудь мог ударить им в глаза — иттах бищун; ... съела довольно много толочна — биялсса ини бувкуссар («туземное выражение о старости кого-либо»); ... наступившие одною ногою на могильную плиту — гъаттал ккурккай ччан бивзсса (здесь несколько вольный перевод) и др.*

С позиций языковой контактологии творчество А. Омарова не подвергалось анализу. Этот вопрос может стать объектом специального исследования.

ЛИТЕРАТУРА

- Абдуллаев А. А.* 1995: Культура русской речи в условиях национально-русского двуязычия. Махачкала.
- Булатова А. Г., Исламгагомедов А. И., Мазанов Ш. А.* 2008: Агулы в XIX-начале XX вв: историко-этнографическое исследование. Махачкала.
- Омаров А.* 1869: Воспоминания муталима // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. II. Тифлис.
- Омаров А.* 1990: Воспоминания муталима (Абдуллы-Омар-оглы). Махачкала.
- Чалаева П. Ш.* 2012: Роль П. К. Услара и его учеников в развитии лакско-русских языковых контактов // Мир науки, культуры, образования. 2, 307-309.

ABDULLAH OMAROV AND HIS ROLE IN THE DEVELOPMENT OF LAK-RUSSIAN LANGUAGE CONTACTS

P. Sh. Chalaeva

The article is devoted to Abdullah Omarov, the scholar-Arabist and ethnographer, and his role in the development of Lak-Russian language contacts.

Key words: Lak-Russian language contacts, Abdullah Omarov

© 2014

А. М. Ишегулова

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ «АЛЛАХ», «ТЕНГРИ», «ХУДАЙ» В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ ЯНЫБАЯ ХАММАТОВА

В статье рассматривается творчество известного башкирского писателя Яныбая Хамматова с позиций антропологического направления в лингвистике. На материале художественных текстов анализируются фразеологические единицы, занимающие определенное место в структуре языковой личности Яныбая Хамматова.

Ключевые слова: языковая личность писателя, язык художественных произведений, фразеологизмы

Антропоцентризм осознается главным принципом современной лингвистики на рубеже XX–XXI вв. В центре изучения оказываются внешние характеристики и внутренний мир человека, его личностное мировосприятие, иерархия его собственных смыслов и ценностей, т.е. языковая личность. Язык может послужить важнейшим средством познания и понимания писателя как человека, как личности, духовный мир которого реализуется в создаваемых им текстах. Изучение определенной языковой личности преимущественно сводится к анализу именно текстов, созданных ею. Художественный текст рассматривается как продукт речемыслительной деятельности автора, т.е. (в текстах) проявляются все факторы, характеризующие автора как языковую личность.

Фразеологизмы представляют собой национально-специфические единицы языка, передающие из поколения в поколение культурный потенциал народа. В них неповторимым образом выражаются дух и своеобразие нации. Фразеология в составе языка — ценнейшее лингвистическое наследие, в ней запечатлена мудрость народа: восприятие окружающего мира, представления о предметах и явлениях, особенности жизни и быта, также «обычаи, обряды, приметы и мифологические представления»¹. Фразеологические единицы в текстах образно описывают ситуацию, в лаконичной и в то же время емкой форме через фразеологию выражаются основные составляющие картины мира языковой личности.

Художественные произведения Яныбая Хамматова насыщены фразеологическими единицами, которые отражают различные стороны действительности. Фразеологические единицы звучат из уст всех героев, независимо от их возраста, социального положения, а также в речи автора, делая в конечном итоге язык всего произведения разнообразным, живописным, выразительным, народным. Они показывают самобытность и неповторимую оригинальность языка писателя, непосредственно связаны с его мировосприятием и образно-поэтическим воображением.

Как мы уже сказали выше, в произведениях Яныбая Хамматова наблюдаются самые разные фразеологические единицы. Они применяются к самым разным ситуациям и явлениям, дают оценку поступкам героев, передают их чувства и состо-

Ишегулова Алсу Минифариевна — младший научный сотрудник отдела языкознания Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. E-mail: alsu-1104@mail.ru

¹ Муратова 2010, 103.

яния. ФЕ в произведениях Я. Хамматова (по классификации Дж. Г. Киекбаева)² можно разделить на следующие типы:

1) простые фразеологические сочетания — *колак һалыу* ‘прислушиваться’, *баиш ватыу* ‘ломать голову’, *аяк салыу* ‘поставить подножку’, *күз-колак булыу* ‘присматривать’ и т.п.;

2) идиоматические выражения — *табан ялау* ‘лизать пятки’, *табан ялтыратыу* ‘дать стрекача, досл. засверкать подошвами’, *тел тейзермәу* ‘заступаться (за кого-то), не давать в обиду, досл. не касаться языком’, *күз буяу* ‘пускать пыль в глаза’, *эс-бауырга инеү* ‘влезать в душу’, *билбау асты бушау* ‘проголодаться, досл. опустеть под поясом’;

3) пословицы и крылатые слова — *Сабыр иткән моратына еткән* ‘Терпение — золото, досл. Тот, кто терпелив, достигнет цели’, *Түзгәнә түш (тейгән)* ‘Терпеливого Бог наградит, досл. Терпеливому грудинка достанется’, *Тартай теленән таба* ‘Язык мой — враг мой, досл. Дергач от своего языка страдает’, *Бер акыллыны, бер ауһарзы тыңла* ‘досл. Раз к умному прислушайся, раз — к глупому’ и т.д.

ФЕ раскрывают духовный облик языковой личности, выражают отношение ко всеобщим (всенародным) ценностям; общими для народов мира оказываются идеи добра и мира, роль труда и знаний, уважение к хорошим человеческим качествам: трудолюбию, скромности, честности, — осуждение злобы и жадности, глупости и лени. ФЕ писателя в художественных текстах:

— отражают философские взгляды. Например: *Ситтә солтан булгансы, үз илеңдә олтан бул* ‘Чем быть султаном на чужбине, будь ултаном на родине’; *Бүленгәнде бүре ашар, айырылганды айыу ашар* ‘Отделившаяся овца — волку корысть’; *Ирмен тигән ирзең күкрәгенә эйәрле ат тиклем сер, бисәмен тигән бисәнең* — *бәпәй яткан сәңгелдәк һыйырлык сер һаклана* ‘В душе истинного егета — оседланый конь, в душе настоящей женщины (девушки) — колыбель с младенцем’;

— выражают положительное отношение к труду: *Тырышкан ташка казак каккан* ‘Старательный и в камень гвоздь вобьет’; *Калган эшкә кар яуа* ‘Оставленная на потом работа снегом засыпается (в смысле: оставил на завтра, пиши пропало)’; *Йәне барзың йүне бар* ‘Бог дал день, даст и пищу’;

— выражают чувство патриотизма, чести, совести. Для автора это прежде всего доброе имя, добрая слава. *Дошманга кол булгансы, яуза һәләк бул* ‘Лучше умереть в бою, чем покориться врагу’, *Ситтә солтан булгансы, үз илеңдә олтан бул* ‘Чем быть владыкой на чужбине, лучше быть рабом у себя на родине’;

— добро и зло: *Кеше таи менән атһа, һин аш менән ат* ‘За добро худом не отвечают, досл. На тебя кинули таш (камень), ты на него кинь аш (еду)’;

— законы познания: *Бер акыллыны, бер ауһарзы тыңла* ‘Прислушайся к мудрецу, да и глупца выслушай’, *Йөрөгән таи шымара, тик яткан таи мүкләнә* ‘Камень, что движется, обточивается, лежащий камень мхом обрастает’, *Күп йөрөгән күпте күрә* ‘Кто много поездил, тот много повидал’, *Күпте белһәң, тиз картайырһың* ‘Много будешь знать, скоро состаришься’;

— отношения детей и родителей, вопросы воспитания: *Алма агасынан алыс төшмәй* ‘Яблоко от яблони далеко не падает’, *Йылы һүз таишты иретә* ‘Ласковое

² Киекбаев 2002, 213.

слово и камень растопит», *Үткән эштән төш якшы* 'Лучше сон, чем бесполезное былое, Кто старое помянет, тому глаз вон' и т.д.

В художественных текстах Яныбая Хамматова наиболее часто встречаются разговорные фразеологизмы, содержащие компоненты «Алла» (Аллах, Всевышний)³, «Аллаһы тәғәлә» (Бог), «Тәңре» (Тенгри), «Хозай» (Худай). Жизнь башкир складывалась под влиянием ислама, и одной из основных ценностей для писателя является религиозность. Вера в Аллаха понимается писателем как мощный духовный фактор становления человека, основа осмысления человеком своего места в мире, определенная форма принятия мира и единения с ним. Она оказывает огромное воздействие на формирование сознания, поведения, образ жизни, систему ценностей и т.д.

Устойчивые словосочетания с компонентами «Алла» (*Аллах*), «Аллаһы тәғәлә» (*Бог*), «Тәңре» (*Тенгри*), «Хозай» (*Худай*), обнаруженные нами в произведениях Я. Хамматова, употребляются в самых разных ситуациях.

Фразеологические единицы служат для непосредственного выражения несогласия с чем-либо или неприятия чего-либо, а также для предупреждения, предостережения. Например, *Алла һаклаһын* (Боже упаси), *Хозай күрһәтмәһен* (не дай Бог), *Аллаһы тәғәлә һакланғанды һаклармын ти* 'Береженого Бог бережет'.

Также фразеологические единицы служат для выражения решимости: *Аллаға тапшырыу* 'с Богом'.

В произведениях Я. Хамматова фразеологизмы выражают различные эмоциональные состояния (пожелание, просьбу, радость, огорчение, сожаление, удивление, раздражение, смирение и т.д.): *Әй, Хозайым, ярзам ит!* 'Господи, помоги!', *Алла бойорһа* 'если Бог прикажет', *Алла һаҡы өсөн* 'Ради Бога', *Хозайым, үзең ярлыҡа* 'пусть Бог простит', *Әй илаһым!* 'О Боже!', *Алла бирһә* 'Бог даст', *Иртәгәһен Аллаһы Тәғәлә белә...* 'Одному Богу известно', *Алла (баһыңа) һуғасак* 'Бог накажет', *Аллаға шөкөр* 'Слава Богу'.

В произведениях используется много фразеологических единиц для характеристики определенных ситуаций, в которых оказывается или может оказаться человек. Они дают положительную или отрицательную оценку происходящему. Например, *Алла һаклаган* 'Господь избавил', *Аллаһы тәғәләнең каты кәһәре һүкһын* 'Бог накажет', *Хозай үзе белә, бирәм тигән колона, сығарып куя юлына* 'На ловца и зверь бежит'.

Употребляются и фразеологизмы, оценивающие статус человека в обществе и соответствие этого статуса возможностям и реальным поступкам человека: *Ир һаҡы — Тәңре һаҡы* 'Хороший муж — божья благодать', *Күрше һаҡы — Тәңре һаҡы* 'Хороший сосед — божья благодать', *Алланан йәйәү кәскән* 'Пройдоха, антихрист', *Ни аллага, ни муллаға* 'Ни к Богу, ни к людям'; *Алланың кашка тәкәһе түгел* 'Не семи пядей во лбу'.

Автор употребляет фразеологические единицы, служащие пожеланиями благополучия в каком-либо начинании, успеха в труде или выражающие благодарность, напутствие: *Аллаһы тәғәлә (Хозай) һаулығын бирһен* 'Пусть Бог даст здоровье, силы', *Аллаһы тәғәлә бәрәкәтен бирһен* 'Пусть Бог даст благополучия',

³ Хисамитдинова 2011/І, 246.

Хозай тәғәлә именлек бирһен 'Пусть Бог даст благополучия', *Хозай теләгеңде кабул итһен* 'Пусть Бог исполнит твоё желание'.

Как видно из анализа, тексты писателя насыщены фразеологизмами. Они отражают общепринятые для всех народов нормы взаимоотношений людей (доброжелательное отношение, помощь ближнему, согласие и взаимопонимание), с другой стороны, выражают важные нравственные понятия писателя Яныбая Хамматова: духовность, нравственную чистоту, мировосприятие и др. Отношение писателя к религии прагматичное, взвешенное и разумное. Это то, что регулирует отношения между людьми, то, что может помочь в трудные минуты жизни, то, с помощью чего можно снять камень с души и успокоить совесть.

ЛИТЕРАТУРА

- Киекбаев Дж. Г.* 2002: Лексика и фразеология современного башкирского языка. Уфа.
Муратова Р. Т. 2010: Этнокультурная семантика чисел башкирского языка // Проблемы востоковедения. 2, 103-108.
Хамматов Я. 1976: Бөртөкләп йыйыла алтын (Золото собирается крупицами) (на башк. языке). Уфа.
Хамматов Я. 1977: Акман-токман (Акман-токман) (на башк. языке). Уфа.
Хамматов Я. 1975: Йәшенле йәй (Грозное лето) (на башк. языке). Уфа.
Хисамитдинова Ф. Г. (отв. ред.) 2011: Академический словарь башкирского языка: в 10 томах. Т. I. Уфа.

THE IDIOM COMPONENT «ALLAH», «TENGRI», «KHUDAI» IN THE LITERARY TEXTS BY YANYBAY KHAMMATOV

A. M. Ishegulova

The article discusses the work of the famous Bashkir writer Yanybay Khammatov from positions of in anthropological linguistics. On the material of literary texts the author the phraseological units that occupy a specific place in the structure of linguistic personality of Yanybay Khammatov.

Key words: linguistic personality of a writer, the language of literary works, idioms

© 2014

Г. В. Юлдыбаева

БАШКИРСКИЙ МИФОЛОГИЧЕСКИЙ ЭПОС «УРАЛ-БАТЫР»: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ

В статье рассматривается история изучения и популяризация башкирского народного эпоса «Урал-батыр». Башкирский народный эпос представляет огромный интерес и является вершиной мифопоэтического творчества башкирского народа, выдающимся произведением мировой эпики, а также ценным источником для сравнительного изучения мифологии народов мира.

Ключевые слова: кубаир, эпос, фольклор, мифология, изучение

В устно-поэтическом творчестве башкир особое место принадлежит эпосам — башкирским кубаирам, в которых нашли художественное отражение история и быт, мировоззрение, духовное богатство и поэтическое мышление народа.

В башкирской фольклористике слова «эпос» и «кубаир» используются как синонимы. Существуют и другие названия: «иртэк» (К. Мэргэн), «хикэйэт» (Н. Т. Зарипов, М. М. Сагитов), «кисса», «өлән» (М. Уметбаев), «героическая поэма» (А. Харисов).

Кубаир (коба — «похвала, прославление, почитание», йыр — «песня», т.е. песня восхваления, прославления) употребляется в двух значениях: «в широком — крупные стихотворные героические сказания, воспевающие подвиги народных батыров, и в узком — небольшие по объему семисложные стихотворные произведения с ясно выраженными дидактическими функциями»¹. В целях их разграничения Г. Б. Хусаинов по отношению к крупным формам башкирского эпоса применяет термин «эпический кубаир»². Характерной чертой башкирского эпоса является стихотворно-прозаическая форма бытования, «прозаическая речь служит как бы связующим элементом действий героя в цепи эпических событий»³. По мнению ученых, «наиболее древние модели эпоса сохраняют смешанную форму: речи, диалоги, описания передавались стихами или песнями, а чисто повествовательные фрагменты прозой. Это соответствует распределению стиха-песни и прозы в архаическом фольклоре»⁴.

Кубаир характеризуется, в основном, семисложной метрикой, последовательным чередованием рифмы, сложными и стройными строфами. Особенности башкирского народного стихосложения имеют много общего с особенностями поэтического творчества других тюркоязычных народов. По утверждению русских ученых Ф. Е. Корша, В. Радлова, А. П. Поцелуевского, В. Гордлевского и польского исследователя Т. Ковальского, семи-восьмисложный силлабический стих является древнейшим стихом тюркских племен⁵.

Юлдыбаева Гульнар Вилдановна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела фольклористики Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. E-mail: nargul1976@list.ru

¹ Галин 2004, 5.

² Хусаинов 2003.

³ Киреев 1963, 18.

⁴ Мелетинский 2000, 55.

⁵ Корш 1909; Радлов 1870; Поцелуевский 1943; Гордлевский 1909; Ковальский, инв. № 171.

Проблемы научной классификации башкирского эпоса возникли в 70-е годы XX в. Впервые тематическая классификация жанра рассматривалась в работах К. Мэргэна⁶. Ученый выделяет три группы: эпосы героического характера; эпосы новеллистического характера (бытовые); эпические сюжеты, проникшие через книжные и рукописные источники. Исследователь А.С. Мирбадалева группирует эпические сказания по «важнейшим этапам развития общественного сознания башкир»: эпические сказания, связанные с мироощущением древних предков башкир; эпические сказания, повествующие о борьбе против чужеземных захватчиков; эпические сказания, запечатлевшие межплеменные распри; эпические сказания о животных⁷. Фольклорист М. М. Сагитов, основываясь на хронологическом принципе с учетом тематического многообразия, определяет следующие этапы башкирских эпических памятников: эпос периода разложения родового строя; эпос начального периода феодализма; эпос периода развития феодализма и эпос последнего периода феодализма⁸. С.А. Галин, опираясь на сюжетную специфику произведений, выделяет мифологический эпос (эпос родового строя); социально-бытовой эпос (эпос периода раннефеодальных отношений), исторический эпос (эпос периода развитых феодальных отношений)⁹. В настоящее время ученые придерживаются классификации С.А. Галина.

В богатейшей сокровищнице фольклорного наследия башкирского народа особое место занимают мифологические эпосы. В стихийных силах природы первобытный человек видел сверхъестественные начала, которые, по его представлению, являлись «хозяевами». Так возникают мифы, мифологические представления народа об окружающем мире. Мифология проникает во все области духовной жизни народа и формируется в конкретных и своеобразных исторических условиях. «Именно мифы послужили основой для создания основных содержательных универсалий текста Человек — Время — Пространство, т.е. моделей эпического ландшафта — пространства, времени и эпических героев»¹⁰.

Древние пласты башкирской мифологии представлены в эпических памятниках «Урал-батыр», «Акбузат», «Заятуляк и Хыухылу», которые тесно перекликаются друг с другом в идейно-тематическом плане, имея общие, сходные мотивы, образы.

Тема мифологических основ башкирского эпоса была затронута в работах А. И. Харисова, А. Н. Киреева, А. С. Мирбадалевой, А. А. Петросяна, Д. Ж. Валеева, Н. Т. Зарипова, М. М. Сагитова, С. А. Галина, А. М. Сулейманова, Р. Ф. Рязанова, Ф. А. Надршиной, Г. Б. Хусаинова, З. Г. Аминова, В. Г. Котова¹¹.

Когда речь идет о мифологической основе башкирского эпоса, обнаруживается очень много мотивов и образов, общих с мифологией других народов. Напротив, ученые давно обратили внимание на схожие моменты эпоса «Урал-батыр» с

⁶ Киреев 1970, 1982.

⁷ Кидайш-Покровская 1977, 8.

⁸ Сагитов 1987.

⁹ Галин 2004, 11.

¹⁰ Бухарова 2008, 135.

¹¹ Харисов 2007; Киреев 1961; 1969; 1970; Мирбадалева 1977, 11; Петросян 1974, 1982; Валеев 1975; 1982; Зарипов 1987; Сагитов 1987; 1998; 2004; Сулейманов 1998; 1999; Рязанов 1999; Надршина 1993; 1998; 2009; Хусаинов 1998; Аминев 2005; 2007; 2008; 2013; Котов 2006.

шумерским эпосом о Гильгамеше¹², индоиранской Авестой¹³, англосаксонским эпосом «Беовульф», а также сказаниями тюркско-монгольских народов¹⁴. Это «свидетельствует о том, что духовная культура предков башкир зародилась в глубокой древности и развивалась в русле общечеловеческой культуры. Показательно то, что в башкирском эпосе сохранился архаический пласт этой культуры и последующие наслоения не разрушили его»¹⁵.

«Урал-батыр» впервые был записан в 1910 г. известным башкирским сэзном, драматургом, фольклористом и просветителем Мухаметшой Бурангуловым от сэзнов-кураистов Габита Аргынбаева (1856-1921) и Хамита Альмухаметова (1861-1923) в селах Идрисово и II Иткулово Баймакского района РБ. Эпос сохранился только в машинописи латинского алфавита¹⁶ и состоит из 4576 поэтических и 19 прозаических строк.

Впервые эпос «Урал-батыр» увидел свет на языке оригинала в 1968 году в журнале «Агидель» (№ 5), текст подготовили к изданию Б. Бикбай и А. Харисов. Последующие два издания текста эпоса «Урал-батыр» были осуществлены на русском языке в Москве во второй половине 70-х годов XX века¹⁷.

С тех пор проделана большая работа по изданию текстов эпоса: на башкирском, русском (перевод Г. Шафикова, А. Хусаинова), английском (перевод С. Г. Шафикова), турецком (перевод Г. Ибрагимов, М. Эргуна), немецком языках (перевод А. Тайсиной). В 2005 г. эпос «Урал-батыр» увидел свет на трех языках (башкирском, русском, английском). 2013 году «Урал-батыр» издан в трех книгах, на башкирском и русском (перевод А. Х. Хакимова), на башкирском и французском (перевод Р. К. Гарипова), на башкирском и английском (перевод З. А. Рахимовой) языках¹⁸.

Богатство содержания, изобразительная красочность слова, древняя сила и мощь башкирского эпоса привлекали внимание ученых, всегда отмечавших сохранность его мифологической основы. В изучении этого монументального произведения устно-поэтического творчества башкирского народа большой вклад внесли К. Мэргэн, А. И. Харисов, М. М. Сагитов, Н. Т. Зарипов, А. А. Петросян, А. С. Мирбадалева, С. А. Галин, А. М. Сулейманов, Ф. А. Надршина, Р. Ф. Рязанов, Р. А. Султангареева, Г. Р. Хусаинова, Г. В. Юлдыбаева, Г. Д. Ибрагимов, Ш. Р. Шакурова. Они в своих работах делают упор на раскрытие идейно-тематической основы эпоса, выявление национальных особенностей, поэтики, рассмотрение вопроса о времени возникновения башкирского эпоса.

Наряду с фольклористами, исследованием эпоса «Урал-батыр» занимались башкирские археологи, лингвисты, философы, этнографы (Г. Б. Хусаинов, Д. Ж. Валеев, З. Я. Рахматуллина, А. Х. Давлеткулов, З. Г. Аминев, Ф. Б. Санъяров, Г. Х. Бухарова, В. Г. Котов).

¹² Петросян 1975/1.

¹³ Баимов 2006; Мажитов, Султанова 1994.

¹⁴ Сулейманов, Рязанов 1999.

¹⁵ Надршина 2009, 347.

¹⁶ Научный архив УНЦ РАН. С. 1-144.

¹⁷ Петросян 1975/1; Кидайш-Покровская 1977.

¹⁸ Сагитов 1987; Кидайш-Покровская 1977; Хусаинов 2004; Шафиков 2001; Ибрагимов, Эргун 1996; Тайсина 2006; Надршина 2005; Сулейманов 2005; 2013.

В ХХI в. увидели свет десятки монографических работ, посвященных эпосу. Монография Ф.Б. Санъярова посвящена описанию языка и стиля эпоса в рамках лингвостилистики¹⁹, в работе Г.В. Юлдыбаевой рассматривается поэтика башкирского эпоса²⁰, в книге Ш.Р. Шакуровой дается текстологический анализ архивного первоисточника эпоса и его академических эдичионных версий, и впервые в российской фольклористике в монографии дано полное фототипическое воспроизведение архивного источника сказания «Урал-батыр»²¹. В исследованиях З.Г. Аминева, написанных на основе анализа эпоса «Урал-батыр» с использованием обширного фольклорного, этнографического и языкового материалов, реконструируются воззрения древних башкир о происхождении и устройстве Вселенной и о месте в ней человека, человеческого общества. Анализируются семантика мифологических сюжетов и мотивов эпоса, раскрываются космогонические и космологические представления древних предков башкир.²² Г.Х. Бухарова в своей монографии на основе современного когнитивно-дискурсивного и концептуального подхода к изучению текста рассматривает семантическое пространство и смысловую структуру текста эпоса²³; В.Г. Котов, анализируя эпос «Урал-батыр» с точки зрения мифологии, сравнивая его с другими эпическими произведениями башкирского фольклора, а также с рисунками палеолитических пещер Шульганташ (Каповой) и Ямазыташ (Игнатиевской), убедительно доказывает его древность и подлинность²⁴.

В 2011 году увидел свет библиографический указатель «Башкирский народный кубаир (эпос) “Урал-батыр”», в котором представлен перечень материалов, отражающих результаты комплексного изучения эпоса, а также публикаций с выхода его текста в журнальном варианте в 1968 году до нашего времени. Включены имена ученых-исследователей, художников, композиторов, драматургов, журналистов, кинорежиссеров, обращавшихся к теме эпоса. Кроме того, в указателе даны положения республиканского конкурса исполнителей эпоса «Урал-батыр», сценарии этого конкурса, также названия телевизионных передач о конкурсах, приведены фоторепродукции картин, рисунков²⁵.

В 2013 году увидела свет книга «Материалы для Досье по включению башкирских кубаиров цикла «Урал-батыр» в Список шедевров нематериального наследия человечества»²⁶. В сборник статей вошли материалы, подготовленные коллективом авторов для Досье по включению башкирских кубаиров цикла «Урал-батыр» в Список шедевров нематериального наследия человечества.

В последние лет двадцать особенно возрос интерес ученых и общественности к эпосу «Урал-батыр». В 1995 году прошла республиканская научная конференция «85 лет первой записи башкирского эпоса “Урал батыр”»²⁷, в 2003 году

¹⁹ Санъяров 2006.

²⁰ Юлдыбаева 2007.

²¹ Шакурова 2007.

²² Аминев 2007; 2005; 2008; 2013.

²³ Бухарова 2008.

²⁴ Котов 2006.

²⁵ Киреев 2011.

²⁶ Хисамитдинова, Надршина 2013.

²⁷ Мелетенский 2000.

Всероссийская научная конференция «“Урал батыр” и мифология»²⁸, и в 2005 г. в рамках Всероссийской научной конференции «Урал–Алтай: через века в будущее» — научный симпозиум, посвященный изучению эпоса «Урал-батыр». В 2010-2011 гг. Институтом истории, языка и литературы УНЦ РАН подряд проводились две Международные научно-практические конференции «“Урал-батыр” и духовное наследие народов мира». Сборники материалов конференций показывают, насколько расширились границы изучения эпоса «Урал-батыр»²⁹.

Научное исследование и публикации эпоса «Урал-батыр» активизировали все большее пространство культуры. Конкурсы, театр, анимация, телевизионные проекты, комиксы, туристические маршруты, изобразительное искусство используют мотивы и образную систему башкирского эпического наследия в своих художественных, познавательных, развлекательных целях. Продолжаются республиканские конкурсы юных сказителей (с 1998 г.) и чтецов и сказителей — исполнителей эпоса «Урал-батыр» на иностранных языках (с 2010).

В 2006 г. в Башкирском академическом театре драмы имени М. Гафури состоялся спектакль «Урал-батыр». В Башкирском кукольном театре спектакль «Урал-батыр» включен в репертуар дважды, первый раз в 1978 году, второй — в 1994 г.

В 2006 году снят научно-популярный фильм «В поисках Акбузата» (по мотивам эпоса «Урал-батыр») ³⁰. Сюжетная линия фильма — поиски мифического коня Акбузата — развивается на фоне уникальной природы Башкортостана. В фильме содержатся две истории: мифическая и научная, в них рассказывается о возникновении Уральских гор, о всемирном потопе, о культовой пещере Шульган-таш, о подземных водах.

В 2006 году снят еще один научно-популярный фильм — «Собрание историй о стране аль-Башкурт: «Урал-батыр и всемирный потоп» (БСТ, 2 серии по 47 минут). Автор фильма С. Хамидуллин сфокусировал свой интерес на мифе о всемирном потопе, который содержит эпос «Урал-батыр», он ищет параллели в индо-иранской мифологии («Гильгамеш»), привлекает к своему исследованию ученых республики ³¹.

В 2010 году по заказу Министерства культуры Российской Федерации режиссер и сценарист А. Лукичев снял по мотивам башкирского эпоса анимационный фильм «Урал-батыр» (14,01 мин., Москва). Фильм участвовал в конкурсной программе фестиваля «Суздаль-2011». В формате рисованного короткометражного фильма можно увидеть попытку воплощения философского осмысления народного духа башкирского эпоса.

В 2011 году по сценарию Ш. Шакуровой был снят телевизионный фильм «Урал-батыр» из цикла образовательных передач для детей «Учим башкирский язык» (художник А. Байрамгулова, БСТ, 10 минут), в доступной для детей форме рассказывает об эпосе башкирского народа. Этот фильм — участник Международного кинотелефестиваля «Земля и люди» (Уфа, 2011). В телевизионном фильме «Урал-батыр» (2011 г., БСТ, режиссер С. Сурина) рассказывается о конкурсе

²⁸ Киньябузова, Хазиев 2003.

²⁹ Амиев 2010; 2011.

³⁰ Котов 2006.

³¹ Хамидуллин 2006.

юных чтецов эпоса «Урал-батыр», который стал одним из самых популярных в Башкортостане.

В 2013 году по гранту Президента Республики Башкортостан снят документальный фильм «Земля Урал-батыра в эпическом наследии башкир» (режиссер Б.Юсупов) на русском, английском языках в рамках мероприятий, посвященный вопросу включения кубаиров цикла «Урал-батыр» в список ЮНЕСКО «Шедевры устного и нематериального культурного наследия человечества».

В 2014 году в Башкирском государственном театре кукол состоялась премьера спектакля «Урал-батыр», поставленного по мотивам одноименного башкирского эпоса (режиссер-постановщик И. Альмухаметов, композитор А.Березовский). В нем с позиции мифологии описывается возникновение новой жизни человечества после Всемирного потопа, о завоевании жизненного пространства, о борьбе Добра со Злом. В основе сюжета лежит глубокая философия о единстве мира, ведь и Добро, олицетворяемое Уралом, и Зло в лице Шульгана происходят из одного источника.

В рамках XI Международного фестиваля «Бердәмлек-Содружество» реализован творческий проект К.Ш. Кайдаловой, посвященный героям башкирского эпоса «Урал-батыр». Разработан туристический проект «Золотое кольцо Башкортостана: дорогами эпоса “Урал-батыр”».

Эпос является одним из «Семи чудес Башкортостана», включен в Список нематериального культурного наследия ТЮРКСОЙ, является кандидатом на включение в Список ЮНЕСКО «Шедевры устного и нематериального культурного наследия человечества».

Башкирский народный эпос представляет огромный интерес и является вершиной мифопоэтического творчества башкирского народа, выдающимся произведением мировой эпикки, а также ценным источником для сравнительного изучения мифологии народов мира.

ЛИТЕРАТУРА

- Аминев З. Г. 2005: Космогонические воззрения древних башкир. Уфа.
- Аминев З. Г. 2007: Эпос «Урал-батыр» как космогонический миф: К проблеме доисламского мировоззрения башкир. Уфа.
- Аминев З. Г. 2008: Пространственно-временные представления в традиционной культуре башкир. Уфа.
- Аминев З. Г. 2010: Есть ли версии и варианты эпоса «Урал-батыр» // «Урал-батыр» и духовное наследие народов мира: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию записи эпоса «Урал-батыр». Ч.1. Уфа, 66-70.
- Аминев З. Г. 2013: Эпос «Урал-батыр» и мифология башкир. Уфа.
- Аминев З. Г., Ямаева Л. А. 2009: Региональные особенности ислама у башкир. Уфа.
- Бухарова Г. Х. 2008: Башкирский народный эпос «Урал-батыр»: когнитивно-дискурсивный и концептуальный анализ. Уфа.
- Валеев Д. Ж. 1975: Элементы философского видения мира в эпическом памятнике «Урал-батыр» // Фольклор народов РСФСР. Уфа.
- Галин С. А. 2004: Башкирский народный эпос. Уфа.
- Гордлевский В. 1909: Из наблюдений над турецкой песнью. Оттиск из «Этнографического обозрения». Кн. 79. М.

- Давлеткулов А. Х.* 2012: История этноса и его социально-духовная жизнь в эпической поэзии башкир (социально-философский анализ). Уфа.
- Зарипов Н. Т.* 1987: Урал-батыр. Башкирское народное творчество. Эпос. Уфа.
- Кидайш-Покровская Н. В.* (ред.) 1977: Башкирский народный эпос. М.
- Киньябузова А., Хазиев В.* 2003: Космос и хаос в башкирской мифологии // Ватандаш. 9, 182.
- Киреев А. Н.* (ред.) 2000: Башкирский фольклор: 85 лет записи башкирского эпоса "Урал батыр". Уфа.
- Киреев А. Н.* 1963: Эпические памятники башкирского народа: автореф. дисс. доктора филол. наук М.
- Киреев А. Н.* 1964: О жанровых особенностях эпической поэзии башкирского народа. М.
- Киреев А. Н.* 1969: Эпические жанры устного народного творчества. Уфа.
- Киреев А. Н.* 1970: Башкирский народный героический эпос. Уфа.
- Киреев А. Н.* 1982: Башкирское народное творчество. Учебное пособие. Уфа.
- Кирэй Мәргән* 1978: Мәңгелек шишмә. Фольклор жанрлары үсешенә кайһы бер мәсьәләләре. Өфө.
- Кирэй Мәргән* 1981: Башкорт халык ижады. Өфө.
- Корш Ф. Е.* 1909: Древнейший народный стих турецких племен. СПб.
- Котов В. Г.* 2006: Башкирский эпос «Урал-батыр». Историко-мифологические основы. Уфа.
- Мелетинский Е. М.* 2000: От мифа и героической сказки к эпосу // От мифа к литературе. М.
- Надршина Ф.* 2005: Урал батыр. Башкорт халык кобайыры. Уфа.
- Надршина Ф. А.* 2009: Башкирский фольклор как исторический источник // История башкирского народа: в 7 т. / М. М. Кульшарипов (ред.). М., 339-360.
- Петросян А. А.* (сост.) 1975: Библиотека Всемирной литературы: Героический эпос народов СССР. Т. 1. М.
- Поцелуевский А. П.* 1943: Метрика произведений Махтум-Кули // Совет адабияте. 4-5ю Ашхабат.
- Радлов В.* 1870: Предисловие к книге «Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири, Джунгарской степи». Ч. 3. СПб.
- Сагитов М. М.* 1987: Башкирский народный эпос. Уфа.
- Сагитов М. М.* 2009: Башкорт халык эпосының мифологик һәм тарихи нигеҙҙәре. Өфө.
- Санъяров Ф. Б.* 2006: "Урал батыр": лингвистик тикшеренү тәжрибәһе. Өфө.
- Санъяров Ф. Б.* 1999: Особенности языка и стиля эпоса «Урал-батыр»: автореф. дис. канд. филол. наук. Уфа.
- Сәгитов М. М.* 1987: Боронго башкорт кобайырҙары. Өфө.
- Сөләймәнов Ә. М., Рәжәпов Р. Ф.* 1999: Башкорт халкының архаик эпосы. Өфө.
- Сулейманов А. М.* 2005: Урал-батыр. Башкирский народный эпос. Уфа.
- Сулейманов А. М., Юмагузин У. З., Яндавлетов И. М., Карабаева З. Ш., Гилязетдинова А. А., Хайретдинова Э. Р.* 2013: Урал-батыр. Башкорт халык эпосы. Өфө.
- Уметбаев М.* 1984: Ядкяр. Уфа.
- Урал-батыр 2011:* Библиографический указатель. Уфа.
- Харисов А. И.* (ред.) 1972: Башкорт халык ижады: Эпос.
- Харисов А. И.* 2007: Литературное наследие башкирского народа (18–19 вв.) Уфа.
- Хисамитдинова Ф. Г., Султангареева Р. А., Хусаинова Г. Р., Хуббитдинова Н. А., Хадыева Р. Н., Сальманова Л. К.* 2010: «Урал-батыр» и духовное наследие народов мира. Ч. 1. Уфа.

Хисамитдинова Ф. Г., Султангареева Р. А., Хусаинова Г. Р., Хуббитдинова Н. А., Хадыева Р. Н., Сальманова Л. К. 2010: «Урал-батыр» и духовное наследие народов мира. Ч. 2. Уфа.

Хисамитдинова Ф. Г., Надршина Ф. А. 2013: Материалы для Досье по включению башкирских кубаиров цикла «Урал-батыр» в Список шедевров нематериального наследия человечества. Уфа.

Хусаинов А. 2004: Урал-батыр. Башкирский народный эпос в прозаическом переложении. Уфа.

Хусаинов Г. Б. 2003: Духовный мир башкирского народа. Уфа.

Хусаинова Г. Р. 2011: «Урал-батыр» великое творение башкирского народа // «Урал-батыр» и духовное наследие народов мира. Уфа.

Шакурова Ш. Р. 2007: «Башкирский народный эпос «Урал-батыр». Архивный первоисточник и его текстологический анализ. Уфа.

Шафиков С. Г. 2001: Ural-Batur // Соотечественник. 1, 2. Уфа.

Эпос «Урал батыр» и мифология 2003. Уфа.

Юлдыбаева Г. В. 2007: Сюжет и стиль эпоса «Урал-батыр». Уфа.

Ergun M., Ibrahimov G. 1996: Baskurt Halk Destani Ural Batur. Ankara.

Taissina A. 2006: «Ural-Batir. Das baschkirsche Volksepos». Germany.

ФИЛЬМЫ

В поисках Акбузата. Режиссер-постановщик картины Р. Исхаков, сценарист Ш. Шакурова. Главный научный консультант д.ф.н. Р.З. Шакуров.

Земля Урал-батыра в эпическом наследии башкир: документальный фильм. Режиссер Б.Юсупов. 2013 год.

Собрание историй о стране аль-Башкурт: «Урал-батыр» и всемирный потоп: научно-популярный фильм. Автор фильма С. Хамидуллин. 2006 год. БСТ: 2 серии по 47 минут.

Урал-батыр: анимационный фильм. Режиссер и сценарист А. Лукичев. 14,01 мин. Москва, 2010 год.

Урал-батыр: телевизионный фильм. Режиссер С. Сурина. 2011 год, БСТ.

Урал-батыр: телевизионный фильм. Сценарий Ш.Шакурова, художник А. Байрамгулова. 2011 год, БСТ.

BASHKIR MYTHOLOGICAL EPIC “URAL-BATYR” (HISTORY OF THE RESEARCH AND POPULARIZATION)

G. V. Yuldybaeva

The article is devoted to the research and popularization of the Bashkir folk epic “Ural-batyr.” Bashkir folk epic is of great interest and is the top of the mythopoetic creation of the Bashkir people, the outstanding work of the world epic, as well as a valuable source for comparative study of the mythology of the peoples of the world.

Key words: kubair, epic, folklore, mythology, research

ОППОЗИЦИЯ «СВОЙ — ЧУЖОЙ» В ЦИКЛЕ РАССКАЗОВ Е. Д. АЙПИНА «ВРЕМЯ ДОЖДЕЙ»

Единство цикла «Время дождей» обеспечивает ситуация встречи противоположных начал, воплощенных в образах героев Е. Д. Айпина. Столкновение хантыйского (традиционного) и иноязычного (постиндустриального) типов мировоззрения выражает попытку автора осмыслить место хантыйского народа в современном мире.

Ключевые слова: традиционная культура, рассказ, цикл, оппозиция «свой-чужой», ситуация встречи

Одной из основных тенденций развития русской прозы XX в., по мнению Г. А. Белой, является настойчивое обращение писателей к нравственной проблематике с целью понять внутренний смысл эпохи¹. При этом главным сосредоточием интересов современных писателей, по мысли А. М. Зверева, является не столько индивидуальный контекст судьбы героя, сколько раскрываемые в данных обстоятельствах «универсальные истины»². Этот тип творческого мышления исследователь характеризует как «космовоззрение»³. Тяготение к нравственному переустройству мира, осмысление человеческой судьбы в контексте бытия — именно эти доминанты художественного мира Г. Маркеса, Кобо Абэ, Г. Белля, Ч. Айтматова, В. Распутина, по мысли Г. А. Белой, позволяют классифицировать данную прозу как онтологическую⁴. На наш взгляд, данный тип творческого мышления обнаруживает себя и в произведениях хантыйского прозаика Е. Д. Айпина. Внутренний мир героев рассказов, вошедших в цикл «Время дождей», раскрывается в контексте проблемы освоения территорий севере Западной Сибири. Конфликт ценностных систем представителей хантыйской и иноязычной культур в рассказах выявляет онтологическую модель, которая позиционируется рассказчиком или повествователем как «своя». Так, рассказ «Конец рода Лагермов» — это одновременно и история одной семьи, и всего хантыйского народа. До того, как около избушки Маремьяна появились поселок лесорубов и город нефтеразведчиков, жизнь Лагермов была слаженной и спокойной. Неслучайно в семье семь сыновей, поскольку, отмечает А. В. Головнев, это число в обско-угорской мифологии ассоциируется с совершенной гармонией⁵. Но смерть отнимает у главы семейства одного сына за другим, нарушая естественный порядок жизни. В то же время гибель детей осмысливается в общечеловеческом контексте: «Если в ураган рухнет старое дерево — его не жалко, отжило свое, а когда погибает молодое неокрепшее деревце — погибает сама жизнь»⁶. Жизнь как главная ценность позиционирует-

Цимбалова Юлия Александровна — аспирантка кафедры русской литературы Института филологии и журналистики Тюменского государственного университета. E-mail: rijuliya@yandex.ru

¹ Белая 1983, 6.

² Зверев 1980, 225.

³ Зверев 1980, 233.

⁴ Белая 1982, 42.

⁵ Головнев 1995, 365.

⁶ Айпин 1993, 42.

ся повествователем во всех рассказах цикла. Причем равно важна жизнь человека («Время дождей»), медведя («Медвежье горе»), лебедя («Лебединая песня»), оленя («Русский Лекарь»), дерева («В урмане»), реки («Последний рейс»), волка («Волки»).

Помимо единства позиций субъектов повествования в рассказах, объединяющим началом цикла является ситуация встречи. Под встречей понимается не только взаимоотношения героев («Русский Лекарь», «Время дождей», «В урмане»), но и единение человека и природы, человека и воспоминаний («Наедине с Осенью», «Медвежье горе», «На пороге в другую жизнь»). Так, например, в рассказе «Последний рейс» встреча Кости и капитана Буркина становится поводом для встречи молодого человека со своими воспоминаниями о прошлом тайги, когда ее леса были не тронуты варварским вторжением человека. Взаимосвязь внешнего и внутреннего акцентирует идею цельности и связи всего со всем в структуре бытия.

Эта идея актуализирована уже в прологе «Наедине с осенью» мотивом музыкального лада: «Под эту симфонию всё вдруг поплыло в прозрачную синеву бездонного неба»⁷. Метафоры «клавиши бора», «смычок паутины» акцентируют мысль о мировом порядке. Все в природе играет свою партию в одном большом оркестре. На фоне этой гармонии обостренно воспринимается любая какофония, например, в рассказе «В урмане»: «Ухо таежника уловило странный, не свойственный тайге гул»⁸. Мотив музыкального лада присутствует в рассказе «Лебединая песня», на что указывает само заглавие и ключевые слова: «лебеди трубили», «минорная музыка», «песня». Последняя песня лебедя — метафора разрушенных надежд героини на счастливую семейную жизнь.

Причастность к мировому оркестру наделяет героя характеристикой «своего», о которой пишет О.К. Лагунова, отмечая, что «мотив «своего» ведёт коренной житель ханты»⁹. Исследователь подчеркивает противопоставление «своего» «чужому», олицетворяющего в себе тип захватчика, разрушителя, завоевателя¹⁰. В данной бинарной оппозиции усматривается, согласно Е.М. Мелетинскому, «типичная характеристика структуры мифа», обусловленная стремлением человека традиционного мировоззрения объяснить законы миропорядка через изображение мира в виде противоборствующих сил¹¹.

В произведениях представителей русской онтологической прозы, продолжает Г.А. Белая, также присутствует «расслоение мира героев». «Свои» — это люди, отмечает исследователь, «которые находятся внутри жизненного развития». И есть «чужие», кто вне его. Общее, по мнению Г.А. Белой, в «чужих» то, что «они чужды естественному ходу жизни, её здравому смыслу»¹². Таким образом, мифопоэтика онтологической прозы отсылает к двоичной структуре бытия. Но если миф своей циклической структурой утверждает неизбежность мирового порядка, в котором «свое» всегда одерживает верх, то литература ставит этот вариант развития под сомнения, подчеркивая дисгармоничность жизни. Противо-

⁷ Айпин 1993, 5.

⁸ Айпин 1993, 35.

⁹ Лагунова 2000, 156.

¹⁰ Лагунова 2000, 156.

¹¹ Мелетинский 2001, 28.

¹² Белая 1983, 127.

борство «своего» и «чужого» в рассказах цикла «Время дождей» воплощено в образах героев. Наглядно противопоставлены «свой» и «чужой» в рассказе «Последний рейс»: «Когда тупой палец капитана лёг на спусковой крючок и чёрные дула медленно поплыли вверх, Костя Казамкин вспомнил, как всходило солнце вчера утром»¹³. Костя воспринимает реку, лес, животных как равных человеку существ. Буркин видит в них лишь средство удовлетворения малопонятных охотнику желаний. Герои контрастны и внешне. Костя настолько близок природе, слит с ней воедино, что весь его портрет ограничен деталью «зоркий глаз охотника». Зато внешность капитана описана подробно, особо подчеркнуты неподвижность и бесцветность лица, глаз, жидких волос.

«Чужой» считает себя полноправным хозяином не на своей территории, он не понимает, на что претендует. Перед охотой он грозит: «Держись, мишка косолапый!»¹⁴ Для ханты это неслыханная дерзость, поскольку, по словам З. П. Соколовой, медведь считается одним из самых почитаемых животных для народов Северного полушария¹⁵. Особенность культа медведя на этой территории проявляется в том, продолжает исследователь, что «нигде его не называли по имени, обычно называли «зверь», «хозяин», «старик», «дедушка»¹⁶.

Несмотря на то что портрет «своего» в рассказах цикла «Время дождей» часто ограничен несколькими деталями, каждая из них несет особый культурологический смысл. Например, во внешности добряка Ефрема много деталей, делающих его похожим на большое дерево: «Весь он, начиная с лохматой макушки, черных доверчивых глаз, вечно обветренного лица с плавными линиями и кончая короткопалыми руками и ногами — весь излучал божью доброту, божье всепонимание»¹⁷. Дерево в урало-алтайской мифологии, по словам А. М. Сагалаева, занимает «центральное место в круговороте жизни», выполняя роль мировой оси: «На его вершине птица, в корнях — змеи»¹⁸. Корни, отмечает исследователь, представляют собой связующее звено с Нижним миром, ветви соответствуют связи с небом¹⁹. «Ещё один важный аспект образа дерева жизни, — замечает А. М. Сагалаев, — это отождествление дерева с костью человека»²⁰.

Образы «чужих», разрушивших дом Ефрема, охарактеризованы лишь определением героя «первопроходимцы». Данный окказионализм подчеркивает абсурдность препятствующего логике жизненного развития разрушительного начала, воплощенного в образах «чужих». В рассказе «Конец рода Лагермов» портрет Беспалого описан следующим образом: «Его красивое возбужденное лицо было помятым и красным от водки. Глаза ледяно-голубые, мертвые»²¹. Ничего не сказано о «черном и лохматом» человеке, безжалостно убившем Веру в рассказе «Время дождей». Таким образом, характеристики «чужих» в цикле «Время дождей» объединены общей идеей нравственной пустоты.

¹³ Айпин 1993, 9.

¹⁴ Айпин 1993, 14.

¹⁵ Соколова 1998, 86.

¹⁶ Соколова 1998, 88.

¹⁷ Айпин 1993, 66.

¹⁸ Сагалаев 1991, 102.

¹⁹ Сагалаев 1991, 102.

²⁰ Сагалаев 1991, 127.

²¹ Айпин 1993, 36.

Наделенные нарочито отталкивающими гротескными чертами, «чужие» фиксируют признаки отрицательного мифологического персонажа, противопоставленного культурному герою. К. Г. Юнг называет этот тип «трикстером», «мифологическим плутом-озорником»²². Архетип трикстера присутствует, по словам М. Е. Мелетинского, в мифах всех народов мира²³. У обских угров, отмечает исследователь, данный архетип воплощен в образах «верхнего и нижнего хозяев» (Нуми-Торума и Хуль-Отыра)²⁴. В таком взаимодействии литературы и фольклора, по мнению А. В. Пошатаевой, проявляется характерный для хантыйской литературы процесс переосмысления своей культуры в условиях технического прогресса и знакомства с иными традициями. Исследователь отмечает, что сказки, мифы, легенды участвуют в развитии сюжета, способствуя воссозданию в произведении северных писателей национального образа мира²⁵. Стандартная сюжетная схема мифа о встрече героя-защитника со своим антагонистом в цикле «Время дождей», проецируясь на реальность, развивается в контексте тематики «человек и природа». Как замечает Г. А. Белая, «интерпретация отношений человека и природы всегда есть знак своего времени, код к его расшифровке»²⁶. Сама антиномия «человек и природный мир», по словам исследователя, отражает противоречивый статус человечества: мы оторвались от природы, но постоянно восстанавливаем оборванные с ней связи²⁷.

В рассказе «В урмане» старик-хант отмечает, как нарушает вторжение «чужих» естественную жизнь тайги: старый кедр, который простоял бы ещё долго и пригрел бы не одну птицу, замшел и догнил, огонь разрушил лес. Протivoестественно выглядит и буровая вышка: «Она стояла там, где речка омывает сосновый бор — разрывает небо над стайкой берез, над хмурым сосняком, над приунывшей рекой»²⁸.

Те же тревожные мысли мучают Микуля в рассказе «Волки». Героя постоянно преследуют полярные волки. Бегство загнало его на дерево. В видении теряющего силы молодого человека его школьный приятель, работающий на буровой, предлагает помощь, от которой герой отказывается: «Не надо, пусть меня лучше волки съедят!»²⁹ Постепенно Микулю всё больше кажется, что буровая напоминает волка: «В срединном гнезде появился некто волкоподобный и, оскалившись клыками, принялся управлять чудовищем»³⁰. Герой понимает, что волки, как и он сам, спасаются от прихода «волкоподобных» чужих. На месте их постоянного проживания «затеяли» стройку, спровоцировавшую их на бег «не по своей воле». Мотивы бездомья и бега прослеживаются и в рассказах «Бездомная собака», «Во тьме», «Русский лекарь». «Чужие» в этих произведениях — это люди, устанавливающие свои порядки и лишаящие коренных жителей права на землю. «Свои» в этой ситуации могут только обороняться и спасаться бегством. Мотивы дома, род-

²² Юнг 1997, 186.

²³ Мелетинский 2000, 179.

²⁴ Мелетинский 2001, 184.

²⁵ Пошатаева 1988, 184.

²⁶ Белая 1983, 119.

²⁷ Белая 1983, 123.

²⁸ Айпин 1993, 27.

²⁹ Айпин 1993, 22.

³⁰ Айпин 1993, 22.

ной земли тесно связаны с одной из главных для Айпина категорий — рода. Дом, род, семья, земля — микрокосм человека, вне которого он теряет безопасность и идентичность, поскольку в традиционной культуре человек мыслит себя прежде всего членом родовой ячейки. Вне этих категорий человек теряет своё предназначение. Поэтому «свой» приобретает следующие характеристики: «стабильный», «надёжный», «созидающий». «Чужой», напротив, несет в себе неожиданность, хаотичность, разрушение.

ЛИТЕРАТУРА

- Айпин Е. Д.* 1993: Клятвопреступник. Избранное: Роман и рассказы. М.
- Белая Г. А.* 1982: Философско-этическая проблематика современной прозы // Гуманистический пафос советской литературы / Н. К. Гей (ред.). М., 37-58.
- Белая Г. А.* 1983: Художественный мир современной прозы. М.
- Головинёв А. В.* 1995: Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург.
- Зверев А. М.* 1980: Предчувствие эпики. Латиноамериканская проза и пути современного романа // Новый мир. 9, 220-236.
- Лагунова О. К.* 2000: Оппозиция «своё-чужое» и мотивная структура в рассказах Е. Д. Айпина 1970-х годов // Традиции славяно-русской словесности в Тюмени / Н. К. Фролов. Тюмень, 156-159.
- Мелетинский Е. М.* 2000: Поэтика мифа. М.
- Мелетинский Е. М.* 2001: От мифа к литературе. М.
- Пошатаева А. В.* 1998: Литература народов Севера (Истоки. Становление. Развитие). М.
- Сагалаев А. М.* 1991: Урало-алтайская мифология: Символ и архетип. Новосибирск.
- Соколова З. П.* 1998: Животные в религиях. СПб.
- Юнг К. Г.* 1997: Душа и миф: шесть архетипов. М.

«THE OPPOSITION «NATIVE» — «FOREIGN» IN THE STRUCTURE OF CYCLE STORIES OF E. D. AIPIN «THE TIME OF RAIN»

Y. A. Tsimbalova

The unity of the cycle «The time of rains» is provided with the situation of meeting of opposites embodied in E. D. Aipin's characters. This clash of Khanty (traditional) and foreign language (post-industrial) type outlook expresses the author's attempt to realize the place of the Khanty people in the modern world.

Key words: traditional culture, short story, cycle, opposition «us and them», situation of meeting

© 2014

Е. В. Суровцева

А. И. СОЛЖЕНИЦЫН И А. Д. САХАРОВ: ДИСКУССИЯ ВОКРУГ «ПИСЬМА ВОЖДЯМ СОВЕТСКОГО СОЮЗА»

В контексте особого эпистолярного жанра — жанра «письма вождю» — мы анализируем письмо-декларацию А. И. Солженицына «Письмо вождям Советского Союза» и полемику А. И. Солженицына и А. Д. Сахарова вокруг этого текста.

Ключевые слова: эпистолярная литература, «письмо вождю», русская литература, цензура, литература и власть, А. И. Солженицын, А. Д. Сахаров

В контексте рассматриваемого нами жанра «письма вождю», то есть высокопоставленным лицам, созданным в советскую эпоху, необходимо проанализировать самое, пожалуй, известное обращением А. И. Солженицына «наверх» — письмо-декларацию «Письмо вождям Советского Союза»¹, написанное в августе 1973 года в Рождестве-на-Истье (под городом Наро-Фоминском Московской области). «Это письмо родилось, развилось из единственной мысли: как избежать грозящей нам национальной катастрофы?»² Форма письма не была лишь жанровым приёмом. Основная мысль текста — идея об искажающем влиянии идеологии на развитие страны, на народ. Солженицын обращает внимание «вождей» на две опасности, грозящие нашей стране: «война с Китаем и общая с Западной цивилизацией гибель в тесноте и смраде изгаженной Земли»³. Писатель обращается «наверх» из чувства патриотизма в надежде, что этот «верх» «не безнационален»⁴, иначе этим двум сторонам говорить не о чем. Александр Исаевич говорит о том, как пострадал русский народ в течение XX века; о том, что самые страшные войны — войны идеологические; о том, что успехи во внешней политике не должны опьянять, ибо далеко не всё так блестяще, как может показаться. Автор письма знает, что имеет дело с реалистами, и поэтому предлагает преобразования, осуществление которых считает реальными. «Руководить нашей страной должны соображения внутреннего, нравственного, здорового развития народа, освобождение женщин от каторги заработков, особенно от лома и лопаты, исправление школы, детского воспитания, спасение почвы, вод, всей русской природы, восстановление здоровых городов, освоение Северо-Востока — и никакого Космоса, и никаких всемирно-исторических завоеваний, придуманных интернациональных задач...»⁵ Подвергнув марксизм резкой критике, Александр Исаевич всё же не предлагает бороться с ним, он предлагает «спастись от него самим»⁶, а для этого надо всего лишь лишить его государственной поддержки. Солженицын выделяет

Суровцева Екатерина Владимировна — кандидат филологических наук, профессор Российской академии естествознания, старший научный сотрудник Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. E-mail: surovceva-ekaterina@yandex.ru

¹ Солженицын 1995, 148 — 186.

² Солженицын 1995, 148.

³ Солженицын 1995, 150.

⁴ Солженицын 1995, 149.

⁵ Солженицын 1995, 183.

⁶ Солженицын 1995, 178.

такие бьющие в глаза преступления идеологии, как всеобщая ложь, «централизация всех видов духовной деятельности»⁷, отсутствие здоровой тишины, падение нравственности. Писатель считает, что только при помощи христианства можно исцелить Россию, причём он не просит никаких льгот для него, он думает, что вполне достаточно христианство не подавлять⁸. Солженицын создаёт своё письмо потому, что не может молчать: «Этим письмом я <...> беру на себя тяжёлую ответственность перед русской историей. Но не взять на себя поиска выхода, но ничего не предпринять — ответственность ещё бóльшая»⁹. Большое значение Солженицын придаёт национальным соображениям.

«Письмо вождям» по своей сути публицистично. В нём автор, как было показано ранее, излагает свои идеи относительно преобразования страны. Александр Исаевич всю свою жизнь находился в принципиальной оппозиции к советской власти и к советской идеологии, что отразилось, впрочем, не только в этом письме, но и во всех других письмах, обращённых «наверх». В этом письме писатель представляет свои взгляды на развитие страны как логически аргументированную систему. Писатель беседует с вождями как равный с равными, он не боится откровенно высказать своё несогласие с ними. В этом выразилась одна из основных черт Александра Исаевича — бескомпромиссность в отстаивании своего мнения, в отстаивании истины.

5 сентября письмо отнесено в ЦК КПСС. Никакой реакции от властей не последовало. «Письмо вождям» было взято в работу только через месяц, в конце сентября 1973 года. Сначала с ним, по указанию Суслова, ознакомились только Косыгин, Подгорный и Андропов. 4 октября появилась резолюция Брежнева: «Ознакомить членов ПБ (вкруговую)». В конце декабря появилась ещё одна резолюция генсека: «Мы обсуждали вопрос о Солженицыне по частям на нескольких заседаниях ПБ — считаю, что необходимо, чтобы все товарищи прочли его письмо». На документе расписались все до единого члены ПБ, но автору «Письма» никакого ответа никогда не было¹⁰. В январе 1974 года текст был отправлен для публикации за границу (первая публикация состоялась в издательстве «УМКА-Press»), где переиздавался много раз.

«Письмо вождям Советского Союза» не прошло незамеченным. 3 апреля 1974 года А. Д. Сахаров пишет статью под названием «О письме Александра Солженицына “Вождям Советского Союза”»¹¹. Сахаров с большим уважением говорит о Солженицыне, поддерживает некоторые его идеи, однако не согласен со многими его положениями. По мнению Сахарова, Солженицын «недооценивает роль идеологического фактора в современном советском обществе. Отсюда его вера в то, что замена марксизма на здоровую идеологию, в качестве которой ему рисуется, по-видимому, православие, спасёт русский народ. Эта уверенность лежит в основе всей его концепции. Но я убеждён, что в действительности националистическая и изоляционистская направленность мысли Солженицына, свойственный ему религиозно-патриархальный романтизм приводят его к очень существенным

⁷ Солженицын 1995, 171.

⁸ Солженицын 1995, 183.

⁹ Солженицын 1995, 188.

¹⁰ Сараскина 2008, 683.

¹¹ Сахаров 1990, 63–72.

ошибкам, делают его предложения утопичными и потенциально опасными. <...> Великорусский национализм, энтузиазм в освоении целины — ведь всё это уже использовалось и используется. Призыв к патриотизму — это уж совсем из арсенала официозной пропаганды»¹². Сахаров не поддерживает идеи Солженицына о том, что наша страна не созрела для демократического строя, и авторитарный строй, если он базируется на принципах законности и православия, не так уж плох, ведь при этом строе Россия сохранила своё национальное здоровье вплоть до XX века.

18 ноября 1974 г. Солженицын написал ответ Сахарову — «Сахаров и «Письмо вождям»»¹³. Ответ Александра Исаевича был отложен до появления сборника «Из-под глыб», где выяснялись те же самые кардинальные вопросы, на статьи которого Александр Исаевич неоднократно ссылается. Солженицын пишет, что ему и вовсе не пришлось бы отвечать на критику, «если бы среди первых же критиков не оказался А. Д. Сахаров, чьё особенное положение в стране и моё к нему глубокое уважение не дают возможности игнорировать его высказывания»¹⁴. Солженицын с удовлетворением отмечает сходство их позиций по многим вопросам. Основные пункты расхождений таковы: «роль Идеологии в СССР»¹⁵ (Сахаров считает, что она почти не имеет значения; Солженицын же говорит, что «если *все не верят* (в Идеологию — *Е.С.*; курсив Солженицына — *Е.С.*) и все подчиняются — это указывает не на слабость Идеологии, но на страшную злую силу её»¹⁶, которая выражается в ужасающем лицемерии); «допустимость и реальность какого-нибудь иного пути развития нашей страны, кроме внезапного (и необъяснимо откуда) наступления полной демократии»¹⁷. Солженицын пишет, что ему было «фальшиво приписано вместо сомнений о внезапной введении демократии в сегодняшнем СССР — полное отвращение к демократии вообще»¹⁸.

Недоумение Солженицына вызывает обвинение со стороны Сахарова в «великорусском национализме». Александр Исаевич с горечью замечает: «За русскими не предполагается возможности любить свой народ, не ненавидя других. Нам, русским, запрещено заикаться не только о национальном возрождении, но даже — о «национальном самосознании», даже оно объявляется опасной гидрой»¹⁹.

Солженицын считает, что в данном случае Сахаров стал невольным выразителем мнения целого слоя в «образованном классе».

В «Письме вождям» Солженицын особо выделил жертвы и страдания русского народа. Сахаров же считает, что под колёса тоталитаризма попали и русские, и нерусские — в равной мере. Однако Солженицын настаивает, что всё-таки это не совсем так: гражданская война, большевистский террор, «раскулачивание» прошли прежде всего по русским и украинцам, не говоря уже о глумлении над русской культурой. Солженицын пишет, что «лишь с конца 30-х годов, когда два наибольших народа были уже убиты и по социалистической переменчивой так-

¹² Сахаров 1990, 71–72.

¹³ Солженицын 1995, 215–222.

¹⁴ Солженицын 1995, 215.

¹⁵ Солженицын 1995, 216.

¹⁶ Солженицын 1995, 217.

¹⁷ Солженицын 1995, 218.

¹⁸ Солженицын 1995, 218.

¹⁹ Солженицын 1995, 220.

тике... пришло время перенести давление на малые народы, — только с этих пор услышали мы о национальном угнетении в СССР, что тоже совершенно верно»²⁰. Александр Исаевич не входит во второстепенные разногласия с Сахаровым (например, в вопросе о том, можно ли верить в конвергенцию). Солженицын удивляется, что Сахаров «допустил большую небрежность в истолковании ... точки зрения (Солженицын — *Е.С.*)»²¹, что ни о «идеологическом изоляционизме», ни о чём подобном он и близко не говорил. «Эта горячность и опрометчивость пера, не свойственная Сахарову, выразила горячность и поспешность того слоя, который без гнева не может слышать слов «русское национальное возрождение».

В нынешнем Сборнике разъяснено, как мы это возрождение понимаем: пройти путь раскаяния, самоограничения и внутреннего развития, внести свой вклад в добрые отношения между народами, без которых никакая «прагматическая дипломатия» и никакие ООНовские голосования не спасут человечество от гибели»²².

Сахаров этой дискуссии не продолжил.

Проблема восприятия солженицынского «Письма вождям Советского Союза» современниками требует дальнейшего кропотливого анализа. Так, заслуживают отдельного рассмотрения полемика с основными положениями «Письма» Р. Медведева и обсуждение солженицынского текста русской эмиграцией. Разработка заявленной нами темы будет продолжена.

ЛИТЕРАТУРА

Сараскина Л. И. 2008: Александр Солженицын. Серия «Жизнь замечательных людей: Биография продолжается». М.

Сахаров А. Д. 1990: Тревога и надежда. М.

Солженицын А. И. 1995: Публицистика: в 3 т. Т. 1: Статьи и речи. Ярославль.

A. I. SOLZHENITSYN AND A. D. SAKHAROV: A DISCUSSION AROUND «THE LETTER TO THE LEADERS OF THE SOVIET UNION»

E. V. Surovtseva

In the context of a special epistolary genre — the genre of “Letters to the Leader” — we analyze A. I. Solzhenitsyn’s letter declaration “The letter to the leaders of the Soviet Union” and A. I. Solzhenitsyn and A. D. Sakharov’s dispute around this text.

Key words: epistolary literature, “a Letter to the Leader”, Russian literature, censorship, literature and power, A. I. Solzhenitsyn, A. D. Sakharov

²⁰ Солженицын 1995, 221.

²¹ Солженицын 1995, 222.

²² Солженицын 1995, 222.

ЛИНГВИСТИКА

© 2014

Ю. В. Степанова

О НЕКОТОРЫХ СПОСОБАХ ЯЗЫКОВОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ КОНЦЕПТА «АВТОР» В РОМАНЕ М. А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»

Статья посвящена одной из актуальных проблем когнитивной лингвистики — изучению концепта, в частности, концепта «Автор» в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Для достижения цели применяется полевой подход. Выделенные из романа лексические единицы распределены на макрополя, поля и микрополя, образуя лексико-семантическую сеть. Все уровни полей (макро и микро) связаны парадигматическими отношениями, формируя когнитивное пространство концепта «Автор».

Ключевые слова: концепт, макрополе, микрополе, семантическое поле

В современной когнитивной лингвистике первостепенное значение уделяется изучению природы концепта. Исследование функционально-семантического поля концепта «Автор» определяется принципиальным на сегодняшний день направлением лингвистики — антропоцентризмом, в рамках которого личность рассматривается как точка отсчета в анализе лингвистических явлений. Актуальность данной статьи определяется также общими задачами анализа концептов и установлением набора компетенций концепта «Автор» на материале романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита».

Мир, изображенный в романе, образует речевую действительность, которая влияет на читательское сознание и кладется в основу теории авторства. Познание автора входит в эстетическую цель М. А. Булгакова. Авторское «я» — глубиннейшее и важнейшее его ядро.

М. А. Булгаков как творец произведения, создавая художественный мир, не только скрывается сам, прячась в глубине произведения, но и стремится «уничтожить» следы своей деятельности. Однако языковые факты раскрывают и фиксируют авторскую деятельность в индивидуальных творческих приемах. Именно речевая совокупность приемов, которая «заменит» собой произведение, реализует концепт «Автор».

Интерпретация концепта «Автор» возможна посредством разных методик. В случае, когда мы рассматриваем лексическое пространство концепта, весьма результативным оказывается апробированный в лингвистике полевой подход.

Степанова Юлия Викторовна — старший преподаватель кафедры иностранных языков и профессиональной межкультурной коммуникации Института истории и политических наук Тюменского государственного университета. E-mail: Stepanova_j_v@mail.ru

Вполне правомерным представляется применение полевого подхода к анализу языковых единиц в художественном тексте. Термин «поле», по И. А. Стернину, «в принципе согласуется с организацией той или иной лексико-семантической группы»¹. В качестве центрального конституента полевой структуры художественного текста в нашем случае выступает образ автора, который является ядром с его периферией, образующей поля, вместе с их микрополями.

Микрополя, выделенные в тексте романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» в процессе предпринятого моделирования, пересекаются и взаимодействуют друг с другом. Между всеми макро- и микрополями существуют парадигматические отношения на основании ассоциативных связей. Таким образом, они представляют собой лексико-семантическую сеть.

Интерпретация схемы представляется достаточно убедительной, если рассматривать ее как иерархию макро- и микрополей. Макрополя представлены соответственно полями и микрополями.

Набор лексических единиц каждого уровня ЛСП напрямую связан с системным структурированием лексики внутри семантического поля, когнитивно весомых компонентов текста. Разложение речевых единиц на искомые концепты позволило выявить их семантические общности в контексте интерпретации концепта «Автор».

Исследуя вопрос о языковой реализации концепта «Автор» в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита», целесообразно подвергнуть анализу макрополе «Лексико-стилистические и синтаксические средства реализации концепта «Автор»». Данное макрополе состоит из следующих полей: «*Авторский стиль*», «*Иноязычные слова*», «*Ирония*», «*Метафора/Метонимия*», «*Обращение*», «*Описательные обороты*», «*Пословицы/Поговорки*», «*Разговорная лексика*», «*Сказочные описания*», «*Сравнения*». Перечень микрополей представлен в алфавитном порядке, что способствует лингвистической унификации микрополей. В рамках статьи целесообразно рассмотреть наиболее значимые из них: поле «*Ирония*», поле «*Метафора/Метонимия*», поле «*Описательные обороты*», поле «*Пословицы и поговорки*», поле «*Разговорная лексика*», поле «*Сравнения*».

1. Поле «*Ирония*». *Ирония* — «троп, состоящий в употреблении слова в смысле обратном буквальному с целью тонкой или скрытой насмешки...»². Прием иронии весьма характерен для романа «Мастер и Маргарита». У читателя этого мистического произведения складывается ощущение, что все не то, чем кажется, и ирония — это как раз то средство, которое помогает скрыть истинный смысл или противопоставить его смыслу явному.

Следует отметить особый вид иронии, свойственный автору-творцу, — ирония, стилизованная под сочувствие, дружеское участие. Воланд в своих разоблачениях пользуется именно этим приемом: «— Это низко! — возмутился Воланд. — Вы человек бедный... Ведь вы — человек бедный?» (Мастер и Маргарита, 530).

Прием иронии в созвучном микрополе использует окружение Воланда; в этом случае ирония не имеет скрытого характера и превращается в ехидство: «... я предпочел бы рубить дрова, вместо того чтобы принимать их здесь на площадке. — Что рубить дрова, — подхватил словоохотливый кот, — я хотел бы

¹ Стернин, Попова 2003, 14.

² Тимофеев, Тураев 1974, 185.

служить кондуктором в трамвае, а уж хуже этой работы нет ничего на свете!» (Мастер и Маргарита, 590).

Присутствует в тексте пример явной иронии, выраженный в форме легкой насмешки: *«Паскудный воробушек припадал на левую лапку, явно кривлялся, волоча ее, работал синкопами, одним словом, — приплясывал фокстрот под звуки патефона, как пьяный у стойки. Хамил как умел, поглядывая на профессора нагло»* (Мастер и Маргарита, 356).

Следующий пример представляет собой юмор в противоречии: *«Степа разлепил склеенные веки и увидел, что отражается в трюмо в виде человека с торчащими в разные стороны волосами, с опухшей, покрытой черной щетиной физиономией, с заплывшими глазами, в грязной сорочке с воротником и галстуком, в кальсонах и в носках... — Добрый день, симпатичнейший Степан Богданович!»* (Мастер и Маргарита, 387).

Ироничные замечания оставляет и автор-рассказчик, участвующий во всех событиях романа. Для этого он использует лирические отступления: *«Сиреневая спина вздрогнула, но, вероятно, случайно, ибо не мог же иностранец понять то, что говорили по-русски Коровьев и его спутник»* (Мастер и Маргарита, 683).

Функции иронии в тексте романа не выходят за пределы их места в реальном и виртуальном общении.

2. *Поле «Метафора/Метонимия».* Метафора и метонимия — неотъемлемые атрибуты любого художественного произведения. Являясь выражениями, которые не следует понимать буквально, они, тем не менее, позволяют конкретизировать, углублять смысл произведения, делать его осязаемым.

Метафора — «вид тропа, состоящий в употреблении слова в переносном значении на основе сходства или контраста. <...> Выражая индивидуально-авторское видение мира, метафора отличается особой экспрессивностью»³. *Метонимия* — «вид тропа, основанный на принципе смежности. <...> Метонимия, как и метафора, отражает индивидуально-авторское видение мира, характеризует творческую манеру художника слова»⁴.

В романе «Мастер и Маргарита» среди стилистических приемов метафора и метонимия наиболее частотны. При этом случаи метафоры и метонимии не дифференцируются, а лишь выделяются как единицы микрополя. Схема рассмотрения этих стилистических приемов следующая: микрополе «Гроза»; микрополе «Эмоции / Чувства / Образ мыслей»; микрополе «Музыка»; микрополе «Герои»; микрополе «Неодушевленные предметы». Обратим внимание на некоторые примеры:

2.1. *Микрополе «Музыка».* Музыка и музыкальные инструменты — немногочисленная категория в романе «Мастер и Маргарита». Но описание звуков музыки усиливает общее впечатление, производимое на читателя, подчеркивая обстановку, атмосферу, чувства персонажей. М. А. Булгаков намеренно не использует такие «избитые» выражения, как «пела скрипка» или «играла труба», а применяет необычные метафоры и ими словно «взрывает» текст. Например: *«Обрушился рев труб, ... взрыв скрипок окатил ее тело»; «... оркестр, стоя, окатывал Маргариту звуками»* (Мастер и Маргарита, 588).

³ Карпов 2002, 127.

⁴ Карпов 2002, 129.

Автор наделяет музыкальные инструменты человеческими чувствами и эмоциями: «*Исступленно кричал ни в чем не повинный беккеровский кабинетный инструмент*» (Мастер и Маргарита, 561). Заслуживают внимания глаголы и прилагательные, которые автор использует вместе с «музыкальными» существительными: «... слушая *сыплющийся* в переулке *вальс*» (Мастер и Маргарита, 555); «... *песня загремела...*» (Мастер и Маргарита, 511); «... *зудящая* веселенькая *музыка...*» (Мастер и Маргарита, 569).

2.2. *Микрополе «Герои»*. Метафоры, которые использует М. А. Булгаков, описывая своих героев, относятся скорее к их физическому состоянию. Например, описывая Маргариту после того как она воспользовалась кремом Азazelло, автор обращает внимание читателя на новые физические ощущения героини. Она стала другой — и все теперь ощущается по-другому: «... *лунный свет ее приятно согревал...*» (Мастер и Маргарита, 572); «... *она отдала лицо ветру...*» (Мастер и Маргарита, 572). Впереди новая жизнь, все изменилось, нет больше страха и отчаяния.

Понтий Пилат, напротив, заложник обстоятельств: жары, окружения, ненавистного города, своего положения. Постоянная внутренняя борьба, бескомпромиссность решений, невозможность делать то, что хочется, — все это М. А. Булгаков художественно отобразил следующим образом: «*Пилат задрал голову и уткнул ее прямо в солнце. Под веками у него вспыхнул зеленый огонь, от которого загорелся мозг...*»; «*Тут в уши ему ударил несколько раз железный рубленый крик...*» (Мастер и Маргарита, 347); «*Тут ему показалось, что солнце, зазвенев, лопнуло над ним и залило его огнем ушей*» (Мастер и Маргарита, 348).

Свита Воланда не характеризуется «серьезными» метафорами, связанными с физическим состоянием: «... *Коровьев отлепился наконец от стенки...*» (Мастер и Маргарита, 520); «... *кот отмочил штуку...*» (метафорический фразеологизм) (Мастер и Маргарита, 434).

Римский, финдиректор Варьете, — человек двуличный, трусливый, безответственный. М. А. Булгаков подбирает к его описанию соответствующие метафоры: «*Колющие глаза Римского через стол врезались в лицо администратора, и чем дольше тот говорил, тем мрачнее становились эти глаза*» (Мастер и Маргарита, 472).

Не оставил без внимания М. А. Булгаков и выступление артистов: «... на эстраде *кипятился человек в красном...*» (Мастер и Маргарита, 589).

2.3. *Микрополе «Неодушевленные предметы»*. Неодушевленные предметы соотносятся в романе с классом неодушевленных существительных.

Случаи метафоризации неодушевленных существительных весьма частотны, что придает повествованию более эмоциональный оттенок. В романе «Мастер и Маргарита» ничто не случайно, каждый предмет находится на своем месте и играет определенную роль, выступая равноправным участником действия: «*Бал упал на нее сразу в виде света...*» (Мастер и Маргарита, 588); «*Ненавидимый им город умер...*» (Мастер и Маргарита, 347); «...*здание театра молчало...*» (Мастер и Маргарита, 469).

Данные примеры обнаруживают еще один стилистический прием — олицетворение. Это объясняет тот факт, что для М. А. Булгакова нет малозначительных предметов или второстепенных персонажей. Все, что окружает героев, имеет по

задумке писателя свою душу. Именно поэтому автор-творец переносит человеческие чувства, мысли и речи на неодушевленные предметы и явления.

3. *Поле «Описательные обороты».* *Оборот* — «то же, что конструкция»⁵. *Описать* — 1) «изобразить что-нибудь, рассказать о чем-нибудь в письменной или устной речи»⁶. *Описательные предложения* — «предложения, объединяемые (при значительном структурно-синтаксическом многообразии) общим семантическим свойством, заключающимся в более или менее наглядном (или даже картинном) изображении (представлении) предмета, обстановки и т. п.»⁷.

Под описательными оборотами нами подразумеваются описательные предложения, характеризующие персонаж, ситуацию, лирическое отступление. Большинство таких выражений в романе «Мастер и Маргарита» носит негативный, пренебрежительный или ироничный оттенок.

У каждого человека есть вещи, люди или ситуации, к которым сложилось определенное отношение. Создатель романа — не исключение. Выражая свою антипатию к чему-либо, М. А. Булгаков четко дает понять, что существуют две позиции: позиция автора и позиция рассказчика. Позиция автора служит для передачи сведений общего, созерцательного характера. Например: «Этот *заплатанный, заштопанный, кривой и длинный переулочек с покосившейся дверью нефтелавки...*» (Мастер и Маргарита, 558); «Но тут *маленький, костлявый и крайне недоброжелательный швейцар* преградил ему путь...» (Мастер и Маргарита, 681); «...*глядя из-под лохматых, как бы молью изъеденных сивых бровей...*» (Мастер и Маргарита, 682); «*Какой-то корявый мостик, под ним мутная весенняя речонка*»; «*Бездаростные, нищенские полуголые деревья*» (Мастер и Маргарита, 541); «...*омерзительный переулочек...*» (Мастер и Маргарита, 361).

Точка зрения рассказчика максимально приближена к позиции читателя: повествователь обнаруживает те эмоции, которые он бы испытывал в роли читателя. Его позиция обозначается повествовательным фоном: «... *паскудном сеансе...*» (Мастер и Маргарита, 666); «...*треклятых его ассистентов...*» (Мастер и Маргарита, 667); «*В трижды проклятой квартире...*» (Мастер и Маргарита, 671); «... *совершилось еще что-то скандальное и пакостное*» (Мастер и Маргарита, 467); «...*поганого Фагота...*» (Мастер и Маргарита, 468); «*проклятая Гелла*» (Мастер и Маргарита, 532); «... *тотчас отозвался на это безобразное предложение Фагот*» (Мастер и Маргарита, 439); «... *проклятый бесовский кот...*» (Мастер и Маргарита, 429).

Ироничным оттенком в основном отличаются описания свиты Воланда: «... *омерзительные преступления против верности...*» (Мастер и Маргарита, 666); «... *котообразный толстяк...*» (Мастер и Маргарита, 682); «*Ушишки на наглом лице...*» (Мастер и Маргарита, 574); «*рыжий разбойник*» (Мастер и Маргарита, 522); «...*Паскудный воробушек...*» (Мастер и Маргарита, 536); «*Словом был гадкий, гнусный, соблазнительный, свинский скандал...*» (Мастер и Маргарита, 375).

4. *Поле «Пословицы/Поговорки».* *Поговорка* — «устойчивое в речевом обиходе изречение, образно определяющее какое-либо жизненное явление»⁸. *Посло-*

⁵ Тимофеев, Тураев 1974, 274.

⁶ Александрова 1989, 580.

⁷ Тимофеев, Тураев 1974, 289.

⁸ Карпов 2002, 185.

вица — «устойчивое в речевом обиходе, ритмически организованное изречение, в котором зафиксированы практический опыт народа и его оценка определенных жизненных явлений»⁹.

Русские пословицы и поговорки — это большой этнический культурно-исторический пласт. Это мудрость русского народа, тонко подмеченные детали из повседневной жизни. Они несут в себе большой эмоциональный заряд и сакральный смысл. М. А. Булгаков называет их «шуточками - прибауточками» (Мастер и Маргарита, 411). Пословицы автор адаптирует к разным рядам сходных ситуаций. Например, Коровьев в своем лексиконе использует пословицы «Денежка счет любит»; «Свой глазок — смотрок» (Мастер и Маргарита, 411). В речи других персонажей используются поговорки: «А за квартиру Пушкин платить будет?»; «Лампочку на лестнице, стало быть, Пушкин вывинтил?»; «Нефть, стало быть, Пушкин покупать будет?» (Мастер и Маргарита, 484).

5. Поле «Разговорная лексика». Разговорная лексика — это «слова и выражения, преимущественно употребляющиеся в разговорном стиле речи. В рамках разговорной лексики различается литературно-разговорная и литературно-просторечная лексика. Литературно-разговорная лексика придает речи непринужденный, зачастую фамильярный характер. Литературно-просторечная лексика граничит с внелитературной лексикой и выражает отрицательную или ироничную оценку, к ней примыкают профессионализмы и жаргонизмы»¹⁰.

В тексте романа М. А. Булгаков использует и литературно-разговорную и литературно-просторечную лексику. Разговорная лексика придает повествованию непринужденный, нередко фамильярный характер, что сближает языковую палитру персонажа с речью читателя, рядового обывателя.

Показательно в данном случае слово «натурально» в значении «действительно так», которое используют и Азазелло, и Бегемот, и Коровьев: «— Натурально, — ответил Азазелло» (Мастер и Маргарита, 605); «— Ну, натурально, они!» (Мастер и Маргарита, 547).

Довольно часто автором употребляются слова и выражения исключительно разговорного, даже жаргонного стиля. Поскольку речь героев является главным способом отражения их внутренней сущности, М. А. Булгаков как тонкий психолог не мог не использовать этот факт. Зачастую речь его героев не только проста, но и приближена к речи простонародной или фольклору. Например: «... странные враки неизвестного гражданина» (Мастер и Маргарита, 547); «... Бегемот находится именно там, валяя дурака» (Мастер и Маргарита, 676); «... оттяпает мне голову...» (Мастер и Маргарита, 575).

Поле «Сравнения». Сравнение — «троп, основанный на сопоставлении по общему признаку одного предмета или явления с другим. Сравнение выражается: а) оборотами со сравнительными союзами; б) творительным падежом; в) формой сравнительной степени прилагательного или наречия; г) лексически (при помощи слов подобный, похожий)»¹¹.

Сравнение как художественный прием — довольно распространенное явление, но в романе «Мастер и Маргарита» число сравнений невелико, в отличие от

⁹ Карпов 2002, 191.

¹⁰ Карпов 2002, 217.

¹¹ Карпов 2002, 276.

метафор и описательных выражений. Этот стилистический прием используется для выявления в объекте сравнения важных для читателя свойств и реализуется в сравнительных оборотах, образованных при помощи союзов *как* и *будто*: «... Аннушка, *как змея*, выскользнула из-за двери»; «Белогрудый *твердыми, как поручни автобуса*, и столь же *холодными пальцами*, ничего более ни говоря, сжал Аннушкино горло...» (Мастер и Маргарита, 626); «У ног прокуратора простиралась неубранная *красная, как бы кровавая, лужа...*» (Мастер и Маргарита, 629); «... хрустя крахмалом, взметнулась *белая, как бедуинский бурнус*, другая (скатерть)...» (Мастер и Маргарита, 691); «... Поплавский выхватил из кармана *паспорт, как кинжал* (Мастер и Маргарита, 520); «Затем *мгновенно, как будто из мозга выхватили иголку*, утих висок ...» (Мастер и Маргарита, 553); «Воланд положил свою *тяжелую, как будто каменную*, и в то же время *горячую, как огонь*, руку, на плечо Маргариты...» (Мастер и Маргарита, 580); «...он *чист, как хрусталь*» (Мастер и Маргарита, 411).

Единичный пример бессоюзного сравнения в виде предложения с составным именным сказуемым отражен во фрагменте: «Маргарита не могла бы сказать, из чего сделан повод его коня, и думала, что возможно, что это *лунные цепочки и самый конь — только глыба мрака, и грива этого коня — туча, а шпоры всадника — белые пятна звезд*» (Мастер и Маргарита, 717).

Таким образом, функционально-семантическое поле концепта «Автор» может реализоваться в тексте через лексико-стилистические особенности авторской речи. При анализе текста романа обнаруживается много деталей, свойственных именно идиостилю М. А. Булгакова. Это касается выбора и употребления слов, грамматических конструкций, тонко подмеченных нюансов, касающихся людей, быта, идеологии, правил и т. д. Что касается непосредственно авторского лексикона, то М. А. Булгакову свойственно прежде всего значительное употребление разговорной лексики, с помощью которой автор открыто проявляет себя и свою позицию, причем не всегда напрямую, а через диалоги персонажей. Среди других стилистических приемов одно из ведущих мест в романе занимают метафора и метонимия. Здесь позиция автора заключается в том, что выражения, которые не понимаются буквально, позволяют конкретизировать, углублять смысл произведения, делать его осязаемым. Еще одним приемом, характеризующим М. А. Булгакова как знатока внутренней стороны человеческой натуры, является ирония. В этом мистическом произведении ирония — именно то средство, которое позволяет скрыть истинный смысл высказывания. В романе «Мастер и Маргарита» булгаковскую иронию характеризует специфический прием стилизации под сочувствие или дружеское участие. М. А. Булгаков часто применяет описательные обороты, характеризующие ситуацию, предмет, явление или человека. В романе проявляются два оттенка: негативный и ироничный. Остроумным и содержательным культурно-историческим пластом являются пословицы и поговорки, определяющие именно русскую (славянскую) литературу. Для М. А. Булгакова они представляют очень важный элемент, несущий большой эмоциональный заряд и сакральный смысл. Разговорная лексика отражена в основном в речи героев. Она настолько колоритна, что позволяет судить об авторской индивидуальности.

Следовательно, макрополе «*Лексико-стилистические и синтаксические средства реализации концепта «Автор»*» дает обширный материал для анализа ин-

дивидуально-авторской картины мира. Проведенный анализ позволяет судить об авторе как о человеке образованном, высококультурном, придерживающемся высоких нравственных принципов, сохранившем в себе чувство справедливости и веру в людей, верящим в свободу творческой реализации.

ЛИТЕРАТУРА

- Александрова З. Е.* (ред.) 1989: Словарь синонимов русского языка. Практический справочник. М.
- Булгаков М. А.* 2002: Мастер и Маргарита. Белая гвардия. М.
- Карпов А. К., Фролов Н. К., Шурыгин Н. А.* 2002: Учебный словарь лингвистических терминов и понятий. Нижневартонск.
- Стернин И. А., Попова З. Д.* 2003: Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж.
- Тимофеев Л. И., Тураев С. В.* (ред.) 1974: Словарь литературоведческих терминов. М.

«SOME METHODS OF LANGUAGE IMPLEMENTATION OF THE FUNCTIONAL-SEMANTIC FIELD OF THE CONCEPT «AUTHOR» IN THE NOVEL M. A. BULGAKOV «THE MASTER AND MARGARITA»

J. V. Stepanova

The article is devoted to one of actual problems of cognitive linguistics - concept studying, in particular, the concept "Author" in the novel of M. A. Bulgakov "The Master and Margarita". Field approach is applied to achieve the purpose. Allocated lexical units from the novel are distributed on macrofields, fields and microfields forming a lexical-semantic network. All levels of the fields (macro and micro) are connected by the paradigmatic relations, forming a cognitive space of a concept "Author".

Key words: concept, macrofield, microfield, semantic field

© 2014

М. Н. Саенко

ПОВТОРНЫЕ ИННОВАЦИИ В СПИСКЕ СВОДЕША

В статье делается попытка определить, насколько такое явление, как повторные инновации, может искажать лексикостатистические подсчёты и насколько оно препятствует применению лексикостатистики для вычисления времени распада праязыка. Подсчёты производятся на материале славянских, балтийских, германских, романских и кельтских языков.

Ключевые слова: лексикостатистика, славянские языки, балтийские языки, германские языки, романские языки, кельтские языки

В 1950-е гг. американским лингвистом М. Сводешем был изобретён научный метод, получивший название глоттохронологии, или лексикостатистики. В основе метода лежит использование списка базовых понятий (в каноническом варианте стословного), при помощи которого осуществляется генеалогическая классификация языков и вычисление времени распада праязыка¹.

Одним из основных постулатов сводешевской глоттохронологии является то, что замены в списке базисной лексики происходят с постоянной скоростью². Однако С. А. Старостин отметил, что определённые искажения в расчёты вносят случаи повторных замен³. Речь идёт о ситуации, когда какой-либо пункт списка Сводеша был вытеснен инновацией между стадиями A1 и A2 в истории языка A, а затем между стадиями A2 и A3 в этом же пункте произошла ещё одна инновация. Например, п.-и.-е. **roud^hos* было вытеснено п.-сл. **čerw(l)enъ*, а последнее русским *красный*. При сопоставлении русского списка с праиндоевропейским в данном случае будет засчитана одна инновация, хотя на самом деле их произошло две. Мы решили опытным путём проверить, каково среднестатистическое количество повторных замен в стословном списке Сводеша и насколько этот фактор может повлиять на лексикостатистические подсчёты.

Нами использовался стословный список Сводеша: 1. all 2. ashes 3. bark 4. belly 5. big 6. bird 7. bite 8. black 9. blood 10. bone 11. breast 12. burn 13. cloud 14. cold 15. come 16. die 17. dog 18. drink 19. dry 20. ear 21. earth 22. eat 23. egg 24. eye 25. fat 26. feather 27. fire 28. fish 29. fly 30. foot 31. full 32. give 33. go 34. good 35. green 36. hair 37. hand 38. head 39. hear 40. heart 41. horn 42. I 43. kill 44. knee 45. know 46. leaf 47. lie 48. liver 49. long 50. louse 51. man 52. man (person) 53. many, much 54. meat 55. moon 56. mountain 57. mouth 58. nail 59. name 60. neck 61. new 62. night 63. nose 64. not 65. one 66. rain 67. red 68. road 69. root 70. round 71. sand 72. say 73. see 74. seed 75. sit 76. skin 77. sleep 78. small, little 79. smoke 80. stand 81. star 82. stone 83. sun 84. swim 85. tail 86. that 87. this 88. tongue 89. tooth 90. tree 91. two 92. warm 93. water 94. we 95. what 96. white 97. who 98. woman 99. yellow 100. you

Саенко Михаил Николаевич — аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания факультета филологии и журналистики ЮФУ. E-mail: veraetatis@yandex.ru

¹ Сводеш 1960.

² Gudschinsky 1956, 613.

³ Бурлак, Старостин 2005, 134.

В рамках исследования мы использовали стословные списки 13 славянских, 3 балтийских, 8 германских, 6 романских и 6 кельтских идиомов. Сперва было подсчитано количество инноваций в каждом отдельном языке по сравнению с праязыком 1-ого уровня (праславянский, прабалтийский, прагерманский, латынь, пракельтский), а затем с праязыком 2-ого уровня (праиндоевропейский).

Прагерманский список был составлен на основе этимологического словаря В. Э. Орла⁴. Пракельтский список был создан по словарю Р. Матасовича⁵ с некоторыми исправлениями и дополнениями. Праиндоевропейский, праславянский и прабалтийский списки составлены автором⁶.

В исследуемых языках были выявлены следующие повторные инновации:

Болгарский: **meġ-* > **welʲ(jʲ)* > *голям* «большой»; **denk-* > **kqsati* > *хàня* «кусать»; **k(u)wons* > **рьсь* > *куче* «собака»; **selp-* > **tukъ* > *мазнинà* «жир»; **pots* > **noga* > *крак* «нога»; **krip-* > **wolsъ* > *кòсьм* «волос»; **jek^wʲ* > **etro* > *черен дроб* «печень»; **mon-* > **šʲja* > *врат* «шея»; **wek^w-* > **rekti* > *ка́жа* «сказать»; **puk-* > **xwostъ* > *опàшка* «хвост».

Македонский: **wedero-* > **čerwo* > *трбув* «живот»; **meġ-* > **welʲ(jʲ)* > *голем* «большой»; **k(u)wons* > **рьсь* > *куче* «собака»; **selp-* > **tukъ* > *маснотија* «жир»; **krip-* > **wolsъ* > *коса* «волос»; **jek^wʲ* > **etro* > *црн дроб* «печень»; **mon-* > **šʲja* > *врат* «шея»; **wek^w-* > **rekti* > *каже* «сказать»; **puk-* > **xwostъ* > *онашка* «хвост».

Сербохорватский: **wedero-* > **čerwo* > *трбух* «живот»; **denk-* > **kqsati* > *гри̑сти* «кусать»; **g^wem-* > **prijȅti/prixoditi* > *до̀лазити* «приходить»; **selp-* > **tukъ* > *масно̀ћа* «жир»; **krip-* > **wolsъ* > *кòса* «волос»; **mon-* > **šʲja* > *врàт* «шея»; **puk-* > **xwostъ* > *рèн* «хвост».

Словенский: **wedero-* > **čerwo* > *trébuh* «живот»; **denk-* > **kqsati* > *gristi* «кусать»; **selp-* > **tukъ* > *màst* «жир»; **mon-* > **šʲja* > *vràt* «шея»; **Hroud^hos* > **čerw(l')enʲ(jʲ)* > *rděč* «красный»; **Heitʲ* > **pōtъ* > *cěsta* «дорога»; **puk-* > **xwostъ* > *rèp* «хвост».

Русский: **xoHss* > **pepelʲ/*popelʲ* > *золà*; **wedero-* > **čerwo* > *живòт*; **meġ-* > **welʲ(jʲ)* > *большóй*; **selp-* > **tukъ* > *жир*; **Hsu-* > **dobrʲ(jʲ)* > *хорóший*; **jek^wʲ* > **etro* > *пéчень*; **Hroud^hos* > **čerw(l')enʲ(jʲ)* > *красный*; **Heitʲ* > **pōtъ* > *дорóга*; **wek^w-* > **rekti* > *сказàть*.

Украинский: **xoHss* > **pepelʲ/*popelʲ* > *золà* «зола»; **wedero-* > **čerwo* > *живòт* «живот»; **neb^hos* > **obwolka/*obwolko/*obwolkъ* > *хмàра* «облако»; **selp-* > **tukъ* > *жир* «жир»; **jek^wʲ* > **etro* > *печíнка* «печень»; **wiHros* > **mōžъ* > *чоловiк* «мужчина»; **manus* > **čelowěкъ* > *людíна* «человек»; **polHu* > **mъного* > *багáто* «много»; **Heitʲ* > **pōtъ* > *дорóга* «дорога»; **wek^w-* > **rekti* > *сказàти* «сказать»; **xsters* > **gwězda* > *зірка* «звезда».

Белорусский: **wedero-* > **čerwo* > *жывòт* «живот»; **jek^wʲ* > **etro* > *пéчань* «печень»; **polHu* > **mъного* > *шмат, багáта* «много»; **Heitʲ* > **pōtъ* > *дарóга* «дорога»; **wek^w-* > **rekti* > *сказàць* «сказать»; **xsters* > **gwězda* > *зóрка* «звезда».

Чешский: **wedero-* > **čerwo* > *břicho* «живот»; **polHu* > **mъного* > *hodně* «много»; **mon-* > **šʲja* > *krk* «шея»; **Heitʲ* > **pōtъ* > *cesta* «дорога»; **puk-* > **xwostъ* > *ocas* «хвост».

⁴ Orel 2003.

⁵ Matasović 2009.

⁶ Саенко 2014.

Словацкий: *wedero- > *čerwo > brucho «живот»; *denĕ- > *kōsati > hrýzt' «кусать»; *jek^wr > *ętro > pečeň «печень»; *wiHros > *mōžь > chlap «мужчина»; *polHu > *mъnogo > veľa «много»; *mon- > *šĕja > krk «шея»; *Heitr > *pōtь > cesta «дорога»; *wek^w- > *rekti > povedat' «сказать».

Польский: *wedero- > *čerwo > brzuch «живот»; *meĕ- > *welъ(jb) > duży «большой»; *neb^hos > *obwolka/*obwolko/*obwolkъ > chmura «облако»; *selp- > *tukъ > tłuszcz «жир»; *jek^wr > *ętro > wątroba «печень»; *polHu > *mъnogo > dużo, wiele «много»; *Heitr > *pōtь > droga «дорога»; *wek^w- > *rekti > powiedzieć «сказать»; *(s)keuts > *koża > skóra «кожа»; *puk- > *xwostъ > ogon «хвост».

Кашубский: *wedero- > *čerwo > brzēch «живот»; *denĕ- > *kōsati > grēzc «кусать»; *neb^hos > *obwolka/*obwolko/*obwolkъ > blōna, chmura «облако»; *selp- > *tukъ > tłuszcz «жир»; *jek^wr > *ętro > wątroba «печень»; *wiHros > *mōžь > chłop «мужчина»; *polHu > *mъnogo > dużo, wiele «много»; *Heitr > *pōtь > droga «дорога»; *wek^w- > *rekti > powiedzieć «сказать»; *(s)keuts > *koża > skóra «кожа»; *puk- > *xwostъ > ogón «хвост».

Верхнелужицкий: *wedero- > *čerwo > brjuch «живот»; *neb^hos > *obwolka/*obwolko/*obwolkъ > mrócel «облако»; *g^{wh}en- > *biti > morić «убивать»; *b^hel- > *listъ > lopjeno «лист»; *polHu > *mъnogo > wjele «много»; *Heitr > *pōtь > dróha «дорога»; *puk- > *xwostъ > wopuš «хвост».

Нижнелужицкий: *wedero- > *čerwo > brjuch, brjucho «живот»; *g^{wh}en- > *biti > morić «убивать»; *b^hel- > *listъ > lopjeno «лист»; *polHu > *mъnogo > wjele «много»; *Heitr > *pōtь > droga «дорога»; *puk- > *xwostъ > wopuš, wogon «хвост».

Исландский: *wedero- > *xrefaz > kviður «живот»; *neb^hos > *wulk(a)nan > ský «облако»; *mer- > *sterþanan > deyja «умирать»; *ei- > *ganganan > fara «идти»; *g^{wh}en- > *ðauðjanaan > drepa «убивать»; *g^worHs > *þergan/*þergaz > fjall «гора»; *snaH- > *swemmanan > synda «плавать»; *puk- > *stertaz > hali, skott, rófa «хвост»; *tep- > *warmaz > hlýr «тёплый».

Норвежский (диалект гьестал): *wedero- > *xrefaz > maie «живот»; *neb^hos > *wulk(a)nan > sja «облако»; *mer- > *sterþanan > döy «умирать»; *d^hg^homs > *erPō > mall «земля»; *g^{wh}en- > *ðauðjanaan > dreba «убивать»; *g^worHs > *þergan/*þergaz > fjedd(e)l «гора»; *puk- > *stertaz > hale «хвост».

Норвежский (букмол): *wedero- > *xrefaz > mage «живот»; *mer- > *sterþanan > dø «умирать»; *g^{wh}en- > *ðauðjanaan > drepe «убивать»; *g^worHs > *þergan/*þergaz > fjell «гора»; *puk- > *stertaz > hale «хвост».

Датский: *wedero- > *xrefaz > mave «живот»; *neb^hos > *wulk(a)nan > sky «облако»; *mer- > *sterþanan > dø «умирать»; *g^{wh}en- > *ðauðjanaan > dræbe «убивать»; *puk- > *stertaz > svans «хвост».

Шведский: *wedero- > *xrefaz > buk, mage «живот»; *neb^hos > *wulk(a)nan > sky «облако»; *mer- > *sterþanan > dö «умирать»; *g^{wh}en- > *ðauðjanaan > dräpa «убивать»; *puk- > *stertaz > svans «хвост».

Немецкий: *kor- > *þarkuz > Rinde «кора»; *wedero- > *xrefaz > Bauch «живот»; *xasti > *þainan > Knochen «кость»; *sausos > *Puruz > trocken «сухой»; *min- > *smalaz, *lītilaz > klein «маленький»; *puk- > *stertaz > Schwanz «хвост».

Нидерландский: *kor- > *þarkuz > bast «кора»; *wedero- > *xrefaz > buik «живот»; *sausos > *Puruz > droog «сухой»; *mon- > *xalsaz > nek «шея»; *min- > *smalaz, *lītilaz > klein «маленький».

Английский: *wedero- > *xrefaz > belly «живот»; *awis > *fuglaz > bird «птица»; *neb^hos > *wulk(a)nan > cloud «облако»; *sausos > *Purzuz > dry «сухой»; *g^{wh}en- > *daudjanan > kill «убивать»; *mon- > *xalsaz > neck «шея»; *Heitř > *wegaz > road «дорога»; *d^huHmos > *raukiz > smoke «дым»; *puk- > *stertaz > tail «хвост».

Итальянский: *pant- > omnis > tutto «весь»; *sausos > siccus > asciutto «сухой»; *selp- > pingue > grasso «жир»; *kersř > caput > testa «голова»; *Heitř > via > strada «дорога»; *samd^hos > (h)arēna > sabbia «песок»; *g^wens > fēmina, mulier > donna «женщина».

Французский: *pant- > omnis > tout «весь»; *selp- > pingue > grasse «жир»; *kersř > caput > tête «голова»; *klew- > audiō > entendre «слышать»; *g^{wh}en- > occīdō > tuer «убивать»; *kei- > iaceō > être couché «лежать»; *meHms > carō > viande «мясо»; *Heitř > via > route «дорога»; *samd^hos > (h)arēna > sable «песок»; *g^hel- > flāvus > jaune «жёлтый».

Испанский: *pant- > omnis > todo «весь»; *d^heg^{wh}- > ūrō > quemar «жечь»; *selp- > pingue > grasa «жир»; *g^{wh}en- > occīdō > matar «убивать»; *kei- > iaceō > estar acostado «лежать»; rabo «хвост»; *g^hel- > flāvus > amarillo «жёлтый».

Португальский: *pant- > omnis > todo «весь»; *d^heg^{wh}- > ūrō > queimar «жечь»; *selp- > pingue > gordura «жир»; *g^{wh}en- > occīdō > matar «убивать»; *kei- > iaceō > estar deitado «лежать»; *mon- > collum > pescoço «шея»; *xřg-/ *xarġ- > albus > branco «белый».

Каталанский: *pant- > omnis > tot «весь»; *denċ- > mordeō > mossegar «кусать»; *d^heg^{wh}- > ūrō > cremar «жечь»; *selp- > pingue > greix «жир»; *klew- > audiō > sentir «слышать»; *g^{wh}en- > occīdō > matar «убивать»; *Heitř > via > carretera «дорога»; *samd^hos > (h)arēna > sorra «песок»; *g^wens > fēmina, mulier > dona «женщина».

Румынский: *pant- > omnis > tot «весь»; *denċ- > mordeō > a mușca «кусать»; *d^heg^{wh}- > ūrō > a arde «жечь»; *(s)gel- > frīgidus > rece «холодный»; *d^hg^homs > terra > pământ «земля»; *selp- > pingue > grāsime «жир»; *pet- > volō > a zbura «летать»; *kei- > iaceō > a sta culcat «лежать»; *mon- > collum > gât «шея»; *wek^w- > dīcō > a spune «сказать»; *g^hel- > flāvus > galben «жёлтый».

Прусский: *kor- > *žeiwē > saxtis «кора»; *meġ- > *didis > debica «большой»; *awis > *put- > pepelis «птица»; *selp- > *taukas > instran «жир»; *klew- > *girdēti > kirdītwei «слышать»; *gonu > *kelis > klupstis «колени»; *polHu > *daug- > tūlan «много»; *g^worHs > *kalnas > garbis «гора»; *mon- > *kaklas > winsus «шея»; *suH- > *leitus > aglo «дождь»; *wek^w- > *sekti > billīt «сказать»; *min- > *mažas > likuts «маленький»; *xsters > *žwaiždē > lauxnos «звезда»; *xřg-/ *xarġ- > *baltas > gaylis «белый».

Литовский: *owjom > *pautas > kiaušinis «яйцо»; *selp- > *taukas > riebalai «жир»; *Hsu- > *labas > gēras «хороший»; *g^{wh}en- > *galinti > nužudyti «убивать»; *Heitř > *pintis > kēlias «дорога».

Латышский: *kor- > *žeiwē > miza «кора»; *meġ- > *didis > liels «большой»; *(s)gel- > šāltas > auksts «холодный»; *g^wem- > *ateiti > atnākt «приходить»; *owjom > *pautas > ola «яйцо»; *Heitř > *pintis > ceļš «дорога»; *snaH- > *plaukti > peldēt «плавать»; *puk- > *ōdegā > aste «хвост».

Ирландский: *denċ- > *knāyo- > bain greim «кусать»; *esxř > *krū- > fuil «кровь»; *perkus > *fextu- > brollach «грудь»; *sausos > *sisk^wos > tirim «сухой»;

*selp- > *g^wered- > *blonag* «жир»; *krip- > *woltos > *gruaig* «волос»; *d^hHg^hos > *sīros > *fada* «длинный»; *meHms > *kīk- > *feoil* «мясо»; *meHn- > *louxs^{nā}/*lugrā > *gealach* «луна»; *g^worHs > *moniyo- > *sliabh* «гора»; *suH- > *wolkos > *fearthainn, báisteach* «дождь»; *Heit^r > *sentu- > *bóthar* «дорога»; *samd^hos > *grāwā > *gaineamh* «песок»; *wek^w- > *lab(a)r- > *abair* «сказать»; *d^huHmos > *muk- > *toit, deatach* «дым»; *akmons > *fales- > *cloch* «камень».

Мэнский: *awis > *fētnos > *ushag* «птица»; *denċ- > *knāyo- > *caigney* «кусать»; *esx^r > *krū- > *fuill* «кровь»; *perċus > *fextu- > *keeagh* «грудь»; *d^heg^{wh}- > *dawyo- > *loshtey* «жечь»; *sausos > *sisk^wos > *chirrym* «сухой»; *d^hHg^hos > *sīros > *liauyr* «длинный»; *manus > *gdonyo- > *pagh, pyagh* «человек»; *meHms > *kīk- > *feill* «мясо»; *meHn- > *louxs^{nā}/*lugrā > *eaYST* «луна»; *g^worHs > *moniyo- > *slieau* «гора»; *suH- > *wolkos > *fliaghey* «дождь»; *Heit^r > *sentu- > *cassan* «дорога»; *samd^hos > *grāwā > *geinniagh* «песок»; *wek^w- > *lab(a)r- > *gra* «сказать»; *d^huHmos > *muk- > *jaagh* «дым»; *akmons > *fales- > *clagh* «камень».

Шотландский: *esx^r > *krū- > *fuil* «кровь»; *perċus > *fextu- > *cìoch* «грудь»; *d^heg^{wh}- > *dawyo- > *loisg* «жечь»; *sausos > *sisk^wos > *tiormaich* «сухой»; *selp- > *g^wered- > *reamhar* «жир»; *ġ^hel- > *glasto- > *uaine* «зелёный»; *meHms > *kīk- > *feòil* «мясо»; *meHn- > *louxs^{nā}/*lugrā > *gealach* «луна»; *g^worHs > *moniyo- > *beinn* «гора»; *suH- > *wolkos > *uisge* «дождь»; *Heit^r > *sentu- > *rathad* «дорога»; *samd^hos > *grāwā > *gainmheach* «песок»; *wek^w- > *lab(a)r- > *abair* «сказать»; *d^huHmos > *muk- > *ceò, toit* «дым»; *akmons > *fales- > *clach* «камень»; *doru > *k^wresno- > *craobh* «дерево».

Бретонский: *wedero- > *bolgo- > *kof* «живот»; *meġ- > *māros > *bras* «большой»; *esx^r > *krū- > *gwad* «кровь»; *xasti > *knāmi- > *askorn* «кость»; *d^heg^{wh}- > *dawyo- > *loskiñ* «жечь»; *(s)gel- > *owgros > *yen* «холодный»; *d^hġ^homs > *talamū > *douar* «земля»; *selp- > *g^wered- > *druzoni* «жир»; *ġ^hel- > *glasto- > *gwer* «зелёный»; *krip- > *woltos > *blev* «волос»; *ġ^hes^r > *flāmā > *dorn* «рука»; *kei- > *lego- > *gourvez* «лежать»; *suH- > *wolkos > *glav* «дождь»; *samd^hos > *grāwā > *traezh* «песок»; *weid- > *k^wiso- > *gwelet* «видеть»; *akmons > *fales- > *maen* «камень»; *kis > *sindo-, *so- > *an ... mañ* «этот»; *doru > *k^wresno- > *gwez* «дерево»; *ġ^hel- > *bodyos > *melen* «жёлтый».

Корнский: *wedero- > *bolgo- > *tor* «живот»; *meġ- > *māros > *brás* «большой»; *denċ- > *knāyo- > *danta* «кусать»; *esx^r > *krū- > *goys* «кровь»; *xasti > *knāmi- > *ascorn* «кость»; *perċus > *fextu- > *ascra* «грудь»; *d^heg^{wh}- > *dawyo- > *loscy* «жечь»; *(s)gel- > *owgros > *jein* «холодный»; *d^hġ^homs > *talamū > *tír* «земля»; *selp- > *g^wered- > *blonec, seym* «жир»; *Hsu- > *matis > *da* «хороший»; *ġ^hel- > *glasto- > *gwêr* «зелёный»; *krip- > *woltos > *bleu* «волос»; *ġ^hes^r > *flāmā > *dorn* «рука»; *kei- > *lego- > *karwedha* «лежать»; *manus > *gdonyo- > *gûr* «человек»; *meHms > *kīk- > *buit* «мясо»; *nass > *srognā > *trein* «нос»; *suH- > *wolkos > *glaw* «дождь»; *samd^hos > *grāwā > *trêath* «песок»; *wek^w- > *lab(a)r- > *cewsel* «сказать»; *weid- > *k^wiso- > *gwelês* «видеть»; *akmons > *fales- > *maen* «камень»; *kis > *sindo-, *so- > *an ... ma* «этот»; *doru > *k^wresno- > *gwedhen* «дерево»; *ġ^hel- > *bodyos > *melyn* «жёлтый».

Валлийский: *pant- > *olyos > *i gyd* «весь»; *esx^r > *krū- > *gwaed* «кровь»; *perċus > *fextu- > *bron* «грудь»; *d^heg^{wh}- > *dawyo- > *llosgi* «жечь»; *d^hġ^homs > *talamū > *daear, pridd* «земля»; *selp- > *g^wered- > *saim, braster* «жир»; *Hsu- >

**matis* > *da* «хороший»; **ġ^hel-* > **glasto-* > *gwyrdd* «зелёный»; **kei-* > **lego-* > *gorwedd* «лежать»; **nass* > **srognā* > *trwyn* «нос»; **suH-* > **wolkos* > *glaw* «дождь»; **Heitr* > **sentu-* > *heol* «дорога»; **samd^hos* > **grāwā* > *tywod* «песок»; **wek^w-* > **lab(a)r-* > *dweud* «сказать»; **weid-* > **k^wiso-* > *gweld* «видеть»; **akmons* > **fales-* > *carreg* «камень»; **doru* > **k^wresno-* > *coeden* «дерево»; **ġ^hel-* > **bodyos* > *melyn* «жёлтый».

Результаты можно представить в виде таблицы (заимствования в подсчётах не учитываются):

	Разница с праязыком группы	Повторные инновации	Разница с ПИЕ с учётом повторных инноваций	Разница с ПИЕ без учё- та повторных инноваций
Болгарский	19	10	60	50
Македонский	18	9	59	50
Сербохорватский	14	7	55	48
Словенский	9	7	50	43
Русский	14	9	55	45
Украинский	16	11	57	46
Белорусский	12	6	53	47
Чешский	13	5	54	49
Словацкий	16	8	57	49
Польский	18	10	59	49
Кашубский	19	11	60	49
Верхнелужицкий	16	7	57	50
Нижнелужицкий	14	6	55	49
Исландский	21	9	64	55
Норвежский (диалект гьестал)	15	7	58	51
Норвежский (букмол)	10	5	53	48
Датский	11	5	54	49
Шведский	10	5	53	48
Немецкий	11	6	54	48
Нидерландский	11	5	54	49
Английский	15	9	58	49
Итальянский	15	7	58	51
Французский	23	10	62	52
Испанский	19	7	58	51
Португальский	18	7	57	50
Каталанский	24	9	63	54
Румынский	25	11	64	53
Прусский	22	14	58	43
Литовский	22	5	57	51
Латышский	28	9	64	54
Ирландский	39	16	84	68
Мэнский	38	17	83	66

Шотландский	39	16	84	68
Бретонский	34	19	79	60
Корнский	42	26	87	61
Валлийский	38	18	83	65

Как видно из таблицы, неучёт повторных инноваций занижает реальное количество инноваций, отделяющих друг от друга две сравнительно отдалённые стадии истории языка, тем самым делая основную задачу глоттохронологии — вычисление времени распада праязыка — невыполнимой.

При этом вряд ли возможно исправить ситуацию введением поправочного коэффициента в формулу расчёта времени, поскольку разброс в количестве повторных инноваций очень велик. Например, в словенском 7 из 9 инноваций (при сопоставлении праславянский — словенский) вторичны. Напротив, в литовском лишь 5 из 22 инноваций повторны.

Полученную картину можно спроецировать на более раннюю эпоху, отделяющую праиндоевропейский от праязыков конкретных групп. То есть, например, между русским и праиндоевропейским не 55 инноваций, а значительно больше, что, однако, невозможно вычислить точно.

Таким образом, фактор повторных инноваций крайне затрудняет, если не делает невозможными, глоттохронологические подсчёты. С нашей точки зрения, это не компрометирует всю лексикостатистику как таковую, но ограничивает сферу ее применения генеалогической классификацией языков без указания временных рамок.

ЛИТЕРАТУРА

- Бурлак С. А., Старостин С. А. 2005: Сравнительно-историческое языкознание. М.
 Саенко М. Н. Инновации в прабалтийском и праславянском списках Сводеша как аргумент в споре о балто-славянском единстве // Вопросы языкового родства. 12 (в печати).
 Сводеш М. 1960: Лексикостатистическое датирование доисторических этнических контактов // Новое в лингвистике. 1, 23–52.
 Gudschinsky S. 1956: The ABCs of lexicostatistics (glottochronology) // Word. 12, 612–623.
 Matasović R. 2009: Etymological Dictionary of Proto-Celtic. Leiden; Boston.
 Orel V. 2003: A Handbook of Germanic Etymology. Leiden; Boston.

REPEATED INNOVATIONS IN THE SWADESH LIST

M. N. Sayenko

The article is an attempt to determine the extent of such a thing as re-innovation could possibly have on lexicostatical calculations and the extent they could prevent the use of lexicostatistics for calculating the decay time of the proto-language. The research is based on the materials of the Slavic, Baltic, Germanic, Romance and Celtic languages.

Key words: lexicostatistics, Slavic languages, Baltic languages, Germanic languages, Romance languages, Celtic languages

© 2014

М. В. Гремицкая

НОМИНАТИВНОЕ ПОЛЕ МОДУСНОГО КОНЦЕПТА «ПРЕДПОЛОЖЕНИЕ» В НЕМЕЦКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Процессы категоризации, концептуализации, интерпретации фрагментов действительности приводят к образованию концептов. Концепт «предположение» является модусным концептом в составе языковой категории возможности. Средства репрезентации данного концепта в немецкой языковой картине мира могут быть представлены как компоненты номинативного поля.

Ключевые слова: модусный концепт, предположение, интерпретация, номинативное поле, репрезентант

Восприятие и отражение окружающей действительности человеком включает в себя не только процессы внимания, мышления, сравнения, воспоминания, представления, интерпретации и тому подобные, но и операции категоризации и концептуализации.

В результате категоризации происходит объединение ментальных репрезентаций, стоящих за эквивалентными сущностями, в категории. Итогом процесса концептуализации, направленного на дальнейшее осмысление отражаемого явления действительности, следует считать образование концепта. Концепт представляет собой ментальное образование, как результат фрагмента отражённой действительности локализуется в сознании человека, объективируется языковыми средствами и при этом обладает сложной структурой.

Интерпретация как одна из мыслительных операций лежит в основе языковых категорий модусного типа¹ и проявляется в виде знания, мнения, индивидуального опыта, оценки относительно того или иного концептуального содержания. Языковые категории модусного типа представлены модусными концептами.

Концепт «предположение» определён нами как модусный концепт в составе языковой категории возможности, так как:

— предположение есть не что иное как интерпретация какого-либо факта, включающая в себя оценку степени вероятности существования данного факта в реальности, следовательно, концепт «предположение» суть ментальная единица, образовавшаяся в результате отражения и интерпретации окружающей действительности;

— как и любой модусный, концепт «предположение» характеризуется релятивностью, то есть свойством приобретать конкретную значимость только в рамках конкретного содержания; само по себе предположение не самодостаточно, а лишь в соединении с пропозицией высказывания оно может реализовать мысль говорящего;

Гремицкая Мария Владимировна — кандидат филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков Вятской государственной сельскохозяйственной академии. E-mail: gremal@rambler.ru

¹ Болдырев 2009, 33.

— «„возможность“ в лингвистике должна рассматриваться в широком смысле как инвариантная „сема“ в составе значений множества лексических единиц, имеющих отношение к номинации понятий, связанных с вероятностью, способностью, умением, „кажимостью“, проблематичностью, отсутствием полной убеждённости, предположительностью, мнением и т.п.»², из чего следует, что концепт «предположение» базируется на объективной возможности существования факта в действительности, поскольку предполагать можно всё, что возможно.

Объективация модусного концепта «предположение», базовым репрезентантом которого в немецкой языковой картине мира является лексема «*Vermutung*», может быть рассмотрена как совокупность языковых средств, представленных в номинативном поле.

В результате исследования выявлено, что в немецком языке номинативное поле концепта «предположение» содержит 873 номинативные единицы.

Ядро номинативного поля составляют прямые номинации концепта «предположение»: ключевое слово, его синонимы, а также лексемы, являющиеся основными репрезентантами концепта, и их синонимы. Данные лексические единицы характеризуются наиболее общим, прямым значением и минимальной степенью зависимости от контекста.

В ядре целесообразно выделить центр: ключевое слово *Vermutung* и его носительный синоним *Annahme*. Кроме того, к центру ядра также следует отнести лексемы, которые активно участвуют в объективации концепта «предположение» и являются однокоренными словами вышеназванных единиц, а именно: *vermuten*, *annehmen*, *vermutlich*, *angenommen*, также словосочетание *für möglich / wahrscheinlich halten*.

Для выявления синонимов ключевого слова и синонимов лексических единиц, наиболее полно и ярко объективирующих концепт «предположение», необходимо построение синонимического ряда каждой отдельной лексемы из вышеперечисленных, то есть ядро номинативного поля концепта «предположение» содержит лексемы, выявленные путем построения синонимических рядов, имеющих следующие доминанты: *Vermutung*, *Annahme*, *vermuten*, *annehmen*, *vermutlich*, *angenommen*, — а также устойчивые словосочетания, синонимичные выражению *für möglich / wahrscheinlich halten*.

Ядро номинативного поля концепта «предположение» представлено указанными лексическими единицами и их сочетаниями: *Ahnung*, *Ansicht*, *Auffassung*, *Befürchtung*, *Behauptung*, *Einbildung*, *Erwartung*, *Hoffnung*, *Meinung*, *Verdacht*, *Voraussetzung*, *Vorstellung*; *ahnen*, *denken*, *erwarten*, *fühlen*, *befürchten*, *glauben*, *hoffen*, *meinen*, *verdächtigen*, *voraussetzen*, *sich vorstellen*; *anscheinend*, *möglich*, *möglicherweise*, *möglicherweise*, *vielleicht*, *voraussichtlich*, *(höchst)wahrscheinlich*, *wohl*; *einer Annahme / Vermutung entsprechend*, *(in) der Annahme / Vermutung sein*, *eine Annahme / Vermutung anstellen* / *aussprechen* / *äußern* / *fallenlassen* / *haben* / *hegen*, *allem Anschein nach*, *aller Voraussicht nach*, *aller Wahrscheinlichkeit nach*, *wie man annehmen / vermuten kann*, *wie anzunehmen / zu vermuten ist*.

Ближнюю периферию номинативного поля составляют синонимы лексических единиц, входящих в ядро поля. Благодаря построению синонимических ря-

² Зеленщиков 2010, 119.

дов ядерных лексем появляется возможность установить не только лексические единицы в переносном значении, но и единицы, которые отражают номинации разновидностей денотата концепта, его отдельных признаков, тем самым раскрывают содержание концепта и отношение к нему в разных ситуациях его обсуждения, то есть не что иное, как производные номинации концепта. В структуре номинативного поля концепта «предположение» ближняя периферия является наиболее объёмным по сравнению с другими образованием, поскольку представлена наибольшим количеством как стилистически нейтральных, так и стилистически окрашенных лексем и сочетаний, например: *Argwohn, Dafürhalten* (высок.), *Einschätzung, Gedanke, Gedankenblitz* (шутл.), *Hypothese, Kalkül* (террит.), *Prämisse* (научн.), *Riecher* (небрежн.), *Unsicherheit, Wahn* (высок.), *Zweifel, (sich) ausrechnen, finden, grübeln, kurven* (груб.), *orakeln* (разг.), *scheinen, vorausfühlen, wägen* (перен.), *amfibolisch* (научн.), *finster* (разг.), *fraglich, hoffentlich, umstritten, weitblickend, mit (ziemlicher) Sicherheit, (mit) an Sicherheit grenzende(r) Wahrscheinlichkeit, sechster Sinn, innere Stimme, Ungewissheit, innerer Widerstreit* и другие.

Дальняя периферия номинативного поля концепта «предположение» представлена фразеологическими и паремиологическими единицами, выявленными методом сплошной выборки из соответствующих словарей и справочников и включающими в себя или ключевое слово, репрезентирующее концепт «предположение», или его абсолютный синоним, или лексемы из ядра и ближней периферии. Например, это такие фразеологические единицы, как *auf Vermutungen angewiesen sein, in Vermutungen ergehen / verlieren, einer Vermutung / Annahme nachgehen, recht in der Vermutung / Annahme gehen; sich auf schwankenden / unsicheren Boden begeben, ein flaes / komisches / mulmiges Gefühl in der / um die Rosette haben, eine Hoffnung begraben / zu Grabe tragen, mit einer Meinung (nicht) hinter dem Berge halten, im Rahmen des Möglichen bleiben, eine (gute / feine) Nase / einen (den richtigen) Riecher für etw. haben* и другие.

Интересны и самобытны паремии, непосредственно объективирующие исследуемый концепт (*Vermutung ist nicht Gewissheit*) или раскрывающие содержание концепта посредством толкования его отдельных составляющих, например: *Der Mensch denkt, Gott lenkt. Träume und Gedanken kennen keine Schranken. Auf das Urteil des Narren braucht niemand zu warten. Meinen und Hoffen hat's selten getroffen. Bei Hoffnung ist immer Zweifel. Gewiss geht vor ungewiss. Sein geht über Schein. Was man voraussieht, davor kann man sich schützen. Wahn ist eine blinde Kuh.*

К крайней периферии номинативного поля целесообразно отнести фразеологизмы и паремии, в составе которых нет ни ключевого слова-репрезентанта концепта «предположение», ни его синонимов, ни других лексем из ядерной части и ближней периферии, но которые так или иначе номинируют исследуемый концепт либо характеризуют его описательно с той или иной стороны. Например: *Antenne haben, weiße Mäuse merken / riechen* (интуитивное предположение, догадка); *auf der Stirn geschrieben stehen; wissen, was vor sich geht (was gespielt wird, was / wo die Glocke / die Uhr geschlagen hat, wo Barthel den Most holt, woher der Wind weht); Da liegt der Hase im Pfeffer. Das ist des Pudels Kern* (предположение, имеющее уверенный характер); *über den Daumen peilen, einen Überschlag machen* (предположение относительно размера, количества чего-либо); *etw. j-m blühen kann, von j-m auf andere schließen* (предположение чего-либо в отношении третьих лиц); *den Teufel*

an die Wand malen (предположение чего-либо негативного); *Unverhofft kommt oft. Es ist noch nicht aller Tage Abend. Was sein soll, schickt sich wohl* (предположение в отношении будущего) и другие.

Интересно, что лексические единицы *Vermutung*, *Annahme* как основные лексемы-репрезентанты концепта «предположение» представлены во фразеологическом и паремиологическом фонде немецкой языковой картины мира в незначительном объёме. Возможно, причина этого кроется в том, что данный концепт отражён в сознании носителей немецкого языка как весьма сложное образование, сводимое к более простым составляющим, в отношении которых и сформулированы определённые мысли.

Итак, «предположение» как модусный концепт в составе языковой категории возможности возникает в результате категоризации и концептуализации окружающей действительности и посредством интерпретации проявляется в виде формулирования определённого суждения относительно наличия какого-либо явления в действительности. Для формулировки предположения говорящий на немецком языке располагает комплексом лексических средств — репрезентантов концепта «предположение» в немецкой языковой картине мира, входящих в состав номинативного поля. Построение последнего позволяет представить концепт «предположение» в том виде, в котором он отражён и зафиксирован в языке, то есть описать лишь коммуникативно релевантную часть концепта.

ЛИТЕРАТУРА

- Болдырев Н. Н. 2009: Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. Концептуализация мира в языке: коллективная монография. Вып. 4, 25-76.
Зеленищikov А. В. 2010: Пропозиция и модальность. М.

THE NOMINATIVE FIELD OF THE MODUS CONCEPT «SUPPOSITION» IN THE GERMAN LINGUISTIC VIEW OF THE WORLD

M. V. Gremitskaya

Categorizing, conceptualizing and interpretation of fragments of reality lead to the formation of concepts. The concept «supposition» is a modus concept in the linguistic category of possibility. The means of representation of this concept in the German linguistic view of the world can be embodied as the components of the nominative field.

Key words: modus concept, supposition, interpretation, nominative field, representative

© 2014

Н. Н. Зеркина, Н. Н. Костина

МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ СЕМАНТИКИ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ ВТОРИЧНОЙ НОМИНАЦИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена отбору и анализу различных методов и приемов изучения семантики языковых единиц вторичной номинации, а именно, фразеологических и аббревиатурных единиц.

Ключевые слова: метод, языковая единица, семантика, фразеологическая единица, аббревиатурная единица

Изучение семантики языковых единиц вторичной номинации как способа выражения мысли средствами языка представляет особый интерес, поскольку это значительный пласт лексики, который обладает большим семантическим потенциалом и развивается по своим законам, пронизывает все стили языка и дискурсы.

Первичная номинация — это крайне редкое явление в современных языках, и английский не исключение, поскольку она относится к первообразным словам.

Современный английский язык, как и другие современные языки, пополняет свой номинативный инвентарь благодаря вторичной номинации, под которой понимается использование фонетического облика первообразной языковой единицы для нового обозначаемого, т.е. появление нового значения у данной языковой единицы. При этом результаты вторичной номинации воспринимаются как производные по морфологическому составу и по смыслу.

Как отмечает Л. М. Васильев, «теория и метод находятся в неразрывном диалектическом единстве. В процессе познания они различаются лишь функционально: теория — это результат познания, проверенный практикой, а метод — это применение созданной теории для добывания новых знаний и для создания на их основе новой, уточненной теории. Таким образом, теоретическое познание — это непрерывное восхождение по спирали. Цель этого бесконечного восхождения — познание по частям абсолютной истины»¹.

В современной методологии языкознания нет общепринятой классификации методов исследования языковых единиц вторичной номинации английского языка.

Мы предлагаем анализ общих методов и принципов изучения языковых единиц вторичной номинации, поскольку солидарны с мнением З. И. Комаровой, что «деятельность людей в любой её форме (научная, практическая и т. д.) определяется целым рядом факторов, а её конечный результат зависит не столько от того, кто действует (субъект) и на что действие направлено (объект), сколько от того, как совершается эта деятельность: какие способы, приемы и средства при этом имеются, т.е. от используемых методов»².

Зеркина Наталья Николаевна - кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков Института истории и филологии Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова. E-mail: agatik01@mail.ru

Костина Наталья Николаевна — кандидат филологических наук, доцент Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова. E-mail: rakitina_n@mail.ru

¹ Васильев 1997, 7.

² Комарова 2013, 219.

Несмотря на то что фразеологические единицы (ФЕ) прежде всего элементы фразеологической системы и при их рассмотрении требуются прежде всего специальные методы, которые могут выявить принадлежность устойчивых сочетаний слов к фразеологическому фонду, а аббревиатурные единицы (АЕ) прежде всего элементы аббревиатурно-лексической системы языка, они имеют ряд общих продуктивных методов их изучения.

Все исследователи ФЕ и АЕ обращаются к анализу данных единиц.

Для ФЕ это метод *фразеологического анализа*, который состоит из метода фразеологической идентификации и фразеологического описания³. Предложенный А. В. Куниным метод фразеологической идентификации уточнялся и совершенствовался по мере совершенствования методов лингвистического исследования и развития теории фразеологии.

Изучение АЕ также начинается с их идентификации и установления принадлежности к аббревиатурному фонду языка.

Метод фразеологического анализа и аббревиатурного анализа способствует таксономии ФЕ и АЕ и основывается на ряде общих принципов.

Поскольку ФЕ и АЕ не являются эквивалентами слов, а соотносятся с ними таким образом, при ориентации на слово преобладает исследование фразообразующих свойств слов-компонентов и динамический подход к описанию структурной организации ФЕ и АЕ. В данном случае необходим анализ соотношенности ФЕ и АЕ со знаменательными и служебными словами, а также с переменными словосочетаниям и предложениями с учетом как различий, так и сходств между ними, что дает возможность выделить различные классы ФЕ и АЕ. Все многообразие ФЕ и АЕ сводится к конечному числу типовых структур на основе сходства и различия их формальных признаков.

Также при изучении ФЕ и АЕ используются методы, основанные на количественных параметрах и анализе наличия или отсутствия связи между ними и качественными изменениями.

Путем наложения значения ФЕ и АЕ на буквальное значение ее компонентов определяется семантическая устойчивость во фразеологических единицах и *семантическая емкость* АЕ, для которых характерен плеоназм. ФЕ и АЕ рассматриваются с точки зрения формы и значения.

В структурно-семантическом описании ФЕ и АЕ преобладают системно-классификационный, статический в своей основе метод, а соотношение универсального и специфического в ФЕ и АЕ разноструктурных языков выявляется на основе применения структурно-типологического метода исследования. Структурная типология — «внутренняя» типология, в отличие от «внешней», изучает закономерности влияния на язык экстралингвистических факторов. Данный метод также «работает» и на АЕ.

К ФЕ и АЕ также применим лингвокультурологический метод, позволяющий в полной мере выявить своеобразие фразеологизмов и описать их роль в языковой концептуализации мира. Экспериментальным путем исследуется восприятие и употребление ФЕ и АЕ; показано, что ФЕ и АЕ не только образно описывают

³ Кунин 2005, 42.

происходящее, но и одновременно транслируют символы, стереотипы, эталоны, мифологемы, принимая на себя функцию знака культуры.

Как отмечает Л. М. Васильев, «в современной семантике вместе со структурными методами (компонентным, оппозитивным, дистрибутивным, трансформационным и др.) часто используются также психолингвистические эксперименты, логико-математические методы и др. Такое взаимодействие методов, нарушающее их «чистоту», следует признать весьма плодотворным, ибо многообразие методов, их, так сказать, многоцветность как нельзя лучше соответствует сложному устройству и разнообразию красок самого языка»⁴.

Применение психолингвистических методов в изучении семантики ФЕ и АЕ оправдано тем, что в семантике с их помощью выявляется многозначность данных языковых единиц, их синонимические и антонимические связи, их варианты формы, степень семантической близости языковых единиц и т. д. Все психолингвистические методики опираются на языковую интуицию испытуемых. Субъективизм ответов снимается путем их обобщения (именно поэтому немалое значение имеет число испытуемых: по единичным ответам нельзя судить о каких-то строгих языковых закономерностях). При обработке ответов испытуемых применяются методы статистики.

Логико-математические методы позволяют охарактеризовать семантику ФЕ, АЕ и других единиц языка с качественно-количественной стороны, что чрезвычайно важно для лексикографии.

Таким образом, в следующей таблице систематизированы и обобщены наиболее распространенные, базовые методы изучения языковых единиц вторичной номинации.

Лингвистические методы	Экстралингвистические методы
<u>I. Сравнительно-исторический (генетический) метод.</u> Данный метод составляет основу этимологической методики. Он представляет собой совокупность приемов, позволяющих доказать родство языков и выявить факты их древнейшей истории, опираясь на законы фонетических изменений, а также закономерности и тенденции изменения различных единиц языка. Приемы сравнительно-исторического метода: прием внешней реконструкции — внешнее сравнение; прием внутренней реконструкции — внутреннее сравнение	<u>I. Психолингвистические методы:</u> 1. Тип психолингвистического эксперимента (испытуемым предлагается либо строить некоторые тексты или же их фрагменты, либо так или иначе моделировать синтагматические отношения между словами); 2. Тип ассоциативного эксперимента (фиксация парадигматических, синтагматических, тематических ассоциаций): перед испытуемыми ставятся какие-то конкретные задачи, опирающиеся на их языковую интуицию: указать только на парадигматические или только на синтагматические связи данного слова, привести антонимы данного слова и т.д. 3. Тип психолингвистического эксперимента, методика Чарлза Осгуда, — эксперименты, в которых испытуемым предлагается оценить возможность тех или иных синтаксических конструкций, степень их правильности или распространенности, степень семантической близости каких-либо пар слов и т.д.
<u>II. Сопоставительный (синхронический и диахронический) метод.</u>	<u>II. Логико-математические методы:</u> Методы логического анализа языка:

⁴ Васильев 1997, 5.

Лингвистические методы	Экстралингвистические методы
Отыскание и определение явлений и фактов одного языка, имеющих тождественные функции в разные периоды развития языка (диахронический) и в пределах определенного периода развития языка (синхронический). III. Сопоставительно-типологический метод: Первая составляющая — сопоставительный метод (отыскание и определение явлений и фактов ряда языков, имеющих тождественные функции независимо от того, являются ли сопоставляемые языки генетически родственными или нет, а также определение места, которое они занимают в своей микросистеме)⁵; Вторая составляющая — типологический метод. «Целью типологического описания языков мира, — подчеркивает В.Н. Ярцева, — является выявление суммы сходных и различных черт, характеризующих их системы. ... Поэтому важным оказывается не только наличие в данном языке какого-либо приема или отношения, но и то место, которое занимает данный языковой факт в общей схеме распределения приемов и отношений, характерной для исследуемого языка»⁶. Основным приемом исследования является сравнение. IV. Методы структурной лингвистики: метод дистрибутивного анализа (сегментация и идентификация различных единиц текста посредством приема субституции (подстановки)); метод трансформационного анализа. Помогает определить системные связи между синтаксическими конструкциями (синонимические, деривационные и др.), снять их омонимию, разграничить лексические значения и синтаксические функции отдельных слов в составе конструкции (словосочетания или предложения); метод компонентного анализа (разложения лексических значений при их описании на компоненты). Приемами метода компонентного анализа являются семный анализ и анализ по семантическим множителям; метод оппозитивного анализа заключается в выявлении	метод дедукции; метод индукции; метод анализа; метод синтеза; Методы логико-математического моделирования: метод вероятностно-статистический; метод теоретико-множественный (моделирование множеств, исчисление множеств, наложение множеств друг на друга с целью их сравнения). III. Лингвогеографические методы: методы ареальной лингвистики — диахроническое изучение языков или языковых явлений, их фиксация по пространственному признаку; методы лингвогеографии — синхронное пространственное описание языков или языковых явлений. IV. Философские методы (общие методы познания): метод диалектического материализма; метод исторического материализма; метод позитивизма.

⁵ Аракин 1989.

⁶ Ярцева 1967, 203-207.

Лингвистические методы	Экстралингвистические методы
путем сравнения языковых единиц их всевозможных релевантных (функционально значимых) оппозиций в составе тех или иных парадигм; метод поля заключается в сравнении и идентификации языковых единиц (лексико-фразеологических и грамматических) по тем или иным компонентам их содержания. Основные приемы исследования метода структурной лингвистики — дифференциация и идентификация языковых единиц как компонентов синхронных структур	

Разные комбинации методов и их приоритетность могут влиять на результаты исследования, раскрывать скрытую семантику как ФЕ, так и АЕ; дополнять ранее полученные знания в области семантики языковых единиц вторичной номинации и методологии лингвистических исследований.

ЛИТЕРАТУРА

- Аракин В.Д.* 1989: Типология языков и проблема методического прогнозирования. М.
- Васильев Л.М.* 1997: Методы современной лингвистики. Учебное пособие по общему языкознанию. Уфа.
- Комарова З.И.* 2013: Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике. М.
- Кунин А.В.* 2005: Курс фразеологии современного английского языка. Дубна.
- Ярцева В.Н.* 1967: Принципы типологического исследования родственных и неродственных языков // Проблемы языкознания: доклады и сообщения сов. ученых на X Международном конгрессе лингвистов. М.

METHODS OF STUDYING SEMANTICS OF THE SECOND NOMINATION LANGUAGE UNITS IN THE ENGLISH LANGUAGE

N. N. Kostina, N. N. Zerkina

This article is devoted to the selection and analysis of different methods of studying semantics of the second nomination language units such as phraseological and abbreviational units.

Key words: method, language unit, semantics, phraseological unit, abbreviational unit

© 2014

Т. А. Островская

АФОРИЗМЫ КАК ФОЛЬКЛОР ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ В РУССКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА (НА ПРИМЕРЕ КОНЦЕПТА «ОТНОШЕНИЕ К ТРУДУ»)

На примерах афоризмов русского и английского языков рассматривается концептуализация и вербализация отношения к труду интеллектуальной элиты России и Соединенных Штатов Америки как представителей двух языковых картин мира.

Ключевые слова: элита, труд, афоризмы, языковая картина мира

Афоризм — краткое выражение доктрины или принципа или любой иной широко распространенной идеи, заключенное в емкой, легко запоминающейся фразе. Особенно широко афоризмы используются в тех областях знания, которые поздно сформулировали свои принципы и методологию: искусство, сельское хозяйство, медицина, юриспруденция и политика.

Впервые этот термин был использован в «Афоризмах» Гиппократов, представляющих собой пространное описание симптомов и способов лечения болезней.

Постепенно термин стал использоваться в других областях и в конце концов стал применяться для выражения общепринятых концепций. Ныне термин «афоризм» близок к слову «максима».

В наши дни афоризм как особый вид лингвокультурных текстов занимает промежуточное положение между пословичными паремиями и обычным высказыванием.

В зависимости от уровня образованности индивида он может существовать в кругу высокой (элитарной) или народной культуры (фольклор). Афористика как литературный жанр более присущ высокой культуре¹.

Будучи лингвокультурными текстами, афоризмы, наряду с фразеологическими единицами, являются эффективным материалом исследования национально-культурной специфики различных явлений, происходящих в обществе.

Нами было отобрано свыше шестисот афоризмов из русских и американских литературных источников, а также из сборников афоризмов.

При анализе афоризмов мы выделили следующие доминирующие темы афоризмов в русском языке (РЯ):

Труд — потребность и главное занятие человека:

- Человек всю жизнь должен какое-нибудь дело делать - всю жизнь! М. Горький.
- Труд всегда был основанием человеческой жизни и культуры. А. С. Макаренко.
- Труд есть деятельность мозга, мускулов, составляющая природную внутреннюю потребность. Н. Г. Чернышевский.

Островская Татьяна Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Адыгейского государственного университета. E-mail: ostrovska.t@mail.ru

¹ Ашукин, Ашукина 1987.

- Надо поставить свою жизнь в такие условия, чтобы труд был необходим. Без труда не может быть чистой и радостной жизни. А.П. Чехов.
- Освобождение себя от труда есть преступление. Л.Н. Толстой.
- Чтобы жить, надо уметь что-либо делать. М.Горький.
- Главный элемент реальности — труд, и самый верный признак реальности — деятельность. Н.Г. Чернышевский.

Труд — это преодоление:

- Самое важное в каждом деле — пересилить момент, когда вам не хочется работать. И.П. Павлов.
- Устают и изнемогают не столько от того, что много работают, а от того, что плохо работают. Н.Е. Введенский.
- Легкость дается тяжелым трудом. И.К. Айвазовский.

Труд гармонизирует человека, дает ощущение радости:

- Только труд может сделать человека счастливым, приводя его душу в ясность, гармонию и довольство самим собой. В.Г. Белинский.
- Блажен, кто рядом славных дел свой век украсил быстротечный. А.К. Толстой.
- Исключительное счастье человека — быть при своем постоянном любимом деле. В.Н. Немирович-Данченко.
- Отдых после умственного труда нисколько не состоит в том, чтобы ничего не делать, а в том, чтобы переменить дело: труд физический является не только приятным, но и полезным отдыхом после труда умственного. К.Д. Ушинский.

Плохо выполненная работа приводит к физической и душевной усталости, плодотворный труд — источник здоровья:

- Тот, кто работает, всегда молод. И иногда мне кажется, что, может быть, труд вырабатывает какие-нибудь особые гормоны, повышающие жизненный импульс. Н.Н. Бурденко.
- Там, где труд превращается в творчество, естественно, даже физиологически исчезает страх смерти. А.Н. Толстой.
- В труде разгадка долголетия. С.Н. Сергеев-Ценский.
- Труд — это благороднейший исцелитель всех недугов. Нет ничего радостнее труда. А.Н. Островский.
- Труд лечит и выпрямляет души людей. М.Шагинян.
- Силы, не освежаемые трудом, тупеют. Д.И. Писарев.

Труд дает чувство собственного достоинства, достатка и уважения в обществе:

- Лишь трудом и борьбой дается самобытность и чувство собственного достоинства. Ф.М. Достоевский.
- Труд есть единственный источник богатства: богатство, добываемое трудом, есть единственное лекарство против страданий, бедности и против пороков праздности. Д.И. Писарев.

Не нужно стыдиться никакой работы, а нужно стыдиться праздности:

- Стыдиться можно и должно не какой-либо работы, хотя бы самой нечистой, а только одного: праздной жизни. Л.Н. Толстой.
- Великая радость — работа

В полях, за станком, за столом!
Работай до жаркого пота,
Работай без лишнего счета
Все счастье земли — за трудом.
В. Я. Брюсов.

Талант должен подкрепляться трудом:

- И при гениальном таланте только великие труженики могут достигнуть в искусстве абсолютного совершенства. Эта скромная способность к труду составляет базу всякого гения. И. Е. Репин.
- К славе ведет один путь: труд. Кто хочет попасть к ней другим путем, тот контрабандист. П. А. Павленко.
- Вдохновение рождается только от труда. П. И. Чайковский.

Мы выделили в качестве примеров лишь небольшую группу афоризмов, но все они имеют множество вариантов, выдержанных в аналогичном стиле — они серьезны, отражают взгляды людей, которые на примере собственной жизни продемонстрировали справедливость своих высказываний. Многие из них прожили долгую плодотворную жизнь и оставили значительный след в истории российского общества.

В американском варианте английского языка (АА) афоризмы стилистически менее однородны. Часть из них (около 30%) созданы в традициях протестантской этики и пафосно прокламируют ценности, существующие столетия в американском обществе. Однако афоризмы, созданные в XX в., носят откровенно ироничный характер: 67% афоризмов о труде, работе и отношении к ним отражают взгляды людей, уже достигших определенного уровня благосостояния, при котором нет нужды отрекаться от прочих радостей в жизни. Американцы по-прежнему признают, что работа — это важнейшее занятие для современного человека в Америке, но делают это не так дидактично, как раньше, а с юмором и иронией. Франклин Д. Рузвельт (1882-1945) по этому поводу заметил: *I sometimes think that the saving grace of America is in the fact that the overwhelming majority of Americans possessed of two great qualities: a sense of humor and a sense of proportion* (Я полагаю, что спасение и благодать Америки состоит в том, что подавляющее большинство американцев обладают двумя замечательными качествами: чувством юмора и чувством меры) (Перевод наш. — Т.О.).

Авторство афоризмов принадлежит людям разных видов деятельности: от президентов, известных государственных деятелей, писателей, ученых до профессиональных юмористов, журналистов, ведущих газетных и журнальных колонок, актеров.

Основные темы отношения к труду, отраженные в афоризмах АА:

Счастье человека - в труде:

- *I am a strong believer in luck and I find the harder I work the more I have of it.* B.Franklin.
 - Я глубоко верю в удачу и убеждаюсь, что чем больше я работаю, тем больше у меня удачи. Б.Франклин.
- Работа должна доставлять радость:

- Never continue in a job you don't enjoy. If you are happy in what you are doing, you'll like yourself, you'll have inner peace. And if you have that, along with your physical health, you'll have had more success than you could possibly have imagined. Johnny Carson (1925), US comedian and television host.

Никогда не продолжайте делать работу, которая вам не доставляет удовольствия. Если вы счастливы, выполняя какую-либо работу, вы уважаете себя, у вас есть чувство внутреннего равновесия, а в сочетании с физическим здоровьем вы добьетесь такого успеха, о котором вы даже не мечтали. Джонни Карсон (род в 1925 г.), американский юморист и телеведущий.

Успех в жизни есть следствие упорного труда:

- The secret of greatness is simple: do better work than any other man in your field — and keep on doing it. Wilfred A. Peterson.

Секрет успеха прост: делай работу лучше, чем любой другой в твоей области, и делай это постоянно. Уилфред А. Петерсон.

Работать нужно даже если не нуждаешься материально:

- Whenever it is in any way possible, every boy and girl should choose as his life work some occupation which he should like to do anyhow, even if he did not need the money. William Lyon Phelps.

При любой возможности каждый молодой человек или девушка должны выбрать себе занятие на всю жизнь, которое они хотели бы заниматься, даже не нуждаясь в деньгах. Уильям Лайон Фелпс.

Будь решительным в работе:

- Do not be too timid and squeamish about your actions. All life is an experiment. Ralph Waldo Emerson, US essayist and poet.

Не нужно быть слишком робким и щепетильным в своих действиях, ведь вся жизнь — это эксперимент. Ральф Уолдо Эмерсон, американский писатель и поэт.

Работу следует выполнять качественно:

- If you don't have enough time to do it right, you must have time to do it over. Unknown.

Если вы не найдете времени сделать работу правильно, вам придется найти время сделать ее еще раз. Неизвестный. (Перевод наш. — Т.О.).

Наряду с вышеперечисленными темами присутствуют и диаметрально противоположные, демонстрирующие ироничное или даже «циничное» (*cynical*) отношение к работе:

1. There are two kinds of people: those who work and those who take credit. It's better to belong to the first group because there is less competition. Unknown. Существуют два типа людей: те, кто работают, и те, кто берут кредит. Лучше принадлежать к первому типу — там меньше конкуренция. Неизвестный.
2. By working 8 hours a day you may eventually get to be boss and work 12. Robert Frost. Работая 8 часов в день, вы можете стать начальником и станете работать 12 часов в день. Роберт Фрост.
3. Never put off till tomorrow that you can avoid altogether. Unknown. Не откладывай на завтра то, что можно не делать совсем. Неизвестный.

По принципу содержания выделяются афоризмы — деонтические, универсальные высказывания, т.е. содержащие определенные требования, и алетические универсальные высказывания, т.е. констатирующие некий факт или явление. Иногда этому факту (явлению) дается нравственная или мелиоративная / уничижительная оценка. Анализ афоризмов (308 единиц в русском языке и 298 единиц в американском варианте английского языка) показал, что подавляющее большинство (87%) афоризмов в РЯ носят деонтический характер, а 78% афоризмов АА отличаются алетичностью. При этом надо отметить, что происхождение (авторство) афоризмов в РЯ и АА значительно различается. Около 83% афоризмов в РЯ принадлежат писателям и интеллигентам — недаром «поэт в России больше, чем поэт». В афоризмах РЯ ярко выражена назидательность, они серьезны и стилистически нейтральны. В этом случае мы наблюдаем отличие афоризмов от паремий, в которых ирония, насмешка (иногда грубая) соседствуют с серьезностью и поучением.

В результате исследования афоризмов РЯ и АА мы находим, что в русской языковой картине мира преобладают афоризмы дидактического характера, представляющие собой деонтические универсальные высказывания, стилистически нейтральные или пафосные. Отношение к труду авторов афоризмов демонстрирует мировоззрение людей, достигших определенной степени свободы в обществе, труд для них источник радости, удовольствия, цель в жизни, фактор здорового образа жизни. Авторы афоризмов принадлежат к интеллектуальной и творческой элите общества, они искренне хотят, чтобы их взгляды разделяли многие члены общества, что афоризмы, являясь «фольклором» интеллектуальной части общества в России, отражают точку зрения людей, для которых труд не является средством порабощения. В выражении своего отношения к труду они единодушны и оптимистичны: труд есть благо для человека и общества.

В этом отношении их точка зрения совпадает с традиционными моральными установками общества протестантской этики.

В американской этнокультуре произошедшее изменение отношения к труду явно отразилось в афоризмах как наиболее «подвижной» части паремиологии. Отношение к труду как к святыне по-прежнему присутствует в пословицах и поговорках, афоризмы же часто полны иронии, сарказма и даже в некоторых случаях циничны.

ЛИТЕРАТУРА

- Ашукин Н. С., Ашукина М. Г.* 1987: Крылатые слова: Литературные цитаты; Образные выражения. М.
- Воронцова Вл.* (ком.) 1976: Симфония разума. Афоризмы и изречения отечественных и зарубежных авторов. М.
- Кирдан П. Б.* (ред.) 1987: Пословицы и поговорки русского народа. Из сборника В. И. Даля. М.
- Толстой Л. Н.* 1990: Мысли мудрых людей на каждый день. М.
- Cohen J. M., Cohen M. J.* 1963: The Penguin Dictionary of Quotations. Vol. 12. Baltimore.
- Margulis A., Kholodnaya A.* 2000: Russian-English Dictionary of Proverbs and Sayings. Jefferson; London.
- Mieder W.* (ed.) 1992: A Dictionary of American Proverbs. Oxford.

APHORISMS AS FOLKLORE OF THE INTELLECTUAL ELITE IN RUSSIAN
AND AMERICAN LINGUISTIC WORLDVIEW (EVIDENCE FROM THE
CONCEPT "ATTITUDE TO WORK")*T. A. Ostrovskaya*

The article deals with cross-cultural study of the attitude towards work and labour conveyed by means of aphorisms in Russia and in the United States. The linguistic characteristic of the aphorisms is given to show the specific features of the world mapping.

Key words: elite, work & labor, cross-cultural study, aphorisms, world view

© 2014

С. А. Песина, А. В. Юрченко

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА И ОБЫДЕННОЕ МЫШЛЕНИЕ

Интегрированный подход к языку предполагает необходимость лингвокультурологического и философского осмысления языковой картины мира, что позволяет учитывать национальную специфику отдельно взятого языка. При этом языковая картина мира (примитивная или научная) — это результат переработки информации об окружающем мире и человеке.

Ключевые слова: фокус языковой картины мира, обыденное мышление, научные понятия, лингвокультурология

Язык — это важнейший способ существования и формирования знаний человека о мире, который репрезентирует отдельные элементы концептуальной картины мира. Отражая в процессе жизнедеятельности объективный мир, человек фиксирует в слове результаты познания. Языковая картина мира (примитивная или научная) — это результат переработки информации об окружающей среде и человеке. Являясь гештальтом высокой степени сложности, она имеет многоуровневую структуру, состоящую из картин мира отдельного человека, группы, народа, соединяет общее и индивидуальное, общечеловеческое и национально-специфическое, универсальное и исторически обусловленное, глобальное и частное.

Национальная общность людей создаёт для носителей языка не какую-то иную, неповторимую картину мира, отличную от объективно существующей, а лишь преломляет имеющуюся картину, обуславливая национальную значимость предметов, явлений, процессов, избирательное отношение к ним. Так, «русско-

Песина Светлана Андреевна — доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии и перевода Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова. E-mail: spesina@bk.ru

Юрченко Анастасия Владимировна — аспирантка кафедры английской филологии и перевода Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова. E-mail: staisy07@mail.ru

язычная» картина мира порождается спецификой деятельности, образа жизни и национальной культуры российского народа. Она также в значительной мере обусловлена современной политической ситуацией и соответствующим экономическим укладом России. Одновременно с этим языковая картина мира неизменно несёт в себе отпечаток исторической обусловленности. Причём языковая картина мира не стоит в одном ряду со специальными картинами мира (химической, физической и др.), она им предшествует и формирует их, потому что человек понимает мир и самого себя главным образом благодаря языку, в котором закрепляется общественно-исторический опыт — как общечеловеческий, так и национальный.

В языковой картине мира можно выделить её инвариантную часть — объективно вычленяемое ядро, практически осознаваемое и явное для всех или большинства носителей языка. Оно определяется нами как **фокус языковой картины мира**, как некая доминанта, обусловленная национально-культурными традициями и социально-политической структурой общества. Именно господствующие в обществе стереотипные взгляды на основополагающие понятия, идеология общества, общее мировоззрение дают возможность выделения в общезыковой картине мира её общезначимой инвариантной части.

Независимость физиологии восприятия от принадлежности человека к тому или иному этносу проявляется в том, что ядро лексикона в различных языках образуют слова, выражающие универсальные понятия (вряд ли есть языки, в которых отсутствуют слова *человек, животное, земля, вода, огонь* и др.). При этом словарный состав может быть беднее или богаче, отраженная в нем классификация предметов или явлений проще или сложнее, но исходный принцип ее организации остается неизменным: это членение мира на предметные сущности (реальные или мнимые), доступные восприятию. Разрыв в понимании наступает при изменении глобальной картины мира, когда смена фокуса языковой картины мира приводит к новой интерпретации мира.

Языки, как известно, «набрасывают» на мир и сознание сети с разным узором ячеек; вместе с тем это не может служить основанием для радикального варианта концепции лингвистической относительности — концепции лингвистического детерминизма. При всех вариациях концептуальных структур сознания рисуемые различными языками картины мира наиболее сходны в принципиальных чертах. Носители языка наполняют языковые единицы тем содержанием, которое диктуется им структурами мира и деятельности людей, отложившимися в их голове как концептуальные структуры сознания.

Одной из центральных проблем в исследовании картины мира является противопоставление **научное — практическое (наивное)** мировоззрение. Полемика относительно научной и наивной картины мира ведётся не одно десятилетие. Словарный состав обыденной речи, по мнению одних учёных, отличается от лексики научных текстов, т.к. характеризуется неясностью, расплывчатостью и часто не выдерживает испытания логическим анализом. Тем не менее, этот недостаток каждодневных слов не мешает им быть вехами на пути к научным понятиям, т.к. именно через них человек получает первое объективное и теоретическое представление о мире¹.

¹ Песина 2005а,б; 2011а,б.

Принято считать, что обыденный язык не может быть сведён к языку логики как к его сущностной основе и в принципе не подходит для науки. Вместе с тем описание обыденного языка и есть описание реального мировоззрения. Так, отвергая все попытки формализации языка, Л. Виттгенштейн считал, что создание идеального языка (например, эсперанто или метаязыка Карнапа) убьёт исконный обыденный язык². Б. Рассел, для которого было невозможно «простое описание» и невозможен язык без фактов, не разделял подобных взглядов³. Для него обыденный язык являлся необходимым только в некоторых случаях, например, в поэзии, в целом же он видел в нём форму выражения донаучного мышления. В этом смысле Б. Рассел был одним из самых последовательных противников позднего Л. Виттгенштейна.

Попытку облечь в теоретическую форму идею отсутствия разделения «обыденного» и «логического» знания предпринял Г. Райл, полагающий, что обыденный язык не является «сущностью» в классическом смысле этого слова. Структура, состав, правила и установления обыденного языка изменчивы. Они зависят от диспозиций и речевых актов, используемых в определённый момент исторического времени в определённой культуре. Автор показывает, что некоторые действия, отражающие качества разума, не являются интеллектуальными действиями или их следствиями (в полном соответствии с прагматическим подходом в философии). Представители прагматического подхода также полагают, что «быть разумным» – это не просто иметь некоторые качества, но ещё и уметь применять их в (языковой) практике. Поскольку «разумное» обретается в языковой практике, Г. Райл предлагает назвать его «знанием-как» (knowing how). Интеллект коллекционирует информацию, преобразуя её в форму идей, которые присущи тому, что мы знаем, или «знанию-что» (knowing what). Главный тезис Г. Райла заключается в том, что «разумное» не может быть определено в терминах «интеллектуального», а «знание-как» — в терминах «знания-что».

«Разумные» процедуры, по Г. Райлу, непосредственно выражают работу разума, тогда как «интеллектуальные» процедуры предпосылают ей категории. Согласно Г. Райлу, мы получаем «знание-как» исключительно в практике освоения и употребления языка, без помощи каких-либо теоретических уроков⁴. Таким образом, мы не описываем в обыденном языке деятельность разума и чувств, скрытых внутри Я-индивида; мы скорее описываем наши действия, т.е. склонности, поступки, намерения, оценки и т.д. Тем самым Г. Райл стремится развить идеи Л. Виттгенштейна об особом языковом поведении, которому человек обучается в процессе освоения языковой игры.

Дж. Остин не считал, что «обычный язык» является верховным апелляционным судом во всех философских делах: «Наш обычный запас слов воплощает все различия, которые люди сочли нужным установить на протяжении жизни многих поколений»⁵. Следовательно, учёный думал, что для практических повседневных дел различия, содержащиеся в обычном языке, более здравы, чем

² Виттгенштейн 1994, 103.

³ Рассел 2008.

⁴ Ryle 1976, 27.

⁵ Austin 1957, 67.

«любое различие, что мы с вами соблаговолим измыслить, посидевая днём в своих креслах»⁶.

По М. Даммиту, напротив, мы не поняли бы «обыденной» фразы, как не понимаем незнакомый жаргон или диалект, если бы не смогли вскрыть стоящую за ней логическую форму. Он полагает, что критерии языка устанавливаются не как правила употребления, а как универсальные понятия определённой схемы. В этой связи правила языка зависят не от употребления слов, а от употребления понятий. Возражая Л. Виттгенштейну, М. Даммит считает, что анализ любого языка позволяет выйти на его семантику, даже если она скрыта под «пластами» обыденного употребления. Анализ языка может вести к созданию систематической теории значения, а не только к исследованию конкретных языковых игр⁷.

Сам язык не есть продукт некоего высшего разума. Он следствие человеческого опыта, прежде всего конкретного, телесного. Язык даёт ключ, например, к изучению механизмов конструирования половой идентичности. Анализ структур языка позволяет получить информацию о том, какую роль играет гендер в той или иной культуре, какие поведенческие нормы для мужчин и женщин фиксируются в текстах разного типа, как гендерная принадлежность влияет на усвоение языка, с какими фрагментами и тематическими областями языковой картины мира она связана. Изучение языка позволяет также установить, при помощи каких лингвистических механизмов становится возможной манипуляция гендерными стереотипами. Вместе с тем необходимо отметить, что не следует принимать эти и другие гендерные стереотипы за абсолютное правило, поскольку не всегда различия могут быть столь очевидными. Кроме того, следует учитывать социальный статус индивида, его этническую и расовую принадлежность, его возраст и ряд других факторов⁸.

Нельзя не отметить, что естественные языки, как известно, не могут гарантировать высокий уровень точности производимой и используемой информации, поэтому оказываются причиной различного рода ошибок. Источником логических ошибок являются недостаточная логическая культура, сбивчивость мышления, нечёткое понимание того, что дано и что требуется доказать в ходе рассуждения, неясность применяемых понятий и суждений. Сбивчивость мышления бывает тесно связана с логическим несовершенством языковых средств. Питательной средой для логических ошибок являются те или иные предрассудки и суеверия, предвзятые мнения и ложные теории, эмоциональная неуравновешенность или возбужденность. Ошибки, связанные с нарушением логической правильности рассуждений, несоблюдение законов, правил, схем логики и составляют в сущности логику повседневного мышления. Это вовсе не значит, что повседневная логика принципиально ошибочна; просто она руководствуется иными задачами, исходит из других предпосылок по сравнению с классической формальной логикой.

Таким образом, обыденное и научное познание сосуществуют и взаимодополняют друг друга, обеспечивая возможность постоянной корректировки собственного поведения в окружающей реальности. Накопленный опыт, как известно, сохраняет те деятельностные программы, которые когда-то оказались успешными.

⁶ Austin 1957, 67.

⁷ Dammett 1978, 445.

⁸ Песина 2009, 2011в.

Но с течением времени их адекватность реально существующим обстоятельствам может превращаться в иллюзию, которая долго не осознается. В этом случае неожиданные научные результаты могут стать источником необходимой коррекции обыденных представлений, что, однако, происходит крайне редко.

ЛИТЕРАТУРА

- Виттгенштейн Л.* 1994: Философские работы. М. Ч. 1.
- Рассел Б.* 2008: История западной философии и её связи с политическими и социальными условиями от Античности до наших дней. М.
- Песина С. А.* 2005а: Языковая картина мира в философском и лингвистическом осмыслении // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. Общественные и гуманитарные науки. 5 (10), 358–362.
- Песина С. А.* 2005б: Полисемия в когнитивном аспекте: монография. СПб.
- Песина С. А.* 2009: Когнитивный подход к взаимодействию языка и мышления // Вестник Оренбургск. гос. ун-та. Проблемы онтологии, теории познания и философской антропологии. 7 (101), 178–181.
- Песина С. А.* 2011а: Слово в когнитивном аспекте: монография. М.
- Песина С. А.* 2011б: Влияние гендерного фактора на перевод художественных произведений // Женщина в современном обществе: сб. материалов межрегиональной науч.-практ. конф. с междунар. участием. Магнитогорск, 218–221.
- Песина С. А.* 2011в: Специфика философского и лингвистического подходов к центральным проблемам языка // Вестник Адыгейск. гос. ун-та. Сер. «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». Вып. 4 (88), 13–18.
- Austin J.* 1957: A Plea for Excuses // Philosophical Papers. 57, 63–71.
- Dammett M.* 1978: Truth and Other Enigmas. Cambridge.
- Ryle G.* 1976: The Concept of Mind. Harmondsworth.

LINGUISTIC VIEW OF THE WORLD AND EVERYDAY THINKING

S. A. Pesina, A. V. Yurchenko

Integrative approach to language research should consider the results of philosophical and cultural investigations in the field of linguistic perception of the world that takes into account national specifics of a single language. The language world (everyday or scientific) is the result of processing information about the surrounding world and people.

Key words: focus of linguistic picture of the world, everyday thinking, scientific concepts, cultural linguistics

© 2014

Т. Н. Ломтева, С. В. Пахаренко

СТРУКТУРНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКОВОГО КОНТАКТА КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ФЕНОМЕНА

В статье рассматриваются языковые контакты как результат глобализационных процессов. Дается узкая (обязательное двуязычие) и широкая (межъязыковая связь) трактовка данного лингвокультурного феномена.

Ключевые слова: языковой контакт, билингвизм\двуязычие, лингвистический и социолингвистический подходы к билингвизму, заимствования, дублеты

Одним из результатов глобализационных процессов, происходящих сегодня, является высокий уровень социальной подвижности. Взаимодействие между народами и странами принимает мировые масштабы. При этом происходит взаимодействие не только самих людей, но и языков, на которых они говорят, т.е. происходят языковые контакты. В начале третьего тысячелетия языковые контакты становятся поистине всеобъемлющими, и этот факт не может оставаться без внимания со стороны лингвистов, требуя глубокого и системного изучения. На современном этапе развития науки вопросами языковых контактов занимается лингвистика языковых контактов, или контактная лингвистика, или лингвистическая контактология. Данное направление рассматривает языковые письменные и устные контакты в диахронии, синхронии, изучает процессы и результаты языковых контактов в определенном геополитическом пространстве, которые обусловлены социальными, историческими, политическими условиями взаимодействия представителей различных общностей, говорящих на разных языках¹. В отечественном языкознании языковой контакт определяется как «речевое общение между двумя языковыми коллективами»². С точки зрения О. С. Ахмановой, этот термин означает «...соприкосновение языков, возникающее вследствие особых географических, исторических и социальных условий, приводящих к необходимости языкового общения человеческих коллективов, говорящих на разных языках»³.

В трудах современных лингвистов встречаются следующие определения: «языковой контакт — это предельно широкий класс языковых процессов, обусловленных разного рода взаимодействием языков»⁴. Согласно мнению Ж. Баганы, языковой контакт — это «любые случаи сосуществования и взаимодействия языков в языковом сознании индивида или языковом сообществе»⁵. Согласно мнению лингвистов, языковые контакты разделяются на прямые (тесные) и опос-

Ломтева Татьяна Николаевна — доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой романо-германского языкознания и межкультурной коммуникации Северо-Кавказского федерального университета. E-mail: rgya-mk@yandex.ru

Пахаренко Сабина Витальевна — старший преподаватель кафедры иностранных языков технических специальностей Северо-Кавказского федерального университета. E-mail: sabinp@yandex.ru

¹ Майоров 1998, 12.

² Опельбаум 1971, 8.

³ Ахманова 1966, 535.

⁴ Мечковская 2000, 118.

⁵ Багана 2004, 18.

редованные. Так, необходимо различать «узкое» и «более широкое» толкование термина «языковые контакты». В узком смысле языковой контакт связан с обязательным двуязычием, а в широком — это межъязыковая связь, при которой двуязычия может и не быть, как, например, при заимствовании лексики в процессе различных социально-политических, культурно-исторических, торгово-экономических и других отношений⁶. Данную точку зрения разделяет Т. А. Бертагаев и считает необходимым различать: — «дистальный тип, характеризующийся монолингвизмом при отсутствии тесного соприкосновения между языками и осуществляемый только посредством заимствований; — проксимальный, происходящий в условиях билингвизма при непосредственном языковом контакте, в результате которого один из контактирующих языков может претерпеть изменения»⁷. Ю. А. Жлуктенко в проксимальном типе выделяет «естественный языковой контакт и искусственный, происходящий в специально создаваемых условиях, например при обучении иностранному языку»⁸. Также, по мнению Ю. А. Жлуктенко, заслуживающей внимания представляется классификация А. Белецкого, в которой автор использует качественные характеристики процессов взаимодействия языков⁹. Работу над этой классификацией продолжил С. В. Семчинский, разграничив языковые контакты на: — «одностороннее воздействие на одном лингвистическом уровне определенного языка; — двустороннее воздействие на одном лингвистическом уровне определенного языка; — одностороннее воздействие на разных лингвистических уровнях одного языка; — двустороннее на разных лингвистических уровнях взаимодействующих языков»¹⁰.

Рассмотрим понятие *языковой контакт* в его узком смысле. По мнению Н. Ф. Алефиренко, «языковые контакты — сложное и многообразное явление, которое осуществляется на основе билингвизма и сопровождается интерференцией»¹¹. Языковой контакт в большинстве случаев невозможен без билингвизма, и соответственно последний является условием осуществления языкового контакта. А, не принимая во внимание диглоссию, определение В. Ю. Розенцвейгом языкового контакта как «речевого общения между двумя языковыми коллективами»¹² кажется синонимичным с определением билингвизма. А. П. Майоров понимает двуязычие как «сосуществование, взаимодействие и взаимовлияние двух различных языков в едином билингвистическом коммуникативном пространстве в определенную историческую эпоху в многонациональном государстве»¹³. Под воздействием языков понимаются всевозможные разновидности взаимовлияния, взаимопроникновения двух и более языков и диалектов, заимствования каким-нибудь одним языком всевозможных языковых фактов из других языков, а также результаты контактирования языков в разные периоды. «Понятия «двуязычие» и «взаимовлияние языков» в значительной мере соотносительны, ибо одно из них обычно предполагает другое. Двуязычие выступает не только как посредствующ-

⁶ Опельбаум 1971, 65.

⁷ Бертагаев 1972, 83.

⁸ Жлуктенко 1974, 18.

⁹ Жлуктенко 1974, 23.

¹⁰ Жлуктенко 1974, 23.

¹¹ Алефиренко 2005, 64.

¹² Розенцвейг 1972, 8.

¹³ Майоров 1998, 29.

щее звено в ходе взаимовлияния языков, но и как основная, наиболее активная и всеобъемлющая форма соприкосновения языков, ибо двуязычие — собственно процесс контактирования языков». Вслед за многими авторами мы рассматриваем понятия *билингвизм* и *двуязычие* как синонимичные и взаимозаменяемые.

Необходимо отметить, что понятие билингвизм очень многоаспектно и что до сих пор нет единого определения данного явления. На сегодняшний день в мире, по различным подсчетам, 70% населения Земли билингвально.

Среди многочисленных определений выделим следующие:

4. «одинаково совершенное владение двумя языками»¹⁴;
5. «приблизительно одинаково свободное, активное владение двумя языками; двуязычие начинается тогда, когда степень знания второго языка приближается вплотную к степени знания первого»¹⁵;
6. «владение двумя языками на уровне носителя»¹⁶;
7. «свободное владение двумя языками, один из которых унаследован от предшествующих поколений — родной язык, второй — чужой, иностранный»¹⁷;
8. «о наличии двуязычия мы можем говорить там, где люди владеют вторым языком в степени, достаточной для согласования своих действий с носителями второго языка, для обмена мыслями»¹⁸;
9. «наличие двух равноправных языков в пределах страны или области, знание двух языков и пользование ими в быту как равноценными»¹⁹;
10. «минимальная компетентность в одном из четырех аспектов языка — аудирование, говорение, чтение, письмо»²⁰;
11. «практика попеременного использования двух или нескольких языков одним и тем же индивидом»²¹.

Разница в определениях билингвизма лежит в подходах к данной проблеме. Как видно, все определения билингвизма разделены на два класса: в первом отмечается необходимость высокого уровня владения вторым языком, а во втором нет. Такое разделение основывается на разных подходах: лингвистическом и социолингвистическом. Рассмотрение понятия билингвизма с лингвистической точки зрения предполагает равноценное владение двумя языками, с социолингвистической же билингвизм имеет место и при несбалансированном, асимметричном уровне владения языками. Лингвистический подход к определению понятия билингвизма в свою очередь делится на когнитивный (уровень владения языком) и функциональный (с точки зрения функций используемых языков), в то время как социолингвистический рассматривает данное явление с позиции социального взаимодействия языковых общностей. «Языковой контакт и соответственно билингвизм нельзя отрицать даже при недостаточном знании второго языка. Коммуникативная, информативная функции языка, которыми овладевают с це-

¹⁴ Ахманова 1966, 125.

¹⁵ Аврорин 1972, 51.

¹⁶ Блумфильд 1968, 564.

¹⁷ Даурова 1964, 4.

¹⁸ Хапазаров 1969, 123.

¹⁹ Ушаков 2000, 666.

²⁰ Маспагара 1967, 62.

²¹ Вайнрайх 1979, 18.

люю приобщения к другой культуре, ради установления экономических, политических отношений между народами, утверждают социолингвистический статус билингвизма»²².

Рассмотрим языковой контакт в широком смысле. Чем больше вовлечена та или иная сфера деятельности в международное сотрудничество, в более или менее длительные международные связи, тем более открыта лексика и терминология этой сферы иноязычным инновациям²³.

Заемствование может происходить как в устной форме, при непосредственных языковых контактах, так и посредством письменных источников, причем больше изменений во всем своем облике иностранное слово претерпевает при устном заимствовании, чем при письменном. Однако при одновременном заимствовании нового предмета или понятия и непосредственно его названия значение этого заимствования не претерпевает серьезных изменений, но в случае вхождения нового слова в качестве синонима (дублета) к уже существующим словам между этими синонимами происходит разграничение значений и наблюдаются сдвиги в исходной семантике. Слова подобного рода иногда называют проникновениями²⁴.

Причины дублетности, по мнению Л. П. Крысина, необходимо искать не в экстралингвистических причинах (влияние внешних социальных конфликтов на процесс заимствования), а в самом воспринимающем языке²⁵. Существование дублетов — это временное явление. В истории русского языка немало случаев, когда один из дублетов вытесняется из речи, «не принимается языком», и либо делается вспомогательным средством, которое используется от случая к случаю, либо происходит семантическая и стилистическая дифференциация таких слов. Синонимичное заимствование вначале не имеет собственного строго сформировавшегося значения. Поэтому оно часто воспринимается как ненужный элемент, дублирующий то, что уже названо, но со временем начинает проявляться разница как в контекстном использовании иноязычного и русского слов, так и в выражаемых ими оттенками смысла²⁶. Заимствованное слово сильно изменяется в процессе употребления, происходит лексико-семантическая ассимиляция, которая выражается как в расширении, так и в сужении семантики слова, возможности переносного употребления заимствованного слова, изменении характера экспрессивной окраски. Вероятность освоения и укрепления таких слов в принимающем языке зависит как от социальной значимости понятия, обозначенного иноязычным словом, так и частоты и характера употребления слова в СМИ. Поэтому «судьба дублетов проясняется в будущем, когда их связи со словами заимствующего языка устанавливаются окончательно. Здесь можно добавить и про заимствования не обязательно дублетные, чья судьба также в руках времени, которое просеивает и оставляет только нужные, хоть взять заимствования прежних эпох»²⁷.

В период вхождения иноязычного элемента в речевой оборот обычны случаи перевода слова или термина на русский язык, а также его разъяснение. Первая

²² Истомина 2012.

²³ Крысин 2004, 186-187.

²⁴ Глинских, Петрова 2002, 27.

²⁵ Крысин 2004, 27.

²⁶ Крысин 2004, 168.

²⁷ Крысин 2004, 169.

встреча с незнакомым словом (заимствованным, хотя к нему можно приравнять и любой термин или понятие, которые еще неизвестны читателю или слушателю) — это трудность, вызванная непониманием, но есть решение — это вседоступный Интернет, различные словари, помощь знатока.

По мнению Крысина Л.П., в социолингвистическом аспекте различное отношение к заимствованным словам зависит от:

1. возраста: чем старше носитель языка, тем он менее толерантен к заимствованиям;
2. чем выше уровень образования, тем легче происходит речевая адаптация новых заимствований;
3. представители гуманитарных профессий, в особенности связанные с языком, легче усваивают и более терпимы к заимствованиям, по сравнению с другими специалистами. Последние не замечают иноязычность терминов в своей сфере деятельности²⁸.

Существует мнение, что в сознании носителя языка родные слова и словосочетания вызывают в сознании определённую картинку, ассоциацию, в отличие от заимствованных слов, которые передают лишь смысл высказывания. Причем заимствованное слово представляет собой набор букв, а его смысл воспримется не образно, а отвлечённо. Считается, что при желании с помощью новых заимствованных слов, а значит непонятных еще широкому кругу людей, можно управлять человеческим сознанием — как, например, при помощи слова «ваучер», под которым проходила распродажа национального достояния, или «экстрасенс», наивысочайший уровень доверия к которому никто до сих пор не превзошел. Вопрос о допустимости иноязычных терминов в том или ином тексте во многом зависит от возраста реципиента, его социального положения, степени общего развития, IQ, уровня образования, начитанности.

Как правило, говоря о заимствованиях, чаще имеют в виду англицизмы. Такому всеохватывающему процессу внедрения в другие языки англицизмы обязаны масс-медиа, процессу глобализации не только в промышленности, торговле, но и в спорте, моде, музыке, доминированию голливудских фильмов в мировой киноиндустрии, лидерству Америки в производстве средств связи и информационных технологий, а также экономическому и политическому превосходству англоговорящих стран. Процесс внедрения англицизмов в национальные языки многих стран вызывает отрицательное отношение со стороны носителей принимающего языка. По разным оценкам, многие языки не могут обойтись без использования более 600 англицизмов в повседневной речи. Правительства как европейских стран, так и России принимают многочисленные законы, поправки, направленные на регламентирование использования заимствованных слов и на наращивание темпов внедрения целевых программ, направленных на усиление национальной самоидентификации и самобытности народа через язык.

Практически нет ни одного языка, который за историю своего существования не вступил бы во взаимодействие с другим или другими языками. Процесс взаимовлияния языков неизбежен, разница лишь в результатах такого языкового сотрудничества, и зависят они от разных причин: родственные или неродственные

²⁸ Крысин 2004, 201.

языки, уровня развития языковых общностей, длительности языкового контакта, условий, масштабности и его причин.

ЛИТЕРАТУРА

- Аврорин В. А.* 1972: Двужычье и школа // Проблемы двуязычия и многоязычия. М., 49-62.
- Алефиренко Н. Ф.* 2005: Современные проблемы науки о языке. М.
- Ахманова О. С.* 1966: Словарь лингвистических терминов. М.
- Багана Ж.* 2004: Языковая интерференция в условиях франко-конголезского билингвизма: дисс. на соиск. степ. д. филол. наук. Саратов.
- Баранова Л. А.* 1998: О папарацци, стрингерах и таблоидах // Русская речь. 4, 49-53.
- Бертагаев Т. А.* 1972: Билингвизм и его разновидности в системе употребления // Проблемы двуязычия. М., 82-85.
- Блумфильд Л.* 1968: Язык. М.
- Вайнрайх У.* 1979: Языковые контакты. Киев.
- Глинских Г. В., Петрова О. В.* 2002: Введение в языкознание. Нижний Новгород.
- Даурова Л. Х.* 1964: Двужычье, его виды и этапы развития. Ученые записки Московского педагогического института им. В. И. Ленина. М.
- Жлуктенко Ю. А.* 1974: Лингвистические аспекты двуязычия. Киев.
- Истомина О. Б.* 2012: Билингвизм: социальная типология языковых контактов. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://filosofika.ru/2012/10/958.html>
- Крысин Л. П.* 2004: Русское слово, свое и чужое: Исследование по современному русскому языку и социолингвистике. М.
- Майоров А. П.* 1998: Социальный билингвизм и языковое пространство. Уфа.
- Мечковская Н. Б.* 2000: Социальная лингвистика. М.
- Опельбаум Е. В.* 1971: Восточнославянские лексические элементы в немецком языке. Киев.
- Розенцвейг В. Ю.* 1972: Основные вопросы теории языковых контактов // Новое в лингвистике. Вып. VI, 5-24.
- Ушаков Д. Н.* (ред.) 2000: Толковый словарь русского языка: в 4 т. М.
- Хапазаров К. Х.* 1969: О причинах и критерии двуязычия // Тезисы научной конференции, посвященной проблеме двуязычия и многоязычия. М.
- Macnamara J.* 1967: The bilingual's linguistic performance: a psychological overview // Journal of Social Issues. 23, 59-77.

THE STRUCTURAL AND CONTENT ASPECTS OF LANGUAGE CONTACT
PHENOMENON AS LINGVOCULTURAL

T. N. Lomteva, S. V. Pakharensko

The article deals with language contacts as a result of globalization processes. The narrow (required bilingualism) and wide (cross-language communication) interpretation of this linguocultural phenomenon is given.

Key words: language contact; bilingualism; linguistic and sociolinguistic approaches towards bilingualism; borrow-words; doublets

© 2014

Н. Ч. Серээдар

ПАРАДИГМАТИЧЕСКОЕ ВАРИИРОВАНИЕ МОДЕЛЕЙ БЫТИЙНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ТУВИНСКОГО ЯЗЫКА

В статье анализируется грамматическое значение элементарных простых бытийных предложений в тувинском языке. Показана роль связки в прошедшем и будущем временах. Прошедшее время может передаваться формой дательного падежа локализатора в предложении без связки. Настоящее время выражается нулевой связкой. Выявлены отличительные черты вспомогательных глаголов. Рассмотрены особенности выражения временных значений и сопровождающих их модальных и иных оттенков в конкретных типах предложений. Охарактеризованы способы выражения времен. Отмечено, что в бытийных предложениях в зависимости от времени меняется падеж локализатора.

Ключевые слова: элементарные простые предложения, модель, парадигма, бытийные предложения, предикаты, время, прошедшее время, настоящее время, будущее время, связка

Задачей статьи является рассмотрение способов выражения времени в двух группах бытийных предложений: 1) со значением наличия (отсутствия, количества) объектов в некотором пространстве; 2) со значением местонахождения.

Структурно-семантические модели простого предложения описываются на материале тувинского¹, алтайского², шорского³, карачаево-балкарского⁴ и других тюркских языков.

По М. И. Черемисиной, основной синтаксической единицей является элементарное простое предложение (ЭПП). ЭПП как языковая сущность недоступно прямому наблюдению, поэтому его записывают в виде моделей, в которых отражается понимание исследователем структурно-семантического устройства этих языковых объектов. Модель ЭПП фиксирует необходимые компоненты синтаксической единицы, которые представляются с помощью традиционных «символов классов слов». План выражения ЭПП можно представить в виде структурной схемы. Планом же содержания ЭПП является пропозиция — абстракция, которая соответствует смыслу предложения как знака языка⁵.

Модели бытийных предложений описывают ситуации наличия, присутствия объекта (объектов) в некотором пространстве. Объект может быть единичным или множественным, и в этом случае к значению наличия может добавляться обобщенная количественная оценка наличествующих объектов, выражаемая специальными предикатами. Предложениям наличия противостоят антонимичные предложения, обозначающие отсутствие объекта, отрицающие его наличие.

Серээдар Надежда Чылбаковна — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Тувинского института гуманитарных исследований, зав. сектором языка. E-mail: sereedar.62@mail.ru

¹ Серээдар 1995.

² Тыбыкова 1991; Байжанова 1999.

³ Телякова 1994; Невская 1997.

⁴ Ахматов 1983; Додуева 1997; Кетенчиев 2010; Хуболов 1997.

⁵ Черемисина 1995, 64.

Основную структурную схему можно представить формулой $\{N_{loc} + N_{Nom} + \text{бар} / \text{хөй} / \text{чок} + (\text{сор}) \text{чүве/чер}\}$.

В этой формуле символ N_{loc} подразумевает позицию локализатора: где находится что-то; в тюркских языках это синтаксическое значение выражается местным падежом; но в синтаксической формуле символ N_{loc} существенна именно функция локализатора. Символ N_{Nom} представляет объект. Это подлежащее конструкции, форма «прямого» (неопределенного) падежа.

Предикаты *бар/хөй/чок* — ‘есть/много/нет’ — это тоже символы; эти тувинские слова представляют не только самих себя, но и другие слова того же и других языков, с тем же типовым смыслом. Например, предикат *хөй* представляет и слова с семантикой ‘мало’, и с семантикой ‘очень много, прорва, полно’.

В тюркских языках, как и в русском, в бытийных предложениях парадигматическое варьирование представляет именной компонент и связка. Парадигма по синтаксическим временам в тувинском языке состоит из форм настоящего, прошедшего и будущего времен. Связка бывает представлена одним из четырех глаголов: *тур*= ‘стоять’, ‘быть’, *чор*= ‘лежать’, ‘быть’, *бол*= ‘быть’ и редко *бар*= ‘идти’, ‘быть’, в алтайском — глаголом *бол*= . В хакасском в этой роли выступает тоже глагол *пол*= . Основное назначение связки — выражать грамматическое время. Поскольку же настоящее время выражается нулевой связкой, то основное назначение названных «положительных» глагольных связок — выражать прошедшее или будущее время. Но, кроме этого, многие связки выражают дополнительно и другие значения и оттенки, прежде всего — разного рода модальные.

В тувинских конструкциях связки *тур*= и *бар*= передают каждая свои оттенки временных значений. Глагол *тур*= передает нейтральное временное значение будущего или прошедшего, в соответствии с той формой, которую он принимает. Каждая связка характеризуется собственной функционально-семантической спецификой и употребляется в определенных типах конструкций. Так, связка *тур*= употребляется в предложениях, в которых просто фиксируется факт наличия/отсутствия /количества чего-то: *Бис=ке тарылга шөлү чок тур=ган* — У нас не было хлебных полей; *Хову-Аксын=га аң-мең хөй тур=ган* (М.Кенин-Лопсан, АБК, 162) — В Хову-Аксы зверей было много; *Келир чылын одар=га мал-маган хөй тур=ар* — В будущем году в отаре скота будет много.

Связки *бол*= и *чор*=, помимо временного значения, включают в себе значение модального типа. Например: *бар чора=ан/чок чора=ан* ‘был/не был (я видел)’: *Аянда аът бар чора=ан* — У Аяна есть конь (я видел); *Соскар акымның эштери бар чора=ан*. *Эрткен чайын Чээнекке чорааш көргөн мен* (К.Кудажы, У, 1 т, 343) — Там были друзья брата Соскара (я видел). В прошлом году, побывав в Чээнেকে, я их видел. *Бар бол=ган/чок бол=ган* ‘оказалось, был / не оказалось’: *Одагда чүгле повар Чечен бар бол=ган* (Х.Ойдан-оол, ЧС, 64) — У костра, оказалось, была только повар Чечен; *Бис=те чарынчы кижичок бол=ган* (С.Сүрүң-оол, А-Т, 271) — У нас не оказалось гададьщика; *Штабтың адаан=да бир өг=де тыва бооларлыг, дүүргелерлиг аныктар бар бол=ду* (С.Танов, ХЧ, 91) — Внизу штаба, в одной юрте, оказалось, была молодежь с ружьями (я видел); *Аалчылар-даа арбын бол=ган* (К.Кудажы, У, 1 т, 8) — Гостей, оказалось, было довольно много; *Ол чылын дишң, шынап-ла, хөй бол=ган* (М.Мендуме) — В том году, действительно, белок, оказалось, было много; *Бо чылын оран-таңдының аң-өлүү ховар бол=ган*

ийин, дээргилер (К.Кудажы, У, 1 т, 72) — В этом году зверей тайги, оказалось, было мало, господа. Как видно из этих примеров, использование связка *чор*= выражает, во-первых, достоверность информации, во-вторых, эта достоверность не ограничивается только прошедшим временем: ружье было и есть сейчас. Связка *бол*= в конструкциях *бар + бол=ган / чок + бол=ган* обозначает обнаружение/необнаружение. Нам кажется, связки *бол*= и *чор*= в первую очередь выражают модальное значение.

Поскольку настоящее время индикатива выражает нулевая связка, значения прошедшего и будущего времени выражаются разными временными формами перечисленных связок; возможно, что набор связок в прошедшем и в будущем, а тем более вносимые каждой связкой модальные и иные оттенки не совсем одинаковы. Но для уверенных суждений у нас пока мало материала, поскольку формы будущего времени встречаются относительно редко.

Для выражения будущего времени используются формы *тур=ар*, *тур=бас*, *ба=ар*, *бар=бас*. Для выражения прошедшего времени используются формы прошедшего времени, положительные и отрицательные: *тур=ган / тур=ду*; *бар=ган / бар=ды* — и отрицательные: *тур=ба=ан/тур=ба=ды*.

В предложениях определенного типа — со значением местонахождения — используется еще один своеобразный прием передачи значения прошедшего времени. Он состоит в варьировании падежной формы локализатора. Чтобы выразить значение настоящего времени, локализатор ставится в форме местного падежа (=да). Смена местного падежа локализатора дательным падежом знаменует прошедшее время. Например, настоящее время: *Хою аал чоогун=да* (С.Сүрүң-оол, АА, 124) — Их овцы около аала; прошедшее: *Хою аал чоогун=га* — Их овцы были около аала; настоящее время: *Хөндөргей бажында Кажалыг дээр кыштаа=выс=та бис* (М.Эргеп, Т-УК, 12) — Мы на зимовке по названию Кажалыг вверху Хөндөргей; прошедшее: *Хөндөргей бажында Кажалыг дээр кыштаавыс=ка бис* — Мы были на зимовке по названию Кажалыг вверху Енисей; настоящее: *Авам силерниң бажыңыңар=да* (С.Сүрүң-оол, 1 т, 107) — Моя мама в вашем доме; прошедшее: *Авам силерниң бажыңыңар=га* — Моя мама в вашем доме; ср.: прош.вр.: *Аалчылар бажыңын=га-ла болгай мен* (С.Сүрүң-оол, НО, 18) — Я ведь был в гостинице.

Теперь рассмотрим подробнее особенности выражения временных значений и сопровождающих их модальных и иных оттенков в конкретных типах предложений. Не останавливаясь специально на выражении настоящего времени, поскольку выше мы вели анализ преимущественно на материале предложений с этим временным значением, охарактеризуем способы выражения будущего времени, а затем перейдем к рассмотрению способов выражения прошедшего времени.

Способы выражения будущего времени

Будущее время в предложениях наличия / количества / отсутствия может выражаться с помощью аналитической формы сказуемого, лексическим компонентом которой является предикат (предикатива) *бар / чок / хөй*, грамматически — глагольная связка, присущая данному языку и принимающая показатель будущего времени — аффикс *=ар* (*бар + тур=ар*), в отрицательной форме — (*чок + тур=ар*).

Однако, по нашим наблюдениям, предложения, построенные по конструкции (*бар* + *тур=ар*), для тувинского языка мало характерны: *Келир чылын Эрзин=ге тевелер бар тур=ар* — В будущем году в Эрзине будут верблюды.

Чаще используется другой способ выражения будущего времени. Он в предложениях рассматриваемого типа связан с устранением предикатива *бар* и, соответственно, с трансформацией грамматической формы сказуемого, которое становится простым глагольным.

Предложения такого типа имеют специфическую структуру: $\{N_{\text{Dat}} N_{\text{Nom}} V_{\text{бытия}}\}$. Иначе говоря, связочные глаголы в подобных предложениях выступают в двойственной функции: подобно тому, как это происходит в русском, они совмещают присущую им функцию связки с функцией полнозначного глагола бытия. Подобно связкам, они исчезают, становятся избыточными в настоящем времени индикатива, сообщая имплицитную предикативность позиции «объекта наличия» в форме N_{Nom} . Но в будущем и прошедшем времени этого не происходит: сказуемое выражено здесь эксплицитно в соответствующей форме глагола, которому в данном языке придана функция глагола бытия. В тувинском это глагол *тур=*, в алтайском — *бол=*, реже *тур=*, в хакасском — *пол=*; утрачивая функцию связок, в предложениях без *бар* они выступают в функции глаголов бытия и наличия.

В тувинском языке именно в таких предложениях с временным значением будущего локализатор обязательно принимает форму дательного падежа, *тур=* выступает в качестве бытийного глагола и в синтаксической функции сказуемого. *Келир чылын бистиң институтувус=ка алды кафедра тур=ар* — В будущем году в нашем институте будет шесть кафедр; *Ийи чыл болгаи школа=га улуг библиотека тур=ар* — Через два года в нашей школе будет большая библиотека; *Келир чылын ферма тайга=га тур=ар* — В будущем году ферма будет (находиться) в тайге.

По-видимому, потребность в выражении мыслей о том, что некоторый объект будет в наличии в каком-то месте после момента речи, у говорящих на любом языке возникает довольно редко. В тувинском языке в таких случаях чаще строят предложения без слова *бар*. Мы полагаем, что здесь перед нами не вариант конструкции с *бар*, где это слово окказионально опущено, но уже другая, самостоятельная модель, не входящая в сферу действия гипермодели, которая предполагает предикатив типа *бар/чок* в качестве обязательного компонента. Но функционально она очень близка к ней.

В предложениях отсутствия и количественной характеристики используется конструкция (*чок* + *тур=ар*) и (*хөй* + *тур=ар*): *Ийи чыл болгаи бистиң суур=увус=ка садыглар хөй тур=ар* — Через два года в нашей деревне будет много магазинов; *Инчээи бистиң класс=ка өөреникчилер чок тур=ар* — Потом в классе не будет учеников.

Форма будущего времени связки *бар=* в сочетании с модальным показателем *кижи* встречена с редкими, периферийными предикатами отсутствия *сураг* и *алага*: *Кырган-ачавыс сураг ба=ар кижии* — Нашего дедушки так и долго не будет; *Олуруг алага ба=ар кижии* — Той девушки так и долго не будет. Как уже отмечалось, предложения с этими предикатами не имеют позиции локализатора.

Между тем в тувинском языке падежная форма локализатора активно участвует в выражении временного значения — значения «не настоящего».

Способы выражения прошедшего времени
в предложениях наличия

Значение прошедшего времени, как и значение будущего, передается несколькими способами. Для этого широко используются формы аналитических сказуемых (*бар/чок/хөй*) + глагол-связка в форме прошедшего времени.

В предложениях этого типа в прошедшем времени происходит то же изменение падежной формы локализатора, о котором уже говорилось выше: как в высказываниях о будущем, так и в речи о прошлом локализатор ставится в дательном падеже: *Шаанда Эрзин=ге чээрэннер бар тур=ган* — Давным-давно в Эрзине были антилопы. Как видим из этих примеров, в таких предложениях нередко обстоятельство времени, конкретизирующие большую или меньшую отдаленность события от момента речи.

Прошедшее время может быть выражено и конструкциями без бытийного глагола, если локализатор принимает форму дательного, а не местного падежа; именно эта форма становится здесь главным показателем прошедшего времени: *Аал=га өөделиг эр кижиг база чок* (Э.Донгак, СЧ, 17) — В аале не было мужчины. В них часто встречается частица модальной семантики *чүве* 'это точно'. Как отмечал Д. А. Монгуш, эта частица может выступать в качестве связки — показателя прошедшего времени с модальным значением (Монгуш, 1983; 32). Такие предложения всегда выражают прошедшее время: *Оларның аразын=га оранчок узадыр өзе берген ийи кожа аныяк дыйтар база бар чүве* (Е.Танова, АДТ, 158) — Среди них были две большие отросшие лиственницы (это точно); *Машина иштин=ге бистиң чолаачывыс-биле менден өске кым-даа чок чүве* (Т.Кызыл-оол, БУ, 50) — В машине, кроме нашего водителя и меня, никого не было (это точно).

Как и в рассмотренных выше предложениях, ориентированных в будущее, в предложениях, говорящих о прошлом, предикат наличия *бар* (в отличие от предикатов отсутствия и количественной характеристики) может отсутствовать. Например: *Бо туругнуң бажын=га оргулааш тур=ган чүве* — На вершине этого утеса было ровное место (это точно). Значение 'было', бытийное, выражено здесь не предикатом *бар*, а глаголом *тур=* в форме прошедшего времени. Аналогично, но в другой временной форме: *Биезде Хоруг-Даг=га шокар аъттыг Шагдыр деп кижиг тур=ду ийин* (К.Черлиг-оол, А, 110) — Раньше в Хору-Даге был человек по имени Шагдыр с пегим конем.

Однако наличие бытийного глагола в форме прошедшего времени делает возможным использование формы местного, а не только дательного падежа локализатора. Например: *Кажан-бир шагда бор=та хову тур=ган* — Когда-то здесь была степь; *Мырыңай ада-төөгүден тура, бистиң ызыгуурувус=та чаңгыс-даа лама кижиг тур=ба=ан чүве-дир* (М.Эргеп, Т-УК, 21) — Вообще с давних времен в нашем роду не было ни одного ламы, оказывается.

Как и аналогичные предложения в форме будущего времени, эти предложения остаются за рамками гипермодели {N_{Loc} N_{Nom} бар/чок (cop)}, поскольку они не содержат позиции [бар/чок].

В предложениях отсутствия, построенных по этой модели, значение предиката чок может выражаться отрицательной формой бытийных глаголов, например, *тур=ба=ан: Тыва кижиниң өгбе-төөгүзүнге ындыг чүве тур=ба=ан чүве-ле-дир* (Кудажы, У, 1 т, 337) — В роду у тувинцев такого не было.

Локализатор в форме местного падежа при предикатах *бар/чок* без связки передает значение настоящего времени: *Машина иштин=де бистиң чолаачывыс-биле менден өске кым-даа чок чүве* (Т.Кызыл-оол, БУ, 50) — В машине, кроме нашего водителя и меня, никого нет (это точно).

В порядке своего рода «исключения из правила», связывающего значение прошедшего времени с дательным падежом локализатора, встретилось несколько примеров, где предикаты *бар/чок/хөй* + связки *тур=ган*, *тур=ду* сочетаются с локализатором в местном падеже: *Ол шагда аалдарның кыштааның чоогун=да суг чок болур тур=ган* (С.Танов, ХЧ, 6) — В то время около зимовки аалов не было воды; *Ийи шеригниң аразын=да ылгал база бар тур=ган* (К.Кудажы, У, 1 т, 305) — Между ними была разница. В таких предложениях прошедшее время выражено только связкой, которая поэтому никак не может быть опущена.

Предикаты *бар / чок* могут отсутствовать; их отсутствие компенсируется наличием бытийного глагола (омонимичного связке *тур=ган/тур=ба=ан*. Сочетание этих сказуемых с локализатором в местном падеже выражает прошедшее время: *Кажсан-бир шагда бор=та хову тур=ган* — Когда-то здесь была степь; *Мырыңай ада-төөгүден тура, бистиң ызыгуурувус=та чаңгыс-даа лама кижиге тур=ба=ан чүве-дир* (М.Эргеп, Т-УК, 21) — Вообще с давних времен в нашем роду не было ни одного ламы, оказывается.

Выражение прошедшего времени в предложениях местонахождения

В предложениях с семантикой локализации, построенных по модели $\{N_{\text{Nom}} N_{\text{Loc}} (\text{cop})\}$, значение настоящего времени выражается местным падежом локализатора, занимающего финальную позицию. Глагольная связка отсутствует, т.е. выступает в нулевой форме. Тем самым локализатор приобретает имплицитную предикативность. Например: *Төрелдери Ак-Даг=да* (А.Даржай, ЧЧ, 165) — Его родственники в Ак-Даге; *Аалдар кадыр даглар аразын=да* (К.Кудажы, 1 т, 681993) — Аалы среди крутых гор; *Аалдар күзеглерин=де* (С.Сарыг-оол, АТ, 123) — Аалы на осенних стойбищах.

Значение прошедшего времени передается составным сказуемым, именной компонент которого — локализатор + связка в форме прошедшего времени представлена эксплицитно — это *тур=ган*: *Ферма тайга=га тур=ган* (К.Чамыяң, ЧХ, 12) — Ферма была в тайге; состав сказуемого — локализатор и связка: *тайга=га тур=ган*: *Ынчан аалывыс Ак-Хем бажы улуг чайлаг=га тур=ган* (С.Сарыг-оол, АТ, 54) — Тогда наш аал был на большом пастбище в верховье реки Ак-Хем; *Бо школа ынчаарда ийи каът ыяш бажың=га тур=ган* (С.Сарыг-оол, 3 т, 297) — Эта школа тогда была в двухэтажном здании; *Ховалыг Сандан ашактың кыштаа Шивилиг суурдан талыгыр ыракта Көжер-Сайыр унун=га тур=ган* (К.Кудажы, ББ, 44) — Зимовка старика Сандана была у русла реки Кожер-Сайыр, далеко от села Шивилиг.

Как видно из примеров, локализатор в тувинском языке в предложениях локализации, как и в предложениях местонахождения, принимает форму дательного падежа.

Форма местного падежа при наличии связки в прошедшем времени — только одна из возможностей, конкурирующая с формой дательного падежа: *Акалы ол*

күзүн чүгүрүк ыттың тулган маңгыр үезин=де тур=ган (Э.Донгак, Ч-А, 5) — Его Акал той осенью был в самом разгаре сил; *Ооң ужурү ын=да чүве тур=ган чүл* (Е.Танова, АДТ, 14) — Причина того была в этом, оказывается; *Шевери кончуг кылдыр ыяк кылып каан тон, платьелер турар черин=де тур=ган* (О.Саган-оол, Д, 40) — Аккуратно сшитые платье, пальто были на том месте, где они должны быть; *Сылдыстар шагда-ла четчи берген. Чеди-Хаан өг дөрүн=де тур=ган* (К.Кудажы, У, 1 т, 20) — Звезда Чеди-Хаан была на почетном месте юрты.

Далеко не всегда замена местного падежа дательным оказывается возможной; условия, допускающие или не допускающие замену, требуют еще специального изучения.

Прошедшее время может передаваться формой дательного падежа локализатора в предложении без связки. Форма N_3 делает употребление связки в прошедшем времени необязательным: *Бистиң аалывыс биеэки-ле эрги кыштаавыс Кара-Куржааңгы баарында улуг өдек=ке бис* (Сарыг-оол, 3 т, 98) — Наш аал был на той же старой зимовке перед Кара-Куржаангы; *Нууруп хырын иштин=ге* (Э.Донгак, ЭХ, 270) — Нууруп (был) в утробе матери.

Эта возможность специфична только для тувинского, и предложения этого вида встречаются особенно часто, преимущественно в устной речи и в отражающих ее диалогах в художественных текстах.

Эти предложения обычно употребляются с модальной частицей *чүве*, которая выступает в качестве связки — показателя прошедшего времени: *Эриин-оол ашақтың чайлаа Ак-Кара-Суг=га чүве* (С.Сарыг-оол, 3 т, 194) — Летнее стойбище старика Эриин-оола (находилось) в Ак-Кара-Суге (это точно); *Бо даайым суг Өскүс-Тей=ге чүве* — Юрта моего этого дяди (была) в Оскус-Тее (это точно); *Ууштаар ашақтың бөөдей өө Уургайлыг-Алаактың селбер-селбер сарыг дыттар баарын=га чүве* (С.Сарыг-оол, 3 т, 106) — Черная (бедная) юрта старика Ууштаара (была) перед большими желтыми лохматыми лиственницами Уургайлыг-Алаака (это точно). Частица также является характерной приметой разговорного стиля речи.

Иногда отнесенность к прошлому подчеркивается лексическим способом: *ынчан ‘тогда’, ынчаарда ‘тогда’*: *Ынчан бистиң аалывыс Өскүс-Тейге чүве* — Тогда наш аал (был) в Оскус-Тее (это точно).

Подведем некоторый итог. Как было показано, наличие объекта в некотором месте, его количественная характеристика и отсутствие в настоящем времени выражается предложениями со сказуемым, состоящим из лексического предиката типа *бар / чок* + позиция нулевой связки или нулевой формы бытийного глагола. Предикативные имена типа *бар / чок* приобретают в этих случаях имплицитную предикативность. При этом локализатор выступает в форме местного падежа.

Будущее время в предложениях этого типа выражается, во-первых, положительной формой в той позиции, которая в настоящем времени оставалась пустой. В сочетании со словами типа *бар / чок* эту позицию занимают глаголы-связки в форме будущего времени. Наряду с этим используются конструкции без лексического компонента сказуемого (слов типа *бар / чок*) — в этом случае бытийный глагол становится полноценным сказуемым, а фразы представляют самостоятельную модель.

Будущее время предполагает постановку локализатора в форму дательного падежа. *Прошедшее время* также передается с помощью связки в форме прошедшего времени, сопровождающей лексический компонент сказуемого (*бар / чок*) или бытийного глагола в той же форме (в предложениях без компонента типа *бар / чок*) и при локализаторе в дательном падеже. Однако при наличии связки, четко выражающей прошедшее время, локализатор может принимать форму и местного падежа. *Прошедшее время* можно выразить без помощи связки — постановкой локализатора в дательный падеж.

Значение отсутствия объекта в прошлом можно выразить без слова *чок* — постановкой бытийного глагола в отрицательной форме — аналогично тому, как значение наличия передается без слова *бар* постановкой глагола в положительной форме прошедшего времени.

Таким образом, предикаты *бар*, *чок* и *хөй* одинаково варьируются в плане времени и склонения. Значение времени выражено формой (сop) и падежом локализатора. В предложениях наличия/отсутствия в прошедшем и будущем времени употребляется нейтральная связка *тур=* при предикатах *бар*, *чок* и *хөй*; в прошедшем времени связка *тур=* используется в формах на *=ган* и *=ды*; в будущем времени связка *тур=* стоит в форме на *=ар*. Локализатор в настоящем времени имеет форму местного падежа, а в прошедшем и будущем временах — дательного падежа. Модальная частица *чүве* также может выполнять роль связки в прошедшем времени. Модально-временное значение передают связки *бол=* и *чор=* при локализаторе в местном падеже.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахматов И. Х. 1983: Структурно-семантические модели простого предложения в современном карачаево-балкарском языке. Нальчик.
- Байжанова Н. Р. 1999: Базовая структурная схема элементарного простого предложения $N_1 V_f$ в алтайском языке: автореф. дис... канд. филол. наук. Новосибирск.
- Додуева А. Т. 1997: Формально-семантические модели простых предложений с предикатами движения в карачаево-балкарском языке: автореф. дис... канд. филол. наук. Махачкала.
- Кетенчиев М. Б. 2010: Структурно-семантическая организация простого предложения в карачаево-балкарском языке. М.
- Невская И. А. 1997: Типология локативных конструкций в тюркских языках Южной Сибири (на материале шорского языка): автореф. дис... док. филол. наук. Новосибирск.
- Серээдар Н. Ч. 1995: Основные типы предложений с именным сказуемым в тувинском языке: автореф. дис... канд. филол. наук. Новосибирск.
- Телякова В. М. 1994: Простое предложение в шорском языке (в сопоставлении с русским): автореф. дис... канд. филол. наук. Новосибирск.
- Тыбыкова А. Т. 1991: Исследования по синтаксису алтайского языка: Простое предложение. Новосибирск.
- Хуболов С. М. 1997: Формально-семантические модели одноместных фразеологизированных предложений в карачаево-балкарском языке: автореф. дис... канд. филол. наук. Нальчик.
- Черемисина М. И. 1995: Элементарное простое предложение в языках Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 4, 63–68.

PARADGMATIC VARIATION OF EXISTENTIAL SENTENCE MODELS IN
THE TUVINIAN LANGUAGE

N. Ch. Sereedar

The paper deals with the analysis of the grammar meaning of elementary simple existence sentences in the Tuvian language. The role of the link is shown for the past and future tenses. The past tense can be represented by the dative case form of the localizer in link-less sentences. The present tense is expressed by the zero link. The features of auxiliary verbs are found. Under consideration are the expressions of tense meanings and attendant model or other shades in specific types of sentences. The ways of tense expression are described. The author shows that the localizer's case varies with the tense in the existence sentences.

Key words: elementary simple sentences, model, paradigm, existential sentences, predicates, tense, past tense, present tense, future tense, links

КУЛЬТУРА

ЭТНОЛОГИЯ

© 2014

Е. А. Благородова

ПОКОРЕНИЕ ПОЛИТИКИ КУЛЬТУРОЙ: К ПРОБЛЕМЕ КРИЗИСА НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИИ

В статье рассматривается механизм формирования национальной идентичности на коллективном уровне на основе концепции Ал. Мелучи, производится анализ кризиса идентичности, а так же представляется попытка рассмотреть культурную политику как возможность преодоления кризиса национальной идентичности.

Ключевые слова: культура, идентичность, кризис, нация, политика

Через борьбу за идентичность происходит формирование интересов, ценностей, социального и культурного опыта, поведения, проектов на будущее, овладение социо-культурным пространством и временем.

М. В. Заковоротная¹

В большинстве стран современного мира живет культурно неоднородное население. Но доминирующее большинство использует один официальный национальный язык и должно разделять общие идеалы и ценности. Такое противоречие между необходимостью унификации и разнообразием, подкрепленным часто только экономическими, финансовыми мотивами и потребностями, противоречие между бюрократическими нормами и культурной историей порождает всевозможные культурные противоречия. И социокультурные меньшинства, и политические большинство сталкиваются с такими проблемами, как право разговаривать на определенном языке, право политического представительства в политических институтах, право выбирать учебные программы согласно культурным предпочтениям, право исповедовать религию и т.д. Утверждение, что именно культура лежит в основе идентичности, исторического развития и социального взаимодействия, стало аксиомой для большинства общественных теоретиков и политиков нашего времени. В связи с этим культура ассоциируется с национальным самоопределением и наследием, с тем, как люди видят себя как часть общества, мира, истории.

Благородова Елена Александровна — кандидат философских наук, преподаватель кафедры исторической культурологии Южного федерального университета. E-mail: alena.blagorodova@yandex.ru

¹ Заковоротная 2011, 84.

В 2012 году ЮНЕСКО пригласило 154 страны признать правомерность универсальной декларации о культурном разнообразии. Важнейшей частью данной декларации является признание возможности сочетать уважение к всеобщим ценностям и культурную креативность различных этнических и национальных групп. 148 стран проголосовали за данную декларацию.

В то же время терроризм, международные конфликты, войны на Востоке являются реалиями сегодняшнего дня, говорящими о том, что глобализация только усугубила национальные различия, а не объединила мир в единое сообщество². Исламский мир разделился на два лагеря: тех, кто поддерживает мировые стандарты, демократию и права человека, и тех, кто является явным сторонником фундаментализма. Как результат глобализация в своем стремлении объединить всех подвела западный мир к проблеме кризиса национальной идентичности, обострив этнический национализм, а восточный мир к радикальному исламизму, угрожающему целостности современного мира.

Новые процессы, происходящие в культуре, ставят вопрос о самобытности культуры и ее новом смысле. В свою очередь традиционные социальные теории в современном обществе показывают свою несостоятельность, особенно когда речь идет о современных социальных движениях.

В настоящее время интерес к культуре и растущие дискуссии по поводу проблем идентичности на индивидуальном и коллективном уровне является точкой соприкосновения различных гуманитарных наук. В центре внимания — вопросы кризиса идентичности и многообразие граней личности в современном обществе.

Различные аспекты проблем кризиса национальной (коллективной) идентичности описаны в трудах Б. Андерсона, Э. Балибара, З. Баумана, Р. Брубекера, И. Валлерстайна, Э. Геллнера, Э. Гидденса, А. Мелуччи, Э. Смита, Х. Ортеги-и-Гассета, Ю. Хабермаса, И. Хантингтона, В. Хесле, Э. Хобсбаума, М. Хроха, К. Хюбнера, Н. Элиаса, Э. Эриксона и др.; отечественных авторов: Ю. В. Бромлея, Л. Н. Гумилева, И. С. Кона, О. Н. Астафьевой, М. Н. Губогло, М. В. Заковоротной, Д. И. Кирюхина, С. В. Картунова, В. А. Малахова, В. М. Межуева, В. А. Тишкова, В. А. Ядова и др.

Проблему современных государств можно назвать «парадоксом национальной идентичности»³ (Перевод наш — Е.Б.). Суть заключена в том, что национальная идентичность является необходимым элементом для объединения самого государства, она также необходима и членам государства как способ определения своей принадлежности к нему. Но в то же время именно национальная идентичность может стать разъединяющей силой и таить опасность для государства. Национальная идентичность объединяет людей в некое политическое сообщество, но эти люди друг друга не видели и, возможно, не увидят, невозможно проследить прошлые и будущие цепочки их взаимодействий, однако она определяет нормы и правила и создает стереотипы поведения. Иногда национальная идентичность определяется выборочно, на основании какого-либо схожего признака, общих целей, прошлого и т.д.

Практически невозможно ответить на вопрос о том, как социальные субъекты приходят к той или иной форме национальной (коллективной) идентичности и

² Held 2008, 157-165.

³ Karmis 2004, 69-97.

признают себя как часть коллектива, как они поддерживают эту связь в течение долгого времени⁴. В этой связи наиболее остро встает вопрос о том, как формируется общая, разделяемая всеми членами коллектива идентичность. Как и с помощью чего формируется это общее МЫ? Что лежит в основе национальной (коллективной) идентичности?

Итальянский социолог культуры Альберто Мелучи (1943–2001), получивший известность благодаря исследованиям социальных движений, считает, что коллективная идентичность — достаточно общее определение, которое разделяется многими людьми относительно их действий, а также области возможностей и ограничений этих действий. Коллективная идентичность — это понятие единства, которое устанавливает пределы общего и отличает его от всех других. Это, во-первых, саморефлексивная способность социального актера, во-вторых, это понятие причинной связи и принадлежности, в-третьих, идентичность влечет за собой способность чувствовать продолжительность, способность, которая позволяет актерам установить отношения между прошлым и будущим и привязать действие к последствиям⁵.

По мнению Ал. Мелучи, неотъемлемым условием коллективной идентичности является способность коллективного актера отличиться от других. Но самое важное заключено в том, что данный коллектив не просто должен отличаться от других коллективов, но это отличие обязательно должно быть признано этими другими коллективами. Но так бывает далеко не всегда. В случае если другой коллектив не подтверждает это отличие, социальные актеры входят в конфликт, чтобы подтвердить идентичность, в которой их противник отказал им. Во время конфликта внутренняя солидарность группы укрепляет идентичность.

Процессы идентификации постепенно меняются, и также меняются основания для общей идентификации. Мелучи пишет: «От сущностей, которые трансцендентны и метафизичны, от метасоциальных основ, таких как мифы, боги, предки, но также и от более поздних олицетворений Бога, таких как История или Невидимая Рука рынка, идентификационные процессы переходят к ассоциативной человеческой деятельности, к культуре, коммуникации и общественным отношениям»⁶ (Перевод наш — Е.Б.). Коллективные актеры прошлого были более глубоко внедрены в определенные социальные условия, так, что на вопрос коллектива уже ответили с начала через то социальное условие, которое считалось таковым для существования коллективного актера. Для процесса коллективной идентификации было чрезвычайно важно, чтобы коллективные актеры принадлежали к определенной культуре, которая была организована в структурах повседневной жизни, в формах групповой солидарности. Именно эта общая культура формировала для них идентичность и закладывала ее основу в материальных и культурных условиях ежедневно.

В современном информационном обществе основанием коллективной идентификации уже не могут служить определенные социальные условия. В основе современной культуры, основанной на постоянной динамике и скорости, лежит постоянное изменение ее ценностей, а через них и новых форм власти. Следстви-

⁴ Melucci 1996.

⁵ Melucci 1996.

⁶ Melucci 1996.

ем такой ситуации является стирание прошлого и постоянства. Именно поэтому больше чем в любой предыдущей культуре, идентичность, сегодня нуждаются в отношениях к прошлому⁷.

Американский социолог, один из основателей мир-системного анализа Иммануил Валерстайн (1930 г.) пишет: «Оно (прошлое) — центральный элемент в индивидуальной социализации, в поддержании внутригрупповой солидарности, в утверждении и смене социальных норм»⁸. Автор указывает, что прошлое устойчиво и неизменно и поэтому соответствует камню, а вот социальное прошлое подобно глине и оно может измениться в зависимости от изменений, происходящих в государстве и мире. Такие отношения созданы потребностью сохранения чего-то, изменяясь, поддержания корней, восстановления нашей истории, без которой нет никакой возможности продвижения.

Современный мир предоставляет многообразие «вариантов» коллективной идентичности. Самыми надежными и исторически длительными из таких вариантов являются этническая и национальная идентичности.

Этнический национализм требует объективные признаки для объединения, такие как имя, генеалогия, общие предки и т.д. Язык, культура и религия в данном случае тоже принимаются во внимание, но рассматриваются как данность человеку с момента рождения. Такая модель не принимает «включения». Она основывается на жесткой политике, препятствующей появлению «чужих» среди большинства.

Гражданская модель национализма сформирована на Западе как ответ на Французскую революцию и американскую идеологию. В данной теории национальная идентичность определяется по принципу принадлежности коллектива государству. Гражданская модель строится на общем языке, культуре, территории. Она допускает «включение» другого через ассимиляцию. Но в современном мире эта теория оказывается под вопросом, так как никто не может гарантировать, что «единство государства будет гарантировано путем распределением всеобщих благ»⁹ (*Перевод наш — Е.Б.*).

Но такие варианты более не могут служить уникальными источникам формирования коллективных идентичностей в мире постмодерна.

Во-первых, культура мира постмодерна, основанная на мозаичности, фрагментарности, эклектике, не предоставляет индивиду устойчивых механизмов идентификации. Во-вторых, глобализационные процессы меняют правила экономической, финансовой активности национальных государств, усиливаются миграционные потоки, государства становятся многокультурными. В-третьих, современное технологическое развитие, ориентированное на унификацию, на единые стандарты и гомогенизацию, часто не вписывается в культурные традиции и при этом определяет траектории социального и политического развития, вызывая многочисленные противоречия.

В однопациональном государстве, государстве-нации гражданская идентичность — всего лишь способ определить принадлежность к этому государству. Гражданство в таких государствах основано на принципе универсализма и при-

⁷ Melucci 1996.

⁸ Валерстайн 2004, 92.

⁹ Karmis 2004, 72.

звано сделать людей едиными, стирая их различия. А если государство федеративно по территориальному устройству, то должно учитываться право всех государств, имеющих суверенитет.

Нам представляется, что в современном мире, когда именно культура, образование, творческая активность, сектор «экономики знания» представляют собой движущие силы прогрессивного развития общества, его целостности и эффективного функционирования, культурная политика предлагает наилучшую возможность (и, на наш взгляд, иногда единственную возможность) для управления процессом формирования национальной идентичности.

На практике под культурной политикой часто понимают набор действий государства «касающихся искусства (включая культурные индустрии), гуманитарные науки, культурное наследие». Таким образом, культурная политика включает государственные стратегии и действия, продвигающие «производство, распространение, рекламу и потребление продуктов искусства»¹⁰ (*Перевод наш* — Е.Б.).

Однако политика в области культуры осуществляет гораздо больший спектр действий, чем те, которые традиционно ассоциируются с политикой в сфере искусства. Она включает в себя современные медиа (например, в Канаде правительство и органы самоуправления видят в вещании средство взращивания национальных связей — программы на французском и английском языках, спонсирование рождественского послания британского монарха и т.д.), образование населения (есть некая связь между культурой и образованием, например, в США привлечение широких масс в поддержку искусства через культурную активность на любом уровне образовательной системы, что значительно увеличивает вероятность будущего участия и, соответственно, более широкую поддержку общественной культурной политики) и гражданское самоопределение (например, во Франции министерство культуры стало «чем-то вроде министерства культурной промышленности, где политика в области культуры вливается в русло стратегии правительства Франции»¹¹).

Можно сказать, что в современном обществе наблюдается «покорение политики культурой»¹² (*Перевод наш* — Е.Б.). Необходимо признать, что в цивилизованном мире должны мирно сосуществовать различные культуры. Если каждый народ будет пытаться восстановить историческую справедливость, вернуть земли, которые когда-то ему принадлежали, или же будет относиться к другим культурам, то такое общество будет лишено толерантности и мира. «Ни ответное насилие, ни напоминание о восстановлении собственного достоинства не даёт никому права признавать соседствующие страны врагами и использовать против них силу»¹³ (*Перевод наш* — Е.Б.). В демократическом государстве нужно добиться, «...чтобы политическое общество утверждало всеобщие основы поведения в обществе и определяло его как гражданское, всеобщие, учитывая принадлежность людей к различным культурам»¹⁴ (*Перевод наш* — Е.Б.).

¹⁰ Kevin 2006, 320.

¹¹ Kevin 2006, 320.

¹² Beck 2008, 60.

¹³ Beck 2008, 60.

¹⁴ Gangnon, Iacovino 2004, 371.

- Валерстайн И.* 2004: Конструирование народа: раса, нация, этническая группа // *Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности*. М.
- Заковоротная М. В.* 2011: «Политика идентичности» в эпоху глобализации: новые формы коллективного действия // *Вестник РМИОН*. 5, 82-91.
- Beck U.* 2008: *Realistic Cosmopolitanism. How Do Societies Handle Otherness?* // *Cultural Politics in a Global Age: Uncertainty, Solidarity, and Innovation* / L. Henrietta, D. Held (eds.). Oxford, 60-68.
- Gagnon Alain-G., Iacovino R.* 2004: *Interculturalism: Expanding and Boundaries of Citizenship* // *Quebec: State and Society* / A.-G. Gagnon (ed.). Toronto, 369-391.
- Held D.* 2008: *Cultural diversity, Cosmopolitan Principles and the Limits of Sovereignty* // *Cultural Politics in a Global Age* / L. Henrietta, D. Held (eds.). Oxford, 157-165.
- Karmis D.* 2004: *Pluralism and National Identity(ies) in Contemporary Quebec: Conceptual Clarifications, Typology, and Discourse Analysis* // *Quebec: State and Society* / A.-G. Gagnon (ed.). Toronto, 69-97.
- Kevin V. Mulcahy* 2006: *Cultural Policy: Definitions and Theoretical Approaches* // *The Journal Art of Management, Law and Society*. 4, 320.
- Melucci A.* 1996: *Challenging Codes. Collective Action in the Information Age*. Cambridge.

THE CONQUEST OF THE POLICY CULTURE: THE PROBLEM OF THE CRISIS OF NATIONAL IDENTITY OF RUSSIA

E. A. Blagorodova

This article discusses the mechanism of formation of national identity at the collective level. Based on the concept of A. Melucci the study analyses the cultural policy as an opportunity to overcome the crisis of national identity.

Key words: culture, identity, crisis, nation, politics

© 2014

А. Г. Салихов

ЗНАНИЯ О ЗВЕЗДАХ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ БАШКИР

В статье исследуются знания и народные представления башкир о звездах. Тюркские народы, в том числе и башкиры, с древних времен придавали особое значение этим знаниям и применяли на практике. В исследовании использованы материалы из архивных документов, опубликованных монографий, статей, сборников фольклорных произведений и полевых исследований. Для сравнительного анализа привлечены параллели из фольклора других тюркских народов. Широко использованы примеры

Салихов Ахат Губаевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела литературоведения Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук. E-mail: ahatsalikhov@mail.ru

из известных тюркских литературных памятников, в том числе из «Дивану лугат ит-тюрк» Махмуда Кашгари, «Кутаду билик» Юсуфа Баласагуни, «Кисса-и Йусуф» Кул Гали. Исследование показывает наличие у древних башкир некогда развитой системы знаний о небесных телах, не полностью дошедшее до наших дней. Знания о звездах и планетах, уходящее корнями в глубь истории, играли большую роль в духовной жизни и хозяйственно-бытовой деятельности народа.

Ключевые слова: башкирская культура космогония, народный календарь, этнография башкир, башкирские имена

Известный башкирский ученый-просветитель Мухаметсалим Уметбаев писал, что башкир обязательно должен знать три вещи: первое — свое происхождение и историю народа, второе — объяснять и толковать названия звезд, третье — народные легенды и эпосы¹. Тюркские народы, в том числе и башкиры, с древних времен особо ценили эти знания и применяли их на практике.

К исследованию космогонических воззрений башкир неоднократно обращались лингвисты, фольклористы, этнографы и историки. Народные представления о звездах, созвездиях и планетах вошли в антологии народного творчества. Исследователем З.Г. Аминевым на основе народного эпоса «Урал-батыр» реконструированы космогонические воззрения древних башкир². Эти вопросы затронуты и в монографии В.Г. Котова, изучавшего историко-мифологические основы эпоса³. В работе Н.Х. Максютовой освещены названия звезд и планет в башкирском языке в сравнении с другими тюркскими языками⁴.

Интересно наблюдение о том, что космогония наиболее развита у южных и юго-западных башкир, исторически принадлежащих племенам кыпчак и бурзян⁵.

Как первоисточник наиболее достоверно и полно отразивший космогонические воззрения башкир, эпос «Урал-батыр» исследован многими учеными. Древний эпос отражает солярный и лунарный культы: один из героев — небесный царь Самрау был женат на Солнце и Луне, от Самрау и Солнца родилась Хумай (Умай), являющаяся одним из наиболее распространенных персонажей в мифологии тюркских народов.

Как и во многих литературных произведениях, в поэме Кул Гали «Кисса-и Йусуф» (XIII век), созданной по мнению литературоведов в Урало-Поволжье, активно используются сравнения красоты с солнцем и луной «*Айзай якты, күркле йөзө / Ясное лицо, сияет как луна*», «*Йөзө кояш кеүек балкып торор имде / Лицо сияет как солнце*», а для выражения ослепительной красоты говорится «*Йөз нурынан кояш-ай за тонокланды / От света, исходящего от его лица, померкли солнце и луна*»⁶.

В средневековом эпосе «Идукей и Мурадым» знание звезд дается как одно из требований к настоящему джигиту:

¹ Уметбаев 2011, 201.

² Аминев 2005.

³ Котов 2006.

⁴ Максютова 1976, 283-286.

⁵ Максютова 1973, 383.

⁶ Шарипова 1993, 106, 109, 173.

<i>Өлкәр менән Султанды</i>	<i>Не научившись различать</i>
<i>Тагы айырып белмәйсә,</i>	<i>Стожары и Венеру,</i>
<i>Тимер казык йондозон</i>	<i>Не взяв как ориентир</i>
<i>Юлга билдә кылмайса,</i>	<i>Полярную звезду,</i>
<i>Батырмын тип ир-егет</i>	<i>Станет ли батыр</i>
<i>Яуга атын менерме?</i>	<i>мчатся в бой, оседлав коня⁷.</i>

В распространенной легенде о луне темные пятна на ее поверхности, образующиеся от имеющихся кратеров, описываются в образе девушки с коромыслом. Злая мачеха отправила девушку ночью за водой, а луна сжалилась и забрала ее к себе⁸.

К луне обращались башкиры для лечения мазолей. Чтобы вывести мазоль, надо было показать ее луне и потирая сказать: *«Ай, кайза һинең тәтәйең. Бына минең тәтәйем / Луна, где твоя игрушка. Вот моя игрушка»⁹*.

В старину люди с опасением относились к затмению солнца и луны. По рассказам информаторов, во время лунного затмения, произошедшего в начале XX века в деревне Бекешево Кугарчинского района Республики Башкортостана мулла читал азан, а русские крестились¹⁰.

Событие затмения зафиксировано в газете «Уфимские ведомости» за 1906 год. Автор под псевдонимом Л. описывает случай, связанный с затмением луны, произошедший в одном из башкирских населенных пунктов: «Однажды, помню, было частичное лунное затмение и вот ночью башкиры заметив, что луна меркнет, страшно перепугались, собрались большой толпой и пошли по улицам, останавливаясь на каждом переулке и читая нараспев молитвы. Затем собрались в мечети и здесь старик-мулла объяснил им, что Бог хочет отнять у них луну за то, что они преступают мусульманский закон, пьют водку, курят и прочее, и молились до тех пор, пока не прекратилось затмение»¹¹.

Одним из календарей, которым пользовались башкиры, является лунный календарь, связанный с циклами ночного светила. Мусульманский календарь также основа на лунном летоисчислении. При появлении «новой луны / *яңы тыуған ай*» они произносили заклички: *«Ай күрзем, аман булдым / Увидел луну, буду здоровым»¹²*. В томе «БНТ» зафиксировано шесть вариантов закличек¹³.

В 1936 году в колхозе имени Буденного Кугарчинского района Республики Башкортостан при затмении солнца произошел случай приготовления на три дня воды и дров, которую администрация района объяснила пропагандистскими действиями служителей культа¹⁴.

Известно, что башкиры использовали арабские названия звезд и созвездий в качестве одного из разновидностей названий дней недели: (*Суббота — Зухра,*

⁷ Зарипов, Сулейманов 2000, 156.

⁸ Салихов Губайдулла Гумарович (1932-2005) и Гульбика Садретдиновна (1934 г.р.), д. Бекешево Кугарчинского района Республики Башкортостан. Записано в 1980 и последующих годах.

⁹ Информатор тот же.

¹⁰ Бородин Екатерина Дмитриевна (1913-2000), д. Бекешево Кугарчинского района Республики Башкортостан. Записано в 1980 годах.

¹¹ ЦГАОО РБ. Ф. 556. Оп. 18. Д. 8. Л. 1906.

¹² Салихов Губайдулла Гумарович (1932-2005) и Гульбика Садретдиновна (1934 г.р.), д. Бекешево Кугарчинского района Республики Башкортостан. Записано в 1980 и последующих годах.

¹³ Султангареева, Сулейманов 1995, 127-128.

¹⁴ ЦГАОО РБ. Ф. 556. Оп. 18. Д. 8. Л. 71.

вторник — *Мэрэх*, среда — *Утарит*, четверг — *Муштары*, пятница — *Зухаль*) и месяцев (*Хамаль*, *Сяуер*, *Жауза*, *Саратан*, *Эсед*, *Сумбуля*, *Мизан*, *Гакраб*, *Кауес*, *Жади*, *Дялю*, *Хут*), по солнечным календарям и зодиакальным созвездиям определялись сезоны года, начало сельско-хозяйственных работ, время сбора урожая¹⁵.

Знаки зодиака подробно описаны в древнетюркском литературном произведении Юсуфа Баласагуни «Кутадгу билик» в главе «О семи планетах и двенадцати знаках Зодиака». В эпосе рассказывается о деятельности звездочета («Повествование о том, как должно обходиться со звездочетами»)¹⁶. По наблюдениям башкир, пятнадцатый день после появления луны означал полнолуние:

<i>Айзың ун биштәре етһә,</i>	<i>Если настанет пятнадцатый день месяца,</i>
<i>Ай табактай була ул.</i>	<i>То луна станет как чаша.</i>
<i>Баштарыңа нұжа төһә,</i>	<i>Если настанет нужда</i>
<i>Йыр һабактай була ул.</i>	<i>Песня станет уроком</i> ¹⁷ .

Созвездие *Аркысак* (*Орион*) — три звезды, выстроившиеся по линии, появляется 14 апреля. Летом ее не видно¹⁸.

Аркысак (*Орион*) — это три аргымака. Они гонятся за созвездием *Етегән* (*Медведица*). *Етегән* — это семь волков. Как только аргымаки начинают наступать *Медведицу* наступает рассвет. Если они догонят, то наступит конец света¹⁹.

В башкирском языке существуют названия созвездий *Зур Етегән* (*Большая Медведица*) и *Бәләкәй Етегән* (*Малая Медведица*). Три аргымака (*Аркысак* / *Орион*) привязаны к звезде *Тимер казык* (*Полярная звезда*) (дословно переводится как «железный кол»)²⁰.

Число *ете* (*семь*) отражает космологические представления башкир о пространственном строении мира. По поверьям, земля и небо состоят из семи слоев: *ете кат күк* (*семь слоев неба*), *ете кат ер* (*семь слоев земли*). Тюркское название созвездия *Етегән* связано с сакральным числом *семь*²¹. Известный тюрколог Э. Р. Тенишев, объясняя происхождение названия этого созвездия с числом *ете* (*семь*), привел ряд его названий в некоторых тюркских языках: кирг. *jeti arqar* досл. «семь горных баранов-самок», *jeti karakcy* досл. «семь воров», узб. *jetti aqajni* досл. «семь братьев», алт. *d'eti qa:n* досл. «семь ханов». Так расположение светил ассоциируется со знакомыми образами²². Этот список можно расширить примерами из других тюркских языков.

У башкир сохранилось поверье: «*Етегән йондоз тин ете рәт әйтһәң сауап була*», что означает «Если семь раз повторить *Етегән*, будет благим делом». Детей учили выговаривать фразы на одном дыхании. Такая присказка есть и у туркмен: *Едигенем — еди йылдыз, еди гонар, еди гөчер, санасам, согап болар*. Спра-

¹⁵ Бикбулатов, Салихов 1996, 317-318.

¹⁶ Иванов 1990, 75-77, 373-374.

¹⁷ Гульбика Садретдиновна (1934 г.р.), д. Бекешево Кугарчинского района Республики Башкортостан. Записано 26 сентября 2014 года.

¹⁸ Мусин Минлебай Мурзабаевич (1914-2001), д. Бекешево Кугарчинского района Республики Башкортостан. Записано в 1989 году.

¹⁹ Информатор тот же.

²⁰ Мусин Минлебай Мурзабаевич (1914-2001), д. Бекешево Кугарчинского района Республики Башкортостан. Записано в 1989 году.

²¹ Муратова 2009, 13, 19; 2010, 106; 2011, 264-267.

²² Надршина 2001, 56.

ведливо полагать, что «обычай семиразового счета семизвездия и произношения этого выражения не дыша является реликтом поклонения звездам»²³.

Интересно, что в знаменитом «Словаре тюркских языков» Махмуда Кашгари XI века сохранились сведения о счете созвездия:

<i>Кара төнөң кәчүрсәдем,</i>	<i>Темную ночь провел,</i>
<i>Ағыр уны учурсадым.</i>	<i>Глубокий сон потерял.</i>
<i>Етегәнең кәчүрсәдем,</i>	<i>Пока считал Етегән</i>
<i>Сакыш ичрә көнөм тугды.</i>	<i>Появился долгожданный день</i> ²⁴ .

В этом словаре сохранились и другие сведения о названиях звезд и планет: Эрен тюз — Юпитер, Каракуш — Весы, Плеяды — Улькарь, Полярная звезда — Тимер казык, Марс — Бакыр сокым [Kaşgarlı Mahmud, T. 3. С. 40 и др.].

По данным Н.Х. Максютовой, в составе созвездия *Бәләкәй Етегән* (Малая Медведица) есть два светила имеющие узлокализированные названия *Бузат* (дословно *Сивая лошадь*) и *Һарат* (дословно *Соловая лошадь*), которые в башкирском фольклоре считаются привязанными к Полярной звезде. Эти названия встречаются только на юго-западе Башкортостана в бурзянском, ик-сакмарском и кызыльском говоре, а также в сальютском говоре восточного диалекта, где существует легенда о вечно скачущих конях, преследуемых волками²⁵. Однако волки не могут догнать лошадей, так как наступает рассвет. Мотив преследования небесных тел волками или собаками сохранился в фольклоре многих народов Евразии и Америки²⁶.

Сулпан — башкирское название планеты Венеры. В народе иногда употребляется ее арабское название «*Зәһрә*». Ее считают самой яркой, большой звездой, расположенной близко к земле. Планета появляется на небосклоне ночью и утром. Отсюда появились названия: *Эңерге Сулпан* (Вечерний Сулпан) и *Таңғы Сулпан* (Утренний Сулпан). Существует поверье, что если будет виден утренний Сулпан, то закончится война. В период войн она исчезает²⁷. Образ звезды используется в песнях для отражения переполненных чувств:

<i>Ал таң ата, Сулпан калка.</i>	<i>Наступает заря, поднимается Венера,</i>
<i>Таңды Сулпан уята.</i>	<i>Венера будит рассвет.</i>
<i>Һызылып таңдар аткан сакта,</i>	<i>Когда наступает время рассвета</i>
<i>Илата ла, йырлата.</i>	<i>Хочется плакать и петь</i> ²⁸ .

Өлкәр, Иләк или же *Кәпәс* (Стожары) — небольшое созвездие похожее на шапку, состоящее из перемигивающихся звезд²⁹. Есть пословица: «*Өлкәр ергә төшкәндә, һыйыр һыуга төшөр / Стожары опускаются к земле, коровы в воде*», связанная хозяйственными наблюдениями и означающее наступление жаркого лет-

²³ Надршина 1986, 113.

²⁴ Kaşgarlı Mahmud 2014/3, 247-248.

²⁵ Максютова, 1973, 384.

²⁶ Илимбетова, Илимбетов 2012, 93-95.

²⁷ Ишкильдин Миннулла Амирханович (1924-2001), д. Мусино Кугарчинского района Республики Башкортостан. Записано в начале 1990 года. Султангареева, Сулейманов 1995, 126.

²⁸ Мусин Минлебай Мурзабаевич (1914-2001), д. Бекешево Кугарчинского района Республики Башкортостан. Записано в 1989 году.

²⁹ Информатор тот же.

него периода. Среди башкир сохранилось много примет, связанных с небесными телами³⁰.

Кош юлы (Млечный путь) — она видна на небе как беловатая полоса, тянущаяся с севера на юг («*киблага табан*» дословно «в сторону Каабы»)³¹.

Среди башкир распространено много «звездных» имен. Например, женские: *Айһылыу* («ай» — луна и «һылыу» — «красавица», то есть «лунная красавица» или «луноподобная красавица»), *Айбикә* («ай» — «луна, лунный» и «бикә» — «госпожа», то есть «лунная госпожа»), *Султан* («Венера»), *Таңсултан* («Таң» — «утро, утренний» и «султан» — «Венера»), *Йондоз* («Звезда»), *Айһондоз* («ак» — «белый» и «йондоз» — «звезда», то есть «белая звезда»), *Көнһылыу* («көн» — «солнце» и «һылыу» — «красавица», то есть «солнечная красавица»). Среди мужских имен часто встречаются: *Айбулат* («ай» — «луна, лунный» и «булат» — «сталь», то есть «лунный булат»), *Айтуған* («ай» — «луна, лунный» и «туған» — «родился», то есть «родившийся в лунную ночь»), *Айнур* («ай» — «луна» и «нур» — «луч», то есть лунный луч)³².

Как отмечает исследователь башкирских антропонимов Р. А. Сулейманова, некоторые астрономические явления были положены в основу имяобразования, в которых чаще всего употребляются слова «ай» («луна») и «нур» («луч»), «йһан» — «вселенная»³³. Популярны имена: *Айбулат*, *Айсыуак*, *Айтуған*, *Айбикә*, *Айһылыу*, *Айгиз*, *Айым*, *Айгүзәл*, *Айназа*, *Айсинә*, *Таңсултан*, *Султан*, *Зөһрә*, *Йондоз*, *Венера*, *Марс* [Сулейманова, 2006б. С.25]. Две последние имени вошли в башкирскую антропонию из западноевропейских языков через русский язык.

Слова «йһан» и «нур» звездного мира в именах: *Илнур*, *Айнур*, *Ғәзинур*, *Нур*, *Ғәлинур*, *Нургиз*, *Нуришат*, *Нурәли*, *Гәлиһан*, *Йһангир* и другие³⁴. Мужское имя *Әхтәр* (Ахтар) на персидском языке означает «звезда, созвездие».

В литературном памятнике XI века «Кутадгу билиг» зафиксированы имена *Айдогды* («ай» — «луна» и «догды» — «родился») и *Кюндогды* («кюн» — «луна» и «догды» — «родился»). Такие же имена встречаются и в других источниках. В башкирском языке также употребляются подобные имена, например, *Айтуған*, *Айһылыу* и *Көнһылыу*. В одной из легенд говорится: «У Салавата Юлаева было три жены. Самую молодую звали *Айһылыу*. Она родила ему сына *Айтуғана* и дочь *Карагаш*»³⁵.

Башкиры также используют арабо-персидские варианты таких имен. Например, очень популярны женские имена: *Кәмәр* («луна»), *Шәмсиә* («солнце»), *Зөһрә* («Венера»), *Маһинур* («маһ» — «луна» и «нур» — «луч», то есть «лунный луч»), *Маһикамал* («маһ» — «луна» и «камал» — «полная», «полная луна»), *Маһруй* («маһ» — «луна» и «руй» — «лицо», то есть «луноликая»), *Нурия* («нур» — «луч», то есть лучистая). Из мужских имен: *Шәмсетдин* («шәмс» — «солнце» и «етдин» — «вера», то есть «солнце веры»), *Нур* («нур» — «луч, лучистый»).

В настоящее время в башкирском языке появились новые значения слова «йондоз» («звезда»). Ежедневно активно используются словосочетания «эстрада

³⁰ Султангареева, Сулейманов 1995, 145-148.

³¹ Информатор тот же.

³² Сулейманова 2013, 14 и др.

³³ Сулейманова 2006а, 10.

³⁴ Сулейманова 2006б, 26

³⁵ Хусаинов 2008, 212.

йондозо» («звезда эстрады»), «кино йондозо» («звезда кино») и «йондоз ауырыуы» («звездная болезнь»). Среди части населения укоренилась привычка читать «звездный гороскоп».

По археологическим данным древнейшие археоастрономические памятники, обнаруженные на территории Урала и Зауралья, относятся к энеолиту и бронзовому веку³⁶. Исследователи башкирской космогонии отмечали наличие многих названий звезд, которых современные информаторы не могут описать или показать на небосводе³⁷. Это лишний раз доказывает факт наличия у древних башкир некогда развитой системы знаний о небесных телах, но, к сожалению, лишь частично дошедшей до наших дней. Знания о звездах и планетах играли большую роль в духовной жизни и хозяйственно-бытовой деятельности народа. Их истоки уходят в глубь истории.

ЛИТЕРАТУРА

- Аминев З. Г. 2005: Космогонические воззрения древних башкир. Уфа.
 Баласагуни Юсуф 1990: Благодатное знание. Л.
 Бикбулатов Н. В., Салихов Г. Г. 1996: Башкирский народный календарь // Башкортостан: Краткая энциклопедия. Уфа, 317-318.
 Зарипов Н., Сулейманов А. 2000: Башкирское народное творчество (Далее БНТ). Т. 5. Исторические эпосы, легенды. Уфа. (на башк. яз.).
 Илимбетова А. Ф., Илимбетов Ф. Ф. 2012: Культ животных в мифоритуальной традиции башкир. Уфа.
 Котов В. Г. 2006: Башкирский эпос «Урал-батыр». Историко-мифологические основы. Уфа.
 Максютлова Н. Х. 1973: Башкирская космогония // Ономастика Поволжья. Материалы III конференции по ономастике по Ономастике Поволжья. Уфа.
 Максютлова Н. Х. 1973: Тюркская космогония // Ономастика Поволжья. Материалы III конференции по ономастике по Ономастике Поволжья. Уфа.
 Муратова Р. Т. 2009: Символика чисел в башкирском языке: автореф. дис. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук. М.
 Муратова Р. Т. 2010: Этнокультурная семантика чисел башкирского языка // Проблемы востоковедения. 2, 103-108.
 Муратова Р. Т. 2011: О башкирском космониме Етегэн йондоз 'Большая Медведица' // Духовная культура народов России: Материалы заочной научной конференции, приуроченной к 75-летию д.ф.н. Ф. А. Надршиной. Уфа.
 Надршина Ф. (ред.) 1995: Предания, легенды. Т. 1. Уфа.
 Надршина Ф. А. 1986: Память народа. Уфа. (на башк. яз.).
 Османов М. Н. 1985: Персидско-русский словарь: в 2-х томах. Т. 1. М.
 Сулейманова Р. А. 2006: Антропонимы современного башкирского языка и тенденции их развития. Уфа. (на башк. яз.).
 Сулейманова Р. А. 2006: Антропонимы современного башкирского языка и тенденции их развития: автореф. дис. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук. Уфа.
 Сулейманова Р. А. 2013: Башкирско-русский словарь-справочник личных имен и фамилий. Уфа.
 Султангареева Р., Сулейманов А. (ред.) 1995: Обрядовый фольклор. Т.1. Уфа. (на башк. яз.).

³⁶ Котов 2006, 236.

³⁷ Максютлова 1973.

Тенишев Э. Р. (ред.) 2001: Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М.

Уметбаев М. 2011: Память: стихи, публицистические, исторические и этнографические статьи, переводы, образцы народного творчества. Уфа. (на башк. яз.).

Хусаинов С. М. 2008: Жены и дети Салавата (легенда) // Салават в башкирском фольклоре: в 2-х томах. Т. 1. Уфа.

Шарипова З. 1993: Кул Гали, Киссаи Йусуф. Перевод на башкирский язык Зайтуны Шариповой. Уфа. (на башк. яз.).

Kaşgarlı Mahmud 2014: Divanu Lugat-it Türk. 1-3 Ciltler. Ankara.

KNOWLEDGE OF STARS IN THE TRADITIONAL BASHKIR CULTURE

G. Salikhov

In the article knowledge and national conceptions of Bashkirs about stars are investigated. The Turkic peoples including Bashkirs, since ancient times have attached special significance to this knowledge and put it into practice. The study benefited from archival documents, published monographs, articles, collections of folklore and field Trials. For a comparative analysis use was made of the parallels drawn from the folklore of other Turkic peoples and widely used examples of the famous Turkic literary monuments, including the *Divan lugat it-Türk* by Mahmud Kashgarly, *Kutadu Bilik* of Yusuf Balasaguni, *Kissa-i Yusuf* by Kul Gali. The analysis shows existence in antiquity among the Bashkir of once developed system of knowledge of celestial bodies, that partially has reached up to now. Knowledge of stars and planets, originating in the depth of history, played large role in spiritual life and economic and household activity of the people.

Key words: Bashkir traditional culture, cosmogony, national calendar, Bashkir ethnography, Bashkir names

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

© 2014

А. А. Безгубова

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ИЗДАНИЯ «ЖИВОПИСНЫХ ПУТЕШЕСТВИЙ» КОНЦА XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В. КАК ПРИМЕР ЭСТЕТИКИ «PITTORESQUE»

В статье делается попытка рассмотреть отечественные иллюстрированных издания путешествий конца XVIII — первой половины XIX в., отразивших основные черты западноевропейского эстетического явления «voyage pittoresque». Начиная работу с теоретического экскурса в историю понятия «живописное», автор приводит эталонные примеры «живописных путешествий» — французские и английские издания, которые могли послужить образцом для русского книжного искусства в этой категории печатных памятников. В исследовании проводится классификация русских изданий путешествий по периодам и по характеру повествования (на научные и литературные). Русские издания альбомов и литературных описаний путешествий, также нередко сопровождавшихся иллюстрациями, стали важной составляющей визуальной культуры русского образованного читателя рубежа XVIII и первой половине XIX вв.

Ключевые слова: живописные путешествия, история русской книги, русская иллюстрация, русская графика, книгопечатное искусство, европейская графика

В изучении иллюстрированных изданий путешествий ключевым понятием является «живописное» («pittoresque» — на французском и «picturesque» — на английском). Однако отечественные издания, созданные в этом жанре, значительно уступали в художественном отношении западным аналогам печатного искусства, которые к середине XVIII в. обрели устойчивую типологию. Папки с эстампами, объединенными единой тематикой, большеформатные и миниатюрные книги, а также роскошные альбомы «живописных путешествий» («voyage pittoresque») — все это свидетельствовало о высоких достижениях европейской книжной культуры и графики. Издания путешествий в России к середине XVIII в. еще не обладали качественной полиграфией, не имели они и своих четко выработанных визуальных форм, которые к данному периоду в западной книжной культуре были уже сформированы. В период елизаветинского (1741–1762 гг.) и в начале екатерининского царствований книги путешествий в России появляются либо в виде скромно иллюстрированных научных сборников¹, либо в виде энциклопедий «костюмов и типов»². Пожалуй, первым опытом на русской почве, приближенным к популярной эстетике «живописных» альбомных изданий Англии и Франции,

Безгубова Анастасия Александровна — аспирантка Российского института истории искусств.
E-mail: gogol.prospect@mail.ru

¹ Крашенинников 1755; Паллас 1773–1788; Лепехин 1771–1805.

² Георги 1774–1799.

стало «Путешествие вокруг света, совершенное на военном шлюпе «Сенявин» Ю. Лисянского и И. Крузенштерна» (1807–1809)³. Но этот пример все же пока мало соответствовал категории европейских «*voyage pittoresque*». Рисунки В.-Г. Тиле-зиуса и Г.И. Лангсдорфа⁴, во всей документальной подробности своего исполнения, фиксировали виды новых берегов Тихого и Атлантического океанов, а также жилища различных народностей, внешний вид аборигенов, часто негритянской расы и татуированных, — все же пока не обладали должной для «живописных путешествий» страстью к более свободной интерпретации художниками увиденного и подчеркнуто индивидуальной манерой графического изложения.

В английской традиции «живописных путешествий» литературный текст шел всегда в сопровождении акватинт и офортов, выбор которых осуществлялся самими авторами-художниками. Таковыми стали издания, посвященные видам Британии, Уэльса, Шотландии, Гилпина, Фэрингтона, Сэндбая⁵. Во Франции необычайно популярными стали антиковедческие издания, как, например, «Путешествия по Италии и Сицилии» Сен-Нона⁶, «Живописное путешествие в Грецию» Шуазеля-Гуффье⁷, «Живописное путешествие по островам Сицилии, Мальты и Липари» Ж.-П. Хойеля⁸. В отличие от английской практики, французские альбомы ученых и коллекционеров античности издавались с целью непосредственно побудить читателя к изучению дохристианской истории человечества, ранее практически не исследованной. Визуальное сопровождение текста отныне ориентировалось прежде всего на эмоциональный диалог с «адресатом», а само повествование, хотя и было выполнено в соответствии с традициями научных изысканий, сопровождалось поэтическими цитатами. Слово «живописное», все чаще появляющееся на обложках книг, анонсировало преимущественно развлекательный характер изданий, похожих теперь не на энциклопедии, а на альбомы гравюр.

Русские читатели, и среди них страстные собиратели литературы, поддаваясь общеевропейской моде, также обратили внимание на «живописные путешествия», и тому доказательства — каталоги многих книгопродавцев и библиофилов XIX в.: А. Смирдина, С. Соболевского, В. Верещагина⁹, а также сами книжные собрания: Императорской библиотеки Эрмитажа, герцогов Мекленбург-Стрелицких (в составе Государственного музея города Санкт-Петербурга), князя А. А. Лобанова-Ростовского (в составе Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург).

«Живописное» («*pittoresque*») как категория эстетической науки формировалась на протяжении всего XVIII в. Во Французской Академии художеств термин получил одобрение в 1730-е годы, и уже в конце XVIII в. французские теоретики требуют от художников «исправления» природы по принципам живописи. Энци-

³ Kruzenstern 1803; 1804; 1805; 1806; Befehl 1810.

⁴ Художниками в экспедиции Крузенштерна стали Вильгельм-Готтлиб Тиле-зиус (1769–1857 гг.), немецкий естествоиспытатель, писатель и Георг Генрих (Григорий Иванович) фон Лангсдорф (1774–1852 гг.), член российской Академии наук с 1812 г. В этот же год назначен русским консулом в Бразилии. В 1821–1828 гг. возглавлял русскую экспедицию во внутренние районы Бразилии, результатом которой стали коллекции по этнографии и ботанике, собранные на юго-востоке Бразильского плоскогорья и по течению Амазонки.

⁵ Gilpin 1770; 1771; Farington 1794; Sandby 1775.

⁶ Saint-Non 1781–1786.

⁷ Choiseul-Goffier 1782.

⁸ Hoüel 1782–1787.

⁹ Смирдин 1828; Sobolewski 1873; Верещагин 1898.

клопедист и гравер К.-А. Ватле (1718–1796) под термином «живописное» подразумевает «и то, что подходит для живописи, и то, что производит хорошее впечатление в творениях этого искусства»¹⁰.

В Англии “picturesque” получило теоретическое обоснование в работе Э. Бёрка «Философское введение в происхождение наших идей Возвышенного и Прекрасного» (1757), а начиная с 1770-х гг. обрело особую популярность благодаря трактатам английского эстетика, художника и искусствоведа Уильяма Гилпина (1724–1804). Проповедник культа первозданной красоты, У. Гилпин поставил “живописное” в ряд таких религиозно-нравственных понятий, как «божественное», «прекрасное», «совершенное» и т. д. С этих пор “picturesque” вошло в систему понятий, применяемых в эстетической оценке произведений искусства, и нашло выражение в таких словосочетаниях как «живописная картина», «живописный подход», «живописный мотив» и т. д. В конце XVIII в. столь же привычным для слуха стало словосочетание «живописное путешествие» (voyage pittoresque), обозначающее, по Гилпину, «поиск эффектов», поиск красоты «любого рода», составляющих само «зрелище природы»¹¹. В этом понятии сочетаются объект, процесс действий художника по отношению к объекту и обозначение качества этого процесса, т.е. в самом термине заложена программа действий художника-путешественника (picturesque traveller)¹² относительно поисков живописного, требующих как «тревоги ожидания», так и «любви к новизне» (выражения Гилпина). «После поиска мы вознаграждены *достижением* (курсив Гилпина — *А.Б.*) объекта. Наше изумление тому возникает от долгих мыслей о красивых видах, которую мы все же нашли», — пишет Гилпин в «Эссе о прекрасном» 1792 г.¹³

Казалось бы, преобладание визуальности при описании и оценке действительности более типично для романтизма. И закономерно, что появление термина «живописное» на заре эпохи Просвещения¹⁴, столь много теоретизирующего о пользе и необходимости, говорит о некоем меняющемся векторе общественной мысли, когда философы и знатоки искусства ищут ответы на более узкие вопросы, касающиеся уже не мирового порядка и места человека в нем, а характера индивидуально-эстетического, — например, что такое «вкус», «впечатление», «воображение», «страсть».

Теоретические работы англичанина У. Гилпина, известные и во Франции¹⁵, показывают эстетические устремления «паломников к прекрасному»: «Но путешественник не ограничивается созерцанием природы. Он вступает в пределы искусства; живопись, статуи и сады равным образом привлекают его внимание <...> А среди предметов искусства глаз, приученный к живописи (l’oeil pittoresque), выискивает прежде всего руины древней архитектуры»¹⁶. Категория «живописного»

¹⁰ Watelet 1792, 73–74.

¹¹ Gilpin 1792, 41, Essay II. «On picturesque travel».

¹² Словосочетание входит во всеобщее употребление со времени появления трудов Гилпина (например, у самого Гилпина: Gilpin 1792, 56; в беллетристике: Gray 1971/3; Parkes Parlbay 1850; у художников и писателей круга Гилпина).

¹³ Gilpin 1792. 41, Essay II «On picturesque travel».

¹⁴ Согласно исследованиям К. Хасея (Hussey 1927, 32) и В. Мюнстера (Munsters 1991, 22), термин «pittoresque» был утвержден Французской Академией художеств в 1732 г.

¹⁵ Переводные издания Гилпина были изданы во Франции: Gilpin 1799; 1800.

¹⁶ Gilpin 1792, 46.

в русском книжном и графическом искусстве совместила усложненную трактовку понятия английской эстетики с французской, которой были свойственны установки, сформулированные в эпоху Просвещения, сводящиеся к пониманию термина как «подобное живописи».

Первыми памятниками такой разновидности жанра во французской литературной традиции можно считать вышеназванные труды Сен-Нона, Шуазеля-Гуффье, Хойеля. Подвижниками жанра «живописного путешествия» в западной искусствоведческой литературе принято считать коллекционеров и художников, ищущих гармонии и красоты на древних землях Греции и Рима. Термин «живописное» прирастал к «путешествию» как определяющий, идентифицирующий его эпитет. В нем выявлялась и эстетическая значимость, и его цель. И то, что для географов и этнографов становилось документом, неоценимой находкой для написания отчета государственному ведомству, для художника становилось совершением культурного «паломничества» к местам, отмеченным славой человеческого гения.

В XVII в., испытавшем духовное и эстетическое прозрение после раскопок и открытия Геркуланума и Помпей (1740–1760-е гг.), определились две разновидности изданий «*voyage pittoresque*», что очевидно при сравнении работ Сен-Нона и Шуазеля-Гуффье. Оба автора стремятся пробудить у соотечественников интерес к образцам великого прошлого, особенно у художников, должных теперь «отправиться непосредственно на место, чтобы спросить эти драгоценные руины и почерпнуть из них истинные принципы искусства»¹⁷. Но если труд Шуазеля-Гуффье, также не лишенный иллюстративного материала, более научен, подчинен собственно принципу «путешествия» эпохи Просвещения (в нем и описание геологического ландшафта, и приведение исторических дат и фактов), то издание Сен-Нона, благодаря великолепно исполненным гравюрам, а также поэтическим комментариям автора, в полной мере заслуживает право называться эталоном «живописного путешествия» (*voyage pittoresque*)¹⁸. Пяти томник Сен-Нона — это первая по своей художественной ценности иллюстрированная «энциклопедия» древности, своего рода путеводитель по величайшим шедеврам искусства, но также видам руин, для подлинных ценителей «живописного».

В России в период становления жанра путешествий, на рубеже XVIII–XIX вв., географические путешествия все же пока преобладали над путешествиями художественно-литературными, и большую часть издаваемых книг о путешествиях в России в данный период составляли пока еще переводные издания¹⁹. Они представлялись в довольно свободном изложении и выполняли прежде всего просветительские задачи. Это были вольные изложения путешествия Ф. Дильтея, П. Бридоне²⁰, но также и последние отчеты европейских путешественников: У. Кокса, Д. Кука, Ж.-Б. Боссю²¹.

¹⁷ Choiseul-Goffier 1782, «Введение».

¹⁸ В сен-ноновской «Живописной поездке» принимают участие рисовальщики из числа французских пенсионеров в Риме, а также известные живописцы Г. Робер, О.-Ж. Фрагонар, Ж.-Ю. Тараваль. На пути в Неаполь из Женевы Сен-Нона сопровождали также французские пенсионеры, проживающие в Риме.

¹⁹ Каменский 1788; Прево 1782–1787; Киппис 1790.

Во многих библиотечных собраниях XIX в. «путешествия» были выделены в раздел с соответствующим названием или с наименованием «географии»: Сопиков 1813–1821.

²⁰ Дильтей 1768–1778; Кампе 1789; 1789.

²¹ Кокс 1791; Кук 1796–1800; Боссю 1783.

Труды российских ученых-исследователей (Крашенинникова, Георги, Гмелина, Палласа) издавались сначала на европейских языках и спустя десятилетия переводились на русский язык. В появляющихся лирических отступлениях, а также в оформлении этих по всему научным изданиям гравюрами они демонстрируют ту появившуюся необходимость в визуализации текста, которая характерна для европейских «живописных путешествий» в целом. В начале XIX в., словно расширив горизонты до самых отдаленных уголков вселенной, русский читатель стал готов к восприятию литературно-визуальных повествований о «странствиях» по родным местам, которые впервые начали подвергаться историческим обзорам, описаниям.

Книгой, предваряющей в отечественной истории книжного и графического искусства традицию «живописных путешествий», можно считать «Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского Государства в 1793–1794 годах» ученого П. С. Палласа²², изданные по заказу Императорской Академии наук. Так и не появившаяся на русском языке, она, тем не менее, стала доступной для чтения русскому образованному читателю в парижском и лейпцигском изданиях (что подтверждается их наличием в Российской национальной библиотеке и Российской государственной библиотеке, бывшей им. В. И. Ленина). Казалось бы, специфика научного текста, согласно данной Академией наук инструкции, диктовала сухой, протокольно-точный характер изобразительного оформления, однако в издании Палласа гравюры впервые появляются в виде грациозно, «живописно» исполненных иллюстраций, созданных немецким художником Х.-Г. Гейслером (1770–1844). В такой форме соседства научных изысканий Палласа и костюмно-типажных, а также видовых гравюр Гейслера русский читатель мог получить буквальное представление о южных местностях Российской империи и населяющих ее народах. Графические развороты создавали в тексте своего рода паузы, но, как и в европейском образчике «живописных путешествий», были четко соотношены с текстом и всегда содержали указания (на полях страниц) к соответствующему рисунку тексту. В своих резцовых гравюрах Гейслер фиксирует только те описанные Палласом места и народности, в изображении которых возможна визуальная демонстрация особой привлекательности с точки зрения настоящих «путешественников», ищущих примечательное. Ощущение «живописности» в гравюрах Гейслера создается особой подвижностью светотени, достигающей в акварельной раскраске приятной красочности, которая столь неожиданно оживляет научную книгу. В этом визуальный текст, созданный Гейслером, отображает исключительно новое понимание научной книги, в которой неотъемлемую роль будет играть иллюстрация. Подобное совмещение научности и «развлекательности» станет нередким в академических научных изданиях в дальнейшем²³.

Довольно типичным станет появление альбомов-приложений к изданиям научных экспедиций в начале XIX в. Они создаются по зарисовкам натуралистов командой гравиров Императорской Академии художеств или гравировальной палаты Академии наук. Осознание учеными необходимости визуального ряда, некоего «вещественного доказательства» увиденного путешественниками и, видимо,

²² Pallas 1799–1801.

²³ Lutke 1836.

сформировавшийся у читательской аудитории спрос сделают фигуру «натуралиста» или «рисовальщика» (как еще называли художника при экспедиции) в конце XVIII — первой половине XIX вв. одной из ключевых, наряду с чертежниками, геодезистами, биологами, зоологами.

«Рисовальщиком», как правило, становился профессионал, приглашенный из учебных стен Академии художеств, только что ее закончивший или еще проходивший в ней обучение. Инструкции, предоставляемые натуралисту ведомствами Академии наук, Адмиралтейства — основных заказчиков всех исследований, — очень четко диктовали ему весь перечень необходимых для визуального отображения предметов и образов. Вот как выглядел один из пунктов инструкции художнику²⁴, прикрепляемому к экспедиции Ф. Беллинсгаузена: «Рисовальщик должен снимать виды всех мест примечательных, где случится быть, также портреты народов, их одеяний и игры. Все и всякого рода собрания вещей, описания всего, рисунки и прочее в конце кампании обязаны художники вручить командующему отрядом, который всё без изъятия должен представить государю через морского министра, по возвращении в Россию»²⁵.

Но можно ли графику, исполненную в прикладных целях, практически являющуюся научными таблицами, называть художественной гравюрой? Если речь идет о первых образцах, гравюрах к изданиям Палласа, Крузенштерна, Беллинсгаузена, то нет, но именно они создают необходимый спрос у русской образованной публики на картины «нравов и обыкновений», костюмов и утвари разных народов мира. Именно через сборники научных путешествий происходит адаптация отечественного читателя к такому зарождающемуся в России типу иллюстрированных изданий, как «живописные путешествия».

Накопив огромный изобразительный материал в ходе экспедиции, многие художники в дальнейшем издавали авторские альбомы впечатлений на темы жизни представителей разных национальных культур либо их «культурного ландшафта»²⁶. К таким альбомам можно отнести «Живописное путешествие от Москвы до Китайской границы Андрея Мартынова, Советника Академии Художеств» (СПб., 1819). Мартынов, выпускник пейзажного класса Императорской Академии художеств, путешествовал в составе посольства Ю. А. Головкина в Китай в 1805–1808 гг. Книга, выпущенная типографией А. Плюшара, представляла собой описание русских городов от Москвы до Красноярска, с иллюстрациями в виде раскрашенных вручную двадцати двух офортов. Каждая картинка располагалась параллельно тексту на одном развороте. Небольшие экскурсии в историю городов напоминали памятный альбом, посвященный величию Российской империи. Мартынов в предисловии к книге объясняет, «что живопись действует

²⁴ Художником экспедиции Беллинсгаузена стал Павел Николаевич Михайлов (1786–1840), с 1815 г. — академик живописи. Рисунки Михайлова, созданные в ходе кругосветного плавания 1819–1821 гг., находятся в Фонде рисунка и графики Государственного Русского музея.

²⁵ Беллинсгаузен 1949, 32, «Из инструкции Государственного Адмиралтейского департамента».

²⁶ Х. Гейслер (Ch. Geissler) издал следующие книги уже у себя на родине: «Costumes, mœurs et usages des Russes». Leipzig, 1801–1803, «Chatiments usites en Russie». Leipzig, 1805. Е. Корнеев (1780–1839) — академик исторической живописи, совершил несколько путешествий в Сибирь (в составе экспедиции Спренгпортена Г.М. (1802–1806). Впоследствии продал свои рисунки баварскому купцу А. Рехбергу, а также специально гравировал рисунки для этого альбома «Les peuples de la Russie» 1812.

сильнее и приятнее на воображение и зрение, когда знаешь историю и отличный интерес представленного кистью предмета»²⁷.

В отечественной традиции литературные «путешествия» оказались тесно связанными с тенденциями сентиментализма. В плеяде появившихся в русской словесности рассказов, повестей и очерков, подражающих «Сентиментальному путешествию через Францию и Италию» Л. Стерна (1768), а затем и «Письмам русского путешественника» Н. Карамзина (1793), возник и свой, характерный для русского «живописного путешествия» тип визуальной интерпретации. Иллюстрация в них обрела роль не изобразительного сопровождения текста, а характер самостоятельного эстетического явления.

Например, каждая из 40 глав сборника П. Свиньина «Картины России и быт разноплеменных народов» (СПб., 1839) предварялась литографированной или резцовой гравюрой, соотносимой с последующим текстом лишь косвенно. Это было довольно нетипично для русской книги 1830-х гг., однако вполне отражало принятые просвещенным автором²⁸ за основу эстетические подходы к оформлению европейских «живописных путешествий». Ставя одной из целей литературное описание красот, Свиньин анонсирует в предисловии разнообразие гравюр, обещая, что читателям предстоит увидеть «образчик угрюмой северной природы и картину прелестного юга; возле заоблачных гор Кавказа и Тавриды образчик таких болотистых степей Белоруссии»²⁹. Но, говоря о своих главных целях, автор замечает, что он, тем не менее, не минует всего, что бы «заключало в себе какое-либо достоинство новости, новости и наставительности по части Русской Истории, Географии, Статистики, Археологии»³⁰. Хотя путешественник рекомендует свое повествование как научное, насыщенный красочными эпитетами, лирическими описаниями природы, передачей своих чувств и настроений текст скорее опровергает принадлежность «Картин России» характеру историко-географического исследования.

В отечественном искусстве книги апогеем рассматриваемого жанра можно считать альбом Григория Гагарина «Живописный Кавказ» (1847–1857)³¹. Напечатанный в Париже, в типографии Лемерсье (Lemercier), «Живописный Кавказ» соединил в себе 80 листов литографий, некоторые из которых были хромолитографиями. Издаваемый по подписке несколько раз в год, каждый выпуск состоял из 4-х гравюр с подробнейшими комментариями, носившими научно-документальный характер. И тем не менее, благодаря детально исполненным гравюрам, гагаринскую инициативу можно назвать первым подлинным опытом «живописного путешествия» в отечественной книгопечатной и графической практике. Картины быта и костюмные типажи грузин, мегрелов, картлинцев, абхазов, дагестанцев,

²⁷ Мартынов 1819, «Предисловие».

²⁸ Павел Петрович Свиньин (1787–1839) — основатель «Русского музеума» (с 1819). Автор многих изданий: «Sketches of Moscow and St.-Petersburg» (Philadelphia, 1813), «Достопамятности Санкт-Петербурга и его окрестностей» (СПб., 1816–1828: в 5 ч., на русс. и фр. яз.). С 1818 по 1823 г. Свиньин издавал «Отечественные записки».

²⁹ Свиньин 1839, «Предисловие».

³⁰ Свиньин 1839, «Предисловие».

³¹ Альбом «Le Caucase pittoresque» выходил по принципу периодического издания, по подписке. Каждый из 20 выпусков содержал по 4 гравюры и текст комментариев, написанных соавтором Григория Гагарина (1810–1893), военным и дипломатом Эрнестом Штакельбергом (1814–1870).

армян чередовались с мотивами последних военных событий Кавказской войны (взятие села Чиркей 1841 г., высадка русского командования на западном побережье Черкесии — в Редут-Кале 1842 г. и др.), которых все же было значительно меньше, чем архитектурно-ландшафтных и жанровых зарисовок. Появившись в период еще не оконченной Кавказской войны (1817–1864), издание получило широкий резонанс в среде европейской и русской аристократии.

В контексте русской традиции «*voyage pittoresque*» в начале XIX в. сформировалась особая подкатегория изданий путешествий, синтезирующих научный очерк с беллетристикой. Отечественные авторы «путешествий» выработали свои подходы, заключавшиеся в подчеркнутом выборе сюжетов на темы современности, а иллюстративное оформление подобных изданий к сер. XIX в. приобрело самые различные формы:

— когда визуальное сопровождение располагалось в блоке книги — и гравюра или виньетка предвляла каждую из глав повествования (как в вышеупомянутой книге Свиньина «Картины России и быт разноплеменных народов», а также в «Путевых письмах из Англии, Германии и Франции» Н. Греча (СПб., 1839), «Письмах о Восточной Сибири» А. Мартоса (М., 1827), «Сценах на море» Н. Давыдова (СПб., 1835)); «Греции или галерея достопамятных видов и развалин этой классической земли» И. Делакроа (Рига, 1837));

— когда к тому с повествованием прилагался альбом с иллюстрациями, как в случаях с «Путешествием в Туркмению и Хиву» Н. Муравьева (М., 1822), «Путевыми записками, веденными во время пребывания на Ионических островах, в Греции, Малой Азии и Турции в 1835 году» В. П. Орлова-Давыдова (СПб., 1839), «Живописным и археологическим путешествием в Россию» А. Н. Демидова (Париж, 1838)³².

Среди русских «живописных путешествий» появился тип своего рода иллюстрированных альманахов, основу которых составляли подборки эстампов, сопровождавшихся комментариями авторов-издателей (как в вышеупомянутом издании Гагарина, а также в «Русском художественном листке» В. Тимма, издававшимся с 1851 по 1862 гг., «Северных цветах» А. Дельвига (1824–1832), «Утренней заре» (1838–1843) В. Владиславлева, «Одесском альманахе» (1831 и с 1839 по 1840-й гг.) Д. Княжевича).

Если говорить о традиции литературных путешествий в России конце XVIII в., то основные примеры сосредотачиваются вокруг круга памятников всевозможных «описаний»: коронований, поездок знатных правительственных особ по каким-либо государственным заданиям по сбору той или иной информации о конкретном регионе, иногда дневников аристократов, составленных в ходе той или иной поездки, по примеру европейской практики *grand tour*³³. То есть перенесению канонов европейской традиции «живописания» на русскую почву больше способствовала литература, чем великолепные иллюстрированные альбомы, посвященные античности и описанию древностей. Европейская проза эпохи сен-

³² Voyage pittoresque et archéologique en Russie 1838.

³³ Согласно оксфордскому словарю, термин впервые был применен Ричардом Лассельсом, римским католическим священником, в 1670-е, который писал, что путешественник в ходе поездки может стать «интеллектуалом, общественником, политиком, этиком». Но все же первоначальная ценность путешествий осознавалась представителями аристократии в поиске культурных ценностей античности и Ренессанса. См.: Chaney 1998, 256.

тиментализма, сместившая акценты с идей об идеальном общественном укладе на культивацию мира частного человека, стала главным источником идей для литературно-изобразительной практики русских «путешествий». Н. Карамзин своими «Письмами русского путешественника» (1791–1792), опубликованными в «Московском журнале», вызвал широкое распространение традиции сентиментальных очерков и рассказов в 1790–1830-е гг. среди отечественных литераторов и любителей³⁴.

Почему именно в эпоху сентиментализма появилось такое пристрастие к всевозможным описаниям путешествий? По-видимому, это была именно та ниша, где оказались неприменимы строгие требования совершенства формы, а также единства времени, места и действия (характерных для искусства классицизма, главенствовавшего в эпоху Просвещения). Героем европейского романа последней трети XVIII в. нередко становится сам писатель, путешественник, описывающий свои дорожные впечатления, приключения, в которых факты и исторические сведения легко сочетаются с характером дневниковой прозы. Описание странствий, смены одних мест другими, спонтанных остановок или же непрерывных переходов становились самооценными и теснили столь ценимые читателями «Новой Элоизы» Ж.-Ж. Руссо и «Клариссы» С. Ричардсона мораль и дидактику. Наиболее популярной формой литературных «путешествий» становятся письмо или дневник, позволяющие писателям свободно выстраивать повествование, побуждая читателей следить за малейшими движениями души автора. Т. Роболли, в 1920-е гг. системно осмыслившая наследие русских «путешествий» 1800–1830-х гг., писала: «Создается большая беллетристическая форма с естественной, как бы само собою мотивируемой спайкой частей. Если нужно было научиться рассказывать и описывать, то наиболее удобная форма для этого была найдена <...> Итак, «путешествие» — удобная мотивировка; с другой стороны, на этнографический, исторический и культурный материал был читательский спрос»³⁵.

Иллюстрированные издания «живописных путешествий» стали той подкатегорией литературного жанра «путешествий», в визуальных формах которых отразилось новое мировосприятие человека конце XVIII в., складывающееся в процессе чувственно-рационального опыта индивида. Печатные издания «живописных путешествий» наилучшим образом демонстрируют тот переходный период (в Европе — 1760-е, а в России — начиная с 1790-х гг.), когда «устная» эпоха сменялась образно-визуальной. Поэтому художники, подобные А. Мартынову, создавая зарисовки впечатлений, вынесенных из своих путешествий, дополняли изображения текстовыми комментариями, а литераторы, как П. Свиньин, Н. Муравьев, В. Орлов-Давыдов, наоборот, нередко сопровождали свои очерки изобразительным рядом: вклейками гравюр, виньетками, эстампами, помещенными в конце издания либо изданными в виде отдельных альбомов.

Эстетическое явление «*voyage pittoresque*» к середине XIX в. постепенно угасало. На смену «живописному» как категории пострационалистической мысли приходили новые требования к изобразительности в целом. Зарождение фотографии с конца 1830 — начала 1840-х гг. выявляло новые характерные тенденции в визуальной интерпретации местностей, типажей, костюмов, отныне становящихся-

³⁴ Шаликов 1803; Макаров 1817; Глинка 1808.

³⁵ Роболли 1926, 45.

ся объектом документальной фиксации, лишенной переживания и вчувствования, реализующей характерные для Просвещения установки «пользы и необходимости».

Русская графика «живописных путешествий» ко второй половине XIX в. как в научном, так и художественно-литературном контекстах приобрела самые многообразные формы. Появление таких замечательных памятников отечественного книгоиздания, как «Живописное путешествие из Москвы до Китайской границы» А. Мартынова (1819), «Путевые записки, веденные во время пребывания на Ионических островах, в Греции, Малой Азии и Турции в 1835 году» В. Орлова-Давыдова (1839) и «Живописный Кавказ» Г. Гагарина (1847) наилучшим образом свидетельствует о возникновении русской проекции «*voyage pittoresque*». Однако границы данного эстетического явления в отечественном искусстве еще нуждаются в определении, а термин требует своей дифференциации.

ЛИТЕРАТУРА

Беллинсгаузен Ф. Ф. 1949: Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света в продолжение 1819, 1820 и 1821 годов. М.

Верецагин В. А. 1898: Русские иллюстрированные издания 18 и 19 столетий. 1720–1870. Библиографический опыт. СПб.

Георги И. Г. 1774–1799: Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей: в 4 ч. СПб.

Глинка Ф. «Письма русского офицера». М.

Дильтей Ф. Г. 1768–1778: Детской атлас, или Новой удобной и доказательной способ к изучению географии: в 6 т. М.

Каменский Я. А. 1788: Зрелище вселенные, на Латинском, Российском и Немецком языках, изданное для народных училищ Российской Империи по высочайшему повелению Царствующия Императрицы Екатерины Второя. СПб.

Кампе И. 1789: Путешествие господина Бридоне чрез Сицилию и Мальту в 1770 году. СПб.

Кампе И. 1789: Картина Европы или Описание всех ея государств: Кратко показуящая число народа, название знатнейших. СПб.

Киппис Э. 1790: Подробное и достоверное описание жизни и всех путешествий славнейшаго аглинскаго мореходца капитана Кука: 6 ч. СПб.

Крашенинников С. П. 1755: Описание Земли Камчатки, сочиненное Степаном Крашенинниковым, Академии наук профессором: в 2 ч. СПб.

Лепехин И. И. 1771–1805: Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства: в 4 ч. СПб.

Макаров П. 1817: «Письма из Лондона». М.

Мартынов А. 1819: Живописное путешествие от Москвы до Китайской границы Андрея Мартынова, Советника Академии Художеств М.

Паллас П. Л. 1773–1788: Путешествия по разным провинциям Российской империи: в 3 ч. СПб.

Прево А. Ф. 1782–1787: История о странствиях вообще, по всем краям земнаго круга, сочинения господина Прево Сокращенная новейшим расположением через господина Ла-Гарпа, члена французской академии. На российской язык переведена 1782 года Дмитровскаго уезда в сельце Михалева [Михаилом Веревкиным]. М.

Роботи Т. 1926: Русская проза. Л.

- Свиныйн П. П.* 1839: Картины России и быт разноплеменных народов. СПб.
- Смирдин А.* 1828: Роспись российским книгам для чтения из б-ки Александра Смирдина, систематическим порядком расположенная: в 4х частях. СПб.
- Сотиков В. С.* 1813–1821: Опыт российской библиографии, или Полный словарь сочинений и переводов, напечатанных на славенском и российском языках от начала заведения на типографии до 1813 года, с предисловием, служащим введением в сию науку, совершенно новую в России, с историею о начале и успехах книгопечатания как в Европе вообще, так и особенно в России, с примечаниями о древних редких книгах и их изданиях и с краткими из оных выписками: в 5 ч. СПб.
- Шаликов П.* 1803: «Путешествие в Малороссию». М.
- Befehl S. K. M.* 1810: Alexander des Ersten. Vol. 1. St. Petersburg.
- Chaney E.* 1998: The evolution of the grand tour: Anglo-Italian cultural relations since the Renaissance. Routledge.
- Choiseul-Goffier M. G. A. F. de.* 1782: Voyage pittoresque de la Grèce. Paris.
- Farington J.* 1775: History of the River Thames. London.
- Gilpin W.* 1771: Observations on the River Wye, and Several Parts of South Wales, etc. Relative Chiefly to Picturesque Beauty; made in the Summer of the Year 1770. London.
- Gilpin W.* 1789: Voyage en différentes parties de l'Angleterre. Paris; Londres.
- Gilpin W.* 1792: Three essays: on picturesque beauty, on picturesque travel and on sketching landscape : to which is added a poem, on landscape painting. London.
- Gilpin W.* 1799: Trois essais sur le beau pittoresques; et sur l'art d'esquisser le paysage; suivis d'un poeme sur la peinture du paysage. Breslau.
- Gilpin W.* 1800: Essays sur les gravures. Breslau.
- Gray Th.* 1971: Journal of A Visit to the Lake District in 1769 // Correspondence of Thomas Gray. Oxford.
- Hussey Chr.* 1927: The Picturesque. The Studies in a Point of View. London.
- Munsters W.* 1991: La poétique du pittoresque en France de 1700 à 1830. Geneve.
- Pallas P. S.* 1799–1801: Observations faites dans un voyage entrepris dans les gouvernements méridionaux de l'empire de Russie, dans les années 1793 et 1794 par Peter Simon Pallas; Traduits de l'allemand; par Delaboulaye et Tonnelier. Paris.
- Parkes Parlby F.* 1850: Wanderings of a pilgrim in search of the picturesque. Delhi.
- Saint-Non R. de* 1781–1786: Voyage pittoresque où Description des Royaumes de Naples et de Sicile. T. I-IV. Paris.
- Sandby P.* 1775: Views in South Wales. London.
- Sobolewski S. A.* 1873: Catalogue de la collection précieuse de livres anciens et modernes formant la bibliothèque de feu M. S. Sobolewski, etc. Leipzig.
- Watelet C.-H.* 1792: Dictionnaire des arts de peinture, sculpture et gravure. Paris.

DOMESTIC EDITIONS OF «PICTURESQUE TRAVELS» PUBLISHED DURING
THE END OF THE 18th CENTURY TO THE 1ST HALF OF THE 19th, AS
EXAMPLES OF THE AESTHETIC OF «PITTORESQUE»

A. A. Bezgubova

The aim of this research has been to examine of the corpus of domestic illustrated editions from the end of the 18th century to the first half of the 19th century, in so far as they reflect the general features of the West-European aesthetic phenomenon as captured by the title “picturesque travels”. This aesthetic originates from the second half of the 18th century and influenced European visual art of subsequent decades through the 1st half of the 19th century. This study begins as

a theoretical excursus into the history of the notion of “picturesque” with representative samples drawn from “picturesque travels” from French and English publications. These could be the patterns for similar Russian book art in this category of print documents. This research classifies the Russian issues both by periods of publication and by the character of the editions (scientific and literary). The book-art under study is drawn from the books by P. Pallas, I. Kruzenstern on scientific expeditions and on the works of the artists A. Martinov, P. Svinjin, G. Gagarin. All demonstrate the adoption of the European aesthetic of the “picturesque travels”. By the turn of the 19th century, this genre had become an important component of the educated Russian readers’ visual culture as many acquired this aesthetic from the book art in Russian album editions and other literary descriptions of travels.

Key words: picturesque travels; the history of Russian book; Russian illustration; Russian graphic arts; voyage pittoresque; European printing art

© 2014

М. Л. Ахмадуллин

ТИПОГРАФИКА УНВАНА

На примере традиционного элемента дизайна арабоалфавитной книги- унвана, автор рассматривает историю его применения в печатной продукции Поволжья и Урала, начиная с XVIII по XX в. В статье отражен процесс эволюции рукописного унвана, в элемент визуализации арабоалфавитной печатной продукции региона.

Ключевые слова: Унван, типографика, арабский шрифт, дизайн

Арабоалфавитная книга — сложное и многогранное, глубоко специфическое явление. Арабская рукописная книга просуществовала у тюркоязычных народов десять веков (с XI до начала XX в.). В XIX в. язык рукописей (для обозначения литературного письменного языка в целом) назывался словом «тюрки», в отличие от разговорного языка, имевшего в каждой местности локальные различия. Рукописная книга на тюрки создавалась на большом пространстве, включающем современную Среднюю Азию и Западную Сибирь, Урал и Поволжье, Северный Кавказ, Закавказье, Крым, Турцию, Иран, Афганистан, Пакистан, Индию, Синьзянь, Египет, Ирак, Сирию, страны Балканского полуострова — Болгарию, Румынию и др.

Становление дизайна арабоалфавитной печатной книги Поволжья и Урала непосредственно связано с общим ходом развития книгопечатания. Набор литерами на арабской графической основе (книгопечатание, издание календарей, атласов и шамаилей) занимал видное место в культуре мусульманских народов Поволжья и Урала и к концу XIX в. имел уже почти вековую традицию. Распространению книгоиздательского дела в России способствовал указ Александра I от 1802 г., разрешивший возобновление открытых вольных типографий. В начале XIX в. наряду с государственными появляются и частные типографии, которые (по сравнению с Петербургом и Москвой) в провинции открывались несколько позже.

Ахмадуллин Марс Лиронович — кандидат искусствоведения Уфимского государственного нефтяного технического университета, директор издательского центра. E-mail: orient4@mail.ru

В этот период были открыты типографии в Казани, Оренбурге и Уфе. Основные этапы развития искусства книги у разных народов были сходны, однако процесс формирования книги с наборным арабским шрифтом в регионе Поволжья и Урала имел много особенностей. Изучая художественные аспекты структуры арабоалфавитной книги, автор не рассматривал их в отрыве от национальных культурных и духовных традиций, сложившихся в регионе. Своеобразие географического положения и исторического развития городов региона нашло отражение в особенностях дизайна книги.

Печатные книги среди тюркоязычного населения называли «басма китап» (печатная книга). От тюркского «басма» (отпечаток) печатника в типографии так и называли — «басмачи», типографию или печатное заведение — «басмахана»¹. «Матбага» — издательство — ставилось на титульных листах арабоалфавитных изданий Казани, Оренбурга, Уфы и др.

Тема книги и письма находит свое отражение в священной книге мусульман Коране, о печати упоминается в изречениях «Наложил печать Аллах на сердца их и на слух, а взорах их — завеса»² (Сура 2). АЛЬ - БАКАРА «КОРОВА», «печать как приспособление для оттискивания, однако ни о ее форме, ни о текстах или изображениях не приводится никаких сведений. Печать выполняет роль символа, функции». Наложение печати служит окончательным актом завершения, решения какого-либо дела.

Арабский текст набирается и читается справа налево. Перенос слов в арабском письме отсутствует. Необходимость довести строку до нужного формата полосы реализуется посредством удлинения последнего знака, входящего в зону «выключки», за счет удлинения расстояния соединительного элемента или за счет увеличения межсловного пробела.

Большое значение для исследования имеют образцы каталогов арабских шрифтов, типографских знаков и виньет типографий г. Москвы, Санкт-Петербурга, Казани и Уфы, а также преysкуранты типографий на печатные и наборные материалы.

Еще в X в. в странах Арабского Востока и в Испании (провинция Андалузия) были предприняты попытки напечатать ряд текстов фрагментов Корана и молитв с использованием арабского шрифта. Формы для печати изготовлены были из дерева «ксилография», о чем свидетельствуют находки более 50 документов на бумаге и льняной ткани в Египте в провинции аль-Файюм вместе с папирусами доктора Райнера³. В Европе книгопечатание относится к середине XV века и связано с именем Гутенберга, а упоминание о применении арабского алфавита⁴ в книгопечатании — к 1486 г. Первая печатная книга на арабском языке была выпущена в 1514 г. Грегорио де Грегорио в итальянском г. Фано⁵.

¹ Рамиев, Даутов 2001, 3.

² Коран 1963.

³ Названные по имени владельца доктора Райнера, эти папирусы относятся к периоду между 287 и 751 гг. хиджры и хранятся в библиотеках Каира и Берлина, в библиотеке Кембриджского университета, в Британском музее и в музее Пенсильванского университета.

⁴ Арабский алфавит в Европе был впервые использован в книге «Прогулка в Священную Землю» в Германии в г. Майнце.

⁵ Вахид Кудура 1996, 109–141.

В знаменитой типографии Медичи работал ориенталист Жан Батист Раймонди (1540-1610). Он вместе со словолитчиком и пуансонистом Роббером Гранжонном создал, по мнению Бодони, «очень красивый шрифт», возможно соответствующий почерковому стилю «насхи».

В настоящее время в библиотеке Медичи Лауренциана (итал. Biblioteca Medicea Laurenziana; сокращенно — Лауренциана) во Флоренции сохранились⁶ первые печатные книги арабскими литерами, сама деревянная печатная машина (фото 1) почти в первоизданном виде и металлические литеры арабских шрифтов (фото 2).

В Турции мусульманское духовенство было непримиримым противником введения книгопечатного дела в стране⁷. Но в 1727 г. стараниями Ибрахима Мютеферрика, при поддержке государственного деятеля Саида Эфенди, появляется фетва⁸ шейх уль-ислама, разрешающая книгопечатание.

В XI–XVII вв. Каир являлся одним из центров арабской культуры, но в XVIII в. турецкое владычество не давало развиваться в полную силу арабской культуре.

Наполеон Бонапарт, заняв Египет, был первым, кто обратился к его народу через документ, напечатанный на арабском языке в июне 1798 г. в знаменитой типографии Конгрегации (конфискованной в Риме), действующей на борту корабля «Ориент».

Эта типография была оставлена в Александрии. Первая государственная типография на арабском Востоке была основана спустя 20 лет после ухода французов. Открыл ее Мухаммед Али в предместье Каира — Булаке. В 1822 г. («Альбулаг») она начала свою работу. Арабские шрифты для типографии были доставлены из Италии и Греции. Позже решением правителя Египта шрифты были переделаны новые мастером — гравером Синглахом ал-Хинди.

В России первый печатный арабоалфавитный образец датируется 1711 г. Это был «Манифест» Петра I, выгравированный на медном листе. В 1722 г. во время Персидского похода Петра I для печати очередного «Манифеста» Дмитрием Кантемиром были сделаны рисунки арабских шрифтов и отлиты первые литеры⁹. В Петербурге 1785 г. для печатания книг на восточных языках по контракту с Иностранной коллегией (от 27 августа) И. Шнор создает «Азиатскую типографию». В том же году по рисункам Усмана Исмагилова были сделаны новые арабские шрифты. Впоследствии эти же шрифты применялись для набора и печати в Петербурге и Казани почти до конца XIX в. Шрифты, отлитые у Шнора, охотно приобретали петербургские типографии. По распоряжению Екатерины II здесь был издан Коран (1787). В тексте этого уникального издания объемом 447 страниц все диакритические знаки, надбуквенные и подбуквенные рисунки шрифта и комментарии на полях сделаны Усманом Исмагиловым. По мнению зарубежных ученых, типографские мастера Петербурга достигли высокого уровня в деле набора и печати арабоалфавитных книг, так как они ценили типографское достоинство книги

⁶ Le vie delle iettere 2012.

⁷ Желтяков 1972, 17.

⁸ ФЕТВА (араб.) — в мусульманских странах решение высшего религиозного авторитета (муфтия) о соответствии того или иного действия или явления Корану и шариату.

⁹ Каримуллин 1969, 96.

выше, чем европейские издатели¹⁰. В течение 1789 по 1798 г. вышло пять изданий Корана, что принесло немалую выгоду российской казне. Именно 1787 год считается началом набора и печати арабским шрифтом в России.

После указа от 15 декабря 1800 г. о снятии ограничения на публикацию в России исламской духовной литературы арабские шрифты были переданы в Казань.

Относительно печатных книг с использованием арабских шрифтов на языках тюрки, фарси, персидском и арабском применялся термин «мусульманские». Такой термин применяет В. Д. Смирнов в известном исследовании «Мусульманские печатные издания в России». Ю. Я. Герчук относительно восточных книг применяет термин «мусульманская книга». По мнению автора, термин «мусульманские» не полностью раскрывает суть изданных книг. Под этим термином подразумевается конфессиональная принадлежность создателей, читателей и религиозный характер содержания книг, и, как подчеркивал Л. С. Бретаницкий, «очевидно, что термин «мусульманский» фактически игнорирует самобытность культуры народов, принявших ислам». Известный исследователь Л. В. Дмитриева¹¹ при изучении рукописных книг с использованием арабских шрифтов применяла термин «арабописьменная книга».

Современные исследователи применяют термин «арабографичная» и «арабоалфавитная» книга или «арабографичное» искусство. Это позволяет охватить материал, напечатанный в регионе арабским шрифтом на тюркских и других языках. В своем исследовании мы взяли за основу наборные арабоалфавитные книги, изданные в Казани и позже — в Уфе и Оренбурге. Книги (и другая полиграфическая продукция), отпечатанные на восточных языках в Казани, в силу многих причин считались своими не только для тюркоязычного населения Поволжья и Урала, но и для народов востока других регионов Российской империи. С начала XIX века основной базой издания книг на восточных языках арабским шрифтом в России стала Казань.

Еще в конце 20-х гг. XX в. казанский искусствовед П. М. Дульский предполагал, что история типографского искусства татарской книги в XIX в., рост и ее достижения в годы революции должны быть изучены в ближайшее время, подчеркивая большое практическое значение данного вопроса для будущих успехов полиграфии. В аспекте искусства книгопечатания, типографского искусства печатная продукция, набранная арабским шрифтом в типографиях городов Поволжья и Урала, по нашему мнению, до сих пор не была достаточно исследована.

Сравнительно полным библиографическим источником сведений об изданиях, выпущенных в России на восточных языках в начале XIX в., является каталог Б. А. Дорна¹². Как отмечал В. Д. Смирнов, данный труд «наделал в свое время в заграничной прессе заметного шума, который нашел себе отклик и в нашей отечественной тогдашней печати». В дальнейшем В. Д. Смирновым была выполнена аналогичная работа, посвященная казанским изданиям 80–90-х годов¹³. С первой половины и до конца XIX в. в Казанском университете работал И. Ф. Готвальд; яв-

¹⁰ Философская и политическая переписка императрицы Екатерины II с доктором Циммерманом с 1785 по 1792 год (Санкт-Петербург 1803, 137) (письмо Циммерману от 29 ноября 1788 года с отсылкой к статье профессора Гейне из Геттингенского университета — *Schriften* 1788, №120).

¹¹ Дмитриева 1987.

¹² Dorn 1866.

¹³ Смирнов 1889–1891, 106–114, 395–398; 141–145; 389–396, 390–393; 195–201.

ляясь цензором восточных изданий, он внес вклад в дело издания мусульманских книг, что требует дополнительного изучения.

Библиографом Н. Ф. Катановым описано множество изданий, в том числе более ста книг, вышедших в Казани с использованием арабского шрифта с 1895 по 1901 год. Совместно с А. Соловьевым он создал «Каталог книг, отпечатанных в типографии Императорского Казанского университета с 1800 по 1896 год».

Работа Н. П. Загоскина может служить одним из первоисточников по становлению книгопечатания на восточных языках в Казани. Р. Фахретдин¹⁴ также оставил на страницах журнала «Шура» ряд публикаций по истории книгопечатания арабским шрифтом.

В начале XX в. и позднее выпускались различные издания¹⁵ представляет особый интерес «Матбагатчылык тарихы» («История печати») — книга, напечатанная на татарском языке арабским шрифтом по случаю юбилея известного Казанского типографа И. Н. Харитонов.

Среди небольшого круга исследований печатной восточной книги можно выделить работы О. П. Щегловой¹⁶, Г. Н. Чаброва¹⁷. Отдельные сведения по печатным книгам на чеченском языке имеются в работе А. И. Исаева¹⁸. Одним из первых проблему оформления татарских книг осветил в начале XX в. казанский искусствовед П. М. Дульский¹⁹.

Некоторые сведения находим в публикациях П. Е. Корнилова в журнале «Казанский библиофил» (Казань, 1921, №1). Большую работу по данному вопросу проделали А. Б. Файнберг, Е. П. Ключевская, Н. А. Розенберг, О. Л. Улемнова, С. М. Червонная, А. Г. Каримуллин, Г. Р. Габдельганеева, Р. М. Булгаков, И. Г. Галляутдинов.

Изучение книги с точки зрения художественного конструирования (дизайна) дает представление о назначении и функциональной роли ее элементов: блока набранного текста, орнаментальных наборных заставок, титула, фронтисписа, внешнего оформления (переплета, обложки). Создатель книги в конце XX века позиционировался как «художник-конструктор», определявший системность подхода к книге, независимо от терминов: конструирование, структура или морфология книги.

Мы предлагаем рассмотреть один из наиболее характерных элементов восточной книги — унван.

Развитие именно данного элемента пронизывает всю структуру визуального облика книги от рукописной до печатной. Орнаментальный декор и унван присутствует в иранских рукописях XIV века. Позже в литографированной книге Ирана первая страница книги также визуализирована унваном. В Узбекистане на этапе становления полиграфии в конце XIX — начала XX века в литографированных книгах хивинских печатников имелись заставки, «по композиции очень близкие к традициям рукописной книги. Чаще всего заставка представляла собой прямоу-

¹⁴ Милли матбугатымыз 1908/8, 231–233; 10, 324–326; 17, 525–527; 21, 673–675.

¹⁵ Алпаров 1913, 205–209; Рами 1931, 74–81; Закиров 1961, 109–111; Михайлова 1979, 223; Сагди 1926.

¹⁶ Щеглова 1979; 2001, 336.

¹⁷ Чабров 1961.

¹⁸ Исаев 1989.

¹⁹ Дульский 1921.

гольник, верхняя часть которого замыкалась не всегда. В этот прямоугольник вписывались узоры, состоящие из концентрических кругов или полуокружностей. Свободные места между ними заполнялись растительным орнаментом»²⁰.

Это своеобразие, перешедшее из рукописной книги в печатную, таким образом, сформировалось в устойчивую традицию ранней печатной книги.

Унван (араб. «заглавие») — в арабских и персидских рукописях орнаментальная заставка начала сочинения, главы, раздела, которая занимала от трети до половины страницы²¹.

Унван — это распространенный элемент оформления книги, и в частности арабской книги (не только Корана). Унван — это декоративно решенная страница, выполненная красками в начале книги перед текстом, на оборотной стороне листа или в развернутый лист, или дважды — на обеих страницах разворота. В книжной каллиграфии унваны начали использоваться на заре исламской культуры.

Унван (заставка, часть композиции страницы книги) — это декоративная рамка с орнаментом, обрамленная сверху фестончатой аркой в виде купола, завершающейся декоративным элементом — «мадохилем». Симметрично изображались боковые, срезанные по вертикали арки. «Унван» также обозначает заголовок, начало письма или, в другом значении, — «заголовок книги»; в некоторых случаях слово «унван» означает «начало», или «обращение к адресату» (т. е. упоминание имени человека, которому адресовано письмо, со всеми его титулами). В унван часто вписывалась традиционная мусульманская формула «Бисмиллах ар-Рахман, ар-Рахим», в некоторых случаях вписывалось название книги или произведения. В данном случае унван, как изолированное целое с сакральной точки зрения, нес функцию, аналогичную традиционной формуле обращения к небесному владыке в начале произведения (рис. 1).

ب Это давало право и благословение всевышнего на дальнейшее изображение как в словесной, так и в изобразительной форме. Выражением «Бисмиллах...» раскрывается и начальная сура Корана «Ал-Фатиха», «открывающая книгу», которая концентрирует в себе весь Коран, «бисмилла», в свою очередь, вмещает в себя всю «Фатиху» и сама сосредотачивается в первой букве, «ба», а «ба» вмещается в диакрическую точку под первой буквой. «Графическая» точка соответствует первой капле божественных чернил (мидад), упавших с божественного пера, и является прототипом всего Мира.

Бисмилла — поминание Аллаха перед началом любого дела: «Во имя Аллаха милостивого милосердного». Согласно арабским источникам, изначально любой текст начинался с бисмиллы, первое применение которой мусульманская традиция приписывает пророку Сулейману, пославшему царице Сабы письмо, начинавшееся словами «Во имя Аллаха милостивого милосердного» (Коран, 27:30). С течением времени данная форма бисмиллы стала обязательной заставкой любого текста. Тексты священного Корана, а также духовной литературы традиционно открываются словами «бисмиллы».

Изображение в виде арки-купола в заставке также символизирует небесный свод и безграничный мир Духа. Бисмилла также присутствует в шамаилях и играет «в его композиционном построении ту же смысловую роль, что и в

²⁰ Чабров 323–324.

²¹ Традиционное искусство Востока 1997.

литературе»²². «Шамаиль» в переводе с арабского языка — «качество, достоинство», а с персидского «шамайел» — портрет, изображение. В литературе Востока слово «шамаиль» содержится в названиях произведений с описаниями качества и достоинства пророка Мухаммеда. Шамаиль в народе также называют «дога», «Аятель — кэрси» — престольный стих Корана. Особо отметим, что именно в печатных шамаилях встречаются описания качеств и достоинств пророка Мухаммеда. Мы в своем исследовании предлагаем к обсуждению точку зрения, согласно которой шамаиль — станковое по форме произведение графического дизайна религиозного содержания, основанное на арабской каллиграфии.

«Бисмилла» не всегда находилась внутри унвана, в некоторых случаях вписывалось название произведения, «бисмиллу» выносили за пределы обрамления и ставили перед началом текста.

В конце 20-х годов XX в. П. М. Дульский писал, что в «полиграфическом современном искусстве народов Востока еще не выявилось достаточно четкого оформления, т.к. эта область, являясь новой, не успела установить свой стиль». Он справедливо отмечает недостатки «полиграфического современного искусства народов Востока». В какой-то мере соглашаясь с автором, мы можем отметить некоторое противоречие в его словах, где он выделяет «внешность» книг, издаваемых в течение XIX в., и вместе с тем пишет о «специфическом восточном характере». Отдельные элементы визуализации книги, а именно заставки, исполнялись наборщиками акцидентным способом. По рисунку это были «узоры восточной орнаментики». Основной мотив данных узоров — растительный орнамент, который в композициях произведений восточного искусства занимает доминирующее положение.

Наборный орнамент активно применялся в печатании арабоалфавитной книги в конце XIX и начале XX в. Кроме одиночных наборных элементов, выпускались своеобразные орнаментальные гарнитуры, включающие рапорты и особые элементы для углов, середин, верха и низа бордюрных рамок. В комплект могли входить также готовые заставки, концовки, политапажи. В разнообразных инструкциях для наборщиков-типографов подробно объяснялась грамота построения декоративных элементов.

Изображение унвана выстраивалось из отдельных наборных элементов типографского орнамента: звездочек, линеек и бордюров. Для воспроизведения заставок использовалась акциденция, исполнявшаяся наборщиками, в некоторых случаях — литографская техника. Рисунок книжных украшений имитировал узоры восточной орнаментики. Часто рисунок отдельного типографского орнамента мог быть явно не восточного характера, напоминая декоративную лепнину ампирических фасадов (рис. 2) или узоры и цепи чугунных решеток. Также применялся орнамент, обозначаемый в книгах типографских образцов «систематическим или калейдоскопным». Такой набор заполнял плоскость листа мелкой «фактурой» — кружевом «из звездочек, колечек, штриховок и пунктиров»²³. Одинаковые элементы часто встречаются в изданиях разных типографий, что свидетельствует о едином происхождении, т.е. о месте их изготовления — словолитни. Свои словолитни имели провинциальные типографии: к примеру, в Казани словолитни были

²² Шамсутов 2000, 405.

²³ Karimov 1935.

в типографиях Императорского Казанского Университета, Г. М. Вечеслава (1882), Харитонов и др.

С первого номера журнала «Шура» (1909) появляется графическая заставка с изображениями различных символов: глобуса, химического оборудования, книги, бумаги, атрибутов искусства, культуры и астрономии. Все это расположено симметрично на листе, в средней части разворачивается панорама восточного города, которая решается в основном силуэтом с небольшими деталями архитектурных проемов. Масштабные соотношения элементов создают пространственное развитие в глубину, несмотря на всю условность изображения. Композиция заставки имеет генетическую связь с восточным «унваном» по нескольким параметрам: симметричность, графический силуэт, наличие арабского шрифта на поле заставки. Обрамления из переплетающихся ветвей (рис. 3) завершают композицию и подчеркивают наличие стилистического единства с «модерном».

До 1913 г. пространство внутри заставки в журнале композиционно решалось черным цветом, в последующем темное пространство убрали и остались только звездочки черным по белому, после №7 1917 г. темные звезды тоже были сняты, в итоге пространство над силуэтом города создавалось белизной бумаги. Символы науки, искусства, просвещенности также визуализировались черным, подчеркивая чистоту и белизну небесного свода.

Орнаментальное решение было одним из основных элементов визуализации арабоалфавитной книги. Орнамент часто применялся для решения титульного листа, позже — переплета и решения внутри самой книги: для выделения глав, концовок, заставок и традиционного унвана или заставки, открывающей книгу.

Наборный типографский орнамент, являясь одновременно универсальным средством архитектурного построения книги, вносил и свои индивидуальные черты в издание в зависимости от характера произведения. Но не все типографии строго придерживались этого правила.

Образцы орнаментов и шрифтов, имеющиеся при типографиях, свидетельствуют о том, что одни и те же наборные элементы применялись и в кириллической, и в арабоалфавитной книге. В листке «Узорчатые линейки. Типографии и словолитни Императорского университета» (без обозначения года выпуска) приведены линейки различного характера и масштаба (82 образца линеек). Данные элементы при наборе могли быть использованы в качестве разделителей глав, концовок. В листке под №1 из словолитни при типографии императорского Казанского университета «Новые украшения. Украшения, линейки, пробела и клише медалей. Собственность словолитни» (без указания года, но имеется оттиск медали за 1886 г.) представлены орнаменты, отдельные модули наборного орнамента, из которых здесь же составлены ленточные бордюры.

В дизайне книг, шамаилей и другой печатной продукции геометрические композиции приобрели ведущее значение. Архитектурные формы порталов, сводов, арок, окон и декоративные схемы михраба, минбара, ковра, столика, книжного переплета — все эти элементы строились по принципу геометрического орнамента, составляющего основу дизайна. В сасанидском и византийском искусстве встречается исламский геометрический орнамент: построенные по замкнутой схеме рисунки с мотивами треугольников, квадратов, ромбов, шестиугольников,

крестов, кругов, двойной плетенки, меандра, решетки или других геометрических фигур.

Наборный орнамент, представляя единицу действия — модуль, предполагает вариативность. Функциональное значение наборных модулей — комбинирование, составление из стандартных элементов, создание плоскости пространства, то есть визуальная организация пространства.

Абстрагирование как определенная форма художественного обобщения в мусульманском искусстве предполагало множественность содержания орнаментальных образов, что и нашло отражение в книжном дизайне типографии региона.

В 20-е годы XX века в связи с новыми задачами искусства создавались новые орнаменты и орнаментальные мотивы, в различных композиционных сочетаниях широко применялась советская эмблематика (рисунок 4), отражающая не совсем характерные для восточной книги мотивы идеологического содержания.

Подводя итоги, предлагаем к обсуждению мнение, что «унван» как наиболее консервативный элемент арабоалфавитной книги в процессе эволюции от рукописной до печатной в целом сохранил свою основную композиционную структуру (рис. 5). Анализ «унвана» как элемента типографики в структуре книги показал, что данный элемент функционально выполняет свою роль начальной заставки. Впоследствии унванообразные элементы появляются не только в книгах, но и в периодических изданиях.

ЛИТЕРАТУРА

- Алпаров Гыйбадулла* 1913: Харитонов харефлэре // Тербия. 8, 205–209.
- Вахид Кудура* 1996: Начало арабской печати в Турции и странах “Шам” [т. е. Сирия, Ливан, Палестина, Ирак, Иордания и т. д.] // Материалы Симпозиума История арабской печати. Дубай, 109–141.
- Дмитриева Л. В.* 1987: Тюркоязычная арабописьменная рукописная книга по ее ареалам. Поволжско-Уральский ареал // Рукописная книга в культуре народов востока. Очерки. Кн. 1. Главная редакция восточной литературы. М.
- Дульский П. М.* 1921: Книга и ее художественная внешность (в связи с Казанским книгопечатанием). Казань.
- Дульский П. М.* 1930: Оформление татарской книги за революционный период. Казань.
- Дульский П. М.* 1925: Искусство Казанских татар. М.
- Дульский П. М.* 1929: Конкурс графического отделения художественно-театрального техникума. Казань.
- Дульский П. М.* 1930: Казанский каллиграф Али Махмудов. Казань.
- Дульский П. М.* 1935: Актуальная графика. Казань.
- Желтяков А. Д.* 1972: Печать в общественно-политической и культурной жизни Турции. (1729–1908 гг.). 17. М.
- Закиров С. З.* 1961: Издания на восточных языках в Казани в первой половине XIX века // Народы Азии и Африки. 6, 109–111.
- Исаев А. И.* 1989: Каталог книг и публикаций на языках народов Дагестана (Дореволюционный период). Махачкала.
- Каримуллин А. Г.* 1969: Возникновение российского книгопечатания арабским шрифтом // Народы Азии и Африки. 3, 96.

- Милли матбугатымыз* 1908: // Шура. 8, 231–233; 10, 324–326; 17, 525–527; 21, 673–675. (на тат. языке).
- Михайлова С. М.* 1979: Казанский университет и просвещение народов Поволжья и Приуралья (XIX век). Казань.
- Рамиев И. Г., Даутов Р. Н.* 2001: Адаби сузлек (Литературный словарь). Казань.
- Раши И.* 1931: Татарларда басмачылык нем китапчылык эше. 8/9, 74–81. (на тат. языке)
- Сагди Г.* 1926: Татар адабияте тарихы. (на тат. языке)
- Смирнов В. Д.* 1889–1891: Мусульманские печатные издания в России за 1885–1888 гг. // Записки Восточного отделения императорского Русского Археологического Общества СПб.
- Традиционное искусство востока 1997: Терминологический словарь. М.
- Чабров Г. Н.* 1961: У истоков Узбекской полиграфии (хивинская придворная литография 1874–1910) // Книга. Исследования и материалы. Сб. 4. М.
- Шамсутов Р. И.* 2000: Искусство татарского шамаиля // Turk Dunyasi Kultur ve Sanat Sempozyumu. 405.
- Щеглова О. П.* 1979: Иранская литографированная книга. М.
- Щеглова О. П.* 2001: Персоязычная литографированная книга индийского производства (XIX в.). Институт востоковедения. СПб.
- Dorn B. A.* 1866: Chronologisches Verzeichniss der seit dem Jahre 1801 bis 1866 in Kazan gedruckten arabischen, türkischen, tatrischen und persischen Werke, als Katalog der im asiatischen Museum befindlichen Schriften der Art, ... von B. Dorn. — Melanges Asiatiques tires du Bulletin I, Akademie Imperiale. T. V, 533–649.
- Dulski P.* 1929: Die Neugestaltung des Tatarischen Buches in Kasan // «Gebrauchsgraphik». 2, 50–55.
- Karimov X.* 1935: Nabor Texnikahı (Техника набора). Уфа.
- Le vie delle lettere 2012: Vera Valitutto. Catalogo della mostra tenuta in Biblioteca Medicea Laurenziana. Firenze.

HONWAN TYPOGRAPHY

M. L. Akhmadullin

Dealing with a traditional example of a design element of Arabic book named Honwan, the author examines the history of its use in printed materials of the Volga and the Urals, from the 18th to the 20th century. The article reflects the evolution of handwriting Honwana in the visualization element of Arabic printed products of the region.

Key words: Honwan, typography, arabic font, design

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Архив РАН — архив Российской академии наук. Москва
Архив СПб ИИРАН — архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук. Санкт-Петербург
- АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург
Баж. — Бажов П. Малахитовая шкатулка. М., 1947.
Бел. — Белов В. Повести и рассказы. М., 1984.
БИАС — Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь
БРС — Башкирско-русский словарь. Москва
БСЭ — Большая Советская энциклопедия. Москва
БЧ — Боспорские чтения. Керчь
ВДГУ — Вестник Дагестанского государственного университета
ВДИ — Вестник древней истории. Москва
ВИ — Вопросы истории. Москва
ВМУ — Вестник Московского университета. Москва
ГМЯ — Грамматика мордовских языков. Саранск
Д/2 — Даль В. Пословицы русского народа: в 2-х томах. Т.2. М., 1984.
ДБ — Древности Боспора. Москва
Донгак Э., ЭХ, 270 — Эдуард Донгак, Эрги хонаштар. Кызыл, 1983.
ЗК — Залыгин С. Комиссия. М., 1976.
ЗНИ — Залыгин С. На Иртыше. М., 1986.
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса
ЗС — Залыгин С. Солёная Падь. М., 1976.
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры. Москва
ИП — Исторические песни XVII-го века. Л., 1986.
ИТОИАЭ — Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Симферополь
ИТУАК — Известия Таврической учёной архивной комиссии. Симферополь
КАЙ — Кайдаров Н. Парные слова в современном уйгурском языке. Алма-Ата, 1958.
КаРС — Казахско-русский словарь. Москва
Кенин-Лопсан М., АБК, 162 — Монгуш Кенин-Лопсан. Азаның бичези кончуг. Кызыл, 1989.
КирРС — Киргизско-русский словарь. Москва
Кир — Сборник народных песен П. В. Киреевского. Ленинград
КоПРС — Коми-пермяцко-русский словарь. Москва
КРПС — Караимско-русско-польский словарь. Москва
КРС — Коми-пермяцко-русский словарь. Москва
КСИА — Краткие сообщения Института археологии РАН. Москва
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. Москва
Кудажы К., У, 1 т, 343 — Кызыл-Эник Кудажы. Уйгу чок Улуг-Хем, кызыл том. Кызыл, 1973.
Кудажы К., ЫБ, 44 — Кызыл-Эник Кудажы. Ыржым булун.
ЛСП — лексико-семантическое поле
МАИКЦА — Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии. Москва
МаРС — Марийско-русский словарь. Йошкар-Ола
МАР — Материалы по археологии России. Санкт-Петербург
МЕЛ — П. И. Мельников (Печерский). На горах. М., 1988.
МИАР — Материалы и исследования по археологии России. Москва
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград
НМ КБР — Национальный музей Кабардино-Балкарской республики
НСП — Русские народные песни, собранные писателями. М., 1974.
ОГАЧО — Объединённый государственный архив Челябинской области
Ойдан-оол Х., ЧС, 64 — Ховенмей Ойдан-оол. Чайык соонда. Кызыл, 1978.

-
- ОНУ — Общественные науки в Узбекистане. Ташкент
 ОШ — Ошанин И. М. Китайско-русский словарь. М., 1952.
 ПП — Персидские пословицы, поговорки и крылатые слова. М., 1973.
 Расп — Распутин В. Повести. Минск, 1983.
 РА — Российская археология. Москва
 РГАДА — Российский государственный архив древних актов
 РЛ — Русская литература. Санкт-Петербург
 РПП — Русские пословицы и поговорки. М., 1988.
 РФ — Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология. М., 2005.
 САИ — Свод археологических источников. Москва
 Сарыг-оол С., 3 т, 106 — Степан Сарыг-оол. Чогаалдар чыындызы. 3 том. Кызыл, 1992.
 Сарыг-оол С., АТ, 123 — Степан Сарыг-оол. Ангыр-оолдуң тоожузу. Чогаалдар чыындызы. 1 т. Кызыл, 1988.
 СА — Советская археология. Москва
 СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург
 Сүрүң-оол С., А-Т, 271 — Салим Сүрүң-оол, Ак-Тош, Кызыл, 1984.
 Сүрүң-оол С., АА, 124 — Салим Сүрүң-оол. Ак-анай. Кызыл, 1970.
 Сүрүң-оол С., НО, 18 — Салим Сүрүң-оол. Ногаан ортулук. Кызыл, 1986.
 Танова Е., АДТ, 14 — Екатерина Танова. Акым дугайында тоожу. Кызыл, 1970.
 Танов С., ХЧ, 91 — С. Танов, Леонид Чадамба. Хоочуннарнын чугаалары. Кызыл, 1985.
 ТаРС — Татарско-русский словарь. Москва
 ТЕВ — Тобольские епархиальные ведомости. Типография епархиального братства. Тобольск
 ТуркмРС — Туркменско-русский словарь. М., 1968.
 ТуРС — Турецко-русский словарь. Москва
 ТХАЭЭ — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Москва
 УдРС — Удмуртско-русский словарь. Москва
 УзРС — Узбекско-русский словарь. Москва
 ФН — Филологические науки. Москва
 ХРС — Хинди-русский словарь. Москва
 Чамыян К., ЧХ, 12 — Куулар Чамыян. Часкы хөөннер. Кызыл, 1984.
 ЧРС — Чувашско-русский словарь. Москва
 ШБ — Шукшин В. Брат мой. Рассказы, повести. М., 1985.
 ШолТД — Шолохов М. Тихий Дон. М., 1962.
 Эргеп М. Танды — Ууланын кижилери. Кызыл, 1991.
 ЭРС — Эрзянско-русский словарь. Москва
 ЮНЦ РАН — Южный научный центр РАН
 BAR — Biblical Archaeology Review. Washington
 САН — The Cambridge Ancient History. Cambridge
 Cap. — капитель
 CIL — Corpus Inscriptionum Latinarum. Leipzig; Berlin
 Col. — колонна
 CQ — The Classical Quarterly. Oxford; L.; New York
 GR — Greece and Rome. Oxford
 HS — иероглифическая лестница
 ILS — Inscriptiones Latinae Selectae. Berlin
 Iron — железный век
 JHS — Journal of Hellenic Studies. London
 Jmb. — дверной косяк
 Lnt. — притолока
 MDAI — Memoires de la Délégation Archéologique française en Iran. Paris
 NAR — археологическое городище Наранхо
 NEA — Near Eastern Archaeology. Boston
 PAL — археологическое городище Паленке
 Pan. — панель

PIR1	—	Prosopographia Imperii Romani. Ed. 1. Berlin
PIR2	—	Prosopographia Imperii Romani. Ed. 2. Berlin
RIC	—	The Roman Imperial Coinage. London.
St.	—	стела
TIK	—	археологическое городище Тикаль
Tmp.	—	храм
XCO	—	археологическое городище Шкомбек
XLM	—	археологическое городище Шкалумкин

УКАЗАТЕЛЬ МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ
«ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ» В 2014 ГОДУ

№ Стр.

ИСТОРИЯ

ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ И РИМ. ЭЛЛИНИЗМ

<i>Васильев А. В.</i> (Санкт-Петербург) — Деформации в системе римских магистратур в период Второй Пунической войны (218–201 гг. до н. э.).....	2	10
<i>Востриков И. В.</i> (Казань) — Афинский патриотизм и функционирование института эфебии	2	3
<i>Караваев А. Г.</i> (Москва) — Генеалогия и просопография старшей линии фамилии Клавдиев Неронов	4	18
<i>Каргальцев А. В.</i> (Санкт-Петербург) — Жизнь и эллинистические взгляды Тертуллиана	2	48
<i>Клейменов А. А.</i> (Тула) — Кампания 356 г. до н.э. как образец полководческого искусства Филиппа II	4	11
<i>Лапырёнок Р. В.</i> (Саратов) — К вопросу о категориях <i>Ager Publicus</i> , получивших «иммунитет» на основании аграрного закона Гая Гракха	1	29
<i>Мехмадиев Е. А.</i> (Санкт-Петербург) — Войсковое подразделение <i>Angrivarii</i> , «Веронский список» (<i>Laterculus Veronensis</i>) и вторжение Алариха в Италию: к вопросу о датировке позднеримской надписи из Аугсбурга	2	57
<i>Павлов А. А.</i> (Сыктывкар) — Плебейские трибуны в «римских вопросах» Плутарха ..	2	42
<i>Поникаровская М. В.</i> (Санкт-Петербург) — Внешняя политика Афин в первой половине V в. до н. э. в отражении трагедий Эсхила	4	3
<i>Попов А. А.</i> (Санкт-Петербург) — Сведения Юстина (Помпея Трога) о помощи бактрийцев селевкидскому царю Деметрию II	1	22
<i>Селиванова Л. Л.</i> (Москва) — Победа и/или смерть на общегреческих играх.....	1	3
<i>Циркин Ю. Б.</i> (Санкт-Петербург) — Гай Фламиний	2	21
<i>Широкова Н. С.</i> (Санкт-Петербург) — Императорский культ в римской Британии	1	37

*Круглый стол «Христианство в античности и раннем
средневековье: проблемы изучения источников»*

<i>Пантелеев А. Д.</i> (Санкт-Петербург) — Христианское мученичество в контексте римских зрелищ.....	2	75
<i>Карасева А. В.</i> (Иваново) — Отравленный источник или о старом и «новом» переводе Арнобия	2	89
<i>Болгова А. М.</i> (Белгород) — Прокопий Газский: Ритор и Богослов	2	101

СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

<i>Журавлев Д. В.</i> (Москва) — «Браслеты» и кольца с выступами из познескифских и сарматских памятников Северного Причерноморья	1	59
<i>Зубарев В. Г., Ярцев С. В.</i> (Тула) — Новый сакральный комплекс на городище «Белинское в Восточном Крыму»	1	86
<i>Шейко И. Н.</i> (Киев) — Пергамские и Эфесские светильники из Ольвии (импорт и местные имитации)	2	108
<i>Ярцев С. В.</i> (Тула) — Боспор и Херсонес накануне гуннского нашествия	1	102

ВОСТОК

<i>Горохов А. А.</i> (Тобольск) — Проблема формирования государства в древнем Израиле (вторая половина XI — первая половина X вв. до н.э.) в отечественной и зарубежной историографии	4	27
<i>Кошеленко Г. А., Гаилов В. А.</i> (Москва) — Эллинистический Восток: колонизация верхних сатрапий (масштабы, динамика, характер)	2	141
<i>Орехов Р. А.</i> (Москва) — Обрезание в Древнем Египте - интерпретация ритуала с позиций ближневосточной и африканской традиций	2	124
<i>Рышкова А. Ю., Болгов Н. Н.</i> (Белгород) — К истории женского монашества на ранневизантийском востоке (Египет)	4	53
<i>Соловьёв В. С.</i> (Елец) — Керамика конца VIII–IX вв. из Северного Тохаристана	4	41
<i>Терновая Г. А.</i> (Алматы) — К проблеме истории, религии и жизненного уклада государства Кангюй в конце III–IV вв. н.э.	1	118

ПЛЕМЕННОЙ МИР

<i>Долбунова Е. В.</i> (Санкт-Петербург) — Древнейшие керамические традиции Днепр-Двинского междуречья VII–VI тыс. до н.э.	1	132
<i>Сотникова С. В.</i> (Тобольск) — К вопросу о парных захоронениях лошадей в колесничных культурах эпохи бронзы: реконструкция ритуалов и представлений (по материалам памятников синташтинского и петровского типа)	2	176
<i>Канторович А. Р.</i> (Москва) — Эволюция и хронология сюжета свернувшегося в кольцо хищника в восточноевропейском скифском зверином стиле	4	66

МЕЗОАМЕРИКА

<i>Галеев Ф. С.</i> (Москва) — Анализ комплекса надписей «Здания Начальной Серии», Шкалумкин (Юкатан, Мексика)	4	108
<i>Новосёлова Е. В.</i> (Москва) — Инкские династические мифы в изложении Бернабе Кобо	4	100
<i>Савченко И. А.</i> (Москва) — К вопросу о поселенческой структуре древних майя юго-восточного Петена (Гватемала) в VII–IX вв. н.э.	2	190

ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ

<i>Болдырева И. И.</i> (Воронеж) — Историко-правовые особенности завещательной практики в раннесредневековой Англии	1	148
<i>Демичев К. А.</i> (Нижний Новгород) — Особенности милитаризации сикхской общины при первых девяти гуру в XVI–XVII вв.	1	157

НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

<i>Михальченко С. И.</i> (Брянск) — Неопубликованные «Воспоминания» Е. В. Спекторского как источник по истории евреев Царства Польского конца XIX в.	1	171
<i>Могаричев К. Ю.</i> (Симферополь) — Марсельское убийство (1934 г.) в восприятии украинской общественности Польши и США (по материалам газет «Діло» и «Свобода»).....	2	197
<i>Ольховский С. В.</i> (Москва) - Украина в федералистской концепции Ю. Пилсудского .	1	188
<i>Ольховский С. В.</i> (Москва) — Украинское парламентское представительство в 1922–1939 гг.	1	176
<i>Черняев В. С.</i> (Киев) — Роль и место военно-морской программы 1916 г. во внешней политике США	4	122

ИСТОРИЯ РОССИИ

<i>Белоус П. В.</i> (Сургут) — Отношение духовенства Русской Православной Церкви к Первой мировой войне (по материалам Tobольской епархии).....	4	154
<i>Дорожкин А. Г.</i> (Магнитогорск) — Начало генезиса китайско-вьетнамского конфликта 1979 г. и советская периодика.....	4	202
<i>Корзинин А. Л.</i> (Санкт-Петербург) — «Яз грамот не прочитаю, потому что яз грамот не умею» — к биографии опричника Романа Васильева сына Алферьева.....	4	134
<i>Макарова Н. Н.</i> (Магнитогорск) — Повседневность чувств эпохи форсированной индустриализации (по материалам Магнитогорска 1930-х гг.)	1	205
<i>Макарова Н. Н., Чернова Н. В.</i> (Магнитогорск) — Советские граждане VS иностранные специалисты: социально-бытовые условия в новом индустриальном центре (по материалам Магнитогорска 1930-х гг.)	4	174
<i>Переверзев В. В.</i> (Магнитогорск) — «Пропагандистское затишье» в советско-китайских отношениях середины 1960-х гг. в отражении советской периодической печати	1	214
<i>Потемкина М. Н., Кузнецова И. В.</i> (Магнитогорск) — Паспортизация городского населения СССР в 1930-х гг. XX в.....	4	167
<i>Храпунов Н. И.</i> (Симферополь) — Бахчисарай Эдварда-Даньела Кларка: Восток, Россия и Крым	4	141
<i>Чепель А. И.</i> (Санкт-Петербург) — Преступления против личности в шведско-русском приграничье после Столбовского мира	1	197
<i>Шорохова И. В.</i> (Петрозаводск) — Проблема сохранения национального театрального искусства Карелии в 1950-е – первой половине 1960-х гг.	4	195

В МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ МИРА

<i>Абрамзон М. Г.</i> (Магнитогорск), <i>Фролова Н. А.</i> (Москва) — Античные монеты Сицилии из собрания Государственного исторического музея.....	2	212
---	---	-----

ФИЛОЛОГИЯ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Абрамзон Т. Е.</i> (Магнитогорск) — «Вечернее размышление» М. Ломоносова и “Evening Reflections” Дж. Боуринга: от полисемии идей оригинала к однозначности перевода.....	1	228
<i>Абрамзон Т. Е.</i> (Магнитогорск) — «Пиитическая игрушка» (1829) Н. М.: обнажение классицистических приемов.....	4	219

<i>Алферова Т. А.</i> (Екатеринбург) — «Персона» как категория женского самосознания в русской прозе конца XVII – начала XVIII столетия	2	246
<i>Ахмадрахимова О. В.</i> (Уфа) — Русскоязычные варианты башкирского эпоса «Заятуляк и Хыухылу»	2	264
<i>Валитова В. А.</i> (Екатеринбург) — Гендерная универсальность в творчестве М. Семеновой	1	260
<i>Епифанова Е. А.</i> (Курган) — Структура житийных предисловий в византийской агиографической традиции	4	214
<i>Ишегулова А. М.</i> (Уфа) — Фразеологизмы с компонентом «Аллах», «Тенгри», «Худай» в художественных текстах Яныбая Хамматова	4	261
<i>Морозова О. В.</i> (Казань) — Тема детства: чеховские «принципы художественной организации» текста в творчестве А. А. Блока	1	252
<i>Мудунова Г. А.</i> (Махачкала) — Фольклорные мотивы в творчестве Абакара Мудунова	4	253
<i>Пачаи И.</i> (Ньиредьхаза) — Роль наследия А. А. Потебни и Н. С. Трубецкого в исследовании восточных элементов «русской культурной зоны»	4	238
<i>Суровцева Е. В.</i> (Москва) — А. И. Солженицын и А. Д. Сахаров: дискуссия вокруг «Письма Вождям Советского Союза»	4	278
<i>Тимашова О. В.</i> (Саратов) — Комедия «Раздел» (1853) в драматургической системе раннего А. Ф. Писемского и в контексте журнала «Современник»	2	255
<i>Тимофеев Н. А.</i> (Москва) — Духовный кризис русской интеллигенции конца XIX в.: образ героя в повести А. П. Чехова «Черный монах»	1	243
<i>Хубитдинова Н. А.</i> (Уфа) — Особенности творческого освоения фольклора в башкирском дастане «Бузъегет» Багави и его устные варианты	1	267
<i>Цимбалова Ю. А.</i> (Тюмень) — Оппозиция «свой - чужой» в цикле рассказов Е. Д. Айпина «Время дождей»	4	273
<i>Чалаева П. Ш.</i> (Махачкала) — Абдулла Омаров и его роль в развитии лакско-русских языковых контактов	4	257
<i>Юлдыбаева Г. В.</i> (Уфа) — Башкирский мифологический эпос «Урал-батыр»: история изучения и популяризация	4	265

ЛИНГВИСТИКА

<i>Валиева М. Р.</i> (Уфа) — Булгаризмы в башкирской гидронимии	1	300
<i>Гремицкая М. В.</i> (Киров) — Номинативное поле модусного концепта «предположение» в немецкой языковой картине мира	4	297
<i>Елистратов А. А.</i> (Челябинск) — Контрастивное исследование некоторых особенностей языковой игры в молодежном жаргоне (на английском и русском языковом материале)	2	269
<i>Зеркина Н. Н., Костина Н. Н.</i> (Магнитогорск) — Методы изучения семантики языковых единиц вторичной номинации английского языка	4	301
<i>Ижик М. О.</i> (Киев) — Этимологические компоненты лексики малагасийского языка	2	294
<i>Ломтева Т. Н., Пахаренко С. В.</i> (Ставрополь) — Структурно-содержательные аспекты языкового контакта как лингвокультурного феномена	4	310
<i>Ма Цин</i> (Москва) — Анализ репрезентантов концепта МУДРОСТЬ в русском языке	2	291
<i>Нагорная А. В.</i> (Москва) — Методологические основы лингвистического изучения интероцепции	1	319
<i>Наумова А. П.</i> (Волгоград) — Переводческий форум как жанр профессионального дискурса переводчиков	1	285
<i>Островская Т. А.</i> (Майкоп) — Афоризмы как фольклор интеллектуальной элиты в русской и американской языковых картинах мира (на примере концепта «отношение к труду»)	4	306

<i>Пачаи И.</i> (Ньиредьхаза) — Некоторые данные к теории О.Н. Трубачева о синдах в Северном Причерноморье	1	237
<i>Песина С.А., Юрченко А.В.</i> (Магнитогорск) — Языковая картина мира и обыденное мышление	4	311
<i>Саенко М.Н.</i> (Ростов-на-Дону) — Повторные инновации в списке Сводеша	4	290
<i>Серээдар Н. Ч.</i> (Кызыл) — Элементарные простые предложения с глаголами интеллектуальной деятельности в тувинском языке	1	331
<i>Степанова Ю.В.</i> (Тюмень) — О некоторых способах языковой реализации функционально-семантического поля концепта «автор» в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»	4	282
<i>Стешевич В.Ю.</i> (Москва) — Способы побуждения 3-го лица в русском и сербском языке	2	277
<i>Сулейманова Д.Д.</i> (Уфа) — О фонеме [R] в тюркско – баскских соответствиях	2	285
<i>Цицкеева М.Р.</i> (Санкт-Петербург) — Состав и структура исконных и заимствованных ингушских личных имен в романах И. Базоркина «Из тьмы веков», И.А. Бочкова «Сыновья Беки»	1	312
<i>Швыдкая Л.И.</i> (Магнитогорск) — Когниция и идиоматизация	1	305

Международный симпозиум «Русская культура как объект современной лексикографии и фразеологии»

Проблемы лингвокультурологической и идеографической лексикографии

<i>Алефиренко Н.Ф.</i> (Белгород), <i>Золотых Л.Г.</i> (Астрахань) — Основы моделирования словарной статьи фразеологического словаря лингвокультурологического типа...	3	5
<i>Бабенко Л.Г.</i> (Екатеринбург) — Большой словарь-тезаурус русского языка в контексте развития идеографической лексикографии	3	8
<i>Байрамова Л.К.</i> (Казань), <i>Иванова М.В.</i> (Москва) — Русская культура в «Аксиологическом фразеологическом словаре русского языка»	3	10
<i>Воронина Т.М.</i> (Екатеринбург) — Аксиологическая составляющая пространственных концептов: лексикографический аспект	3	12
<i>Гольдин В.Е.</i> (Саратов) — Ассоциативные словари и образ мира	3	14
<i>Ковалёва О.Н.</i> (Челябинск) — Ценностно-смысловые ориентиры в русском национальном сознании при оценке профессиональной деятельности: лексикографический аспект	3	16
<i>Красных В.В.</i> (Москва) — Основные проблемы описания словаря и грамматики лингвокультуры (психолингвокультурологический подход)	3	19
<i>Плотникова А.М.</i> (Екатеринбург) — Наименования социальных групп и коллективов в идеографических словарях русского языка	3	22
<i>Трещева Е.Г.</i> (Саратов) — Ассоциативный словарь как инструмент анализа номинативных свойств слов	3	24
<i>Уфимцева Н.В.</i> (Москва) — Русский ассоциативный словарь как источник изучения русской языковой картины мира	3	27
<i>Харченко Е.В., Шкатова Л.А.</i> (Челябинск) — Лингвокультурный словарь корпорации	3	29
<i>Шумарин С.И.</i> (Балашов) — Словарное описание аббревиатур: лингвокультурологический аспект	3	31

Отражение русского менталитета в паремиографии и крылатографии

<i>Альдингер О. П.</i> (Смоленск) — Сопоставление ономастического наполнения сборников русских пословиц и поговорок XVII–XIX вв. как инструмент анализа русской фразеологической картины мира	3	34
<i>Андреева С. Л.</i> (Магнитогорск) — Об авторстве фразеологической единицы хрустальный дворец сквозь призму лингвокультурологического анализа	3	37
<i>Богачёва Г. Ф.</i> (Москва) — Крылатые выражения в комплексном объяснительном словаре	3	40
<i>Вальтер Х.</i> (Грайфсвальд, Германия) — Культурологический фон в пословицах-«перевёртышах»	3	42
<i>Дядечко Л. П.</i> (Киев) — Каин, где твой брат Авель? (о лакунах в русской библейской фразеологии)	3	47
<i>Зыкова Е. И.</i> (Санкт-Петербург) — Крылатые выражения как средство русской смеховой культуры (по материалам этимологических словарей)	3	49
<i>Локтева И. В.</i> (Челябинск) — Опыт паремиографического описания просторечной лексики	3	52
<i>Макарова А. С.</i> (Москва) — Отражение вариантных форм крылатых выражений — галлицизмов в национальном корпусе русского языка: трудности поиска	3	54
<i>Позднякова Е. И.</i> (Белгород) — От сборника к словарю: паремиографический фактор в когнитивно-прагматическом моделировании	3	56
<i>Селиверстова Е. И.</i> (Санкт-Петербург) — Национальная самобытность пословиц в свете данных многоязычных словарей	3	58
<i>Семененко Н. Н.</i> (Старый Оскол) — Отражение ключевых символов русского этноязыкового сознания в паремиографической практике	3	61
<i>Тулина Е. В.</i> (Магнитогорск) — Прецедентные феномены анекдотического пространства: лингвокультурологический и лексикографический аспекты	3	63
<i>Фокина М. А., Баскакова Н. Н.</i> (Кострома) — Отражение особенностей языка писателей-народников в современных лексикографических изданиях	3	66

Русский православный дискурс и его истоки как объект словарного описания

<i>Батулина А. В.</i> (Великий Новгород) — Лексикографическое представление религиозной лексики микрополя «Титулы и обращения» в современных толковых словарях	3	69
<i>Будейко В. Э.</i> (Челябинск) — Гносеологическая характеристика словаря русских алфавитных дериватов	3	71
<i>Деревскова Е. Н.</i> (Магнитогорск) — Метафорическая модель «душа — это субъект» в современном режиссёрском дискурсе (к идее создания словаря православной метафоры)	3	73
<i>Жигулина Д. В.</i> (Магнитогорск) — Наименования родственников по свойству в Древней Руси (по материалам исторических, этимологических и этнолингвистических словарей)	3	75
<i>Звездова Г. В., Руднев Е. Н.</i> (Липецк) — Отражение ментальности в слове. Целостность как основа русского мировосприятия (по материалам толковых словарей XIX в.)	3	77
<i>Иванова Е. В.</i> (Магнитогорск) — К истории формирования концепта «Странствие» (по материалам исторических словарей)	3	81
<i>Комшина П. М.</i> (Магнитогорск) — Ядерная зона вербализаторов концепта «Прѣстѣплѣни» в старославянских текстах X–XI вв. (опыт лексикографического описания)	3	84

Кузнецова И. В. (Чебоксары) — Русские устойчивые сравнения библейского происхождения как объект фразеологии.....	3	86
Миронова А. А. (Челябинск) — Церковно-приходские летописи второй половины XIX в. как объект словарного описания	3	89
Михин А. Н., Шулежкова С. Г. (Магнитогорск) — Сверхсловные наименования персонажей, упоминаемых в Остромировом евангелии, как объект описания в словаре	3	90
Панова А. А. (Ростов-на-Дону) — Действенность слова (Дневники митрополита Вениамина Федченкова как материал для исторического словаря 1-й половины XX в.)..	3	93
Покровская И. Л. (Киев) — Религиозная лексика в толковых словарях русского и турецкого языков	3	95
Чурилина Л. Н. (Магнитогорск) — Метафорическая модель с компонентом Дом в современном православном дискурсе : словарное описание.....	3	97

Лингвокультурные типы. Специфика русского языкового сознания

Анохина С. А. (Магнитогорск) — Чиновник в русской языковой картине мира по данным словарей.....	3	100
Безкорвайная Г. Т. (Москва) — Лингвокультурные типы «русский дворянин» и «английский джентльмен» (в лексикографических трудах и художественных текстах XIX в.).....	3	102
Васильева Т. И. (Магнитогорск) — Лингвокультурный тип правдоискателя в творчестве Л. И. Бородин (материалы к антологии русских лингвокультурных типов) ..	3	105
Деткова В. А. (Челябинск) — Образ мужчины в русских и английских пословицах семантической группы «Семейные отношения» как объект описания в двуязычном словаре.....	3	108
Дидковская В. Г. (Великий Новгород) — Лингвокультурный тип «Журналист» в словаре и массовой литературе	3	110
Зюлина О. В. (Магнитогорск) — Лингвокультурный тип «англичанин» в русской культуре (опыт идеографического описания)	3	112
Карабулатова И. С. (Казань) — Специфика русскоязычной языковой личности в условиях российско-казахстанского приграничья.....	3	115
Лаппо М. А. (Новосибирск) — Номинации писатель, поэт в автореферентном дискурсе среднелитературной и элитарной языковой личности (по материалам толковых словарей)	3	117
Пожидаева Е. В. (Магнитогорск) — Лексикографический дискурс как репрезентант лингвокультуры питания.....	3	119
Позднякова Н. В. (Магнитогорск) — Тип самозванца XVIII столетия по материалам следственного дела Ем. Пугачёва.....	3	122
Старостина Е. В. (Саратов) — Специфика языкового сознания россиян разного возраста (по материалам ассоциативных словарей)	3	124
Чернова О. Е. (Магнитогорск) — Проблема лексикографического описания идеологем российского консерватизма.....	3	126
Шевченко Н. М. (Бишкек) — Когнитивные типы сквозь лексикографическую призму ..	3	128

Исторические словари русского и других славянских языков как лингвокультурологический источник

Генералова Е. В. (Санкт-Петербург) — Отражение в исторических словарях элементов русской культуры через устойчивые сочетания XVI–XVII вв. модели «прилагательное + существительное»	3	131
---	---	-----

<i>Глинкина Л. А.</i> (Челябинск) — О лингвистической и культурологической содержательности словарей устаревших слов	3	134
<i>Дадабаева Р. М.</i> (Москва) — Журналы второй половины XVIII в. как один из источников изучения исторической лексикологии русского языка	3	136
<i>Клинкова И. С.</i> (Магнитогорск) — Архитектурная лексика в «Словаре русского языка XI–XVII вв.»	3	139
<i>Коваленко К. И.</i> (Санкт-Петербург) — Придоша пружи на руськую землю... (насекомое саранча в русской лексикографии XVI–XXI вв.)	3	141
<i>Костючук Л. Я.</i> (Псков) — Лексикографические дискуссии XX в. и достижения отечественной лексикографии и картографии (взгляд рубежа XX–XXI вв.)	3	144
<i>Лопутько О. П.</i> (Новосибирск) — Лексикографические принципы И. И. Срезневского в общеславянском филологическом контексте	3	146
<i>Любимова Л. М.</i> (Чита) — Исторические словари как этнолингвистический источник	3	149
<i>Соколова Е. Н.</i> (Тюмень) — Письменные тексты Киевской эпохи как лексикографические источники изучения славянской ойконимии	3	151
<i>Стародубцева А. Н.</i> (Тобольск) — Абстрактные имена существительные в деловой письменности второй половины XVIII в. в аспекте исторической лексикографии (на материале фондов губернского правления г. Тобольска)	3	153
<i>Терентьева О. Г.</i> (Куйбышев) — Словарь этимологических типов, гнезд, рядов как возможность новой систематизации лексики	3	155
<i>Чернякова М. В., Молокова А. А.</i> (Тобольск) — Астрономическая лексика и фразеология скорописного памятника «Запись астрономических явлений...» как объект культурно-лингвистического описания	3	158
<i>Шулежкова С. Г.</i> (Магнитогорск) — Остромирово Евангелие как лингвокультурологический источник и проблемы старославянской фразеологии	3	160

Элементы русской культуры, отражённые в региональных и субкультурных словарях

<i>Бекасова Е. Н.</i> (Оренбург) — Лексикографический потенциал прозвищ как этнокультурного феномена	3	164
<i>Белякова С. М.</i> (Тюмень) — От «Азяма» до «Ящика»: традиционная материальная культура в образном представлении (по материалам для словаря)	3	166
<i>Васильева Е. Н.</i> (Псков) — Субкультурный фон школьной и студенческой фразеологии (по данным словарей сленга)	3	168
<i>Воеводина Г. А.</i> (Елец) — Оценочные имена человека в современном русском языке ..	3	171
<i>Выхрыстюк М. С., Бакулина Е. А.</i> (Тобольск) — Эмоционально-оценочная лексика говоров Тоболо-Иртышья в аспекте современной лексикографии и фразеологии ..	3	173
<i>Данилевская А. С.</i> (Киев) — Диалектная фразеология русских говоров Приамурья как средство выражения региональной языковой картины мира	3	175
<i>Карпун М. А.</i> (Ростов-на-Дону) — Особенности отражения фитонимической лексики в «Этнолингвистическом словаре Донского казачества»	3	177
<i>Лиханова Н. А.</i> (Чита) — Диалектная фразеология в этнолингвистическом аспекте (на материале «Словаря русских говоров Забайкалья» Л. Е. Элиасова)	3	179
<i>Мочалова Т. И., Акимова Э. Н.</i> (Саранск) — Структурно-семантические типы фразеологизмов-компаративов во «Фразеологическом словаре русских говоров на территории Республики Мордовия»	3	181
<i>Никитина Т. Г.</i> (Псков) — Концептосфера молодёжной культуры в тематико-идеологическом словаре сленга	3	184
<i>Попов Р. В.</i> (Северодвинск) — Вопросы лексикографической фиксации жаргонов	3	186

<i>Русанова С. В.</i> (Новосибирск) — Глагол благовоить в региональном тексте промемории XVIII века и в словаре (на материале Забайкальской деловой письменности)	3	188
<i>Фельде О. В.</i> (Красноярск) — Ангарская лингвокультура в лексикографическом освещении	3	190
<i>Шляхова С. С., Вершинина М. Г.</i> (Пермь) — Восприятие устной речи диалектоносителями по данным диалектных словарей	3	192

Своеобразие русской национальной концептосферы. Русский язык как реципиент иноязычных слов

<i>Валеев Г. К.</i> (Челябинск) — Тюркская составляющая русской культуры в словарном составе языка.	3	195
<i>Гриднева Т. В.</i> (Волгоград) — Особенности фразеологической фиксации различных элементов фразеологического концепта	3	198
<i>Епимахова А. Ю.</i> (Челябинск) — Русская культура и русский язык в условиях глобализации (по фразеологическим данным)	3	200
<i>Козько Н. А.</i> (Магнитогорск) — Анализ концепта «Напитки» на материале лексикографических источников	3	201
<i>Костина Н. Н.</i> (Магнитогорск) — Русский язык как реципиент иноязычных аббревиатур	3	203
<i>Мухина И. К.</i> (Екатеринбург) — Соотношение базовых когнитивных признаков концептов сферы «Питание» (на материале словаря ключевых концептов русского языка)	3	205
<i>Петкау А. Ю.</i> (Екатеринбург) — Тезаурусная презентация концепта «Здоровье»	3	207
<i>Радзиховская В. К.</i> (Москва) — Функционально-семантическая категория взаимности как феномен русской культуры	3	210
<i>Табаченко Л. В.</i> (Ростов-на-Дону) — Лики судьбы в идиолекте А. П. Чехова: лексико-фразеологический аспект	3	213

Русская культура как объект описания в двуязычных и многоязычных словарях. Русизмы в языках европы

<i>Алексеева М. Л.</i> (Екатеринбург), <i>Павлова А. В.</i> (Майнц) — Отражение проблем русско-немецкого перевода в двуязычной лексикографии	3	216
<i>Воробьева Л. Б.</i> (Псков) — Возможности репрезентации устойчивых сравнений в русско-литовском словаре	3	219
<i>Георгиева С. И.</i> (Пловдив) — О специализированных русско-болгарских и болгарско-русских бизнес-словарях	3	221
<i>Зеркина Н. Н.</i> (Магнитогорск) — Мультикультурализм английской фразеологии. Русские лингвокультурологические заимствования	3	223
<i>Лазич-Коњик И., Милошевић Ј.</i> (Белград) — Руска култура у српском језику у светлу вербалних асоцијација	3	225
<i>Машкова С. Н.</i> (Костанай) — Обогащение русского языка казахскими фразеологическими образами в условиях казахско-русского двуязычия	3	228
<i>Михина О. В.</i> (Магнитогорск) — Межкультурные особенности выражения приветствия в русском и немецком языках, отражённые в нормативных словарях	3	230
<i>Петренко О. В., Атнагулов И. Р.</i> (Магнитогорск) — Влияние русской культуры на язык российских немцев, проживающих на территории Челябинской области (к проекту создания словаря-справочника «Немцы Южного Урала»)	3	232
<i>Ратушина Е. Р., Ратушина Е. И.</i> (Курган) — Фразеологизмы-антропониманты в русскоязычных и англо-русских фразеологических словарях	3	235

<i>Соловьёва Н. С.</i> (Магнитогорск) — Отражение гендерно значимой информации во фразеологических словарях русского и английского языков	3	238
<i>Финк Ж.</i> (Загреб) — Русизмы в хорватском языке: употребление и лексикографическая фиксация.....	3	240
<i>Шалгимбекова К. С., Штукина Е. Э.</i> (Костанай) — Словарь лингвокультурной грамотности жителей северного региона Казахстана: опыт составления.....	3	243
<i>Шляхова С. С., Шестакова О. В.</i> (Пермь) — Этническая картина мира по данным фоновсемантических словарей	3	245
<i>Шушарина И. А.</i> (Курган) — О работе над словарём польско-русских «ложных друзей переводчика»: отбор материала	3	247

*Устная спонтанная речь. Проблема словарного описания
«скреп», «дискурсивов» и других незначительных частей речи*

<i>Адамия З. К.</i> (Тбилиси) — Просторечие как компонент в лексике кодифицированного языка и его отражение в толковых словарях	3	250
<i>Богданова-Бегларян Н. В.</i> (Санкт-Петербург) — Дискурсивная единица типа (того что): функционирование в устной спонтанной речи и возможности лексикографического описания.....	3	252
<i>Вязовик Т. П.</i> (Санкт-Петербург) — Сочетания типа «вот что» в отечественной лексикографической практике	3	255
<i>Морозов Е. А.</i> (Магнитогорск) — Дискурсивные слова ведь и doch: опыт семантического анализа (на материале словарей современного русского и немецкого языков)	3	258
<i>Пермякова Т. Н.</i> (Новосибирск) — Принципы описания союзов и союзных скреп в отечественной лексикографии (на примере союзной скрепы коль скоро).....	3	260
<i>Соколова Е. П.</i> (Магнитогорск) — Переходные явления в системе неполнозначных частей речи русского языка: лексикографический аспект	3	263
<i>Суровцева С. И.</i> (Челябинск) — К вопросу о принципах лексикографирования (на материале предлогов)	3	265
<i>Харченко В. К.</i> (Белгород) — Акустическая русская культура как объект лексикографирования	3	267
<i>Шиганова Г. А.</i> (Челябинск) — Основные принципы создания семантико-грамматического словаря фразеологических предлогов.....	3	269

*Электронные ресурсы и электронные словари как источники
изучения русской культуры*

<i>Акимова Э. Н., Акимов В. Л., Маслова А. Ю., Мочалова Т. И.</i> (Саранск) — Электронный словарь диалектных фразеологизмов как источник изучения картины мира в русских говорах Мордовии.....	3	272
<i>Баранов В. А.</i> (Ижевск) — Организация поиска и демонстрации коллокаций в корпусе «Манускрипт»	3	275
<i>Выхрыстюк А. Д.</i> (Тобольск) — Национальные и интернациональные аспекты формирования современной русской компьютерной терминологии	3	277
<i>Галиуллин К. Р., Каримуллина Г. Н., Каримуллина Р. Н., Мартыанов Д. А.</i> (Казань) — Сверхсловные единицы в русской лингвографии первой половины XIX в.	3	279
<i>Дударева Я. А.</i> (Кемерово) — «Нейминговый словарь русского языка»: теоретические и практические опыты разработки.....	3	282
<i>Лунцова О. М., Швыдкая Л. И.</i> (Магнитогорск) — К вопросу лексикографического описания интернет-мемов.....	3	284
<i>Михальская О. В.</i> (Киев) — Феномен визуальности в контексте печатного дискурса ..	3	286

Тарса Я. (Ополе) — Интернетовские словари жаргона как источник информации для лексикографа	3	288
Фесенко О. П. (Омск) — Об идее создания компьютерного дискурсивного динамического словаря фразеологизмов дружеских писем пушкинской поры	3	290
Шумарина М. Р. (Балашов) — Народная лексикография — феномен современной российской лингвокультуры	3	291

*Кодифицирующая роль словарей и их место в системе
российского образования*

Андрюшина Н. П. (Москва) — Лексикография в аспекте описания уровней владения русским языком как иностранным	3	294
Дорфман О. В. (Магнитогорск) — Формирование лингвопоэтического словаря школьника на уроках русского языка	3	296
Жукова А. Г. (Москва), Мандрикова Г. М. (Новосибирск) — Лексема зло в словаре и в языке: динамика семантической структуры	3	298
Кротова А. Г. (Новосибирск) — Словарь лексических трудностей русского языка: теоретические основы технологии лексикографического описания	3	300
Максимчук Н. А. (Смоленск) — Учебный ономастический словарь в аспекте межкультурной коммуникации	3	303
Николаева Е. К. (Санкт-Петербург) — Пословицы в «Букваре для обучения юношества чтению по-русски и по-польски» (1796 г.)	3	305
Песина С. А., Латушкина О. Л. (Магнитогорск) — Лексический инвариант как способ организации словарной статьи	3	308
Пономарёва Л. Д. (Магнитогорск) — Лексикографическое моделирование художественной речетворческой деятельности учащихся	3	310
Рогалёва Е. И. (Псков) — Культурологический потенциал фразеологизма в учебной лексикографической интерпретации	3	313
Сдобнова А. П. (Саратов) — Ассоциативный словарь школьников как лексикографический источник исследования русской культуры	3	315
Фокина О. В. (Москва) — Использование словаря коммуникативно значимых цитат при обучении русскому языку как иностранному	3	317
Шильная Н. Н. (Новосибирск) — Лексема и текст (к вопросу о деривационной корреляции)	3	320

Русская культура в словаре писателя

Бедрикова М. Л. (Магнитогорск) — Концепт «Родная земля» в прозе В. Распутина последней трети XX–XXI вв. как материал для антологии художественных концептов	3	323
Васильев Н. Л. (Саранск) — Опыт сравнения поэтических лексиконов Н. М. Языкова и А. И. Полежаева	3	325
Гаева Е. В. (Курган) — О словаре редких слов по художественным произведениям П. Д. Боборыкина, Н. С. Лескова, Б. М. Маркевича	3	327
Гладких Ю. Г. (Пермь), Осипова А. А. (Магнитогорск) — Взаимосвязь концептов «Жизнь», «Смерть» и «Время» в художественной картине мира В. П. Астафьева (к проблеме отбора материала для словаря ключевых концептов писателя)	3	330
Кудрина Н. В. (Курган) — Фразеология поэтических текстов А. Ахматовой как объект фразеографии	3	333
Ломакина О. В. (Москва) — Историко-этимологическая справка в авторском словаре ..	3	335
Мокиенко В. М. (Санкт-Петербург) — Русская народная культура в словаре писателя (из опыта составления словаря крылатых выражений И. А. Крылова)	3	338
Осадчая М. Н. (Старый Оскол) — Индивидуально-авторский дискурс О. Мандельштама в фокусе современной фразеографии	3	341

<i>Парфёнова С. А.</i> (Куйбышев) — Словарь фразеопотреблений писателя (на материале творчества В. М. Шукшина).....	3	344
<i>Прокофьева А. В.</i> (Магнитогорск) — К истории фиксации крылатых выражений В. Высоцкого в современных словарях.....	3	346
<i>Рожкова Т. И.</i> (Магнитогорск) — Принципы поэтической речи А. П. Сумарокова (размышления над материалами к «Словарю русского языка XVIII в.»).....	3	349
<i>Севастьянова В. С.</i> (Магнитогорск) — Текст Ницше в словаре Андрея Белого.....	3	352
<i>Сидоренко К. П.</i> (Санкт-Петербург) — Басни И. А. Крылова как объект интертекстовой лексикографии.....	3	354
<i>Суровцева Е. В.</i> (Москва) — Создание конкорданса переписки М. Горького с советскими вождями: постановка проблемы.....	3	356
<i>Халитова Н. Р.</i> (Магнитогорск) — К проблеме создания словаря языка В. Т. Шаламова.....	3	357
<i>Цуркан В. В.</i> (Магнитогорск) — Концепт «Круг» в прозе А. Битова (материалы для антологии концептов литературы второй половины XX в.).....	3	359

Проблемы современной русской фразеологии

<i>Зиновьева Е. И., Алёшин А. С.</i> (Санкт-Петербург) — Лексикографические средства представления внутренней формы и динамики значения фразеологизма (на примере выражения хлопнуть дверью).....	3	362
<i>Кабыш В. И.</i> (Курган) — Каузативы как объект фразеологического описания.....	3	364
<i>Лаптева М. Л.</i> (Астрахань) — Особенности словарного описания инокультурных фразеологических единиц.....	3	365
<i>Радченко Е. В.</i> (Челябинск) — Динамизм в сфере значения фразеологизмов с грамматически главным компонентом-соматизмом.....	3	367
<i>Соколова А. А.</i> (Тюмень) — Отражение фразеологизмов военной тематики в словарях.....	3	368
<i>Туркина Б. В., Туркин О. М.</i> (Курган) — Процессуальные фразеологизмы с компонентом голова как объект фразеологического описания.....	3	370
<i>Усачёва Н. Б.</i> (Курган) — Словарное описание фразеологических связей, выражающих эмоциональную оценку действия.....	3	372
<i>Фёдорова К. Л.</i> (Курган) — Фразеологизмы с компонентами-метеонимами свет во фразеологических словарях.....	3	373
<i>Хайдарова В. Ф.</i> (Магнитогорск) — Серийные явления во фразеологии и проблема их словарного описания.....	3	375
<i>Чепуренко А. А.</i> (Челябинск) — Словарь обстоятельственных единиц русского языка.....	3	377
<i>Шведова Н. В.</i> (Курган) — Словарная трактовка фразеологизма категории состояния всё равно.....	3	379

Лингвистика и правовая культура. Слово лексикографа как аргумент в лингвистической экспертизе

<i>Гневэк О. В.</i> (Магнитогорск) — К проблеме лингвистической диагностики инвективы.....	3	381
<i>Макаров В. И.</i> (Великий Новгород) — Словарная статья в юрислингвистическом фразеологическом словаре.....	3	384
<i>Саляев В. А.</i> (Орёл) — «Неприличная форма выражения» как проблема лексикографии и лингвоэкспертологии.....	3	386
<i>Чернышова Т. В.</i> (Барнаул) — Филологические аспекты русской правовой культуры (на материале речевого акта оскорбления).....	3	389
<i>Шибяев М. В.</i> (Красноярск) — Использование лексикографических источников при проведении судебной лингвистической экспертизы.....	3	391

КУЛЬТУРА

ЭТНОЛОГИЯ

<i>Атнагулов И. Р.</i> (Магнитогорск) — Животноводческое хозяйство нагайбаков во второй половине XIX – начале XX в.	2	318
<i>Атнагулов И. Р.</i> (Магнитогорск) — Земледельческое хозяйство нагайбаков во второй половине XIX - начале XX вв.	1	358
<i>Атнагулов И. Р.</i> (Магнитогорск) — К вопросу об этногенезе и периодизации этнической истории нагайбаков	2	309
<i>Благородова Е. А.</i> (Ростов-на-Дону) — Покорение политики культурой: к проблеме кризиса национальной идентичности России.	4	331
<i>Борисова М. В.</i> (Новосибирск) — Теория и практики интеркультурализма в современном мире	2	367
<i>Ефимов В. С., Лаптева А. В.</i> (Новосибирск) — Проблемы воспроизводства этнической идентичности народа саха (по материалам этно-социологического исследования в Республике Саха-Якутия)	2	333
<i>Идиатуллин А. К.</i> (Ульяновск) — «Исламизированное» шаманство карачаевцев (анализ интервью карачаевской интеллигенции)	1	337
<i>Медведев В. В.</i> (Магнитогорск) — Лачуга у чувашей: традиции и новации	1	345
<i>Медведев В. В.</i> (Магнитогорск) — Мост в традиционной жизни чувашей.	2	300
<i>Октябрьская И. В., Антропов Е. В.</i> (Новосибирск) — Современные этно-социальные процессы в развитии Новосибирска и Новосибирской области в контексте миграции	2	349
<i>Салихов А. Г.</i> (Уфа) — Знания о звездах в традиционной культуре башкир	4	336
<i>Ярзуткина А. А.</i> (Анадырь) — Торговцы-лавочники из числа коренных жителей Чукотки в конце XIX — начале XX вв.: микроисторические реконструкции	2	324

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

<i>Безгубова А. А.</i> (Санкт-Петербург) — Отечественные издания «живописных путешествий» кон. XVIII — пер. пол. XIX вв. как пример эстетики «pittoresque»	4	344
<i>Ахмадуллин М. Л.</i> (Уфа) — Типографика унвана	4	355

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Атнагулов И. Р.</i> (Магнитогорск) — Региональная научно-практическая конференция «Этнические процессы на Южном Урале» (Магнитогорск, 30 апреля 2014 г.)	2	379
<i>Шулежкова С. Г.</i> (Магнитогорск) — К 200- летию со дня рождения великого украинского поэта Т. Г. Шевченко	1	371

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

<i>Зиливинская Э. Д., Смирнов А. С.</i> (Москва) — Первые раскопки в селении Селитренном Астраханской губернии	2	203
--	---	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Шулежкова С. Г.</i> (Магнитогорск) — В. Т. Бондаренко. Ответные реплики в русской диалогической речи: словарь. Тула, 2013. 339 с.	2	375
---	---	-----

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА, СРЕДНИХ ВЕКОВ И АРХЕОЛОГИЯ

ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ И РИМ

<i>Поникаровская М. В.</i> (Санкт-Петербург) — Внешняя политика Афин в первой половине V в. до н.э. в отражении трагедий Эсхила	3
<i>Клейменов А. А.</i> (Тула) — Кампания 356 г. до н.э. как образец полководческого искусства Филиппа II	11
<i>Караваев А. Г.</i> (Москва) — Генеалогия и просопография старшей линии фамилии Клавдиев Неронов	18

ВОСТОК В ДРЕНОСТИ И СРЕДНИЕ ВЕКА

<i>Горохов А. А.</i> (Тобольск) — Проблема формирования государства в древнем Израиле (вторая половина XI — первая половина X вв. до н.э.) в отечественной и зарубежной историографии	27
<i>Соловьёв В. С.</i> (Елецк) — Керамика конца VIII–IX вв. из Северного Тохаристана	41
<i>Рышковская А. Ю., Болгов Н. Н.</i> (Белгород) — К истории женского монашества на ранневизантийском Востоке (Египет) —	53

ПЛЕМЕННОЙ МИР

<i>Канторович А. Р.</i> (Москва) — Эволюция и хронология сюжета свернувшегося в кольцо хищника в восточноевропейском скифском зверином стиле	66
--	----

МЕЗОАМЕРИКА

<i>Новосёлова Е. В.</i> (Москва) — Инкские династические мифы в изложении Бернабе Кобо	100
<i>Галеев Ф. С.</i> (Москва) — Анализ комплекса надписей «Здания Начальной Серии», Шкалумкин (Юкатан, Мексика)	108

ИСТОРИЯ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

<i>В. С. Черняев</i> (Киев) — Роль и место военно-морской программы 1916 г. во внешней политике США	122
---	-----

ИСТОРИЯ РОССИИ

<i>Корзинин А. Л.</i> (Санкт-Петербург) — «Яз грамот не прочитаю, потому что яз грамот не умею» — к биографии опричника Романа Васильева сына Алферьева	134
<i>Храпунов Н. И.</i> (Симферополь) — Бахчисарай Эдварда-Даньела Кларка: Восток, Россия и Крым	141
<i>Белоус П. В.</i> (Сургут) — Отношение духовенства Русской православной церкви к Первой мировой войне (по материалам Тобольской епархии)	154

<i>Потемкина М. Н., Кузнецова И. В.</i> (Магнитогорск) — Паспортизации городского населения СССР в 1930-х гг.	167
<i>Макарова Н. Н., Чернова Н. В.</i> (Магнитогорск) — Советские граждане VS иностранные специалисты: социально-бытовые условия в новом индустриальном центре (по материалам Магнитогорска 1930-х гг.)	174
<i>Гехт А. Б.</i> (Санкт-Петербург) — Шведский добровольческий корпус в Советско-финляндской войне 1939–1940 гг.	183
<i>Шорохова И. В.</i> (Петрозаводск) — Проблема сохранения национального театрального искусства Карелии в 1950-е — первой половине 1960-х гг.	195
<i>Дорожкин А. Г.</i> (Магнитогорск) — Начало генезиса китайско-вьетнамского конфликта 1979 г. и советская периодика	202

ФИЛОЛОГИЯ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Епифанова Е. А.</i> (Курган) — Структура житийных предисловий в византийской агиографической традиции	214
<i>Абрамзон Т. Е.</i> (Магнитогорск) — «Пиитическая игрушка» (1829) Н. М.: обнажение классицистических приемов	219
<i>Кирпичникова А. А.</i> (Казань) — Феномен предклассицистического синкретизма в интерпретации авторов журналов «Русская литература» и «Филологические науки»	227
<i>Сенькина Н. Л.</i> (Москва) — Купеческая тема в «Повести о некоем купце лихоимце»	234
<i>Пачаи И.</i> (Ныредьхаза) — Роль наследия А. А. Потебни и Н. С. Трубецкого в исследовании восточных элементов «русской культурной зоны»	238
<i>Мудунова Г. А.</i> (Махачкала) — Фольклорные мотивы в творчестве Абакара Мудунова	253
<i>Чалаева П. Ш.</i> (Махачкала) — Абдулла Омаров и его роль в развитии лакско-русских языковых контактов	257
<i>Ишегулова А. М.</i> (Уфа) — Фразеологизмы с компонентом «Аллах», «Тенгри», «Худай» в художественных текстах Яныбая Хамматова	261
<i>Юлдыбаева Г. В.</i> (Уфа) — Башкирский мифологический эпос «Урал-батыр»: история изучения и популяризация	265
<i>Цимбалова Ю. А.</i> (Тюмень) — Оппозиция «свой — чужой» в цикле рассказов Айпина Е. Д. «Время дождей»	273
<i>Суровцева Е. В.</i> (Москва) — А. И. Солженицын и А. Д. Сахаров: дискуссия вокруг «Письма вождям Советского Союза»	278
<i>Степанова Ю. В.</i> (Тюмень) — О некоторых способах языковой реализации функционально-семантического поля концепта «Автор» в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»	282

ЛИНГВИСТИКА

<i>Саенко М. Н.</i> (Ростов-на-Дону) — Повторные инновации в списке Сводеша	290
<i>Гремицкая М. В.</i> (Киров) — Номинативное поле модусного концепта «предположение» в немецкой языковой картине мира	297
<i>Зеркина Н. Н., Костина Н. Н.</i> (Магнитогорск) — Методы изучения семантики языковых единиц вторичной номинации английского языка	301

CONTENTS

383

<i>Островская Т. А.</i> (Майкоп) — Афоризмы как фольклор интеллектуальной элиты в русской и американской языковых картинах мира (на примере концепта «отношение к труду»).....	306
<i>Песина С. А., Юрченко А. В.</i> (Магнитогорск) — Языковая картина мира и обыденное мышление.....	311
<i>Ломтева Т. Н., Пахаренко С. В.</i> (Ставрополь) — Структурно-содержательные аспекты языкового контакта как лингвокультурного феномена	316
<i>Серээдар Н. Ч.</i> (Кызыл) — Парадигматическое варьирование моделей бытийных предложений тувинского языка	322

КУЛЬТУРА

ЭТНОЛОГИЯ

<i>Благородова Е. А.</i> (Ростов-на-Дону) — Покорение политики культурой: к проблеме кризиса национальной идентичности России	331
<i>Салихов А. Г.</i> (Уфа) — Знания о звездах в традиционной культуре башкир	336

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

<i>Безгубова А. А.</i> (Санкт-Петербург) — Отечественные издания «живописных путешествий» кон. XVIII — пер. пол. XIX вв. как пример эстетики «pittoresque».....	344
<i>Ахмадуллин М. Л.</i> (Уфа) — Типографика унвана	355
Указатель материалов, опубликованных в ПИФК в 2014 году	367

CONTENTS

HISTORY

ANCIENT HISTORY, THE MIDDLE AGES, ARCHAEOLOGY ANCIENT GREECE AND ROME

<i>M. V. Ponikarovskaya</i> (St. Petersburg) — The Foreign Policy of Athens in the First Half of the 5 th Century BC in the Light of the Tragedies of Aeschylus	3
<i>A. A. Kleymenov</i> (Tula) — The Campaign of the 356 BC as an example of Phillip II Generalship.....	11
<i>G. Karavaev</i> (Moscow) — Genealogy and prosopography of the senior line of Claudius Nero.....	18

ANCIENT AND MEDIEVAL ORIENT

<i>A. A. Gorokhov</i> (Tobolsk) — The problem of state formation in ancient Israel (the second half of the 11 th — the first half of the 10 th century BC) in Russian and foreign historiography.....	27
<i>V. S. Solovyev</i> (Elets) — Ceramics of the late 8 th — 9 th century AD from Northern Tokharistan	41
<i>A. Yu. Ryshkovskaya, N. N. Bolgov</i> (Belgorod) — The History of Women's Monasticism in the Early Byzantine East (Egypt)	53

PREHISTORY

- A. R. Kantorovich* (Moscow) — The Evolution and Chronology of the Motif of curled Beast in the Eastern-European Scythian Animal Style 66

MESOAMERICA

- E. V. Novoselova* (Moscow) — Bernabe Cobo's account of Inca Dynastic Myths 100
F. S. Galeev (Moscow) — The Analysis of the complex of hieroglyphic inscriptions of "The Initial Series Building", Shcalumkin (Yucatan, Mexico) 108

MODERN HISTORY

- V. S. Chernyaev* (Kiev) — The Role and Place of the Naval Act of 1916 in U. S. Foreign Policy 122

RUSSIAN HISTORY

- A. L. Korzinin* (St. Petersburg) — "I Don't read the Letters because I am illiterate" (The Biography of the Oprichnik Roman Vasilyev son Alferyev) 134
N. I. Khrapunov (Simferopol) — Edward Daniel Clark's Bakhchisaray: the East, Russia and the Crimea 141
P. V. Belous (Surgut) — The attitude of Russian Orthodox Church's clergy to the First World War (based on materials of Tobolsk diocese) 154
M. N. Potemkina, I. V. Kuznetsova (Magnitogorsk) — Passport System of the Urban Population of the USSR in the 1930s 167
N. N. Makarova, N. V. Chernova (Magnitogorsk) — Soviet citizens VS Foreign Experts: Social and living conditions in the new industrial center (based on reports of Magnitogorsk 1930s) 174
A. B. Gekht (St. Petersburg) — The Swedish Volunteer Corps in a Soviet-Finnish War of 1939–1940 as an Example of Sweden-Finland close Relations 183
V. Shorohova (Petrozavodsk) — The Problem of Preserving National Theatrical Art of Karelia in 1950s — The First Half of 1960s 195
A. G. Dorozhkin (Magnitogorsk) — The Beginning of the Genesis of the Sino-Vietnamese Conflict in 1979 and the Soviet Periodicals 202

PHILOLOGY

LITERARY CRITICISM

- E. A. Yepifanova* (Kurgan) — Structure of the hagiographical introductions in the Byzantine Tradition 214
T. E. Abramzon (Magnitogorsk) — "Piiticheskaya Igrushka" (1829) by N. M.: The Detection of Classic Techniques 219
A. A. Kirpichnikova (Kazan) — Phenomenon of the Pre-classic Syncretism in the Interpretations of the Authors of Magazines «Russian Literature» and «Philological Sciences» 227
N. L. Senkina (Moscow) — Merchant's Theme in «A Tale of a Certain Covetous Merchant» 234

<i>I. Pachai</i> (Nyíregyháza) — The Role of A. A. Potebni and N. S. Trubetzkoy's Heritage in the Research of Oriental Elements of «Russian Cultural Zone»	238
<i>G. A. Mudunova</i> (Makhachkala) — Folklore motives in the works of Abakar Mudunov	253
<i>P. Sh. Chalaeva</i> (Makhachkala) — Abdullah Omarov and his role in the development of lak-russian language contacts.....	257
<i>A. M. Ishegulova</i> (Ufa) — The Idiom Component «Allah», «Tengri», «Khudai» in the literary Texts by Yanybay Khammatov	261
<i>G. V. Yuldybaeva</i> (Ufa) — Bashkir Mythological Epic “Ural-batyr” (History of the Research and Popularization).....	265
<i>Y. A. Tsimbalova</i> (Tyumen) — «The Opposition «Native» — «Foreign» in the Structure of Cycle Stories of E. D. Aipin «The Time of Rain»	273
<i>E. V. Surovtseva</i> (Moscow) — A. I. Solzhenitsyn and A. D. Sakharov: A Discussion Around «The Letter to the Leaders of the Soviet Union»	278

LINGUISTICS

<i>J. V. Stepanova</i> (Tyumen) — «Some Methods of Language Implementation of the functional-semantic Field of the Concept «Author» in the Novel m. A. Bulgakov «The Master and Margarita»	282
<i>M. N. Sayenko</i> (Rostov-on-Don) — Repeated Innovations in the Swadesh List.....	290
<i>M. V. Gremitskaya</i> (Kirov) — The Nominative Field of the Modus Concept «Supposition» in the German Linguistic View of the World	297
<i>N. N. Kostina, N. N. Zerkina</i> (Magnitogorsk) — Methods of Studying Semantics of the Second Nomination Language Units in the English Language.....	301
<i>T. A. Ostrovskay</i> (Maykop) — Aphorisms as folklore of the intellectual elite in Russian and American linguistic worldview (evidence from the concept “attitude to work”).....	306
<i>S. A. Pesina, A. V. Yurchenko</i> (Magnitogorsk) — Linguistic View of the World and Everyday Thinking	311
<i>T. N. Lomteva, S. V. Pakhareno</i> (Stavropol) — The Structural and Content Aspects of Language Contact Phenomenon as Lingvocultural.....	316
<i>N. Ch. Sereedar</i> (Kyzyl) — Paradigmatic Variation of Existential Sentence Models in the Tuvian Language	322

CULTURE

ETHNOLOGY

<i>E. A. Blagorodova</i> (Rostov-on-Don) — The Conquest of the Policy Culture: The Problem of the Crisis of National Identity of Russia.....	331
<i>G. Salikhov</i> (Ufa) — Knowledge of Stars in the Traditional Bashkir Culture	336

ART CRITICISM

<i>A. A. Bezgubova</i> (St. Petersburg) — Domestic Editions of «Picturesque Travels» published during the End of the 18th century to the 1st half of the 19th, as Examples of the Aesthetic of «Pittoresque»	344
<i>M. L. Akhmadullin</i> (Ufa) — Honwan Typography.....	355
Index of PIFK 1–4 2014	367

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Проблемы истории, филологии, культуры» обращается к авторам с просьбой присылать статьи, оформленные по правилам:

Статьи представляются в 1 экземпляре в электронной форме на CD или другом носителе (присылаются на e-mail: history@masu.ru; текст должен быть напечатан в формате WORD 2003 (doc.), иллюстрации в одном из распространенных форматов (jpg, tiff). Тексты на греческом языке рекомендуется набирать в формате Unicode.

Объем статей не должен превышать 1 авт. л., рецензии – 1 авт.л.

К статье необходимо прилагать краткое резюме на русском и английском языках (один абзац и список ключевых слов (не более восьми)), а также почтовый и электронные адреса авторов, место работы и должность.

Ссылки даются в подстрочных примечаниях (в конце каждой страницы) со сквозной нумерацией по следующей системе: фамилия автора и год публикации без запятой, номер страницы, прим. (n., Ann., ect.), рис. (fig., Abb., ect.) или табл. (pl., Taf., ect.).

Например: Иванов 1972a, 536, рис.2; 1972b, 56-59; Salvatori 1995, 67-68 fig.1.

Если в книге или статье не указан автор, обязательно указывается редактор или составитель.

Для литературных произведений, цитируемых в тексте статьи, даются ссылки в подстрочных примечаниях.

Ссылки на газеты:

Правда 21.05.1933.

Полевой материал автора:

ПМА 2010, РБ, Бакалинский р-н, д. Юльtimiровка, с. Ахманово.

Литература

Литература перечисляется в конце статьи в алфавитном порядке по следующей форме:

Для книг:

Галанина Л.К. 1997: Келермесские курганы (Степные народы Евразии, I). М.

Alexander C. 1928: The Metropolitan Museum of Art Jewelry. The Art of the Goldsmith in Classical Times. L.; New York.

Для литературных произведений:

Толстой Л.Н. 1980-1982: Полное собрание сочинений. М.

Пушкин А.С. 1960-1968: Собр.соч.: в 10 т. М.

Пушкин А.С. 1978: Избранное: в 3 т. М.

Для журнальных статей (обязательно указывается первая и последняя страницы статьи):

Ростовцев М.И. 1917: Надпись на золотом сосуде из с. Мигулинской // ИАК. 63, 106-108.

Аннинский А.П. 2008: Беседа о странностях истории // Родина. 2, 18-26.

Salvatori S. 2000: Bactria and Margiana seals: a new assessment of their chronological position and a typological survey // East and West. 50, 97 – 145.

Для книг/статей без авторов:

Сайко Э.В. (ред.) 2001: Город в процессах исторических переходов, теоретические аспекты и социокультурные характеристики. М.

Волина С.Л., Ромаскевич А.А., Якобовский А.Я. (ред.) 1938: Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I. Арабские и персидские источники. М.; Л.

Для статей/ глав в книгах и сборниках (обязательно указываются фамилия и инициалы редактора/ов книги или сборника, а также первая и последняя страница статьи).

Грантовский Э.А. 1981: О некоторых материалах по общественному строю скифов. «Родственники» и «друзья» // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье / Б.А. Литвинский (ред.). М., 59-79.

Salvatori S. 1998: Margiana archaeological map: the Bronze age settlement pattern // The Archaeological Map of the Murghab Delta. Preliminary Reports 1990–95 / A. Gubaev, G. Koshelenko, M. Tosi (eds.). Rome, 57-65.

Для архивных документов:

ОР РНБ. Ф. 316. Д. 161. Л.1.

РО ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. №. 196. Л. 18-19 об.

Для электронных документов:

Городецкий С. 2011: Письма с фронта. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.simonov.co.uk/biography.htm>.

Brooke R. 2010: His actual reaction to war. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.warpoetry.co.uk/brooke2.html>.

Сокращения

К статье должен прилагаться отдельный список сокращений в алфавитном порядке.

АО — Археологические открытия. М.

IGBR — Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae / G. Mihailov (ed). Sofia, 1956.

Статьи, оформленные не по правилам, к рассмотрению не принимаются. Решение о публикации принимается редколлегией на основе рецензирования рукописей; о принятом решении сообщается авторам. Присланные в редакцию материалы не возвращаются.

Проблемы истории, филологии, культуры. № 4. 2014

Сдано в набор 05.11.2014. Подписано в печать ???.?.2014.
Формат 70x100¹/₁₆. Печать офсетная. Усл. печ. л. 34,8. Уч.-изд. л. 33,9.
Бумага тип. №2. Тираж 440 экз. Заказ № .
Журнал распространяется бесплатно.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-58784 от 28 июля 2014 г.
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Учредитель: Абрамзон М.Г.

Соучредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования «Магнитогорский
государственный технический университет им. Г.И. Носова»

Редакция: 455038, г. Магнитогорск, пр. Ленина, 114, каб. 514.
Издательство: ЗАО МДП, 455023, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69.
Типография: ЗАО МДП, 455023, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69.